

А.Я.АВРЕХ

СТОЛЫПИН И ТРЕТЬЯ ДУМА

1 сентября 1911 г. агентом охраны был смертельно ранен глава правительства и министр внутренних дел России П. А. Столыпин. Но политически он был мертв уже до этого. Большие надежды, которые возложила на него помещичье-буржуазная контрреволюция как на «нового человека», российского Бисмарка, способного навсегда покончить с революцией, очень скоро сменились глубоким разочарованием: «сильная личность» на поверку оказалась политическим неудачником. Политика Столыпина, основанная на аграрном и думском бонапартизме, провалилась. В стране начался новый революционный подъем, приведший к революции. Она уничтожила строй, веками казавшийся несокрушимым.

Ответу на вопрос, в чем причина неудачи третьестольского курса и посвящена настоящая книга. В связи с этим в ней исследуются политика царизма и Государственной думы, внутридумская борьба, кризис «верхов», тактика правых, октябристов, кадетов в Думе и за ее пределами, «министерский» и «парламентский» кризисы в марте 1911 г., убийство Столыпина.

Автором изучен большой круг архивных и опубликованных источников: журналы Совета министров, стенографические отчеты Думы и Государственного совета, документы Департамента полиции, мемуары политических деятелей, протоколы кадетских конференций, периодическая печать, записки промышленников, речи «зубров» Совета объединенного дворянства, материалы Особых совещаний и др.

**СТОЛЫПИН
И
ТРЕТЬЯ
ДУМА**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И

А. Я. АВРЕХ

**СТОЛЫПИН
И
ТРЕТЬЯ ДУМА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1968

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук

П. В. ВОЛОБУЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению третьеиюньской системы в 1910—1912 гг., т. е. второму периоду существования III Государственной думы. Ему предшествует ряд работ автора, анализирующих деятельность III Думы за 1907—1909 гг.¹, в том числе и основной вопрос тогдашней действительности — аграрный. Поэтому в книге он не затрагивается, а интересующегося читателя мы отсылаем к специальной публикации².

Такая периодизация не произвольна. Материалы показывают, что 1910 год был переломным в истории Думы. Перелом был обусловлен как новым революционным подъемом в стране, так и внутренним развитием самой третьеиюньской системы.

В свою очередь вся десятилетняя история третьеиюньской системы в целом также делится на два равных пятилетних периода. Исходной вехой первого периода является государственный переворот 3 июня 1907 г., положивший начало этой системе. Замыкающей границей служит Ленский расстрел в апреле 1912 г. Этот отрезок времени почти полностью охватывает срок деятельности III Думы. Второй период заканчивается вместе с существованием романовской династии. «Парламентским» выражением второго периода была деятельность следующей и последней в истории России IV Думы.

Ответ на вопрос, чем обусловлен выбор указанной темы и хронологические рамки исследования, требует характеристики изучаемой проблемы. Автор — отнюдь не сторонник ставшего

¹ А. Я. Аврех. Третьеиюньская монархия и образование третьедумского помещичье-буржуазного блока.— «Вестник Московского университета». Историко-филологическая серия, 1956, № 1; он же. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908—1909).— «Исторические записки», т. 53; он же. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе.— «Вопросы истории», 1956, № 11 и др.

² А. Я. Аврех. Аграрный вопрос в III Думе.— «Исторические записки», т. 62,

весьма распространенным в нашей исторической литературе взгляда, согласно которому ссылка на неизученность вопроса является вполне достаточным мандатом для пропуска в науку избранной исследователем темы, какой бы эта тема ни была. Для историка-профессионала стало обычным и привычным делом обнаруживать на первых страницах многих работ ссылки такого рода, избавляющие, по мысли их авторов, от всякой необходимости какого-либо другого дополнительного обоснования. Между тем естественной представляется мысль, что не всякая тема нужна науке, что неизученность тех или иных вопросов может объясняться тем, что наука просто не нуждается в их изучении. Аргумент о «неизученности» создает возможность для появления искусственно придуманных и малозначительных работ. Оставим поэтому его в стороне и обратимся к характеру темы.

Рассматриваемый период принадлежит к числу критических в отечественной истории. Он должен был окончательно решить вопрос: за кем останется победа — за революцией или контрреволюцией? Это был в полном смысле слова период великой, совершенно реальной дилеммы: народ ли в конечном итоге восторжествует над прогнившим антинародным режимом или этот режим, применив новые средства, волеет в себя свежие силы, оздоровит себя, приспособится к новым условиям и навяжет свою власть стране еще на ряд десятилетий.

Характеризуя значение новой аграрной политики царизма, выраженной в знаменитом указе 9 ноября 1906 г. и выдвинутой как главное оружие в борьбе с революцией, В. И. Ленин писал: «В истории бывали примеры *успеха* подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики „невозможен“. Возможно!»³ В другом месте он выразился еще более решительно: «Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьбы буржуазной революции в России, — не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций, — зависят *больше всего* от успеха или неуспеха этой политики»⁴.

Победа столыпинского аграрного пути в политическом плане означала бы снятие с повестки дня вопроса о демократической революции в России как революции аграрной, крестьянской в первую очередь. «Буржуазные революции, — писал по этому поводу В. И. Ленин, полемизируя с Плехановым и Даном, — возможны, даже неизбежны, в России и на почве столыпински-ка-

³ В. И. Ленин. Полн. собр., соч., т. 17, стр. 31.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 423.

детского аграрного пути. Но в *таких* революциях, как и в французских революциях 1830 и 1848 годов, нельзя будет и говорить о „полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса“. Или вернее: в таких революциях только мешанские *quasi*-социалисты будут еще болтать о „решении“ (особенно „радикальном“) решенного уже для капиталистически-сложившейся страны аграрного вопроса»⁵. Таким образом, победа столыпинского пути повлекла бы за собой новую расстановку классовых сил, которая оказала бы самое серьезное влияние на судьбы и перспективы не только буржуазно-демократической, но и социалистической революции в России.

В чем же состояла реальная угроза со стороны контрреволюционных и реакционных сил в третьейеюньский период? В попытке царизма в союзе с верхами буржуазии решить объективные задачи буржуазной революции сверху, «бисмарковским» контрреволюционным путем, обеспечить капиталистический прогресс страны по «прусскому» образцу. Краеугольным камнем, основой этого нового курса была столыпинская аграрная политика. Уничтожением общинного землевладения царизм рассчитывал снять или максимально ослабить основное противоречие русской действительности, которое В. И. Ленин выразил словами: «самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм»⁶. Но, кроме того, самодержавие намеревалось решить задачи буржуазной революции и в политической области, осуществив такой минимум либерально-буржуазных реформ, который позволил бы ему преобразоваться в буржуазную монархию. Иначе говоря, царизм задумал изменить не только базис, но и надстройку, не только уничтожить прежние вековые устои социально-экономических отношений в деревне, но и сделать современной в буржуазном смысле политическую систему управления. В связи с этим современники из помещичье-буржуазного лагеря называли годы третьейеюньской монархии (точнее, всего думского периода) переходным периодом. В. И. Ленин, как известно, характеризовал политику этих лет как второй шаг самодержавия к буржуазной монархии.

В политическом отношении переход на рельсы буржуазной монархии означал управление страной при помощи парламента, вполне буржуазного по своему назначению. Революция 1905—1907 гг. сделала невозможным не только существование прежних порядков в землевладении, но и сохранение самодержавия в «чистом виде». Пролетариат, писал В. И. Ленин, «смел с своей дороги поддельную булыгинскую Думу, вырвал у царя манифест о конституции и раз навсегда сделал невозможным управ-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 32.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 417,

ление Россией без 'представительных учреждений'⁷. Эти слова надо понимать в том смысле, что рабочий класс России своей борьбой выразил объективные потребности буржуазного развития страны, точно так же, как эту же потребность выражала своей борьбой против крепостничества крестьянство, добиваясь установления в землевладении буржуазных порядков. «Переход к представительным учреждениям национального масштаба, — указывал В. И. Ленин в другом месте, — стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д.»⁸

Отсюда следует ленинский вывод, который для нашего исследования имеет важное методологическое значение. «Самодержавие, — писал В. И. Ленин, — пытается взять на себя решение объективно необходимых задач буржуазной революции — создание народного представительства, действительно заведующего делами буржуазного общества, и чистку средневековых, запутанных и обветшавших аграрных отношений в деревне»⁹.

Создать народное представительство, «действительно заведующее делами буржуазного общества», — это практически означало создать парламент, который проводил бы определенные буржуазные преобразования и в котором буржуазия получила бы определенное представительство и вес. Третьеиюньская система и представляла собой союз царизма и помещиков с крупной буржуазией, оформленный в виде третьеиюньской Думы, для проведения известного минимума буржуазных реформ. «III Дума, — указывал В. И. Ленин, — есть политически оформленный, общенациональный союз политических *организаций* помещиков и крупной буржуазии. Царизм делает попытку решить объективно-необходимые исторические задачи при помощи *организаций* этих двух классов»¹⁰.

Так же как и переход царизма к представительным учреждениям, органическое тяготение буржуазии к союзу с ним было обусловлено ходом буржуазного развития страны, развитием самой буржуазии. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что «буржуазия издавна пробивала себе рублем и доступ к „верхам“, и влияние на законодательство и управление, и места наряду с благородным дворянством...»¹¹

Но третьеиюньская система была союзом, который обладал несколькими чрезвычайно важными принципиальными особенно-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 416.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346.

⁹ Там же, стр. 359 (разрядка наша. — А. А.).

¹⁰ Там же, стр. 411.

¹¹ Там же, стр. 359.

стями. Во-первых, воплощенный в ней союз царизма и буржуазии не был равноправным. Во-вторых, он был внутренне противоречивым. И, наконец, указанные две черты обусловили третью особенность третьеиюньской системы, выраженную в самом ее движущем механизме. Третьеиюньский избирательный закон был составлен таким образом, что создавал в Думе два больших и два малых. Эти два большинства и были тем инструментом, который, как рассчитывали создатели системы, обеспечит ее бесперебойную деятельность по осуществлению контрреволюционной программы столыпинского аграрного и политического бонапартизма.

Неравноправность заключенного союза между царизмом и крепостниками-помещиками, с одной стороны, и буржуазией — с другой, отражала реальное соотношение классовых сил, которое сложилось в стране в результате поражения революции 1905—1907 гг. В третьеиюньский период царизм постарался обеспечить сохранение этой неравноправности наиболее выгодным для себя образом. Прежде всего она была воплощена в политической бесправности самой Думы. Правительство, как известно, не было ответственно перед Думой: министры назначались и сменялись царем. Бюджетные права Думы были крайне ограничены Основными законами и так называемыми «Правилами» 8 марта 1906 г. Армия и дипломатия были запретным плодом для Думы — они целиком относились к прерогативам монарха. Законопроект, одобренный Думой, мог быть провален Государственным советом, второй законодательной палатой, равноправной с Государственной думой. В случае отвержения законопроекта Государственным советом и недостижения соглашения между обеими палатами законопроект падал. Государственный совет был одним из наиболее реакционных и консервативных учреждений царской России. Реформированный во вторую законодательную палату, он наполовину состоял из сановников, назначаемых царем, а вторая его половина избиралась узкими корпорациями, абсолютно не отражавшими воли народа: дворянскими и земскими губернскими собраниями, биржевыми комитетами, университетами и др. Практика показала, что Государственный совет не пропустил ни одного нежелательного для него закона. Кроме того, существовала еще третья законодательная инстанция — сам царь. Последнее слово оставалось за ним, и он мог не утвердить (что и имело место) законопроекты, одобренные обеими палатами.

Объективной основой союза царизма и буржуазии, складывавшегося в течение десятилетий, помимо капиталистического развития страны, была их общая контрреволюционность. «Буржуазия, — много раз подчеркивал В. И. Ленин, — боится революции больше, чем реакции». Этот страх перед революцией определял политическое поведение буржуазии. По отношению к народ-

ным массам ее политика всегда оканчивалась предательством их интересов, по отношению к самодержавию — всегда приводила к капитуляции перед ним. Этим и объяснялась политическая слабость русской буржуазии.

Тем не менее союз царизма с буржуазией не был идиллическим. Это был союз двух различных классовых сил, интересы которых не только совпадали, но и расходились. Царизм шел на собственную буржуазную эволюцию и буржуазные реформы неохотно, влекомый силой вещей. А главное, он хотел дать эти реформы таким образом и в таком размере, чтобы полностью сохранить свое политическое всевластие. Приведенные выше слова В. И. Ленина о том, что самодержавие хотело создать в третьеиюньский период парламент, действительно заведующий делами буржуазного общества, не противоречат этому утверждению. Такое сочетание возможно. Достаточно сослаться на пример Пруссии, где, несмотря на высокое развитие капитализма, помещики-юнкеры продолжали оставаться всесильными, и избирательное право в ландтаг закрепляло их политическое господство.

Буржуазия же, наоборот, добиваясь реформ, стремилась разделить политическую власть с царизмом на базе узкой цензовой конституции с превращением дотоле неограниченного самодержца в «конституционного монарха». «Буржуазии,— писал В. И. Ленин,— необходима политическая свобода...»¹² Приведенная выше формула В. И. Ленина говорит о том, что буржуазия боялась не только революции, но и реакции. Эта боязнь была обусловлена двумя основными причинами. Первая состояла в том, что политическое господство царизма было тормозом и препятствием капиталистического развития страны и, следовательно, собственного развития буржуазии. Вторая была обусловлена страхом буржуазии перед революцией: отсутствие и запоздалость определенного минимума преобразований, действительно требуемых жизнью, были, по ее глубочайшему убеждению, той роковой чертой, за которой рождалась революция. Таким образом, борьба между царизмом и буржуазией могла идти и действительно шла только в одном направлении: за меру, формы и сроки реформ. Все конфликты и противоречия между ними в третьеиюньский период полностью подтверждают этот факт.

Сами по себе эти конфликты в силу контрреволюционности буржуазии, как и борьба внутри самой буржуазии,— прежде всего между октябристами и кадетами,— не имели большого значения. «Но,— указывал В. И. Ленин,— если бы из этой контрреволюционности буржуазных либералов кто-нибудь сделал вывод, что их оппозиция и недовольство, их конфликты с черносотенными помещиками или вообще соревнование и борьба раз-

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 219

личных фракций буржуазии между собой не может иметь никакого значения в процессе нарастания нового подъема, то это было бы громадной ошибкой и настоящим меньшевизмом наизнанку. Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в строении и т. д.»¹³

Как это ни странно, но ошибку такого рода совершала в течение многих лет наша историческая литература, сбрасывая со счетов конфликты между царизмом и буржуазией. Более того, она пошла еще дальше, поставив знак равенства между ними в том смысле, что объединила их в один лагерь, противостоящий лагерю демократии, и подменила, таким образом, положение о трех лагерях тезисом о двух лагерях. В результате принятия этой упрощенной схемы целые важнейшие области в политической жизни страны второй половины XIX — первых полутора десятилетий XX в. остались неизученными, по ряду важных вопросов сложились весьма примитивные представления. В первую очередь это относится к внутренней политике царизма, к политике и тактике помещичье-буржуазных партий и организаций. Сейчас этот недостаток осознан, но еще до конца не преодолен.

Свои противоречия с буржуазией, равно как и аграрные противоречия, царизм пытался решить при помощи политики бонапартизма. «Бонапартизм,— писал В. И. Ленин,— есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору,— монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть,— заигрывать, чтобы управлять,— подкупать, чтобы нравиться,— браться с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке»¹⁴. Политика царизма в третьиюньский период как нельзя лучше соответствует этому определению. Достаточно вспомнить союз и братание с черносотенными организациями «Союза русского народа», «Союза Михаила Архангела» и им подобными, члены которых рекрутировались из уголовных и босяцких элементов. Потеряв сплошную и простую опору в лице крестьянства, царизм стал осуществлять политику заигрывания и подкупа кулацких элементов деревни за счет этого крестьянства. Политика в Думе была политикой лавирования между крепостниками-помещиками, с одной стороны, и крупной буржуазией — с другой.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 280.

¹⁴ Там же, стр. 273—274.

Возможность такого лавирования прежде всего обеспечивал третьейеюньский избирательный закон. Черты бонапартизма, указывал В. И. Ленин, «совершенно наглядно обнаруживаются и на современном избирательном законе...»¹⁵ Смысл его состоял в том, что он создавал не одно, а два большинства. В. И. Ленин не раз подчеркивал эту весьма важную черту закона 3 июня. «Третьеиюньская система, — писал он, — сознательно создала два думских большинства: правооктябристское и октябристско-кадетское. Оба стоят на реакционной почве, оба *нужны* правительству, как нужна помещику поддержка буржуазии»¹⁶. «Избирательный закон в III Думу, — писал он в другом месте, — так и подстроен, чтобы получились эти два большинства. Напрасно наши либералы притворяются, будто они не видят этого»¹⁷.

Фракционный состав III Думы в первую сессию выглядел следующим образом: из 442 депутатов крайних правых было 50, умеренно-правых и националистов — 97, фракция «Союза 17 октября и примыкающих» насчитывала 154 человека, прогрессисты имели 28 мандатов, кадеты — 54, мусульманская группа — 8, польско-литовская группа — 18, трудовики — 13, социал-демократическая фракция — 19. Если октябристы, самая многочисленная фракция Думы, голосовали «направо», создавалось правооктябристское большинство в 300 человек, если «налево» — с прогрессистами, кадетами и др., включая социал-демократов и трудовиков, получалось второе, октябристско-кадетское, большинство, насчитывавшее примерно 260 голосов. Возникает вопрос: почему октябристы могли голосовать и действительно голосовали попеременно со своими соседями, то справа, то слева? Ответ лежит в природе октябристской партии.

Октябристская партия была одновременно и буржуазной, и помещичьей партией. С одной стороны, она представляла собой правое крыло русского буржуазного либерализма, с другой — выражала интересы помещиков-крепостников, была родственна другим помещичьим партиям — умеренно-правым и националистам. В статье «Политические партии в России», написанной в мае 1912 г., т. е. в конце деятельности III Думы, В. И. Ленин характеризует октябристов и как буржуазную партию, и как помещичью, помещая ее в группе правых, помещичьих партий¹⁸.

В статье «Опыт классификации русских политических партий», написанной еще в 1906 г., В. И. Ленин обратил внимание на одну весьма важную особенность в образовании русских политических партий, заключающуюся в том, что классу помещиков и

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 276.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 227.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр., соч., т. 20, стр. 374.

¹⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 281, 286.

классу капиталистов «противостоят не две, а три группы политических партий: кадеты, октябристы и черносотенцы». Эта особенность объяснялась чрезвычайным обострением революционной борьбы в стране, «когда практически крайне трудно отделить защиту самодержавия от защиты во что бы то ни стало монархии, когда группировка по экономическому признаку (за прогрессивный и за реакционный капитализм) естественно переkreщается политической группировкой (за теперешнее правительство и против него)»¹⁹. Вот это-то крайнее обострение революционной борьбы и привело к образованию третьего типа партий, представленного «Союзом 17 октября». Страх крупной буржуазии перед революцией, защита монархии «во что бы то ни стало» бросили ее в объятия крепостников-помещиков, вызвали к жизни партию, где, казалось бы, в противоестественном союзе объединились два разных по своему происхождению и конечным целям класса.

Все материалы — свидетельства самих октябристов и прессы, губернаторские донесения и др. — показывают, что хотя «Союз 17 октября», как это уже видно из его названия, был партией буржуазной, а во главе его стоял типичный представитель московского капитала, подавляющее большинство партии состояло из таких же правых помещиков и чиновников, каких мы видим в правых фракциях Думы. В массе своей помещик-октябриста невозможно отличить от помещика-правого ни в социально-экономическом, ни в политическом отношении, причем это в равной мере относится как к октябристам — депутатам и членам партии, так и к октябристским избирателям. Это доказывает тем, что только 35 октябристов были избраны в III Думу городами, почти все остальные были посланы в нее такими же помещиками, какие посылали в Думу правых.

Собственно буржуазная часть партии и особенно ее думской фракции была очень невелика. Один из думских обозревателей заявил, что он насчитал во фракции «Союза 17 октября» октябристов-буржуа всего 15 человек²⁰. Лидерство А. И. Гучкова, помимо его личных качеств, было результатом известной уступки со стороны правого большинства партии, осознавшего вместе с правительством необходимость буржуазной эволюции, как своей собственной, так и страны в целом.

Таким образом, октябристский «центр» содержал в себе одновременно и охранительное, и буржуазное начала. Но первое в огромной степени преобладало над вторым. Поэтому октябристы были в полном смысле слова «правительственной партией», как их и называл В. И. Ленин²¹. Они были правительственной

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 27.

²⁰ «Голос Москвы», 30 декабря 1908 г.

²¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 281.

партий в том своеобразном смысле, что выполняли волю правительства (но не определяли ее, что было бы обычным с точки зрения буржуазного парламентаризма). Не П. А. Столыпин был их орудием, а они были орудием Столыпина. Именно поэтому за «Союзом 17 октября» наряду с другими кличками прочно утвердилось прозвище «Партия последнего правительственного распоряжения». Октябристский «центр» мог голосовать «налево» только тогда, когда с этим соглашалось его большинство, а последнее, как правило, голосовало так, как хотели Столыпин и правые.

Не следует, однако, думать, что консервативно-охранительные тенденции были присущи только помещичьей части октябристской фракции. Они были характерны и для ее буржуазного крыла. Помимо страха перед революцией, это объяснялось также экономической отсталостью русской буржуазии, особенно «московской», которая главным образом и была представлена в партии. Это была буржуазия, тысячами хозяйственных и иных нитей связанная с помещиками и самодержавием. Паразитизм, ставка на казенные заказы и субсидии, подкуп продажных чиновников, хищнические приемы эксплуатации были для нее гораздо более характерны, чем стремление к независимости от режима. Она стояла, так же как и царизм, за «реакционный», как указывал В. И. Ленин, а не за прогрессивный капитализм. Не будь этого, сотрудничество московской буржуазии с крепостниками-помещиками в одной партии, причем на правах младшего партнера, несмотря на всю контрреволюционность этой буржуазии, было бы невозможным.

Вместе с тем это сотрудничество было постоянным источником внутренней борьбы в октябристском «центре». На протяжении всего пятилетнего существования III Думы октябристская фракция находилась в состоянии бесконечных дрязг, борьбы отдельных групп и влияний, ежеминутно грозивших ей полным развалом, который в конечном итоге и произошел (в IV Думе). В этой непрекращавшейся внутренней борьбе победа всегда оставалась за правым флангом октябризма.

Функционирование второго, октябристско-кадетского, большинства со стороны кадетов обеспечивалось полностью, причем последние по отношению к октябристам играли такую же подчиненную роль, какую октябристский «центр» занимал по отношению к правым. Это было также обусловлено страхом перед революцией, глубокой контрреволюционностью партии либерально-монархической буржуазии. Напуганные своим провалом в период первых двух Дум, кадеты в третьей думской период круто повернули к «веховской» политике. «Партия кадетов,— писал В. И. Ленин,— есть партия „Вех“»²². На своем пятом съезде

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 167.

(октябрь 1907 г.) кадеты заявили, что идут в Думу для «органической» работы в качестве «ответственной оппозиции» (в отличие от оппозиции «безответственной» — социал-демократов, использующей Думу только как трибуну), т. е. на блок с октябристами. «Чтобы законодательствовать в III Думе, — комментировал смысл решений кадетского съезда В. И. Ленин в статье «Приготовление „отвратительной оргии“», — надо так или иначе, прямо или косвенно, соединиться с октябристами и встать всецело на почву контрреволюции и охраны ее побед... Практическая проводимость (кадетских законопроектов. — А. А.) зависит от октябристов. Выяснить проводимость — значит с заднего крыльца забежать к октябристам. Поставить свою инициативу в зависимость от этого выяснения — значит в *угоду* октябристам урезать свои проекты, значит поставить свою политику в зависимость от „октябрей“»²³. История III Думы показала, что кадеты, не говоря уже о прогрессистах, занимавших промежуточное положение между ними и октябристами, в смысле тяготения и холопства перед последними намного превосходили предсказание В. И. Ленина.

Так была создана третьиунюнская система, которая, как указывал В. И. Ленин, была «специально рассчитана на использование, в очень широких пределах, антагонизма либеральной буржуазии и помещичьей реакционности при гораздо более глубоком *общем* их антагонизме со всей демократией и с рабочим классом в особенности»²⁴. Играя на этих антагонизмах, царизм оставался хозяином положения, главным действующим лицом этой системы. «Избирательный закон 3 июня 1907 года, — писал В. И. Ленин по этому поводу, — „строил“ государственную систему управления — да и не одного только управления — на блоке крепостников-помещиков с верхушками буржуазии, причем первый социальный элемент сохранял в этом блоке гигантский перевес, а над *обоими* элементами стояла фактически неурезанная старая власть»²⁵.

Но «старая власть» не только возвышалась над созданной ею системой первого и второго большинства, но еще известным образом отражала и повторяла ее. Без учета этой особенности нельзя до конца понять характер и закономерность развития третьиунюнской системы. «Дело в том, — писал В. И. Ленин, — что у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья». Отметив, что «последняя всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества», прежде

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 156.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 325.

²⁵ Там же, стр. 320.

всего на феодальное черносотенное дворянство, В. И. Ленин далее подчеркивал: «огромная масса „правых“ в III Думе» будет защищать интересы именно этих слоев.

«...Пользуясь своим придворным всемогуществом», писал далее В. И. Ленин, неофициальное правительство, камарилья, стремится захватить власть над официальным правительством — кабинетом министров. Обыкновенно в значительной своей части кабинет и состоит из ставленников камарильи. «Однако сплошь и рядом большинство кабинета по своему составу не вполне соответствует требованиям камарильи. Конкуренцию допотопному хищнику, хищнику крепостнической эпохи, составляет в данном случае хищник эпохи первоначального накопления, — тоже грубый, жадный, паразитический, но с некоторым культурным лоском и — главное — с желанием также ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантий, субсидий, концессий, покровительственных тарифов и т. д. Этот слой землевладельческой и промышленной буржуазии, типичной для эпохи первоначального накопления, находит себе выражение в октябризме и примыкающих к нему течениях»²⁶.

Из этих слов видно (так оно и было на самом деле), что официальное правительство наряду с интересами крепостника-помещика выражало также интересы и капитализма, потребности его развития в октябристском варианте. Это означало, что борьба и противоречия внутри Думы, между его двумя большинствами и в границах каждого большинства, находили свое продолжение в борьбе официального и неофициального правительств. История третьеиюньской монархии подтвердила указанную связь самым убедительным образом.

Попытка царизма решить объективные задачи буржуазной революции при помощи третьеиюньской системы провалилась. В чем причина этого провала? Ответ на этот вопрос и является целью настоящего исследования. Именно в связи с этим и избрана для изучения первая, а не вторая половина третьеиюньского пути. Дело заключается в том, что первые годы после 3 июня в смысле условий для задуманного столыпинско-думского эксперимента были почти идеальными. Если неудачу IV Думы можно свалить на революционное движение и мировую войну, то период III Думы почти на всем протяжении ее существования характеризовался знаменитым столыпинским «успокоением», почти полным прекращением революционного движения, серьезным укреплением самодержавия и, наоборот, столь же серьезным ослаблением революционных партий, фронта революционной борьбы. Программа задуманных преобразований, ее объем и сроки, была целиком определена и разработана правительством. Не только октябристы, но и кадеты выразили полную го-

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 140—141.

товность следовать в фарватере правительственного курса, фактически полностью отказавшись от собственных требований. Более того. Под конец они просили уже не «реформ», а только одного — управления страной «нормальным» порядком, т. е. отмены исключительных положений. Все оказалось тщетным: и из Столыпина не получился Бисмарк, и третьеиюньская система потерпела крах.

Причина неудачи, на наш взгляд, состояла в том, что страна и в описываемое время, несмотря на, казалось бы, полное торжество реакции, переживала на деле не конституционный, а революционный кризис или, говоря точнее, общую революционную ситуацию. «С 1908 г., примерно, по 1915 г., — говорится в тезисах ЦК ВКП(б), одобренных 14-й партийной конференцией, — большевизм считал, что непосредственно-революционной ситуации в России уже нет, *но общая революционная ситуация, неизбежно чреватая второй революцией, налицо*. С 1908 по 1911 г. самодержавие, казалось, стабилизируется... И тем не менее общая революционная ситуация оставалась»²⁷. Свое понимание существа общей революционной ситуации автор изложил в специальной статье²⁸. В данном случае важно подчеркнуть лишь один ее момент, являвшийся главным в годы столыпинской реакции: сохранение революционного настроения народа. Несмотря на поражение революции со всеми известными его последствиями, массы продолжали верить в революцию, хотели и ждали ее. В самый разгар реакции В. И. Ленин писал, что «правительство не управляет, а воюет, что состояние России есть состояние с трудом сдерживаемого восстания»²⁹.

Этот капитальный факт был признан всем лагерем контрреволюции, и именно он обусловил провал политики столыпинского бонапартизма. Дело в том, что реформы, в силу самой своей природы, в зависимости от условий играют двоякую роль — они могут стать тормозом революции или, наоборот, ее ускорителем. В условиях, когда в стране сохранялись все элементы революционного кризиса, реформы неизбежно должны были привести к его дальнейшему углублению и развитию. В то же время отсутствие реформ, т. е. отказ от решения объективно назревших задач, приводило к тому же результату. Поскольку хозяином положения в третьеиюньском блоке был царизм, а буржуазия владела лишь бронзовыми векселями, выданными ей Столыпиным в виде обещания осуществить реформы, все ее мольбы исполнить это обещание отменялись самым резким и грубым обра-

²⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II. М., 1953, стр. 44.

²⁸ А. Я. Аврех. О некоторых вопросах революционной ситуации. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 5, стр. 30—44.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 449.

зом. Конкретно это означало полное бессилие второго, октябристско-кадетского, большинства, ибо именно этому большинству предстояло провести запланированный минимум либеральных реформ. Следствием этого были полное падение престижа Думы во всех слоях народа, третирование ее со стороны самодержавия и правых, усиление грызни и противоречий в самой Думе, банкротство политики всех партий думского контрреволюционного большинства. В результате третьей Думы из фактора укрепления и обновления царизма, как это было задумано ее творцами, стала фактором его дальнейшего ослабления и разложения. «Самодержавие, — писал В. И. Ленин, — отсрочило свою гибель, успев организовать такую Думу, но оно не укрепляется этим, а *разлагается* от этого»³⁰.

С первых же дней существования Думы обнаружилось ее полное бессилие по части «реформ», начали завязываться узлы противоречий и вызревать элементы кризиса созданной системы, стали портиться и выходить из строя одно за другим звенья третьей Думы. Вместо «реформ» Дума занялась «вермишелью» — штамповкой десятков и сотен мелких третьестепенных законопроектов, которыми ведомства заваливали Думу, чтобы занять время и языки незадачливых российских «парламентариев».

Уже в первую сессию министр финансов В. Н. Коковцов под аплодисменты правых бросил с трибуны Думы свою презрительную фразу, адресованную октябристско-кадетским либералам, о том, что «у нас парламента, слава богу, еще нет»³¹. В эту же сессию был нанесен сокрушительный удар по расчетам Гучкова на сотрудничество с правыми в деле проведения военных реформ, несмотря на то, что целью их было возрождение военной мощи царизма. Обсуждение указа 9 ноября воочию убедило самодержавие и Думу, что не только крестьяне-трудовики, но и думские правые крестьяне в аграрном вопросе занимают на деле революционно-демократическую позицию.

Во вторую сессию октябристско-кадетским большинством было принято несколько вероисповедных законопроектов, которые октябристско-кадетская пресса провозгласила началом эры «реформ». Ни один из них не стал законом. Государственный совет встал на путь систематического уничтожения плодов думского законодательства. С каждым днем становилось все более ясным, что «реформ» не будет. Царизм не мог их дать. В. А. Маклаков уверяет нас, говорил крайний правый Г. Г. Замысловский во время бюджетных прений на первой сессии Думы, что, если дать «реформы», то «из этого ничего хорошего

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 401.

³¹ «Государственная дума. Третий созыв». Стенографические отчеты, сессия I, ч. 2, стб. 1995 (далее — Ст. от.).

не произойдет. А мы боимся, что если все это сейчас ввести, то повторится то самое, что наступило после 17 октября (1905 г.— А. А.)»³².

Следствием этого положения был разразившийся в апреле 1909 г. «министерский» кризис. Он был развязан правыми Государственного совета и направлен против Столыпина, отражая разочарование и раздражение «верхов» по поводу бесплодности и опасности столыпинского политического курса. Премьер был обвинен в том, что кабинет и Дума явочным порядком присваивают себе prerogatives короны, захватывают не принадлежащую им власть. В связи с этим октябристы и Гучков были названы русскими «младотурками».

Последствия этого кризиса были очень значительны. Столыпин остался у власти ценой публичного отречения от курса «реформ» и отмежевания от октябристов. В соответствии с этим в Думе взамен октябристского стал готовиться новый «центр», на который мог бы опереться премьер: умеренно-правые и националисты в конце 1909 — начале 1910 г. объединились в единую фракцию и партию «русских националистов» во главе с депутатом Думы, одним из богатейших помещиков, П. Н. Балашовым. «Смена Гучкова Балашовым», как выразилась прогрессистская газета «Слово», означала перенесение центра тяжести с «реформ» на политику воинствующего национализма.

«Министерский» кризис означал собой наступление нового этапа в жизни Думы, связанного прежде всего с указанным поворотом к крайнему национализму. Именно поэтому настоящее исследование начинается с анализа национальной политики царизма и Думы в отношении Финляндии и Польши — главных объектов националистического курса в рассматриваемый период.

Второй период существования Думы был продолжением и углублением кризиса третьеиюньской системы. В конечном итоге он закончился полным провалом политики Столыпина и его собственной гибелью, банкротством политики помещичье-буржуазных партий, рассчитывавших при помощи третьеиюньской Думы вывести страну из революционного кризиса и направить ее на путь «нормального» конституционного развития.

* * *

Советская историография исследуемой автором темы очень невелика. Она состоит в основном из кандидатских диссертаций, написанных в конце 1940—1950-х годах, причем большая их часть осталась неопубликованной.

Деятельность социал-демократической фракции III Думы рассмотрена в трех диссертациях; две из них — кандидатские,

³² Там же, стб. 2455.

одна — докторская³³. Первая работа осталась неизданной, автор второй опубликовал несколько статей, диссертация Н. М. Добrotвора вышла в сокращенном виде отдельной книгой³⁴. По национальной политике царизма и III Думы имеются две диссертации³⁵. Истории разгона II Думы, подготовки и проведения третьеиюньского государственного переворота посвящена диссертация В. Н. Фирстовой³⁶. Наконец, в двух диссертациях исследуется рабочая политика III Думы³⁷.

Все эти исследования в значительной мере устарели и во многом не отвечают требованиям, которые предъявляет научным работам современная историческая наука.

Но заслугой указанных авторов является то, что они ввели в научный оборот ряд до того времени не известных источников, а, главное, первыми начали разрабатывать проблему, важность изучения которой в настоящее время становится общепризнанной.

³³ Г. В. Лемберская. Социал-демократическая фракция в III Государственной думе. Канд. дисс. М., 1947; М. А. Ковальчук. Большевики в III Государственной думе. Канд. дисс. Л., 1949; Н. М. Добrotвор. Рабочие депутаты в III Государственной думе. Докт. дисс. Горький, 1957.

³⁴ М. А. Ковальчук. Социал-демократическая фракция III Государственной думы. — «Ученые записки Ленинградского университета», № 259. Серия исторических наук, вып. 31, 1959; Н. М. Добrotвор. Рабочие депутаты в III Государственной думе. Горький, 1957.

³⁵ Н. Д. Кузнецов. III Государственная дума и национальная политика царизма на Кавказе. Канд. дисс. М., 1950; А. П. Египко. Национальный вопрос в III Государственной думе (Столыпинский план выделения Холмщины из Польши). Канд. дисс. М., 1948.

³⁶ В. Н. Фирстова. III Государственная дума. Оформление третьеиюньского блока. Канд. дисс. М., 1948.

³⁷ Е. Л. Рудник. Рабочий вопрос в III Государственной думе. Канд. дисс. Тбилиси, 1959; С. М. Мазин. Вопрос о страховании рабочих в III Государственной думе и страховая кампания 1912—1914 гг. Канд. дисс. М., 1952. Литература о рабочем законодательстве в России, в частности о рабочем страховании, как дореволюционная, так и советская, достаточно обширна, но это специальная тема, и мы ее не затрагиваем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Глава первая

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ТРЕТЬЕДУМСКИЙ БЛОК

Ни один вопрос не достигал в Думе такого напряжения и накала, как вопрос национальный. Третьедумский блок уделял ему огромное внимание; с третьей сессии, после образования объединенной фракции и партии националистов, он стал по существу главным объектом деятельности думского большинства.

Для самодержавия и буржуазии суть национальной проблемы сводилась к вопросу о судьбе империи. Как ее сохранить и упрочить — такова задача, которую пытались разрешить в третьейдумский период партнеры по контрреволюции. При анализе тех рецептов и решений, которые они предложили, наблюдается полное соответствие национальных программ партий думского большинства их программам в целом. В то же время борьба внутри думского блока по национальному вопросу имела свои существенные отличия от характера борьбы этих партий по вопросам внутренней политики, протекала в формах, обусловленных спецификой этого вопроса в России. Эти отличия очень важны, так как в конечном счете они определялись тем, что и для царизма, и для буржуазии вопрос о сохранении империи, о «неделимости» России был главным жизненным вопросом, которому подчинялись и служили все остальные внутривнутриполитические проблемы, включая и аграрный вопрос.

Для царизма сохранение империи было единственным историческим оправданием своего дальнейшего существования. Именно «единством России» козыряли сторонники самодержавия, выступая против «чужеродного политического цветка» — парламентаризма в западноевропейском смысле этого слова. Только царская власть, говорили и писали они, смогла создать из колоссальной многоязычной, слабо связанной экономически и культурно страны могучую империю, преодолев в ней центробежные тенденции; и только при сохранении этой власти эти тенденции не возьмут верх. Всякий иной строй, прежде всего республиканский, автоматически повлечет за собой распад страны на множество национальных районов, которые станут легкой добычей соседей.

Историк-марксист в этом тезисе наблюдает типичную, присущую идеологам любого отжившего строя попытку объявить

необходимость дальнейшего существования данного строя ссылкой на его действительную прогрессивность в прошлом, утверждением (искренним или фальшивым), что эта прогрессивность присуща ему имманентно и постоянно.

Русская буржуазия по существу целиком принимала этот тезис, с той лишь разницей, что ее наука и публицистика центр тяжести переносили с самодержавия на монархию. Именно монархия объявлялась той единственной надклассовой и наднациональной силой, которая может обеспечить единство, целостность и прочность страны. Эта посылка была теоретическим обоснованием антиреспубликанизма русской буржуазии.

Материальная основа такой позиции заключалась в экономической отсталости русской буржуазии по сравнению с буржуазией передовых капиталистических стран, в ее развитии преимущественно за счет развития вширь, т. е. за счет самых первоначальных, хищнических форм, эксплуатации, в том числе и эксплуатации окраин. Иными словами, монархизм и великодержавный шовинизм русской буржуазии объяснялись тем, что она еще во многом сохраняла черты буржуазии периода первоначального накопления. Отсюда исключительная близость буржуазного национализма с помещичьим, почти полная тождественность позиции октябристов по национальному вопросу с позицией правых и националистов, резко выраженный веховский курс в национальной политике кадетов.

Вместе с тем на позицию и характер борьбы партий думского большинства по вопросам национальной политики большое влияние оказывал ряд других факторов и прежде всего фактор крайнего обострения национального вопроса. Революция 1905—1907 гг. показала, что откладывать его решение на будущее было уже невозможно.

ПРАВЫЕ, НАЦИОНАЛИСТЫ, ОКТЯБРИСТЫ

Внутри думского блока отчетливо различаются два подхода к решению национальных проблем. Первый выражало правоокабристское большинство, второй — кадеты и прогрессисты. Позиции национальных групп — мусульман, литовцев и др. — в целом совпадали с позицией последних. Позиция польского коло была сложнее (ее удобнее рассмотреть по ходу изложения, когда речь пойдет о соответствующих националистических законопроектах).

Искать какую-либо принципиальную разницу в национальных программах не только правых и националистов, но правых, с одной стороны, и октябристов — с другой, было бы совершенно напрасной потерей времени. Ее не было. Даже орган П. Б. Струве, усматривавший одно из основных своих назначений в обеспечении — как главной линии кадетской партии — безоговорочной

ставки на октябристов, вынужден был признать, что октябристы в национальной политике «по существу те же националисты»¹.

Но между правыми и октябристами существовала огромная разница в реальной роли при осуществлении националистического курса в Думе. Правым полностью принадлежала хозяйская роль. Октябристы милостиво допускались в качестве союзников, встречаемых, однако, пинками и бранью при малейшей попытке послушания и самостоятельности. Инициатива, определение конкретных программ и разработка соответствующих националистических законопроектов целиком были монополизированы правыми в Думе и вне Думы, действовавшими в тесном сотрудничестве с правительством Столыпина. На долю октябристов оставалось лишь право покорно следовать в фарватере намеченного курса, не помышляя о равноправном партнерстве.

Мощное национально-освободительное движение, охватившее в годы первой русской революции Финляндию, Польшу, Прибалтику, Украину, Кавказ, пробуждение к политической жизни даже отсталых народов вызвали в правящем классе недоверие к способности правительства справиться с этим движением собственными силами, пробудили в нем огромную активность и стремление взять руководство национальной политикой непосредственно в собственные руки.

Уже в ходе революции все черносотенно-монархические организации, от Совета объединенного дворянства до провинциальных отделов «Союза русского народа», и правая печать стали уделять исключительное внимание борьбе с национальными движениями. Более того, в центре и провинции возникли специальные националистические организации и печатные органы, целиком подчинявшие свою деятельность задаче борьбы с «инородским засильем».

В начале 1906 г. в Петербурге группой лиц была основана еженедельная газета «Окраины России». Сюда входили ярые душиители свободы Финляндии В. Ф. Дейтрих и М. М. Бородин, крайние националисты профессора Н. А. Зверев, А. М. Золотарев и П. А. Кулаковский (издатель), П. Г. Бывалькевич (редактор), Ф. Д. Самарин, кн. А. А. Ширинский-Шихматов, Б. М. Якунчиков. По словам газеты, она возникла «в самый разгар смут, охвативших всю Россию...», когда «с особою силою проявился сепаратизм окраин...» «Проповедь обособления окраин и расчленения России раздается еще и ныне», поэтому всякий, «кто исповедует начало единства, нераздельности и целостности России и и..., тот не может не страшиться за ее будущность»².

¹ Наблюдатель. Националистические и национальные течения в III Думе.— «Русская мысль», 1912, № 8, стр. 21.

² «Окраины России», 1911, № 1, обложка.

Спустя два года сотрудники газеты и другие лица выступили инициаторами создания «Русского окраинного общества». 17 февраля 1908 г. в помещении Славянского благотворительного общества состоялось собрание, на котором должен был быть подписан проект устава, провозглашавший целью создаваемой организации укрепление «русской государственности» на окраинах³. 30 марта состоялось первое собрание учредителей (в составе 46 человек) общества, на котором был окончательно утвержден устав и избран руководящий орган — Совет общества. В Совет вошли: члены Государственного совета Дейтрих, Д. И. Пихно, Н. Д. Сергиевский (председатель), Ширинский-Шихматов, Кулаковский, депутат Думы С. Н. Алексеев, сенатор Зверев, И. М. Золотарев (товарищ председателя), Позднеев (секретарь), академик А. И. Соболевский, исполняющий должность статс-секретаря Государственного совета Якунчиков, А. А. Тарасов (казначей)⁴.

Объясняя цели и задачи общества, газета-учредитель, ставшая затем его органом, писала следующее. До последних лет «забота о целостности России... ложилась целиком на плечи правительства... Теперь наступило другое время... — теперь все мы ответственны за будущее нашего Русского государства... А в наши дни „освободительной“ вакханалии... эта ответственность еще усугубляется». В деле управления окраинами мы видим «шатания власти». Поэтому, «очевидно, задача русских людей сводится к тому, чтобы бодрствовать и содействовать власти держаться ясного и определенного пути»⁵.

И «Русское окраинное общество», и «Окраины России» усматривали свое назначение в формулировании требований и пропаганде идей самого крайнего национализма. Газета все время стремилась завоевать массового читателя. Одним из средств служила рассылка читателям многочисленных приложений, особенно по финляндскому вопросу. За семь лет своего существования газета бесплатно разослала подписчикам более полусотни таких книг и брошюр. Все они носили грубо демагогический характер, так же, впрочем, как и сама газета, представлявшая собой самое низкопробное чтиво в духе «Русского знамени» и «Земщины».

По примеру петербургского «Окраинного общества» аналогичные окраинные общества возникли и в некоторых провинциальных городах. Размножились также провинциальные черносотенно-националистические листки, стремившиеся выполнять ту же задачу, что и «Окраины России». Последняя рекламировала на своих страницах целый список известных ей «„правых“ и уме-

³ «Окраины России», 1903, № 8, стр. 113.

⁴ Там же, № 14, стр. 210.

⁵ Там же, № 7, стр. 98 (разрядка наша.— А. А.).

ренных газет и журналов национального направления», включавший до сотни названий⁶.

Однако не следует думать, что «Русское окраинное общество» и «Окраины России» выступали в качестве какого-то идейно-организационного центра национализма. Они и не претендовали на эту роль, удовлетворяясь скромной задачей содействия и помощи более солидным черносотенно-националистическим силам — Совету объединенного дворянства, Русскому собранию, союзам Дубровина и Пуришкевича и, наконец, партии националистов.

Последняя вместе с сопутствующими организациями, вроде Всероссийского национального клуба и «Нового времени», и в тесном контакте с правительством была задумана как всероссийский штаб национализма, его партийно-политический центр. В значительной мере это осуществилось, но не до конца. Некоторые черносотенно-монархические организации и группы предпочитали действовать самостоятельно по тем или иным вопросам националистической политики. В предвыборном воззвании Совета всероссийского национального союза на выборах в IV Думу необходимость считаться с этим фактом была выражена в следующих словах: «Партия националистов далека от мысли, что она одна является хранительницей и поборницей заветов русского народа, а поэтому мы призываем к совместной и согласованной с нами работе на выборах...» и т. д.⁷

Вместе с тем нельзя представлять себе дело таким образом, что националисты — партия, искусственно созданная сверху волей и расчетами Столыпина, хотя действительно влияние его в этой партии было исключительно велико, и он оказывал ей огромную поддержку. Факты показывают, что это не так.

Национализм, как и черносотенство в целом, родился не по инициативе правительства, а возник как своеобразное, вызванное революцией 1905—1907 гг. движение «снизу» в среде господствующего класса. Они явились результатом консолидации сил помещичье-крепостнической реакции с целью помощи правительству и контроля над ним. Это стремление было вызвано бонапартистской политикой правительства, недоверием к ней, опасением, что она может проводиться за счет крепостников-помещиков и в ущерб им. История Думы показывает, что помещичьи партии очень быстро оценили, какие удобства и преимущества создал им по сравнению с «доконституционным» временем российский «парламент» для защиты своих классовых интересов и мощного воздействия на правительство.

Национализм в третьеиюньский период выступал в самой свирепой зоологической форме, носил крайне реакционный, воин-

⁶ Там же, 1910, № 8, обложка.

⁷ Там же, 1912, № 9, стр. 142.

ственно-русификаторский характер. Теоретик национализма М. О. Меньшиков, формулируя его сущность в статье «Чье государство Россия?», отвечал на этот вопрос предельно точно и определенно. Русское государство — это государство русских. Постановка вопроса о том, что «инородцы» — такие же траждане, как и русские, категорически и в принципе должна быть отвергнута: «Конечно, не такие и не должны быть такими»⁸.

Крайние правые проводили эту идею в Думе под лозунгом «народа-хозяина». Официальным лозунгом собственно националистов был «Россия для русских».

Открыто русификаторский характер правительственно-думского национализма отчетливо обнаруживается в его школьной политике, являющейся одним из краеугольных камней националистической программы. Смысл ее сводился к полному запрету родного языка даже в начальной «инородческой» школе, к объявлению всех нерусских языков вне закона. Подобная политика была, безусловно, мощнейшим орудием денационализации. Как известно, без развития родного языка не может формироваться нация, ее интеллигенция, которая выражает растущее национальное самосознание. Именно поэтому борьба между угнетенным народом и денационализаторами по вопросу о языке всегда носила самый упорный, непрекращающийся характер и, как правило, заканчивалась поражением последних. Таковую же картину мы наблюдаем и в третьейюньский период.

Позиция правительства по этому вопросу очень полно и ясно была сформулирована в отзыве министра народного просвещения А. Н. Шварца от 3 апреля 1908 г. на проект плана государственной обороны, представленный военным ведомством. Предложения Шварца указывали на необходимость развития и укрепления в школе русского национального чувства. Поэтому в числе прочего «необходимо неуклонно устранять всякие притязания инородцев на какую бы то ни было обособленность и национализацию школы. Руководящим началом должна быть единая русская государственная школа на всех ее ступенях и для всех без исключения инородцев империи... На ближайшее время надлежит совершенно отказаться от устройства новых высших учебных заведений на окраинах не только с преобладающим, но даже со значительным инородческим населением»⁹. Дальше шло развитие указанного положения. «Во всех учебных заведениях должно неуклонно и строго последовательно проводиться образование и воспитание в духе любви к русской народности и русским идеалам... Школа должна быть национальна и консервативна и никакие в этом отношении послабления не должны быть терпимы». Открытие частных школ рекомендовалось разрешать

⁸ «Новое время», 1 марта 1908 г.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 143, л. 11.

«с крайней осторожностью», причем «особенно строгий надзор» за такими школами должен быть «на окраинах»¹⁰.

В том же 1908 г. Совет министров обсудил законопроект, внесенный 37 членами Думы, о допущении преподавания «в начальных школах местностей с малорусским населением» на родном языке. Шварц, разумеется, потребовал отвергнуть законопроект¹¹. Совет министров в особом журнале от 14 мая выразил полное согласие с мнением Шварца. Обер-прокурору Синода было указано, что разрешение, выданное им Подольскому епархиальному начальству, вести преподавание в двухклассных школах на «малорусском» языке недопустимо: обучение должно вестись «исключительно на общерусском языке»¹². Обер-прокурору потом пришлось конфузливо оправдываться, доказывая, что «преподавание малорусского языка» в этих школах было необязательным и проводилось «во внеурочное время»¹³. Помимо других документов, к особому журналу была приложена резолюция «Клуба русских националистов» в Киеве от 12 мая 1908 г. по поводу указанного законопроекта, в которой между прочим говорилось следующее: «главное» у украинских националистов — это «отучить малороссов от русского языка, а от жаргона Грушевского до польского языка — один шаг»¹⁴.

В Думе правые и националисты проводили тот же курс. Всякое заявление о необходимости допустить даже в самых скромных пределах преподавание на родном языке встречало с их стороны самое ожесточенное сопротивление, вызывало очередную серию ненавистнических речей, травивших «инородцев».

Программа партии и фракции националистов с момента возникновения и до конца III Думы не претерпела никаких изменений¹⁵. Однако партии пришлось пережить тревогу по поводу возможных затруднений в ее реализации, возникшую в связи с назначением Коковцова председателем Совета министров после убийства Столыпина.

В сущности по неизвестным причинам, но, очевидно, потому, что Коковцов как министр финансов был вынужден чаще, чем

¹⁰ Там же, л. 12.

¹¹ Там же, оп. 4, д. 290, л. 12.

¹² Там же, л. 26.

¹³ Там же, л. 20.

¹⁴ Там же, л. 25.

¹⁵ В цитированном предвыборном воззвании с примитивной ясностью излагались цели и задачи, которые полностью вытекали из программных установок: 1) «Величие и достоинство господствующей православной церкви... Обеспечение духовенства вполне достаточным государственным содержанием... 3) Национально-патриотическое и религиозное направление народного образования... 6) Недопущение какого бы то ни было расширения прав евреев. Пересмотр законов в целях более действительной борьбы с еврейством» («Окраины России», 1912, № 9, стр. 142; ср. «Речь», 23 января 1910 г., передовая).

другие его коллеги, сталкиваться и считаться с интересами буржуазии, он слыл в помещичье-буржуазном общественном мнении, особенно в кадетско-прогрессистских кругах, либералом. Самообман и иллюзии, свойственные кадетам и обусловленные их классовой природой, заставлявшей строить политические расчеты на перемещениях и назначениях в правительстве и «верхах», привели к тому, что назначение Коковцова было встречено ими как начало конца националистического курса нового столыпинского «центра». Уверенность, с которой либеральная пресса твердила об этом, была так велика, что, по-видимому, заставила не на шутку обеспокоенных националистов выяснить ситуацию самым верным и коротким путем. 3 или 4 сентября 1911 г., т. е. еще до смерти Столыпина и официального назначения Коковцова премьером, к нему явилась депутация националистов в лице Балашова, Д. Н. Чихачева, А. А. Потоцкого, профессора Чернова и повела речь в самом резком, чуть ли не ультимативном тоне. Балашов, свидетельствует Коковцов, начал с того, что партия националистов, «взволнована покушением на Столыпина... как на человека, всем своим существом слившегося с национальной партией, проникнутого идеалами и оказывающего ей свое могущественное покровительство... Волнение партии... увеличивается еще более от того, что преемником Столыпина назначен или назначаюсь я, потому что мне партия не доверяет и очень опасается, что моя политика будет совершенно иная, чуждая ясным национальным идеалам и проникнутая слишком большими симпатиями к западу, следовательно, к элементам международного капитала и — инородческим». «Мы Вас поддерживать не можем, — закончил Балашов, — если только не получим от Вас уверенности, что, заменивши Петра Аркадьевича, Вы будете честным и открытым продолжателем его политики»¹⁶.

Ответ Коковцова сводился к указанию на то, что его собеседники преувеличивают власть и значение главы правительства (при этом он сослался на печальный конец Столыпина), и к заявлению, что программа националистов ему неясна, а практические цели просто непонятны. «Если, как Вы говорите, — подытожил он, — Вашим лозунгом является величие России и освобождение ее от всякого чужого засилья, то поверьте мне, что на этой почве нам сойтись более чем просто. Но вашей политики угнетения инородцев я не разделяю и служить ей не могу. Эта политика вредная и опасная. Оказывайте какое хотите покровительство русскому элементу, будемте вместе возвышать его во всех отношениях и давать ему первые места, но преследовать сегодня еврея, завтра — армянина, потом поляка, финляндца и видеть

¹⁶ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Воспоминания (1903—1919), т. I, Париж, 1933, стр. 483—484.

во всех их врагов России, которых нужно всячески укрощать, этому я не сочувствую и в этом нам с вами не по пути»¹⁷.

Коковцов тщательно указывает на точность воспроизводимой им беседы, отметив, что она была им записана «по горячим следам»¹⁸. Если так, то после его заключительных слов тревога националистов должна была бы увеличиться: казалось, кадетский прогноз сбывался в полной мере. Но странным образом националисты после этой беседы прежней тревоги уже не испытывали. Правда, накануне и в день первого выступления Коковцова в качестве нового премьера по очередному националистическому законопроекту опасения вновь закрались в сердца националистов и правых, но это уже был страх совершенно иного порядка: страх за дебютанта, который поначалу из-за неопытности может что-нибудь сказать не так. Но и эти страхи оказались напрасными: выступление Коковцова явилось полным триумфом националистов и очередным позорным провалом политических расчетов кадетов. К этому нужно добавить, что цитированная беседа служит еще одним достаточно веским доказательством несостоятельности приведенной выше точки зрения о якобы служебно-вспомогательной роли националистов по отношению к официальному правительству. Из беседы видно, что дело обстояло как раз наоборот.

Нам остается в заключение в нескольких словах охарактеризовать позицию октябристов.

Уже с первых дней работы Думы октябристский официоз счел необходимым сформулировать позицию «центра» в национальном вопросе. В передовой, посвященной речи Н. А. Хомякова, произнесенной в связи с избранием его председателем Думы, категорически заявлялось: Дума должна быть русская. «Иной Думы в России не будет и быть не должно», как невозможно, например, допустить, чтобы французский парламент оказался по своему составу каким-нибудь дагомейско-кохинхино-мадагаскарским¹⁹.

Даже «Русская мысль», как было показано выше, вынуждена была признать полную идентичность позиций октябристов и националистов в национальном вопросе. Правда, эта оценка относилась к правым октябристам. Но, во-первых, они составляли большинство фракции, во-вторых, разница между ними и остальной частью «Союза 17 октября» в этом вопросе была очень невелика.

Цитированный выше «Наблюдатель» делил это меньшинство на три течения: «центр» и две группы «левых» октябристов. Отличие центра от правых, которых представляли такие лица, как

¹⁷ Там же, стр. 486.

¹⁸ Там же, стр. 485.

¹⁹ «Голос Москвы», 4 ноября 1907 г.

А. П. Сапунов, Г. В. Скоропадский, В. А. Потулов, состояло, на его взгляд, в том, что, сходясь с ними полностью в «политическом национализме», «центр» занимал более либеральную позицию в области народного образования, смыкаясь здесь с «левыми» октябристами. Представителями «центра» автор называет В. К. фон Анрепа, Э. П. Беннингсена и Н. В. Савича. Одна группа «левых» октябристов (группа Ю. Н. Глебова) была с националистическим оттенком, второе течение (Д. А. Леонов, С. И. Шидловский, А. Е. Фаворский) было «определенно прогрессивное»²⁰.

Все эти расхождения были совершенно ничтожны и имели важное значение только в глазах кадетов, которых не покидала надежда на единый «конституционный» блок со своими правыми соседями.

КАДЕТЫ И ПРОГРЕССИСТЫ

Провести грань между прогрессистами и кадетами в национальном вопросе, говорилось в той же статье, «почти невозможно»²¹. Эта итоговая оценка полностью соответствует действительности, и она тем более важна, что между кадетами-политиками во главе с П. Н. Милюковым, с одной стороны, и кадетами-доктринерами во главе со Струве, к которым целиком присоединились прогрессисты,— с другой, прошла полемика по основным вопросам национальной политики, выдававшаяся обеими сторонами как серьезное принципиальное расхождение. Poleмика эта представляет для нас исключительный интерес, так как раскрывает ее причины и подлинный характер национальной политики российского либерализма.

Вскоре после революции Струве как признанный теоретик либерализма, считавший себя свободным от партийной узости и ошибок своей партии, которые он сводил к заигрыванию с демократией, выступил с серией программно-теоретических статей по вопросам внешней и национальной политики, вошедших затем в известный сборник «Patriotica»²². Начало этой серии положила статья под названием «Великая Россия», опубликованная в начале 1908 г. Она имела характерный подзаголовок («Из размышлений о проблеме русского могущества») и была посвящена прогрессисту Н. Н. Львову как близкому политическому единомышленнику автора²³. Статья носила подчеркнуто «поворотный» характер и была провозвестницей будущей статьи Струве в «Вехах». Вызывающе-веховский характер статьи был прежде всего

²⁰ «Русская мысль», 1912, № 8, стр. 22—25.

²¹ Там же, стр. 25.

²² П. Струве. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905—1910 гг.). СПб., 1911.

²³ «Русская мысль», 1908, № 1, стр. 143—157.

подчеркнут заголовком, представлявшим собой демонстративное заимствование из известной фразы Столыпина, которую тот бросил социал-демократам во II Думе: «Вам нужны великие потрясения, нам же нужна Великая Россия». Отвечая на упрек одного из своих критиков, Струве писал: «Да, г. Пешехонов прав: я „не случайно“, а совершенно намеренно свой лозунг „Великая Россия“ заимствовал не у кого иного, как у П. А. Столыпина... Это был общественно-психологический эксперимент»²⁴.

В предисловии к сборнику «Patriotica» Струве успел заимствовать у Столыпина уже другой его коронный лозунг — «ставка на сильных», с той только разницей, что этот лозунг он предпочел выразить «деликатнее», призвав общество следовать «идеям личной ответственности и личной годности»²⁵.

Содержание статьи сводилось к обоснованию мысли о необходимости полного и решительного возврата к активной ближневосточной политике взамен обанкротившейся дальневосточной. «Теперь пора признать,— писал Струве,— что для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область—весь бассейн Черного моря, т. е. все европейские и азиатские страны, „выходящие“ к Черному морю»²⁶. Франко-русский союз и англо-русское соглашение 1907 г. Струве расценивал как «безусловно необходимые внешние гарантии создания Великой России»²⁷.

Итак, перед нами совершенно законченная, откровенно империалистическая внешнеполитическая программа, в защиту которой Струве приводил целую батарею доводов и рекомендаций. Однако нас в данном случае интересуют не они, а конечная мысль автора, представляющая собой не что иное, как его генеральную историко-философскую идею, основной вывод историко-политической концепции. Кратко сформулировать эту мысль можно следующим образом: смысл развития великого государства в его великодержавности, и этому его историческому назначению должно подчиняться и служить не только правительство, но и общество. Полезность или вредность любого общественного движения, будь оно либеральное или революционное, оценивается только с точки зрения этого служения. Все остальные критерии не годятся и должны быть отброшены.

«Политика общества,— писал Струве,— и должна начать с того, чтобы на всех пунктах национальной жизни противогосударственному духу, не признающему государственной мощи и с ней не считающемуся, и противокультурному духу, отрицающему дисциплину труда, противопоставить новое политическое и куль-

²⁴ П. Струве. На разные темы.— «Русская мысль», 1909, № 1, стр. 195.

²⁵ П. Струве. *Patriotica*. От автора.

²⁶ «Русская мысль», 1908, № 1, стр. 146.

²⁷ Там же, стр. 155.

турное сознание»²⁸. Нетрудно догадаться, что под носителями «противогосударственного духа» Струве разумел революционную демократию и социал-демократию прежде всего, а «противопоставить» ей он призывал «культурный» либерализм, работающий на благо «государственности» рука об руку с «исторической властью». «Государство, — пояснял он в другом месте, — должно быть революционно, когда и поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть революционно, когда и поскольку это подрывает его могущество»²⁹.

Дальнейшее обоснование идеи внешнего могущества и путей, которые к нему ведут, неизбежно в силу органической связи привело Струве к необходимости подробно заняться национальным вопросом, особенно в связи с переходом Столыпина и Думы к политике воинствующего национализма.

Осуждая официальный национализм, Струве отнюдь не осуждал национализм вообще. Наоборот, он противопоставлял ему как плохому национализму, мешающему росту могущества «Великой России», национализм хороший, способствующий этому росту. Есть два диаметрально противоположных национализма, писал он. «Один — национализм свободный, творческий и потому открытый и в подлинном, и лучшем смысле завоевательный. Другой — национализм скованный, пассивный и потому вынужденный бояться других и обособляться от них. Это национализм — закрытый или замкнутый и оборонительный»³⁰. Классическим типом первого национализма Струве считал англосаксонский и, конечно, объявлял себя его решительным сторонником. Выбор того или другого национализма, по его «глубокому убеждению», означал «быть или не быть Великой России».

Основной вред официального национализма Струве усматривал в том, что он препятствовал ассимиляции нерусских народов и приводил к автономизму. «Дух и политика торжествующего теперь замкнутого национализма, — указывал он, — стремится пресечь и затруднить этот процесс ассимиляции...»³¹ Насильнический национализм отрезает этому процессу все пути, порождая обратную тенденцию к автономии. Призывая стать на путь «творческого» национализма, Струве отнюдь не считал нужным прикрывать его словесным флером как, это любили делать его собраты по партии — «реальные политики». Он предпочитал откровенность. «Не ради гуманности, не из соображений справедливости русский народ (!) должен держаться такой (его, стру-

²⁸ «Русская мысль», 1908, № 1, стр. 148.

²⁹ Там же, стр. 157.

³⁰ П. Струве. Парламентский суд над октябристами. Официальный национализм и его противоречия. — «Русская мысль», 1910, № 6, стр. 173.

³¹ Там же, стр. 176.

венской. А. А.) политики,— писал он,— а из чувства... здорового национального эгоизма»³². Официальный национализм плох тем, что он ослабляет великодержавное положение России.

Поддающимися ассимиляции Струве признавал все нерусские народы и окраины России, за исключением Финляндии и Польши. Однако из этого не следовало, что он собирался предоставить им право на политическую самостоятельность. Наоборот, Струве полагал, что «Финляндия и Царство Польское неразрывно связаны с Российской империей», хотя «эти области никогда не могут стать русскими». Более того. И та, и другая всегда должны исходить из того факта, что они — неразрывная составная часть Российской империи, а эта империя «по своим историческим судьбам и по основной, задающей в ней тон культуре есть национальное русское государство»³³.

Столь высокопарно пропагандируемый Струве «творческий» национализм сводился на деле к исключительно куцей и благонамеренной программе, по сути исчерпывающейся двумя пунктами: 1) отказ от грубо насильственных методов русификации и национального угнетения, пропагандируемых правыми, и 2) предоставление нерусским народам права пользоваться родным языком в школе, суде и земском самоуправлении. Что касается цели «творческого» национализма, то она, по многочисленным заявлениям Струве и всех других либералов, была та же, что и у националистов и правительства: упрочение империи, целостность и неделимость России. Разница, следовательно, отмечалась только в средствах.

Что дело обстояло именно таким образом, свидетельствует та оценка, которую получила книга Струве у одного из самых ярких представителей официального национализма, критикуемого им. «„Патриотическая тревога“, — писал нововременец И. П. Филевич, — начинает у нас теперь захватывать, наконец, и те круги, которые до сих пор упорно витали в атмосфере отвлеченности и общих трескучих фраз... Лозунг „Великой России“ начинает оказывать действие и на этих русских людей..» И далее прямо называлась «Patriotica»³⁴. Эта похвала была совершенно равнозначна похвале Антония Волинского «Вехам».

Самое беглое знакомство с позицией кадетов и прогрессистов по национальному вопросу сразу же показывает, что она в точности соответствовала только что изложенной точке зрения Струве. Между Струве и Милюковым в этом отношении не было ни малейшей разницы. Кадеты облекли свою программу в формулы: «государственная нация», «российская нация», «российский

³² Там же, стр. 177.

³³ П. Струве. Политика внутренняя и политика внешняя. — «Русская мысль», 1910, № 2, стр. 143.

³⁴ «Новое время», 25 ноября 1911 г.

гражданин»³⁵. Все три формулы, как нетрудно понять, символизировали принципы «творческого» национализма. Таким образом, программы Струве и Милюкова полностью совпадали, но за программой, как известно, следует тактика. И вот тут начиналось расхождение.

Основной и по сути единственный упрек, предъявленный Струве официальному руководству кадетской партии и фракции, состоял в том, что партия совершила крупную ошибку из-за боязни общественного мнения, целиком отмежевываясь от официального национализма, тем самым добровольно уступив монополию на национализм правым партиям и стяжав себе в глазах последних, а также правительства и октябристов славу ненациональной, непатриотической партии. В жертву оппозиционному либерализму был принесен «государственный национализм», который столь же близок и дорог кадетам, как и его официальным и плохим защитникам.

Ущерб, наносимый партии подобной политикой, был, по мнению Струве, такого же свойства, как и полученный от нежелания «перестать косить глаза налево», перейти на позицию откровенно-контрреволюционного либерализма. Это нежелание вызывало недоверие к ней помещичье-буржуазного общественного мнения, подрыв базы для сотрудничества с октябристами и правительством и успешной конкуренции с правыми в решающей в конечном счете области — внешней политике.

Эту возможность и необходимость вырвать роль лучших «патриотов» у правых и октябристов, сделать их лозунги своими, «облагородив» их либерализмом, Струве и близкая ему прогрессистская газета «Слово» поясняли и пропагандировали на примере боснийского кризиса. Провал царской дипломатии в связи с аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины вызвал бурю возмущения в помещичье-буржуазном лагере. Вся их пресса кричала о «национальном позоре», об очередном «унижении» России, о «дипломатической Цусиме» и т. п. и требовала от царизма решительной и действенной внешней политики. В том же духе высказались и все лидеры фракций думского большинства, начиная от Балашова и кончая Милюковым. В то же время Гучков, считавшийся с военной слабостью России и строивший все свои политические расчеты на содействии возрождению военной мощи царизма, вынужден был на закрытом заседании Думы признать эту слабость и, следовательно, примириться с понесенным поражением.

Струве и «Слово» решили показать кадетам, как надо с выгодой для себя воспользоваться моментом.

В статье под названием «О монополии на патриотизм» один из публицистов «Слова», Вас. Голубев, писал: «Захват монопо-

³⁵ «Русская мысль», 1912, № 8, стр. 26—27.

лии патриотизма правыми группами — это одна из весьма и весьма тягостных ошибок, допущенных прогрессивной частью нашего общества». Теперь в связи с кризисом «как раз является своевременным» поднять этот вопрос. «И „Слово“ было чуть ли не единственной газетой, указавшей на антинациональный тон речи г. Гучкова, когда он заявил в Думе о нашей слабости. Мы сказали тогда, что г. Гучков забыл о существовании русского народа (!)». Дело, указывал автор, состоит «в подъеме национального русского чувства как основы единства России. И потому изъятие патриотизма из реакционного лагеря в прогрессивный теперь является задачей времени, лозунгом не в сторону поддержки реакции, а в сторону ее понижения»³⁶.

Спустя несколько дней газета «Слово», на этот раз в передовой, писала: о признании Россией австро-венгерской аннексии, как о позоре, в Думе говорили Хомяков, Милюков, Гучков, Балашов, Львов. С точно такими же заявлениями выступила и «вся пресса» вплоть до «Нового времени». Из этого следует, что в России есть «общественное мнение», «нечто такое, что в известные моменты, при известных обстоятельствах способно объединить разнородные общественные группы и соединить резко расходящиеся течения в одном общем широком русле». «Этот последний позор,— заключала газета,— должен повлечь за собой единодушие»³⁷. Таким образом, в статье вопрос ставился даже шире, чем «вырывание монополии» на патриотизм у правых,— речь шла уже о прямом сотрудничестве с ними на базе данного патриотизма. И это был отнюдь не случайный призыв, не обмолвка, а сознательно взятый политический курс.

Один из столпов веховского либерализма С. Н. Булгаков, развивая те же мысли в статье «Две Цусимы», писал: «Создается национальное чувствовали, старому просветительскому космополитизму приходит конец». «Теперь,— с радостью констатировал он,— картина изменилась, патриотизм, даже с привкусом шовинизма, входит в моду, потому что становится оппозиционным». Начинается перевоспитание интеллигенции в этом духе — она уже стремится вырвать патриотизм у реакции. На этой основе «может родиться необходимый национальный подъем, который в патриотическом порыве вернее сметет старую гниль и приведет страну к возрождению». Без этого, вешал в заключение автор, «неразрешима проблема „Великой России“»³⁸.

Наконец, Струве в статье «Унижение России» истощно кричал о том, что признание аннексии Боснии и Герцеговины — нестерпимый «национальный позор». Имея, очевидно, в виду указанную выше речь Гучкова, он требовал покончить с беспредель-

³⁶ «Слово», 14 марта 1909 г.

³⁷ Там же, 18 марта 1909 г.

³⁸ Там же, 19 марта 1909 г.

ным самоунижением и проявить твердость. В заключение Струве призвал правительство сотрудничать с либералами на базе общей «патриотической», сиречь великодержавной, политики. Откуда взять требуемую твердость, вопрошал автор, и отвечал: «Правительство, которое пожелает и сумеет морально опереться на нацию, сможет проявить такую твердость и уверенность»³⁹. Нет нужды объяснять, что, обещая царизму поддержку «нации», Струве, как и все либералы, разумел под ней, равно как и под «народом», буржуазию и буржуазную интеллигенцию.

Средством «вырвать» национализм из рук правых, сделав его достоянием либерализма, Струве и «Слово» считали решительное заявление кадетов, которое заставило бы умеренно-консервативные помещичье-буржуазные круги, октябристов и правительсто уверовать в них как в представителей и выразителей «настоящего», лучше всего отвечающего их интересам, «творческого» национализма, рассеять их опасения по поводу равнодушия и даже нигилизма партии «Народной свободы» в этом вопросе. Заявление, для вящей убедительности, должно быть сделано по удачному поводу и носить характер открытой демонстрации. Желая подтолкнуть своих коллег, они решили начать первыми. Темой был избран еврейский вопрос.

Чтобы в полной мере оценить значение этого выбора, надо хотя бы в нескольких словах охарактеризовать состояние еврейского вопроса к изучаемому периоду.

Еврейский вопрос в силу традиции, крайней остроты и специфических черт приобрел свойства, если так можно сказать, «барометрического» вопроса. В арсенале великодержавно-националистической политики антисемитизм был одним из самых простых, удобных и эффективных орудий, поэтому черносотенно-помещичья реакция всегда очень им дорожила. Самое ценное в нем, с ее точки зрения, состояло в возможности апеллировать к массам без страха обострить какой-нибудь другой важный вопрос, например, аграрный или национально-территориальный. В силу некоторых специфических черт еврейского капитала, порожденных рядом исторических причин (преимущественно банковско-торговая сфера, ростовщичество, посредничество, купечество) и безусловно служивших одним из объективных источников антисемитизма, последний долгое время находил сочувствие и отклик в широких слоях мелкой буржуазии, а также буржуазии купеческого, старомосковского типа. Искусственная скупченность основной массы еврейского населения в «черте оседлости» (Украина и Белоруссия), а также в городах Царства Польского служила дополнительным средством разжигания национальной розни и отвлечения от национально-освободительной

³⁹ «Слово», 22 марта 1909 г.

борьбы. В свою очередь крайне бесправное и тяжелое положение евреев породило одну из самых крайних форм буржуазного национализма. Еврейский буржуазный национализм, базировавшийся на сионизме и других течениях, проповедовал идею исключительности еврейского народа, его избранническо-мессианской роли в мировой истории. Вожди национализма культивировали среди евреев такие отрицательные черты, как нетерпимость, национально-общинная замкнутость, религиозно-бытовые пережитки и т. п. Это давало дополнительные возможности разжигать антисемитизм, спекулировать на темноте и предрассудках масс.

Однако в результате возросшей в огромной мере сознательности народа, прошедшего школу великой революции, антисемитизм все больше и больше начинал терять свою действенность. Перед реакцией встала явная угроза, что через некоторое время сфера воздействия антисемитской пропаганды сузится до таких пределов, за которыми она уже потеряет прежнее значение универсального средства воздействия на массы. С тем большим ожесточением она кинулась спасать свое любимое детище.

Период третьеиюньской монархии характеризуется чрезвычайным усилением политики антисемитизма со стороны правительства, черносотенных организаций и правоохранительного большинства в Думе. Еврейский вопрос не сходил с повесток съездов уполномоченных дворянских обществ и заседаний их Постоянного совета⁴⁰. Правая печать вела систематическую травлю евреев. Ни один уважающий себя депутат-антисемит не упускал случая лягнуть «жида» с думской трибуны. Правительство целиком разделяло и поддерживало эти настроения⁴¹.

Но, как это часто бывает с носителями обреченной политики, они сами становятся ее жертвами. Так произошло и в данном случае.

⁴⁰ Вот одно из типичных решений Постоянного совета дворянских обществ. На заседании 27 марта 1911 г. было постановлено проект резолюции по еврейскому вопросу формулировать в более общей форме (по сравнению с представленной на обсуждение), но «с тем, однако, чтобы в ней, помимо категорического заявления о необходимости исключения евреев из армии, было указано также на желательность: 1) недопущения евреев к должностям, связанным с законодательной, административной и судебной властью; 2) устранения их от педагогической деятельности; 3) разобщения еврейской учащейся молодежи от русской и 4) строгого исполнения существующих о евреях ограничительных законоположений» (ЦГАОР СССР, ф. 584, оп. 1, д. 81, л. 11).

⁴¹ На полях письма от имени общего собрания членов Киевского губернского отдела «Союза русского народа» от 14 сентября 1907 г., посланного Столыпину, рукой последнего наложена следующая резолюция: «Наконец, среди грубой брани и требований, вызванных политиканством и интригой, дождался я от Союза русского народа мыслей правдивых и серьезных. Безобразный прием евреев в Киевский политехникум уже обратил на себя мое внимание, и я принял соответствующие меры» (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 941, л. 107).

Дело в том, что антисемитизм, чтобы не потерять своего влияния, должен все время подогреваться. Между тем все возможное в этом отношении было уже давно сделано. Все пропагандистские, законодательные и административно-полицейские ресурсы были уже использованы до предела, и дальше, собственно, идти было некуда. Получался заколдованный круг: для того, чтобы возбудить страсти, надо было все время требовать новых ограничений и преследований евреев, но все уже здесь было фактически исчерпано. Оставалось одно: не считаться с реальностью и элементарным здравым смыслом.

И действительно, знакомство с соответствующими статьями и речами показывает, что антисемитская пропаганда в рассматриваемый период приняла совершенно патологический характер. Всякое чувство меры, стремление хотя бы к тени правдоподобия и логики было начисто потеряно. Неистовство, изуверство и глупость превзошли все мыслимые пределы. Неизбежным результатом такой политики была ее полная дискредитация даже в глазах правоверных антисемитов, не потерявших еще чувства брезгливости и элементарного понимания действительности. Это приводило к новому взрыву бешенства антисемитов, порождавшему новую волну общественного презрения и негодования. И так без конца и без всякой надежды найти выход. Дело Бейлиса, которым завершилась вся эта, не прекращавшаяся ни на один день антисемитская кампания, было выражением такого полного и абсолютного тупика. Сознывая это обстоятельство и не будучи в силах что-либо изменить, все эти пуришкевичи, замысловские, меньшековы и им подобные стали жертвами собственного психоза, собственного политического безумия. Для них антисемитизм стал навязчивой идеей, признаком политической благонадежности, ответом на вопрос: «как верить?» Но ту же роль лакмусовой бумажки, только с обратным ответом, он стал играть и в прогрессивных слоях общества.

В таких условиях течению, называющему себя либеральным, выступить с открытым сочувствием антисемитизму означало действительно сделать смелый шаг к союзу с реакцией, бросить вызов даже самому умеренному прогрессивному общественному мнению. Струве и его сторонники сделали этот шаг: это был год выхода «Вех». Поводом к нему послужил «чириковский инцидент» (по имени писателя Евгения Чирикова, ставшего после Октябрьской революции белоэмигрантом). Состоял он в следующем. Еврейский писатель Шолом Аш читал группе артистов и литераторов свою новую пьесу «Белая ночь». Во время обмена мнениями автор бросил фразу: чтобы понять героиню его пьесы Розу, надо либо быть евреем, либо прожить с евреями 5 тысяч лет. В ответ Чириков в резкой форме заявил, что в таком случае евреи не способны понять русский быт и, следовательно, русский народ, так как национальность тесно связана с бытом. В спор

ввязались другие, и он превратился, как и следовало ожидать, во взаимные нападки и обвинения в национализме, которые затем были вынесены на страницы газет.

Инцидент сам по себе уже никого не интересовал, речь пошла о коренном вопросе — об отношении русского либерализма к национальному вопросу вообще, к еврейскому в частности. Poleмика охватила весь либеральный лагерь, в нее втянулись столпы либерализма.

С одной из принципиальных статей выступил уже упоминавшийся Голубев. Она называлась «Соглашение, а не слияние» и требовала «выяснить, а не замалчивать» поднятые вопросы, указывая на то, что инцидент Чирикова — не частный случай, что он имеет общие причины и тенденции в национальном вопросе. Следуя собственному призыву, автор писал: «„Русские ведомости“ боятся, что принятая позиция поведет ее по дорожке „Нового времени“. На самом деле московская газета боится ставить острые вопросы и делала это совершенно напрасно: они все равно прорвутся, как показал чириковский инцидент... Нечего скрывать, — писал далее Голубев, — что национальный вопрос стоит теперь далеко не так, как он стоял у нас до революции и во время революции». Положение теперь резко отлично от прежнего. «Не прошла бесследно... борьба внутри общества, внутри различных общественных классов и групп, которая происходила, происходит еще и сейчас... Эта внутренняя борьба и изменения, несомненно, происходили и между национальностями, населяющими русское государство. Было бы ошибочно думать, что в общей борьбе самых различных общественных и национальных групп против старого режима не происходило весьма серьезных междугрупповых столкновений». Поскольку за последние годы «различные национальные группы значительно самоопределились», необходимо, делал вывод автор, и русским либералам «задуматься над своей национальной задачей, тем более что задача русских много сложнее задач недержавных национальностей», — это задача «государственная». «Отсюда вытекает задача русской интеллигенции, развивая свою национальность, как национальность государственную, стремиться не к слиянию с другими национальностями, а к признанию соглашения с ними»⁴².

Как видим, перед нами точная и ясная постановка национального вопроса с позиции откровенного контрреволюционного и великодержавного либерализма. Но Струве полагал, что этого недостаточно, так как не поставлена точка над «i» непосредственного предмета спора. И он поставил эту точку, потребовав, чтобы русский либерализм открыто и прямо заявил, что в еврейском вопросе он стоит на позиции «асиметизма». «Асиметизм» —

⁴² «Слово», 9 марта 1909 г.

словечко, специально придуманное Струве, чтобы отличить антисемитизм «культурный» от антисемитизма «некультурного», проповедовавшегося правыми. Сам Струве определил свой термин как «культурное отталкивание». Один из идеологов еврейского буржуазного национализма Жаботинский расшифровал его содержание следующим образом: «Это — не борьба, не травля, не атака: это — безукоризненно корректное по форме желание обходиться в своем кругу без нелюбимого элемента»⁴³.

Возражения Милюкова своему собрату по партии удивительным образом напоминают полемику кадетов с «Вехами». Собственно, единственный настоящий контртезис был один: грубо, откровенно и несвоевременно. Сторонники «эстетического национализма» (так Милюков характеризовал струвенский «асиметизм»), поучал вождей кадетов в статье «Национализм против национализма», отвечая на статью Струве «Интеллигенция и национальное лицо», встретившись с «проекцией своих слов в живой действительности... лучше научатся взвешивать свои слова и понимать их общественное значение».

Однако Струве был на этот счет другого мнения. В ответной статье «Политические зигзаги и несвоевременная правда» он, разоблачая Милюкова и его орган, писал: словечком «проекция» Милюкову его, Струве, запугать не удастся: кадетская аграрная программа, ядовито замечал он, тоже может иметь проекцию «всеобщего земельного поравнения или даже аграрных погромов». Милюков обходит главную суть спора: своевременно ли было выступать с теми заявлениями, которые сейчас Милюков осуждает? У Струве на этот счет не было ни малейших сомнений: вполне своевременно, так как вопрос назрел и все равно бы прорвался. То, что он предлагает, есть лучшее решение: «„Асиметизм“ — гораздо более благоприятная почва для правового решения еврейского вопроса». «Я полагаю, — писал в заключение Струве, — евреям полезно увидеть открытое „национальное лицо“ той части русского, конституционно и демократически (!) настроенного общества, которая этим лицом обладает и им дорожит. И, наоборот, для них совсем не полезно предаваться иллюзии, что такое лицо есть только у антисемитического изуверства». Заканчивалось все любимым рефреном: без «русской национальности... не простоит и „российское государство“»⁴⁴.

Ко всему изложенному следует добавить, что у Милюкова, помимо опасения, что откровения Струве будут стоить кадетам того, что их приравняют к адептам «Нового времени», была еще одна веская причина для беспокойства: реакция еврейской буржуазии. Как известно, она из-за открытого антисемитизма ок-

⁴³ «Слово», 9 марта 1909 г.

⁴⁴ Там же, 12 марта 1909 г.

тябристов поддерживала кадетов, оказывая им финансовую и всякую иную помощь. В самой партии было много евреев, некоторые из них — М. М. Винавер, И. В. Гессен и др. — играли в ней видную роль⁴⁵.

Нам остается показать, что на деле национальная политика кадетов, включая и отношение к еврейскому вопросу, в точности отвечала тем требованиям, которые им предъявлял Струве и другие сторонники откровенно-«веховского» либерализма.

Боснийский кризис и упомянутую речь Гучкова они, с точки зрения Струве и К⁰ использовали наилучшим образом, сделав заявку на свой «культурный» национализм. В специальной передовой кадетский официоз упрекал Гучкова за то, что «в настоящую минуту, когда речь идет о национальном достоинстве России, о действительном поддержании ее престижа», он пошел «гораздо дальше, чем то требуется обстоятельствами дела»⁴⁶. Более того, передовая «Речи» поучала правительство и правых: «Причин (провала русской политики.— А. А.) надо искать не в Софии и в Белграде...», а в другом: «Попробуйте организовать в России, ну, скажем, митинги протеста против аннексии Боснии или, если угодно, митинги одобрения Извольскому. Невозможно»⁴⁷.

Это «если угодно» было, конечно, весьма примечательным. Намеки кадетов были настолько прозрачны, а цель — очевидной, что даже «Новое время», как констатировала сама «Речь», оказалось «готово признать „в высшей степени симпатичным“ тон патриотических заявлений... кадетов!» Верный своей природе, кадетский официоз пытался показать свое «в высшей степени симпатичное отношение» к такому признанию со стороны суворинской газеты и в то же время скрыть его. Не она, «Речь», утверждала передовая, заимствовала высказанные «патриотические» идеи у «Нового времени», а, наоборот, «Новое время» «повторяет кадетскую мысль» о том, что «внутренняя борьба ослабляет страну, поскольку она исключает возможность внеш-

⁴⁵ Яркой иллюстрацией к подлинным настроениям кадетского руководства в отношении евреев служит дневник А. В. Тырковой. Вот две ее записи от 17 и 19 марта 1910 г.: «Разговоры о национализме лезут со всех сторон. По-видимому, это все крепче разрастается среди радикалов (т. е. либералов.— А. А.). 6 января были у Гредескула. Шел спор о газете. Сам Гредескул, Эрвин Гримм, Д. Д. Протопопов..., все говорили, что нельзя терпеть, что, кроме „еврейской“ „Речи“, ничего у нас нет. Только Родичев и Давид Гримм были против нас. Последний считает национализм явлением актикультурным.

Вчера был А. А. Свечин. Он мягкий и широкий человек. Говорил о евреях с улыбкой. Считает, что без них было бы трудно им, помещикам. Но все-таки понимает, что трудовик Локоть начал печатать в Киеве националистический журналчик, [потому что] евреи их на юго-западе одолели» (ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 16, лл. 43 об.—44). Подобное место в дневнике далеко не единственное.

⁴⁶ «Речь», 1 марта 1909 г.

⁴⁷ Там же, 8 октября 1908 г.

ней победы и служит лучшей подготовкой к поражениям»⁴⁸. Столыпинская «Россия», оберегая октябристов от кадетского влияния, предпочла комплиентам разоблачения. Кадеты объявили себя националистами, говорилось в передовой: «Это неожиданно, но трогательно». Смысл этой игры состоит в том, что они решили заняться «уловлением сердец»⁴⁹. «Игра в националистов», указывала другая передовая, не удалась. Кадеты хотели пойти «на откровенную сделку с настроениями данной минуты», но их маневры разгаданы⁵⁰. «Россия» могла бы к этому добавить, что это были те самые маневры, которых добивался от кадетов Струве.

Спустя два года, уже в обстановке начавшегося революционного подъема, Маклаков при обсуждении в Думе законопроекта 166-ти об отмене черты еврейской оседлости призывал всех черносотенцев — от правых до октябристов — принять этот законопроект потому, что «„право на антисемитизм“ приобретут русские люди именно только после отмены черты оседлости...»⁵¹

Параллельно с образованием партии и фракции националистов была окончательно спланирована и сама националистическая политика, которая до этого носила на себе печать некоторой разбросанности и недоделок. Реакция, буруеваемая жаждой мести и ненавистью, сгорала от нетерпения обрушиться на все нерусские народы и окраины разом — на народы Кавказа, мусульман, финнов, поляков и т. д. В силу этого главные, с ее точки зрения, вопросы, требующие первоочередного разрешения, зачастую отодвигались на задний план, уступая дорогу второстепенным. В значительной мере это, конечно, зависело и от чисто конкретных обстоятельств текущего порядка. Примером такой импровизации может служить история с кавказским запросом. Он был внесен в Думу по инициативе крайних правых в апреле 1908 г. Ему предшествовала кампания, поднятая Меншиковым в своей газете серией огромных статей под общим заголовком «Кавказ разваливается»⁵². Анализ этих статей, текста запроса и выступлений его авторов показывает, что целью их был не столько Кавказ, сколько кавказский наместник гр. И. И. Воронцов-Дашков, которого черносотенцы хотели свалить по своим сугубо корыстным соображениям⁵³. Измышления о том, что наместник и его администрация, проводившие самую реакционную политику, поддерживают кавказских революционеров и сепаратистов, были так дико нелепы, что правооктябрист-

⁴⁸ «Речь», 5 мая 1909 г.

⁴⁹ «Россия», 26 марта 1909 г.

⁵⁰ Там же, 23 марта 1909 г.

⁵¹ «Социал-демократ», № 21-22, 19 марта 1911 г., стр. 9.

⁵² «Новое время», 20 марта 1903 г. и др.

⁵³ Ст. от., с. II, ч. I, заседания 26, 30, 37, 42, 46, 47 (декабрь 1908 г. — февраль 1909 г.).

скому большинству запрос пришлось снять, испытав при этом известный конфуз.

К 1910 г. мы наблюдаем уже твердо продуманный план, выраженный в первоочередных законопроектах. В связи с этим газета «Окраины России» в передовой, озаглавленной «Ближайшие окраинные вопросы», писала: «Два особенно важных (вопроса.— А. А.) ожидают решения в наступившем году: мы тут разумеем окончательное выяснение отношений Финляндии как провинции к Российскому государству и окончательное решение вопроса о выделении Холмской Руси из состава Привислинского края, или Варшавского генерал-губернаторства». «Вот эти-то два важнейших вопроса, — говорится ниже, — на ближайшей очереди к решению в наступившем году». В качестве второочередных задач назывались «кавказские дела», а также вопрос... о панисламизме и т. п.»⁵⁴.

Таким образом, первыми жертвами провозглашенного националистического курса были избраны Финляндия и Польша, которыми Дума занималась вплоть до конца своих полномочий. Выбор этот был далеко не случаен.

⁵⁴ «Окраины России», 1910, № 1, стр. 1, 3

Глава вторая

ПОХОД НА ФИНЛЯндию

Эти слова В. И. Ленина, которыми он озаглавил свою статью, исключительно точно определяют смысл политики царизма и III Думы в отношении Финляндии. Целью похода, указывал В. И. Ленин, было «*полное разрушение финляндской свободы*»¹. Царь и Столыпин, опираясь на поддержку правоокебристского большинства Думы, твердо решили навсегда покончить с финляндской конституцией, не останавливаясь перед применением военной силы. Так, в письме от 22 декабря 1907 г. Столыпин писал царю: «Я счел нелишним громко заявить (финляндскому генерал-губернатору и статс-секретарю.— А. А.), что ваше величество твердо решили, в случае нарушения финляндцами закона и неподчинения законным требованиям, действовать силою „*тапи милитари*“». По-видимому, в Гельсингфорсе начинают понимать, что это не пустые угрозы, и мне кажется, что дело принимает удовлетворительный оборот»². В сентябре 1910 г. царь в письме Столыпину предложил издать рескрипт на имя финляндского генерал-губернатора, в котором наряду с прочим должна была быть выражена мысль «о сомнительной пользе самого существования или созыва сейма»³.

Выдвижение Финляндии в качестве объекта номер один в национальной политике царизма было обусловлено несколькими причинами, из которых мы назовем три.

Первая причина заключалась в стремлении восстановить престиж силы и мощи имперской власти царизма, которому провалом бобриковщины и восстановлением финляндской конституции во время революции 1905—1907 гг. был нанесен жестокий удар. Признание своего поражения в борьбе с маленьким народом, по мнению вдохновителей и проводников

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 218—219.

² «Красный архив», 1928, т. 5 (30), стр. 81.

³ Там же, стр. 87.

националистического курса, означало признание перед лицом нерусских народов слабости империи как таковой, ее неспособности сохранить единство и нераздельность России, что может явиться для них важным вдохновляющим фактором.

Во-вторых, Финляндия сильно беспокоила царизм как база и убежище для русских революционеров.

И, наконец, в-третьих, автономная Финляндия с ее всеобщим избирательным правом, сравнительно большими экономическими успехами, достигнутыми в трудных природных и исторических условиях, была живым отрицанием Российской империи, управлявшей окраинами методами жестокого угнетения и подавления всякой самостоятельности, нежелательным примером для других окраин и нерусских народов страны.

Для разработки и планирования всех антифинляндских мероприятий, последовательное осуществление которых должно было привести к уничтожению финляндской автономии, при Совете министров было образовано на основании всеподданнейшего доклада Столыпина, утвержденного царем 18 октября 1907 г., Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского⁴. Председателем совещания был назначен Столыпин, членами — государственный контролер П. А. Харитонов, члены Государственного совета Дейтрих и профессор Сергиевский, сенатор Н. П. Гарин, генерал-лейтенант Бородин⁵. В 1908 г. в состав совещания были введены еще три члена: Коковцов, И. Г. Щегловитов и финляндский генерал-губернатор (генерал В. А. Бекман, а затем сменивший его генерал Ф. А. Зейн)⁶. Во главе совещания неизменно стоял председатель Совета министров: после Столыпина им стал Коковцов, а после его отставки — И. А. Горемыкин. При последнем в состав совещания вошли также министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского генерал Марков, помощник финляндского генерал-губернатора А. И. Липский и, наконец, Н. Н. Корево — председатель так называемой высочайше утвержденной комиссии для систематизации финляндских законов⁷. Корево был также председателем высочайше утвержденной при Особом совещании подготовительной комиссии, которая, как это видно из ее названия, была рабочим органом совещания. Составлена она была из представителей министерств и ведомств: от Государственной канцелярии, Синода, министерств иностранных дел, военного, внутреннего (шесть членов), финансов, юстиции (два члена), просвещения, торговли и промышленности, путей сообщения, землеустройства и земледе-

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, 1907 г., д. 73.

⁵ Там же, оп. 18, д. 68, л. 48—48 об.

⁶ Там же, лл. 88—88 об., 143.

⁷ Там же, д. 69, л. 398—398 об.

лия, от Финляндского жандармского управления и финляндского генерал-губернатора⁸.

Более зловещих для Финляндии фигур, чем такие члены Особого совещания, как Дейтрих, Гарин, Бородкин, Корево, Липский и др., невозможно было отыскать. Все они были «бобриковцами» в прямом смысле слова, т. е. свою карьеру они сделали на удущении Финляндии во времена генерал-губернатора Н. И. Бобрикова. Дейтрих был, например, его помощником, и разница между ним и его шефом состояла только в том, что последнего в Финляндии убили, а этого лишь ранили. Их обуревала поистине бешеная ненависть к финскому народу и жажда реванша за провал бобриковской политики. Разрушение автономии Финляндии сделалось для них тем же самым, чем для Катона разрушение Карфагена,— смыслом жизни. Липский, Бородкин и их достойные соратники Якунчиков, Н. А. Мясоедов (бывший выборский губернатор, прославившийся своим жестоким управлением) и другие выступали с бесчисленными лекциями и докладами, направленными против Финляндии, были авторами погромных антифинляндских брошюр и статей⁹. На ежегодно устраиваемых (начиная с 1906 г.) «бобриковских обедах» они во главе с Дейтрихом выступали в качестве главных ораторов, твердя только об одном — о необходимости осуществить заветы и цели своего кумира Бобрикова¹⁰.

Деятельность Особого совещания, существовавшего вплоть до Февральской революции, была весьма интенсивной, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что две описи фонда Совета министров целиком посвящены финляндским делам (не говоря уже о том, что немало подобных дел перечисляется в общих описях). Все антифинляндские законопроекты и мероприятия, проектировавшиеся между 1907 и 1917 гг., так или иначе возникали в недрах Особого совещания и разрабатывались им.

АНТИФИНЛЯНДСКИЕ ЗАПРОСЫ

Первым шагом в походе на Финляндию явились три думских запроса правительству, внесенных октябристами (запрос № 6), националистами (№ 7) и крайними и умеренными правыми

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 18, д. 321, лл. 70—71.

⁹ См., например, М. М. Бородкин. Финляндский вопрос. СПб., 1905; А. И. Липский. О порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. СПб., 1910, и др.

¹⁰ «Старый барабанщик бобриковских обедов», — писали, например, о Бородкине «Окраины России» (1910, № 6, стр. 81). На одном из таких обедов Дейтрих, с восторгом вспоминая о «подвигах» своего шефа, рассказал следующий эпизод. Накануне отъезда Бобрикова в Финляндию один крупный государственный деятель сказал ему примерно следующее: М. Н. Муравьев поехал в Польшу подавлять восстание, Вы же едете в Финляндию для того, чтобы создавать его («Речь», 13 февраля 1910 г.).

(№ 9). Цель запросов состояла в том, чтобы продемонстрировать «тревогу» «народного представительства» по поводу положения дел в Финляндии, якобы угрожающего коренным государственным интересам России, а правительству дать возможность в связи с этим открыто провозгласить с думской трибуны программу антифинляндского законодательства.

Запрос октябристов заявлял о неисполнении якобы генерал-губернатором и министром статс-секретарем Финляндии высочайшего указа от 19 октября 1905 г. по поводу порядка представления всеподданнейших докладов, обязывавшего всех главных начальников ведомств (и, следовательно, по мысли авторов запроса, финляндских генерал-губернатора и статс-секретаря) сообщать предварительно председателю Совета министров все всеподданнейшие доклады, имеющие общеперспективное значение¹¹. Запрос националистов требовал объяснений о принятых мерах по ограждению государства от подготовлявшихся якобы в Финляндии посягательств на государственный порядок и безопасность¹². Третий запрос касался предпринимаемых мер по пресечению деятельности общества «Войма»¹³. Октябристский запрос делал вывод о том, что «руководящие финляндские власти вопреки российским основным законам дают тенденциозное направление законодательной деятельности в целях обособления Финляндии в ущерб Российскому государству». Запрос националистов перечислял ряд политических убийств и экспроприаций, подготовленных, по их мнению, в Финляндии (убийства петербургского градоначальника В. Ф. фон-дер-Лауница и начальника Главного тюремного управления А. М. Максимовского, экспроприация в Фонарном переулке и др.). В запросе правых говорилось о деятельности «Красной гвардии» и «Воймы» и утверждалось, что «целью этих сообществ была подготовка вооруженного восстания для полного отделения Финского края от России»¹⁴. Комиссия по запросам приняла все три запроса, заявив, что факты, приведенные в них, не вызывают сомнений.

Характерно, что обсуждение запросов было открыто выступлением Столыпина. Правительство имело право не отвечать на запрос в течение месяца после его принятия Думой, что оно обычно и делало. В данном случае глава правительства выступил до принятия запросов, поднявшись на думскую трибуну сразу же после докладчика комиссии по запросам октябриста Я. Г. Гололобова. Не менее показательным было объяснение причин, заставивших его совершить этот шаг. Финляндский вопрос — серьезный вопрос, с пафосом воскликнул премьер, «вот

¹¹ «Приложения» к Ст. от. Гос. думы. Созыв 3-й, с. I, т. 1, стб. 502—509.

¹² Там же, стб. 509—513.

¹³ Там же, стб. 591—594.

¹⁴ Ст. от., с. I, ч. 2, стб. 2913—2914.

почему, может быть, в нарушение установившихся обычаев я решился поделиться с вами моими мыслями о Финляндии в первой стадии развития этого вопроса». Столыпин сразу же подчеркнул, что он не только не собирается опровергать запросы, но, наоборот, намерен еще более подкрепить их. «Я должен признаться,— заявил он,— что счел бы весьма трудной и неблагоприятной задачу опровергать все факты, которые лежат в основе поданного в Государственную думу запроса». И далее шел обстоятельный рассказ, подтверждавший и дополнявший запросы. Все это понадобилось для вывода, что «корень зла совершенно не в незакономерных действиях или бездействиях властей, а лежит гораздо глубже...» — в финляндском сепаратизме, история которого началась с момента присоединения Финляндии к России и достигла во время революции 1905—1907 гг. своего апогея.

В связи с этим Столыпиным была сформулирована основная задача правительства и Думы в отношении Финляндии: остановить, наконец, процесс, который при дальнейшем попустительстве приведет «к почти полному обособлению этой страны...» Остановить же его можно только изъятием из сферы финляндского законодательства вопросов общеимперского значения. К числу таких вопросов Столыпин отнес наблюдение за постоянными учреждениями Финляндии, управление телеграфом, железными дорогами, таможенное управление, упорядочение прав русских граждан, проживающих в Финляндии, и т. п. Эти вопросы, заявил он, «не могут быть предметом решения одних только финляндцев, в порядке одного только финляндского законодательства». Этот курс решен твердо: «Я получил совершенно определенные указания государя императора, которые и будут приведены в действие».

Цель задуманной инсценировки с финляндскими запросами была раскрыта в заключительной части речи Столыпина. «В прежние времена,— подчеркнул он,— одно только правительство имело заботу и обязанность отстаивать исторические и державные приобретения и права России. Теперь не то. Теперь государь пытается собрать рассыпанную храмину русского народного чувства, и выразителем этого чувства являетесь вы, господа, и вы не можете отклонить от себя ответственности за удержание этих державных прав России». «Правительство,— говорил далее Столыпин,— просит от вас лишь вашей нравственной поддержки... Я уверен, господа, что вы отвергнете запрос; но вами... будут найдены выражения, которые заставят, побудят правительство представить на ваш же суд законопроект, устанавливающий способ разрешения наших общих с Финляндией дел...»¹⁵

¹⁵ Ст. от , с. I, ч. 2, стб. 2920, 2927, 2933, 2937—2941.

Речь Столыпина вызвала бурный восторг на правых и октябристских скамьях. Просимая премьером «нравственная поддержка» была оказана черносотенцами и октябристами с лихвой.

«Внесенный правыми и умеренно-правыми запрос,— начал свою речь Н. Е. Марков 2-й,— дал повод председателю Совета министров нарисовать обширную картину будущей правительственной деятельности по части приведения законодательства Финляндии и России в общую, планомерную систему». Но если эта сторона дела встретила у Маркова полное сочувствие и понимание, то попытка как-то юридически обосновать право центральной власти на захват прерогатив финляндской автономии, что пытался все-таки сделать Столыпин в силу своего официального положения, представлялась ему недостойной игрой и пустой тратой времени. Допустим, что финны даже правы — «значит,— вопрошал в гнев Марков,— Россия должна примириться с тем, что в 26 верстах от нашей столицы... возникло совершенно новое самостоятельное государство, и притом государство, нам весьма враждебное». Ответ может быть только один: при такой ситуации «ничего не остается делать, как объявить этому врагу немедленную войну и завоевать его». «Финляндцы думают,— в неистовой злобе вопил он,— что за ними юридическое право, что они могут кому-то жаловаться на Россию, апеллировать на решение России (к Европе.— А. А.). Если целый народ нельзя заключить в сумасшедший дом..., то все же придется надеть на него смирительную рубашку».

В то же время Марков демагогически уверял правых крестьян, что причина хозяйственных и культурных успехов Финляндии по сравнению с метрополией лежит не в ее относительной свободе, а в том, что она жила и живет за счет последней. «Я утверждаю,— говорил он,— что Финляндия за эти 100 лет разжирела и отъелась на русских деньгах..., что культура финляндская — это тепличный цветок, возросший в российских парниках...»

В заключение Марков заявил о «полном одобрении» правыми правительственных планов: «В этом отношении мы всячески поддержим действия правительства». «Если конституция, данная Финляндии,— сказал он,— почему-либо в данное время становится неудобной для русских интересов, то... она должна быть отменена без всяких разговоров...», как это в свое время было сделано с Царством Польским¹⁶.

Кадеты, заявил В. М. Пуришкевич, пугают, что, если действовать так, как хотят правительство и правые, Финляндия восстанет. Тем лучше, этого надо желать. Пуришкевич напомнил слова Муравьева, сказанные им в 1863 г.: «Наше счастье, что поляки взбунтовались; если бы они сидели смирно, то мы про-

¹⁶ Там же, ч. 3, стб. 365, 370—371, 373, 386—388.

должали бы спать, а года через три они выкинули бы нас отсюда. . . Мне кажется,— продолжал он,— что подобного же рода мысль мы со всей справедливостью могли бы отнести к Финляндии», и «чем скорее, тем лучше». «Пора это зазнавшееся Великое княжество Финляндское,— заявил Пуришкевич,— сделать таким же украшением русской короны, как Царство Казанское, Царство Астраханское, Царство Польское и Новгородская пятин, и мне кажется, что дело до этого и дойдет (Рукоплекания «справа»)»¹⁷.

Речи остальных правых были выдержаны в том же духе, и на них нет смысла дальше останавливаться.

Октябристы также полностью одобрили выступление Столыпина. «С чувством глубокого удовлетворения выслушали мы, октябристы. . . , ту речь, которую здесь только что произнес председатель Совета министров. . . »,— начал свое выступление официальный оратор «центра» гр. Беннигсен. Правительство стоит, «к счастью, для России», на той же точке зрения, что и октябристы. Последние не воспользовались правом законодательной инициативы и не выработали соответствующего законопроекта, потому что это потребовало бы большой траты дорогого времени. Поэтому решено было пойти другим путем: внесением запроса «помочь правительству избрать правильный путь». Из всего услышанного от Столыпина октябристы убедились, что этот путь оказался правильным. Премьер закончил свою речь просьбой о поддержке Думы. «Мы, фракция октябристов, заявляем здесь совершенно открыто, что на том честном (!), открытом (!) пути, на который нас звал председатель Совета министров, он может рассчитывать, что мы, октябристы, всегда будем ему оказывать поддержку (Рукоплекания центра)». Поскольку, заявил оратор, ответ был именно тот, «который мы желали путем предъявления этого запроса получить», то октябристы его снимают¹⁸.

Второй октябристский оратор, гр. А. А. Уваров, потребовал обеспечения прав русских граждан в Финляндии наравне с финляндскими гражданами. Как будут решаться этот и другие подобные вопросы — дело будущего, но «инициатива должна исходить от империи». И «центр» думает, что «момент такой инициативы наступил»¹⁹.

Позиция кадетов была изложена Милюковым. Единственный итог политики Бобрикова, указывал он, был тот, что ранее лояльная и спокойная страна была сначала доведена до пассивного, а затем активного сопротивления, окончившегося террористическими актами, а после смерти Бобрикова «политическая исто-

¹⁷ Ст. от., с. I, ч. 3, стб. 700, 703—704.

¹⁸ Там же, ч. 2, стб. 2941—2942.

¹⁹ Там же, ч. 3, стб. 667—668.

рия Финляндии течет параллельно с русской политической историей по смерти Плеве». Иными словами, Финляндия стала на путь революции, как и вся Россия. Обратившись «к соображениям простого расчета, простого благоразумия» правых и октябристов, кадетский лидер предупреждал: «Нет большего мужества отчаяния, господя, чем то, которое развивается, когда самым основам, самому существованию этого сцеления национального грозит опасность...» Кончится все тем, что разразится восстание. Раздавить Финляндию — дело нескольких корпусов, но удержать плоды такой победы невозможно. Будут созданы новые вечные затруднения, как с Польшей. Неужели вы, восклицал Милюков, обращаясь к «конституционному сознанию» правых и октябристов, пойдете в финляндском вопросе дальше, чем пошла бюрократия? «Неужели это будет первым положительным делом конституционной России, делом русского народного представительства?»

Основное требование кадетов по вопросу об общеимперском законодательстве сводилось к идее так называемого параллельного законодательства, на котором настаивали и сами финны. Смысл этого требования состоял в том, чтобы законы общеимперского значения, касающиеся Финляндии, принимались не только Думой и Государственным советом, но и финляндским сеймом, без санкции которого законопроект не мог стать законом. Столыпин же и правооктябристское большинство стояли на точке зрения одностороннего законодательства, согласно которой сейму предоставлялось право давать только свои заключения, не имевшие обязательной силы. Если будет осуществлено параллельное законодательство, говорил Милюков, «тогда финляндцы успокоятся»²⁰. В противном случае будет то, что случилось при Бобрикове и позже.

Позиция прогрессистов была аналогична кадетской. Их оратор Львов заявил, что поскольку в речи Столыпина не было сказано, что предполагаемая реформа в отношении общеимперского законодательства пройдет и через Думу, и через сейм, то это «может вызвать тревогу...»²¹

Оратор трудовиков А. А. Булат, несмотря на ряд заявлений полукадетского характера, закончил свою речь выражением поддержки и сочувствия финляндскому народу в его борьбе за свободу. От имени трудовиков, представляющих 100 млн. крестьян, говорил он, «посылаю финляндцам пожелание твердо держаться в борьбе за свои права и надеяться, что времена лихолетья скоро пройдут, и настанет пора, когда русский народ и финляндский народ и все нации, проживающие в России, будут истинными братьями между собой»²².

²⁰ Там же, стб. 419, 441, 443—446.

²¹ Там же, стб. 684.

²² Там же, стб. 661.

От имени социал-демократической фракции выступил Е. П. Гегечкори. Это была одна из тех речей, которая больше устраивала кадетов, чем революционную социал-демократию. Центр тяжести ее лежал не столько в разоблачении правительства, сколько в критике октябристов, имевшей целью побудить их занять... «конституционную» позицию, не идти послушно за правыми. Иронизируя по поводу того, что в деле с запросами правые «заняли первое место и заставили октябристов ковылять и прихрамывать за собой...», Гегечкори далее говорил: «Горделиво уверенная в том, что играет первую роль в направлении политики и что она ведет за собой правых, на самом деле эта фракция, якобы конституционная, беспомощно тянется за реакционерами, которые выступают в роли людей дела, знающих, чего они хотят и к чему они стремятся». Таким образом, Гегечкори занялся тем, чем обычно занимались кадеты: «конституционным» воспитанием октябристов. Так же как и кадеты, он предложил решить финляндский вопрос на путях параллельного законодательства. Характерной была концовка его речи, которой вполне мог позавидовать кадет Ф. И. Родичев. «Кстати, господа, — воскликнул Гегечкори, — недавно исполнилось столетие присоединения Финляндии к России. Хотите ли вы, чтобы финляндский народ встретил это новое столетие своего нового государственного бытия радостно, с сознанием той пользы, которую он извлек из соединения с Россией, или же в глубоком трауре оплакивая свою злосчастную судьбу, под игом соседа, который злоупотребляет своей силой и хочет растоптать эту маленькую страну»²³.

История с запросами закончилась следующим образом. «Центр» устами Беннигсена предложил отвергнуть запросы в знак полного удовлетворения ответом Столыпина. В дополнение к этому гр. Уваров предложил не принимать и формулы перехода. Умеренно-правые и националисты присоединились к предложению Беннигсена, но внесли формулу перехода, выражавшую удовлетворение объяснениями Столыпина²⁴. Однако настаивать на ней они не собирались.

Крайние правые отказались снять свой запрос на том якобы основании, что правительство недостаточно решительно удаляет и наказывает тех должностных лиц, которые, с их точки зрения, попустительствовали финляндским претензиям. «Правительство, — говорил Замысловский, — должно принять самые энергичные репрессивные меры против тех должностных лиц, часть которых и до сих пор остается на своих должностях, а часть хотя и удалена, но ничем не наказана». Мы, заявил он во второй речи, даем правительству месячный срок с тем, чтобы «через месяц

²³ Ст. от., с. I, ч. 3, стб. 396—397, 416.

²⁴ Там же, стб. 722.

увидеть, продолжают ли те должностные лица, о которых я говорил, оставаться на своих местах или их, наконец, убрали...»²⁵

Оценивая устроенное правительством и Думой представление, Меньшиков писал: «В истории парламентов речь г. Столыпина представит едва ли не единственный пример, где правительство не только соглашается с данными запроса, но просит поддержать его выполнить то, что требует запрос»²⁶.

Значительно позже, 3 февраля 1912 г., Дейтрих на очередном бобриковском обеде произнес речь под названием: «Н. И. Бобриков и П. А. Столыпин», в которой заявил: «Гос. Дума предъявила свои знаменитые запросы. Запросы эти были предъявлены с ведома и согласия П. А. Столыпина. Они дали ему возможность ясно и отчетливо изложить взгляд правительства на финляндский вопрос. Взгляд его на этот вопрос совпадал со взглядами Н. И. Бобрикова»²⁷. Он же несколько раньше, в 1911 г., указывал: «Результатом запросов было: перемена личного состава высшей финляндской администрации, издание правил 20 мая 1908 г., в силу которых все финляндское управление, до того фактически совершенно независимое от имперских министров, ставилось под контроль Совета министров, и, наконец, закон 17 июня 1910 г. об общегосударственном законодательстве»²⁸.

КОМИССИЯ ХАРИТОНОВА

Следующим шагом в походе на Финляндию было создание смешанной русско-финляндской комиссии для выработки законопроекта о порядке касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. Вопрос о составе, программе и порядке деятельности этой комиссии был тщательно разработан Особым совещанием по делам Великого княжества Финляндского и в окончательном виде сформулирован в журнале совещания от 29 декабря 1908 г. (№ 14)²⁹.

«Приступив к обсуждению вопроса об установлении наилучшего способа предварительного соображения и выработки законопроекта об изданиях общих для империи и Великого княжества Финляндии законов,—говорилось в журнале,—Особое совещание находит, что эта работа всего успешнее могла бы быть исполнена особою, соединенною из русских и финляндских членов комиссиею». Вместе с тем, по мнению Особого совещания,

²⁵ Там же, ч. 2, стб. 2960; ч. 3, стб. 716.

²⁶ «Новое время», 8 мая 1908 г.

²⁷ «Окраины России», 1912, № 6, стр. 82.

²⁸ Там же, 1911, № 33-34, стр. 458.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 1159, лл. 128 об.—133 об.; см. также ф. 1276, оп. 18, д. 68 (Журналы Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского, 1907—1911 гг.).

«Полезно было бы установить заранее программу занятий на-
меченной комиссии, дабы, по возможности, облегчить ее весьма
серьезный труд, поставив его в точно определяемые рамки». Особое совещание сочло также, что комиссия должна быть не-
многочисленной — пять членов в ней должны были представлять
русскую сторону и пять — финляндскую. Одиннадцатый — пред-
седатель — назначается «из высших должностных лиц имперско-
го правительства». Назначение членов комиссии производится
высочайшим повелением по докладу председателя Совета мини-
стров в отношении председателя и русских членов и по пред-
ставлению финляндского сената — в отношении финляндских
членов комиссии. Прения и делопроизводство в комиссии ведут-
ся на русском языке. «Конечным результатом работы комиссии
должна быть выработка законопроекта о порядке издания ка-
сающихся Финляндии законов общегосударственного значения».

Первый, главный, пункт выработанной совещанием програм-
мы, «вопрос, который комиссии придется обсудить в первую оче-
редь», требовал разграничения общеимперского и собственно
финляндского законодательств. Комиссии предстояло опреде-
лить, что относится к сфере компетенции каждого из них. Прак-
тический способ решения предлагался путем выработки перечня
вопросов, подлежащих общеимперскому законодательству.
Отсюда ясно, что не только характер законопроекта об обще-
имперском законодательстве, но и характер всего будущего
законодательства в отношении Финляндии на основании это-
го законопроекта, в случае, если бы он стал законом, целиком
определялся содержанием перечня.

Сопоставив доводы сторонников и противников перечня, со-
вещание пришло к выводу о неосновательности опасения по по-
воду крайней трудности выработки достаточно полного перечня,
который, уже будучи утвержден, может потом оказаться стесни-
тельным для имперской власти. Будущий закон должен, по его
мнению, предусматривать возможность изменения перечня
«в порядке общегосударственного законодательства», исходя из
идеи, что «общегосударственные законы» имеют «большее зна-
чение, нежели местные, и само собою, в случае коллизии с пос-
ледними, отменяют их действие». Неудобство манифеста 3 фев-
раля 1899 г., указывалось в журнале, как раз и состояло в том,
что он был построен на принципе, отвергающем перечень.

Второй пункт программы решал вопрос о том, «какие учреж-
дения и каким порядком будут разрабатывать и вносить в Госу-
дарственную думу или Государственный совет... касающиеся
Финляндии законопроекты общегосударственного значения». Ссылаясь на 29-ю и 56-ю статьи «Учреждения Государственного
совета» и 34-ю и 57-ю статьи «Учреждения Государственной
думы», Особое совещание находило, что, «соответственно разу-
му этих статей, законопроекты, касающиеся Финляндии, должны

быть вносимы на законодательное рассмотрение или министрами и главноуправляющими отдельными частями, или комиссиями, образуемыми из членов Государственного совета или Государственной думы. В осуществлении этой функции финляндские установления и власти участвовать не могут». На долю последних оставалось лишь право давать свои заключения по уже готовым законопроектам и посылать представителей для участия в комиссиях, подготавливающих эти законопроекты. Иначе говоря, государственные учреждения Финляндии полностью устранялись от сколько-нибудь действительного участия в законодательстве, обусловленном перечнем. Подобный порядок, указывалось в журнале совещания, был принят Основными положениями 3 февраля 1899 г.

Предупреждая возможность обструкции, совещание указывало, что «необходимо равным образом предусмотреть возможность со стороны сената или сейма уклонения от дачи заключений на сообщаемые им законопроекты. Поэтому полезно было бы постановить, что если заключение сената или сейма не последует в известный срок, то они считаются согласными (!) с подлежащим законопроектом».

Все остальные пункты программы носили более или менее второстепенный характер. Из них наиболее важный касался вопроса о том, в какой форме население Финляндии будет принимать участие в общеимперском законодательстве. Как известно, Финляндия не посылала своих депутатов ни в Думу, ни в Государственный совет. Теперь же, в связи с проектируемым законом, создавалась необходимость участия представителей Финляндии в общеимперских законодательных учреждениях. В связи с этим Особое совещание рассмотрело два возможных способа народного участия: либо населению Финляндии предоставляется право посылать своих выборных представителей в Думу и Государственный совет, либо на время рассмотрения там общеимперских законопроектов, касающихся Финляндии, в них командировается определенное число членов финляндского сейма или сената, которые принимают участие в обсуждении только этих законопроектов.

В случае принятия первой схемы программа определяла следующий порядок выборов и нормы представительства. Прежде всего отмечалась неприемлемость финляндского избирательного закона. Поскольку, говорилось в журнале, «в Финляндии существует... одно всеобщее активное и пассивное избирательное право...», то «прямым последствием» его «является чрезвычайно демократический состав сейма с численным преобладанием представителей социалистических партий, которые составляют более $\frac{2}{5}$ общего числа сеймовых депутатов». Поэтому, «само собой разумеется, что наличность в Финляндии такого выборного закона не может служить основанием для... выборов от этого края в Го-

сударственный совет и в Государственную думу. В этом отношении на Финляндию должны быть, по возможности, распространены цензовые условия, установленные надлежащими выборными законами империи». Что касается числа депутатов, то совещание пришло к выводу, что Финляндия не имеет права посылать более чем четырех депутатов в Думу и двух депутатов в Государственный совет.

Но важность дела, как указывало само совещание, заключалась не в выборе той или иной схемы, а в том, какими правами будут обладать представители Финляндии. «Какая бы из двух вышеуказанных схем ни была принята,—говорилось в журнале,—одинаково возникает вопрос, должно ли участие финляндских представителей почитаться неперменным условием для законности постановлений Государственного совета и Государственной думы по делам, касающимся Финляндии, или же, в случае отсутствия этих лиц, означенные дела могут решаться Советом и Думой без их участия». Ответ, разумеется, давался во втором смысле: невозможность «рассматривать финляндские дела без участия финляндских представителей, помимо умаления прав и достоинства Совета и Думы, поставила бы общее законодательство в недопустимую зависимость от представителей финляндской окраины».

Следующий пункт программы предусматривал порядок обнародования общеимперских законов, касающихся Финляндии. Дело в том, что в России каждый принятый закон входил в силу лишь после обнародования его Правительствующим сенатом, а в Финляндии — соответственно финляндским сенатом. Сохранение такого положения, по мнению совещания, грозило возможностью обструкции. «Очевидно, нельзя,—указывал журнал,—ставить применение в Финляндии общегосударственных актов... в зависимость от согласия финляндского Сената на их обнародование. Сказанное приводит к убеждению в необходимости распространить в отношении обнародования общегосударственных законов власть Правительствующего сената на Финляндию».

В таком же духе разрешался вопрос о соотношении общеимперского и финляндского законодательства: «Изданные в порядке общего законодательства законы, действие коих распространяется на Финляндию, должны сами собою (*ipso jure*) отменять все несогласные с ними местные финляндские законы, в том числе и так называемые (!) местные основные законы».

На основании всех этих соображений Особое совещание составило проект смешанной комиссии и программу ее работы. «Совет министров, рассмотрев предположения Особого совещания на заседании 17 марта 1909 г., со своей стороны всецело к ним присоединился и представил их без каких-либо изменений на высочайшее благоволение» в виде «Положения Совета министров об учреждении русско-финляндской комиссии для вы-

работки проекта правил о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения». 28 марта это положение было утверждено царем.

Вслед за этим была «высочайше утверждена» и сама комиссия. От русской стороны в нее вошли Харитонов (председатель), Дейтрих, Мясоедов, Бородин, Якунчиков и Корево. Представителями Финляндии были архиепископ Густав Иогансон, бывший сенатор Август Нюберт, заслуженный профессор Роберт-Фредерик Германсон, профессора Александровского университета барон Эрнст-Густав Пальмен и Эмиль-Нестор Сетяля. Заведующим делопроизводством комиссии был назначен Липский³⁰.

Таким образом, в русско-финляндскую комиссию царское правительство командировало несколько членов Особого совещания по делам Финляндии и комиссии Корево. Что касается финских членов комиссии, то они представляли три основные политические партии Финляндии из четырех (без социал-демократов): старофинскую, младофинскую и так называемую шведоманскую.

Первое заседание комиссии открылось 6 июня в Мариинском дворце. После вступительного слова председателя от имени финляндских членов комиссии с заявлением выступил архиепископ Иогансон. Он выразил надежду, что «признаваемые с точки зрения интересов империи нужные изменения в законах Финляндии будут проведены в установленном Основными законами Финляндии порядке». В конце речи он снова повторил, что «финляндские члены комиссии приступают... к своему труду в том предположении, что при изменении законов Финляндии будут соблюдены ее Основные законы, и конституция ее не будет нарушена».

Финны решили демонстрировать величайшую умеренность, изъясняя при каждом удобном случае свои верноподданнические чувства. «Мы глубоко признательны за те блага, которыми наш народ пользовался в царствования августейших монархов наших и благодаря которым всестороннее представление нашего народа стало возможным»,— говорил Иогансон. «Августейший монарх наш,— продолжал он,— по высочайшему повелению коего созвана настоящая комиссия, сделал многое для осуществления великой идеи общего среди всех народов мира. Его императорское величество поэтому не может желать, чтобы неприязнь и несогласие царили между народами, живущими под скипетром его». И это говорилось по адресу царя, наградившего Финляндию Бобриковым, душившим Польшу, народы Кавказа и т. д. Но и этого показалось мало Иогансону: «Да благословит господь бог труды комиссии»,— воскликнул он, заканчивая свою речь.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 1159, лл. 128 об.— 134, 137—137 об.

Подобная тактика хороша тем, что её приверженцы сразу же пожинают заслуженные ими плоды. В ответ на свои упования и призывы финляндские члены комиссии услышали точный, жесткий и категорический ответ. «Задачи комиссии,— заявил Дейтрих,— в точности определяются высочайше утвержденною 28 марта сего года программой подлежащих ее обсуждению вопросов. Из этой программы явствует, что эти задачи исчерпываются установлением материального содержания проекта правил о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения». «Из приведенной 2-й статьи Основных законов,— продолжал он,— с непреложной очевидностью вытекает, что Финляндия не государство, а часть единой и нераздельной России, что финляндское самоуправление не государственного, а провинциального характера. Это самоуправление может и должно найти свои пределы только в русском общегосударственном законе. В Финляндии раздаются голоса о передаче этого дела на решение местного сейма. Но такая постановка немыслима и недопустима с русской точки зрения».

После обмена речами между Иогансоном и Дейтрихом комиссия, исходя из недостаточного знания представителями Финляндии русского языка и неудобства пользоваться переводчиками в столь ответственном деле, решила, что впредь она в своей работе будет «придерживаться преимущественно письменной формы, с тем чтобы отзывы и заявления финляндских членов поступали в комиссию на имя ее председателя в русском изложении». Было решено также «предоставить своим финляндским членам достаточный срок, в течение которого они должны составить свои соображения» по всем вопросам программы, «в особенности же по вопросу об определении предметов общегосударственного законодательства (вопрос 1-й программы)»³¹. Таким сроком было назначено начало сентября.

Однако второе заседание комиссии было созвано лишь 30 октября. На нем подверглось обсуждению «мнение и предположение финляндских членов... русско-финляндской комиссии». Записка финляндских членов представляла собой по существу основные положения законопроекта об общеимперском законодательстве, которые, конечно, исходили из прямо противоположного принципа, чем проводившийся в «высочайше утвержденной» программе.

Прежде всего записка давала свой перечень вопросов, которые финны считали принадлежащими к сфере общеимперского законодательства. Сюда были отнесены все те законы, которые

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 1159, лл. 139—140 об. 2-я статья Основных законов гласила: «Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства».

«с самого начала соединения Финляндии с Россией рассматривались как законы империи». Это были законы о престолонаследии, совершеннолетия наследника престола, о назначении правительства в случаях несовершеннолетия, а также вопросы войны и мира, союзов и договоров с иностранными государствами, учреждения консульств, управления православной церковью на территории Финляндии, расположения там же русских войск, и т. п. Весь этот перечень предлагалось включить в первый отдел будущего законопроекта.

Во втором отделе записки давался перечень вопросов, являвшихся, по мнению финнов, объектом исключительно внутреннего финляндского законодательства: отбывание общей воинской повинности в Финляндии; приобретение прав финляндского гражданства; подсудность дел, касающихся преступлений, совершенных гражданами Финляндии на территории империи и русских граждан в Финляндии; взаимные торговые сношения и др., всего 14 пунктов. Записка требовала полной автономии для финских военных частей, в случае если они будут созданы, в отношении места службы, офицерского состава, интендантского снабжения и т. д.

Третий отдел предусматривал порядок общеимперского законодательства. Законодательные собрания Финляндии и империи назначают делегации, которые собираются в Петербурге, каждая в отдельности. Сносятся делегации между собой только письменно. Если в результате двукратного письменного сношения стороны не придут к тождественному решению, то назначается согласительная комиссия, состоящая из одинакового числа членов обеих делегаций, для устранения возникших разногласий. В случае, если и здесь в отношении законопроекта, затрагивающего какой-либо из основных вопросов перечня второго отдела, соглашение достигнуто не будет, «дело считается на этот раз оставленным без последствий», и в отношении поднятого вопроса «могут быть изданы законоположения для Финляндии в порядке финляндского законодательства...»

Все остальные пункты третьего и четвертого отделов формулировали гарантии сохранения конституции Финляндии и касались порядка возбуждения и представления общеимперских законопроектов, относящихся к Финляндии; условий их предварительной разработки; определения того, что подлежит общеимперскому законодательству; порядка обнародования и вступления в силу принятых законов.

В заключение записка требовала, чтобы в проектируемый закон был включен пункт о том, что «закон этот имеет силу Основного закона, и что если окажется необходимым издать в указанном выше порядке закон для Финляндии по другим предметам, кроме вышеперечисленных, или иным образом изменить приведенные определения, для этого требуется закон, созданный в

порядке, установленном относительно изменения финляндских Основных законов». Иными словами, указанный закон не может быть изменен без согласия финляндского сейма.

В ответах русских членов комиссии сквозило плохо скрываемое бешенство. «Проект исходит из того предположения,— говорил Дейтрих,— что Финляндия... составляет самодовлеющий государственный организм, соединенный с империей не внутренней органической связью, а лишь тем, что во главе обеих стран стоит один и тот же монарх, совмещающий в себе права как русского императора, так и великого князя финляндского. При этом в проекте ярко проводится мысль, что император управляет Финляндией не властью российского самодержца, а исключительно одной только властью великого князя...» Далее Дейтрих опровергал эту мысль соответствующей трактовкой законодательных актов Александра I.

Подвергать разбору все эти историко-юридические доказательства, с чьей бы стороны они ни исходили — с русской или финской, нет ни малейшей нужды, так как дело было, конечно, не в них. Отметим только, что по этому вопросу была создана громадная литература с двумя прямо противоположными точками зрения, а в Думе при обсуждении законопроекта об общем имперском законодательстве историко-правовые экскурсы занимали огромное место в речах думского большинства.

Бесцельность подобных экскурсов была показана тем же Дейтрихом. Покончив с ними, он с похвальной откровенностью заявил: «Допустим, однако, на время, что наши финляндские сочлены правы, что они бесспорными государственными актами... могут обосновать свои права на особую финскую государственность... Что же, однако, из этого вытекает? Думаю, что совершенно другое, чем то, что изображено в рассматриваемом проекте. 100 лет тому назад польза и безопасность государства могли не требовать законодательного подчинения Великого княжества имперским учреждениям», а теперь требуют. «Неужели же потому только, что в 1809 г. не ощущалась потребность в тесном единении окраины с центром..., в 1909 г. государству не следует идти по пути скрепления окраины с центром, если даже этого требуют его самые насущные, неотложные и жизненные интересы... Ссылаться на то, что имело место 100 лет тому назад, и требовать на этом основании возвращения назад невозможно».

В конце своей речи Дейтрих перешел к прямым угрозам. «Вдумались ли авторы этого проекта в сущность предлагаемого,— восклицал он.— Неужели, составляя свой проект, гг. финляндские члены не останавливались на мысли, что проект их не только неприемлем, но и носит явно вызывающий характер, чтобы не выразиться сильнее. Проект этот покушается на целостность и единство государства Российского... Финляндское предложение есть предложение изменить государственный строй империи и

отменить наши Основные законы. Я не допускаю и мысли, чтобы авторы-этого необычайного по своей... смелости проекта хотя бы одну минуту думали, что их предложение может быть нами принято... А если они этого не думали, то для чего же, спрашивается, он предложен нашему рассмотрению? Этот вопрос зададут себе миллионы русских людей (читай: Совет объединенного дворянства.— А. А.), и едва ли их ответ будет благоприятен финляндским домогательствам»³².

Такой же характер имели выступления остальных русских членов комиссии.

Дальнейшая работа русско-финляндской комиссии фактически велась уже в одностороннем порядке. В письме от 7 ноября на имя председателя комиссии, составленном в подчеркнуто официальном духе, Дейтрих довел до сведения Харитонову о том, что русские члены комиссии в связи с позицией ее финляндских членов сочли необходимым выработать законопроект об общем имперском законодательстве без их участия. «Выработанный финляндскими членами... комиссии проект...», говорилось в письме, нами «признается неприемлемым...» Но «ограничиться одним лишь отрицанием мы, однако, не сочли возможным, так как это значило бы не исполнить высочайше возложенное на нас поручение, а потому мы выработали свой особый проект, при сем прилагаемый»³³. Спустя три дня, 10 ноября, законопроект был опубликован³⁴.

Суть законопроекта, конечно, определялась перечнем, изложенным в его 2-й статье. Он состоял из следующих 19 пунктов:

- 1) участие Финляндии в государственных расходах, включая сборы, взносы и налоги;
- 2) отбывание воинской повинности;
- 3) права русских подданных, проживающих в Финляндии;
- 4) употребление государственного языка;
- 5) исполнение в Финляндии приговоров и решений судов и требований властей других частей империи;
- 6) основные начала и пределы управления Финляндии особыми установлениями на основании особого законодательства;
- 7) охрана государственного порядка и организация такой охраны;
- 8) уголовное законодательство и судебная ответственность должностных лиц Финляндии;
- 9) основные начала судостроительства и судопроизводства в Финляндии;
- 10) основные начала школьного дела в Финляндии и устройство за ними надзора;

³² ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 1159, лл. 141 об., 162, 163 об., 169—169 об., 170 об., 172 об.

³³ Там же, л. 196.

³⁴ «Речь», 11 ноября 1909 г.

- 11) устройство, права и условия деятельности в Финляндии компаний, обществ и союзов, а также публичных собраний;
- 12) законодательство о печати и привоз в Финляндию литературы из-за границы;
- 13) таможенная часть и таможенные тарифы;
- 14) охрана торговых и промышленных привилегий, а также авторских прав;
- 15) монетная система и денежное обращение в Финляндии;
- 16) почта, телефон, воздухоплавание и другие способы связи;
- 17) железнодорожное дело в Финляндии в связи с обороной государства и сообщением с другими частями империи и международным;
- 18) мореплавание и лоцманская и маячная части в Финляндии;

19) права в Финляндии иностранцев³⁵. Одного взгляда на этот перечень достаточно, чтобы сказать, что законопроект не оставлял от конституции Финляндии камня на камне. Сейм низводился до уровня губернского земского собрания.

Третье заседание комиссии состоялось 7 декабря. Оно было посвящено оглашению двух отзывов финляндских членов комиссии на речи ее русских членов во втором заседании и на представленный ими проект закона. «Этот проект,— говорилось во втором отзыве,— сводится к тому, что Финляндия по многим важнейшим вопросам, имеющим первенствующее значение для жизни народа, лишается принадлежащего ей в настоящее время права на собственное законодательство. Даже то, что было бы оставлено Финляндии после этой операции, может быть отобрано от нее по частям посредством законодательных актов имперских учреждений, и Финляндия не имела бы никакого права возражать на это... Проект... предоставляет русским учреждениям издавать какие угодно законы для финского народа».

Законопроект, указывалось далее, дает право отмены имперским законодательством Основных законов Финляндии, в том числе и сеймового устава 1906 г., параграф 80-й которого говорит о том, что этот устав может быть изменен или отменен только по взаимному согласию сейма и монарха. «Передача законодательных вопросов на заключение сейма служила бы лишь слабым утешением, потому что с его заключением вовсе не нужно было бы соотноситься». Отзыв указывал также, что законопроект лишает Финляндию всякой экономической самостоятельности. Равным образом просвещение, судопроизводство и охрана государственного порядка определялись бы в случае его принятия не Финляндией, а Россией. «А между тем,— говорилось в отзыве,— уже одно проектируемое правило об охране государст-

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 1159, л. 203.

венного порядка и организаций ее само по себе дает возможность принимать почти какие угодно меры в Финляндии»³⁶. Ответ русской стороны был дан на четвертом, последнем, заседании комиссии, состоявшемся на другой день. «Ответ гг. финляндских членов комиссии,— заявил Корево,— доказывает, что русская и финляндская точки зрения в вопросе об общегосударственном законодательстве принципиально различны и абсолютно непримиримы. Ввиду этого излишне входить в подробную критику возражений гг. финляндских членов...»

Столь же категорично высказался и Дейтрих. «Для нашей цели совершенно безразлично, как смотрели и продолжают смотреть на него (на вопрос о правовом положении Финляндии.— А. А.) русские, финляндские и иностранные ученые, о чем так подробно говорят финляндские члены комиссии». Финляндская сторона пугает нас тем, что «народ не примет насильственно навязанных ему законов и создаст большие беспокойства в империи...» «Пора кончать этот бесконечный спор. Угроз мы не боимся».

Тем не менее финны сделали последнюю попытку договориться. «Принципиальная точка зрения финляндских членов,— говорил Германсон,— правда, иная, чем русских, но различие во взглядах по принципиальным вопросам само по себе не исключает возможности сойтись в выработке позитивных законоположений, которые привели бы к согласию и спокойствию, и я считаю по-прежнему возможным найти решение, удовлетворяющее интересы обеих сторон». Ему вторил архиепископ Иогансон. «Оратор говорит, что мы угрожаем. Весь дух и склад нашего мнения, однако, доказывает, что это утверждение лишено всякого основания». «В Финляндии давно надеялись, что отношения между империей и Финляндией будут упорядочены таким образом, при котором было бы достигнуто взаимное понимание».

Но это было, конечно, абсолютно безнадежно. В журнале заседания комиссии говорится: «Ввиду того, что происшедшие прения окончательно выяснили определившуюся, впрочем, уже раньше невозможность соглашения коренных разномыслий между русскими и финляндскими членами комиссии по самому существу порученной ей задачи, эти разномыслия были сформулированы председателем в виде следующих основных положений» (далее шли эти положения.— А. А.).

После этого председатель заявил, что теперь «надлежит... завершить занятия комиссии составлением журнала и законопроекта с мотивами, соответственно мнению ее большинства...», после чего «настоящее дело будет внесено председателем комиссии... в Совет министров». Последняя фраза журнала гласила: «После этого за исполнением комиссией высочайше возложен-

³⁶ Там же, лл. 220, 222—223.

ного на нее поручения таковая была председателем закрыта»³⁷. Параллельно деятельности Харитонов, Дейтриха и К° шла интенсивная мобилизация и демонстрация черносотенно-реакционного общественного мнения, требовавшего незамедлительной и решительной расправы с Финляндией вплоть до военной оккупации³⁸. Активную роль в этом деле играли сами русские члены комиссии. Они выступали с речами на заседаниях всевозможных окраинных обществ и монархических организаций, афишировали деятельность комиссии и просили оказать ей широкую моральную поддержку.

Так, 20 января 1910 г. в «Русском окраинном обществе» был прослушан доклад Липского на тему: «Работы Русско-финляндской комиссии». Собравшиеся приветствовали громкими аплодисментами присутствовавших членов комиссии. От их имени Дейтрих поблагодарил собравшихся, заявив, что они, русские члены, сделали в комиссии все, что могли. Многим в этой работе, подчеркнул Дейтрих, они обязаны Харитонову. В ответ на это собрание попросило его передать председателю комиссии свою благодарность³⁹. Спустя месяц, 20 февраля 1910 г., на заседании Совета объединенного дворянства были приглашены все пять русских членов комиссии. В своем выступлении Дейтрих подчеркнул, что моральная поддержка, оказанная Советом объединенного дворянства комиссии, была исключительно ценной⁴⁰.

Еще примерно через месяц, 17 марта 1910 г., на очередном съезде «объединенных дворян» был заслушан доклад по финляндскому вопросу Корево. В прениях выступили Дейтрих, Н. О. Куплевасский и др. «Речи по финляндскому вопросу на съезде объединенных дворян,— писали «Окраины России»,— имели громадное значение... Член Г. совета А. Н. Нейдгардт от имени съезда... указал, что труды членов харитоновской комиссии имеют общегосударственное значение, которое, а равно и патриотизм участников комиссии, оценит история. Слова А. Н. Нейдгардта вызвали восторженное чествование присутствовавших членов русско-финляндской комиссии»⁴¹.

ЗАКОН 17 ИЮНЯ 1910 г.

14 марта 1910 г. последовал высочайший манифест о внесении председателем Совета министров в Думу и Государственный совет законопроекта о порядке издания касающихся Фин-

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 1159, лл. 224 об., 226—227 об., 228, 229, 231—231 об.

³⁸ В случае, если финляндцы не захотят покориться, писал Меньшиков, есть прекрасный выход из положения: «Это ведаемое занятие Финляндии. Сейчас оно осуществимо» («Новое время», 19 мая 1900 г.).

³⁹ «Окраины России», 1910, № 4, стр. 57—58.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 584, оп. 1, д. 80, лл. 5—7.

⁴¹ «Окраины России», 1910, № 12, стр. 189

ляндии законов общеимперского значения. Дальше все шло в исключительно быстром темпе. Три дня спустя, 17 марта, законопроект был оглашен в Думе. 22 марта он был передан в специально учрежденную для его рассмотрения комиссию. Последняя обсудила и приняла законопроект в четырех заседаниях (27, 29, 30 апреля и 6 мая). 10 мая он поступил на повестку Думы и был признан спешным⁴². Обсуждение в Думе заняло семь заседаний, проведенных за шесть дней. 31 мая законопроект был передан в Государственный совет. Медлительной и респектабельной второй палате понадобился на этот раз всего лишь месяц, чтобы утвердить законопроект, несший гибель свободе целого народа. 17 июня законопроект был утвержден царем и по этой дате стал называться законом 17 июня 1910 г.

Докладчиком комиссии был октябрист гр. Беннигсен. О его взглядах на финляндский вопрос дают полное представление его же собственные слова, сказанные по поводу другого антифинляндского законопроекта: «Я был в числе тех русских чиновников, которые служили в Финляндии при генерале Бобрикове. Моей службой при генерале Бобрикове я гордился и горжусь (Голос справа: «молодец»; рукоплескания справа)»⁴³.

В своем выступлении Столыпин повторил все нападки на Финляндию, которые он выдвинул при обсуждении антифинляндских запросов. Снова доказывалось, что Финляндия, помимо всего прочего, наносит прямой материальный ущерб России, отказываясь от расходов на армию и Министерство императорского двора, имея таможенные и тарифные льготы, не платя процентов по займам, которые идут главным образом на военные нужды, и т. д. Эта демагогия была повторена для правых крестьян. Зная, что часть октябристов не согласна с некоторыми пунктами перечня, Столыпин, имея их в виду, говорил: некоторые смущены тем, что в перечень включен вопрос о школе — объект чисто внутреннего законодательства. Но надо учесть, что именно в школе вселяется неприязнь и недружелюбие к России. Так же обстоит дело с союзами, печатью и т. п. Именно поэтому «союзы, печать, общество, это все предметы, которые даже в сложных (т. е. многонациональных или союзных.— А. А.) государствах составляют предмет общеимперского законодательства». Конец речи Столыпина являл собой типичный образец грубого демагогического бонапартизма: «Государь доверил дело вам, а не бюрократии». «Помимо вас не пройдет ни один имперский закон»⁴⁴.

Выступления правых носили на себе печать самого настоящего националистического психоза. Нельзя терпеть существова-

⁴² Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 1958.

⁴³ Там же, с. V, ч. I, стб. 1023.

⁴⁴ Там же, с. III, ч. 4, стб. 2041—2042.

ние области, расположенной в нескольких десятках верст от столицы, говорил Замысловский, открыто стремящейся к сепаратизму, «которая во время государственного кризиса подготавливала вооруженное восстание, области, где систематически... привлекают населению чувство ненависти к России, области, где дают широкий приют русским революционерам». «Это состояние... должно быть прекращено законодательным пугем или силой оружия, если понадобится,— это все равно...»⁴⁵ «Жизнь создается не речами, жизнь создается действиями»,— вторил Замысловскому Пуришкевич.— «Сильному да повинуется слабый, а если он не желает добровольно повиноваться, то силой будет к этому принужден (Голоса справа: «браво!»). Кому доказывать? Зачем вступать на путь доказательств?» «Гг.,—с пафосом восклицал бессарабский депутат,—мы должны быть сильны, и это один из главных поводов, это одна из главных причин того, что самые серьезные, самые беспощадные репрессии должны быть приняты в отношении взбунтовавшейся окраины»⁴⁶.

Но даже Пуришкевичу трудно было угнаться по части угроз и оскорблений за Марковым 2-м. В речи последнего фигурировали и «монгольский народец», под властью которого находится Выборг, и «незабвенный доблестный герой, павший при исполнении своего долга, покойный Н. И. Бобриков...», и новый генерал-губернатор Финляндии «доблестный генерал Зейн», которого «действительно вы еще не знаете и который покажет вам, что значит настоящий русский генерал-губернатор». Что касается заграничных протестов, то, «конечно, кроме сорной корзины этим парламентским обращениям, этим гнусным бумажонкам другого места нет (Рукоплескания справа)». «Надо,—говорил курский депутат,—чтобы страх вернулся, а любви чухонской нам не нужно...» «За последнее время вся Финляндия стала одним сплошным революционным корпусом... Этих финляндских социалистов придется усмирять, усмирять старым русским способом, который, к сожалению, давно уже не применяется».

Заключительные слова Маркова были рассчитаны на сценический эффект: «Россия, тебе грозят азиаты, грозят подвластные тебе инородцы... Опомнись, Россия..., наша инородчина вкопец обнаглела... Говорим вам: прочь, мелкота.—Русь идет»⁴⁷.

⁴⁵ Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 1982.

⁴⁶ Там же, стб. 2233, 2236—2237.

⁴⁷ Там же, стб. 2362—2363, 2367, 2371—2373. Вот некоторые из заграничных организаций и групп, приславших протесты в адрес Думы: группа членов английского парламента, группа членов бельгийского сената и палаты депутатов, Ньюкестльская и Гетесхедская торговые палаты, Шефилдская торговая палата, группа членов германского рейхстага, группа членов второй палаты Нидерландских генеральных штатов, группа членов английского парламента и членов ирландской партии националистов в том же парламенте, группа членов итальянского парламента, группа членов австрийской палаты

Тот же характер носили речи П. Н. Крупенского и А. А. Бобринского.

Октябристы стремились ни в чем не отставать от правых. «Я предлагаю Государственной думе,— заявил фон Анреп,— возможно крупным большинством голосовать за спешность». «Я нахожу,— продолжал он,— что у нас в составе Российской империи никогда не было финляндского государства, что его нет и не будет... Я должен сказать,— заканчивал Анреп,— что мы должны подчеркнуть, что мы спешим использовать наш государственный долг. Мы должны этим самым дать указание тем непрошеным вмешательствам со стороны западноевропейских ученых и тех, которые желают из государственной задачи составить юридический иск»⁴⁸.

Тот же Анреп в другой речи заявил, что законопроект запоздал по крайней мере на 50 лет. «Разве могут быть какие-нибудь уступки там, где задеты действительные государственные интересы?» — вопрошал он. — «...Вопрос финляндский не есть вопрос обособленный — это есть вопрос, касающийся и вообще нашей политики на окраинах...» Поэтому «мы должны совершенно открыто, ясно, без всяких колебаний высказать наш взгляд на общую окраинную политику...» Эта политика «должна всячески избегать стремления покорять сердца, она должна всячески избегать заискивания и искания любви у своих окраин...», потому что при этом «всегда остаешься не при чем...» «Нужно прямо и открыто сказать..., не стесняясь общечеловеческими тенденциями..., — любви нам не надо».

Более того, октябристский оратор сделал упрек Столыпину за его излишний либерализм... в отношении Финляндии, за то, что «он как будто оправдывается, он как будто ищет этой юридически неоспоримой нормы для того, чтобы сказать, что Россия имеет право себя оберегать». «Смело могу сказать,— заканчивал Анреп,— $\frac{2}{3}$ Думы единогласно постановят перейти к постановке чтению настоящего законопроекта, который я лично приветствую от всей души»⁴⁹.

Кадеты выступили против законопроекта, но этому предшествовала довольно острая дискуссия внутри ЦК и фракции, из которой явствовало, что значительная часть, если не большинство, кадетской верхушки занимала по финляндскому вопросу позицию, очень близкую к октябристской.

21 октября 1909 г. на заседании ЦК, посвященном Финляндии, была создана специальная комиссия, в которую вошли Милюков, А. И. Шингарев, Протопопов, В. Д. Набоков, В. М. Гессен,

депутатов, группа членов социал-демократической фракции шведской палаты депутатов.

⁴⁸ Там же, стб. 1957—1958.

⁴⁹ Там же, стб. 2002—2003, 2005—2006.

М. М. Ковалевский. При этом Протопопов заметил, что «не мешало бы посоветоваться и с самими финляндцами», а И. И. Петрункевич пошел еще дальше, указав на необходимость «стать на практическую почву и попытаться сговориться с финляндцами о возможных с их стороны уступках»⁵⁰. К сожалению, из протокола невозможно установить, о каких «финляндцах» шла речь. Вероятно, имелись в виду руководители старофинской и младофинской партий, с которыми кадеты находились в давнем и тесном контакте.

Милюков по центральному вопросу — об общеимперском законодательстве — настаивал на параллельном законодательстве. Петрункевич и другие требовали выработки «справедливого» перечня. В записи, сделанной в дневнике 10 ноября 1909 г., Тыркова рисует довольно колоритную картину развернувшейся борьбы. «Два дня тому назад было заседание ЦК. Петрункевич очень веско и с жаром говорил о Финляндии, о необходимости пересмотреть, вернее выяснить наше отношение к вопросу. Надо определить способ решения общегосударственных вопросов и для военных, международных, тарифных и железнодорожных дел создать новое положение, так как все это затрагивает имперские интересы.

Милюков с раздражением и с грубостью возражал ему, Гессену, Струве, пугал, что никакой точки зрения, кроме своей, не хочет и не станет защищать..., Родичев и Набоков были на его стороне. Остальное большинство с Петрункевичем». Сама Тыркова разделяла позицию Петрункевича: «Сегодняшнее решение комиссии Дейтриха (имеется в виду, очевидно, русско-финляндская комиссия.— А. А.), предлагающее отнять от Финляндии все права внутреннего распорядка, отвратительно,— писала она.— Но все-таки Ив. Ильич прав — у нас, кадетов, нет настоящего государственного взгляда на дело, и надо его выработать»⁵¹.

Дискуссия была завершена на ноябрьской конференции партии 1909 г. Милюков настаивал в отношении Финляндии на термине «государственная автономия», из которого вытекала необходимость параллельного законодательства. Шингарев выступил против него из опасения, что кадеты тем самым предопределяют форму государственного устройства Финляндии. В ответ Милюков объяснил своему коллеге, что «именно термином „государственная автономия“ ничего в данном случае и не предreshается. Он не означает вполне суверенного государства, но далеко не вмещается и в рамки местного законодательства». Однако Петрункевич возразил, что будет неправильно ограничиваться заявлениями о правах сейма, так как это укрепит финнов на по-

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 29.

⁵¹ Там же, ф. 629, оп. 1, д. 16, лл. 39 об.— 40 об.

зиции непримиримости. Надо им сказать, что в интересах и России, и Финляндии определенные вопросы должны решаться в общеимперском порядке, и одновременно с этим подработать перечень. На это Милюков ответил, что путь выработки перечня опасен, потому что общеимперские нужды могут не совпасть с финляндскими, и, кроме того, вопрос осложняется тем, что здесь затрагиваются материальные интересы, в частности вопросы таможенных пошлин и тарифов. Тем не менее А. М. Колюбакин потребовал выработки «справедливого» перечня.

После того, как Милюков заявил о необходимости принятия общего решения, чтобы не создавать впечатления, что ЦК колеблется по принципиальному вопросу, была принята резолюция, утверждавшая в конечном итоге точку зрения Милюкова. «Конференция признает необходимым,—говорилось в ней,—чтобы проект законодательного акта, перечисляющего общие для империи и Великого княжества законы и устанавливающего порядок их законодательного разрешения, был предложен на решение не одних только русских законодательных учреждений, но и финляндского сейма в установленном сеймовым уставом порядке. Вместе с тем, приняв к сведению, что при ЦК образована специальная комиссия по финляндскому вопросу, конференция постановила, согласно предложению, внесенному председателем, просить ЦК: 1) возможно ускорить и усилить работу этой комиссии и 2) когда общие положения будут ею выработаны, созвать совещание по финляндскому вопросу известив об этом совещании все провинциальные группы, чтобы они могли принять участие в совещании»⁵². Насколько нам известно, второе желание не было выполнено.

Позднее «Окраины России» по поводу кадетской позиции в финляндском вопросе писали следующее: «Даже в кадетской среде, как рассказывают, раздаются голоса, свидетельствующие, что... и там есть люди, понимающие необходимость скорейшего урегулирования финляндско-русских отношений сообразно с исторической правдой и потребностями России»⁵³.

Первая и основная речь Милюкова в значительной части была посвящена историко-юридическому анализу законопроекта с очень характерной для кадетов мотивировкой. После выступлений фон Анрепа и Замысловского, заявил Милюков, всем ясно, что «судьба финляндского законопроекта решена (Голос справа: «верно, правильно»)». Казалось бы, при такой ситуации заниматься юридической аргументацией бесполезно, и «тем не менее мы хотим это сделать (Голос в центре: «напрасно»)», чтобы нагляднее показать, на каких слабых основаниях решение это построено».

⁵² Там же, ф. 523, оп. 1, д. 9, л. 78, 84, 86, 87.

⁵³ «Окраины России», 1910, № 13, стр. 195.

Главной целью выступления Милюкова было «доказать..., что по своему характеру законопроект этот составляет не только политическую ошибку, но что он просто невыполним». В связи с этим Милюков поднял вопрос о правильных и неправильных, с его точки зрения, методах колониальной политики. Главная ошибка правительства и Думы, доказывал Милюков, состоит в том, что они действуют «ассирийскими средствами». «Член Думы фон Анреп,— пояснял он свою мысль,— ссылаясь на иностранные государства, на Англию, Францию и Германию, в доказательство того, что они ведут империалистскую политику, и никто их за это не осуждает, а русскую Государственную думу осуждают при первом же шаге, при первой попытке. Но есть империалистская политика и политика. Та империалистская политика, которую ведет империалистская Англия, разве похожа на нашу?.. Ведь завидно становится, глядя на эту политику. «Вот, гг.,— восклицал с пафосом Милюков,— плод просвещенной империалистской политики, умеющей добиваться скрепления частей цивилизованными, современными средствами».

Прилагая английский образец к Финляндии, Милюков указывал, что именно здесь для практического осуществления «просвещенной империалистской политики» имеются наиболее благоприятные предпосылки, по сравнению, например, с Польшей. «В Финляндии,— говорил он,— нет и следа того раздражения, тех раскаленных страстей, ненависти и вражды, как в Западном крае. Население спокойное, почти флегматичное, законопослушное». И «если Финляндия раздражена, это доказывает только наше неискусство, полную негодность той самой политики, которую вы теперь хотите продолжать. Говорят о государственной опасности от этого настроения Финляндии. Да, она действительно есть, но эта опасность лежит в нас самих».

Кадеты требовали в отношении Финляндии особой осторожности еще и потому, что она граничит с Германией. «Ведь этот край,— указывал Милюков,— лежит на самой опасной нашей границе рядом с соседом, который находится в периоде экспансии, расширения своей национальной мощи...» Говоря о необходимости учитывать международное положение, Милюков в подтверждение ссылаясь на мнение министра иностранных дел. «По мнению Извольского,— указывал он,— простая предосторожность требовала бы воздержаться от мер, вроде проектируемой в отношении Финляндии».

То, что «вы собираетесь совершить...»,— заявил он в другом месте, обращаясь к правым и октябристам,— хуже, чем аннексия Боснии и Трансвааля, так как здесь вчерашних врагов делают друзьями, давая им конституцию, «а мы, гг., мы отнимаем конституцию, и друзей мы сделаем врагами».

Но основной довод кадетов, направленный против национальной политики царизма, состоял в том, что она, являясь со-

ставной частью всей внутренней политики, не предотвращает, как думают ее творцы, а, наоборот, приближает революцию. «Мы только что объявили войну полякам, как элементу государственно опасному,— говорил по этому поводу Миллюков.— Для евреев, кажется, наступает теперь время, напоминающее отмену Нантского эдикта. Миллионное старообрядческое население объявлено бунтовщиками, революционерами и разжаловано обратно в раскольники. А закон 9 ноября? Разве он не начинает приносить те плоды, о которых мы предсказывали, разве московское купечество не угрожает уже правительству государственной опасностью от бездомного пролетариата, который начинает уже выкидывать деревня?» Сам Столыпин признал, что «вся Россия недовольна». И причина этому — его политика. К этому «я должен прибавить, что недовольство ее растет по мере того, как терпение слабеет»⁵⁴.

Кадетов ужасало, что своей политикой царизм отталкивал от себя «умеренные элементы» национальных окраин. «И каков же плод этой политики? — восклицал в другой своей речи Миллюков.— Ведь это — разочарование умеренных элементов... Вы слышали отголосок этого разочарования недавно на этой кафедре. С ужасающей ясностью изложил вам их представитель польского кола Жуковский...»⁵⁵.

Задуманная мера практически неисполнима, делал конечный вывод Миллюков. Она поведет лишь к длительной и бесплодной борьбе, и в конце концов от нее придется отказаться.— «Этот законопроект, я в этом глубоко убежден,— заявил Миллюков,— просто неисполним»⁵⁶. Об этом хорошо свидетельствует опыт Бобрикова.

Эту идею Маклаков развивал в другом плане. «Трагизм» положения, по его мнению, состоял не в том, что невозможно приемлемое для правительства соглашение с Финляндией, а в том, что оно никоим образом не хочет такого соглашения. Законопроект носит провокационный характер, его цель — вызвать репрессии по отношению к Финляндии. «Как ни громко голос

⁵⁴ Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 2007—2008, 2077—2081, 2088.

⁵⁵ Там же, стб. 2449. В. В. Жуковский в своей речи развивал следующий тезис. Русские полонофобы жесткую политику правительства в отношении поляков объясняли нелояльностью последних. В пример им ставилась лояльность Финляндии, которая и процветала благодаря ей. Но, как показывает законопроект об общеимперском законодательстве, эта лояльность финнам не помогла. Законопроект, таким образом, «ставит вместе с сим более роковой и широкий вопрос: вопрос о том, существует ли вообще при настоящем курсе правительства и большинства Государственной думы... для нерусских народностей возможность охранять законными путями свою народность в русском государстве? И с другой стороны, согласима ли поэтому преданность русской государственности со своей нерусской народностью?» (там же, стб. 2151).

⁵⁶ Там же, стб. 2081.

самого элементарного благоразумия требует от Финляндии полной уступчивости,— говорил Маклаков,— вопрос в этом законе ставится так, что об уступках говорить невозможно. Ведь после этого закона финляндцам терять уже нечего, после этого закона нет никакой автономии, ни государственной, ни провинциальной». «За этим законом последуют ненависть, злоба, отчаяние и борьба; за борьбой последует необходимость репрессии, за репрессией последует разгром». Изучение вопроса показывает, что «с нашей стороны делали все возможное для того, чтобы соглашение не состоялось. Я уверен, что соглашение было возможно, как оно возможно и теперь...» Правительство «провоцирует страну на поступки, которые оправдают жестокие меры управления, а иначе оно управлять не умеет»⁵⁷. А такая политика, развивал дальше эту мысль Родичев, неизбежно ведет к революции: «После акта бесправия только революция может поставить и государство, и народ на правовые рельсы... В этом-то, гг., жесточайшая опасность всякого бесправного акта; опасность его и состоит в том, что этим уничтожаются легальные пути восстановления справедливости»⁵⁸.

Речи прогрессистов И. Н. Ефремова, В. С. Соколова 2-го и А. М. Масленикова, требовавших отвержения законопроекта, были выдержаны в том же духе.

От трудовиков в общих прениях во время первого обсуждения выступили Булат и Г. Е. Рожков. Их речи значительно отличались одна от другой. Первый по существу шел за кадетами, второй говорил как истый демократ. Вслед за кадетами Булат занялся «воспитательной» критикой октябристов, уговаривая их не идти на поводу у правых. Он уверял правительство и думское большинство, что в случае военной опасности все партии страны, включая и социал-демократическую, объединятся в едином общенациональном блоке. «Гг.,— говорил Булат,— если бы была правда, что Финляндия готовила покушение против России, то я думаю, что в Думе не было бы ни одной партии, которая тогда не согласилась бы с проектом правительства об устранении подобного явления, о приведении Финляндии к повиновению»⁵⁹. Вместе с кадетами и прогрессистами он высказался за параллельное законодательство.

Начав с того, что он хочет сказать «с точки зрения деревенского мужика», Рожков заявил, что все его прежние надежды на Думу рушились. Раньше он думал, что сможет сказать беззастенчиво — Дума высказалась за наделение его землею, рабочему — он будет иметь работу, констатировать одобрение Думой законопроекта о всеобщем обучении, уничтожение ею усилен-

⁵⁷ Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 2126, 2132, 2144, 2146.

⁵⁸ Там же, стб. 2207.

⁵⁹ Там же, стб. 2102.

ных и чрезвычайных охран. Но она «не только не постаралась снять оков с русского крестьянина и вообще с русского населения; она готовится наложить страшные оковы на свободный финский народ». С этой трибуны,— продолжал Рожков,— всякий раз «употребляют слова о процветании России, о мощи России, о патриотизме России... И вот я думаю: о какой России он (Марков 2-й.— А. А.) говорил? Я думаю, что не о российском народе говорил, а ждет (военной прогулки в Финляндию.— А. А.). „Россия“, газета. Того ждут, может быть, и „Русское знамя“, и „Земщина“, и „Свет“ и др.; может быть, ждут и воспитанники этих газет, но российский народ, гг., крови не ждет». Левые крестьяне не подадут свои голоса за законопроект, «ни один из нас не подаст. Мы шлем наш дружеский и горячий привет финляндскому народу (шум справа) и протестуем против данного законопроекта»⁶⁰.

При голосовании вопроса о переходе к постатейному чтению другой крестьянин-трудолик, А. Е. Кропотов, заявил: «Мы, левые крестьяне, голосуем против законопроекта и твердо верим, что большинство крестьян Российской империи вполне поймут наше поведение... Большинство крестьян Российской империи на своей шкуре переживают гнет правительства, и, следовательно, крестьяне не могут желать какому бы то ни было народу гнета, а тем более свободному народу финляндскому»⁶¹.

В отличие от левых крестьян все правые крестьяне высказались за законопроект. Выступив «от имени крестьян-националистов и правых», И. А. Фомкин заявил: «Финляндия живет за счет русского народа, что мы считаем крайне несправедливым. Этому должен быть положен конец, и мы будем голосовать за законопроект...»⁶² В том же духе говорили Д. П. Гулякин и П. Е. Базилевич (октябрист).

От социал-демократической фракции выступили четыре оратора — Гегечкори, Н. С. Чхеидзе, Г. С. Кузнецов и И. П. Покровский.

Речь Гегечкори была типично меньшевистской. В большей своей части она была посвящена историко-юридической стороне вопроса, причем необходимость такого подхода мотивировалась чисто по-кадетски. «Вопрос...,— говорил Гегечкори,— поставлен совершенно ясно. Пред нами ничем не прикрытый голый акт насилия... Так что с точки зрения формальных прав, обсуждение его в порядке юридическом, конечно, теряет всякий практический смысл». «Но раз противники финляндской государственности становятся на точку зрения юридическую, то и мы станем на эту же точку зрения, хотя нам, социалистам, социал-

⁶⁰ Там же, стб. 2297—2298, 2300—2302.

⁶¹ Там же, стб. 2423.

⁶² Там же, стб. 2420.

демократам, это как будто (Голос справа: «не пристало») и не к лицу, потому что мы всегда говорили и продолжаем говорить, что при настоящем общественно-политическом соотношении сил сила создает право».

Критикуя черносотенный патриотизм, Гегечкори противопоставил ему патриотизм кадетский. Он упрекал правительство за «международный позор» в результате аннексии Австрией Боснии и Герцеговины, правооктябристское большинство — за легкомыслие и безответственность: «Разве вы в настоящий момент, при сложности международных отношений, в настоящий момент, когда всякий дипломатически неверный шаг может вызвать катастрофу и международную войну, разве вы не ослабляете в этом международном турнире Россию, как международную силу?»

В заключение Гегечкори обратился с упреком и за сочувствием к... европейской буржуазии: «Мы же с этой высокой трибуны,— заявил он,— протестуем против этого насилия перед Россией и целым миром. Пусть, гг., теперь свободолобивая (!) европейская буржуазия, которая начинает протестовать против антиконституционных актов правительства только тогда, когда ее ударили по карману (?), европейская буржуазия, которая до сих пор старалась закрывать глаза на политику правительства, пусть она видит, какого конституционного зверя она вскормила своими деньгами»⁶³.

Основным содержанием речи Чхеидзе была критика октябристов с кадетских позиций и «подталкивающая» критика кадетов. «Итак, гг., — иронизировал он, — трехгодичный курс работ третьей Думы заканчивается, и большинство ее, в лице ее центра, сдает последний экзамен». «Ведь экзаменующийся стоит, гг., перед его высокопревосходительством П. А. Столыпиным». В то же время вопреки логике Чхеидзе стал высмеивать Маклакова за его апелляцию к октябристскому «конституционализму». «Но я уверен,— говорил Чхеидзе,— что... Маклаков будет гоняться за октябристами и будет приставать к ним с этой конституцией до самого края света». Видя, что финляндскую конституцию хотя бы зарезать, он хлопочет о том, «как бы зарезать эту конституцию конституционным путем... и как бы зажарить ее под конституционным соусом...» Казалось, если судить по последней фразе, Чхеидзе задался целью разоблачить кадетов. Но суть дела была выражена в заключительной фразе: «Я желал бы, чтобы это предсказание не исполнилось...» Более того, перед тем, как перейти к очередному туру обличений политики правительства в Финляндии, Чхеидзе, обращаясь уже не только к кадетам, но и к правым и октябристам, воскликнул: «Я желал бы, гг., чтобы я

⁶³ Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 1964—1965, 1975—1976, 1981.

ошибался, но позвольте мне сказать то, что я чувствую», на что справа получил презрительное: «Говори!»

Характеризуя существовавшие в Финляндии порядки, Чхейдзе показал себя дюжинным буржуазным демократом. Обращаясь к думским крестьянам, он обратил их внимание на то, что «финляндские чиновники не для того существуют, чтобы перекачивать из казенных сундуков в свои карманы, а для того, чтобы служить честно своему долгу, что полиция финляндская не для того существует, чтобы наводить ужас и страх на мирных обывателей..., а для того, чтобы действительно охранять спокойствие граждан»⁶⁴.

В речи Кузнецова следует отметить высказанную им мысль о том, что не Столыпин является хозяином и распорядителем Совета объединенного дворянства, а, наоборот, последний является хозяином Столыпина, который выполняет его волю, продолжая дело Бобрикова в Финляндии. Здесь многие говорят, указывал Кузнецов, что Столыпин — дирижер, за которым следуют беспрекословно. «Это неверно..., мы, рабочие, понимаем совершенно иначе, мы думаем совершенно обратно, что камертон в этом направлении как я уже сказал, принадлежит объединенному дворянству, а исполнителем его непосредственным, так сказать, его вольнонаемным слугой, является Столыпин — тот сторож, который охраняет дворянские интересы»⁶⁵.

Речь Покровского в целом прозвучала как сильный протест против совершающегося насилия над Финляндией и призыв к борьбе за совместную русскую и финляндскую свободу. «Не пора ли, гг., — воскликнул он в начале речи, — сказать насильникам, не убеждать их, а крикнуть им, что они совершают позорное насилие», что это «откровенный, циничный крик торжествующего насилия...» Посыгательство на финляндскую конституцию, заявил Покровский, — это «плод вековой культуры крепостничества, холопства, хамства (Рукоплескания слева; голоса справа: «ложь, ложь!») И после этого эти господа смеют еще разводить демагогию, обращаться к русскому народу и говорить, что Финляндия ложится тяжелым бременем на плечи русского народа... Нет, гг., не будите русский народ! Если он пробудится, разомнет свои плечи, то для того, чтобы скинуть с себя всю эту пирамиду!»

Указав на то, что именно русский народ дал Финляндии манифест 22 октября 1905 г., Покровский в заключение заявил: «Теперь вы снова беретесь за финляндцев. И русский народ, и его боевой авангард, рабочий класс, еще раз подаст братскую руку финляндскому народу для общего дела освобождения от полити-

⁶⁴ Там же, стб. 2221—2222, 2224—2225, 2228.

⁶⁵ Там же, стб. 2311.

ческого гнета. Не здесь решится финляндский вопрос, он решится народной борьбой!»⁶⁶

Последний акт позорного фарса начался в Думе в час ночи 25 мая на 120-м заседании, когда была принята формула перехода к постановочному обсуждению. «Историческая ночь!» — воскликнул по этому поводу Пуришкевич⁶⁷. Роль незадачливого маклера, осмеянного и слева, и справа, сыграли в этом фарсе кадеты. Дело в том, что все фракции, стоявшие левее октябристов, заявили, что они будут голосовать против перехода к постановочному чтению. Но социал-демократы и трудовики отказались при этом принимать дальнейшее участие в обсуждении⁶⁸. Кроме того, Покровский потребовал поставить на голосование вопрос о снятии законопроекта с очереди вообще на том основании, что он внесен в Думу с нарушением Основных законов⁶⁹. Остальные фракции поступили наоборот. Милюков от имени кадетов, прогрессистов, коло и мусульман зачитал заявление, в котором говорилось: хотя законопроект не может быть исправлен никакими поправками, «тем не менее, относясь к законопроекту безусловно отрицательно и не питая никаких (!) надежд на возможность его улучшения, мы остаемся и участвуем в постановочном обсуждении (Голос справа: «это жаль»; смех) и считали бы... большой (!) политической ошибкой уклонение от этого обсуждения...»⁷⁰ Таким образом, тактике «безответственной» оппозиции в представлении кадетов демонстративно была противопоставлена тактика оппозиции «ответственной».

Помимо принципиальных кадетами руководили еще три практических соображения, которые оказались иллюзорными. Они исходили из того, что законопроект, как им казалось, имел случайное происхождение; финны готовы были на уступки; часть октябристов готова несколько смягчить перечень.

Вопрос о Финляндии, говорил Милюков, «ставится таким способом в первый раз и ставится несомненно случайно. Когда проект г. Дейтриха и кружка его друзей... каким-то случаем проскочил почти нетронутый, почти в первоначальном виде, сперва через Особое совещание, затем через комиссию Харитонова и, наконец, через Совет министров, в широких (!) кругах общественного мнения не верили глазам. Думали, что это совершенно невозможно... Однако, гг., это невозможное, это невероятное совершилось». Таким образом, кадеты совершили ту же ошибку, что и при обсуждении указа 9 ноября, ошибку, обусловленную их классовой природой. Главный расчет кадетов строился на готов-

⁶⁶ Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 2387, 2392.

⁶⁷ Там же, стб. 2422.

⁶⁸ Там же, стб. 2418.

⁶⁹ Там же, стб. 2393.

⁷⁰ Там же, стб. 2417.

ности Финляндии пойти на широкие уступки. В Финляндии, доказывал Милюков, задает теперь тон «новая, гораздо более умеренная группа... — та, которая предъявила свой ответ на русскую постановку вопроса в комиссии Харитоновой». От прежней «постановки вопроса... финляндцы уже готовы отказаться, они готовы идти навстречу русским требованиям до таких пределов, которые еще в недавнее время казались совершенно невозможными». У них есть контрпредложение к законопроекту, которое «целиком состоит из демонстраций готовности к уступкам». «Другими словами,— объяснил Милюков далее,— они просят только одно: сохраните хоть фикцию (!) закона, если не хотите сохранить его существо», а именно, они согласны на перечень, но чтобы в дальнейшем он расширялся только по согласии с сеймом⁷¹.

По-видимому, Милюков говорил с полным знанием дела, но правых и октябристов это ни в малейшей степени не интересовало: ответом на его авансы было принятие предложения об ограничении прений 10 минутами. Затем началось голосование первых разделов законопроекта фактически без всякого обсуждения. Когда выяснилось, что вторую статью, содержащую перечень, правооктябристское большинство также собирается обсуждать целиком, Милюков в отчаянии воскликнул: «Значит, вы в одну минуту хотите решить всю совокупность вопросов, подлежащих... (Замысловский с места: «да, да»; Пуришкевич с места: «для нас дело ясно»)». По крайней мере соблюдайте хоть фикцию (!), что обсуждение было (Голос справа: «не нужно»)».

Положение было таково, что кадеты вынуждены были сделать то, что так недавно было объявлено «большой политической ошибкой»: покинуть зал заседания. «Как мы ни склонны были продолжать эту словесную (!) борьбу,— заявил Милюков,— но, поставленные в такое положение, мы принуждены будем передумать... (Пуришкевич с места: «оптом, оптом говорить, а не в розницу»)»⁷². После того, как было провалено предложение кадетов о том, чтобы 2-ю статью законопроекта превратить во второй раздел, а пункты ее — в отдельные статьи, чтобы тем самым, согласно «Наказу», обеспечить обсуждение перечня «в розницу», а не «оптом», как того требовал Пуришкевич, Милюков от имени своей фракции сделал последнее заявление: ввиду отклонения указанного предложения «последняя задача, для осуществления которой оппозиция оставалась в этом зале, является устраненной... Ввиду этого представители оппозиции заявляют, что дальнейшего участия в прениях и голосовании по данному законопроекту они не принимают и удаляются из зала заседания»⁷³.

⁷¹ Там же, стб. 2441, 2443—2444, 2446.

⁷² Там же, стб. 2457.

⁷³ Там же, стб. 2473.

После ухода кадетов роль «ответственной» оппозиции взяла на себя группа октябристов во главе с М. Я. Капустиным. «Школа, союзы и собрания и печать,— заявил Капустин, предлагая от имени Анрепа и своего исключить пункты 9-й, 10-й и 12-й перечня,— несомненно, относятся к внутренним делам этого края... Я и мои сторонники полагаем, что мы поступим правильнее, если эти три пункта исключим». В доказательство он сослался на пример русской школы в Польше, где, несмотря на все усилия, «кончающие курс в этих школах оказываются воспитанными в духе неприязни к России». Если финляндские школы «перевернем на свой лад», то откроются тайные школы. Печать также лучше обуздывать административными мерами, не то внесем «только всеобщее раздражение и всеобщее сопротивление...»⁷⁴

Поправки Капустина и Анрепа были отвергнуты. Из других внесенных поправок укажем на две поправки Анрепа. Первая поправка предлагала 3-ю статью дополнить словами о том, что изменение и дополнение перечня «может происходить исключительно по почину государя императора». Она была принята без возражений. Вторая поправка была аналогична первой: она требовала, чтобы вообще все будущее законодательство по всем пунктам перечня могло происходить лишь по почину царя. Вначале, когда гр. Беннигсен категорически выступил против нее, она была отклонена. Но при третьем чтении, когда Харитонов от имени правительства выразил свое согласие с ней, была принята. Это все, что удалось добиться группе «левых» октябристов.

Когда председательствующий объявил, что законопроект принят 164 голосами против 23, Пуришкевич воскликнул: «*finis Finlandiae*» — конец Финляндии!⁷⁵ Он ошибся. Судьбу Финляндии решила не черносотенная Дума, а народ, русский рабочий класс в первую очередь.

ЗАКОНЫ ОБ УРАВНЕНИИ В ПРАВАХ И ОТБЫВАНИИ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

Спустя месяц, 18 июля 1910 г., царь наложил резолюцию «Согласен» на заключение Совета министров, озаглавленное: «О некоторых мерах, связанных с изданием закона 17 июня 1910 г. об общегосударственном законодательстве»⁷⁶. Закон 17 июня 1910 г. сам по себе практического значения не имел. Он служил отправной точкой, «законным» основанием для последующих законов, которым и предстояло конкретно реализовать его знаменитые 14 пунктов. Уже сам заголовок говорит о том, что Совет министров пока не ставил вопроса о цельной програм-

⁷⁴ Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 2477—2480.

⁷⁵ Там же, стб. 2582.

⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 6, д. 27, л. 2.

ме, подробно разработанном, конкретном плане. И действительно, основное содержание заключения сводилось лишь к вопросу о мерах, не терпящих отлагательства: «о тех законодательных предположениях общегосударственного значения, которые подлежат осуществлению в первую очередь...»

Совет министров считал такими первоочередными мерами два законопроекта. «Одною из наиболее неотложных задач, требующих разрешения в порядке общегосударственного законодательства,— говорилось в заключении,— следует признать уравнивание прав русских уроженцев в Финляндии с правами местных граждан». Вторым, «не менее важным предметом» такого законодательства был «вопрос об отбывании населением Великого княжества Финляндского воинской повинности»⁷⁷. Соответствующие законопроекты должны были быть выработаны финляндским генерал-губернатором. Правительство очень спешило с этими законопроектами: в сентябре 1910 г. они уже поступили в Думу. «Контрреволюция в России,— писал В. И. Ленин,— спешит воспользоваться полным затишьем у „себя дома“, чтобы возможно больше отнять из финляндских завоеваний»⁷⁸. Совет министров, указывалось в цитированном заключении, «не скрывал от себя, что вновь изданный закон (17 июня 1910 г.— А. А.), несовместимый с превратными представлениями финляндцев о полноте законодательной самостоятельности Финляндии, встретит, вероятно, противодействие со стороны местного населения и финляндских властей, которые приложат усилия к тому, чтобы, по возможности, затруднить и отсрочить его применение на практике». «В предвидении сего» правительство должно «внушить финляндскому населению», что закон «не останется мертвой буквой...»⁷⁹ Совет министров считал, что промедление в этом деле будет воспринято в Финляндии как слабость правительства, опасение с его стороны начать реализацию закона 17 июня.

Объяснительная записка к законопроекту об уравнивании русских граждан, проживающих в Финляндии, с финским населением подробно перечисляла те ограничения, которым подвергались в Финляндии жители, не являвшиеся финскими гражданами. «Из приведенного обзора ограничений, коим подлежат русские уроженцы в Финляндии,— говорилось в записке,— явствует, что в сфере деятельности политической, общественной, экономической и частной права их значительно умалены по сравнению с правами финляндских граждан». Этот вывод сам по себе был совершенно справедлив: действительно, русские уроженцы были лишены самых насущных прав. Они не могли избирать и быть избранными в сейм, им запрещалось занимать государственные и

⁷⁷ Там же, лл. 3 об.—4.

⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 219.

⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 6, д. 27, л. 3 об.

общественные должности, в торгово-промышленной деятельности их подвергали целому ряду стеснений и т. п. Финны указанное неравноправие считали актом самозащиты, мерой самообороны слабого от сильного.

Цель законопроекта, по словам записки, состояла в том, чтобы «достигнуть, по возможности, исчерпывающей полноты уравниения» русских подданных с финскими гражданами. «Наиболее правильно и целесообразно выразить это общее руководящее начало,— говорилось далее,— в виде краткой и категорической формулы, не вдаваясь ни в какие частности и не делая особых оговорок об отмене несогласных с этим началом правил местных финляндских узаконений». В законопроекте это положение было выражено в его 1-й статье, которая гласила: «Русским подданным, не принадлежащим к числу финляндских граждан, предоставить в Финляндии равные с местными гражданами права»⁸⁰. Это означало, что все финляндские законы, противоречившие этому пункту, автоматически теряли силу. Объяснительная записка специально напоминала по этому поводу, что, согласно 10-й статье отдела 1-го закона 17 июня 1910 г., «изданные в общем порядке законы и постановления сами собой отменяют все несогласные с ними правила финляндских законов и постановлений и применяются, несмотря ни на какие противные правила означенных местных узаконений».

Гвоздем законопроекта, раскрывавшим его основную цель, была 2-я статья, которая гласила: «Лицам, получившим образование в имперских учебных заведениях или выдержавшим установленные в империи испытания, предоставить в Финляндии равные права с лицами, получившими образование в соответствующих финляндских учебных заведениях или выдержавшими на основании местных правил соответствующие испытания; разрешение же могущих возникать в сем отношении сомнений возложить на финляндского генерал-губернатора по соглашению с подлежащими министрами и главноуправляющими отдельными частями».

Царское правительство отдавало себе ясный отчет в том, что пока Финляндия управляется финскими чиновниками, реализация закона 17 июня практически неосуществима. Согласно финляндским законам, стать чиновником можно было, окончив то или иное финское учебное заведение или сдав определенный экзамен при Александровском университете в Гельсингфорсе. 2-я статья разрушала этот порядок и широко открывала дверь русским чиновникам. Что делали бы эти чиновники в Финляндии, если бы были туда посланы, догадаться нетрудно.

⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 1161, лл. 11 об.—12 об. 176-я статья законопроекта оговаривала, что в число этих русских граждан не включаются евреи и цыгане (там же, л. 17 об.).

Очень любопытна для историка 3-я статья законопроекта. По финляндским законам преподавать историю в Финляндии могли только лица лютеранско-евангелического вероисповедания. 3-я статья устанавливала: «право занимать должности преподавателей истории во всех финляндских учебных заведениях предоставлять, на одинаковых основаниях, всем исповедующим христианскую веру русским подданным». Еще при обсуждении антифинляндских запросов правые и октябристы указывали, что финские учебники по истории, равно как и преподавание этого предмета в школах, является могучим средством воспитания финляндского «сепаратизма». Теперь царизм стремился превратить его в оружие русификаторской политики.

Совершенно исключительной была 4-я статья законопроекта. Она устанавливала, что должностные лица Финляндии, виновные «в умышленном воспрепятствовании» применению 1—3-й статей, будут судиться не финляндским, а русским судом — в судебных местах Петербургского судебного округа. Причем судебное обвинение против этих лиц возбуждается, на основании сообщений финляндского генерал-губернатора, прокурором Петербургской судебной палаты. Предварительное следствие должны были производить судебные следователи Петербургского окружного суда. Так как в «Уложение» о наказаниях не было статьи, предусматривавшей кару за указанное «воспрепятствование», законопроект дополнял «Уложение» специальной статьей 1423-й. Она устанавливала наказания, начиная от штрафа в 100—500 руб. до заключения в тюрьме сроком от восьми месяцев до двух лет. Кроме того, суду давалось право «удалить виновного с должности, а также лишить его права состоять на государственной службе и занимать должность по выборам или по вольному найму... на срок от одного года до десяти лет или навсегда»⁸¹.

Таков был первый законопроект. Содержание второго было очень простым и раскрывалось уже в заголовке: «О производстве финляндской казной платежей государственному казначейству взамен отбывания финляндскими гражданами личной воинской повинности». В нескольких статьях регламентировались размеры, порядок и сроки выплат. На 1911 г. размер взноса определялся в 12 млн. марок; он должен был затем увеличиваться ежегодно на 1 млн., пока не достигнет 20 млн. марок. Ежегодный взнос уплачивался равными долями в два срока — в мае и ноябре. Изыскание средств на покрытие этих взносов предоставлялось финляндским властям⁸².

Объяснительная записка к законопроекту излагала историю вопроса следующим образом. Личная воинская повинность была

⁸¹ Там же, лл. 13, 17—17 об.

⁸² Там же, д. 1162, л. 15 об.

введена в Финляндии в 1878 г. против воли тогдашнего военного министра Д. А. Милютина, опасавшегося, что создаваемые финские войска резко обособятся от остальной русской армии. Опасения Милютина оправдались. В 1901 г. правительство предприняло «коренную реформу», завершившуюся обнародованием 29 июня нового воинского устава для Финляндии, изданного на основании Положения 3 февраля 1899 г. В 1902 г. контингент новобранцев в Финляндии на основе нового устава был определен в 280 человек! В 1903 и 1904 гг. это число было снижено до 190 человек. Фактически это означало отмену воинской повинности. Подчеркивая необыкновенные льготы, которые якобы давал новый устав, записка деланно недоумевала, почему он был встречен в Финляндии совершенно отрицательно. «Тем не менее,— указывалось в ней,— новый устав о воинской повинности вызвал со стороны некоторых политических кругов Финляндии резкое противодействие, вначале искусно внушенное, а затем и почти навязанное (!) широким массам местного населения».

На самом деле устав 1901 г. был составной частью политики Бобрикова, направленной на уничтожение финляндской автономии. Как всем было ясно, лишение одной из важнейших обязанностей должно было повлечь за собой и лишение прав. Именно в этом и заключался смысл нового устава, и этим объяснялся всеобщий протест населения Финляндии против него. «Насильственная кончина... Бобрикова, война на Дальнем Востоке и вспыхнувшая вслед за нею внутренняя смута» заставили царя манифестом от 16 марта 1905 г. приостановить применение устава 1901 г. Взамен финляндская казна должна была уплачивать государственному казначейству с 1905 по 1907 г. ежегодное пособие на военные нужды в размере 10 млн. марок. Сейм уплатил требуемую с него сумму за 1905 г., а с 22 октября 1905 г. устав 1901 г. был отменен. «Обстоятельство это,— говорилось в записке,— дало финляндцам повод утверждать, будто бы с отменой упомянутого устава обязательство Финляндии уплачивать государственному казначейству дальнейшие взносы на военные нужды прекращается». «Указанное толкование... было... решительно отвергнуто правительством»⁸³, и, несмотря на все протесты сейма, Финляндия была вынуждена заплатить за 1906 и 1907 гг. по 20 млн. марок.

4 июля 1908 г. царь отклонил ходатайство финляндского сейма от 9 мая того же года о восстановлении финских войск. 24 сентября 1909 г. высочайшим манифестом устанавливалось, что вопрос о воинской повинности в Финляндии подлежит окончательному разрешению в порядке общегосударственного законодательства, а до этого за 1908 и 1909 гг. Финляндия должна

⁸³ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 1161, лл. 2—3.

внести в государственное казначейство по 10 млн. марок и за последующие годы — в размерах, указанных в особом предложении от того же числа: за 1910 г. — 11 млн. марок, за 1911 г. — 12 млн. и т. д. по достижении размера взноса до 20 млн. марок. Как видим, законопроект просто-напросто воспроизводил указанное предложение. Сейм 1909 г. признал манифест 24 сентября 1909 г. незаконным, за что и был распущен. Сейм 1910 г. также отказался признать законность указанного манифеста и следовавшего из него предложения об очередных уплатах. В таком положении вопрос о воинской повинности в Финляндии дожил до закона 17 июня 1910 г., а затем и до специального законопроекта по нему.

Царизм был против несения воинской повинности финнами не только на территории Финляндии, в особых финских частях, но и за ее пределами, в составе русских частей. В цитированном выше заключении Совета министров по этому поводу говорилось следующее: «Иное разрешение этого вопроса, а именно восстановление в Финляндии личной воинской повинности, хотя бы путем привлечения финляндцев в ряды имперской армии и флота, представлялось бы, по убеждению Совета, пока нецелесообразным. Как было указано военным министром, процент инородцев в нашей армии является в настоящее время чрезвычайно высоким (до 25 % общего состава), и усиливать его включением в состав наших войск нескольких десятков тысяч финляндцев, неприязненно настроенных к России, было бы неблагоприятно, тем более что создание в Финляндии кадра обученных воинскому делу запасных могло бы, при известных условиях, представить для нас даже некоторую опасность»⁸⁴.

По своему значению первый законопроект значительно превосходил второй, что счел нужным подчеркнуть в Думе новый председатель Совета министров Коковцов. Этот законопроект, заявил он, «бесспорно в своем значении значительно превосходит» только что обсуждавшийся законопроект о платежах взамен отбывания воинской повинности⁸⁵. Это обстоятельство нашло свое отражение и в думских прениях по обоим законопроектам. Они обсуждались одновременно, но львиная доля выступлений падает на законопроект об уравнивании в правах.

Законопроекты были поставлены на повестку дня Думы спустя примерно год после их внесения, в октябре 1911 г., в начале последней, пятой сессии. Они заняли всего четыре заседания (9, 10, 11 и 13-е). Накануне обсуждения националисты, чтобы подогреть атмосферу, внесли запрос, адресованный военному министру, требовавший немедленного введения в Финляндии военного положения. Запрос утверждал, что «подъем враждебного

⁸⁴ Там же, ф. 1276, оп. 6, д. 27, л. 5.

⁸⁵ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 757.

настроения (в Финляндии.— А. А.) выразился в целом ряде оскорблений и покушений на безопасность воинских чинов», а «за последние два месяца, сентябрь и октябрь, дерзость финляндских шовинистов доходит до открытого нападения на отдельных воинских чинов и даже на целые воинские части (!)». «Бездействие власти» в подобной ситуации, по мнению авторов запроса, «может повлечь за собой весьма тяжелые последствия, поднимая настроение зазнавшихся шовинистов. Вместе с тем безнаказанность оскорблений и нападений на военные части роняет престиж русской армии и среди спокойного населения». На основании изложенного задавался вопрос: «Признает ли военный министр существующие полномочия местной военной власти достаточными для защиты достоинства и ограждения неприкосновенности воинских чинов, или, в противном случае, намерен ли министр ходатайствовать о предоставлении местной власти иных исключительных полномочий по действующему законодательству?»⁸⁶

Запрос обсуждался не по существу, а по вопросу о спешности. От имени комиссии по запросам октябрист кн. И. А. Куракин выступил против спешности. Это объяснялось тем, что сами националисты не хотели обсуждения по существу. Полнейшая несостоятельность запроса была очевидной. Все факты были взяты из «Нового времени». Об этом свидетельствовала и речь Куракина. «Накануне того момента, когда мы будем разбирать законопроект об уравнивании в правах граждан российских со всеми живущими в Финляндии,— говорил он,— ...ни один настоящий русский патриот не может спокойно относиться к оглашению тех фактов, которые сейчас здесь были оглашены»⁸⁷. Комиссия обещала изучить запрос в самом скором времени, в силу чего отпадает надобность в объявлении спешности. В. А. Бобринский 2-й тут же поспешил заявить, что националисты удовлетворены ответом председателя комиссии по запросам и поэтому предложение о спешности снимают. Запрос был снят с обсуждения и передан в комиссию, где и был похоронен к вящему удовольствию как самой комиссии, так и авторов запроса.

При обсуждении законопроектов ораторы всех фракций в основном повторили все то, что они говорили при обсуждении законопроекта, ставшего потом законом 17 июня 1910 г. Поэтому мы остановимся лишь на тех моментах, которые в той или иной мере являются новыми.

Одним из таких моментов было прежде всего выступление Коковцова в качестве нового председателя Совета министров. Речь его ожидалась с известной долей опасения правыми и октябристами, с надеждой — кадетами и прогрессистами. Объяснялось это, как было сказано выше, тем, что в бытность Коковцова

⁸⁶ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 622—623

⁸⁷ Там же, стб. 629.

министром финансов он приобрел, причем совершенно незаслуженно, славу «либерала».

Теперь Коковцову предстояло подтвердить или рассеять опасения черносотенцев и надежды либералов. Ответ был таков, что исключил всякую возможность кривотолков. Вносимые на основании закона 1910 г. законопроекты, заявил Коковцов, — это те вопросы, «на которых сосредоточено с особой напряженностью общественное внимание». «Оно (общественное мнение.— А. А.) напряженно спрашивает: почему же прошел с лишним год, и закон 17 июня до сих пор не успел воплотиться в какое-нибудь внешнее проявление. (Голос справа: «верно»). Не представляет ли собой этот закон лишь одну академическую декларацию, одну вывеску без содержания, одно обещание без исполнения, одну мертвую законодательную норму без живого воплощения?» Напряженное настроение в ожидании ответа ведет «к... подчас совершенно неосновательным догадкам и умозаключениям». Оно «порождено безвременной кончиной всеми нами... оплакиваемого председателя Совета министров (Справа и в центре рукоплескания и голоса: «браво!»)». В убийстве Столыпина «общественное мнение Финляндии» усмотрело «указание грядущей перемены так называемого политического курса...» Оно ошибается. «В вопросах, имеющих отношение к Финляндии..., в вопросах, от которых зависит действительная целостность и единство государства..., не может быть разницы во взглядах, не может быть колебаний и несогласий преемника по отношению к предшественнику (Рукоплескания центра и справа)». Так же, как и Столыпин, преемник «будет защищать те проекты которые внесены (Рукоплескания центра и справа и голоса: «браво!»)»⁸⁸.

Речь Коковцова была оценена правыми как выданный вексель, подлежащий оплате. Нужно думать, заявил Пуришкевич, что каждая фраза премьера была заранее обдумана «и является векселем, данным правой фракции Государственной думы, нужно думать, что за этими словами последуют и блестящие действия председателя Совета министров, которые будут оправдывать слова, сказанные им»⁸⁹. Речь Коковцова «прекрасная», вторил Пуришкевичу Марков 2-й. «Но... этот законопроект (об уплате взамен отбывания воинской повинности.— А. А.), конечно, есть лишь первая ступень лестницы, которая ведет высоко и довольно далеко»⁹⁰.

Позиция октябристов не прибавляла ничего нового к тому, что нам уже известно.

Выступления кадетских лидеров вызвали живейший интерес со стороны правооктябристского большинства. Причиной было то,

⁸⁸ Там же, стб. 690—695.

⁸⁹ Там же, стб. 812.

⁹⁰ Там же, стб. 720—721.

что на этот раз кадетам не удалось скрыть своих разногласий по финляндскому вопросу. Они прорвались наружу в выступлении Маклакова, который не только выразил сочувствие законопроекту об уравнивании в правах, но фактически одобрил третьеиюньский государственный переворот. Это оказалось большим и неприятным сюрпризом для Милюкова. Все попытки кадетского лидера как-то поправить дело, сгладить впечатление не только оказались безуспешными, но сделали его положение еще более незавидным. «Положение русских подданных в Финляндии, конечно, сейчас ненормально,— заявил Маклаков.— ...В принципе закон поставлен правильно, и я ему сочувствую». Дальнейшие рассуждения по этому поводу повлекли за собой следующую фразу: «Государственный переворот иногда ведет к благу, как хирургическая операция к выздоровлению»⁹¹. Правда, в качестве примера Маклаков избрал перевороты 28 июня 1762 г. и 11 марта 1801 г., т. е. убийства Петра III и Павла, но эта нехитрая маскировка никого, разумеется, не могла ввести в заблуждение.

Сторонники законопроектов немедленно воспользовались ситуацией, созданной Маклаковым, и Милюкову пришлось проявить всю свою изворотливость. Отвечая Щегловитову, он говорил: «Мы можем расходиться по отдельным взглядам, но разногласия наши не могут идти так далеко, чтобы прав оказался министр юстиции». Министр утверждает, что Маклаков сочувствует уравниванию прав русских подданных с финляндскими и, следовательно, стал на точку зрения сторонников общеимперского законодательства. «Я отвечу на это: можно сочувствовать в принципе общеимперскому законодательству, хотя тут мы с Маклаковым расходимся (смех и шум справа); можно сочувствовать в принципе уравниванию в правах русских с финляндцами и можно в то же время категорически возражать против проведения этих прав в порядке общеимперского законодательства, да еще при посредстве такого закона, которым вы это проводите»⁹².

Ответом на эти слова был язвительный смех справа. То, что «г. Милюков в принципе отрицает,— издевался над кадетами октябрист Н. П. Шубинский,— г. Маклаков не отрицает и, наоборот, тому сочувствует». Более того, Маклаков «принципиально признает даже государственный переворот...»⁹³

Союзники кадетов — прогрессисты, занимавшие с ними одинаковую позицию, взяли себе в союзники... Столыпина. Соколов 2-й доказывал правым и октябристам, что проводимый ими националистический курс является отходом от взглядов покойного премьера. «При всех возражениях и при всех несогласиях с по-

⁹¹ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 818, 820.

⁹² Там же, стб. 935—936.

⁹³ Там же, стб. 953, 955.

литикой, проявленной покойным председателем Совета министров,— говорил он,— я не могу не признать его безусловной корректности (!), его чистосердечности (!), его личных свойств, которым многие могут позавидовать (!). Я думаю, гг., что вы жестоко (!) ошибаетесь, говоря, что в данный момент вы пользуетесь его наследием и исполняете его желание»⁹⁴. Больше политическое падение российского либерализма, выраженное в этих словах, трудно представить.

Грудовики, разумеется, выступили против обоих законопроектов, отказавшись участвовать в постатейном обсуждении. Следует снова обратить внимание на существенную разницу в подходе к вопросу между интеллигентами и крестьянами. Речь Н. Я. Ляхницкого была во многом созвучна кадетским выступлениям. Так, он говорил: «В настоящее время (спустя 10 лет после англо-бурской войны.— А. А.) англичане и буры находятся в такой тесной дружбе, отношения между ними такие лояльные, что трудно найти лучше... А что у нас? Прежняя Финляндия, при прежнем мудром, я скажу, отношении русской власти к ней, была предана интересам русского народа и своему монарху. Финляндские войска участвовали в разнообразных войнах, которые вела Россия с честью и достоинством: они были в походе в Венгрию в 1849 г. (!), в 1854 г. их войска охраняли границу Финляндии...»⁹⁵ Во многом повторял эту идею и Булат.

В то же время крестьянин А. Г. Мягкий заканчивал свою речь следующими словами: «Вы хотите крестьян выставить как декорацию..., гг., если бы крестьяне, на которых вы указываете, находились в Думе, если бы у них не отняли избирательные права, то данный законопроект (об уравнивании в правах.— А. А.) был бы брошен правительству в глаза»⁹⁶.

Новая, притом весьма симптоматичная нота появилась в выступлениях правых крестьян. «Я приветствую этот законопроект и буду голосовать за переход к постатейному чтению»,— заявил в начале своей речи В. Г. Амосенок (Витебская губерния). Далее он продолжал: «Я думаю, что правительство всегда (!) вносит либеральные законопроекты, а наши комиссии,— скажу не все, конечно, есть исключения,— которые в пристрастии подпрыгаются к г. Замысловскому, г. Маркову и Володимерову, искажают эти законопроекты, и именно по крестьянским вопросам, т. е. даже не по политическим, а по экономическим. Вы говорите о равноправии, а вот, к большому прискорбию, я не вижу равноправия у нас в России... Крестьянам вы даете только равноправие в том, что даете им преимущество становиться под ружье и проливать кровь, защищая русские интересы, а во всем осталь-

⁹⁴ Там же, стб. 840.

⁹⁵ Там же, стб. 703.

⁹⁶ Там же, стб. 930.

ном равноправия крестьянам нет. Пусть в Финляндии будет равноправие у финляндцев, и у нас, я думаю, тогда крестьяне получат свои права»⁹⁷.

Амосенку вторил крестьянин Базилевич (Черниговская губерния): «Смотря, гг., на этот закон, конечно, нельзя не порадоваться, раз он касается прав народного уравнивания и прав уравнивания русских граждан в Финляндии. Я буду голосовать, конечно, за этот законопроект. Я думаю, что мои избиратели меня несколько не осудят за это. Я только могу сказать, голосуя за этот законопроект: надеюсь, что правительство не замедлит внести также законопроект об уравнивании граждан коренной России в тех же гражданских правах, в каких оно уравнивает их в Финляндии. И поэтому, исходя из такой точки зрения, я буду голосовать за этот законопроект»⁹⁸.

С основной речью от социал-демократической фракции выступил Покровский. Обращаясь к крестьянам, он сказал: «Нужно ли там (в Финляндии.— А. А.) что-нибудь русскому крестьянству?.. Русскому крестьянину незачем идти туда за землей, у русского крестьянина много земли близко, около себя, в России, только она в казне в уделах, в кабинете и у гг. помещиков, которые не обрабатывают ее даже своим хозяйством а крестьянским горбом за голодную аренду». Такой же вывод делался оратором и по отношению к другим трудящимся классам и группам России: «Таким образом, ни пролетариат, ни демократия, ни мелкая буржуазия в своих экономических интересах несколько не стеснена в Финляндии». Вам скажут, что «там стеснены наши капиталисты, крупные промышленники и главари финансовых предприятий». Это верно, «и в докладе комиссии мы видим много жалоб на это...» Вскрывая основное назначение законопроекта об уравнивании в правах, Покровский подчеркивал: самое существенное в нем — это право занятия русскими чиновниками должностей в правительственных учреждениях Финляндии. «Там губернаторы — не русские, полицеймейстеры — не русские, приставов и городских нет русских, стражников тоже нет, один, как перст, истинно-русский генерал-губернатор...» А если бы было наоборот, то «какую бы истинно-русскую полицейскую симфонию разыграл тогда генерал-губернатор!.. Ведь там нашелся бы для всех приют, начиная от его сиятельства гр. Бобринского до его благородия коллежского регистратора Тимошкина».

В конце речи была подвергнута критике позиция прогрессистов и попутно задеты кадеты: «Ответственная оппозиция говорит уже, что в четвертую Думу она пойдет под флагом

⁹⁷ Ст. от., с. V, ч. I, стб. 969—970.

⁹⁸ Там же, стб. 970.

прогрессистов. Избави, господи, Россию от таких прогрессистов...»

Под аплодисменты и крики «браво» левой части Думы Покровский закончил свое выступление словами о том, что русский народ возьмет гражданские и политические права «своей силой»⁹⁹.

* * *

Принятием обоих законопроектов закончилось по существу антифинляндское законодательство царизма вообще. В последующие годы вплоть до 1917 г. ничего сколько-нибудь значительного в этом направлении достигнуто не было. Это означало провал всего антифинляндского курса. Особенно наглядным становится этот вывод, если сравнить полученный результат с намеченной программой, причем история разработки программы также весьма показательна в этом отношении.

В конце октября 1910 г. финляндский губернатор Зейн представил «Записку о некоторых законодательных мерах, вызываемых нынешним положением в Финляндии», в которой, ссылаясь на указанное выше высочайшее повеление 18 июля 1910 г., предлагал незамедлительно осуществить целый ряд мер во исполнение закона 17 июня 1910 г. «Переживаемые ныне Финляндией условия,— говорилось в записке,— тревожное настроение в ней умов, широко распространенная оппозиция правительству, проявление упорного сопротивления имперским законам, ненадежность многих должностных лиц, политиканство местных судов, полная разнузданность печати и другие неблагоприятные обстоятельства заставляют озаботиться изысканием надлежащих средств для поддержания на финляндской окраине империи авторитета государственной власти и государственных интересов. Поэтому в ближайшем будущем представляется соответственным осуществить в названном крае, на точном основании закона 17 июня, некоторые дальнейшие меры».

Дальше шел перечень этих «соответственных» мер, каждая из которых обстоятельно мотивировалась.

Зейн предлагал программу из шести пунктов: 1) должностные лица Финляндии судятся имперским судом по имперским, т. е. по русским, законам; 2) таким же образом судятся все финские граждане, обвиненные в «государственных преступлениях»; 3) «упорядочение» печати: а) введение предварительной цензуры, б) разрешение (вместо явочного порядка) повременных изданий, в) наложение на нарушителей административных взысканий; 4) издание новых законов о собраниях, обществах и союзах по имперскому образцу; 5) увеличение числа чинов отдель-

⁹⁹ Там же, стб. 891—892, 896—897, 900.

ного корпуса жандармов и расширение их полномочий; 6) расширение употребления русского языка в административном делопроизводстве.

Казалось, записка Зейна должна была встретить полное сочувствие и немедленное одобрение в правительстве, которому она и была адресована. Тем не менее этого не произошло. 28 мая 1911 г. она была рассмотрена на заседании Особого совещания по Финляндии и фактически отвергнута. Главный мотив состоял в указании на неполноту, отрывочность и неодинаковость предлагаемых мер, что, по мнению совещания, могло осложнить их прохождение через Думу и Государственный совет. Признавая «важность» предлагаемой программы, совещание отмечало «неодинаковое политическое значение» отдельных ее пунктов. Кроме того, программа ставила на очередь «лишь наиболее неотложные» меры, «не касаясь других мероприятий, также имеющих, однако, существенную важность». Исходя из этого, Особое совещание делало вывод о необходимости выработки строго продуманной исчерпывающей программы с учетом реальной обстановки, планомерности осуществления ее отдельных частей и всесторонней законодательной разработки. По мнению совещания, поручить это дело целесообразнее всего было бы особой подготовительной комиссией при высочайше утвержденной Комиссии по систематизации финляндских законов во главе с председателем этой комиссии Корево. В состав комиссии должны войти представители заинтересованных ведомств и управления финляндского генерал-губернатора.

22 ноября 1911 г. царь приказал Совету министров обсудить журнал Особого совещания от 28 мая. 15 декабря Совет министров рассмотрел указанный журнал и одобрил предложение совещания о создании подготовительной комиссии под председательством Корево. 20 января 1912 г. решение правительства было утверждено царем.

Однако созданной вскоре подготовительной комиссии понадобился год для выработки проекта программы. Он был выработан делопроизводством комиссии, обсужден и принят на ее заседаниях 20—24 и 28 сентября 1912 г. и 9 марта 1913 г. (журнал № 3) ¹⁰⁰. Об обстоятельности проекта можно судить хотя бы по тому, что он представлял собой отпечатанный типографским способом труд в 254 страницы. В свою очередь Особому совещанию по Финляндии понадобился еще год, чтобы одобрить программу, выработанную комиссией Корево (журнал от 21 апреля 1914 г.), а царю — больше трех месяцев, чтобы утвердить журнал совещания (13 июля 1914 г.) ¹⁰¹.

¹⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 18, д. 321, лл. 25—30, 43—43 об., 48 об.—49 об., 70.

¹⁰¹ Там же, д. 69, л. 398 и др.

Уже одна эта неторопливость, сменившая лихорадочную поспешность, свидетельствует о том, что царизм не питал фактически больше надежд на то, что он сможет реализовать эту программу. «Сообразуясь с обстоятельствами», он убедился, что, по крайней мере в ближайшее время, это невозможно. Вопрос о Финляндии был решен не в недрах особых совещаний, а в бурных классовых боях периода нового революционного подъема. Революционный народ отвел руку палача от его жертвы. Разразившаяся затем мировая война создала уже принципиально иную ситуацию, поставив решение финляндского вопроса в зависимость от ее конечных итогов. Окончательно определила судьбы Финляндии и финского народа Великая Октябрьская социалистическая революция.

Глава третья

ХОЛМЩИНА

ЗАКОНОПРОЕКТ

О ВВЕДЕНИИ ГОРОДОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ

Недостаток места вынуждает нас опустить вопрос о введении земства в шести западных губерниях, тесно связанный с законопроектом о выделении Холмщины¹. Непосредственным же предлогом к этому законопроекту был законопроект о введении Городового положения в Царстве Польском.

С 1866 г. польские города управлялись магистратами — правительственными учреждениями, состав которых не выбирался, а назначался администрацией. Законопроект имел целью покончить с этим положением, распространив на Царство Польское действие Городового положения 1892 г. Однако, как и в законопроекте о западном земстве, в нем имелись весьма существенные отличия от действовавшего закона, и нетрудно догадаться, что они носили такой же реакционный и националистический характер, как и в первом случае. Начав свою жизнь в 1905 г., законопроект прошел шестилетний путь через инстанции и ведомства, где он каждый раз, как обычно, подвергался очередным ухудшениям, пока не предстал в своем окончательном виде перед Думой.

На основании «высочайшего повеления» от 6 июня 1905 г. варшавский генерал-губернатор выработал законопроект о введении Городового положения в польских губерниях и представил его в 1906 г. министру внутренних дел². В декабре 1907 г. после предварительных обсуждений Совет министров предложил Министерству внутренних дел выработать окончательный текст законопроекта. По соглашению с заинтересованными ведомствами он был рассмотрен затем в Особом совещании, образованном при ведомстве Столыпина, куда вошли также представители министерств финансов, путей сообщения, торговли и промышленности, юстиции, военного, ведомства православного исповедания, государственного контроля и государственной канцелярии³.

¹ А. Я. Аврех. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина. «Исторические записки», т. 70.

² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 44, л. 342.

³ Там же.

Особое совещание в общем одобрило законопроект. Расхождение наметилось лишь по некоторым вопросам, которые не имели существенного значения. Однако сам министр внутренних дел, ознакомившись с законопроектом, выразил свое несогласие с его названием.

Столыпин обратил внимание Совета министров на то, что еще в 1897 г. по докладу В. К. Плеве царь приказал наименования «Царство Польское» и «губернии Царства Польского», не устраняя из свода законов, употреблять в случаях «крайней необходимости» и заменять их «постепенно» такими терминами, как «Варшавское генерал-губернаторство», «Варшавский военный округ», «Варшавский учебный округ» и т. п. В соответствии с этим Столыпин предложил вообще не давать объединяющего заголовка, заменив его простым перечислением польских губерний⁴. Предложение это было по существу принято, но сделано несколько по-другому: на заседании Совета министров от 28 июля 1909 г. фигурировал законопроект, где слова «Царство Польское» в заголовке были заменены названием «Привислинские губернии»⁵. Смысл этой замены настолько ясен, что не требует разъяснений⁶. Однако на своих заседаниях от 6 и 27 апреля 1910 г., посвященных законопроекту, после того, как он прошел обсуждение в Совете по делам местного хозяйства, Совет министров обсуждал этот законопроект под его первоначальным названием⁷. В окончательном виде законопроект имел название: «О преобразовании управления городов в губерниях Царства Польского»⁸.

Первоначально введение Городового положения в Польше диктовалось глубоко назревшей административно-хозяйственной необходимостью. Городское хозяйство на всей территории Царства Польского после многолетнего хозяйничанья чиновничьих магистратов дошло до такого состояния, что дальнейшее их существование становилось нетерпимым для самого правительства и русской администрации в крае. Городское самоуправление уже невозможно было не дать, так как городское хозяйство на всей территории Царства Польского представляло собой самую настоящую мерзость запустения. Ревизия сенатора Нейдгардта была вынуждена признать, что городские средства разворовывались. Даже по сравнению с русскими городами многие польские города отстали чуть ли не на столетие. Так, если, по

⁴ Там же, л. 32 об.

⁵ Там же, л. 83.

⁶ Коло не раз протестовало против такой замены. См., например, «Заявление членов польского коло в комиссию по Государственной обороне о недопустимости термина „Привислинские губернии“» (там же, оп. 4, д. 465).

⁷ Там же, оп. 5, д. 44, л. 280. Об истории выработки законопроекта см. также Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2430—2431.

⁸ Там же, стб. 2429.

данным переписи 1897 г., в Петербурге было 37,2%, а в Москве 43,7% неграмотных, то в Варшаве их было 47,53%, в Лодзи — 60,79, а в Пабяницах — 72% ⁹.

Кроме того, царское правительство вынуждено было принять во внимание соображение польской буржуазии относительно того, что введение Городового положения даст ей дополнительные средства обмана масс и притупления классовой борьбы трудящихся. Некий А. Сумиловский в изданной в 1906 г. Комиссией по составлению Городового положения для городов Царства Польского «Исторической записке об управлении городами в Царстве Польском» писал: с течением времени социальные «неравенства не сглаживаются, а скорее обостряются, контрасты усугубляются, подрывая внутреннее спокойствие и мирную жизнь». Между тем попечение о бедных, которое возьмет на себя городское самоуправление, наоборот, «смягчает контрасты, укрощает страсти и в значительной степени вносит мир в общественные отношения» ¹⁰.

Законопроект о введении городского самоуправления в Польше представлял собой некоторую модификацию Городового положения 1892 г., действовавшего в коренной России. Орган самоуправления складывался из трех обычных элементов: городской думы, президента города (бургомистра) и городской управы. Гласные избирались на четыре года. Право избрания получали все лица, обладающие недвижимостью в городах, независимо от ее размера (отступление от закона 1892 г.), а также (и это было второе отличие от действовавшего Положения) квартиронаниматели, платящие определенную квартирную плату. В Варшаве, согласно принятым поправкам комиссии, она должна была составлять минимум 270 руб. в год (по правительственному законопроекту — 360 руб.), в Лодзи — 150 руб. (вместо 180), в городах с населением менее 10 тыс. жителей — 60 руб. Новшеством по сравнению с Положением 1892 г. было также предоставление активного избирательного права женщинам — владелицам недвижимости. Число гласных по сравнению с русскими думами также несколько увеличивалось.

Но действительно важным нововведением, имевшим принципиальный характер и определявшим сущность законопроекта, были национальные курии и нормы представительства от них. Здесь продолжалась та же линия, что и в законопроекте о западном земстве. Разница состояла лишь в том, что вместо двух курий намечались три — русская, еврейская и польская (все остальные национальности), и, главное, если в первом случае преследовалась цель поправки прав польских помещиков в пользу русских, то во втором — в жертву польской буржуазии

⁹ «Социал-демократ», № 21-22, 19 марта 1911 г., стр. 8.

¹⁰ Там же.

приносились права горожан-евреев. В городах, где евреев было больше 50%, им предоставлялось право избирать не более 20% гласных; если меньше половины, то 10% и т. д. Русская курия практического значения не имела. Она была создана только для того, чтобы дать представительство русским чиновникам, которых было очень мало по сравнению с коренным населением. Поэтому, согласно законопроекту, если в каком-либо городе было не менее пяти русских, им предоставлялось право посылать в думу одного гласного. Право определения национальности предоставлялось, конечно, русской администрации (варшавскому генерал-губернатору).

Вторая важная новелла, вводимая в законопроект, предоставляла право гласным и управе наряду с русским языком пользоваться также и польским. Вся переписка проектируемого самоуправления с правительственными органами, все его делопроизводство (журналы и протоколы общих собраний, управ и комиссий, акты, книги, бумаги, постановления и пр.) должны были, конечно, вестись на русском языке. На польском языке можно было только выступать в прениях (причем председатель был обязан для лиц, не знакомых с польским языком, делать перевод на русский язык) и печатать объявления и извещения, обращенные к населению. Как видим, права, отводимые законопроектом польскому языку, были просто ничтожны, однако значение этого пункта состоит в другом: во-первых, в самом факте и цели его введения, во-вторых, в той роли, которую он сыграл в судьбе законопроекта.

О мере «либеральности» законопроекта позволяет судить специальная статья, предоставлявшая правительству право распускать городские думы, если они «не окажутся на высоте своего призвания». Другая статья разрешала Совету министров по представлению министра внутренних дел и по одобрении царя вообще отменять Городовое положение в Царстве Польском в течение двух лет в случае внутренних волнений или войны¹¹.

Некоторое расширение круга избирателей по сравнению с Городовым положением 1892 г. также было продиктовано отнюдь не либеральными соображениями, а вынужденными обстоятельствами. Положение 1892 г. отдавало городское хозяйство на поток и разграбление кучке домовладельцев и купцов, полностью отстраняя от участия в самоуправлении лиц либеральных профессий. Между тем городское хозяйство, нуждавшееся по мере роста городов во все большем числе разного рода специалистов и просто образованных людей, уже не могло с этим мириться. Именно указанными соображениями объясняется тот факт, что правительство планировало понижение ценза по выборам в городские думы и для внутренних губерний.

¹¹ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2431—2444; «Речь», 23 ноября 1911 г.

Но кроме этого общего соображения, у творцов законопроекта была и специальная цель, направленная на защиту русского чиновничества в Польше. Предоставление избирательного права квартиронанимателям, откровенно говорил докладчик Комиссии по городским делам, означает, что «этим самым автоматически расширяются права русского населения в деле принятия участия в ведении городского хозяйства. Как вам, гг., известно, большинство русских, живущих в городах Царства Польского, смогут участвовать в городских выборах только тогда, если право участия в выборах будет предоставлено квартиронанимателям, потому что все наши чиновники, все лица свободной профессии русской национальности чаще всего или поголовно имеют лишь квартиры... Если вы лишите этого права квартиронанимателей, то этим самым вы фактически лишите почти все русское население права участия в выборах»¹².

В заключение отметим, что в целом число избирателей по сравнению с городским населением было просто ничтожным. Если к выборам во II Думу в Варшаве было допущено 80 тыс. избирателей, то в Варшавский городской совет, согласно законопроекту, могли выбирать только 22 тыс. человек¹³. Это, однако, не помешало докладчику заявить, что предлагаемым законопроектом «фактически вводится почти что (!) всеобщее голосование...»¹⁴

Но наряду с экономической законопроект имел и политическую подоплеку, являвшуюся главной. Первая цель, как уже указывалось, состояла в том, чтобы обосновать введением городского самоуправления в Польше необходимость выделения Холмщины, и вторая — связать данным законопроектом польское коло с тем, чтобы дискредитировать его позицию в предстоявшей борьбе по вопросу о создании Холмской губернии. Как показывает обсуждение законопроекта, эта цель была достигнута наилучшим образом. Для принятия законопроекта понадобилось всего лишь три заседания Думы. На заседании 23 ноября 1911 г. он был принят в первом чтении, на заседании 28 ноября — во втором и на заседании 5 декабря законопроект завершил свой путь в Думе и был передан в Государственный совет. Такая быстрота объясняется тем, что заранее было предreshено главное: поляки, согласно предварительному сговору с правоокутябристским большинством, принимали законопроект целиком и безоговорочно.

Подобная позиция коло дала возможность докладчику П. В. Синадино, одному из махровых националистов, самым

¹² Ст. от. с. V, ч. 1, стб. 2435.

¹³ «Социал-демократ», 1911, № 21-22, стр. 8.

¹⁴ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2434.

бѣззастенчивым образом расписывать реакционный законопроект как... образец и предел либерализма. Выше уже приводилась фраза о «почти всеобщем избирательном праве». В том же духе были выдержаны и остальные его «либеральные» разглагольствования. Обсуждаемый законопроект, уверял докладчик, «существенно изменен в смысле расширения и пополнения многих прав общественных управлений вообще. Приемлю смелость утверждать, что в этом проекте затронуты... решительно все требования, которые были представлены центральному правительству местными организациями, и правительство старалось удовлетворить все потребности», о которых в свое время хлопотал «ряд городских дум». Более того, он утверждал, что это Городовое положение составит новую эру в жизни и развитии городов: «И мы, обыватели остальной части империи, можем только ходатайствовать, чтобы скорее нас наделили тем Городовым положением, которое предлагается ввести в Царстве Польском...»¹⁵

Состоявшийся сговор между коло и правооктябристским большинством был специально подчеркнут также октябристами. Они решили ограничиться одним выступлением, причем в задачу оратора входило самым кратким образом заявить о полном согласии фракции как с законопроектом в целом, так и с проектируемым им ограничением прав евреев. Эта часть речи гр. Беннигсена проходила под аплодисменты и возгласы правых «браво!» С этой же целью Беннигсен начал свою речь с напоминания о том, что «фракцией Союза 17 октября было внесено и законодательное предположение о введении в Царстве Польском земского самоуправления»¹⁶.

В дальнейшем, в ходе прений, барон Н. Г. Черкасов взял слово только для того, чтобы выказать презрение к совершенно бесполезной болтовне кадетских и прогрессистских ораторов, заявить о ее совершенной ненужности ввиду того, что поляки уже на все согласились. «Говорить, собственно, не о чем,— издевался над «оппозицией» барон,— а поговорить хочется». «Переход к постатейному чтению,— напомнил он,— если и не единогласно, то по крайней мере весьма дружно, по настоящему законопроекту решен. И вот является вопрос: к чему были направлены все те широковещательные речи, которые вы услышали отсюда, с этой трибуны?» Поляки разумно идут на сделанные в законопроекте ограничения, потому что это максимум того, что Дума и правительство могут дать полякам, «это последний предел», как заявил премьер еще в Совете министров¹⁷.

¹⁵ Там же, стб. 2432.

¹⁶ Там же, стб. 2445. Законодательное предположение было внесено, чтобы получить голоса коло при выборе в председатели Думы Гучкова («Речь», 11 февраля 1911 г.).

¹⁷ Ст. от., с. V, ч. I, стб. 2487—2488, 2492.

Действительно, позиция, занятая коло, ставила кадетов и прогрессистов в крайне фальшивое положение, ибо на своих поправках к законопроекту они могли настаивать вопреки коло, в лучшем случае без его участия и поддержки. Характерно, что эта позиция была изложена не в речах, а в специальном заявлении коло, зачитанном В. Ф. Грабским. Тем самым коло также подчеркивало, что оно собирается принять законопроект без обсуждения. Это намерение в общем было выполнено. Проекты городского и земского самоуправления для Польши, говорилось в заявлении, разрабатываются с 1905 г. Второго законопроекта нет еще до сих пор, а над первым нависла угроза, что Дума не успеет его принять. «Мы близимся к концу сессии, и над проектом самоуправления в наших городах висит новая опасность, что он не увидит жизни». Поэтому «мы сделаем все от нас зависящее, чтобы не создавать никаких затруднений для проведения законопроекта...» Что здесь имелось в виду, Грабский разъяснил дальше. Внесение поправок за недостатком времени может сыграть для законопроекта «роковую роль». Хотя законопроект не отвечает «всем нашим нуждам и понятиям о наших правах в данной области», особенно это относится к ничтожности прав польского языка, но он «во многих отношениях» «вводит существенные улучшения по сравнению с общим Городовым положением». Кроме того, думская комиссия внесла некоторые улучшения в законопроект. В силу этого, «по вышеизложенным соображениям..., мы поддерживаем в общем законопроект в той редакции, в которой он представлен комиссией Государственной думы без существенных изменений»¹⁸.

Чтобы оценить в полной мере значение этого заявления, надо принять во внимание три момента. Во-первых, и это главное, польское коло лишало себя всякого морально-политического права протестовать против законопроекта о выделении Холмщины, потому что законопроект о городском самоуправлении был не только предложом, но и платой, отступным польским помещикам и буржуазии за это выделение, причем (и коло это знало) правительство и националисты намеревались воспользоваться сделкой немедленно, буквально на другой день после принятия законопроекта, загубить который лишним словом так опасалось коло. Во-вторых, согласившись на курии, коло тем самым задним числом одобряло законопроект о западном земстве. И, наконец, в-третьих, приняв принцип ограничения для евреев в пользу польской буржуазии, коло тем самым полностью оправдывало политику царизма и Думы по отношению к Польше, основанную на тезисе Маркова 2-го и ему подобных, что поляки, когда могут, сами ведут себя по отношению к другим национальностям, как ярые угнетатели; и, следовательно,

¹⁸ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2449—2451.

вопли коло в Думе о том, что поляков считают гражданами второго сорта, не заслуживают ни малейшего внимания.

Последнее обстоятельство ставило кадетов в особенно тяжелое положение, так как все их доводы в защиту своих взглядов по вопросу о разрешении русско-польских противоречий становились просто невозможными в силу позиции, занятой коло. Поэтому они взяли курс на то, чтобы уговорить поляков отказаться от курий, заменив их пропорциональным представительством по национальностям. Затруднительность их положения усугублялась еще тем, что они как истые «реальные политики» не могли и помышлять о том, чтобы отвергнуть законопроект. Наоборот, они, как и националисты и коло, считали его выдающимся вкладом в дело либерального реформаторства.

Щекотливость задачи и затруднительность положения заставляли кадетских и прогрессистских ораторов нажимать главным образом на «смягчающие обстоятельства», если не оправдывающие, то хотя бы объясняющие поведение коло, обращаться к последнему с полупросьбами и полунамеками.

Кампанию начали прогрессисты. Гр. Уваров, сменивший октябристские доспехи на прогрессистские, заявил от имени фракции, что обсуждаемый законопроект, «несмотря на некоторые его темные стороны, в общем представляет яркий (!) ход вперед, особенно для Царства Польского». Целый ряд положений проекта, не только для поляков, но и для русских, является «завидным». Закон в целом «приемлем», и фракция будет голосовать за переход к постатейному чтению. Самая отрицательная его сторона — курии, поэтому фракция внесла поправку, заменяющую курии пропорциональным представительством¹⁹. Эта поправка и была тем укором коло, который прогрессисты и кадеты не хотели выразить открыто.

Второй прогрессистский оратор, Масленников, сделал намек в адрес поляков более явным: «Я, гг., не удивляюсь, что польские депутаты не баллотировали против этого ограничения против евреев»²⁰. Смысл этой фразы состоял в том, что надо, мол, понимать состояние и положение поляков, так долго ждавших обсуждаемого законопроекта и так опасавшихся за его судьбу. Именно с этой мысли и начал кадет Н. Н. Щепкин, сменивший Масленникова. Поляки заявили, говорил Щепкин, что, несмотря на то, что законопроект несовершенен, они будут довольны, если он будет принят. Их положение Щепкин понимает: «Это положение людей, оголодалых в бесправии». Что касается кадетов, то «раз нам вносят такой законопроект, мы во всяком случае должны приложить все усилия, чтобы с нашей стороны не было ему задержки». И это несмотря на то, что «вносится он при обстоя-

¹⁹ Там же, стб. 2451—2452.

²⁰ Там же, стб. 2457.

тельстввах, я скажу, печальных: с одной стороны, он вносится в конце сессии, когда исчезает надежда, что законопроекты, прошедшие у нас, успеют пройти через Государственный совет, а с другой стороны, он вносится при такой внешней обстановке, которая неволью (!) заставляет думать, что не есть ли это не более как маневр, чтобы подсластить пилюлю, которая преподносится следующими законопроектами (т. е. законопроектом о разделении Холмщины.—А. А.) Царству Польскому»²¹.

Согласно кадетской политической логике, из этого следовал вывод о необходимости перехода к постатейному чтению и принятию законопроекта с некоторыми поправками, главной из которых была поправка прогрессистов о пропорциональном представительстве.

Более или менее прямо заявил о необходимости для колостоять на позиции «равноправия» поляков и евреев А. Ф. Бабянский. По-видимому, здесь имело значение то обстоятельство, что Бабянский был поляк и издавал газету на польском языке под названием «Dziennik Petersburski». Он, разумеется, высказался за принятие законопроекта, хотя и заявил, что «это только прелюдия к другому законопроекту, который интересует всю Думу. Самостоятельно законопроект значения не имеет», и «страшно то», что за этой «первой ласточкой созидательной работы польского народа (!) ...летит черный ворон в образе Холмщины»²².

Стратегия кадетов и прогрессистов по части «деликатного» уговаривания коло была вознаграждена по заслугам. Взяв специально слово для ответа, В. Ф. Яронский сделал от имени коло небольшое, но весьма выразительное заявление: «Правительство при теперешнем своем направлении не откажется от привилегирования русских и ограничивая евреев, поэтому всякие попытки изменить в этом отношении законопроект могут весьма ослабить и без того не весьма прочные виды на его осуществление. Это одно соображение было бы достаточно для объяснения нашего голосования против поправок в этом пункте. Но мы не считаем возможным ограничиться в данном вопросе формальными соображениями и считаем себя обязанными высказаться по существу». И далее шло это высказывание. «Мы сознаем,—сказал Яронский, ставя все точки над «і»,—что в настоящий момент вводить самоуправление в наших городах без ограничения для евреев было бы совершенно немыслимым (Движение справа, в центре голоса: «браво, браво!»)». Это повело бы к такому наплыву евреев из других мест, что еврейский вопрос, «уже теперь у нас острый, стал бы невыносимым». «По вышеизложенным соображениям мы высказываемся за редакцию статей законопроекта, касающихся евреев, в форме, принятой комиссией

²¹ Ст. от., с. V, ч. I, стб. 2459—2460.

²² Там же, стб. 2495, 2499.

Государственной думы (Рукоплескания справа и голоса в центре: «браво!»)»²³.

Отповедь, полученная кадетами, была тем более заслуженной, что тот самый Бабянский, который выступил со своими предостережениями в адрес коло, почти год до этого писал в своей газете: евреи могут рассчитывать на равноправие в польском самоуправлении только при условии отмены черты оседлости. Тогда евреи рассеются по всей России и будут для поляков не опасны. Теперь для них признание еврейского равноправия будет национальным самоубийством²⁴. Как видим, Яронский просто повторил Бабянского. Аплодисменты правых в адрес оратора вполне заменяют комментарии и оценку как поведения коло, так и кадетов.

Конфуз последних был велик. Пытаясь как-то выйти из положения, в которое они попали, кадеты не нашли ничего лучшего, как под занавес снова попытаться усостыжить поляков. «Представители Царства Польского,— патетически вопрошал Щепкин,— неужели вы не видите, что вы пользуетесь, делая это заявление, приемами, которые употребляют ваши и наши (!) угнетатели?.. Неужели вы, люди высококультурные (!), не видите этого сходства, не можете остановиться перед ним и подумать, что вы делаете?»²⁵ Щепкину, по-видимому, было невдомек, что он выступал в роли человека, который «не видел сходства» между членами коло и русскими черносотенцами и между политикой и тактикой коло и собственной партии.

И на этот раз кадетов ждало то, чего они заслуживали. «Я вхожу на эту кафедру,— заявил Грабский,— чтобы только в двух словах ответить депутату Щепкину. Мы решительно не нуждаемся в уроках с чьей бы то ни было стороны, как нам защищать интересы польского народа (!)»²⁶. Ответ был тем более заслуженный, что еще задолго до обсуждения законопроекта в Думе на упреки «Речи» по поводу позиции, занятой народолюбцами и другими польскими черносотенцами по вопросу о куриях и еврейском представительстве, Р. В. Дмовский ответил «ревизией» отношения его партии к кадетам. Исходным пунктом была избрана мысль о том, что кадеты — партия еврейская. Это заявление чрезвычайно обрадовало «Земщину» и «Новое время»²⁷.

Но либералы и после этого остались верны себе. Известный либеральный деятель, основатель «Речи», оценивая позицию коло, писал: «Они даже не задумываются о завтрашнем дне, буквальн о: занимая националистическую позицию при рас-

²³ Там же, стб. 2499—2500.

²⁴ «Звезда», № 7, 29 января 1911 г. (вып. 1. М., 1932, стр. 154).

²⁵ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2849—2850.

²⁶ Там же, стб. 2855.

²⁷ «Социал-демократ», 1911, № 21-22, стр. 9.

смотреии законопроекта о городском самоуправлении в Польше, они как будто забывали (!), что на другой день Г. дума должна была приступить к рассмотрению законопроекта о выделении Холмщины... Пожалейте их, ибо не ведают (!), что творят!»²⁸

Левая часть Думы — трудовики и социал-демократы — реагировала на законопроект о введении городского самоуправления в Польше весьма бледно.

Оратор первых, Булат, фактически выступал не как представитель фракции, а как тривиальный литовский буржуазный националист, защищавший под видом интересов литовского народа интересы литовской городской буржуазии. Хотя он начал с того, что члены коло — представители крупной городской буржуазии и поэтому им чужды интересы бедного населения, особенно инонационального, и что «нужно допустить всеобщее избирательное право», пафос его речи был совершенно в другом. Для восьми литовских городов Сувалкской губернии (Владиславов, Шаки, Волковышки, Вержболово, Мариамполь, Кальвария, Прены и Сейны) Булат потребовал введения взамен польского языка литовского и внес соответствующую поправку. Что касается еврейского языка, то, несмотря на большой процент еврейского населения в указанных городах, вводить его не следует, так как он будет непонятен жителям других национальностей²⁹. Свою поправку Булат защищал очень упорно при постатейном обсуждении.

От социал-демократической фракции также выступил один оратор — Т. О. Белоусов. В первой речи, в силу того, что решением Думы прения уже были ограничены 10 минутами, он успел только выразить возмущение закулисными махинациями большинства Думы, поставившего на обсуждение законопроект о Городовом положении в Польше вне очереди, в то время как у Государственной думы «имеется масса неудовлетворенных ходатайств о введении самоуправления в других окраинах», и заявить, что социал-демократическая фракция против перехода к постатейному чтению. «Принимая во внимание, — говорил Белоусов, — что законопроект построен на куриальном основании, что он имеет целью главным образом разжигание национальных страстей в Царстве Польском, социал-демократическая фракция будет голосовать против перехода к постатейному чтению»³⁰.

Во второй своей речи, уже при постатейном обсуждении, Белоусов, выступая против курий, заявил, что социал-демократическая фракция будет «поддерживать те поправки, которые вне-

²⁸ Р. Бланк. Польский национализм. — «Запросы жизни», 1911, № 10, стб. 580, 582.

²⁹ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2472—2473, 2478, 2480.

³⁰ Там же, стб. 2510.

сены прогрессистами». Но наибольшего внимания заслуживает та часть речи Белоусова, в которой он непосредственно обращался с упреками к коло: «В нас вызывает глубокое недоумение, если не сказать более..., отношение представителей польской нации, польского коло к этому вопросу... Яронский от имени польского коло заявил, что они должны бороться против еврейского засилья и голосовать за ограничение евреев... Зоологические инстинкты, если можно так выразиться, восторжествовали над культурными приобретениями (!), и под оболочкой культурного (!) поляка оказался член Государственной думы Замысловский». «Нам кажется, гг., что это плохая дорога и неподходящая для той нации, которая на собственной шее испытывает весь гнет национальных правонарушений и ограничений»³¹. Как видим, между укорами Белоусова и призывами Щепкина в адрес коло по существу не было никакой разницы.

В заключение отметим, что все сколько-нибудь существенные поправки, внесенные кадетами и прогрессистами, были, конечно, отвергнуты.

Позиция, занятая коло, свидетельствует о крайней степени политического падения. Это усугублялось еще тем, что коло отдавало себе полный отчет в том, какой политической дискредитации оно себя подвергает, став на почву признания неравенства представительства еврейской и польской куриЙ. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что вначале большинство коло (шесть против пяти) высказалось против ограничения прав евреев. Грабский вообще голосовал против еврейской куриИ. Он же во время обсуждения законопроекта, стремясь хоть немного смягчить одиозность позиции коло, предложил поправку, разрешавшую одной куриИ выбирать за счет своего лимита представителей другой, т. е. практически еврейской, куриИ. Она, конечно, была отвергнута.

Проблеме выбора между «реальной политикой» и политическими последствиями в вопросе о еврейской куриИ польские буржуазные партии уделили самое серьезное внимание. Ни одна из них не выступала против антидемократических и антипольских сторон законопроекта; все они согласились на том, что вопрос о правах евреев главный. Орган «реалистов» — «Слово» — выразил их общее мнение, заявив, что все остальное по сравнению с ним отходит на задний план. Самым открытым образом против евреев выступили национал-демократы, и все антисемитские, клерикальные и черносотенные польские элементы подхватили их «мужественную» инициативу. «Реалисты» после долгих колебаний высказались за равные права евреев. Перевес евреев в городском самоуправлении вреден, писало «Слово», но

³¹ Там же, стб. 2835—2837.

еще более вредно голосование за ограничение их прав. Поэтому с еврейским «засильем» надо бороться другими, менее опасными средствами³².

Плоды своей политики народные демократы и польская буржуазия в полной мере вкусили после того, как законопроект о городском самоуправлении в Царстве Польском попал в Государственный совет.

Первый раз он был поставлен на обсуждение общего собрания осенью 1912 г., но возвращен обратно в комиссию, так как большинство признало его недостаточно подготовленным³³. Вторично законопроект обсуждался 3—5 апреля 1913 г. В результате он был принят с такими изменениями, что это было равносильно полному отвержению, и поэтому комиссия, предварительно рассматривавшая законопроект, потребовала, на основании 49-й статьи Учреждения Государственного совета, вернуть его обратно в Думу для нового рассмотрения. Предложение комиссии было принято, и это означало, что законопроект либо должен пройти через согласительную комиссию, либо вновь поставлен на обсуждение³⁴.

Компетентное описание приключившегося казуса и его причин мы находим в специальной записке варшавского генерал-губернатора Г. А. Скалона на имя царя от 30 мая 1913 г., в которой он настаивал на необходимости принятия отвергнутого Государственным советом законопроекта в том его виде, в каком он был принят Думой. Как следует из текста сопроводительного письма и самой записки, камнем преткновения для законопроекта оказалась 28-я статья о допущении наряду с русским польского языка в указанных выше пределах, которой Скалон «придавал особо важное значение»³⁵.

Подчеркнув в начале своей записки, что ни одна инстанция, через которую прошел законопроект, не нашла нужным изменить что-либо в 28-й статье, Скалон затем протестовал против принятой Государственным советом поправки³⁶. «Таким обра-

³² «Социал-демократ», № 21-22, 19 марта 1911 г., стр. 8—9.

³³ Государственный совет. Стенографические отчеты, сессия VIII, стб. 1375 (далее — Гос. сов. Ст. от.).

³⁴ 49-я статья гласила: «В тех случаях, когда Государственный совет, не отклоняя одобренного Государственной думой законопроекта, признает необходимым внести в него изменения, дело для нового его рассмотрения может быть, по постановлению Совета, либо возвращено в Думу, либо передано в особую комиссию, образуемую из равного числа членов от Государственного совета и Государственной думы» («Государственная дума в России в документах и материалах». М., 1957, стр. 154).

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 44, л. 341.

³⁶ Пункт «г» 28-й статьи гласил: «Заседания в городской думе и управе ведутся председателем на русском языке, но словесные объяснения могут быть представлены в заседаниях и на польском языке». Поправка излагала этот пункт следующим образом: до «но» текст совпадал, а затем говорилось:

зом,— констатировал Скалон, анализируя текст поправки,— польский язык даже из словесных прений... исключен»³⁷. По мнению Скалона, и это полностью соответствовало действительности, «главными вдохновителями Государственного совета, склонившими его большинство к принятию этого решения, столь неожиданного как для правительства, так и для местного общества, были А. С. Стишинский и В. И. Гурко»³⁸.

Принятая поправка не только уничтожала принципиальную основу сговора между царизмом и польской буржуазией, но вообще делала практически неосуществимым введение городского самоуправления в Польше, так как подавляющая часть гласных не могла бы изъясняться на русском языке. Автор поправки Гурко отлично понимал это, когда издевательски говорил, обращаясь к полякам: «Вы не знаете русского языка? Что же поделать, подождем! Научитесь, и тогда мы можем вам предоставить те права в отношении государственных дел, которые мы предоставляем коренным русским подданным»³⁹. Именно такой смысл придавал этой фразе и Скалон, цитируя ее в своей записке. Добавим к этому в качестве детали, что ко всему прочему Гурко был еще и председателем «Петербургского комитета славянских банков»⁴⁰.

Свои возражения против позиции, занятой Государственным советом, Скалон строил на том, что она, во-первых, представляет собой проводившуюся многими десятилетиями и полностью провалившуюся «старую» политику «русификации», во-вторых,

«На русском же языке представляются словесные объяснения и письменные заявления в означенных заседаниях» (там же, л. 342 об.).

³⁷ Там же, лл. 342 об.— 343.

³⁸ Там же, л. 343. И тот, и другой поставили вопрос об употреблении польского языка на принципиальную почву. Этот вопрос, подчеркивал Гурко,— «вопрос принципиальный» (Гос. сов. Ст. от., с. VIII, стб. 1407). Тот, кто придерживается определенного политического начала, указывал Стишинский, не может согласиться с 28-й статьей законопроекта. «Начало это сводится к тому, что в учреждениях, ведающих в России государственным делом, должен звучать только один государственный язык». Логика такой политики не допускает исключений, иначе того же права вслед за поляками потребуют «инородцы» Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и т. д., так как «первый шаг на скользкой почве уступок всегда влечет за собой дальнейшие шаги». И тогда, в ужасе восклицал Стишинский, может настать такая пора, когда в местном самоуправлении «завзвучат речи» на грузинском, эстонском, латышском, татарском, мордовском «и других... инородческих языках...». Это недопустимо, так как государственный язык в управлении, суде и школе — мощное звено, связующее воедино разноплеменные народы. «И пока у нас, на Руси, это звено крепко и нерушимо, до тех пор можно спокойно взирать на всякие попытки национального самоопределения, в том числе и на такие, которые направлены к постепенному подтачиванию и расшатыванию идеи государственного единства, для того чтобы в конечном результате привести к разрушению Российской державу» (там же, стб. 1390, 1396).

³⁹ Там же, стб. 1411.

⁴⁰ Там же, стб. 1404.

лишена элементарной политической дальновидности. В подтверждение Скалон ссылался на всю историю правительственной политики в отношении Польши, начиная с 60-х годов, и в том числе на мнение варшавского губернатора фельдмаршала Гурко (отца автора поправки), который в своих всеподданнейших записках 1880-х годов признавал политику прямого обрушения «неисполнимой задачей»⁴¹. Эта политика в случае ее дальнейшего продолжения, по мнению варшавского губернатора, приведет лишь к одному неизбежному результату — всеобщей ненависти поляков к России⁴².

В 1914 г. в связи с балканскими событиями законопроект о городском самоуправлении в Царстве Польском стал чрезвычайно актуален и во внешнеполитическом отношении, заставив министра иностранных дел С. Д. Сазонова обратиться к царю с специальной всеподданнейшей запиской. Копия этой записки от 7 января 1914 г. с грифом «Весьма секретно» была одновременно послана Сазоновым председателю Совета министров Кокцову⁴³.

Содержание этой записки коротко сводилось к следующему. В связи с событиями на Балканах в Австро-Венгрии обострилась борьба между двумя течениями в правящих австро-венгерских кругах по вопросу о внутринациональной политике. Одна сторона настаивает на заигрывании с угнетаемыми национальностями — хорватами, сербами, трансильванскими румынами, другая склонна искать разрешение национальных противоречий, раздирающих двуединую монархию, в войне. Второе течение, указывает Сазонов, не могло бы иметь места, если бы оно «не находило опоры в наиболее сильной из всех народностей Австро-Венгрии — польской». Успех же заигрывания с поляками объясняется состоянием польского вопроса в России, на котором Австро-Венгрия умело спекулирует. «В минувшем году, в эпоху наибольшего обострения отношений между обеими империями (т. е. между Россией и Австро-Венгрией. — А. А.), — писал далее Сазонов, — австрийцы не скупились на обещания полякам, которых убеждали, что будущая война приведет к раскрепощению и объединению этой народности».

После этого вступления записка переходила к судьбе законопроекта о польском городском самоуправлении, давая понять, что голосование Государственного совета может пагубно отразиться на внешнеполитической ориентации буржуазии Царства Польского, заставив ее отвернуть свой взор от России и направить его в сторону Австро-Венгрии. Представители прорусского течения, писал Сазонов, «до недавнего сравнительно

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 44, л. 344.

⁴² Там же, л. 346 об.

⁴³ Там же, л. 478.

времени могли ссылаться на то обстоятельство, что, несмотря на неприятное для поляков возбуждение холмского вопроса, они получили известную уверенность в том смысле, что по решении холмского вопроса Царство Польское может рассчитывать на расширение некоторых прав в области самоуправления, языка и школы». Поправка Государственного совета нанесла удар по этим расчетам. «Недавнее голосование Государственного совета по вопросу о применении польского языка в городском самоуправлении,—предостерегал министр,—вызвало справедливую горечь со стороны наиболее благоразумных элементов польского общества, которая указывает, что ряды их неизбежно редуют и они могут оказаться бессильными направить свой народ в здоровое русло».

Взятую на себя «смелость» докладывать царю «по вопросам, не входящим в прямое ведение министра иностранных дел», Сазонов объяснял их важностью, необходимостью согласовать в целях последовательности и единства вопросы национальной и внешней политики, «без чего затруднено было бы успешное проведение» намеченных внешнеполитических задач. В случае одобрения его соображений, изложенных в записке, Сазонов просил разрешения сообщить их председателю Совета министров и министру внутренних дел⁴⁴.

Записка Сазонова возымела какое-то действие. Спустя месяц собралась согласительная комиссия для решения возникшего между Думой и Государственным советом разногласия. Тем не менее ни по одному пункту разногласий, в том числе и по главному — вопросу о языке, стороны не договорились: представители Государственного совета продолжали твердо стоять на своем⁴⁵. В связи с этим государственный секретарь С. Е. Крыжановский направил 12 мая 1914 г. уже новому премьеру Горемыкину официальное отношение, в котором указывалось, что «вследствие недостижения соглашения между Государственным советом и Государственной думой» законопроект о преобразовании управления в городах польских губерний (следовало переименование)⁴⁶ «должен почитаться отклоненным»⁴⁷.

5 июня 1914 г. на имя Горемыкина последовал высочайший рескрипт, в котором говорилось: «Признавая необходимым внести вторично на законодательное рассмотрение проект реформы городского управления в Привислинском крае (!), поручаю вам внести оный в Государственную думу немедленно до окончания

⁴⁴ Там же, лл. 479 об.—480 об.

⁴⁵ Там же, лл. 487—491.

⁴⁶ Государственный совет в числе других принял также поправку, исключавшую слова «Царство Польское» из заголовка, заменив их простым перечислением 9 губерний (Гос. сов. Ст. от., с. VIII, стб. 1549).

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 44, л. 494.

текущей сессии»⁴⁸. Спустя пять дней последовало царское распоряжение премьеру опубликовать рескрипт⁴⁹. По-видимому, этим хотели успокоить поляков. Но рескрипт опоздал. Европа стояла на пороге всеобщей войны.

Борьба с Австро-Венгрией за польское «общество» во время войны и потеря польской территории привели царское правительство к необходимости новых переговоров с помещичье-буржуазными лидерами Царства Польского по вопросам самоуправления, но до самого крушения царизма они так и остались совершенно бесплодными.

ВЫДЕЛЕНИЕ ХОЛМЩИНЫ

Ни один законопроект, прошедший через III Думу, не вызвал такой бешеной националистической свистопляски среди русских и польских националистов, как законопроект о выделении Холмщины. С русской стороны он был возведен в ранг самой высокой политики, с польской — кампания против него велась под лозунгом борьбы против «четвертого раздела» Польши. По мере приближения к развязке ажиотаж нарастал и, наконец, принял форму настоящей националистической истерии, не прекращавшейся ни на один день вплоть до принятия законопроекта. «Холмский вопрос» сделался предметом ожесточенной газетно-журнальной полемики, псевдонаучных изысканий и исторических экскурсов. Его склоняли с церковных амвонов и в публичных лекциях, он вызвал к жизни массу проектов и записок, его сделали предметом тайных переговоров и открытых демонстраций, ему сопутствовал поток писем, речей, протестов и контрпротестов, и, наконец, вся эта вакханалия завершилась дебатами в Думе и Государственном совете, причем в Думе записалось в прениях 107 человек⁵⁰. Бросается в глаза, более чем в других случаях, обоюдная нарочитость этой шумихи, фальшивый пафос, за которым ничего не стояло, кроме низкого стремления политиканов, проливавших крокодиловы слезы по поводу печальной участи населения Холмщины, создать атмосферу националистического психоза и заработать политический капитал защитников национальных интересов своего народа. Вместе с тем это была не только взаимная демагогия. С принятием холмского законопроекта завершалась целая полоса в русско-польских отношениях, начатых господствующими классами России и Царства Польского в новый период столыпинского «конституционализма».

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 44, л. 495.

⁴⁹ Там же, л. 496.

⁵⁰ Ст. от, с. V, ч. II, стб. 3159.

Во главе всего холмского дела стоял преосвященный Евлогий, епископ люблинский и холмский, непререкаемый авторитет и глава думского духовенства. Евлогий, несомненно, был одним из самых зловещих представителей воинствующего национализма и клерикализма в третьионьский период. В отличие от многих своих соратников он, безусловно, обладал незаурядным умом, был чрезвычайно целеустремлен, наделен огромной энергией и настойчивостью. Он был одним из самых беззастенчивых демагогов, прикрывавших человеконенавистнические идеи словами любви к ближнему, полицейский кулак — промыслом божьим, воинствующую религиозную и национальную нетерпимость — призывами к христианскому всепрощению.

В течение ряда лет Евлогий с упорством Катона Старшего твердил, что Холмщина должна быть выделена из Царства Польского. Он добился выработки соответствующего законопроекта, обеспечил ему полную поддержку в верхах и правительстве, проталкивал в Думе, устранял задержки, организовывал депутации и съезды «местных людей», направлял лекционную и печатную пропаганду, следил за тем, чтобы холмский законопроект продолжал находиться в центре внимания всех «окраинных обществ», «русских собраний», «национальных клубов» и тому подобных организаций. Холмский законопроект был в полном смысле слова детищем Евлогия, его alter ego, жизненным призванием, главной целью. Поэтому принятие законопроекта было с полным основанием расценено современниками прежде всего как личная победа и успех холмского епископа.

Правой рукой Евлогия был нововременский публицист Филевич (уроженец г. Холма), личность еще более низкая, чем Меньшиков, если это, конечно, было возможно. Энтузиастом выделения Холмщины оказался также «неославист» гр. В. А. Бобринский, основавший так называемое Галицко-русское общество с целью содействия «освобождению русских» в Галиции от польского «ига».

О характере националистической пропаганды, ратовавшей за выделение Холмщины, дает представление специально выпущенная объемистая книга под названием «Холмский вопрос», составленная главным образом из подборок черносотенной прессы и других подобных материалов⁵¹.

Одним из больших демагогических мероприятий, осуществленных националистами до начала обсуждения холмского законопроекта в Думе, была поездка группы думских депутатов-националистов в Холмщину. Она была предпринята 3 июня 1910 г. Поездка имела целью продемонстрировать радостную встречу

⁵¹ «Холмский вопрос». Обзор русской периодической печати, вып. 16 (с 1 января 1909 г. по 1 января 1912 г.). СПб., 1912.

холмских крестьян с «народными избранниками», которых народ горячо и слезно будет просить о заступничестве и скорейшем выделении из Царства Польского. Это была на редкость грубая работа с подставными представителями, обманом согнанными сходками, пейзанскими аксессуарами и тому подобными низкопробными приемами. В указанной книге поездке был отведен целый раздел, и описание ее в смысле лицемерия и лживости равно самой поездке.

В связи с этим необходимо специально остановиться на деятельности Евлогия в его цитадели — самой Холмской епархии. Православная церковь в Забужье и обслуживающее ее многочисленное духовенство стараниями Евлогия стали активной воинствующей клерикально-черносотенной силой. Во главе всего дела стояло так называемое «Холмское православное св. Богородицкое братство», покровительствуемое царем. Членами его состояли не только местные русификаторы, но и настоящие и бывшие министры, члены Государственного совета, сановники, губернаторы, судебные чины и т. п. Главным попечителем был епископ Евлогий, председателем Совета — протоиерей Александр Будилович. Братство было основано при кафедральном соборе в 1879 г. и вело религиозную и националистическую пропаганду среди населения, а также занималось благотворительностью. При братстве имелся церковно-археологический музей с библиотекой и «народной читальней». Братство издавало «Холмскую церковную жизнь», «Братскую беседу» и «Холмский народный календарь» — лубочно-черносотенные издания, рассчитанные прежде всего на крестьян.

Согласно уставу, членами братства могли быть лица обоего пола христианских вероисповеданий. Единовременный взнос в 15 руб. давал право на получение звания действительного пожизненного члена братства; 3-рублевый взнос обеспечивал звание действительного члена на год; внесший сумму менее 3 руб. считался членом-сорефервателем. В 1910 г. в братстве насчитывалось 2410 членов всех трех категорий. Братство имело свой особый, высочайше утвержденный знак трех степеней — золотой, серебряный и бронзовый, который выдавался «полезным» деятелям братства и жертвователям.

В 1907 г. Евлогий поставил задачу создать братства при каждом приходе епархии. С этой целью он утвердил примерный устав церковно-приходского братства. Согласно этому уставу, вновь утвержденные братства должны были называться именем местной церкви, иметь особую братскую икону или хоругвь. В задачи братств входили «религиозно-нравственное объединение» пастырей и пасомых, укрепление православной веры и «русского самосознания», «благолепие» храмов, благоустройство кладбищ, воздействие на колеблющихся и совратившихся в веру, распространение среди народа книг, брошюр, листов, икон, кресгиков,

медальонов, организация церковно-певческих хоров, церковно-приходских школ, читален, библиотек, больниц, богаделен, приютов⁵².

Это была хотя и тривиальная, но зато обширная программа обработки всего населения будущей Холмской губернии в весьма определенном направлении.

С 1905 г. Холмское богородицкое братство поставило своей основной целью выделение Холмщины из Царства Польского. В ноябре из Холма в Петербург отправилась депутация с запиской, озаглавленной «О необходимости выделения из состава Царства Польского Холмской Руси», под которой стояло 50 980 подписей⁵³.

С 28 по 30 декабря 1909 г. в Холме проходил созванный братством съезд «русских деятелей». В съезде приняли участие местное духовенство, псаломщики, учителя сельских школ, преподаватели семинарий и гимназий, несколько присяжных поверенных, лесничих и чиновников и, наконец, два десятка крестьян. Таким образом, это действительно был съезд «русских деятелей» в том смысле, что он состоял из русских чиновников в рясах и без ряс, без какого-либо действительного представительства коренного населения. Съезд потребовал скорейшего выделения Холмщины и введения земства в будущей Холмской губернии на тех же основаниях, что и в западных губерниях (две курии: «русская православная», в которую также должны были входить немцы-лютеране, и польская, в которую, помимо поляков, зачислялись и «русские католики»; русских гласных должно было быть не менее 60%, евреи в земство не допускаются, председатели управ — русские и т. д.)⁵⁴.

По прямому поручению Богородицкого братства профессор Варшавского университета⁵⁵, ярый полонофоб В. И. Францев выпустил книгу под названием: «Карты русского православного населения Холмской Руси» (Варшава, 1909). Задача работы, как нетрудно догадаться, заключалась в том, чтобы доказать, что большинство населения местностей, из которых проектировалась

⁵² «Холмский вопрос», стр. 548—549, 551—552.

⁵³ Там же, стр. 561, 572.

⁵⁴ Там же, стр. 473, 478—479. См. корреспонденцию В. Львова об этом съезде в «Новом времени» от 5 января 1910 г. Кроме того, о съезде была выпущена специальная брошюра (там же, стр. 480).

⁵⁵ Варшавский университет в изучаемый период был превращен в настоящий обрусительный центр и поэтому бойкотировался поляками. Студентов-поляков в нем обучалось не более 70. Основная масса студентов вербовалась со всей России. Из Сибири, например, туда приехало около 2 тыс. В большинстве это были бедняки-семинаристы, соблазненные льготами и стипендиями. Профессура вся подбиралась «под масть» — из махровых черносотенцев-«патриотов» (А. Погдин. Польские настроения и дела. — «Русская мысль», 1910, № 6, стр. 189).

Холмская губерния, «русское». О научной достоверности этого статистического «исследования» можно судить хотя бы по тому, что материал для него был доставлен автору духовенством Холмской епархии, который был затем пополнен сведениями учителей церковноприходских и министерских школ в виде ответов на вопросные листы, разосланные холмским епархиальным училищным советом и начальником Холмской и Седлецкой учебных дирекций⁵⁶. Тем не менее это не помешало правым и националистам в Думе при обсуждении законопроекта о выделении Холмщины в основу своих доказательств положить цифры, приводимые Францевым в его книге.

Усилиями Богородицкого братства была создана целая литература, посвященная вопросу о выделении Холмщины. Здесь были и исторические очерки, и полемические брошюры, и копеечные книжки, и просто листовки. В качестве примера приведем названия некоторых из этих творений: «Несколько возражений на книгу Л. Дымши „Холмский вопрос“» (СПб., 1910); издание Холмского Богородицкого братства. (Холм, 1911 г.); «Холмская Русь и поляки». Три статьи А. С. Б[удиловича] (СПб., 1907); В. Ткач. Очерки Холмщины и Подляшья (изд. Холмского св. Богородицкого братства, 1911) и др.

Первая книга — сборник из четырех статей. Две из них принадлежали академику Соболевскому («Русские Холмщины в польском освещении» и «Холмская Русь в этнографическом отношении»). Вторая статья представляла собой публичную лекцию, прочитанную Соболевским по поручению Петербургского славянского общества в феврале 1910 г. и изданная также отдельной брошюрой; статья Будиловича была озаглавлена: «Возражения Л. Дымше по содержанию IV главы его книги „Холмский вопрос“»; статья священника А. Громадского называлась «„Правда“ Л. Дымши в V главе его книги „Холмский вопрос“»⁵⁷. Последняя книга принадлежала некоему Остапчуку, учителю из Холма, подвизавшемуся на литературном поприще под псевдонимом «Васько Ткач». Этот «народный» учитель символизировал у Евлогия местные «русские» интеллигентные силы, охваченные «патриотической» тревогой за судьбы Холмского края.

Сам Евлогий в основном действовал в Петербурге. Он проталкивал записки и депутатии, принимал участие в работе соответствующих предварительных особых совещаний, отстаивал холмский законопроект от каких-либо покушений в думской комиссии,

⁵⁶ «Холмский вопрос», стр. 290—291.

⁵⁷ О содержании и стиле последней статьи, да и книги в целом, можно судить по следующему отрывку: «Хитрый пан!.. Есть, ведь, у нас прекрасная поговорка: „знает кошка, чье мясо съела“. В данном случае поговорка эта очень подходит к г. Дымше. Чует и он за собой много грехов и замечает следы. Но мы доберемся до них и покажем...» (стр. 59).

произносил речи, выступал на всякого рода «холмских вечерах» с лекциями на тему: «В чем спасение Холмской Руси» и т. п.⁵⁸

Не меньшую активность в холмском вопросе проявили и польские помещичье-буржуазные партии и организации как в Царстве Польском, так и в Галиции. Им также беспрестанно занималась пресса, публицисты писали книги со ссылками на историю и статистику, политики искали пути соглашения с царизмом и поддержки общественного мнения.

Из польской литературы по вопросу о выделении Холмщины заслуживают в первую очередь внимания три книги: лидера народовцев Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос» (СПб., 1909), Л. К. Дымши, ставшего лидером коло после ухода из Думы Дмовского, под названием «Холмский вопрос» (СПб., 1910) и книга С. Дзевульского «Статистика населения Люблинской и Седлецкой губерний по поводу проекта образования Холмской губернии» (Варшава, 1909). Первая книга, как видно уже из самого заголовка, была написана в духе русско-польского «примирения» перед лицом общей германской опасности⁵⁹. Книга Дымши имела целью доказать неправомерность выделения Холмщины из Царства Польского ссылками на историю, этнографию, статистику и государственное право и убедить царизм и Думу в невыгодности для них самих этой затеи с точки зрения «государственных интересов». Наконец, книга Дзевульского была прямым ответом на книгу Францева. Цифры последнего в ней опровергались и взамен приводились другие, на основе которых, разумеется, делался и совершенно противоположный вывод. Для коло эти цифры играли ту же роль, что для националистов цифры Францева. В частности, указанная книга Дымши была оснащена статистическими таблицами и картой, взятыми из книги Дзевульского.

Очень настойчиво народовцы и другие добивались поддержки западноевропейского общественного мнения, но все их усилия принесли более чем скромные результаты⁶⁰. Против холмского законопроекта выступили многие славянские газеты.

В Галиции было предпринято несколько попыток открытых выступлений. Особенно активно выступал Львовский союз польских журналистов. В апреле 1909 г. перед зданием Львовского магистрата была организована демонстрация, в которой приняли участие поляки — депутаты австрийского рейхсрата⁶¹. Во Львове был образован также «Вечевой холмский комитет» с отделениями на местах, целью которого было устройство митингов

⁵⁸ «Холмский вопрос», стр. 114, 116.

⁵⁹ А. П. Египко. Национальный вопрос в III Государственной думе (Столыпинский план выделения Холмщины из Польши). Канд. дисс. М., 1948, стр. 90.

⁶⁰ Там же, стр. 89—90.

⁶¹ Там же, стр. 90—91.

протеста против выделения Холмщины. 28 ноября 1911 г., спустя три дня после начала обсуждения холмского законопроекта в Думе, перед русским консульством во Львове была устроена демонстрация, сопровождавшаяся эксцессами. Одновременно члены кола в рейхсрате посетили министра иностранных дел А. Эренталя и просили его сделать соответствующее представление русскому правительству⁶².

В Царстве Польском была сделана лишь одна попытка открытой демонстрации, предпринятая народовцами. В конце 1911 г. в Варшаве был создан Комитет национального траура по случаю уже состоявшегося выкупа в казну Варшавско-Венской железной дороги и предстоявшего выделения Холмщины. Комитет обратился к населению с воззванием и призывами ответить на эти акции объявлением «национального траура», который должен был выразиться в воздержании от танцев, ношении на рукаве траурных повязок и т. п. На этот призыв последовало обязательное постановление варшавского генерал-губернатора о запрещении ношения повязок, и тем дело и кончилось⁶³.

Посильное участие в националистической грызне из-за Холмщины приняли и украинские буржуазные националисты. В статье «За украинскую кость (вопрос о Холмщине)», написанной еще в 1907 г., М. С. Грушевский требовал выделения, считая его «меньшим злом» для украинского населения Холмщины. Он настаивал также на необходимости ломки всего сложившегося уклада жизни края (кодекс Наполеона, польские формы ипотеки и пр.), т. е. требовал того, на что не решились даже авторы холмского законопроекта, отложив это дело на неопределенное будущее⁶⁴. Позиция Грушевского была общей позицией всех украинских буржуазных националистов, которая оставалась неизменной вплоть до принятия законопроекта. Их пресса как в России, так и в Галиции на протяжении всей истории с холмским законопроектом в разных вариантах и добавлениях развивала точку зрения, изложенную в цитированной статье их лидером.

⁶² А. П. Египко. Национальный вопрос в III Государственной думе, стр. 256; «Новое время», 2 декабря 1911 г. В ответ черносотенцы устроили контрдемонстрацию перед зданием австрийского консульства в Киеве (там же, стр. 257).

⁶³ А. П. Египко. Национальный вопрос в III Государственной думе, стр. 255; З. Терлецкий. Национальный траур в Польше.— «Звезда», № 7, 5 февраля 1912 г. (вып. 4. М., 1933, стр. 159—161). Законопроект о выкупе Варшавско-Венской дороги был принят Думой 9 декабря 1911 г. и вскоре стал законом. Народовцы и другие польские буржуазные националисты заявили, что этот закон является «самым тяжелым ударом из всех, которые падали на поляков в последние годы» (А. П. Египко. Национальный вопрос в III Государственной думе, стр. 254). Закон представлял собой одно из звеньев в цепи антипольских мероприятий царизма, имевший целью изгнание польских служащих с дороги и замену их русскими черносотенными элементами.

⁶⁴ М. Грушевский. Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907, стр. 282—283, 287—288.

При общем отрицательном отношении к холмскому законопроекту кадеты в поднятой шумихе взяли на себя мало благодарную роль мистера Пиквика, утихомиривающего страсти и в результате получающего тумак с обеих сторон. Разница между ними была лишь та, что кадеты подвергались еще нападкам и третьей стороны — украинской. Тот же Грушевский, например, резко нападал на кадетов, в частности на «Речь», полемизируя с ними по вопросу об отношении к полякам и холмскому вопросу⁶⁵.

В апреле 1909 г. секретарь Московского общества славянской культуры Ф. А. Чудовский устроил в Петербурге совместное совещание польских и украинских членов общества вместе с группой членов Государственной думы по холмскому вопросу. Было достигнуто некоторое соглашение; большинство участников высказались против законопроекта о выделении⁶⁶.

«Страстность и необъективность и со стороны поляков, и со стороны националистов» в холмском вопросе заставили прогрессиста А. А. Стаховича, по его словам, предпринять вслед за националистами поездку в Холмщину, чтобы объективно разобраться на месте, выслушать «обе враждующие между собой стороны». Результатом этой поездки была специальная статья, претендующая на полную объективность и беспристрастность⁶⁷. До него с той же целью ездил в Холмщину один из лидеров прогрессистов, Н. Н. Львов. Ознакомившись со статьей Стаховича в рукописи, он полностью согласился с ее содержанием и выводами⁶⁸.

Непосредственная история законопроекта о выделении Холмщины начинается с 1905 г., но корни ее уходят в далекое прошлое. Под Холмским краем, или Холмщиной, в рассматриваемое время разумелась территория, составлявшая часть Седлецкой и Сувалкской губерний, несколько их восточных уездов. В течение веков украинское население этого края, помимо жестокой феодальной эксплуатации со стороны польских земельных магнатов и шляхты, подвергалось также не менее жестокому и планомерному окатоличиванию и ополячиванию. Огромную роль в этом деле сыграла Брестская уния 1596 г., заменившая православную церковь греко-униатской.

Суть унии состояла в том, что вероучение исповедовалось католическое и признавалось главенство папы, а обряды оставались православные, и служба велась не на польском, а на церковнославянском языке. Иными словами, католичеству было

⁶⁵ Там же, стр. 287—288.

⁶⁶ «Известия Общества славянской культуры», т. 1, кн. 1. М., 1912, стр. 121.

⁶⁷ А. Стахович. Холмский вопрос.— «Русская мысль», 1911, № 2, стр. 74.

⁶⁸ Там же, стр. 75.

отдано содержание, православию — форма. Однако с течением времени произошли серьезные вторжения католицизма и в обрядовую сторону униатской церкви. Были введены игра на органах, монстрации, колокольчики, пение гудзинок, рожанцев и др. Проповедь стала вестись на польском языке. Столетия сделали свое дело, население привыкло к своей новой церкви и стало считать ее исконной верой своих предков.

В то же время эта церковь явилась крепчайшим духовным щитом, который униаты противопоставили натиску католицизма с тем, чтобы сохранить свой язык, национальность, культуру. Таким образом, основное орудие польско-католического натиска превратилось в нечто противоположное — в защиту от него. После того, как Холмский край был присоединен к России, там начался обратный процесс — процесс столь же жестокого обрушения, выразившийся прежде всего в наступлении на униатскую церковь и насильственным возврате населения к православию. Начиная с 60-х годов XIX в., был взят курс на уничтожение унии. В 1864 г. были закрыты все базилианские монастыри, являвшиеся очагами католической пропаганды, и уничтожено патронатство польских помещиков над греко-униатскими приходами. В 1866 г. капитул был преобразован в консисторию, которой было поручено управление Холмской епархией. Консистория повела борьбу «за очищение обряда», т. е. за ликвидацию тех наслоений в церковной службе, которые были перечислены выше.

Однако деятельность в этом направлении М. Куземского, назначенного в 1868 г. управляющим Холмской епархией, казалась Синоду недостаточно энергичной и чрезмерно осторожной. Он был смещен, а на его место в 1871 г. поставлен Маркел Поппель, поведший дело уже совсем иначе. В июне 1874 г., во время пребывания Александра II в Варшаве, представители нескольких униатских приходов подали ему прошение об отмене сделанных консисторией распоряжений об «очищении обряда». Депутация принята не была, и ей в самой строгой форме было сделано соответствующее внушение о необходимости отказа от унии и перехода к православию. После этого целый ряд приходов стал выносить приговоры, в которых выражалась просьба о «воссоединении» униатской церкви с православной. Эту просьбу изложила затем царю специальная депутация во главе с Поппелем. В ответ последовало царское согласие, оформленное в апреле 1875 г. соответствующим постановлением Синода. 11 мая того же года в Холме был провозглашен акт воссоединения. Холмская униатская епархия упразднилась и передавалась как викариатство в Холмско-Варшавскую (прежнюю Варшавскую) епархию. Холмским викарным епископом был назначен Поппель⁶⁹. Были

⁶⁹ Ф. Кораллов. Открытие православной Холмской епархии... Люблин, 1906, стр. 33—34, 37—39.

«воссоединены» 266 приходов с 260 578 прихожанами⁷⁰. Даже авторы, на которых мы сейчас ссылаемся, являвшиеся подручными Евлогия, в своих брошюрах, обращенных к «многострадавшему холмскому народу», вынуждены были признать, что «воссоединение» осуществлялось насильственным путем. Кораллов (хранитель музея при Холмском соборе) писал, что отмена католических «наслоений» к обряду вызвала повсеместные волнения, которые были «прекращены внешней силой». Органы, которые население не разрешало выносить из церквей, разбирались на части, а затем продавались с аукциона. «Ослушных» священников консистория «удаляла», т. е. попросту высылала. В конечном счете все это вылилось в «широкое пламя волнений», которое, разумеется, снова было подавлено «внешней», т. е. военной, силой⁷¹.

Но поистине замечательное описание событий, связанных с «воссоединением» и особенно последовавших за ним, дает в своих воспоминаниях А. Ф. Кони, столкнувшийся с ними непосредственно в качестве судебного деятеля. Это живое свидетельство рисует подлинную трагедию населения края, не знавшего, как спастись от «любви» и «забот» церковных и светских властей, стремившихся всеми силами вернуть «заблудшие души» в лоно православной церкви.

В своих воспоминаниях Кони называет некоего С. С. Громеку, который начал с того, что опубликовал в журнале «Русский вестник» ряд статей под общим названием «О полиции вне полиции», в которых высказывались «мысли о закономерной свободе и достоинстве человеческой личности». Молодой либеральный автор был замечен Н. А. Добролюбовым, который приветствовал его шутливой перефразировкой из лермонтовского «Свистка»: «Погоди, Громека, свистнешь, брат, и ты!» «Громека действительно и свистнул,— добавляет от себя Кони,— но только совсем в другом направлении, чем это предполагал Добролюбов». В начале 70-х годов он стал седлецким губернатором и явился представителем «полиции вне полиции» и притом в области свободы совести⁷².

В 1873—1887 гг., продолжает свой рассказ Кони, сначала sporadически, «а потом, так сказать, эпидемически», гминные войты стали посылать губернскому начальству приговоры с просьбой о переходе из унии в православие. На основе этих при-

⁷⁰ П. Антонович. Что пережила Холмская Русь. Популярно-исторический очерк (1-е приложение к газете «Холмская Русь» за апрель и май 1912 г.). Холм, 1912, стр. 50.

⁷¹ Ф. Кораллов. Открытие православной Холмской епархии..., стр. 34; см. также статью «Холмская Русь» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, т. 37а, кн. 74, стр. 521—522.

⁷² А. Ф. Кони. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля.— «Русская старина», 1909, № 2, стр. 234.

говоров Громека начал энергичные действия, получив мощную поддержку со стороны правителя канцелярии Министерства внутренних дел, будущего министра Л. С. Макова. В результате в 1875 г. произошло «воссоединение», сопровождавшееся реляциями в «Правительственном вестнике», торжественными молебнами и наградами.

Вскоре оказалось, что «воссоединение» — не что иное, как «административный мираж». Приговоры вырывались угрозами. Население перестало посещать церкви, отказывалось хоронить и крестить по новому обряду. В ответ на это Громека разработал целую систему штрафов. За некрещение родившегося ребенка в течение недели каждый из родителей подвергался штрафу в размере от 1 до 7 руб. Каждую следующую неделю штраф повторялся в том же размере. Обычно брали 5—7 руб. и, кроме того, требовали внесения особого залога в обеспечение исправности уплаты... будущих штрафов. Этот залог назывался «фантом». За самовольное погребение взыскивался единовременный штраф в 10 руб. Ясно, что это было полное разорение, но население шло на него, не колеблясь. Деньги для штрафов изыскивались путем продажи крестьянского имущества с публичных торгов. Продавался преимущественно скот. Оставшаяся за вычетом штрафов сумма на руки владельцу не выдавалась, а оставалась у администрации для погашения будущих штрафов. Более того, владельцы даже не допускались к продаже собственного имущества. Учтя конъюнктуру — массовый характер распродажи, скупщики вступали в сговор между собой и покупали все за гроши.

Естественно, что подобные меры вызвали у населения крайнее ожесточение, перешедшее в открытое сопротивление. В ряде случаев имущество, предназначенное к продаже, отбивалось у стражников силой. На усмирение присылались войска; непокорных сажали в тюрьмы, высылали в северо-восточные губернии. Спустя только год после «воссоединения» 120 тыс. человек, т. е. четверть всех воссоединенных, отказались признать себя православными и стали называться «упорствующими» (таков был официальный термин)⁷³.

Настроением населения немедленно воспользовалась католическая церковь. В Кракове была образована особая миссия, занимавшаяся пропагандой «воинствующего католицизма». В частности, в массе стали заключаться так называемые «краковские браки». Бродячие католические священники-миссионеры венчали тех, кто отказывался совершать брак по православному обряду, посредниками при этом выступали частные лица, бравшие за свои услуги весьма высокую плату. Разумеется, православная

⁷³ А. Ф. Кони. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля, стр. 235—242.

церковь такие браки считала незаконными. Следствием этого были новые репрессии: насильственное разведение супругов, штрафы в 25 и 50 руб. с каждого супруга, заменяемые соответственно одним и двумя месяцами тюрьмы, и т. д.⁷⁴

Стахович в цитированной нами статье, опираясь в своем историческом экскурсе в основном на Кони, добавляет к его рассказу некоторые интересные детали. Во время поездки в Холмщину он беседовал с одним из членов депутации к Александру II в 1875 г., возглавляемой Поппелем, Иваном Климяком, являвшимся тогда войтом гмины Романов Влодавского уезда, который ему рассказал следующее: крестьянам-депутатам было строжайше внушено говорить, что они хотят перейти в православие добровольно; а «если же кто-либо из вас хоть одно слово скажет иначе, чем велит начальство,— предупредили их,— то сам он, дети его и весь род его сгниют в Сибири».

Громека, кроме отличий, получил еще в награду майорат в Седлецкой губернии и был произведен в тайные советники. Макова назначили товарищем министра внутренних дел. Была отчеканена и преподнесена Александру II специальная медаль с надписью: «Отторженные насилем — любовью (!) воссоединенные».

Массовые ссылки, которым подвергались «упорствующие», были бессрочными: «пока не обратятся к долгу». Наделы ссылаемых продавались с аукциона, а вырученные деньги шли на их содержание⁷⁵.

В революцию 1905—1907 гг. пришла расплата. Здание православия, возводившееся десятилетиями жестоких гонений и свирепого изуверства, рухнуло в один миг, похоронив под своими обломками последние остатки влияния и престижа его незадачливых строителей. Указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, который царизм был вынужден издать под напором революционных событий, привел к тому, что в течение двух лет в Холмщине из православия в католичество перешло, по официальным данным, 168 тыс. человек. «Удержать» в православии, по официальному выражению, удалось 300 тыс. человек. Таким образом, $\frac{2}{3}$ из всего числившегося православным населением воспользовались указом для того, чтобы продемонстрировать свою ненависть к православию самым убийственным для господствующей церкви образом. То, что не могли сделать века католического натиска, сделало царское правительство за несколько десятков лет. И это, несмотря на огромное число православных попов и церквей, мас-

⁷⁴ Там же, стр. 255. Аналогичный рассказ мы встречаем у Н. Х. Померанцева, назначенного в 1876 г. прокурором Седлецкого окружного суда (Н. Х. Померанцев. Страничка из так называемого униатского дела (Из воспоминаний судебного деятеля). — «Русская мысль», 1909, № 1, стр. 61—73).

⁷⁵ А. Стахович. Холмский вопрос, стр. 79—82.

су затраченных средств и т. п.⁷⁶ Провал был таким позорным, а растерянность так велика, что, пожалуй, впервые царизм в поисках оправданий вынужден был признать более или менее открыто, что виной всему была насильственная политика «воссоединения».

Казалось бы, единственно возможным выводом из подобного признания должен был быть решительный отказ от продолжения совершенно скомпрометировавшей себя политики. Но вывод был сделан совершенно обратный, и в основе его лежал не расчет, а слепая ярость реакции, особенно церкви, жажда реванша и мести по отношению к неблагодарному «пасомому стаду», скорейшего возврата утерянного престижа любыми средствами. Так родился законопроект о выделении Холмщины из Царства Польского.

О том, как представляли себе политику в Холмщине после катастрофы 17 апреля епископ Евлогий и его соратники, хорошо показывает брошюра некоего В. А. Истомина, специально посвященная этому вопросу. Он сразу заявляет, что «обыкновенных мер», чтобы подавить пошатнувшееся дело православия в крае, — постройка церквей, торжественность богослужения, церковное пение, церковные школы, деятельность монастырей и т. д. — недостаточно. Радикальное решение только одно — выделение Холмщины в отдельную внутреннюю губернию России⁷⁷. Вся политика в Холмщине должна исходить из одной принципиальной предпосылки: никаких отступлений от однажды принятого курса быть не может. Вопрос о ликвидации унии и «воссоединении» с православием «решен окончательно и бесповоротно»⁷⁸. В связи с этим предлагалась целая программа мер: назначение на должности «благонадежных русских», насаждение крупного и мелкого русского землевладения при содействии земельного банка (особенно важно насаждение именно крупного), запрещение полякам и евреям арендовать майоратные имения, запрещение работы в праздники и торговли до конца богослужения, учреждение как можно большего числа низших школ только для

⁷⁶ Так, по смете Синода на 1908 г. на одного православного священника приходилось 2090 руб. в год, а на католического ксендза Департамент иностранных вероисповеданий тратил 209 руб. Если к этому прибавить доходы с церковных земель, то соответствующие цифры возрастут до 2710 и 262 руб. Член коло Я. С. Гарусевич приводил следующие данные: Полтавская епархия имела 1084 прихода и получала от казны на содержание причта 346 тыс. руб., Черниговская — 1015 приходов и 349 тыс. руб., а Холмская епархия, имея только 280 приходов, получала (по смете Синода на 1912 г.) 456 тыс. руб. Весь же расход по Холмской епархии составлял около 1 млн. руб., или 40-ю часть всей сметы Синода, тогда как по числу православного населения она составляет 300-ю часть (Ст. от., с. V, ч. I, стб. 2716—2717).

⁷⁷ В. А. Истомин. Положение «униатского вопроса» в пределах русского Забужья накануне указа 17 апреля 1905 г. М., 1907, стр. 6.

⁷⁸ Там же, стр. 18.

детей бывших греко-униатов и создание при них ремесленных и сельскохозяйственных курсов, самое решительное пресечение отступлений от православия и т. д. С католической церковью автор предлагал бороться при помощи ограничения «отпустов» — католических храмовых праздников и процессий, политическое преследования тайных католических школ и ксендзов, закрытия костелов под разными предлогами и пр. В то же время администрация должна создать особо благоприятные условия для деятельности православного духовенства. И как полагается для писаний подобного рода, заканчивалась вся эта серия перечисленных мер призывом к тому, что отпавшие от православия «должны быть возвращены в лоно православной религии и русской национальности любовью (!), а отнюдь (!) не насилем»⁷⁹. Заключительный рефрен повторял начало: главная мера — выделение Холмской губернии⁸⁰.

Первой ответной мерой правительства и церкви на последствия указа 17 апреля в Холмщине было учреждение самостоятельной Холмской епархии, образованной 18 июля 1905 г. с «владыкой» Евлогием во главе⁸¹. Затем указом Синода от 5 сентября того же года 8 сентября объявлялось днем торжественного ежегодного празднования по случаю учреждения Холмской епархии⁸². В последующие годы Богородицкое братство и все местное духовенство делали все возможное, чтобы превратить этот день в эффективное средство воздействия на самые широкие массы населения, широкий всенародный религиозный праздник.

К моменту обсуждения холмского законопроекта в Думе число русских церковноприходских и министерских школ, как указывал в своем выступлении Дымша, было доведено до 825. Все польские школы были закрыты. На одного православного священника приходилось 1052 жителя края, а на ксендза — 4041. Крестьянский банк выдавал ссуды только православным и т. д.⁸³ Но, как уже указывалось, все эти меры с точки зрения Евлогия были паллиативами по сравнению с идеей выделения Холмщины, и эта идея стала *raison d'être* холмского «владыки».

Однако вначале он и его сторонники выдвигали эту идею в качестве программы-максимум, будучи не совсем уверенными в том, что им удастся ее осуществить. Поэтому в упомянутой выше записке Богородицкого братства содержалась (на случай отказа) вторая просьба: если идея о Холмской губернии встретит возражения, то тогда перечисленные восточные уезды Седлецкой и Люблинской губерний присоединить к Гродненской и Волын-

⁷⁹ Там же, стр. 19—22, 24—25, 27—28, 32, 34.

⁸⁰ Там же, стр. 73.

⁸¹ Там же, стр. 10.

⁸² Ф. Кораллов. Открытие православной Холмской епархии..., стр. 45.

⁸³ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2641—2642.

ской губерниям, но с оставлением Холмской епархии в прежнем виде ⁸⁴.

Что опасения авторов записки были не напрасными, свидетельствует тот факт, что созданное в ноябре — декабре 1906 г. при Министерстве внутренних дел Особое совещание из представителей местного гражданского и духовного начальства и центрального управления министерства признало целесообразным именно второй вариант — присоединение просимых к выделению уездов к Гродненской и Волынской губерниям вместо образования отдельной губернии ⁸⁵.

Дело здесь заключалось в том, что идея образования Холмской губернии сама по себе была отнюдь не новой. На протяжении нескольких десятилетий она обсуждалась в правительстве восемь раз и восемь раз отвергалась. Отметим при этом, что на собрании Богородицкого братства, где обсуждался вопрос о выделении Холмщины, было единодушно решено представить на этот предмет проект, одобренный еще варшавским генерал-губернатором Шуваловым. Этот проект был выработан чиновником особых поручений, неким Добрянским, в 1896 г. Но Шувалов в этом отношении представлял исключение. Все другие варшавские генерал-губернаторы, а также министры внутренних дел были против выделения Холмщины в самостоятельную губернию. Руководствовались они при этом, конечно, не отвращением к националистическо-русификаторской политике, рьяными проводниками которой они сами были, а чисто деловыми соображениями. По их мнению, административная ломка, которая потребует при выделении Холмщины, создаст массу неудобств административного и военно-стратегического характера. Именно поэтому против выделения были в свое время такие фигуры, как К. П. Победоносцев, Д. С. Сипягин, Муравьев, Тимашев, которых вряд ли можно считать более умеренными и прогрессивными деятелями, чем епископ Евлогий. По тем же соображениям высказались в 1906 г. против выделения Холмщины министр внутренних дел П. Н. Дурново и генерал-губернатор Скалон ⁸⁶.

Но на девятый раз ими пренебрегли, и мнение Евлогия — Столыпина восторжествовало полностью. Министерство внутренних дел внесло в Думу соответствующий законопроект, который был передан ею 19 мая 1909 г. в Комиссию законодательных предположений и на заключение Комиссии по местному самоуправлению. Доклад комиссии был представлен 7 мая 1911 г., а 25 ноября того же года в Думе началось обсуждение законопроекта «О выделении из состава губерний Царства Польского

⁸⁴ «Холмский вопрос», стр. 605—606.

⁸⁵ Там же, стр. 576—577.

⁸⁶ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2622—2623.

восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии⁸⁷.

Одной из самых характерных черт обсуждения холмского законопроекта в Думе было огромное количество ссылок на историю как со стороны его сторонников, так и со стороны противников. Сам по себе этот факт был совершенно обыденным в практике III Думы — ни один националистический законопроект, как мы помним, не обходился при его обосновании без обращения его творцов и оппонентов к истории вообще, к суду истории особенно. Но в данном случае обращают на себя внимание именно масштабы такого приема. В этом отношении холмский законопроект, по-видимому, побил все рекорды. Создается впечатление, что история на этот раз фигурировала чуть ли не в качестве главного довода как у националистов, так и у коло.

Доклад Комиссии законодательных предположений по законопроекту составлял 426 страниц, отпечатанных типографским способом, а законопроект — всего лишь 14 страниц. Большая часть доклада представляла собой исторический очерк, начинавшийся с... летописца Нестора. Оценивая эту часть, большевистский журнал «Просвещение» писал: Евлогий доклад Чихачева определяет как «ученую монографию», по Гарусевичу — это «тенденциозный историко-политический памфлет». На самом деле это ни то, ни другое. Для доклада характерен суконный язык, а его правдивость соответствует правдивости учебников Иловайского. «Безграмотность и тенденциозность» его исторической части вопиющи, «ученая монография» представляет собой смесь из исторических анекдотов и националистической лжи⁸⁸.

Нетрудно догадаться, что вся историческая часть доклада была призвана доказать, что Холмщина искони были русской землей. Так как это утверждение противоречило свидетельству Нестора, то несколько страниц доклада, с издевкой отмечается в цитируемой статье и трудовиком В. В. Водовозовым, было посвящено полемике... с летописцем. О характере других доказательств можно судить по примеру, приводимому тем же Водовозовым. В Кракове, говорилось в докладе, в 1491 г. были напечатаны на славянском языке Цветная триодь, Постная триодь, Октоих, Часослов и Псалтирь⁸⁹.

Уклон в историю был совершенно сознательным маневром националистов, цель которого ни для кого не составляла тайны. Во-первых, он должен был отвлечь внимание общественности от существа дела. В данном случае это было тем более желательным, что холмский законопроект в практическом отношении был,

⁸⁷ Там же, стб. 2591.

⁸⁸ А. С. О Холмщине. — «Просвещение», 1912, № 2, стр. 72, 74.

⁸⁹ Там же, стр. 72; В. Водовозов. Холмский вопрос. — «Запросы жизни», 1911, № 9, стб. 515.

по выражению цитированной нами статьи в большевистском журнале, «очевидной ненужностью»⁹⁰. Не было ни одной меры, и это отмечалось в думских прениях, которую правительство не могло бы провести в Холмщине без выделения ее в особую губернию, так как основные устои жизни края, сложившиеся исторически, законопроект совершенно не затрагивал (землевладение, сервитуты, кодекс Наполеона, календарь и др.), и решение этих вопросов царизм откладывал на неопределенное время.

Кроме того, перенос центра тяжести в споре о Холмщине на историю русско-польских отношений давал возможность правоокаябристскому большинству Думы превратить обсуждение законопроекта в очередную травлю польского народа для раздувания шовинизма и национализма, что в конечном счете и было главной целью всех националистических акций царизма и Думы.

Несмотря на грубость приманки, польское коло, не задумываясь, пошло на нее. И дело здесь заключалось не в отсутствии проницательности, а в классовой природе членов коло, которые были такими же яркими националистами, как и их противники, и которые с историей обращались точно так же, как Чихачев и ему подобные.

В связи с этим следует отметить, что при обсуждении холмского законопроекта в Думе основным методом борьбы коло стало не столько разоблачение законопроекта как такового, сколько косвенная обструкция, затяжка обсуждения с таким расчетом, чтобы он не успел быть принятым до конца сессии, т. е. до конца полномочий Думы. Именно с этого начало коло свою борьбу в Думе против законопроекта.

23 ноября 1911 г. председательствующий поставил на голосование заявление группы депутатов, в котором предлагалось прервать обсуждение законопроекта о введении Городового положения в Царстве Польском и взамен него на следующих двух заседаниях начать обсуждение холмского законопроекта (в пятницу и субботу), а в понедельник вернуться к постановочному обсуждению первого законопроекта. Предложение, конечно, было принято⁹¹. Епископ Евлогий мотивировал необходимость его принятия в следующих выражениях: «Я, гг., горячо прошу Государственную думу послезавтра, в пятницу, поставить на повестку и приступить к рассмотрению холмского законопроекта. Дальнейшее его оттягивание было бы равносильно его отклонению. А отклонение равносильно было бы совершенному погребению русской Холмщины»⁹².

Однако следующее заседание, 25 ноября, согласно требованию думского «Наказа» (§ 118), началось не с обсуждения холм-

⁹⁰ «Просвещение», 1912, № 2, стр. 71.

⁹¹ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2522, 2526—2527,

⁹² Там же, стб. 2523.

ского законопроекта, а с рассмотрения заявления 37 членов Думы, в котором предлагалось в отмену постановления Думы от 28 марта 1911 г. доклад Комиссии по направлению законодательных предположений по законопроекту передать на заключение Комиссии по местному самоуправлению. Поляк Гарусевич напомнил, что это заявление было подано именно 28 марта ⁹³.

В обоснование заявления лидер коло Дымша привел следующие доводы. Дума 19 мая 1909 г. решила передать законопроект в обе упомянутые комиссии. 24 марта 1911 г. председателю Думы было подано заявление за подписями председателей обеих комиссий, в котором они ходатайствовали об освобождении Комиссии по местному самоуправлению от дачи заключения как совершенно излишнего, тем более что Комиссия по направлению законодательных предположений уже заканчивает свою работу. В заявлении выражалась просьба рассмотреть его возможно скорее. 28 марта постановлением Думы это предложение было принято. В действительности же, указывал Дымша, рассмотрение законопроекта было закончено в данной комиссии только 28 октября. Кроме того, и это главное, председатели комиссий Н. И. Антонов и Балашов подали свое заявление келейно. Он, Дымша, будучи заместителем председателя Комиссии по направлению законодательных предположений (т. е. Антонова), ничего об этом заявлении не знал. Не знал о нем и заместитель Балашова. Комиссия по местному самоуправлению законопроект вообще не рассматривала. Таким образом, вопрос разрешен и формально, и по существу неправильно, и поэтому необходимо законопроект с повестки дня Думы снять и вернуться к первоначальному решению от 19 мая 1909 г. ⁹⁴

Гарусевич также упирал на формальную сторону вопроса. Антонов и Балашов, подчеркивал он, не ставили поднятого ими в заявлении вопроса на обсуждение своих комиссий. Оба они заявили, что подписали его как члены Думы, но подписались как председатели комиссий. В первом случае полагалось собрать под заявлением, чтобы оно могло быть поставлено на обсуждение Думы, не менее 30 подписей, во втором — заявление должно было пройти через комиссии. Дальше шла жалкая, чисто кадетская уловка. Законопроект только выиграет, убеждал Гарусевич националистов и октябристов, если будет обсужден в большем числе комиссий. Если их беспокоит вопрос о времени, то и здесь есть выход: назначить Комиссии по самоуправлению определенный срок и т. п. ⁹⁵

Правый С. В. Воейков 2-й усмотрел в заявлении поляков «обычную систему оттяжки разрешения холмского вопроса» ⁹⁶.

⁹³ Там же, стб. 2571.

⁹⁴ Там же, стб. 2573—2574.

⁹⁵ Там же, стб. 2577—2579.

⁹⁶ Там же, стб. 2580.

Епископ Евлогий завопил о «польской обструкции»⁹⁷. Прогрессисты, кадеты и трудовики выступили в поддержку заявления коло⁹⁸.

Решение вопроса, как всегда, зависело от голосования октябристов. Взявший слово «левый» октябрист Глебов сделал от имени своей фракции краткое и весьма выразительное заявление. «Я и мои политические друзья, — сказал он, — будем голосовать против... предложения (Дымши.— А. А.)». Он признает правоту формальных доводов Дымши и Гарусевича, но это не имеет никакого значения, потому что если бы Дума решила их принять во внимание, то она просто пересмотрела бы свое решение от 28 марта 1911 г., т. е. постановила бы не передавать законопроект в комиссию Балашова, ограничившись одной комиссией Антонова. А раз так, не нужно ради соблюдения формальностей терять время⁹⁹. Заявление 37-ми было отвергнуто¹⁰⁰, и Дума приступила к обсуждению холмского законопроекта.

Сущность правительственного законопроекта сводилась к следующему. Из восточных частей Седлецкой и Люблинской губерний образовывалась новая губерния — Холмская — в составе Белгородского, Бельского, Влодавского, Грубешовского, Томашовского и Холмского уездов. Седлецкая губерния при этом упразднялась, ее западные уезды, за исключением Венгровского, передавались Люблинской губернии. Границы Холмской губернии фиксировались специальной картой. Те части уездов, которые остались за пределами границ, указанных на карте, распределялись между другими уездами, причем не целиком, а также частями, вплоть до частей гмин. Из части Замостского уезда и северо-западной части Белгородского уезда (Люблинская губерния) образовывался новый уезд — Щебрешинский.

Управление Холмской губернией в военном и вероисповедном отношениях оставлялось неизменным. В общем порядке управления Холмская губерния передавалась киевскому генерал-губернатору. В судебном отношении она присоединялась к округу Киевской судебной палаты. Все действовавшие в крае законы, судебное устройство, правила судопроизводства и пр. сохранялись. Польское и еврейское землевладение ограничивалось.

Комиссия по направлению законодательных предположений пошла еще дальше, чем Министерство внутренних дел, признав «возможным довольно значительно отодвинуть границу губернии на запад»¹⁰¹, т. е. признала нужным сделать то, что даже ведомство Столыпина считало невозможным. Кроме того, она сочла

⁹⁷ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2583.

⁹⁸ Там же, стб. 2581, 2587—2588.

⁹⁹ Там же, стб. 2584.

¹⁰⁰ Там же, стб. 2591.

¹⁰¹ Там же, стб. 2605.

необходимым назначить точный день введения в действие будущего закона (1 июля 1912 г.) с тем, чтобы подчеркнуть его срочность, тогда как в правительственном проекте срок вообще не указывался.

Вместо власти киевского генерал-губернатора комиссия предложила подчинить проектируемую губернию непосредственно министру внутренних дел. Мотивировалось это прежде всего тем соображением, что, во-первых, должность киевского генерал-губернатора вообще сделалась излишней, так как, во-первых, три губернии, входящие в генерал-губернаторство (Киевская, Волынская и Подольская), почти ничем не отличаются от соседних губерний, где нет исключительной власти, а существует обычная губернаторская власть, которую генерал-губернатор ослабляет; во-вторых, для генерал-губернаторской власти в силу ее исключительных полномочий характерна в известной мере субъективная, личная политика, отрицательно сказывающаяся на стабильности и преемственности политического курса в крае, подчиненном генерал-губернаторской власти. Каждый новый генерал-губернатор накладывает отпечаток своей личности на управление вверенной ему области.

Выраженное здесь беспокойство по поводу ущемления интересов центральной власти (как известно, генерал-губернатор подчинялся не правительству, а царю), на самом деле было совершенно минимым. Наоборот, за ним крылось стремление черносотенных организаций усилить свое влияние на правительственную власть в лице губернаторов. По отношению к генерал-губернаторам, обладавшим опрошной властью, это было сделать гораздо труднее. Именно этим объясняется непонятная на первый взгляд нелюбовь правых к генерал-губернаторской власти как таковой, которая нашла свое выражение, помимо выступлений в Думе, в законодательном предположении 40 членов Думы от 28 ноября 1908 г., предлагавшем упразднить должности Киевского и Степного генерал-губернаторов. Именно на него и ссылалась комиссия, аргументируя свое предложение.

Комиссия исключила также из правительственного законопроекта ограничения в отношении польского и еврейского землевладения. Свое решение она мотивировала отнюдь не либерализмом, а почти полным отсутствием в крае русского частного землевладения, что лишало эти ограничения всякого практического смысла.

Два аргумента в докладе Чихачева являлись решающими, так как на них, собственно, строилась вся защита холмского законопроекта. Они неизменно фигурировали во всех объяснительных записках правительственных инстанций и самой комиссии, в речах сторонников законопроекта и т. д. Все остальные доводы по отношению к этим носили вспомогательный, второстепенный характер.

Первый аргумент сводился к тому, что численность «русского» (т. е. украинского) населения в крае надо определять не по религиозному признаку, как на этом настаивали поляки (в частности, Дзевульский в своей упомянутой выше работе), а по этнографическому. Католик еще не поляк, важно, каково его этническое происхождение, — вот мысль, которая на все лады развивалась националистами и правительством. «Несомненно, — указывал Чихачев, — одним фактом перехода из православия в католичество русская народность никоим образом утрачиваться не может»¹⁰².

Ссылаясь на академика Соболевского и перепись 1897 г., Чихачев объявил «русскую народность» в Холмском крае преобладающей, исчислив ее в 450 тыс. человек¹⁰³.

Второй аргумент был связан с предполагаемым введением в Царстве Польском земского и городского самоуправления. «Комиссия по направлению законодательных предположений, — говорил Чихачев по этому поводу, — пришла к заключению, что выделение Холмского края представляется необходимым как в интересах коренного русского населения этого края, в целях предупреждения его ополячения, так и в интересах Царства Польского, ввиду необходимости введения в нем земского и городского самоуправления, а также и других реформ. Можно рассчитывать, что доколе будут опасения, что земская и городская реформы отзвучат в высшей степени печально на судьбе русского Холмского края..., до этого времени можно полагать, что введение земского и городского самоуправления встретит много противников. Единственный способ облегчить введение земского и городского самоуправления — это выделить русскую часть Царства Польского из его пределов»¹⁰⁴.

В переводе на более понятный язык мысль Чихачева сводилась к следующему: хотите вы, поляки, получить самоуправление — соглашайтесь на выделение Холмщины. Иначе мы его вам дать не можем, ибо это самоуправление будет по своему характеру польским (а мы на это согласны) и в силу этого станет дополнительным могучим фактором ополячивания Холмщины.

Таким образом, счет за Городовое положение был предъявлен польскому колу немедленно, и всем было ясно, что цена этого счета — потеря права критиковать холмский законопроект.

В заключение своего доклада Чихачев от имени комиссии предложил формулу перехода, которая по своему содержанию была очень близка к программе, изложенной в цитированной выше брошюре Истомина. Образование Холмской губернии, указывалось в формуле, — лишь первый шаг в системе культурных

¹⁰² Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2599.

¹⁰³ Там же, стб. 2600—2601.

¹⁰⁴ Там же, стб. 2604.

и экономических мероприятий, которые должны последовать вслед за ним. В числе будущих мер перечислялось открытие училищ, библиотек, читален; учреждение землеустроительных комиссий; широкое развитие в губернии деятельности Крестьянского банка; введение самоуправления «при неперемennom условии ограждения интересов русского населения» и т. п.¹⁰⁵

Речь министра внутренних дел А. А. Макарова была явно рассчитана на одобрение правой части Думы, перед которой новый министр внутренних дел хотел показать себя достойным преемником Столыпина. Судя по аплодисментам и крикам «браво» и «верно» с правых и октябристских скамей, он вполне достиг своей цели. И действительно, одобрение было вполне заслуженным.

Законопроект о Холмщине, начал Макаров, «вызвал к себе крупнейшее внимание» в стране и за границей. «Внимание этому законопроекту оказала и английская, и американская печать, и в особенности печать славянская, чешская, хорватская и словенская». «За рубежом поднялись протесты... Предъявлялись упреки и указания на то, что законопроект о Холмщине является чуть ли не попыткой произвести четвертый раздел Польши». Перечислив все эти протесты, Макаров дал на них следующий ответ: «Все такого рода указания и протесты с несомненностью должны быть признаны не относящимися к делу, вас занимающему, и являются агитационным средством, старающимся преувеличить значение этой меры, которая в действительности есть не что иное, как одна из мер изменения порядка управления в небольшой даже части нашей необъятной России».

Начав с этой мысли, Макаров ею и кончил свою речь, только выразил ее еще более ясно. «Вам предстоит доказать, гг. члены Государственной думы,— заявил он,— что Польша есть лишь одна из составных частей единой России...» В соответствии с этим Макаров предпочитал говорить не о Польше, а о Привислинском крае. Доводы в защиту законопроекта Макаров выдвигал те же самые, что и Чихачев. Прежде всего он, конечно, сослался на перспективу введения в Польше земского и городского самоуправления. «С одной стороны, будет крупное польское землевладение..., все католические ксендзы, а с другой — экономически зависимое, мало культурное, слабое русское крестьянство края. Я прихожу к убеждению, что этой слабой стороне необходима правительственная поддержка, и такой поддержкой должен явиться обсуждаемый вами законопроект. Он имеет в виду защиту искони русского населения Забужья от польско-латинского засилья». Дальше шли ссылки на работы Францева и Соболевского, статистические данные губернаторов и т. д. Не были забыты и «летописные указания и предания»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Там же, стб. 2606—2607.

¹⁰⁶ Там же, стб. 2608—2610, 2613—2617, 2620.

В своей речи епископ Евлогий использовал против коло прежде всего ее поведение во время обсуждения законопроекта о введении Городового положения в Царстве Польском. Поляки, заявил Евлогий, ссылаются в своих выступлениях на манифест 17 октября, провозгласивший равенство независимо от национальности и вероисповедания. «Если бы это заявление,— продолжал он со всем злорадством и ядом, на какие был способен,— было сделано представителем партии Народной свободы, я бы это совершенно понял, но вы помните, что вчера еще от имени польского коло депутатом Яронским было заявлено, что евреям равноправия в области городского самоуправления отнюдь давать не следует, с точки зрения польского коло... Когда касается других, они не прочь согнуть в бараний рог не только еврея, но и русского мужа (Рукоплескания справа)».

Разумеется, в речи фигурировала ссылка и на будущее самоуправление в Польше, которое в Холмщине, если ее не выделить, «передаст окончательно все нити жизни в польские руки». Вместе с тем Евлогий был вынужден говорить о «катастрофе» 1905 г., признать, «к своей скорби и к своему стыду», поражение, понесенное официальным православием, хотя «до 300 тыс. православного русского населения мы сумели удержать в лоне православной церкви».

Глубокая ненависть к польскому народу и полицейско-русификаторская натура «владыки» помешали ему сохранить личину скорбящего пастыря, озабоченного судьбой своей паствы. «Мысль о самостоятельной Польше или по крайней мере о Польше автономной глубоко лежит в сознании польских деятелей»,— указывал Евлогий. Именно поэтому поляки так цепляются за термин «Царство Польское» и выступают против выделения Холмщины. С этим надо покончить. «Термин „Царство Польское“,— в ярости кричал епископ,— является не чем иным, как архаизмом, не имеющим реального значения... Никакого царства польского нет, а есть одно лишь царство русское»¹⁰⁷.

Образцом лицемерия и демагогического ханженства была речь гр. В. А. Бобринского: «Я был в этом крае... неоднократно... Там захватил все мое сердце тот чудный русский народ, борющийся за свою веру и народность в этом крае...» При одной из встреч с этим народом он должен был скрыться, в противном случае он «разразился бы рыданиями...» При другой встрече он «и они проливали слезы (смех слева)» и т. д., в том же духе. Более того, в союзники себе и соратники по холмскому законопроекту тульский граф взял... декабристов и Чернышевского!

То же самое Бобринский сделал и во второй своей речи. «Мы обороняемся, и этим отличается наш национализм от шовиниз-

¹⁰⁷ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2652, 2658—2659, 2662.

ма», — заявил он. Эта не совсем грамотная фраза выражала мысль, что он, Бобринский, и его политические друзья — не националисты, как их пытаются изобразить. Такой «здоровый национализм» был и должен быть присущ не только либералам, но и радикалам всех времен и всех народов. Вот поляки, например, заявили, что для защиты польского характера их городов им нужны курии и мы, националисты, их поддерживали, видя в этом «здоровый национализм». В подтверждение Бобринский сослался на Пушкина, Гоголя, Достоевского, Рылеева и Чернышевского как на так же национально настроенных, как и он, либералов и радикалов¹⁰⁸.

Выступления крайних правых отличались от речей националистов некоторыми характерными оттенками. Они, разумеется, высказались за законопроект, но только потому, что он служил средством унижения и оскорбления польского народа, весьма удачным поводом для очередной травли поляков и провозглашения самых оголтелых русификаторских требований. Практической ценности в законопроекте они не видели и подчеркивали это, тем самым невольно разоблачая его несостоятельность. Вместе с тем они предлагали идти дальше. В этом отношении были очень показательны речи Воейкова 2-го и Г. А. Щечкова.

Первый, так же, как В. А. Бобринский, Стахович и Львов, предпринял путешествие по Холмщине и, по его словам, исходил пешком Седлецкую и Люблинскую губернии. Своими впечатлениями от этого путешествия он поделился с политическими друзьями в Русском собрании еще в апреле 1911 г. Основной его вывод сводился к тому, что западная граница, предложенная думской комиссией (а она, как мы помним, намного отодвигала пограничную линию, предложенную правительственным законопроектом), неудовлетворительна, что надо, ни много ни мало, выделить из состава Варшавского генерал-губернаторства Седлецкую и Люблинскую губернии (целиком, а не только их восточные части) и включить их в Холмскую губернию. Против этого предложения тогда же выступил не кто иной, как сам... Евлогий. Он отлично понимал, что такое усердие не по разуму в корне разрушает всю идею холмского законопроекта, которая как раз и заключалась в признании необходимости максимальной изоляции населения Холмщины от чисто католических территорий. Эту мысль Евлогий выразил в форме признания того, что предлагаемые Воейковым для включения в Холмскую губернию территории являются «почти омертвевшими», т. е. признал их совершенно безнадежными в качестве объекта православно-русификаторского воздействия¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Там же, стб. 2738, 2740; ч. 2, стб. 346, 358—359.

¹⁰⁹ «Холмский вопрос», стр. 498—499.

Тем не менее Воейков снова, на этот раз с думской трибуны, счел нужным повторить свое требование: «Я нахожу такое выделение недостаточным и полагаю, что нужно отодвинуть западную границу и выделить обе губернии, Люблинскую и Седлецкую, из состава Варшавского генерал-губернаторства». Правда, он затем оговорился, что главное — это прежде всего выделить обе губернии, а «соединить в одну новую Холмскую или не соединять и оставить их в теперешнем виде» — это уже вопрос второстепенный¹¹⁰.

Столь же решительно выступил по этому поводу Щечков, причем под свои рассуждения он подвел «теоретическую» базу. Раз мы исходим из того, указывал он, что Польша не более как одна из административных частей Российской империи, ничем не отличающаяся от других административных ее частей, то всякие соображения по части истории, языка, государственных границ совершенно излишни. Сама идея выделения вредна, ибо она исходит из признания Польши каким-то особым национально-историческим организмом, а это признание льет воду на мельницу поляков. «Думаю,— говорил Щечков,— что нам незачем вообще стесняться тем, кто как говорит и кто что исповедует. Раз мы проводим административные границы, то и надо проводить так как того требуют административные нужды». Мысль о «выделении» ошибочна потому, что «не может быть национальности там, где нет государства; пока была Польша, была польская национальность». Выделением «мы создаем фикцию польской национальности, ту фикцию, с которой мы должны бороться. Мы ее сами создаем на свою же голову».

Из всего этого следовал категорический вывод: «Берите линейку и линуйте так, как это требуется, вы на это имеете полное право, вы действуете у себя дома, и вам не перед кем извиняться и приводить в свое оправдание довод, что мы имеем право вести границу так-то потому, что здесь такой-то процент русского населения, а такой-то — польского; это совершенно сюда не идет, все это совершенно лишнее»¹¹¹.

Вместе с тем Щечков потребовал восстановления статей правительственного законопроекта, ограничивающих польское и еврейское землевладение, а заодно и упразднения католического (т. е. григорианского) календаря.

Марков 2-й охарактеризовал законопроект как никчемную, пустую бумажку. Впечатление от карты Холмской губернии таково, говорил он, как будто это «какие-то лохмотья». (Марков имел здесь в виду необычайно изломанные очертания губернии, полученные в результате ее абсолютной искусственности и иллюстри-

¹¹⁰ Ст. от., с. V, ч. 2, стб. 267, 269.

¹¹¹ Там же, стб. 260, 262, 264—265.

рующие эту искусственность.) «Законопроект этот,— продолжал курский депутат,— свидетельствует о нищенстве законодательной мысли, о нищенстве государственной энергии». Законопроект — вредная фикция, и «прежде всего вред от того, что укрепляется ложное учение, будто бы существует какое-то реальное Царство Польское». «Вместо того,— негодовал Марков,— чтобы осадить зазнавшуюся шляхту, иезуитов и ксендзов на свое место, этот законопроект ограничивается исписыванием бумаги, переименованием одной местности в другую, образованием бумажной губернии». «Это не законопроект, гг.,— с пафосом воскликнул он,— это обложка к законопроекту». Он, Марков, готов эту обложку принять, но только с тем, что националисты наполнят ее конкретным содержанием — соответствующими законопроектами в будущем. Он считает также, что эту обложку надо принять, чтобы уничтожить иллюзии о Царстве Польском, которые не только вредны, но и «положительно смешны»¹¹².

С особым неистовством Марков эту тему развил во второй своей речи. «Я хочу поговорить о мумиях»,— заявил он. Египетские фараоны в свое время заблуждались относительно возможности своего телесного воскресения. Надобно разрушить подобную же иллюзию и у поляков. Поэтому «необходимо, быть может, без особой реальной надобности отделить некоторую местность от так называемого Царства Польского и присоединить ее к внутренним губерниям, именно ради того, чтобы в этого идола больше не верили, и для того, чтобы знали, что это мумия, годная для музея, исторический термин, но не нечто реальное, не нечто живое, именно для того, чтобы поляки не заблуждались, а совершенно очевидно видели, с чем они имеют дело. Вот с этих точек зрения и необходимо принять отделение этой Холмской губернии к внутренним нашим губерниям».

Заодно Марков вылил свой пнев на институт генерал-губернаторов, косвенно, но достаточно ясно объяснив причины своего недовольства ими. «Давно пора прекратить эту игру в наместничество, генерал-губернаторство, в эти маленькие дворики, где существуют самозванные маленькие царьки, окруженные инородческой челядью, подвластные этим влияниям, враждебным... русскому государству»¹¹³. Марков 2-й хотел видеть власть на местах, окруженной своими соратниками из «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела», а это было проще сделать в отношении заурядных губернаторов, чем генерал-губернаторов — «маленьких царьков».

Если внимательно проанализировать и сопоставить выступления польских депутатов, то можно обнаружить в них одну общую черту: все они имеют своей основной целью доказать, что законо-

¹¹² Там же, стб. 319—321, 323.

¹¹³ Там же, стб. 2372—2374.

проект о выделении Холмщины негоден прежде всего потому, что он вредит русским государственным интересам. Все остальные доводы в той или иной мере подкрепляли этот главный тезис, исходную тактическую позицию коло. Этот жалкий прием, о котором уже говорилось, заранее обрекал коло на полное политическое поражение, демонстрировал его ничтожество и беспринципность в глазах самого широкого общественного мнения, как польского, так и русского. Особенно показательна в этом отношении была основная речь лидера коло Дымши.

Дымша начал свое выступление с напоминания о том, что идея выделения Холмщины восемь раз решительно отвергалась самыми реакционными царскими сановниками из-за ее полной несостоятельности с точки зрения интересов именно русской «государственности». Последними ее непримиримыми противниками были Дурново и Скалон, причем уже после 17 апреля 1905 г., в 1906 г. .

Следующий довод Дымши такого же рода сводился к указанию на опасность социальной демагогии, проводимой в крае командой Евлогия, на то, что агитация среди холмских крестьян носит не религиозный характер, а аграрный. Народу постоянно внушают, говорил Дымша, «что, мол, если вы будете православными, то тогда вы получите больше земли; это факт, который устанавливается всесторонне (Голоса справа: «это вздор, неправда»)».

Третий тезис предупреждал, что холмский законопроект, который «преследует лишь одну задачу — поставить основание для беспрепятственной твердой и последовательной обрусительной политики в крае», не достигнет своей цели. Более того, результат будет всегда противоположный. «Мерами 1875 г., — говорил Дымша, обращаясь к правооктябристскому большинству Думы, — вы подорвали вашу церковь... если закон этот будет принят, то вы окончательно погубите это дело (Голос справа: «печальник русского дела»)».

Наконец, своим последним доводом Дымша доказывал, что покушение на территориальную целостность Царства Польского невыгодно для русской имперской политики, так как приведет к серьезному обострению русско-польских отношений. Основные законы, указывал Дымша, определяют «политически-правовую обособленность Царства Польского». «Нарушать эти границы в настоящее время значит наносить тяжчайшую обиду национальному чувству и самосознанию поляков», а это в свою очередь означает «расширение той пропасти, которую русское правительство в единении с Государственной думой роет между двумя нациями». «Разрезать живой организм, — угрожал в заключение Дымша, — ломать исторические устои национального сожительства для того, чтобы вызвать острую национальную борьбу на месте..., с этим польское общественное мнение никогда не при-

мирится, и такую меру оно будет всегда считать новым насилием со стороны русского народа и государства»¹¹⁴.

В речи Дымши имелись, конечно, и ссылки на историю, и жалобы на преследования католиков, и указания на фальсификацию статистических данных¹¹⁵, и свое определение национальной принадлежности холмского крестьянства, и т. п., но все они так или иначе были направлены на подкрепление перечисленных выше главных аргументов.

Второй оратор коло, Гарусевич, сделал жалкую попытку доказать, что позиция коло в отношении законопроекта о введении Городового положения в Царстве Польском не может служить моральной основой для защитников холмского законопроекта, расценивающих эту позицию как торг, как уплаченную и принятую цену за Холмщину. Его довод сводился к тому, что законопроект о городском самоуправлении коло не может считать такой ценой, так как эта цена... мала, недостаточна, потому что «многое в этом проекте нас не удовлетворяет». Гарусевич, так же как и остальные ораторы коло, говорил об «акте месги» со стороны холмских деятелей, о «тяжелом ударе» по польской нации, грозил «роковыми последствиями» предпринимаемого «близорукого» шага и т. д.¹¹⁶

Совершенно безудержной в смысле самого крайнего истерично-воинствующего национализма была речь И. М. Наконечного. Он, так же как Гарусевич, сделал попытку разорвать связь между позицией коло по законопроекту о Городовом положении и законопроектом о Холмщине, но вышло у него еще более бесстыдно, чем у его коллеги. «Вы доказываете,— говорил Наконечный,— что выделение тесно связано с обещанным нам городским самоуправлением. Но что же общего между захватом части нашего края и с нашим правом на городское самоуправление?». «Вы хотите,— кричал он,— потопить наше католическое население среди православных и за это предлагаете нам уступки. Разве вы думаете, что есть что-нибудь такое, на что мы взамен могли бы и захотели согласиться? Нет! Мы собственной кровью не торгуем!»

И это говорилось чуть ли не на другой день после того, как коло совершило именно то, по поводу чего так фальшиво негодовал Наконечный. В националистическом угаре Наконечный договорился до того, что заявил, что польские паны никогда не угнетали холмских крестьян, а, наоборот, помогали им. Если же

¹¹⁴ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2636, 2644—2646, 2648—2649.

¹¹⁵ Дзевульский считал, что католиков в проектируемой губернии будет 48,35%, а православных — 33,18% всего населения губернии (С. Дзевульский. Статистика населения Люблинской и Седлецкой губерний по поводу проекта образования Холмской губернии. Варшава, 1909, стр. 39).

¹¹⁶ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2726—2729.

и был гнет с их стороны, то он — ничто по сравнению с тем, что творилось в глубине русского государства. Проведя соответствующие сравнения, Наконечный заключил по этому поводу: «Это лучший ответ на обвинения, бросаемые нам со стороны русских шовинистов, о гнете русского мужика польскими помещиками. Пусть русские помещики похвалятся чем-либо подобным на землях наших с тех пор, как ими владеют дарственным способом или на льготных условиях».

Вместе с тем Наконечный особенно настойчиво и подробно развивал тему о недопустимости и опасности социальной демагогии в Холмщине для самих русских помещиков. Приведя ряд выдержек из сообщений корреспондента «Речи», сопровождавшего депутацию националистов, в которых приводились примеры подобной демагогии, он предупреждал: «Боюсь, чтобы после восторга опьяняющего национализма не было неприятного пробуждения, боюсь, чтобы после громкой национальной свадьбы холмский мужик не потребовал расчетов от родителей своей прекрасной молодой жены».

Закончил свою речь Наконечный истеричными угрозами о том, что «день захвата Холмщины будет еще одним днем большого траура всей Польши», что Подляшье — это польский «Коллизей», «обагрённый кровью мучеников», и т. д.¹¹⁷

Впрочем, с подобного рода концовками считал своим долгом выступить каждый оратор коло. Так, В. Ю. Яблоновский, речь которого не представляла ничего нового по сравнению с предыдущими, закончил ее следующими словами: «Можете быть уверенными, гг., что мы не забудем отторгнутых от нас братьев и не откажемся от того, чтобы в их бедствиях идти к ним на помощь словом и делом... Нас, гг., вызывают к борьбе..., мы от нее не откажемся, — она нас не страшит...»¹¹⁸

В духе изложенных речей выступали и другие члены коло: Жуковский, А. И. Парчевский.

Последнюю попытку не допустить принятия законопроекта коло предприняло при третьем обсуждении, встав, как и вначале, на путь затягивания прений, на этот раз при помощи поправок, которых было около трехсот. Каждые перечислявшиеся в законопроекте уезд, город, гмину поляки предлагали исключить; на каждое название вносилась отдельная поправка. Этот нехитрый и жалкий маневр, конечно, ни к чему не привел. Так, на 80 польских поправок Дума дала 5 минут времени. На этом основании Дымша, сославшись на нарушение «Наказа», потребовал вернуть законопроект обратно в комиссию (заявление 30-ти). Но Евлогий и другие даже и не собирались отрицать, что они нарушают «Наказ». Подняв крик о «возмутительной польской об-

¹¹⁷ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 3131—3132, 3139, 3154, 3158.

¹¹⁸ Там же, ч. 2, стб. 154.

струкции», епископ потребовал не считаться с формальной стороной, а исходить из интересов дела. Его поддержал председатель Комиссии по направлению законодательных предположений Антонов, и заявление 30-ти было провалено¹¹⁹.

Разумеется, коло отдавало себе отчет в том, что громкие слова, обличения, упреки, маневры с поправками и ссылками на нарушение «Наказа» не могли изменить предрешенную судьбу холмского законопроекта. Но ему важно было создать впечатление в польском общественном мнении, что оно не просто боролось, а боролось отчаянно, до конца, цепляясь даже за самые маленькие рубежи обороны. Особенно нужно оно было ему в связи с тем резонансом, который был вызван поведением коло при обсуждении законопроекта о Городовом положении. Но и здесь у коло ничего не получилось. Даже сочувствующая коло польская печать признавала, что единственное реальное оружие, которым располагало коло и которое могло если не остановить, то хотя бы заставить правительство и Думу всерьез задуматься, было бы сложение полномочий, отказ от дальнейшего представительства в Думе.

Газета «Ранний курьер», предложив польским депутатам сложить свои полномочия, писала: «Для quasi — реальной политики по принятии Холмского законопроекта не осталось места в 3-й Думе». Газета, отметив, что холмский законопроект принят голосами националистов и октябристов, с которыми рекомендовались практические компромиссы в порядке «реальной» политики, писала, что «для подобной реальной политики для польских депутатов не осталось никакой почвы», а поэтому своевременно поставить вопрос об их представительстве в Думе. «Отказ польских депутатов от своих полномочий,— писал «Виленский вестник»,— получил бы далеко большее значение, чем вытаскивание из пыли старых бумаг Венского конгресса»¹²⁰.

Но царизм знал, с кем имел дело. За все три года нахождения холмского законопроекта в Думе коло даже не посмело намекнуть, что оно ответит на его принятие сложением депутатских полномочий.

Первый шаг кадетов, связанный с холмским законопроектом, представлял собой довольно значительную услугу... его авторам и сторонникам. Когда 19 мая 1909 г. на повестку дня Думы был поставлен вопрос о дальнейшем направлении законопроекта, социал-демократическая фракция внесла предложение отвергнуть законопроект без передачи его в комиссию. По чисто случайной причине — отсутствию многих правых и октябристских депутатов, так как дело происходило рано утром, это предложение могло бы пройти, если бы кадеты его поддержали. Но они поступили как

¹¹⁹ Там же, ч. 3, стб. 2551, 2555, 2561, 2567.

¹²⁰ «Холмский вопрос», стр. 246, 248—249.

раз наоборот. Милюков «спас дело», отнюдь не с осуждением, а с полным одобрением писал думский обозреватель «Речи» Литовцев, он выступил за передачу законопроекта в Комиссию по направлению законодательных предположений на том основании, что предложение социал-демократов противоречит якобы думскому «Наказу». Что касается коло, то оно, по выражению обозревателя, «растерялось» (между соблазном отвергнуть законопроект и ужасом перед совместным голосованием с социал-демократами) и голосовало по-разному ¹²¹.

Разумеется, принятие Думой предложения социал-демократической фракции не могло иметь какого-либо решающего значения: правоокебристское большинство очень скоро бы приняло нужное ему решение. Тем не менее кадетская услуга, оказанная ему, этим не умалается, перерешение вопроса было связано с определенными процедурными трудностями, а главное с вынужденным для правых и октябристов саморазоблачением: необходимостью открыто продемонстрировать свое истинное отношение к Думе, к принимаемым ею постановлениям.

В комиссии и Думе кадеты выступали против холмского законопроекта по тем же соображениям, которые они выдвинули при обсуждении антифинляндских законопроектов и законопроекта о западном земстве.

Наиболее резко по законопроекту о выделении Холмщины выступил Родичев, считавшийся среди своих коллег наиболее горячим защитником поляков. Первый его аргумент состоял в том, что политика религиозных гонений приводит всегда к результатам, противоположным тем, которые ожидаются. Гонения за последние 35 лет, указывал Родичев, достигли того, «чего не могла достичь Польша во все времена польско-литовского владычества». Гонениями и насилиями «всегда достигаете результатов, прямо противоположных тем, каких вы добиваетесь». «Ваши меры, если они будут приняты и станут законом,— убеждал он сторонников законопроекта,— доведут до другого, они создадут ополчение края...»

Другой основной тезис Родичева — опасность аграрной демагогии. «Латышей,— говорил Родичев,— ловили в православие на удочку земли, и теперь эта удочка закидывается в Холмщине. Гг., русская политика, соблазняя латышей в православие аграрными обещаниями, принесла свои плоды в 1905 г., и смотрите, чтобы русская политика ловли православия на земле не принесла тех же плодов в Холмской губернии».

Третья опасность, которой пугал Родичев сторонников законопроекта, была... украинская опасность. «Но если в Холмском крае возникнет простонародное национальное движение против

¹²¹ «Речь», 20 мая 1909 г.

польских землевладельцев,— предупреждал он,— оно пойдет под другим флагом, оно пойдет под флагом украинства... Это лицемерное движение запнется — это есть тот же порог гайдамаческого украинофильства».

Общая мысль Родичева сводилась к тому, что политика открытой реакции, направленная и против «инородцев», и против русских крестьян и рабочих, приводит к общему недовольству, усугубляемому внешнеполитическими провалами, которые в свою очередь определяются этой неправильной внутренней политикой. Это «игра опасная, гг.,— говорил Родичев,— ... и с точки зрения безопасности (государства.— А. А.) она недопустима»¹²².

Эту же мысль в основном развивал и Маклаков. «Если мы начнем лечить неверным путем,— формулировал он свой главный тезис,— то мы не только не излечим одной болезни, но найдем нашим лечением другую». В связи с этим Маклаков сделал признание, которое стоило многих его речей. «Пять лет назад,— говорил он,— мы обещали в адресе государю, что мы водворим правовой порядок в России, и, гг., мы этого не сделали, и мы находимся теперь в состоянии такого произвола и беззакония, что нужна фанатическая вера в силу представительных учреждений, чтобы не сказать теперь, через пять лет, что лучше жилось при прежнем режиме, чем живет теперь (Рукоплескания слева и справа)». III дума, продолжал он, кончает свою деятельность, «никого не успокоив», «мы кончаем хуже разделенными на партии, нежели начали»¹²³.

Речь Бабянского, хотя он и был признанным кадетским специалистом по польским делам, не содержала ничего, заслуживающего внимания.

Украинский вопрос как таковой в связи с Холмщиной был затронут двумя кадетскими ораторами: А. И. Никольским (Одесса) и И. В. Луцицким (Киев).

В комиссии, где обсуждался холмский законопроект, указывал Никольский, не было ни одного украинца, хотя большинство населения Холмщины — украинцы. Далее он сообщил, что консультировался по обсуждаемому вопросу с профессорами-украинцами Грушевским, И. А. Линниченко и А. Я. Ефименко, затем снесся с одной украинской культурно-политической организацией, говорил с частными лицами, знающими край, и все они настроены не в пользу поляков, которых считают угнетателями и эксплуататорами. Принципиально все эти деятели признают выделение Холмского края из Царства Польского разумным. Но не так, как это предлагает законопроект, и не в настоящий момент, крайне неудобный, приводящий к усилению националистических

¹²² Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 3160—3161, 3165, 3169, 3173.

¹²³ Там же, ч. 2, стб. 647, 657.

страстей. Только один Грушевский полагает, что даже в таком виде выделение представляет собой «шаг вперед» в борьбе с натиском полонизма, все остальные против выделения¹²⁴.

Таким же заметным диссонансом к речам своих коллег была речь Лучицкого, критиковавшего холмский законопроект с позиций украинского буржуазного национализма. Объявив себя сторонником выделения Холмщины на базе опроса населения, Лучицкий далее заявил, что законопроект его не устраивает потому, что в смысле гарантий этому населению он «буквально не дает ничего»¹²⁵. Задачу спасения края от ополячения он признавал нужной и важной, но не видел в законопроекте гарантий против обрусения. «Да, я считаю,— говорил Лучицкий по этому поводу,— что такого рода задача чрезвычайно важна и чрезвычайно необходима, потому что со стороны самого населения стремление к этому есть». Но что произойдет, если завтра Холмщина будет выделена? «Разве есть здесь (в законопроекте.— А. А.) постановление относительно свободы проповеди на малорусском языке, понятном населению, устройства школ, в которых должны учить на малорусском языке?» Наоборот, в законопроекте объявляется, что «это— великорусское население и его нужно окончательно обрусить». Лучицкий заявил, что в силу этих причин, сводящихся к отсутствию указанных им гарантий, он будет голосовать против законопроекта¹²⁶.

Речи Никольского и Лучицкого имели такие оттенки, которые можно было согласовать с официальной позицией кадетской партии по украинскому вопросу с большим трудом. Скорее можно констатировать обратное — известное расхождение. В подтверждение сошлемся на упоминавшуюся выше статью Погодина. Автор выражал сильнейшее беспокойство по поводу того, что холмские деятели разбрасывали среди населения прокламации пресловутого Васьки Ткача, написанные на украинском языке. Таким образом, делал вывод Погодин, обращаясь к населению на его языке, по-украински, эти деятели сами пропагандируют «украинофильство». «И что же получится в конце концов? — вопрошал он.— Расцвет украинства, союзного в Холмщине с поляками и одинаково с ними тесного. Вместо присоединения окажется все, что нужно, для полного отчуждения»¹²⁷. Правда, далее автор ратовал за то, чтобы развивалось «украинство» дружественное, а не враждебное России, но нетрудно понять, что это пустая фраза, сказанная в духе Струве. Тот факт, что подобная точка зрения была изложена на страницах «Русской мысли», а не «Речи», не имеет значения: как уже нам

¹²⁴ Ст. от., с. V, ч. 2, стб. 1825.

¹²⁵ Там же, стб. 466.

¹²⁶ Там же, стб. 467, 469.

¹²⁷ А. Погодин. Польские настроения и дела, стр. 192—193.

хорошо известно, то, что было у кадетов на уме, у «Русской мысли» было на языке.

Прогрессисты, как и кадеты, выступили против законопроекта. Но их аргументация несколько отличалась от кадетской. Прогрессисты полностью соглашались со сторонниками законопроекта в том, что он совершенно правомерен, что принципиально допустим такой подход к любой местности страны. Таким образом, они другими словами говорили то же самое, что говорил Щечков и ему подобные. Их возражения шли исключительно по линии целесообразности. «Мы бесспорно признаем,— говорил гр. Уваров от имени фракции,— что все Забужье, Холмщина, Царство Польское, все вместе, бесспорно, составляют только часть Российской империи, над которой законодательные палаты в пределах своей власти могут делать все, что могут делать над всеми другими частями Российской империи; нам весь этот балласт исторический, этнографический, статистический не нужен. Нужно просто свести вопрос к тому, для чего делается это, для чего делается новая губерния? Мы нисколько не сомневаемся в нашем бесспорном юридическом праве сделать новую губернию, выделить ее из Царства Польского и присоединить к другому генерал-губернаторству, куда хотите». Нужно решить другой вопрос, а именно: нужна ли новая губерния? Ответ давался отрицательный по трем соображениям.

Во-первых, новая губерния будет неудобна и невыгодна для ее населения. В Люблине проживает 62 тыс. человек, в Седлеце — 23 тыс., а «паршивый городишко Холм» насчитывает всего лишь 17 тыс. жителей, из которых 7 тыс. евреев, 4 тыс. католиков и 6 тыс. «русских». Выгоду от превращения Холма в губернский город получит только граф Лидерс, на земле которого будут возводиться здания для губернских учреждений, да дельцы, которые будут строить эти здания. Город совершенно пустует. За всеми покупками надо будет ехать в Люблин или Седлец. Жители северной части новой губернии смогут попасть в Холм только через эти города.

Во-вторых, «с точки зрения государственной обороны выделение Холмской губернии из состава губерний Варшавского генерал-губернаторства крайне вредно и крайне опасно».

В-третьих, новая губерния совершенно не нужна в административном отношении, так как ничего собственно не меняет. Любые меры, какие захочет, указывал Уваров, власть может применить и к теперешней Холмщине, для этого вовсе не требуется никакой административной ломки. В довершение всего, говорил Уваров, непригодны методы, которыми националисты хотят разрешить «русское дело» в Забужье, они слишком грубы и примитивны и ведут к обратным результатам¹²⁸.

¹²⁸ Ст. от., с. V, ч. I, стб. 2694, 2701, 2707.

Эту же тему развивал и Львов: «Я признаю бесспорным, что в этом крае происходит полонизация русского населения (Голос справа: «браво!»), и действительно необходимо его поддержать». Но предлагаемые методы — «топором разрубать» вопросы огромной трудности — не годятся. К этому делу «нужно подходить с величайшей осторожностью»¹²⁹.

Правые депутаты-крестьяне от западных губерний проявили к законопроекту о выделении Холмщины гораздо меньший интерес, чем к законопроекту о западном земстве. И это вполне понятно, так как законопроект не представлял для них практического значения. Тем не менее в их позиции отразились те же настроения и та же путаница, которые царили в головах западных крестьянских депутатов по национальному вопросу вообще, по польскому вопросу особенно. Примером этому служит краткая речь крестьянина Витебской губернии Амосенка, мотивировавшая его голосование за переход к постатейному обсуждению.

Амосенок заявил, что он будет голосовать за переход к постатейному чтению, хотя и является противником выделения Холмщины. Позиция же его определяется тем, что он хочет убедиться в искренности заявлений крайних правых о том, что они стремятся помочь холмским крестьянам. Он посмотрит, дадут ли правые холмскому крестьянину землю, хотя бы не сейчас, а потом, а также права и мелкую земскую единицу¹³⁰.

В другом своем выступлении Амосенок потребовал восстановления 12-й статьи правительственного законопроекта, которая ограничивала полякам возможность покупки в будущей губернии земли. Комиссия, отклонившая эту статью, заявил Амосенок, работает на поляков. Правительство внесло законопроект более либеральный, чем комиссия. Если будет отклонена 12-я статья, «то я, конечно, вынужден буду голосовать в целом против всего законопроекта, ибо я не нахожу в этом законопроекте ни малейшей пользы для крестьян; я только нахожу одно разжигание страстей между двумя национальностями». «Наша Россия, — продолжал Амосенок, — не должна называться каким-то Царством Польским, княжеством Финляндским и т. д.». И тут же фраза: «Ни одна вера, не забывайте этого, кнутом не удерживается». Далее он возвратился к своей основной теме: «Если вы хотите поддержать религиозную нравственность крестьян», то за счет казны для «не имеющих земли, малоземельных холмских крестьян покупайте землю, и тогда каждый крестьянин скажет: зачем мне быть поляком, когда мне гораздо лучше быть православным, больше имущественных прав и преимуществ»¹³¹.

¹²⁹ Ст. от., с. V, ч. 2, стб. 510.

¹³⁰ Там же, стб. 721—722.

¹³¹ Там же, стб. 2849—2850.

Чрезвычайно любопытными и показательными были выступления бессарабского крестьянина Гулькина. В отличие от Амосенка он высказался против перехода к постатейному чтению, т. е. объявил себя противником законопроекта. Самым интересным в его выступлениях было то, что он отвергал законопроект не с либеральных и тем более не с демократических, а с националистических позиций, что он специально и неоднократно подчеркивал.

«Гг. члены Государственной думы,— начал Гулькин одну из своих речей,— меня нельзя заподозрить в левизне. Вы знаете, гг., когда обсуждался законопроект о Финляндии, я голосовал за законопроект сознательно... Финляндия зарвалась в своей обособленности, и я считал, что ее надо немного осадить». Выдав, таким образом, самому себе, и с полным основанием, националистический аттестат, Гулькин далее заявил, что холмский законопроект — «обман». «Гг.,— говорил он, обращаясь к правой части Думы,— почему вы не были в состоянии образовать губернию из той половины Сахалина, которую вы отдали японцам, почему вы не образовали губернию в Маньчжурии, когда обещали забросать шапками и рукавицами японцев? Сколько миллиардов рублей контрибуции вы отдали японцам, сколько сотен тысяч потеряли вы храбрых русских воинов? Вы построили г. Дальний и отдали его японцам, а теперь вы хотите открыть Америку? Кого вы обманываете? Пройдет ваше время, настанет пора, когда народ вас устранил от таких дел. Они, националисты, видят, что Япония аннексировала Корею, а Китай приобрел Тибет, Турция захватывает Урмию, а Австро-Венгрия захватила Боснию и Герцеговину. А наши националисты, что же, разве останутся в хвосте? Нет, давайте и они что-то устроят. Вот они, важные дипломаты, устроили выделение Холмщины». «Я больше националист, чем все правые, которые сидят здесь»,— заявил Гулькин, объясняя свою позицию и выражая досаду и обиду по поводу того, что «такая уж наша несчастная Россия, что у нас нет того, что есть за границей. Небольшая Германия по сравнению с населением России рождает Бисмарков, а лоскутная империя, как Австрия, рождает гр. Эренталей, которые водят за нос наших дипломатов. А у нас что рождается? Сеятели междоусобий на радость соседей-врагов»¹³².

Если официальный национализм терял таких своих сторонников, как Гулькин, то это означало, что дела его были действительно плохи. Ценность речей Гулькина именно и состояла в том, что они были очень важным характерным симптомом прогрессирующего падения национализма.

¹³² Там же, стб. 1980—1982. Выделения хотят украинцы, говорил Гулькин в другом своем выступлении, а это «очень нежелательно великороссам» (там же, стб. 1914).

От трудовиков по холмскому законопроекту выступили Булат и К. М. Петров 3-й, который зачитал заявление, выражавшее отношение фракции к законопроекту. Речь Петрова была намного сильнее и последовательнее с точки зрения демократизма речи Булата.

Как великоросс, начал Петров свою речь, он заявляет во всеуслышание с думской трибуны, что «для великорусского населения подобное националистическое законодательство не только не принесет пользы, но принесет громадный и надолго непоправимый вред... Коренное русское население совершенно не желает ничьих притеснений...» Националисты, продолжал Петров, произносили звучные фразы в защиту галицийских русинов, а вспомнили ли они о том, «как наше великорусское население несет на себе иго современных башибузуков и что их положение куда хуже, чем в Галиции?» Разве был случай, чтобы Бобринский выступил в защиту коренного русского населения от произвола, а Евлогий и отец Юрашкевич — против смертных казней?

В заявлении трудовиков сначала излагалась их позиция по национальному вопросу вообще: «полное уравнивание всех без исключения населяющих Россию народов»; «сохраняя неприкосновенным единство и целостность государства», предоставить каждой народности право самоопределения в вопросах языка и национальной автономии; основы автономии определяются национальными представительными учреждениями, созываемыми путем всеобщих выборов, а затем утверждаются всероссийским представительным собранием.

Во второй части заявления, непосредственно касавшейся холмского законопроекта, говорилось, что население в крае не русское, а украинское, что законопроект представляет собой «акт грубого лицемерия», так как население Холмщины страдает не от национального и религиозного угнетения, а от мало-земелья и бесправия. Действительная цель законопроекта — доставить выгоды местным чиновникам и духовенству «и возбуждением национальной и религиозной розни отвлечь внимание от его (населения.— А. А.) действительных нужд...» Исходя из этих соображений, фракция высказывалась против законопроекта¹³³.

Позиция социал-демократической фракции по вопросу о разделе Холмщины наиболее полно и удачно была выражена в речи Покровского.

Законопроект, говорил Покровский, «является праздником для гг. националистов третьей Государственной думы. Это их детище, ими выношенное». «Русский национализм,— продолжал

¹³³ Ст. от. с V. ч 2, стб. 605—610.

он,— к народу русскому, к демократическим массам относится со всей ненавистью, как и ко всей демократии — будь она русской, великороссийской, малороссийской, польской, литовской и еврейской... Заверение в любви своей к русским... им нужно для того, чтобы открыть себе путь травить другие национальности». На самом деле они любят из русских только 130 тыс. помещиков. Что касается 30% выделяемых «русских», то они не великороссы, а украинцы, над которыми чинили насилия в течение столетий как католицизм, так и православие. Разоблачая крики националистов о польском экономическом гнете, Покровский говорил: смешно толковать об этом русским помещикам, веками осуществлявшим крепостной гнет. Отмечая, что церковь и власть действуют заодно, Покровский воскликнул: «И теперь под рясою епископа бьется сердце генерал-губернатора, и устами преосвященного говорит министр внутренних дел».

Сильной стороной речи Покровского было разоблачение наряду с русскими националистами и октябристами националистов и октябристов польских. Холмские крестьяне, подчеркивал он, будут обеспечены в своих нуждах только тогда, когда сбросят как Бобринских, Чихачевых и Евлогиев, так и польских националистов, которые от первых ничем не отличаются. «Ведь только вчера,— напомнил он,— они вместе с русскими националистами проводили систему насилий над национальностью, над еврейством». Польские пролетариат и демократия «оценивают их по достоинству». «За свое постоянное заигрывание с русскими националистами польское коло преподносит польскому народу в качестве своего завоевания закон о городском самоуправлении в Царстве Польском. Но я думаю, что демократия не поблагодарит их за этот дар, потому что это не завоевание, а плод заигрывания и предательства интересов края, потому что закон о самоуправлении дан им по торгу, как бы взамен законопроекта о Холмщине». Коло рта не раскрыло по законопроекту о Городовом положении, «потому что оно защищает не интересы края и польского народа, а свои групповые интересы, интересы дворянства и польской буржуазии». Коло отказалось от требования политической автономии, в то время как польские пролетариат и демократия продолжают требовать ее. Эта автономия дает всем, в том числе и Холмщине, «культурно-национальную автономию».

По-видимому, последняя фраза была в данном случае неудачной оговоркой, потому что Покровский закончил свою речь приветом холмской демократии и заявлением, что спасение Холмщины лежит в автономии Польши и демократизации государства, которые обеспечат холмскому населению свободу «национального самоуправления»¹³⁴.

¹³⁴ Там же, стб. 233—234, 244—248.

О том, что удар, нанесенный Покровским, попал в цель, свидетельствует ответ на его речь члена коло Жуковского. Уже сам факт этого ответа свидетельствовал о замешательстве и растерянности, так как обычно думские правые, включая коло, предпочитали прямо не отвечать на выступления социал-демократов, делая вид, что они их не замечают и игнорируют.

Именно с этого начал Жуковский. Он заявил, что не стал бы вообще возражать Покровскому, если бы последний «не выступал здесь как опекун и симпатик (!) польской демократии и не преподавал нам тут уроков польского патриотизма и народной гордости». Главный тезис, которым Жуковский пытался ослабить впечатление от речи Покровского, разоблачавшей политику коло, был не только не состоятелен, но и заведомо лжив. «Не принадлежа сам к польской социал-демократии,—заявил он,—я думаю, что она уже этот уровень политического воспитания переросла, так что едва ли когда-либо она будет видеть в таких выступлениях своих представителей и опекунов»¹³⁵.

Чтобы по достоинству оценить это заявление, укажем, что еще в июне 1909 г. Главное управление СДКПиЛ приняло специальную резолюцию по вопросу о выделении Холмищины, опубликованную в «Czerwony Standart», а затем перепечатанную в «Социал-демократе» и «Пролетарии», которая полностью совпадала с позицией русской революционной социал-демократии. Резолюция указывала, во-первых, на то, что законопроект о выделении Холмищины представляет собой акт произвола в отношении нескольких сот тысяч поляков Царства Польского, поскольку оно представляет собой культурно-экономическое целое, от которого нельзя механически отсекают отдельные части. В то же время резолюция подчеркивала, что холмский вопрос нельзя рассматривать только как вопрос чисто исторический и территориальный. Мы «требуем,—говорилось в ней,—сохранения административного объединения...» Царства Польского, введения автономии с сеймом и предоставлением демократических прав всему населению.

Коло осуждалось в резолюции самым резким образом за то, что оно «само деятельно подготавливало и собственными же руками создавало новую почву для политики национального гнета вообще и для законопроекта о Холмской губернии, в частности», тем, что голосовало за бюджет всех царских министерств, за заграничный заем, за увеличение числа рекрутов, против признания необходимости отмены смертной казни и др. Мы «клеим» коло и народовцев, говорилось в резолюции, и наравне со Столыпиным приговождаем их «к позорному столбу»¹³⁶.

¹³⁵ Ст. от., с. V, ч. 2, стб. 295—296.

¹³⁶ «Социал-демократ», № 7-8, 1909, стр. 14—15; А. П. Египко. Национальный вопрос в III Государственной думе, стр. 92—93.

В своем ответе Жуковскому Покровский, сославшись на соответствующие заявления польской социал-демократии, разоблачил ложь Жуковского, наглядно показав еще раз, что польские пролетариат и демократия выступают не с коло, а с русской социал-демократией, разоблачающей коло ¹³⁷.

Отмечая в качестве итога, что выход для холмских крестьян был указан в речи Покровского, цитированная выше статья в журнале «Просвещение» подчеркивала: «Характерно то, что в борьбе за Холмщину участвуют элементы, не имеющие ничего общего с интересами „опекаемого“ ими мужика-украинца». Воинствующее православное и католическое духовенство, русские и польские националисты «стремятся изо всех сил закрепить свое культурное владычество над горстью украинцев, затесавшихся волею судеб среди их „вотчин“». То, что «законопроект стремится оградить русское крестьянство в Холмщине от польских и католических влияний», является ложью, так как русских, кроме чиновников и солдат, в крае «нет и никогда не было». На самом деле православные и отчасти католические крестьяне, которых законопроект называет русскими, «принадлежат к украинской национальности». «Теперь,—делался вывод,—их ополячивают, тогда будут русифицировать». Холмские крестьяне никаких выгод от выделения не получают: школа будет русская, «те же крупные и средние помещики-поляки будут сидеть на мужицкой шее, как сидели века», ибо никакой «экспроприации земель не последует». «Не этому жалкому плоду фантазии фанатиков и карьеристов,—говорилось в заключение,—уладить национальные трения, создавшиеся в Холмском крае». И далее следовала ссылка на выступление Покровского ¹³⁸.

Законопроект о Холмщине был принят Думой 26 апреля 1912 г. правооктябристским большинством, за исключением небольшой группы октябристов во главе с фон Анрепом, которая, по заявлению последнего, голосовала против законопроекта по мотивам противоположным, высказанным его противниками, а именно: законопроект ничего не дает русским в Холмщине, это одна обложка, так как все осталось по-старому — кодекс Наполеона, календарь и т. д. ¹³⁹ За законопроект голосовало 156, против — 108 человек ¹⁴⁰. 4 мая законопроект был передан в Государственный совет, а уже 23 июня 1912 г. он был утвержден царем и стал законом.

¹³⁷ Ст. от., с. V, ч. 2, стб. 884.

¹³⁸ «Просвещение», 1912, № 2, стр. 74, 76.

¹³⁹ Ст. от., с. V, ч. 3, стб. 3414—3415.

¹⁴⁰ Там же, стб. 3415. Одновременно 5 июня 1912 г. Дума приняла законопроект «О приспособлении г. Холма к надобностям губернского города», который был утвержден царем 26 июня 1912 г.

Холмский законопроект был последним в ряду националистических законопроектов, принятых III Думой. Срок жизни Думы подходил к концу, и реализация оставшейся части программы национализма, травля других народов России, по необходимости откладывалась до IV Думы¹⁴¹. А она была достаточно обширна. Так, «Окраины России» в новогодней передовой, посвященной задачам национализма в 1912 г., указывали, что «в наступившем году, должно думать, главное внимание будет обращено на наш восток и юг... На первое место выдвигается Кавказ». Дальше говорилось также, что «вопросы дальневосточные теперь выдвигаются на авансцену русской жизни»¹⁴².

В сентябре 1911 г. национально-монархические организации (союзы «Русского народа» и «Михаила Архангела», Русское собрание и Петербургский отдел «Всероссийского национально-го союза») выработали докладную записку, адресованную новому премьеру Коковцову, в которой требовали от него дальнейшего развития националистической политики и принятия новых драконовских мер против евреев, поляков и Финляндии¹⁴³. Уже был внесен правыми провокационный запрос по делу об убийстве Ющинского, т. е. было положено начало «делу Бейлиса».

Но все это не могло скрыть ставшего очевидным главного факта, заключавшегося в том, что расчеты царизма и Думы, связанные с политикой национализма, полностью провалились. Национализм еще в большей степени, чем аграрная политика Столыпина, не оправдал возлагавшихся на него надежд. Националисты не привлекли на свою сторону широкие народные массы, а в этом заключались цель и смысл национализма. За все время своей деятельности, с момента образования и до конца полномочий III Думы, партия националистов не могла сослаться ни на какие завоевания в этой области. Зато фактов, свидетельствовавших о полном равнодушии и презрении масс к новоявленным пророкам национализма, было вполне достаточно. Весьма показательным в этом отношении было прекращение выхода «Окраин России» и «Славянских известий». Еще в 1908 г. редактор первого органа Кулаковский в передовой, озаглавленной «Слово к читателям в конце третьего года жизни „Окраин России“», вынужден был признать, что они, «Окраины России»,

¹⁴¹ В ответ на слова Бабянского «Мы сейчас рассматриваем, вероятно, последний акт этой национальной политики» (холмский законопроект.— А. А.) гр. В. А. Бобринский с места воскликнул: «О, нет, не последний акт!» (Ст. от., с. V, ч. 2, стб. 332).

¹⁴² «Окраины России», 1912, № 1, стр. 2—3.

¹⁴³ «Речь», 20 сентября 1911 г.; «Окраины России», 1911, № 39-40, стр. 533—536.

«по-прежнему, к сожалению, не могут похвастаться широким, в желательном размере, распространением»¹⁴⁴. Хотя дальше шли уверения, что число подписчиков все-таки растет, это было явной ложью, и спустя несколько лет в ней пришлось признаться самым позорным образом: закрытием журнала. «Оканчивается 7-й год издания „Окраин России“ и временно приостанавливается выход нашего еженедельника», — писал тот же Кулаковский в передовой под тем же названием: «Слово к читателям». Правда, и здесь выражалась уверенность, что журнал приостанавливается «временно», но это была жалкая попытка сделать хорошую мину при плохой игре. Больше «Окраины России» уже никогда «не воскресали», как обещал их редактор¹⁴⁵.

«Славянские известия» закрылись еще раньше. «Ввиду изменчившихся как моральных, так и материальных условий, — писал редактор в предпоследнем номере, — я с 1 января 1911 г. сложил с себя обязанности руководителя и редактора журнала „Славянские известия“. Будет ли впредь издаваться журнал, определенных данных у меня не имеется»¹⁴⁶. В последнем номере делалась обычная мина: «Смею поэтому думать, что мы свидетели не похорон единственного в России славянского журнала, а лишь временной его отлучки»¹⁴⁷. К этому надо прибавить, что дело было именно в моральных, а не материальных условиях. Бюджет славянского благотворительного общества, издававшего журнал, был вполне устойчивым.

Сама партия националистов к концу деятельности III Думы продолжала оставаться крайне малочисленной, что с полной очевидностью обнаружилось на ее первом съезде в феврале 1912 г. По сведениям «Окраин России», на съезд, открывшийся 19 февраля, прибыло более 150 делегатов от 83 провинциальных отделов Всероссийского национального союза¹⁴⁸. По сведениям «Речи», их было 60—70 человек, а всего на съезде присутствовало около 200 человек¹⁴⁹. В финансовом отчете, сделанном съезду, было доложено, что в кассе партии имеется всего 59 руб. Партию целиком содержал ее лидер Балашов, и съезд вынес по этому поводу специальное благодарственное постановление¹⁵⁰. Съезд, посвященный в основном предстоявшим выборам в IV Думу, также свидетельствовал о том, что партия не строила себе никаких иллюзий относительно своего влияния в массах. На выборах решено было блокироваться с партиями, стоящими не левее октябристов, за исключением поляков. Принятая избира-

¹⁴⁴ «Окраины России», 1908, № 51-52, стр. 737.

¹⁴⁵ Там же, 1912, № 51-52, стр. 721.

¹⁴⁶ «Славянские известия», 1910, № 5-6, стр. 564.

¹⁴⁷ Там же, № 7-8, стр. 680.

¹⁴⁸ «Окраины России», 1912, № 8, стр. 114.

¹⁴⁹ «Речь», 20 февраля 1912 г.

¹⁵⁰ Там же.

тельная платформа содержала следующие пункты: возвеличение православной церкви; созыв церковного собора; достаточное обеспечение государством духовенства; усиление военной мощи страны; подготовка армии народных учителей, воспитанных в духе религии и любви к родине; подготовка учителей для обучения народа ремеслам; широкое развитие мелкого крестьянского кредита ¹⁵¹. Последние пункты никоим образом нельзя принимать за доказательства реальных расчетов на создание хотя бы в будущем массовой базы национализма. Это была скорее риторика, инерция демагогии, не связанные с каким-нибудь действительно определенным и конкретным замыслом или планом. В довершение всего среди самой партии националистов произошел раскол, о котором речь пойдет в другой главе.

Из этого отнюдь не следует, что политика национализма, угар шовинизма и национализма, распространяемый изо дня в день в огромных масштабах Думой, церковью, черносотенными организациями, правой и либеральной прессой, не имели сколько-нибудь значительных последствий. Наоборот, третьеиюньский период наряду с другими своими отличительными чертами характеризовался также и тем, что в это время национальный вопрос стал одним из коренных вопросов внутренней жизни страны, приобрел большую остроту. Правда, здесь решающее значение имели объективные факторы: экономическое и политическое развитие окраин и связанный с этим процесс становления и развития национальной буржуазии; обострение империалистических противоречий на международной арене, находившее свое идеологическое выражение в лозунгах великодержавного шовинизма, и др., но и субъективный фактор — политика разнузданного национализма — сыграл здесь, конечно, немалую роль.

Не случайно именно в эти годы В. И. Ленину, большевикам пришлось все больше и больше внимания уделять национальному вопросу. С наследством, оставленным третьеиюньской монархией, большевикам пришлось считаться и после Октябрьской революции и с немалым трудом избавляться от него.

И тем не менее главная ставка на национализм как на идеологию, способную вытеснить среди масс идеи демократии и социализма, провалилась полностью. В мелкобуржуазной многонациональной стране, в условиях злейшей реакции, при огромном размахе националистической пропаганды царизму не удалось добиться даже самых скромных успехов. Это было лучшим доказательством того, что в стране не было почвы для «мирного», «конституционного» решения задач, завещанных революцией. О революционное настроение народа разбивались в яростном бессилии одна за другой мутные волны национализма.

¹⁵¹ «Речь», 22 февраля 1912 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАБОЧИЙ ВОПРОС

Глава четвертая

ПРОГРАММА КОКОВЦОВА

КОМИССИЯ КОКОВЦОВА

В течение многих десятилетий царизм упорно отрицал существование в России «рабочего вопроса» в западноевропейском смысле этого слова. Он совершенно не понимал истинного места и роли этого немногочисленного по сравнению с крестьянской массой «сословия фабричных людей», которые казались ему всего-навсего вчерашними крестьянами, готовыми в любой момент бросить фабрику, завод, шахту, чтобы снова вернуться в деревню. Как это ни парадоксально, подобный взгляд разделяла и буржуазия, до самых последних лет ее существования не уставшая твердить на страницах своих печатных органов и в программных выступлениях, что в России рабочий класс далеко еще не сложился.

Именно эта посылка определяла политику самодержавия в рабочем вопросе вплоть до революции 1905—1907 гг. Оно пыталось решить его не на почве буржуазных отношений, а на путях полицейской опеки и казенного охранительного реформаторства, в основе которого лежала идея о надклассовости царской власти, о ее призвании охранять и опекать «слабого» от «сильного».

Этим объясняется и то обстоятельство, что рабочей политикой ведало не Министерство финансов (за исключением фабричной инспекции), которому, казалось, по самому роду своей деятельности надлежало заниматься ею, а Министерство внутренних дел, ведавшее, как известно, и крестьянским вопросом. Пресловутая зубатовщина была не случайным эпизодом и не «счастливой» мыслью главы московской охранки, а закономерным следствием всей политики царизма в рабочем вопросе, господствовавшего у него представления о патриархально-сословной природе русского рабочего класса¹.

¹ Особый журнал Комитета министров 28 и 31 января 1905 г. по этому поводу отмечал: «Основанием к указанному положению (противодействие Министерства внутренних дел законопроектам о страховании рабочих от несчастных случаев и о старостах в промышленных предприятиях, разрабо-

Крах зубатовщины положил конец этой иллюзии и заставил самодержавие пересмотреть принципиальные основы своей прежней политики, сделать попытку решить рабочий вопрос уже на иных, в корне отличных от прежних основаниях. История страховых законопроектов и есть история этой попытки. Смысл ее во многом был аналогичен попытке решить аграрный вопрос при помощи указа 9 ноября.

Так же как и столыпинская аграрная политика, новая политика в рабочем вопросе была одной из составных частей бонапартистского курса царизма, который должен был обеспечить ему переход на рельсы буржуазной монархии.

Формально поворот в рабочей политике был обусловлен известным указом 12 декабря 1904 г., который в числе прочего предписывал правительству «озаботиться» также введением государственного страхования рабочих. На самом деле определяющим фактором явились январские события 1905 г. Это было открыто признано как самим правительством, так и промышленниками.

Поворот в рабочей политике был связан с так называемой комиссией Коковцова, созданной в январе 1905 г. Материалы о ее деятельности опубликованы в указанном сборнике Централархива с предисловием Б. А. Романова и представляют большой интерес для исследователя. Созданию комиссии предшествовал всеподданнейший доклад министра финансов Коковцова от 19 января 1905 г. В нем подвергалась критике политика Министерства внутренних дел в рабочем вопросе и обосновывалась необходимость нового подхода, формулировались основные принципы и задачи.

Коковцов выдвинул против Министерства внутренних дел два обвинения: насаждение зубатовских организаций и попытку отнять у Министерства финансов фабричную инспекцию. Описав неблагоприятные последствия этой политики, он потребовал в качестве предварительного и неременного условия «устранить всякие колебания в деле подведомственности рабочего вопроса на фабриках и заводах и возложить урегулирование

таных Министерством финансов еще при Витте.— А. А.) служил существовавший тогда взгляд на существо рабочего вопроса в России, будто условия фабричной жизни у нас и на Западе совершенно между собой различны. Число рабочих, занятых на наших фабрично-заводских предприятиях, весьма незначительно; благодаря счастливым (!) условиям землепользования большая часть русских рабочих тесно связана с землей и на фабричные работы идет, как на отхожие промыслы, ради подсобного заработка, сохраняя постоянную, живую связь с деревней; никакой систематической борьбы рабочих с предпринимателями в России нет; нет в ней и самого рабочего вопроса, а потому и не приходится создавать по западным образцам фабричного законодательства. Возражать против этого взгляда в настоящее время, после январских событий,— меланхолично заключал журнал,— нет более надобности...» («Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова». М., 1926, стр. 21).

его всецело на финансовое ведомство...» Только после этого надо, «не теряя времени», провести в жизнь ряд законопроектов, часть которых уже разработана Министерством финансов.

Особенно упирал Коковцов на необходимость все проектируемые меры принимать в законодательном, а не в административном порядке, чем именно и занималось ведомство Сипягина и Плеве. В этом и состоял, по мнению докладчика, главный вред их политики. Преследуя созданием зубатовских организаций «исключительно цель ослабления политической пропаганды», а не «улучшения быта рабочих», как прокламировалось при их создании, Министерство внутренних дел стало жертвой собственной демагогии: созданные полицией рабочие общества «вместо ослабления политической пропаганды дали совершенно противоположный результат». Чтобы избежать этого впредь, есть только один выход: «вполне искренно» удовлетворить назревшие потребности рабочего класса «законодательным, а не административным путем...»

Предложенная Коковцовым программа сводилась к следующему.

1) Обязательная организация больничных касс на базе совместных взносов и управления фабрикантов и рабочих.

2) Создание на предприятиях смешанных органов из представителей администрации и рабочих «для обсуждения и разрешения возникающих на почве договора найма вопросов, а также для улучшения быта рабочих».

3) Сокращение рабочего дня с 11,5 часа до 10 часов; для двухсменной работы вместо 21,5 часа (11,5 часа днем и 10 ночью) установить норму в 18 часов (по 9 часов в смену); при трехсменной работе в будущем рабочий день довести до 8 часов; ограничить законом количество сверхурочных работ.

4) Пересмотр статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме.

Последний пункт Коковцов мотивировал неправильностью взгляда на стачку как на нарушение общественного порядка, подлежащее уголовному наказанию. «В сущности всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насилием над имуществом или личностью), — доказывал министр, — есть явление чисто экономическое и, при известных условиях, отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию». Вред противоположной точки зрения, отстаиваемой Министерством внутренних дел, усугубляется еще тем, убеждал Коковцов, что последнее в своей практике весьма расширительно толковало закон, придавая стачкам и забастовкам «значение прямо государственное» и рекомендуя местной администрации бороться с ними преимущественно в порядке Положения об охране.

Совершенно верно, признавал Коковцов, что «преступные учения» находят себе дорогу в рабочую среду. «Но вместе с тем

также верно и то обстоятельство, что подавляющее большинство забастовок проистекает из-за чисто экономических... и, если можно так выразиться, кровных причин, ничего общего с преступной пропагандой не имеющих...»² В доказательство он ссылался на иностранное законодательство о стачках, исходившее именно из признания уголовной ненаказуемости мирных стачек.

В заключение Коковцов просил разрешения царя на то, чтобы намеченные им «предположения» были обсуждены в Комитете министров. Согласие было дано, и 28 и 31 января Комитет обсудил соответствующее представление министра финансов. Его суждения и рекомендации, зафиксированные в особом журнале, были дальнейшим развитием тех положений, которые он обосновывал в своем всеподданнейшем докладе.

Комитет министров отверг как неправильную доктрину об отсутствии в России рабочего вопроса, резко осудил зубатовщину и привел в качестве образца для подражания Бисмарка за то, что он «своевременно» оценил значение рабочего вопроса и изданием соответствующих законопроектов «взял рабочее движение в свои руки».

Полностью согласившись с мнением Коковцова о природе забастовочного движения и высказавшись на этом основании за пересмотр соответствующих статей закона о стачках, Комитет министров заявил при этом, что «для правильного разрешения вопросов о забастовках, возникающих исключительно на экономической почве, необходимо, чтобы рабочие были надлежащим образом организованы и знали точно свои права и обязанности, и что посему поставленный комитетом вопрос об изменении действующих о стачках постановлений должен быть разрешен по существу лишь по обсуждении и выяснении всех прочих мер, определяющих внутренний быт рабочих»³.

Эта мысль об организациях рабочих и определении их прав в качестве предварительного условия при разрешении вопроса о стачках имеет исключительно важное значение для нашего исследования. Как будет показано дальше, именно этот пункт оказался оселком всей проблемы «рабочего вопроса», которую пытались решить в третьиуноньский период царизм и буржуазия.

В соответствии с докладом своего шефа Министерство финансов разработало в качестве материала для обсуждения в комиссии несколько законопроектов, вернее, их основных положений. Революция заставляла спешить, и Коковцов стремился, по-видимому, начать работу своей комиссии как можно скорее. Свою главную задачу на первых порах он усматривал в том,

² «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 11—13, 16.

³ Там же, стр. 22, 29—30.

чтобы договориться с буржуазией. Это доказывалось, во-первых, весьма широким представительством промышленников в комиссии, во-вторых, тем, что провал работы комиссии был вызван именно отказом промышленников сотрудничать с ней. В связи с этим для нас главный интерес представляет оценка выработанных проектов со стороны капиталистов, или, иными словами, характер и причины расхождений между царизмом и русской буржуазией по рабочему вопросу.

Помимо выступлений представителей промышленности в заседаниях комиссии, в цитируемом сборнике опубликовано несколько записок Петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, которые посвящены критическому разбору законопроектов Министерства финансов. Оценки общества вполне можно принять за мнение всей русской буржуазии. Оно, несомненно, играло в то время роль всероссийского выразителя ее интересов. Впоследствии эта роль перешла к Совету съездов промышленности и торговли, возникшему в 1906 г. Но и после этого Петербургское общество заводчиков и фабрикантов, как оно стало вскоре называться, оставалось одним из самых влиятельных совещательных организаций капиталистов.

Записка общества от 12 мая, присланная в Министерство финансов в связи с предстоящими работами комиссии Коковцова, признавала негодными все четыре законопроекта, предложенные ведомством для обсуждения обществу.

Возражения против законопроекта о сокращении рабочего времени до 10 часов сводились к двум основным доводам:

1) Сам факт государственного вмешательства в нормировку рабочего дня принципиально неприемлем. Это не что иное, как прежняя политика, выраженная «в привычном стремлении опекать рабочего как несовершеннолетнего», отрицающая за рабочим «естественное» право свободно вступать в договорные отношения по своему желанию и на любых условиях. В доказательство делалась ссылка на практику западноевропейских государств, где рабочий день был ограничен только для женщин и детей.

2) Принятие законопроекта приведет к тому, что русская промышленность «будет устранена навсегда от какой-либо роли в международном соревновании», так как сокращение рабочего дня отразится на ее производительности самым невыгодным образом⁴.

В специальной записке, посвященной законопроекту, критика носила более детальный характер. Финансовое ведомство обвинялось в том, что оно не давало никакой мотивировки по вопросу о том, насколько предполагаемое сокращение посылит

⁴ Там же, стр. 54—55.

для промышленности. В противовес этому записка подробно доказывала, что 10-часовой рабочий день и сокращение сверхурочных работ погубят русскую промышленность. Ссылаясь и здесь на практику европейских государств, петербургские заводчики доказывали, что там сокращение рабочего дня явилось исключительно результатом технического прогресса, роста производительности труда и выгодной конъюнктуры на международном рынке. Эти условия обязательны и для России, «они не могут быть иные». Проектируемый же закон, «насильственно вторгаясь в ту область, которой руководят неуклонно экономические законы, не может не нарушить экономического равновесия и не вызвать серьезного промышленного кризиса»⁵. Правда, сквозь зубы признавалось, что и в Европе забастовки с требованием сокращения рабочего дня и повышения заработной платы, сплоченность рабочего класса были существенными факторами, «влиывшими на быстроту... эволюции». Но для промышленников европейских стран это облегчалось тем, что рабочие на Западе гораздо «просвещеннее» русских, поэтому они понимали и считались в своей борьбе с указанными экономическими условиями.

Записка доказывала, что единая норма рабочего дня вообще невозможна для всех отраслей промышленности. В одних число рабочих часов должно быть больше, в других — меньше. Единая норма не отменит этого объективного закона дифференциации, поэтому придется вводить новые минимумы рабочего времени в тех отраслях, которые до того имели наименьший рабочий день, а за этим неизбежно последуют требования дальнейшего сокращения в других отраслях. Таким образом будет создан «*circulus vitiosus*» — порочный круг, «а из него исход лишь ценой горького опыта, что промышленность перестает существовать, а рабочие — ею кормиться, и давлением поэтому тех же рабочих на правительство — отменить нормы закона, которыми подорвана возможность существования».

Основной довод со ссылкой на большое число праздников сводился к тому, что русские рабочие работают гораздо меньше, чем европейские. Приведенные расчеты представляли собой грубую фальсификацию, по которой выходило, что рабочий день надо не сокращать, а, наоборот, увеличивать.

Столь же решительно отвергалась идея законопроекта о сокращении сверхурочных работ. Эта мера была объявлена «невыполнимой» на том основании, что «промышленность, работающая не для рынка, а на заказы, каковой является в России почти вся механическая промышленность, без сверхурочных работ существовать не может». Не может потому что, «по положению о казенных подрядах и поставках, казна имеет право увеличи-

⁵ «Рабочий вопрос в комиссий В. Н. Коковцова», стр. 79.

вать размер поставок до 25%», и это отсутствие равномерности в заказах может быть преодолено только сверхурочными работами; другой возможный выход — постоянное сокращение и увеличение числа рабочих — скажется самым невыгодным образом на стабильности контингента рабочего класса и в конечном итоге приведет к росту безработицы.

Но авторы записки шли еще дальше. «Настоящее экономическое положение России вообще,— решительно заявляли столичные промышленники,— и состояние промышленности, в частности, не представляют возможности проводить какие-либо новые законодательные нормы, стесняющие фабрично-заводскую производительность и удорожающие ее стоимость». Основной довод был тот же: «несравненно худшие условия», в которые поставлена русская промышленность по сравнению с промышленностью западноевропейских стран. Далее шел перечень этих условий: низкая производительность труда русских рабочих вследствие отсутствия у них не только технических знаний, но и простой грамотности (что «составит серьезный тормоз на долгое время в сокращении рабочего времени, которого нечем навестать нашему рабочему»), более высокая стоимость оборудования предприятий, необходимость вследствие отсутствия специализации затрачивать на запасы и материалы на 75% больше, чем это имеет место за границей, дороговизна топлива и, наконец, более дорогая провозная плата, приходящаяся на пуд изделий. Все это усугубляется обнищанием сельского населения, сокращением его покупательной способности, кризисом, переживаемым страной из-за войны и «внутреннего неурядства».

Перечисленные условия были использованы также и для того, чтобы авансом откrestиться от планировавшегося правительством страхования рабочих на случай старости, инвалидности и болезни. Суммарные потери промышленности от введения этих мер и предложенного увеличения промыслового и гербового сборов петербургские заводчики определяли приблизительно в 100 млн. руб., а вместе с сокращением рабочего дня и сверхурочных работ до указанных в законопроекте пределов — в 150 млн. руб. Все эти расчеты носили совершенно фантастический характер и ничего общего с действительностью не имели.

Общее заключение записки по законопроекту сводилось к следующему.

1) «Признавая в принципе излишней законодательную нормировку рабочего времени, сохранить нормы его продолжительности, установленные законом 1897 г., ввиду того, что таковые уже существуют».

2) Сохранить сверхурочные работы с таким расчетом, чтобы общее число обязательных и необязательных рабочих часов не превышало 75 в неделю.

3) Ввести в закон лишь 12 обязательных праздников, а остальные сделать предметом свободного соглашения рабочих с работодателем.

4) «Устранить из закона излишнюю регламентацию в тех случаях, когда она является затруднительной на практике или же излишней для ограждения интересов рабочих».

5) Установить, чтобы администрация издавала инструкции и правила, не выходя за рамки закона.

6) «Распространить закон о нормировке рабочего времени не только на частные, но и на казенные промышленные заведения, а в том числе военного и морского ведомств».

Последний пункт был вызван тем, что на казенных предприятиях рабочий день, как правило, был короче, чем на частных, и это обстоятельство, конечно, затрудняло капиталистам их борьбу с рабочими, добивавшимися сокращения рабочего дня.

В качестве универсального и единственного средства, которое может действительно «способствовать... мирному улажению конфликтов между рабочими и работодателями на почве продолжительности рабочего времени и размера заработных плат», записка выдвигала — и мы снова обратим на это внимание — свободу стачек и организации рабочих. Только это и ничто другое, вместе с устранением «излишней регламентации», связывающей и рабочего, и промышленника, «несомненно», решает проблему. И записка требовала «в тексте закона последовательно провести этот принцип». Чтобы облегчить правительству эту задачу, петербургские промышленники приложили к своей записке собственный законопроект, где этот принцип проводился весьма последовательно⁶.

С крайним раздражением петербургские заводчики отнеслись к законопроекту об обеспечении рабочих врачебной помощью на случай болезни. Он вызвал буквально бурю негодования. Законопроект, говорилось в цитированной общей записке, «представляет беспримерное явление», так как нигде в мире лечение рабочих не возлагается на владельцев предприятий. «Удовлетворять свои потребности за чужой (!) счет, — морализировали промышленники, — глубоко развращающий принцип, и совершенно понятно, почему ни одно законодательство не соблазнится кажущейся легкостью возложения на фабрикантов посторонней для них обязанности»⁷.

Содержание проекта, предлагаемого комиссией Коковцова, коротко состояло в следующем: каждый рабочий получал право за счет владельца предприятия на трехмесячное, а в исключительных случаях на шестимесячное лечение, независимо от характера болезни и расторжения или сохранения договора о най-

⁶ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 73—92.

⁷ Там же, стр. 55.

ме. В понятие врачебной помощи, которую должен был оказывать предприниматель, входил врачебный уход с бесплатной выдачей лекарств и других медицинских средств (шины, бандаж и др.), оказание первоначальной помощи при внезапных заболеваниях и несчастных случаях, амбулаторное лечение, больничное лечение с полным содержанием больных и «родовспоможение» работницам. Владельцам предприятий предоставлялось на выбор либо устраивать собственные больницы, либо договариваться о лечении своих рабочих с земствами и городскими самоуправлениями. Во всяком случае они на определенных условиях должны были вносить раз в три года взносы, размеры которых устанавливались городскими думами и губернскими земскими собраниями⁸.

Юридическим основанием для этого законопроекта служило утвержденное царем постановление Комитета министров от 26 августа 1866 г., которое обязывало владельцев предприятий Московской губернии ввиду надвигавшейся холеры устраивать за свой счет больницы из расчета: одна койка на 100 рабочих. Постановление имело характер временной меры, но затем разъяснениями Сената было распространено на всю Россию в качестве постоянного закона.

Петербургские промышленники самым категорическим образом возражали против подобного толкования, доказывая, что закона 26 августа 1866 г. как такового не существует. Помимо довода о принципиальной недопустимости лечения рабочих за счет владельцев предприятий, они выдвигали и другой, который считали еще более важным: в случае принятия законопроекта будет создан «повод к бесконечным столкновениям» между рабочими и предпринимателями, что очень нежелательно. «Глубоко справедливое и единственно рациональное решение вопроса» записка усматривала в государственном страховании от болезней, ссылаясь при этом на практику западноевропейских государств⁹.

Петербургские промышленники создали специальную комиссию по вопросу об обеспечении рабочих врачебной помощью, куда вошли наиболее видные заправилы общества: М. Н. Триполитов — председатель комиссии, Я. П. Беляев, С. П. Глезмер, Э. Л. Нобель и др. Журнал заседания комиссии от 26 апреля — сплошной вопль обиды и самая резкая критика в адрес правительства законопроекта. Журнал открывался фразой: «Комиссия, по прочтении главных постановлений проектируемого Министерством финансов закона, высказалась принципиально против основного положения проекта, возлагающего обеспечение врачебной помощью рабочих на владельцев промышленных

⁸ Там же, стр. 93—99.

⁹ Там же, стр. 55.

предприятий». «С. П. Глезмер (председатель общества.— А. А.),— говорилось далее,— горячо протестовал против проекта и особенно подчеркнул, что проведение его в жизнь «послужит поводом к крайнему обострению отношений с рабочими на почве симуляции и несправедливых требований со стороны рабочих».

Нобель доказывал, что «министерские законопроекты угрожают возложить на промышленность очень тяжкое бремя». По его подсчетам, в целом расходы промышленников при введении страхования, лечении рабочих, сокращения рабочего дня и новых налогов составят 21 % всей суммы заработной платы рабочих. Беляев угрожал гибелью русской промышленности, если не удастся все расходы, связанные с проектируемыми правительством мерами, целиком переложить на потребителя. «В заключение, при опросе, все присутствующие высказались против проекта и единогласно признали единственным правильным решением вопроса включение врачебной помощи в систему государственного страхования, причем организация помощи должна быть возложена на общественные учреждения, а контроль и частью расходы — на больничные кассы при участии рабочих в составлении средств касс и в управлении»¹⁰.

Записка общества по законопроекту содержала те же доводы и жалобы. Снова шли ссылки на другие страны, говорилось о том, что масса болезней, которыми болеют рабочие, совершенно не связана с их работой, а вызвана общими причинами, доказывалась «сложность», «непрактичность» и «искусственность» системы, которая будет обслуживать всего лишь 2—3 % населения, и т. д.

Резюмируя, записка сводила пожелания заводчиков к следующим пунктам.

1. Врачебная помощь рабочим должна быть организована земствами и городами «наравне с прочим населением».

2. Расходы на нее земства и города покрывают из своего общего бюджета, «возмещение расходов» может быть допущено «только в целях воспособления».

3. Такое «возмещение» целиком возлагается на больничные кассы.

4. «Если, однако, будет признано необходимым привлечь владельцев к специальной денежной по врачебной помощи повинности, то это предпочтительно следует осуществить путем вноса соответствующей доли необходимых средств в больничные кассы».

5. «Размер возмещения расходов земствам и городам должен быть в законе ограничен»...

7. «Общее наблюдение за организацией и деятельностью врачебных учреждений должно быть вверено медицинской вла-

¹⁰ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 99—101.

сти без всякого вмешательства органов фабричной инспекции».

8. Владельцы предприятий «никакой ответственности» за действия врачебных учреждений не несут¹¹.

Значительно иным был подход общества к вопросам о свободе стачек и досрочному расторжению договора о найме. Помимо уже упомянутых документов, цитируемый сборник содержит еще две обширные записки: правительственную и петербургских заводчиков. Они представляют для нас большой интерес потому, что здесь мы впервые обнаруживаем значительное совпадение точек зрения, в том числе и по основному, принципиальному вопросу о рабочих союзах.

Помимо того, что нам уже известно из доклада Коковцова и журнала Комитета министров, записка Министерства финансов содержала ряд новых моментов, которые следует отметить. В частности, в ней говорилось, что двадцатилетняя практика применения 51-й статьи устава о наказаниях за самовольный отказ от работы получила «весьма скромное значение». Отчеты фабричных инспекторов говорят о том, что из миллионов заключенных в течение года сделок по найму лишь около 600 дают повод к возбуждению уголовного преследования по данной статье¹². Более того, как показывают те же отчеты, владельцы промышленных предприятий нарушают договоры по крайней мере в три раза чаще, чем рабочие¹³. Столь же неэффективными в смысле возможности практического осуществления записка считала и статьи, карающие за стачки. По статистическим сведениям последнего десятилетия, число стачечников составляло десятки тысяч человек, «а в нынешнюю стачку 1905 г. число забастовщиков, вероятно, превосходит несколько сотен тысяч рабочих. При подобных условиях, очевидно, осуществление разрешения дел судебным порядком становится невозможным, и карательные законы о стачках превращаются в мертвую букву, только колеблющую авторитет неприменяемого и бессильного закона»¹⁴.

Другой довод в пользу отмены карательных статей за стачки состоял в том, что вмешательство полиции в забастовку, всегда сопровождаемое арестами и высылками на родину, создает впечатление, что «правительство как бы (!) принимает на себя несвойственную (!) обязанность покровительства и защиты домогательств одной из спорящих сторон, т. е. работодателей». В силу этого рабочие усваивают взгляд, что правитель-

¹¹ Там же, стр. 109.

¹² Там же, стр. 147.

¹³ Там же, стр. 151, 174.

¹⁴ Там же, стр. 160. Записка датирована мартом 1905 г. и представляет собой результат незначительной переделки более ранней записки Министерства финансов, которая была опубликована за границей в 1903 г. (там же, стр. 141).

ство «является как бы (!) врагом» их и таким образом «все накопленное неудовольствие, а иногда и озлобление целиком переносится с фабрикантов на правительство».

Третье соображение было не менее весомым. Сведения о стачках за 1895—1904 гг., констатировала записка, показывают, что число стачек в России и число рабочих, участвовавших в них, «несмотря на суровое преследование их уголовными законами и административными мерами», ничуть не меньше, чем в европейских странах, где никаких наказаний за стачки не существует. Из этого следует, что «забастовка есть совершенно естественное явление, органически связанное с современными экономическими условиями промышленной жизни» и оно поэтому не может быть устранено «посредством подавления и пресечения». Из этой посылки следовал очень важный политический вывод. Поскольку причины, вызывавшие стачки, повсюду были, «так сказать, узкоклассовые, кровные, часто местные» (размер заработной платы, продолжительность рабочего времени, условия работы и т. д.), то они «до сих пор не имели никакой связи с общественными или политическими течениями, а потому не могут дать место для опасений за общественный порядок и спокойствие». Более того, записка признает, что, «как это обнаруживалось неоднократно», при отсутствии или ослаблении полицейской охраны, сами забастовавшие рабочие «принимают на себя обязанность поддержания порядка и безопасности, наряжают караулы и вступают даже в борьбу с преступными подонками общества, защищая свои фабрики и безопасность посторонней публики и ее имущество».

Должное внимание было уделено в записке вопросу о том, как отразится свобода стачек на интересах промышленников. Исходя из своего и заграничного опыта, записка полагала, что ожидать от этого «значительных убытков» для промышленности «едва ли основательно... — точные сведения показывают, что число рабочих дней, потерянных вследствие стачек, далеко не так велико, чтобы это могло повлиять на общую производительность страны». Цифры показывают, что рабочие не в состоянии выдержать безработицу дольше нескольких дней. К этому надо добавить, что дальнейшие улучшения в постановке и законодательной охране труда будут уменьшать поводы к стачкам, но, и здесь следовал вывод, неизменно подчеркиваемый нами, «не надо скрывать от себя и того, что только правильная организация профессиональных рабочих союзов и привычка спокойно обсуждать и решать свои дела сообща..., как это показывает практика Англии и Германии», будут «надлежащим образом» удерживать рабочих от «необдуманных... решений, касающихся открытых споров со своими хозяевами»¹⁵.

¹⁵ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 168—171.

Записка Петербургского общества заводчиков и фабрикантов предпосылает этот тезис как главный всем своим дальнейшим замечаниям. «Данный вопрос,—говорится в ней,—нельзя выхватить из всего круга вопросов промышленного и общего законодательства, а можно решить лишь по общей системе таковых, причем в области промышленного законодательства ему должно предшествовать решение вопроса о рабочих союзах...» Цитированная фраза оборвана нами на середине, чтобы обратить внимание на ее вторую половину: «а следовательно,—говорится далее,—и о союзах промышленников, и о предоставлении рабочему и фабриканту права свободно между собой договариваться»¹⁶.

Речь шла не о представительных организациях буржуазии типа, скажем, самого Петербургского общества заводчиков и фабрикантов. В создании таких организаций русская буржуазия никогда не встречала со стороны правительства никаких препятствий. Наоборот, они всячески им поощрялись. Под «союзами промышленников» записка разумела тресты и синдикаты. Именно здесь и была зарыта собака. Все свои выступления в пользу профессиональных рабочих союзов буржуазия неизменно связывала с требованием отмены противосиндикатского законодательства. Статьи закона относительно торгово-промышленных стачек, говорилось в записке, «являются в той же мере устаревшими, как и статья закона о стачках рабочих. Синдикаты и тресты являются давно уже такими необходимыми формами промышленных организаций, которые нельзя регулировать мерами уголовного воздействия». Правда, записка тут же признавала, что «предусмотренные в законе меры» против синдикатов и трестов на практике «не применяются», тем не менее она требовала отмены закона, поскольку он влияет на «юридическую постановку» монополистических организаций «в гражданском смысле», т. е. препятствует их юридической легализации¹⁷.

Мысль о том, что ключ к решению как рабочего вопроса в целом, так и вопроса о стачках лежит в рабочих организациях, проводилась в записке очень настойчиво. «Вопрос об узаконении стачек,—указывает записка,—необходимо поставить в зависимость от свободы рабочих организаций, в силу неперменной логической связи между этими понятиями...» Точно так же «без рабочих организаций немыслимо осуществление ни государственного страхования на случай инвалидности и старости, ни больничных касс, ни даже,—казалось бы, на первый взгляд, имеющей только отдаленную связь с рабочими организациями — нормировки рабочего дня...»¹⁸

¹⁶ Там же, стр. 175.

¹⁷ Там же, стр. 181.

¹⁸ Там же, стр. 176,

Критикуя законопроект за то, что он касается исключительно уголовной стороны дела, записка указывает, что он «не дает ответа на весьма существенный вопрос, каким образом улаживать столкновения между рабочими и работодателями и каким образом обеспечить материальную ответственность за потери и убытки», нанесенные предпринимателю во время забастовки как отдельным рабочим, так и рабочей организацией в целом. А ответ, по мнению авторов записки, упирается опять в рабочие организации: «Последний вопрос, равно как вопрос о примирительных учреждениях, улаживающих столкновения между рабочими и работодателями, очевидно, не могут быть решены помимо и раньше выяснения вопроса о рабочих организациях». Далее следует одно очень важное замечание: «...без посредствующей инстанции... обойтись нельзя, так как организация, вроде существующей ныне фабричной инспекции, скорее может служить полицейским целям, нежели умиротворить обострившиеся отношения»¹⁹.

Вторая группа замечаний записки сводилась к мысли о том, что законопроект дает слишком много прав рабочим и недостаточно ограждает права и интересы промышленников. В частности, записка, соглашаясь с принципом уголовной ненаказуемости стачек, в то же время самым категорическим образом требовала сохранения уголовных кар для стачек, сопровождаемых «насилием над личностью», «активным насилием над имуществом» и «повреждением имущества», вызванным внезапным прекращением производства. Все эти понятия толковались заводчиками очень широко, особенно последнее (оставление незавершенным производственного цикла, ведущее к порче сырья, а также котла под паром, прекращение доменного производства и т. п.).

Из других условий подобного рода отметим требования расчета всех рабочих без компенсаций по условиям договора, даже если забастовала только часть из них, и удержания семидневного заработка рабочих в качестве залога на случай исков к забастовщикам за причиненные убытки²⁰.

Записка энергично протестовала против сохранения карательных статей за стачки в так называемых «общественно необходимых» заведениях, под которыми законопроект имел в виду предприятия по водоснабжению, канализации и освещению (за такие стачки предусматривался арест до трех месяцев). В качестве довода выдвигалась мысль об отсутствии точных признаков, позволяющих отличать «общественно необходимые» заведения от «не необходимых». Например, «нет оснований исключать» из

¹⁹ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 181—182.

²⁰ Там же, стр. 183—185.

первой категории такие предприятия, как почта, телеграф и железные дороги. Равным образом нет оснований «считать более тягостным для общественной жизни» стачку на электростанции по сравнению со всеобщей стачкой хлебопеков. К тому же проектируемая статья и практически бесполезна, так как, во-первых, предшествующий опыт показал, что рабочие «общественно необходимых» предприятий бастовали точно так же, как и все другие рабочие, во-вторых, трудно рассчитывать на уголовную наказуемость стачек в этих заведениях, когда основная масса рабочих будет свободна от такого наказания²¹.

17 мая представители промышленности, приглашенные в комиссию Коковцова, собравшись на частное совещание, составили заключение, которое полностью «разделяло соображения» Петербургского общества заводчиков и фабрикантов²². Последняя его фраза звучала как заклинание: «Представители промышленности признали необходимым оговориться, что проведение в жизнь намеченных постановлений без узаконения свободы союзов представляется неосуществимым»²³.

Особенно настойчиво мысль о «свободе союзов» как ключевом вопросе всего рабочего законодательства проводилась в общей записке Петербургского общества заводчиков и фабрикантов. Вопрос «об организациях и свободных союзах» рабочих, указывала записка, «есть основной, кардинальный вопрос, ибо все остальные вопросы могут получить то или прямо противоположное решение в зависимости от того, будут существовать свободные, в европейском смысле, союзы рабочих или нет. Каждый из вопросов, затронутых отдельными законопроектами, находится в неперенной зависимости от вопроса о союзах... Так, вопрос о продолжительности рабочего дня решается при свободных рабочих союзах совершенно иначе, чем без них... Свобода стачек немыслима и лишена значения без свободы союзов; осуществление государственного страхования выразится при свободе союзов иначе, чем без них. Вот почему прежде всего надо решить вопрос о свободе союзов»²⁴.

В этой же записке мы находим обстоятельную критику правительственного законопроекта о государственном страховании. Вся она по существу сводится к жалобе на его разорительность, на неслыханную «щедрость» правительства по отношению к рабочим за счет предпринимателей. Так, в Германии, указывает записка, средства больничных касс на $\frac{2}{3}$ составляются из взносов рабочих и на $\frac{1}{3}$ — из взносов фабрикантов. Законопроект же предусматривает со стороны владельцев предприятий поло-

²¹ Там же, стр. 176—177.

²² Там же, стр. 232.

²³ Там же, стр. 235.

²⁴ Там же, стр. 62

вину платежей. При страховании инвалидности и старости проект предусматривал обязательные взносы от рабочих и хозяев по 3% от заработка, т. е. в два раза больше, чем в Германии. «В Германии,— плакались петербургские заводчики,— государственное страхование зародилось и постепенно выросло на тучной почве, удобренной французскими миллиардами, в период расцвета промышленной жизни..., в России же замышляется провести в жизнь внезапно целый ряд чрезвычайной важности мер в такое время, когда и без того слабая и неокрепшая промышленность испытывает, вследствие исключительных обстоятельств, тяжелый, затяжной кризис»²⁵.

В целом же убытки промышленности в случае проведения в жизнь всех правительственных законопроектов (сокращение рабочего дня, врачебная помощь, страхование от несчастных случаев, страхование от болезней и страхование от инвалидности) записка определяла приблизительно в 150 млн. руб., или 25% совокупной заработной платы рабочих, если считать, что число последних достигло 3 млн. человек при среднем годовом заработке рабочего в 200 руб.²⁶

Как само собой разумеющийся делался вывод о том, что вся эта сумма будет переложена на потребителя, ибо «капитал не может работать без прибыли»²⁷. Главный же вывод экономического порядка сводился к тому, что «экономическое значение проектируемых мер таково, что применение их должно быть распространено на много лет, иначе неминуема полная гибель промышленности, насажденной с такими усилиями и жертвами»²⁸.

На заседаниях комиссии Коковцова разногласия между правительством и буржуазией вылились уже в форму открытой полемики, причем нападающей стороной были предприниматели, а обороняющейся — председатель комиссии.

Открывая заседание 15 марта 1905 г., Коковцов заявил о своем нежелании «подробно останавливаться на ближайших обстоятельствах, вызвавших ее учреждение», так как «обстоятельства эти, с их прискорбными сторонами, хорошо известны всем присутствующим»²⁹. Однако, признав, что своим появлением на свет возглавляемая им комиссия обязана революции, добавив затем, что всегда «толчком» для всего предшествовавшего фабрично-заводского законодательства «являлись большей частью именно забастовки», Коковцов затем стал упорно доказывать обратную мысль — о непричастности революции к рабочему законодательству, плохо, конечно, согласуя это утвержде-

²⁵ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 58.

²⁶ Там же, стр. 59.

²⁷ Там же, стр. 60.

²⁸ Там же, стр. 61 (Разрядка наша.— А. А.).

²⁹ Там же, стр. 49.

ние с логикой. «Правительству по поводу этих работ,— указывал он,— делается упрек, что оно будто бы пошло на уступки рабочим без достаточной осмотрительности, с одной лишь целью во что бы то ни стало достигнуть успокоения, хотя бы ценою интересов работодателей. В действительности дело представляется совсем в ином виде». Так, изменения по части сокращения рабочего дня, законодательства о стачках, обеспечения рабочих врачебной помощью «давно уже ждали своей очереди в Министерстве финансов...» «Широкое и упорное развитие стачек и волнений» среди рабочих «послужило только основанием для скорейшего направления этих работ, но это вполне естественно и правильно».

Другая мысль, связанная с первой, заключалась в указании на постоянное и исключительное внимание к интересам промышленников со стороны правительства, на то, что оно «занялось прежде всего созданием наиболее благоприятных условий для развития фабрично-заводских и горных промыслов... Важнейшим средством для сего послужило таможенное покровительство, и в этом отношении правительство пошло полной мерой навстречу интересам работодателей». Промышленники, считавшим нужным напомнить Коковцов, в отличие от рабочих «издавна имели возможность» доводить свои требования до правительства. Правительство «всегда с готовностью привлекало их» к работе в соответствующих совещаниях. «Не лишены они были и объединяющих организаций в виде совещательных по части промышленности и торговли учреждений, биржевых комитетов, съездов и советов.

Ничего подобного не знали рабочие, и забастовки были единственным, хотя и незаконным, для них средством обращать внимание работодателей и правительства на свое тяжелое положение»³⁰.

За этим признанием стояло нечто гораздо большее, чем желание царского министра попокетничать своей «справедливостью» и «беспристрастием». Оно выражало одно из основных расхождений царизма и буржуазии в рабочем вопросе, которое в речи Коковцова было сформулировано следующим образом: «Нам говорят, что теперешнее движение среди рабочих отнюдь не зависит от экономических условий их быта, а вызвано исключительно политической пропагандой. Влияние последней на размеры и формы забастовок не может подлежать сомнению, но не подлежит сомнению и то, что пропаганда могла действовать столь успешно среди рабочих потому именно, что условия их быта оказывались местами крайне тяжелыми и неприглядными. Подобно тому, как болезнь развивается в организме в местах

³⁰ Там же, стр. 50—51.

наименьшего его сопротивления, так и политический недуг всего легче находит себе почву в среде людей обездоленных, терпящих нужду и лишения»³¹.

Те же мысли повторил Коковцов и в своей речи в заседании 16 мая. Он снова указал, что правительство делало очень много усилий, «чтобы создать благоприятные условия для фабрично-заводской промышленности..., и наша промышленность своим развитием обязана, несомненно, заботам правительства». Упрек в том, что правительство «действует под влиянием событий последних дней» и «идет по пути уступок в целях успокоения рабочих», министр объявил «большим недоразумением»³².

Обе речи Коковцова, несомненно, были ответом на записку Петербургского общества заводчиков и фабрикантов. Помимо критики правительственных законопроектов, в ней были сформулированы два принципиальных тезиса, определявших общую позицию русской буржуазии, на которые и отвечал министр финансов.

Первый тезис представлял собой прямое обвинение правительства в том, что оно своими законопроектами хочет выйти из революции за счет капиталистов. «В совокупности,— говорилось в записке,— этими законопроектами создаются для рабочих такие чрезвычайные (в смысле благоприятные.— А. А.) условия, каких нет ни в одной промышленной стране... Такие беспримерные мероприятия... выдвинуты, как всем известно, не жизнью..., а экстренными обстоятельствами, а именно, недавними рабочими беспорядками, которые еще и до сих пор не затихли. Желая видеть причину этих беспорядков в экономических условиях быта рабочих и задаваясь целью скорейшего успокоения рабочих, правительство с самого начала рабочих волнений стало на путь „уступок“»³³.

Отсюда, естественно, вытекал другой тезис о том, что путь решения рабочего вопроса лежит через общеполитические реформы. «Необходимые русскому народу реформы,— указывала записка, имея в виду под «реформами» минимум либерально-буржуазных преобразований в духе куцей конституционной монархии,— должны быть даны всему народу, но не только фабричным рабочим». Это «представит опасную аномалию», ибо ни одно государство, независимо от образа правления, «не дало до сих пор рабочим таких смелых обещаний..., какие намечены Министерством финансов...» Рабочий вопрос должен быть решен на базе рескрипта 18 февраля, обещавшего булыгинскую думу. «Правительство не должно опасаться такого замедления — рабочие, а главное, их руководители легко (!) усвоят важность та-

³¹ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 51—52.

³² Там же, стр. 195—196.

³³ Там же, стр. 52—53.

кого мудрого шага, тем более что рабочее движение вызвано не экономическими причинами»³⁴.

Ответом на вторую речь Коковцова было специальное заявление представителей промышленности, зачитанное Г. А. Крестовниковым, для выработки которого они специально приехали в Петербург за три дня до начала работы комиссии.

Заявление повторяло те же доводы, которые были высказаны в записке петербургских промышленников: «Деятельность настоящей комиссии вызвана не естественным течением промышленной жизни, а происходившими в последнее время и продолжающимися еще ныне в разных концах России массовыми забастовками рабочих». Ссылаясь на общее возбуждение «всех классов населения», представители промышленности высказали свое «глубокое убеждение, что решение намеченных для рассмотрения в комиссии законопроектов не послужит к успокоению рабочих»³⁵. Они снова настаивали на том, что рабочее законодательство должно быть осуществлено будущей Думой и на этом основании, «во избежание еще большего усиления волнений», потребовали, чтобы работам комиссии было придано значение подготовительных³⁶.

Тем не менее, соблюдая декорум, промышленники не сочли возможным сразу же отказаться от участия в работах комиссии. Они занялись обсуждением законопроектов о сокращении рабочего дня и свободе стачек, но высказывали свои суждения вяло, без всякого интереса, для проформы. По части доводов ничего нового по сравнению с цитированными документами сказано не было.

Однако на следующем заседании, состоявшемся спустя два дня, 18 мая, они пошли на открытый разрыв. Воспользовавшись известием о гибели русского флота при Цусиме, промышленники заявили, что этот факт, а также события в Польше, Литве, на Кавказе и в других местах так потрясли их, что они не в состоянии дальше продолжать работать в комиссии, ибо это «сверх сил обыкновенных людей». «Мы все настолько взволнованы, настолько нервны,— говорил Крестовников,— что наше последнее совещание нас убедило в невозможности продолжать наши занятия»³⁷. Все уговоры Коковцова не помогли: промышленники продолжали стоять на своем. Поэтому ему ничего не оставалось, как выразить сожаление и сделать хорошую мину при плохой игре, заявив, что, несмотря на отказ промышленников, «труды комиссии не будут прерваны»³⁸. Но они были прерваны.

³⁴ Там же, стр. 63.

³⁵ Там же, стр. 202.

³⁶ Там же, стр. 203.

³⁷ Там же, стр. 236.

³⁸ Там же, стр. 244.

На этом комиссия Коковцова по существу перестала существовать.

Прежде чем разъехаться, представители промышленности подали Коковцову подряд две записки. Первая требовала «безотлагательного осуществления» рескрипта 18 февраля, т. е. созыва Думы,—единственного средства, по их мнению, могущего «вывести страну из настоящего ее тяжелого положения, возратить все население к мирному труду и дать правильное разрешение назревших государственных вопросов»³⁹. Вторая высказывала пожелание, «чтобы ко вторичному созыву комиссии» была разработана вся программа по рабочему вопросу и, таким образом, «представителям промышленности дана была бы возможность обсудить рабочий вопрос в полном его объеме...»⁴⁰

Записки подписали такие видные представители крупного капитала, как Крестовников, Ю. П. Гужон, Беляев, А. И. Коновалов, Глезмер, Д. В. Сироткин, Триполитов, П. О. Гукасов, И. И. Ясюкович, Жуковский, П. П. Рябушинский, П. А. Морозов и др.

Что же следует из всего изложенного? В чем смысл всех речей и документов, связанных с комиссией, просуществовавшей столь недолго и фактически не успевшей даже начать работу? Он весьма определен и имеет принципиальное значение для рассматриваемой проблемы. Основной вывод состоит в том, что под влиянием революции решение рабочего вопроса было поставлено царизмом в прямую связь с его общим курсом в направлении к буржуазной монархии. Рабочий вопрос, так же как и аграрный, явился одним из главных слагаемых этого курса, и мы наблюдаем полную аналогию между столыпинским аграрным законодательством и рабочей политикой, принципы которой были сформулированы в докладе Коковцова царю и в журнале Комитета министров. И там, и здесь суть поворота заключалась в отказе от прежней «попечительной», т. е. феодально-крепостнической, политики и переходе к политике буржуазной. Указу 9 ноября соответствовала идея о профессиональных организациях рабочих. Уже приведенные нами оценки и расчеты, связанные с созданием рабочих организаций как со стороны буржуазии, так и царизма, одинаковость этих оценок дают нам право на такое сравнение. Все дальнейшее исследование будет подтверждать высказанную точку зрения на каждом шагу.

Царизм понял, что как невозможно решить крестьянский вопрос, сохраняя общину, так невозможно решить и рабочий вопрос, не допуская создания рабочих профессиональных организаций. Как личная крестьянская собственность на землю таила в себе объективную возможность покончить с революци-

³⁹ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 245.

⁴⁰ Там же, стр. 248.

онным демократизмом крестьянства, так и профсоюзы создавали предпосылки для перевода рабочего движения с социалистических рельсов в русло оппортунистической, буржуазной рабочей политики, ибо смысл их существования при капитализме состоит в защите интересов рабочих на базе и принципах буржуазного общества.

В профсоюзах заложена идея невмешательства в политику, за исключением той, которая касается непосредственных экономических интересов рабочих. Отсюда вытекала генеральная линия «нового курса», в конечном итоге сводившаяся к невмешательству правительства в экономические взаимоотношения рабочего класса и буржуазии. Такая политика, по замыслу ее творцов, недовольство и требования пролетариата переключала целиком на капиталистов, а за царизмом оставляла выгодную роль «надклассового» верховного арбитра, но уже не на примитивно-полицейской основе, а на «правовых» взаимоотношениях государства с организациями рабочих и капиталистов.

В свою очередь буржуазия, причем вся буржуазия, в том числе и наиболее отсталая, октябристская, рассматривала профсоюзы как единственное средство, дающее возможность покончить с «анархическим», т. е. с революционным рабочим движением, сделать его «организованным», «европейским», т. е. подчинить своему влиянию. Расчет был основан на идее «примирительных камер», т. е. на идее прямого, непосредственного соглашения между капиталистами и профсоюзной верхушкой. В этом свете становится совершенно ясным непонятное на первый взгляд параллельное требование (смутившее своей «неожиданностью» даже Коковцова⁴¹) представителей промышленности и Петербургского общества заводчиков и фабрикантов о свободе трестов и синдикатов. Дело здесь было не в том, чтобы ссылкой на равенство сторон выторговать себе явочное синдикатское законодательство, хотя и это имело место, а прежде всего в расчете на подкуп, разращение будущей профсоюзной верхушки на базе и при помощи монополистических объединений буржуазии.

Но и этого мало. В идее «монополии — профсоюзы» таилась еще политика дальнего прицела: превращение рабочего класса в политическое орудие буржуазии, при помощи которого она сумеет добиться дележа власти с царизмом. Иными словами, перед нами общий курс царизма и буржуазии в рабочем вопросе. Точно так же как царизм, с одной стороны, и октябристы —

⁴¹ «Я бы затруднился,— говорил Коковцов на заседании 16 мая,— найти ту юридическую связь, которая соединяет вопрос о взаимных отношениях рабочих и фабрикантов с вопросом о синдикатах; из свободы стачек делать заключения о свободе союзов, картелей и синдикатов невозможно» (там же, стр. 210).

с другой, рассчитывали на то, что политическая армия в лице кулачества, создаваемая указом 9 ноября, будет их политической армией, точно так же они полагали, что провозглашенная новая рабочая политика сделает обманутый таким путем рабочий класс их политической опорой.

Из сказанного отнюдь не следует, что царизм и буржуазия не замечали революционной стороны профсоюзов. Наоборот, они придавали ей решающее значение и, как увидим дальше, провал нового курса в рабочем вопросе был обусловлен именно признанием того факта, что и после революции 1905—1907 гг. революционная социал-демократия продолжала сохранять свое влияние в большей части профсоюзов. Но расчет на соглашательскую сторону профсоюзов в принципе был, конечно, совершенно верен.

История мирового рабочего движения вполне наглядно обнаружила эти две объективные тенденции — революционную и тред-юнионистскую. В своей знаменитой работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» В. И. Ленин, критикуя сектантство «левых», не желавших работать в «желтых» профсоюзах, отнюдь не закрывал глаза на реакционность и ограниченность профсоюзов вообще. «Профсоюзы, — писал он, — были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к *начаткам* классового объединения. Когда стала вырастать *высшая* форма классового объединения пролетариев — *революционная партия пролетариата*..., когда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать *некоторые* реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитицизму, некоторую косность и т. д. Но иначе как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса нигде в мире развитие пролетариата не шло и идти не могло»⁴². И далее: «В более передовых странах, чем Россия, некоторая реакционность профсоюзов сказала и должна была сказаться, несомненно, гораздо сильнее, чем у нас... На западе... выделился гораздо более сильный слой *профессионалистской, узкой, себялюбивой, черствой, корыстной, мещанской, империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной „рабочей аристократии“*», чем у нас»^{42а}.

Успех или неуспех попытки царизма и буржуазии разрешить рабочий вопрос на почве приспособления царизма к буржуазному развитию страны зависел, как и в аграрной реформе, от того, удастся ли революционный кризис в стране перевести в конституционный. Работа комиссии Коковцова была первым этапом в этой попытке.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 33—34.

^{42а} Там же, стр. 34—35.

СОВЕЩАНИЕ ФИЛОСОФОВА

Следующим этапом в разработке рабочих законопроектов было Особое совещание при Министерстве торговли и промышленности под председательством министра Д. А. Filosofova. Совещание провело свою работу в два этапа. Первый раз заседание проходило с 14 по 21 декабря 1906 г. ежедневно, а второй раз — в феврале — марте 1907 г. (14, 25 и 26 февраля; 5—9 и 12 марта). Правда, совещанию Filosofova предшествовало Особое совещание М. М. Федорова весной 1906 г., но оно не сыграло самостоятельной роли.

В своей вступительной речи 14 декабря глава ведомства отметил, что, «к сожалению», совещание Федорова «не принесло той пользы, которую от него можно было ожидать, так как делопроизводство там было поставлено так, что не было составлено ни журналов заседаний, ни стенографических отчетов, и, таким образом, письменных следов от этого совещания не осталось, пришлось пользоваться трудами его, так сказать, по устному преданию». Filosofov не помнил даже точно месяца работы совещания, заявив, что оно было «в апреле или марте» (проходило 15—21 апреля.— А. А.)⁴³.

Здесь явно следствие выдается за причину. Особое совещание без журналов — это, по-видимому, единственный случай в истории всех Особых совещаний царской России, которых было бесконечно много. Федоров, впоследствии видный кадет, затем прогрессист, редактор известного «Слова», в качестве главы торгово-промышленного ведомства, как было понятно всем, в том числе и ему, был временной фигурой. Это, в частности, нашло отражение и в том, что он был назначен не министром, а лишь временно управляющим, так что Filosofov был фактически первым министром нового министерства.

Совещание Filosofova отличалось от комиссии Коковцова двумя обстоятельствами. Первое состояло в том, что обе «высокие» договаривающиеся стороны — Filosofov, с одной стороны, промышленники — с другой — явно предпочли политике дальнего прицела соображения и интересы минуты. Второе выразилось в переходе руководящей роли среди представителей буржуазии от Петербургского общества заводчиков и фабрикантов к Совету съездов торговли и промышленности во главе с вчерашним председателем правительственной комиссии по рабочему вопросу В. И. Тимирязевым. Новая всероссийская организация капиталистов взялась за дело самым энергичным образом.

⁴³ «Стенографический отчет Особого совещания при Министерстве торговли и промышленности под председательством министра торговли и промышленности шталмейстера Д. А. Filosofova для обсуждения законопроектов по рабочему законодательству» (далее — Ст. от. Особого совещания). [СПб., 1907], стр. 18.

Доклад Совета второму очередному съезду об участии Совета в совещании Философова, датированный 10 мая 1907 г., начинался с постановления по рабочему вопросу, принятого первым съездом представителей торговли и промышленности 14 октября 1906 г. В нем говорилось:

«1) Совету съездов поручается обратиться за материалами по рабочему вопросу ко всем организациям, имеющим правс голоса, и ко всем иным, отзыв которых он признает необходимым. Совету поручается обобщить присланный материал.

2) Совету поручается изложить выработанное им руководящее мнение в особом докладе.

3) Этот доклад должен быть по возможности разослан вместе с относящимися к нему материалами всем членам съездов до открытия экстренного съезда».

На том же заседании было решено экстренный съезд созвать 10 января, так как, по имевшимся сведениям, обсуждение рабочих законопроектов в Министерстве торговли и промышленности должно было состояться в середине января 1907 г.⁴⁴ Уже из этого видно, какое исключительное внимание уделяла буржуазия рабочему законодательству. Намеченные и проводившиеся «во исполнение» указанного постановления меры еще более усиливают это впечатление.

«Для выработки руководящего мнения русской промышленности по рабочему вопросу» Совет съездов прежде всего приступил к собиранию необходимых материалов. С этой целью были отпечатаны и разосланы «не только организациям, но и отдельным крупнейшим предприятиям», независимо от их членства, «Материалы по рабочему вопросу».

Одновременно с этим для получения материала Совет съездов выработал и разослал два вопросных листа. Первый лист в 32 вопроса касался принципиальной стороны рабочего законодательства, второй был посвящен финансово-экономической стороне. В ожидании ответов Совет занялся собиранием и разработкой материалов, которые должны были служить пособием при дальнейшем обсуждении рабочих законопроектов. С этой целью был собран и отпечатан в тех же «Материалах по рабочему вопросу» ряд справок⁴⁵.

«К сожалению», сетовал доклад, намеченный план «был нарушен крайне спешным созывом на 14 декабря 1906 г.» совещания Философова. В связи с этим Совет съездов «экстренно» созвал на 12 декабря предварительное совещание приглашенных представителей промышленности, заранее раздав подлежащие обсуждению совещания рабочие законопроекты. Однако попытка договориться о едином мнении на этом совещании

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 1860, л. 1.

⁴⁵ Там же, лл. 1 об — 2 об.

окончилась неудачей, что сразу же обнаружилось на первом заседании совещания Философова 14 декабря. Тогда, с согласия министра, было решено, что каждому заседанию совещания будет предшествовать соответствующее заседание приглашенных промышленников. Дело пошло лучше, но все-таки полного единодушия достичь не удалось, и одной из причин этого, по мнению Совета, являлось то, что некоторые представители были наделены слишком императивными решениями своих организаций, не дававшими «достаточного простора для компромиссов»⁴⁶

В дальнейшем усилия Совета съездов по части консолидации различных групп промышленников и выработки единой линии поведения по отношению к рабочей политике правительства не только не ослабли, но еще более возросли в своих масштабах и энергии. Материалы и литература по рабочим законопроектам, созданные и собранные Советом съездов, поистине огромны и не уступают по размерам соответствующим материалам Министерства торговли и промышленности. К этому надо прибавить материалы и литературу ряда территориальных и отраслевых представительных организаций буржуазии, в первую очередь уже хорошо знакомого нам Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, Московского биржевого комитета, Совета съездов горнопромышленников Юга России, организаций уральских и польских заводчиков и др.

Каждая из этих организаций имела комиссию по рабочему законодательству, куда входили ее наиболее видные и авторитетные члены. Совет съездов создал несколько таких комиссий, разрабатывавших отдельные аспекты рабочего вопроса⁴⁷.

На повестку совещания в декабре 1906 г. Министерство торговли и промышленности вынесло 10 основных положений будущих законопроектов по следующим вопросам: 1) страхование болезней; 2) страхование несчастных случаев; 3) страхование инвалидности (по проектам 1905 и 1906 гг.); 4) сберегательные кассы обеспечения; 5) правила о найме рабочих; 6) рабочее время; 7) врачебная помощь; 8) меры поощрения строительства здоровых и дешевых жилищ; 9) промысловые суды; 10) фабричная инспекция и фабричные присутствия⁴⁸. В своей вступительной речи Философов подчеркнул, что «все эти проекты назначены для внесения в Государственную думу», о чем он уже

⁴⁶ Там же, лл. 2 об.— 3.

⁴⁷ Вопросный лист по рабочему законодательству Совета съездов см. там же, д. 1859, лл. 1—3 об.; здесь же доклад председателя совещательной комиссии горного инженера С. А. Ауэрбаха по рабочему законодательству (лл. 7—13) и особое мнение по нему С. И. Четверикова, Морозова, Н. Т. Листа, Коновалова и И. И. Моргонова от 18 апреля 1906 г. (лл. 119—121). Состав членов комиссии по рабочему вопросу (ноябрь 1906 г.) в количестве 69 человек см. там же, ф. 150, оп. 1, д. 496, лл. 5—6.

⁴⁸ Ст. от. Особого совещания, стр. 9—16.

говорил «неоднократно»⁴⁹. Поэтому он давал промышленникам на обсуждение срок в 10 дней, до рождественского перерыва, с тем, чтобы затем еще раз собраться для окончательного суждения. Этим объясняется и решение дилеммы, которая встала перед министром: либо сначала выработать законченные законопроекты, а затем предложить их на обсуждение промышленникам, либо поступить наоборот: сначала получить их отзывы по основным принципиальным положениям, а затем уже приступить к выработке законопроектов с учетом этих отзывов. Был избран второй путь, «главным образом, по тем соображениям, что это составляет путь, наиболее быстро ведущий к цели и дающий возможность подготовить законопроекты до созыва новой (II.— А. А.) Государственной думы, и чтобы они могли быть внесены на рассмотрение ее в первую очередь»⁵⁰.

Таким образом, исходный тезис Коковцова и Комитета министров о необходимости проведения более или менее широкой реформы в рабочем вопросе, разрешаемой на «правовой» основе, т. е. совместно с Думой, продолжал оставаться в силе. Но одно исключение, притом самого радикального свойства, означавшее начало крушения первоначального замысла, было сделано — вопрос о свободе рабочих союзов обходился уже полным молчанием. Юридическим основанием для такого молчания служили «Временные правила» 4 марта 1906 г. о союзах, которые якобы в какой-то мере, хотя и «временно», решали эту проблему. В действительности, как известно, эти правила вернее было бы называть правилами о запрещении союзов и организаций. Именно на их основе в столыпинские годы разгонялись сотни профессиональных союзов и многих других учреждений и организаций рабочего класса, а сотням других было отказано в регистрации. Тем не менее, повторяем, правительство еще хотело и надеялось решить рабочий вопрос одновременно хотя бы в некоторых его главных составных частях.

Буржуазия же, наоборот, достаточно ясно и откровенно дала понять, что она стоит за всемерное сокращение объема рабочего законодательства и оттяжку принятия каких бы то ни было рабочих законопроектов вообще. В этом отношении была очень показательной речь председателя Петербургского общества заводчиков и фабрикантов Глезмера, выступившего сразу после Философова. Повторив снова все избитые доводы российской буржуазии (влияние минуты, неорганическая потребность, скоропалительность, угроза сокращения производства и переобременение потребителя, недопустимость создания привилегий для 2—3 млн. человек и т. п.), Глезмер заявил, что решение рабочего вопроса надо прежде всего поставить в зави-

⁴⁹ Ст. от. Особого совещания, стр. 21.

⁵⁰ Там же, стр. 19.

симость от того, как решится в стране аграрный вопрос. До этого рабочее законодательство преждевременно. Оно преждевременно и потому, что общая обстановка в стране ему не благоприятствует и повсюду «в умах доминирует» настроение в пользу рабочих и против промышленников, в том числе в администрации и суде. Поэтому, заключал Глезмер, «чем позже будут рассматриваться эти законы в новой Государственной думе, тем правильнее будет их решение, тем почва для них будет солиднее, нормальнее и доступнее»⁵¹.

Глезмер по существу выразил настроение всех присутствовавших представителей буржуазии (всего был приглашен 101 человек⁵²), но сделал это слишком прямолинейно и грубо и, сам поняв свою ошибку, тут же предпринял неудачную попытку ее исправить⁵³. Сглаживая впечатление от речи Глезмера, Тимирязев поспешил заверить Философова, что все присутствующие представители промышленности, принадлежащие к возглавляемому им Совету съездов, «явились сюда с неперменным желанием здесь же решить те вопросы, которые признаются насущными», и что все они «одушевлены одним желанием... содействовать скорейшему разрешению» поставленных на обсуждение совещания вопросов⁵⁴.

Однако обсуждение показало нечто совсем другое. Наиболее влиятельные и, казалось бы, самые дальновидные представители крупной буржуазии выступили с позиций отсталого, старозаветно-купеческого, октябристского капитала. Выгода минуты, голый чистоган целиком оттеснили соображения об общеклассовых, т. е. наиболее важных, интересах. Основной тезис о свободе союзов упоминался ими уже крайне редко и вяло, причем либо по инерции, либо, и это чаще всего, как предлог для того, чтобы отложить тот или иной законопроект или его отдельные статьи. Все эти председатели советов съездов, биржевых комитетов, специалисты по страховому делу, крупные воротилы и др., шеголявшие своей «просвещенностью» и широтой взглядов, торговались с правительством за каждый рубль, как настоящие маклаки, не брезгуя никакими приемами и увертками. «Рупь-целковый» полностью определил их линию поведения. Разумеется, все доводы, приводившиеся в комиссии Коковцова, фигурировали и здесь, повторяясь и варьируясь на все лады. Вдобавок были выдвинуты новые требования.

Правительственная сторона с исключительным вниманием прислушивалась к голосу промышленников, проявляя величайшую готовность при всякой возможности пойти им на уступки.

⁵¹ Там же, стр. 25.

⁵² Там же, стр. 5—7.

⁵³ Там же, стр. 26.

⁵⁴ Там же, стр. 31.

Но наглость и неумеренность их претензий были таковы, что вызвали порой раздражение даже у представителей ведомств, высказывавших в такие минуты кое-какие неприятные вещи в адрес капиталистов, которые приводили почтенных буржуа в настоящую ярость.

При обсуждении вопроса о больничных кассах промышленники, конечно, снова выдвинули свой главный тезис о том, что лечить рабочих должны не фабриканты, а именно больничные кассы. Особенно рьяно нападал на правительственный проект Триполитов, представитель Петербургского общества заводчиков и фабрикантов. Возражая ему, профессор И. Х. Озеров говорил: Триполитов жалуется на то, что «промышленность несет и так много жертв» и поэтому лечить рабочих ей не под силу. «Но тогда я спрошу: если эти... обязанности нельзя возложить на промышленников, то неужели их можно возложить на тощие плечи нашего русского рабочего?» Заработная плата его «далеко не велика». Уроки последних лет «нас привели к тому заключению, что эту... обязанность нужно возложить на промышленный класс, потому он один может ее вынести, а русский рабочий ее вынести не может». Промышленники жалуются, продолжал он, что с них берут много разных налогов. Это опровергается официальными данными. «Говорить, что много сборов лежит на фабрикантах, нельзя. Им много дают доходов их предприятия. Нигде такой доходности, как в России, нет. Даже в Германии она ниже»⁵⁵. Последняя фраза вызвала среди промышленников настоящую бурю, и они не могли успокоиться, вспоминая ее на протяжении всего декабрьского тура заседаний.

Первым возразивший Озерову Н. Ф. фон Дитмар еще как-то пытался согласовать свой ответ с реальным положением вещей. «Во-первых,— говорил он,— если бы и признать доходность нашей промышленности высокой, то это явление временное и на нем нельзя строить постоянных законов; во-вторых, прибыль, которую дают предприятия в России, меньше, чем за границей»⁵⁶. Однако другого представителя промышленности такой ответ и тон не устраивали. «Мы пришли сюда создавать закон совершенно справедливый (!),— в гневе восклицал Н. С. Авдаков,— а не ставить вопрос на ту точку зрения, что промышленники дают какие-то гроши, а рабочие платят много. На эту тему я мог бы сказать целую речь, но не считаю возможным утруждать собрание, потому что нам надо заниматься делом. Я поддерживаю то, что сказал г. Дитмар в опровержение проф. Озерова»⁵⁷.

Последний, разозленный очевидной ложью промышленных воротил, высмеял утверждение о нестабильности их доходов.

⁵⁵ Ст. от. Особого совещания, стр. 61—62.

⁵⁶ Там же, стр. 67.

⁵⁷ Там же, стр. 69.

Промышленники, говорил он, утверждают, ссылаясь на пример акционерных предприятий, что их доходность — «явление временное; но оно продолжается несколько десятков лет... Гг. представители промышленности могли бы рассказать в этом отношении много пикантных вещей. Я делаю свой вывод, именно: что доходность у нас достаточно велика, больше, чем в Западной Европе»⁵⁸. Понимая, что факты на стороне Озерова, а не промышленников, фон Дитмар поспешил заявить, что закон надо составлять «независимо... от предположений..., сколько промышленность приносит дохода, как это делает проф. Озеров»⁵⁹.

Крестовников, Триполитов, фон Дитмар и другие не только не постеснялись затеять мелочный постыдный торг, требуя сокращения срока и суммы пособия работницам-роженицам, но умудрились и это требование мотивировать сочувствием к ним⁶⁰.

Выдавая себя за горячих сторонников больничных касс, промышленники вместе с тем предложили к проекту поправку, которая в случае принятия означала бы на деле их уничтожение. Поправка требовала отменить минимум выдаваемых пособий, не устанавливая его, предоставляя решение вопроса каждый раз на усмотрение отдельной кассы. Преподносилось это как забота о финансовой стабильности касс. На деле за этим крылось нежелание выдавать ссуду кассам на определенный срок в случае нехватки у них средств, что предусматривалось проектом.

От имени съезда горнопромышленников фон Дитмар потребовал отменить минимум как таковой⁶¹. До него это требование выдвинул другой представитель горнопромышленников Юга, Ауэрбах⁶². Триполитов от имени представляемых им учреждений поддержал «предложение съезда горнопромышленников... не устанавливать минимума пособий»⁶³. Польские промышленники в лице Жуковского выдвинули более скромное требование: понизить сам минимум⁶⁴. Однако Л. Ф. Вейер, выражая мнение рижан, сказал, что он поддерживает Дитмара⁶⁵. Крестовников заявил, что он протестует против тезиса, возлагающего «все недостатки» кассы (т. е. требование ссуды, подлежащей возврату) на предпринимателя⁶⁶.

Глава отдела промышленности Министерства торговли и промышленности В. П. Литвинов-Фалинский вынужден был заявить, что если рабочему не будет гарантирован какой-то мини-

⁵⁸ Там же, стр. 79.

⁵⁹ Там же, стр. 85.

⁶⁰ Там же, стр. 106—107.

⁶¹ Там же, стр. 91.

⁶² Там же, стр. 90.

⁶³ Там же, стр. 93.

⁶⁴ Там же, стр. 91.

⁶⁵ Там же, стр. 95.

⁶⁶ Там же.

мум обеспечения на случай болезни, «то вся эта организация (больничных касс.— А. А.) подвергается значительному сомнению», т. е., говоря проще, окажется невозможной⁶⁷.

Промышленники требовали сокращения предельного срока лечения больных с 2 лет до 3 месяцев («какой-нибудь большой умышленно пролежит два года!» — воскликнул один из их представителей)⁶⁸. Ясюкович без тени смущения уверял, что претензии рабочих «доходят до совершенно невероятных пределов..., они требуют, чтобы их посылали на воды, купания и т. д.»⁶⁹, в то время как Литвинов-Фалинский вынужден был признать, что «даже в Петербурге, в столице, люди валяются в больницах на полу, что же творится в провинциях, — спрашивал он, — в захламленных?»⁷⁰

В ходе обсуждения законопроекта о страховании от несчастных случаев промышленники потребовали, чтобы применение закона было начато лишь спустя пять лет после его принятия⁷¹. Свое требование они обуславливали страхом понести убытки в связи с отсутствием опыта обязательного страхования при помощи страховых товариществ. Пятилетний срок, по их мнению, был тем минимумом, который позволил бы провести соответствующие статистические исследования и выработать безубыточные формы обложения. «Все эти соображения, — заключил свою речь Крестовников, выступивший сразу после Тимирязева, говорившего о пятилетнем сроке от имени всех представителей промышленности, — заставили меня прийти к заключению о невозможности принятия сразу такой резкой меры, как обязательное страхование. Я на этом теперь настаиваю и думаю, что пятилетний срок, на который мы пошли, должен быть минимальный»⁷². Этот же срок требовали и другие ораторы⁷³. Только горнопромышленники Юга и Урала, по вполне понятным причинам кровно заинтересованные именно в обязательном, принудительном страховании, выступили против пятилетнего срока, настаивая в лице Дитмара на том, чтобы меры по созданию обществ взаимного страхования «были осуществлены возможно скорее»⁷⁴. «Я должен поправить нашего представителя Г. А. Крестовникова..., — говорил Авдаков. — Горнопромышленники Юга России два года уже ходатайствуют о введении обязательного страхования, и откладывать его на дальнейший срок мы не можем...»⁷⁵ Триполитов, представляв-

⁶⁷ Ст. от. Особого совещания, стр. 97.

⁶⁸ Там же, стр. 216.

⁶⁹ Там же, стр. 114 (вторая пагинация).

⁷⁰ Там же, стр. 224.

⁷¹ Там же, стр. 126.

⁷² Там же, стр. 129.

⁷³ Там же, стр. 136.

⁷⁴ Там же, стр. 131.

⁷⁵ Там же, стр. 139.

ший петербургских заводчиков, выдвинул компромиссный срок в два-три года⁷⁶. Сокращения пятилетнего срока потребовал и Глезмер⁷⁷.

Защищая свой карман, промышленники доходили до полного бесстыдства. «Мы знаем,—говорил один из них,—что более тягостного закона для промышленности и выгодного для рабочих, чем закон 2 июня 1903 г., конечно, нет нигде»⁷⁸. Немудрено, что подобные заявления возмущали даже правительственных чиновников. «У нас,—отвечал на это член Совета министра торговли и промышленности Л. Б. Бертенсон,—условия производства действительно самые ужасные, каких нигде нет»⁷⁹.

В конце концов, вторично собравшись в феврале 1907 г., промышленники договорились между собой о двухлетнем сроке, о котором и было заявлено Тимирязевым⁸⁰.

Второе требование, на котором усиленно настаивали промышленники, состояло в том, чтобы, по образцу германского закона о страховании, лечение больных, пострадавших от несчастных случаев, в течение первых 13 недель было бы обязанностью больничных касс. Вначале законопроект обязывал владельца предприятия лечить рабочего спустя 6 недель. Затем, согласно закону 2 июня 1903 г., предусматривавшему оплату лечения со дня несчастного случая, этот срок был отменен. Промышленники продолжали требовать, чтобы лечение начиналось спустя 13 недель после того, как произошел несчастный случай. Мотивировалось это тем, что, согласно статистике, подавляющее большинство несчастных случаев ликвидируется именно в эти 13 недель. «Для промышленников,—объяснял Тимирязев,—вопрос о деньгах здесь неважен—это вопрос второстепенный». «Повторяю,—говорил он дальше,—что вопрос денежный здесь никакой роли не играет»⁸¹. Соображение, по которому был исключен из законопроекта срок в 6 недель и отвергнут 13-недельный срок, сводилось к тому, что рабочие воспримут это как перенесение части расходов по лечению на свои плечи по сравнению с законом 2 июня 1903 г.⁸² Отвечая на это соображение, Глезмер заявил, что петербургские фабриканты согласились увеличить соответственно свои взносы на лечение, лишь бы остался 13-недельный срок⁸³. Его поддержал Триполитов. Из германской практики видно, указывал он, что это увеличение будет крайне

⁷⁶ Там же, стр. 132.

⁷⁷ Там же, стр. 139.

⁷⁸ Там же, стр. 146.

⁷⁹ Там же, стр. 152.

⁸⁰ Там же, стр. 12 (вторая пагинация).

⁸¹ Там же, стр. 12—13 (вторая пагинация).

⁸² Там же, стр. 34 (вторая пагинация).

⁸³ Там же, стр. 36 (вторая пагинация).

незначительным: 0,2—0,3% заработной платы, т. е. «расход ничтожный»⁸⁴. Требование о 13 неделях промышленники обосновывали невозможностью для себя устанавливать достоверность всех мелких несчастных случаев, считая, что сами рабочие — участники касс, будучи заинтересованными в сбережении средств кассы, сделают это гораздо лучше, и «таким образом с нас снимут неприятности и раздражения, которые являются следствием мелких несчастных случаев»⁸⁵.

Обсудив этот вопрос еще раз, промышленники устами Тимирязева в заседании 26 февраля заявили, что промышленники «изъявили готовность в случае, если кассы примут на себя выплату пособий потерпевшим в течение 13 недель, увеличить свой взнос в эти кассы на $\frac{1}{15}$ против принятого в проекте»⁸⁶.

Ратуя за независимость рабочих организаций, промышленники объявили недостаточными те поистине огромные права по управлению больничными кассами, которые предоставлялись им правительственным законопроектом (40% голосов на собрании уполномоченных кассы, председатель собрания либо сам предприниматель, либо его представитель и др.). Как само собой разумеющийся и правительство, и предприниматели считали тезис о том, что на время забастовки все права правления и собрания участников кассы переходят к владельцам предприятий⁸⁷. Но аппетиты последних шли дальше. Они выдвинули еще одно требование, принятие которого означало бы, что права рабочих — участников касс становились бы совершенной фикцией. Требование это сводилось к праву veto. «Если ему, (промышленнику. — А. А.), — говорил Крестовников, — предоставить $\frac{1}{3}$ голосов, то это будет все равно, что ничего. Следовательно, было бы практичнее предоставить владельцу предприятия право приостановки (решений собрания уполномоченных кассы. — А. А.) и перенесение спорных вопросов в губернское присутствие». «Как же делать предпринимателя совершенно безгласным (!?), — патетически восклицал он дальше, — дайте ему право veto и переноса споров в третейский суд»⁸⁸. На этом требовании промышленники упорно настаивали и в феврале 1907 г. Однако Литвинов-Фалинский признал эту претензию чрезмерной, опасаясь, что принятие ее превратит весь будущий закон «в боевой лозунг», т. е. явится поводом для усиления борьбы рабочего класса за свои права. «Я вижу, — говорил он, — что промышленники... желают присвоить себе еще целый ряд прав... Если мы остановимся на том, что деятельность кассы в том или ином на-

⁸⁴ Ст. от. Особого совещания, стр. 37 (вторая пагинация).

⁸⁵ Там же, стр. 36 (вторая пагинация).

⁸⁶ Там же, стр. 42 (вторая пагинация).

⁸⁷ Там же, стр. 110—111; 92—93 (вторая пагинация).

⁸⁸ Там же, стр. 99.

правлении будет зависеть от воли или согласия на то хозяина предприятия, то, повторяю, мы из права распоряжения кассы создадим только новый боевой лозунг»⁸⁹.

Обсуждение законопроекта о страховании инвалидности и старости носило на себе печать явного маниловского прожектерства, отчетливо сознаваемого обеими сторонами.

Совещанию было предложено рассмотреть два прямо противоположных проекта.

По проекту 1905 г., страхование инвалидности, старости и на случай смерти распространялось на первых порах лишь на промышленных рабочих и должно было осуществляться при помощи так называемых касс обеспечения, состоящих в ведении Главного страхового управления, средства которых образовывались бы из равных взносов промышленников и рабочих. Каждому участнику кассы открывался личный счет. По достижении 55 лет или наступлении инвалидности он приобретал право на получение выдач в виде пенсий, соответствующих его личному счету. Размер пенсии не мог быть ниже определенного законом минимума (24 или 36 руб. в год); недостающая часть компенсировалась либо запасным капиталом кассы, либо, при недостатке такового, казной.

Второй проект признавал всеобщее страхование инвалидности и старости «трудно осуществимым», считая возможным таковое лишь для отдельных местностей и отраслей промышленности. Пока предлагалось в качестве известной замены создание и развитие сети сберегательно-вспомогательных касс (касс обеспечения) на следующих началах:

- 1) кассы создаются при промышленных предприятиях;
- 2) средства касс образуются из взносов участников и приплат владельцев;
- 3) кассы учреждаются либо добровольно, либо обязательно, по постановлению рабочих предприятий; в этом случае доля взносов владельца не должна быть меньше одной четверти взносов рабочих;
- 4) удержания в кассу не могут быть менее 2 и более 6% от заработка; размер удержаний определяется участниками;
- 5) права участников касс на получение причитающихся им сумм не могут быть закладываемы, передаваемы или отчуждаемы и не подвергаются аресту;
- 6) делами кассы заведует общее собрание участников кассы или собрание уполномоченных, а также правление, состоящее из выборных участников кассы и представителей владельца предприятия⁹⁰.

⁸⁹ Там же, стр. 82 (вторая пагинация).

⁹⁰ Там же, стр. 11—12.

Несмотря на то, что Философов объявил себя сторонником введения страхования инвалидности и старости, его выступление не произвело на промышленников ни малейшего впечатления. Да и сам Философов, судя по всему, плохо верил в то, о чем говорил⁹¹.

Посовещавшись между собой, промышленники выступили против обоих проектов. Признав, что страхование старости и инвалидности «занимает центральное место» во всем комплексе рабочего страхования, и поспешив прибавить к этому дежурные фразы «о крайней желательности» соответствующего законопроекта и «искреннем» сочувствии стремлениям правительства его разработать, Тимирязев тут же заговорил о тех «трудностях», которые делают осуществление обязательного страхования старости и инвалидности, как полного, так и частичного, на данном этапе невозможным. Взамен он предложил добровольное, «факультативное» страхование, что означало, конечно, похороны этого страхования по первому разряду. Что касается касс обеспечения, то этот «суррогат» был отвергнут «единогласно» промышленниками по двум мотивам: во-первых, эти кассы представляли собой смешение воедино двух разных принципов: сбережения и вспомоществования; во-вторых, и здесь была зарыта собака, «такие кассы могут сделаться, собственно говоря, стаечными кассами»⁹².

Возражая против касс обеспечения, Тимирязев привел довод о незначительности пенсии, но другой промышленник, говоривший вслед за ним, заявил, что «если пенсия достигает 3—4 руб. в месяц, то старик будет вполне обеспечен, ибо он к роскоши не привык»⁹³. Однако видный специалист по страховому делу, автор ряда специальных работ по страхованию, представитель Московского российского страхового союза, А. Д. Покотилов снова сделал ударение на том, что «проект совершенно не обеспечивает инвалидность и может возбудить большое неудовольствие среди рабочих». Он повторил и другой тезис буржуазии о том, что «деньги из касс могут пойти на революцию»⁹⁴.

Показательны доводы правительства в пользу своих проектов. Они целиком носили попечительный характер. Литвинов-Фалинский, тонко подметив демагогическую сторону возражений промышленников в отношении касс обеспечения, совершенно правильно и откровенно указал на то, что с точки зрения «недостаточности», «суррогатности» и пр. все обсуждаемые законопроекты вообще не имеют смысла. «Я позволю себе указать на то, — говорил он, — что с точки зрения тех целей, которые пресле-

⁹¹ Ст. от. Особого совещания, стр. 20.

⁹² Там же, стр. 173—175.

⁹³ Там же, стр. 176—177.

⁹⁴ Там же, стр. 178—183.

дуются крайними левыми политическими партиями, вся наша работа явится только жалким суррогатом». Поэтому кассы обеспечения отвергать нельзя: их цель — не обеспечение рабочего на случай инвалидности и старости, а оказание хотя бы небольшой помощи на время, когда он лишится заработка, потеряв работу на фабрике⁹⁵. Представитель Морского министерства А. И. Чиколев указывал на то, что кассы помогут привязать рабочих к месту их работы и научат делать сбережения⁹⁶. Очень любопытен довод в защиту касс со ссылкой на указ 9 ноября. Указ, говорил В. П. Яроцкий, приведет к тому, что «начнется скупка земли сильными у слабых». В связи с этим «контингент инвалидов быстро возрастет, потому что явится масса людей безземельных». Раньше община «давала возможность старикам дожить свои последние дни у себя на родине». Указ же разрушает эту систему: «Вот мотив для введения страхования от инвалидности и старости»⁹⁷.

В конечном итоге Философов отказался от проекта касс обеспечения, но остался при своем мнении о необходимости разработки законопроекта о страховании инвалидности и старости. Он выразил надежду, что законопроект будет готов примерно через месяц⁹⁸. Однако на совещании в феврале — марте 1907 г. проект этот из-за неподготовленности так и не был роздан его участникам. Закрывая совещание, министр обещал разослать его во все торговые и промышленные организации для получения отзывов, как только он будет готов⁹⁹. Но и это обещание не было выполнено. Законопроект так и не был разработан, и больше о нем не упоминали ни правительство, ни тем более промышленники.

В связи с изложенным надо добавить, что тот же попечительный мотив лежал в основе правительственного требования о том, чтобы рабочих лечили промышленники. Правительство ясно отдавало себе отчет, что при крайне низкой заработной плате рабочих и том положении, в котором находилось здравоохранение в стране, уступка требованию промышленников о лечении рабочих за счет больничных касс означала бы на деле лишение основной рабочей массы возможности лечиться вообще сколько-нибудь серьезно. «Нельзя требовать от больничных касс, — указывал Философов, — чтобы они брали на себя такие обязанности, которые до сих пор были не по силам земствам и городам..., чтобы на больничные кассы можно было возлагать прямо непосильные в финансовом отношении тяготы»¹⁰⁰.

⁹⁵ Там же, стр. 180, 181.

⁹⁶ Там же, стр. 184.

⁹⁷ Там же, стр. 189.

⁹⁸ Там же, стр. 193.

⁹⁹ Там же, стр. 262 (вторая пагинация).

¹⁰⁰ Там же, стр. 88.

В связи с этим становится особенно понятна та задняя мысль, которая руководила промышленниками, когда они выдвигали демагогическое требование о расширении контингента страхуемых за счет сельскохозяйственных рабочих. Помимо спекуляции на страхе помещиков перед такой перспективой, здесь присутствовал еще один скрытый момент, который, однако, ни для кого не был тайной. Когда фон Дитмар, отвергая довод правительства о невозможности распространения страхования на сельские местности из-за отсутствия соответствующих органов надзора, заявил, что земства вполне справятся с этим, Литвинов-Фалинский выступил тут же с контрдоводом, имевшим для царизма принципиальное значение. Для того, чтобы обеспечить страхование сельскохозяйственных рабочих, указывал он, необходимо «создать прежде мелкую земскую единицу»¹⁰¹. Как известно, создание волостного земства было одним из главных требований и чаяний кадетской и октябристской буржуазии.

По проекту о найме рабочих от имени промышленников выступил Жуковский. Он сразу взял быка за рога, заявив, что данный вопрос «является для промышленности наиболее важным...»¹⁰² Ничего нового в смысле постановки вопроса, мотивов и целей выступления промышленников по сравнению с их позицией в комиссии Коковцова не дают. Осталась и прежняя расстановка сил. Главным предметом дискуссии был вопрос о сроке предупреждения об увольнении. Меньшинство поддерживало правительственную редакцию, большинство выступило против нее самым категорическим образом. В данном случае спор шел о четвертом тезисе основных положений проекта, который гласил: «При найме рабочих без указания срока (срок неопределенный) каждая из сторон может отказаться от договора, предупредив другую сторону о своем намерении за две недели, если в договоре о найме не оговорен иной срок, который, однако, не может быть менее трех дней»¹⁰³.

За правительственный тезис высказались на предварительном совещании промышленников Московский биржевой комитет, Совет съезда промышленников Юга России, Совет съезда льнопромышленников и Иваново-Вознесенский мануфактурный комитет. Остальные, в том числе Петербургское общество заводчиков и фабрикантов, горнопромышленники Урала, съезд промышленников Царства Польского, высказались «за полную свободу соглашений», т. е. ликвидацию каких-либо оговоренных в законе сроков. Не было забыто и предложение о взаимной неустойке в случае расторжения договора без соблюдения предупредитель-

¹⁰¹ Ст. от. Особого совещания, стр. 37,

¹⁰² Там же, стр. 225.

¹⁰³ Там же, стр. 12,

ного срока, выдвинутое на этот раз горнопромышленниками Юга и петербургскими заводчиками ¹⁰⁴.

Однако, взвесив все еще раз, «промышленники,— по словам Тимирязева,— пришли к единогласному заключению..., что установление неустойки... не принесет не только пользы, но, напротив того, может послужить источником к неудовольствию со стороны рабочих и поведет к разным недоразумениям между рабочими и работодателями» даже в том случае, если бы удерживаемые с рабочих суммы передавались бы в больничные кассы. Рабочие будут считать, что «фабриканты вместо того, чтобы эти кассы усилить своими взносами, усиливают их взносами тех же рабочих» ¹⁰⁵.

Зато основное свое требование промышленники отстаивали самым решительным образом. Смысл этого упорства полностью раскрывается в их выступлениях. В конце концов они совершенно точно и открыто заявили, что отмена предупредительных сроков дает им в руки мощное оружие против забастовщиков, в то время как сохранение даже трехдневного срока значительно притупляет его. Следует при этом еще иметь в виду, что к данному требованию в качестве его органического дополнения промышленниками было выдвинуто и другое известное нам требование: о праве рассчитывать всех рабочих при частичной забастовке под предлогом невозможности обеспечить нормальный ход производства. Иными словами, частичную забастовку они подводили под понятие *force majeure* — непреодолимой силы (вроде наводнения, пожара или другого стихийного бедствия), которое по закону освобождало владельцев от их обязательств перед рабочими. Более того, промышленники доказывали, что они должны получить право на поголовный расчет рабочих, если часть из них прекратит работу или станет хуже выполнять ее не в порядке забастовки, а в результате отказа исполнить то или иное распоряжение администрации. Когда Яроцкий и Озеров заявили, что введение подобной статьи в закон приведет к полному произволу предпринимателей ¹⁰⁶, последние пришли просто в ярость.

Обычно щеголявший своей выдержкой и уравновешенностью Жуковский на этот раз выступил с весьма резким возражением. «Негодование господ профессоров» он объявил надуманным, ибо «такого рода фактов, где бы происходили забастовки вследствие злоупотреблений предпринимателей, мы не видели; но мы видели

¹⁰⁴ Там же, стр. 226.

¹⁰⁵ Там же, стр. 255.

¹⁰⁶ Озеров, в частности, приводил такие возможные случаи: достаточно администрации снизить расценки части рабочих, которые не захотят по ним работать, как она получает право не платить всем остальным; одному кочегару достаточно отказаться от работы, чтобы был создан предлог для приостановки всего завода, и т. п. (там же, стр. 267).

систематически организованные забастовки со стороны рабочих». Невозможно, заключил он в конце, платить рабочим за прогульные дни из-за скверной редакции закона; должен господствовать принцип: «нет работы — нет денег, и работа должна быть производительной и интенсивной»¹⁰⁷.

При вторичном обсуждении в феврале — марте 1907 г., когда промышленники увидели, что их требование полностью не принято, они заговорили еще более решительно. «Если нам не будет предоставлено право некоторого противодействия влиянию массы, — говорил Нобель, — то мы пропали; без всякой дисциплины нам жить нельзя»¹⁰⁸. «Если, — уже совершенно открыто заявил Триполитов, — рабочие будут знать, что за оставление работ хоть бы 10 лицами будет грозить расчет всем рабочим, тогда прекратятся забастовки». «Фабриканту, — пояснял он далее, — следует дать полную власть угрозы прекращения работ и увольнения рабочих, без этого вы не достигнете цели»¹⁰⁹.

Не менее категоричным и ясным было выступление Гужона: «Без дисциплины ни один завод жить не может. Если вы дотронулись до мастера, то в тот же момент надо иметь право закрыть весь завод». Виной всему Министерство финансов, которое 14 лет назад добилось закона о предупреждении об увольнении за 14 дней. «От этого параграфа произошло все зло, и прекратится оно только тогда, когда вы уничтожите это»¹¹⁰. Замечание председателя («мы уже сократили до трех дней») не произвело на него ни малейшего впечатления, и он продолжал доказывать свой тезис.

В конечном счете смысл требования промышленников сводился к праву перманентного локаута, праву закрыть завод в любую минуту по любому поводу. «Я уверен, — говорил Б. А. Эфрон, — что, если будет закон, который даст владельцу право закрывать завод, рабочие будут уstraшены и не будут употреблять насилий и угроз, так как будут знать, что по закону они могут быть все уволены»¹¹¹. Чтобы понять до конца это заявление, следует иметь в виду излюбленную исходную посылку предпринимателей, состоявшую в том, что стачки — это прежде всего дело рук меньшинства, угрозами и насилиями заставляющего большую и благоразумную часть рабочих бросать работу. Угроза закрытия предприятия, по тайному расчету заводчиков, должна будет привести еще и к расколу среди рабочих, когда речь пойдет о забастовке, к столкновению между «большинством» и «меньшинством». Иными словами, здесь также выторговывалось право

¹⁰⁷ Ст. от. Особого совещания, стр. 270—271.

¹⁰⁸ Там же, стр. 135 (вторая пагинация).

¹⁰⁹ Там же, стр. 138 (вторая пагинация).

¹¹⁰ Там же, стр. 159 (вторая пагинация).

¹¹¹ Там же, стр. 169 (вторая пагинация).

прибегать к помощи закона, т. е. властей, для защиты штрейк-брехеров.

Промышленники при обсуждении вошли в такой раж, что стали даже открыто делать выговоры министру. «Мне кажется,— заявил Глезмер,— если мы имеем дело с Министерством торговли и промышленности, то очевидно, что это министерство должно более или менее выступать на защиту промышленности и торговли. Поэтому, идя в принципиальном противоречии, мне кажется, оно не отвечает тому, для чего создано такое министерство»¹¹². «Мы,— вторил ему Гужон,— ни в коем случае согласиться не можем с вами в этом вопросе (о сроках предупреждения.— А. А.)»¹¹³.

Позиция правительства и в данном вопросе исходила из охранительных и попечительских соображений. Озеров в своей речи достаточно ясно выразил и то, и другое. «Если... мы будем,— говорил он,— выбрасывать сразу всех рабочих на улицу, то ведь какие мы создадим кадры беспокойных, которые будут угрожать общественному спокойствию». Кроме того, «это создаст антагонизм между промышленниками и рабочими». «Говоря о защите рабочих,— продолжал он далее,— я заявил, что в настоящее время нельзя отказаться от опеки, так как рабочий класс к этому привык, мы его слишком долго держали связанным по рукам и ногам». Оценивая смысл требования промышленников, Озеров говорил: нельзя вводить специальный закон, по которому можно было бы «увольнять всех рабочих сразу..., нельзя отказываться от правовой юстиции, а вы здесь хотите учинить своего рода полевую юстицию»¹¹⁴. Это было сказано достаточно метко.

Вице-директор Департамента полиции Н. П. Зуев настаивал на сохранении двухнедельного срока на том основании, что отмена его была бы «шагом назад в нашем рабочем законодательстве, так как отнимает у рабочего гарантию и едва ли может способствовать правильному установлению отношений, которые существуют теперь между работодателями и рабочими»¹¹⁵. Спекулируя на этой позиции всесильного министерства, Литвинов-Фалинский уговаривал промышленников принять трехдневный срок, который «является известным компромиссом»¹¹⁶.

Несмотря на кажущуюся победу правительства (оставление четвертого тезиса в прежней редакции)¹¹⁷, действительная победа была за промышленниками. Она, по сути дела, была одержана

¹¹² Там же, стр. 212 (вторая пагинация).

¹¹³ Там же, стр. 215 (вторая пагинация).

¹¹⁴ Там же, стр. 233—234.

¹¹⁵ Там же, стр. 128 (вторая пагинация).

¹¹⁶ Там же, стр. 129 (вторая пагинация).

¹¹⁷ Там же, стр. 15 (вторая пагинация).

еще до начала дебатов и выражена в первом тезисе «Правил о найме рабочих», который гласил: «Коренной пересмотр действующих узаконений, определяющих взаимные отношения сторон при найме рабочих, представляется в настоящее время трудновыполнимым; поэтому необходимо ограничиться пока частичным лишь исправлением этих узаконений на излагаемых ниже основаниях»¹¹⁸.

Таким образом, налицо отказ от одного из основных программных положений Коковцова и Комитета министров, о которых шла речь выше. И, конечно, все представители промышленности выразили свое полное удовлетворение по поводу этого тезиса.

Правительственный проект о законодательном сокращении рабочего времени с 11,5 до 10,5 часа, как и до этого, встретил со стороны промышленников самое ожесточенное сопротивление. «Совещание, всеми голосами против одного, против мнения Совета съездов горнопромышленников Юга России,— докладывал Тимирязев,— высказалось за принцип отмены всякой нормировки с тем, чтобы это дело было предоставлено добровольному соглашению между рабочими и работодателями»¹¹⁹. Промышленники заявили (и в этом была доля истины), что они возражают не против 10,5-часового рабочего дня как такового, а против законодательного вмешательства в этот вопрос. В доказательство они ссылались на то, что в основных отраслях промышленности 10,5-часовой рабочий день уже давно стал фактом и что они хотят сохранения именно 60-часовой рабочей недели, которая и складывается из ежедневного рабочего дня в 10,5 часа (всего 63 часа, но субботний день был укороченным)¹²⁰.

В ход, конечно, пошел весь арсенал доводов, с которым мы уже знакомы. Заводчики плакались по поводу убыточности своих предприятий, жаловались на неслыханные притязания рабочих. «Рабочие воображают,— выходил из себя Гужон,— что они — хозяева предприятия и, чтобы не разводить революции, им дают столько работы, сколько они хотят. Они дойдут скоро до того, что будут работать 6 часов, если до этого заводы не обанкротятся». «Согласиться... на меньшее (чем 11,5.— А. А.) часов,— уверял он,— мы совершенно не можем»¹²¹.

Когда Философов указал Гужону на то, что в апреле москвичи высказались за 10,5 часа и его поэтому удивляет такая резкая перемена взглядов за каких-нибудь полгода, последний ответил следующим образом: «Ответ прост: когда люди ошиба-

¹¹⁸ Ст. от. Особого совещания, стр. 12.

¹¹⁹ Там же, стр. 289. Авдаков от имени горнопромышленников Юга высказался за 10,5 часа, но потребовал полной рабочей недели в 63 часа (там же, стр. 294—295).

¹²⁰ Там же, стр. 291—292.

¹²¹ Там же, стр. 299—300.

ются, то самое лучшее — это сознаться в своей ошибке». «...Когда они (московские представители в совещании Федорова, давшие согласие на 10,5-часовой рабочий день.— А. А.) явились в Москву, им заявили, что они действовали против интересов промышленников, и Москва отказалась от этих слов. Притом вы теперь не видите ни одного из этих господ здесь, вместо них выбрали других»¹²².

Но Гужон, конечно, извращал картину. Дело было не просто в «ошибке», а в страхе московских промышленников перед рабочим классом и революцией, которая весной 1906 г. была еще очень сильна. Теперь страх более или менее прошел, и готовность пойти на уступки была признана ошибкой.

В связи с этим следует отметить один любопытный момент: председатель Совета съездов, высказав сначала общую точку зрения промышленников, затем от своего имени заявил, что он является сторонником правительственного проекта. Совокупность всех обстоятельств, говорил Тимирязев, включая в эту «совокупность» и революцию, «заставила меня прийти к заключению, что было бы актом политической мудрости пойти вперед... и сделать шаг к дальнейшему сокращению максимального размера рабочего времени. Мне кажется, что предлагаемая министерством программа максимума должна быть признана вполне приемлемой... По всем соображениям, политическим и социальным, необходимо пойти вперед и сократить рабочее время, признав максимумом 10,5 ч.»¹²³.

Выступив еще раз, Тимирязев решился произнести слово, приводившее промышленников в ярость. Это было слово «уступка». «Мои соображения политические», — прямо указал Тимирязев. Яростный «применил слово „уступка“, я думаю, мы не можем не дать этой уступки». Правительство, доказывая свою мысль Тимирязев, руководствуется «не только соображениями по существу (т. е. экономическими.— А. А.), но и соображениями политическими, в целях достижения успокоения страны. Успокоение это крайне необходимо, и достижение его есть цель настолько значительная и единственная для всех фибр народного хозяйства, что, я думаю, не беда, если это успокоение будет достигнуто даже ценой некоторых жертв», тем более, что норма в 10,5 часа уже существует на практике. «Я считают современное положение вещей таковым, что лучше уступить теперь, чем быть вынужденным уступить в будущем, и уступить, конечно, больше»¹²⁴.

Трудно сказать, что заставило одного из признанных лидеров промышленного мира разойтись со своими единомышленниками в одном из самых существенных вопросов: выиграла ли в нем душа бывшего правительственного чиновника высокого ранга

¹²² Там же, стр. 301.

¹²³ Там же, стр. 312.

¹²⁴ Там же, стр. 334—335.

или он проявил здесь большую проницательность и дальновидность, но, как бы то ни было, он оказался в одиночестве, несмотря на весь свой авторитет и председательский пост.

«Когда мы,—вспоминал Триполитов,—при начале забастовок были приглашены статс-секретарем Коковцовым, всем было сказано: придумайте, какие вы должны сделать уступки. Тогда мы сказали: никаких уступок мы делать в таких условиях не можем, путь этот очень рискованный. Там, где пришлось делать уступки, мы убедились ясно, что за каждой новой уступкой было новое требование... Я повторяю, что мы не видим никакой надобности делать эту уступку»¹²⁵.

Еще более решительно выступил Гужон: «Мы все восстаем против того, что вы по каким-то политическим соображениям... хотите уменьшать время работы. Нельзя поддаваться всяким требованиям рабочих; нужно, чтобы рабочие знали: раз они работают на данной фабрике, им платят, если не желают работать — пусть уходят»¹²⁶.

Что касается правительственной аргументации, то вся она укладывалась в знакомое слово «опека». «Над нашим русским рабочим,—говорил Бертенсон,—известная опека есть, и, с точки зрения опеки по отношению к менее развитому человеку, над ним должна быть опека». «Если у нас говорить о норме (рабочего времени.—А. А.),—продолжал он,—то она нужна у нас непременно, потому что рабочие пока сами о себе заботиться не могут (!)»¹²⁷.

Единственное «позитивное» контрпредложение, какое нашлось у промышленников по отношению к правительственному законопроекту о сокращении рабочего времени на час, состояло в том, чтобы уменьшить детский возраст на один год. Правительственный проект предлагал 6-часовой рабочий день для детей от 12 до 15 лет. Промышленники предлагали предел детского возраста в 14 лет. «15-летний возраст неудобен.—пояснял Гужон,—потому что ученики кончают школу до 14 лет, а до 15 лет мы не можем брать их на фабрику, и они бегают по улицам и хулиганичают... Мы полагали, что это будет много лучше (!) и для самих малолетних»¹²⁸. «Работа 14-летнего подростка,—уверял Нобель,—не будет представлять никакой опасности для его здоровья»¹²⁹.

С исключительным упорством промышленники возражали также во имя «свободного соглашения» против всякой регламентации сверхурочных работ. В связи с этим правительствен-

¹²⁵ Ст. от. Особого совещания, стр. 337.

¹²⁶ Там же, стр. 338.

¹²⁷ Там же, стр. 297—298.

¹²⁸ Там же, стр. 339.

¹²⁹ Там же, стр. 345.

ные чиновники вынуждены были вскрыть истинный смысл этого требования. «Свобода соглашения,— заявил Озеров,— невозможна: рабочим прямо будут говорить — ступайте на сверхурочные работы или же вас будут увольнять». Никакой свободы соглашения, указывал в свою очередь Литвинов-Фалинский, как и в вопросах заработной платы, здесь быть не может, ибо стороны не равны: «Спросите у рабочего, добровольно ли он соглашается на эту плату», когда «на одно место имеется 100 человек безработных»¹³⁰.

В марте 1907 г. Литвинов-Фалинский по этому поводу высказался еще более решительно: «Вообще в промышленности искать свободного соглашения нельзя. Это миф, это вздор... Рабочий вполне зависит от предпринимателя, при том положении рабочего рынка, где на одно место 10—20 голодных рабочих. Какая же тут **может** быть свобода соглашения! Если вы приедете на фабрику и спросите ткачей, свободно ли они соглашаются работать за 80 коп. в день, они вам скажут: нет, мы согласились под давлением нужды. Ибо эта же экономическая зависимость побуждает рабочего соглашаться на сверхурочные работы и тогда, когда он не хочет работать»¹³¹.

Однако такие неприятные для заводчиков вещи говорились редко и с лихвой компенсировались позицией председателя, при каждом удобном случае заявлявшего о признательности правительства промышленникам за их готовность идти на «жертвы». «Это тем более достойно со стороны господ промышленников,— говорил Философов, закрывая декабрьское совещание,— что результатами всех наших трудов явятся, несомненно (!), весьма крупные жертвы для них. Но они понимают,— спешил их он утешить,— что убытки такого рода будут возвращены им сторицей»¹³².

Вопрос о профсоюзах, который был наиболее тесно связан именно с проектами найма и сокращения рабочего дня, совещанием фактически не обсуждался. Те или иные попутные замечания относительно их, которые делались как промышленниками, так и представителями правительства, были лишены всякого практического значения. Это нашло свое отражение и в цитированном выше отчете Совета съездов. «Совет съездов в то же время находит,— гласили последние слова доклада,— что законопроекты Министерства торговли и промышленности, оставив в стороне вопросы о законодательном регулировании забастовок и о правильной постановке законодательства о профессиональных союзах и обществах взамен весьма неудовлетворительных „Временных правил 4 марта 1906 г.“, лишают русскую промышлен-

¹³⁰ Там же, стр. 351.

¹³¹ Там же, стр. 254 (вторая пагинация).

¹³² Там же, стр. 355.

ность тех основных условий, которые только и могут послужить средством и почвой для установления правильных отношений между промышленниками и рабочими»¹³³.

Итак, то, чем клялись и божились фабриканты и заводчики в комиссии Коковцова, было «оставлено в стороне» при помощи деепричастного оборота. «Основными условиями» их взаимоотношений с рабочим классом были уже признаны другие условия.

Философов, как нам известно, очень спешил. И декабрьское, и февральско-мартовское совещания обсудили только 6 проектов из 10. Министр хотел успеть внести в Думу хотя бы несколько законопроектов. Но из этого ничего не получилось. Философов вскоре умер, а II Дума была разогнана. Так кончился второй этап в развитии рабочего вопроса в рассматриваемый период и начался третий.

¹³³ ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 1860, л. 18.

Глава пятая

СТРАХОВЫЕ ЗАКОНОПРОЕКТЫ

СОВЕЩАНИЕ ОСТРОГРАДСКОГО

16 февраля 1908 г. секретарь Государственной думы И. П. Созонович обратился с письмом к Столыпину с просьбой сообщить, «когда можно ожидать представления» в Думу законопроектов о страховании рабочих. 20 февраля Столыпин направил письмо с этим вопросом министру торговли и промышленности И. П. Шипову, препроводив ему заодно и письмо Созонова. 7 марта последовал ответ Шипова, в котором он сообщал, что «законопроекты по обязательному страхованию рабочих от несчастных случаев и на случай болезни, равно как и о врачебной помощи рабочим, уже изготовлены» и в настоящее время окончательно дорабатываются в совещании, состоящем из чиновников его ведомства и под его председательством. «В течение текущего месяца» эти законопроекты будут внесены на рассмотрение Совета министров. В соответствии с этим письмом Столыпин дал ответ секретарю Думы. 28 марта Шипов внес все три указанных законопроекта в Совет министров¹.

В конце объяснительной записки к законопроектам Шипов просил Совет министров «ввиду желательности скорейшего внесения означенных законопроектов на рассмотрение Государственной думы и во внимание к сложности и многочисленности содержащихся в них постановлений» разрешить ему созвать при Министерстве торговли и промышленности междуправительственное совещание из представителей заинтересованных ведомств с соответствующими полномочиями, которое рассмотрело бы предварительно законопроекты статью за статьей с тем, чтобы на долю Совета министров остались лишь статьи, вызвавшие разногласия или сомнения. Министр просил также разрешения пригласить на это совещание представителей промышленности «и других лиц, от коих можно ожидать полезных по свойству дела сведений»². Так было создано совещание под председательством

¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, лл. 1, 3—5.

² Там же, л. 12—12 об.

товарища министра торговли и промышленности Н. А. Остроградского, заседавшее в апреле — мае 1908 г.

Это совещание представляет для нас исключительный интерес как самим содержанием происходивших на нем дебатов, так и той оценкой, которую оно получило со стороны буржуазии. В нашем распоряжении имеются два отчета о совещании, исходящие из крупнокапиталистических кругов. Один из них — доклад Г. С. Касперовича Совету съездов представителей промышленности и торговли от 6 июня 1908 г., другой — отчет Триполитова — председателя специальной «комиссии по обсуждению внесенных министром торговли и промышленности на уважение Совета министров законопроектов по рабочему вопросу», созданной при Петербургском обществе заводчиков и фабрикантов, общему собранию общества от 30 мая 1908 г. Доклад Касперовича был размножен на гектографе и разослан, по-видимому, всем представительным организациям буржуазии.

Подчеркнув в начале доклада, что страховые законопроекты, наконец, из стадии обсуждения переходят в стадию практического решения, поскольку правительство еще в текущую сессию намерено внести их на рассмотрение Думы, Касперович затем подробно остановился на тех изменениях и дополнениях, сделанных совещанием Остроградского, которые «приобретают особое значение и вместе с тем заслуживают особого внимания».

Относительно законопроекта о страховании от несчастных случаев Касперович отметил, что по своему существу он остался прежним, таким, каким вышел из недр совещания Философова, подвергнувшись «главным образом» «тщательной и обстоятельной переработке» с редакционной точки зрения. Однако при обсуждении возникли споры и по существу. Одним из таких «боевых вопросов» явился вопрос об определении размера заработной платы рабочих, пострадавших в результате несчастного случая. Промышленники, естественно, доказывали, что заработком рабочего надо считать только тот, который он имел на том предприятии, где он пострадал. Однако комиссия не согласилась с этим, и в понятие «заработок» были включены все виды заработка рабочего, независимо от места работы. Но зато комиссия в отступление от закона от 2 июня 1903 г. сделала уступку промышленникам, установив, что потеря трудоспособности менее 5% не дает права на пенсию³. Два вопроса остались нерешенными; оба они мелкие, не представляли сколько-нибудь большого интереса, и мы на них останавливаться не будем.

Перейдя к законопроекту об обеспечении на случай болезни, Касперович прежде всего отметил, что этот проект «представляет значительную разницу» по сравнению с первоначальной редакцией и суть ее состоит в том, что он объединяет в себе

³ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 594, лл. 235 об.— 236 об.

«два прежних отдельных проекта — страхование от болезни и о врачебной помощи рабочим, причем постановка последнего вопроса радикально изменилась». Изменение это, в освещении Касперовича, сводилось к следующему. Правительство осталось на своей прежней точке зрения, «не разделяемой ни одним западноевропейским законодательством», что оказание врачебной помощи является прямой обязанностью владельцев предприятий, но вместе с тем отказалось от своей прежней идеи дать точное определение размера лечебной повинности предпринимателя путем денежных сборов по числу рабочих. Теперь, по проекту, владельцы должны были давать лишь первоначальную врачебную помощь и амбулаторное лечение, причем им предоставлялось право входить по этом поводу в соглашение с больничными кассами, земскими и городскими учреждениями и т. д. Что касается больничного лечения, «осуществление которого могло бы быть особенно затруднительным для владельцев промышленных предприятий», то здесь проект предусматривал лишь денежную ответственность предпринимателей перед лечебными заведениями за лечение ими больных рабочих в размерах действительной стоимости и содержания последних⁴. Иными словами, скажем мы от своего имени, промышленники в конце концов сокрушили своего главного врага — закон 26 августа 1866 г. — и добились вполне приемлемого для них компромисса. Это была, безусловно, одна из наиболее крупных и принципиальных страховых побед буржуазии. Несмотря на решительный протест «представителя медицинского управления», заявившего, что при такой постановке вопроса рабочие вообще могут остаться без всякого лечения, «комиссия, по условиям нашей действительности, естественно (!), не могла разделить этого взгляда».

Все остальные поправки, принятые совещанием, докладчик разделил «на две отличные друг от друга категории». К одной из них относились те, «которые вызваны стремлением придать проектируемому закону характер большей жизненности и устойчивости». Нетрудно понять, что таким стремлением были охвачены именно представители буржуазии. Поправки второго рода были «преимущественно административного характера». К числу первых относится поправка об увеличении нормы участников отдельной кассы со 100 до 200 человек по соображениям «осторожности», т. е. в целях большей финансовой устойчивости касс. «Не менее серьезное значение» имела и другая поправка, устанавливавшая выдачу пособий не с первого дня болезни, а с четвертого,

⁴ Там же, л. 237. Таким образом, существующее в нашей литературе представление о том, что от всех первоначальных проектов страхования остались в конечном итоге только два (не считая двух сопутствующих законопроектов о страховом Совете и страховых присутствиях, имевших административно-управленческий характер), не совсем точно. Фактически, как мы видим, остались три законопроекта, формально сведенные к двум.

как это было принято в германских кассах. Был изменен также принцип, определявший размер взносов рабочих в кассу. Вместо прежних 3% сумма взноса устанавливалась в зависимости от величины кассы: чем касса была больше, тем процент ниже, причем трехпроцентный взнос стал пределом. «К категории тех же вполне целесообразных изменений» Касперович отнес и «более ясное и точное определение» по сравнению с прежним проектом порядка обязательной выдачи владельцем беспроцентной ссуды кассе. Момент этот, «по исправленному проекту», наступает тогда, когда израсходованы все средства кассы, причем общий размер ссуды не должен превышать трехмесячного размера поступлений и взносов в кассу. Ссуда выдается не целиком, а авансами, а на ее погашение идут все средства кассы, включая и отчисления в запасной капитал.

«Видами совершенно другого порядка...», — меланхолично замечает автор доклада, переходя ко второй серии поправок, — вызван целый ряд других изменений рассматриваемого законопроекта». Сюда он прежде всего относил прямое вмешательство полиции и администрации в дела кассы и лишение всякой самостоятельности по отношению к правительству, вернее, к Министерству внутренних дел и губернатору, страхового Совета и страховых присутствий. В первоначальном виде, по мнению Касперовича, такая относительная независимость была. «Теперь постановка дела резко изменилась».

Прежде всего был введен ряд статей, устанавливающих «мельчайшие подробности надзора» за деятельностью общих собраний членов кассы (извещение полиции о собрании за три и семь дней до него, право губернатора и начальника местной полиции посылать на эти собрания «должностное лицо», т. е. полицию, штраф до 100 руб. за «незаконный» созыв собрания и т. п.). Председателем страхового присутствия должен быть губернатор (а не старший фабричный инспектор, как проектировалось вначале), в состав присутствия вводятся вице-губернатор и начальник жандармского управления. Присутствие, т. е. губернатор и жандармское ведомство, получило право закрывать кассы и передавать их дела другим, в случае, если оно установит, что, как гласила соответствующая статья, «положение дел кассы угрожает несостоятельностью или же действия больничной кассы представляют опасность для государственного порядка и общественного спокойствия». Мотивировалось же это нововведение со стороны Министерства внутренних дел, по словам Касперовича, двумя аргументами: 1) необходимостью увязать закон о присутствиях с предполагаемой губернской реформой и 2) «по возможности охранить... больничные кассы от вредного влияния со стороны социалистов-демократов».

Оценивая итоги совещания, Касперович писал: «Все эти наслоения в проекте являются результатом вынужденной уступки

со стороны Министерства торговли и промышленности... властным требованиям представителей Министерства внутренних дел». Как выяснилось на совещании, взгляды этих двух министерств «диаметрально расходятся». Министерство торговли и промышленности (а также, конечно, и промышленники) считало, что кассы не должны быть орудием политики и борьбы с социал-демократами — для этого у правительства «имеются иные средства». Теперь же благодаря внесенным изменениям в законопроект «особенно сильно подчеркнута политическая сторона дела». «При таких условиях,— заключал Касперович,— не надо быть большим пророком, чтобы заранее предсказать печальную участь, которая постигнет законопроект».

Самым интересным для нас в этом предсказании является то, что Касперович был абсолютно уверен в том, что в таком виде законопроект о присутствиях и страховом Совете никоим образом не будут приняты Думой. Для него этот исход был само собой разумеющимся, и он выразил эту мысль следующим образом: «И если даже можно было бы допустить на момент, что когда-нибудь, паче чаяния, проект в таком виде может пройти через законодательные учреждения (что, повторяем, граничит с невероятностью) и принять облик закона», то и тогда закон окажется мертворожденным⁵.

Отчет Триполитова, так же как и доклад Касперовича, носил циркулярный характер, но имел в отличие от первого гриф «конфиденциально». Начинался доклад с жалобы на то, что, во-первых, комиссия Остроградского «приступила к своим занятиям с чрезвычайной поспешностью и в весьма неудобное время», во-вторых, представители промышленности были приглашены только от пяти организаций, а именно: Петербургского биржевого комитета (Беляев и М. П. Шапкин), Московского биржевого комитета, Совета съездов представителей промышленности и торговли (А. А. Вольский, Г. Арандаренко), Петербургского общества заводчиков и фабрикантов (Триполитов, А. Д. Эйзенберг) и Совета съездов горнопромышленников Царства Польского (Жуковский), причем представители Москвы все время отсутствовали.

В самом начале работы совещания, докладывавал Триполитов, от имени представляемого им общества «было сделано мотивированное заявление о несвоевременности введения намеченных законов и обращено внимание на крайнюю недостаточность представительства промышленности, особенно на неудобство отсутствия представителей центрального района (т. е. Москвы.— А. А.)». Аналогичное представление было сделано «через особую депутацию от Совета съездов представителей промышленности и

⁵ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 594, лл. 237 об — 240 об.

торговли» и министру торговли и промышленности. При этом последний выразил готовность предоставить промышленникам возможность обсудить законопроекты в окончательном виде и дать свое заключение в особой записке, которую он, министр, обещал внести в Думу вместе с законопроектами. Это обещание было потом официально подтверждено через Осведомительное бюро в «Торгово-промышленной газете». Министерство торговли и промышленности «сразу заняло очень твердую позицию», и «при таких условиях немногочисленным представителям промышленности трудно было достигнуть особенно существенных успехов. Тем не менее некоторые положения удалось провести...» Далее шел перечень достигнутого:

1) Увеличение минимума отдельной кассы со 100 до 200 человек и главное — право предприятия с любым числом рабочих учреждать одну общую кассу без особого на то разрешения и нескольшким кассам объединяться в одну.

2) Уменьшение размера взносов в пределах 1—2% и только для малых касс — до 3%. Взносы промышленников определены по-прежнему в $\frac{2}{3}$ от взносов рабочих, но против этого подано теперь особое мнение, которое войдет в объяснительную записку.

3) При нехватке взносов для выдачи минимальных пособий они могут быть увеличены сверх указанного процента без ограничения, причем взносы работодателей «ни в коем случае» не должны превышать 2% заработной платы.

4) Выдача пособий с четвертого дня заболеваний, «вопреки действующему закону 2 июня 1903 г.»

5) Сокращение срока для предъявления претензий относительно выдачи пособий по болезни с двух лет до одного года.

6) Определение предельного размера беспроцентной ссуды, выдаваемой предпринимателями кассе, который составляет $\frac{3}{4}\%$ годовой заработной платы и не свыше 4 руб. 50 коп. с рабочего, так как максимальный дневной заработок принят в 2 руб. «Кроме того, в текст закона введены постановления, отдаляющие наступление момента для выдачи ссуд».

7) Оставление обязательной врачебной помощи со стороны предпринимателя сроком до двух лет только для заболевших рабочих в результате отравления (свинцом, ртутью и т. п.), в то время как раньше такой срок устанавливался и для заболевших вследствие «телесных повреждений, хронического отравления вредными газами, парами или ядовитыми газами» — определение, под которое, по мнению Триполитова, «подошли бы все профессиональные болезни».

8) Распространение страхования от болезней «в ограждение интересов мелких предприятий» на предприятия с 10 рабочими при двигателе и с 25 без такового вместо прежних 5 и 20 соответственно.

9) Замена обязательности добровольным правом владельца предприятия сообщать страховому присутствию обо всех противозаконных и противонаправленных распоряжениях кассы.

Не менее интересен и перечень тех пунктов, который промышленникам не удалось провести.

1) Одинаковые нормы обеспечения рабочих частных и казенных заводов.

2) Право предприятий присоединяться к городским больничным кассам, если таковые имеются.

3) Вступительный взнос для рабочих — членов кассы в размере 6-недельного заработка, по примеру Германии.

4) Снижение доли взносов предпринимателя до половины и даже до трети взносов рабочих ввиду того, что на него возлагается обязанность лечить рабочих.

5) Председательствование предпринимателя на общих собраниях кассы необязательно.

6) Исключение пункта, по которому неявка на работу представителей застрахованных рабочих вследствие занятости их по делам кассы дает право владельцу предприятия налагать на них взыскания.

«Таким образом, из спорных вопросов, — заключал эту часть доклада Триполитов, — большинство (пожеланий. — А. А.) по представлению промышленности имело успех». Но, продолжал он, при обсуждении «вскрылась целая область новых вопросов, о которых в первоначальном законопроекте не было речи. Это суть вопросы по надзору за деятельностью больничных касс, внесенные представителями Министерства внутренних дел и проведенные с энергией и железной логикой». Из этих слов следует, что подобный поворот событий для участников совещания, по крайней мере для представителей промышленности, оказался полной неожиданностью. Далее мы увидим, что так же он был воспринят и самим Министерством торговли и промышленности — обстоятельство, на которое следует обратить внимание.

Триполитов всячески подчеркивал категоричность требований ведомства Столыпина: не только «здесь голосу представителей промышленности места не было», но «даже Министерство торговли и промышленности пошло как бы на буксире Министерства внутренних дел». Перечислив права, получаемые губернатором, согласно внесенным Министерством внутренних дел поправкам, докладчик делал следующий вывод: «В этой области компромиссы невозможны: или свобода и самоуправление (по первоначальному проекту Министерства торговли и промышленности. — А. А.), или надзор и вмешательство власти, и этот кардинальный вопрос, конечно, займет внимание и Совета министров, и законодательных учреждений».

Вопрос о лечении рабочих Триполитов излагал следующим образом. В совещании Философова, «по настоянию представите-

лей промышленности, а главное представителей Общества заводчиков и фабрикантов», было установлено, что владелец предприятия врачебную помощь оказывает либо непосредственно, либо передает лечение больничным кассам, уплачивая им за каждого рабочего от 3 до 5 руб. «Таким образом, фабрикант освобождался от непосредственного участия в ведении дела, и расходы его нормировались, и, кроме того, денежная сторона дела покоилась на чисто страховом принципе, а косвенно устранялись конфликты между работодателями и рабочими. К сожалению, принципы эти встретили влиятельного противника в лице В. П. Литвинова-Фалинского, который построил организацию лечебной помощи по иной схеме». Эта схема нам уже известна из предыдущего доклада.

Законопроекту о страховании от несчастных случаев Триполитов, естественно, дал лучшую оценку, чем законопроекту о больничных кассах, и здесь подробно перечислив все те «улучшения» в пользу промышленников, которые им удалось заполучить:

1) Пособия пострадавшим первые 13 недель будут выдаваться за счет больничных касс, а уже затем за счет страховых товариществ.

2) При отказе от пользования предоставляемой ему бесплатной медицинской помощью рабочий теряет право на вознаграждение полностью или частично.

3) Срок давности (двухлетний) по представлению исков не приостанавливается и в том случае, если рабочий продолжает работать на том же предприятии, где с ним произошло несчастье.

4) Уменьшен размер пенсии для пострадавшего малолетнего (исходя из двойной заработной платы взрослого чернорабочего как максимум).

5) Пенсия в размере полного заработка выдается «только для исключительных случаев»: слепота, сумасшествие и некоторые другие. (Первоначально же речь шла обо всех полностью нетрудоспособных).

6) Вдова, если она вышла замуж за пенсионера после несчастного случая, пенсию не получает, не получают ее также усыновленные и приемные дети.

7) Допускается частичная капитализация пенсии; однако поскольку этот вопрос вызвал разногласие, окончательно он должен решаться Советом министров.

8) При определении годового заработка принимается в расчет только заработок на данном предприятии; заработок на стороне учитывается лишь в том случае, если он имел место на предприятии, подлежащем закону о страховании.

В заключение Триполитов перечислил состав и кратко охарактеризовал Совет по делам о страховании рабочих. В него входят восемь представителей Министерства торговли и промышленности, два — от Министерства внутренних дел, четыре — от дру-

гих ведомств, два — от городов и земств и по три — от работодателей и рабочих. «Учреждение, — констатировал Триполитов, — чисто бюрократического склада. Председательствует министр торговли и промышленности, который оставляет по закону за собой право по многим вопросам приостанавливать приведение в исполнение постановлений Совета, перенося дело на усмотрение Совета министров. Такое же право, но уже по всем вопросам, выговорили представители Министерства внутренних дел для своего министра»⁶.

Еще более наглядно суть и последствия разгоревшейся дискуссии между министерством Столыпина и ведомством Тимашева, завершением которой явилось обсуждение законопроектов в Совете министров, раскрываются в официальных документах. 30 мая 1908 г. министр торговли и промышленности Тимашев внес свои четыре законопроекта в Совет министров, а уже 1 июня помощник управляющего делами Совета министров Н. В. Плеве обратился к Столыпину с письмом, содержащим довольно необычное для практики этого органа предложение. Принимавший участие в совещании Остроградского вместе с другими представителями Министерства внутренних дел И. Я. Гурлянд, говорилось в письме, сообщил ему, Плеве, что внесенные законопроекты «вызывают существенные возражения со стороны Министерства внутренних дел, причем прилагаемый к делу журнал совещания не отражает правильно суждений членов». На этом основании, «по соглашению со ст. сов. Гурляндом», Плеве просил Столыпина поручить от его имени Гурлянду составить совместно с другими представителями Министерства внутренних дел доклад, «который и заслушать в Совете министров совместно с прочими материалами по делу».

Согласие премьера было получено немедленно: уже 3 июня Плеве официальным письмом предлагал Гурлянду от имени Столыпина представить указанный доклад. Гурлянд также не заставил себя ждать. 6 июня он созвал совещание в составе исполняющего должность вице-директора Департамента полиции Н. И. Харламова, исполняющего должность помощника главного врачебного инспектора Н. Я. Шмидта и чиновника Главного управления по делам местного хозяйства, ведавшего страховым делом, Н. П. Дружинина, т. е. всех тех, кто представлял Министерство внутренних дел в совещании Остроградского. Совещание приступило к составлению доклада, и уже 10 июня Гурлянд направил его в Совет министров⁷.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 591, лл. 8 об.— 12.

⁷ Там же, ф. 1276, оп. 4, д. 125, лл. 249—251 об. Доклад так и назывался: «Доклад представителей Министерства внутренних дел, принимавших участие в работах совещания по рассмотрению законопроектов Министерства торговли и страхованию рабочих» (там же, л. 270).

Необходимость такого доклада его авторы мотивировали следующими соображениями: во-первых, представленный Министерством торговли и промышленности журнал совещания Остроградского содержит изложение «только некоторых, а не всех главнейших суждений» представителей Министерства внутренних дел; во-вторых, он не позволяет «с достаточной точностью и определенностью» установить эти суждения; в-третьих, в окончательную редакцию законопроектов внесены некоторые подробности, «не соответствующие тому, что... было принято совещанием», и, наконец, в-четвертых, в окончательной редакции в законопроекты внесены такие изменения, которые вообще «не подвергались обсуждению совещания». Далее шли конкретные замечания по каждому законопроекту, причем прежде всего подверглись критике именно сопутствующие законопроекты о страховом Совете и страховых присутствиях.

Согласно проекту Министерства торговли и промышленности, говорилось в докладе, Совет по делам страхования номинально состоит в этом ведомстве, но по своему составу является органом межуведомственным, а по правам и характеру деятельности представляет собой учреждение вневедомственное. Хотя из 14 представителей правительства девять представлены Министерством торговли и промышленности, этим еще принадлежность Совета к данному министерству не устанавливается. Не устанавливается она также и тем, что председателем Совета будет министр торговли и промышленности, так как, согласно проекту, его власть очень недостаточна.

Остальные пять представителей четырех ведомств поставлены проектом «в положение рядовых членов». В таком случае целесообразнее вообще отказаться от представительства других ведомств, поскольку их голос не получает «подобающего значения», а главное, обнаружилось бы «определеннее то положенное в основу проекта, но недостаточно им раскрываемое стремление Министерства торговли и промышленности, которое... сводится к опасениям встретить со стороны других ведомств, всех или хотя бы некоторых, недостаточно государственное понимание как всего дела страхования рабочих, так и частных всего дела». Смысл этой тирады, конечно, совершенно ясен: представителей полицейского ведомства беспокоило не положение «других ведомств», а свое положение, стремление Министерства торговли и промышленности сохранить руководящую роль в страховом деле за собой. Авторы доклада запугивали правительство тем, что проектируемый орган создаст весьма нежелательный «прецедент» в законодательстве образованием при министерстве независимого органа не только от него, но в ряде случаев даже от Совета министров.

В связи с этим доклад требовал, чтобы страховой Совет был превращен в совещательный орган при министре торговли и про-

мышленности, а представители ведомств получили бы право протеста против принятых Советом решений. Эти протесты, в случае если бы по ним не было достигнуто соглашение с министром торговли и промышленности, должны были выноситься на рассмотрение Совета министров. «Особенно важным, — говорилось в докладе по этому поводу, — явилось бы предоставление такого права протеста старшему представителю Министерства внутренних дел. Это вытекает уже из одного того, что при устройении страхования рабочих по системе мелких больничных касс в жизнь страны вводится сразу свыше 2 тыс. новых самоуправляющихся организаций, а следовательно, и все вопросы, связанные с деятельностью этих организаций, едва ли могут решаться иначе, как в тесном единении с тем ведомством, на ответственности которого лежит охранение порядка в государстве, руководство общей администрацией и надзор за закономерностью деятельности органов самоуправления и соединств».

Остальные замечания носили более частный характер. Авторы доклада жаловались на недостаточность прав члена Совета — представителя медицинского совета или управления главного врачебного инспектора; считали неправильным одновременное участие в заседаниях Совета, помимо выборных членов, их заместителей с правом совещательного голоса. Практически это означает, говорилось в докладе, «искусственное удвоение представительства выборных» и, следовательно, «их влияния... на решение Совета». Совет вырастет до 45 лиц и станет «чрезмерно громоздок». Довод Министерства торговли и промышленности, что таким путем заместители будут подготовлены компетентно заменять отсутствующих действительных членов, не может быть принят во внимание хотя бы потому, что тогда «пришлось бы удвоить составы вообще всех коллегий». Представители Министерства внутренних дел возражали также против пункта, согласно которому Совет получал право ревизовать не только чиновников Министерства торговли и промышленности, но и должностных лиц других ведомств, причастных к страхованию, на том основании, что в число «других лиц» попадал губернатор, что считалось недопустимым.

В отношении законопроекта о страховых присутствиях доклад требовал предоставления права губернатору приостанавливать их постановления до момента разрешения конфликта высшей властью, а также отстранять и предавать суду председателя и членов правления больничной кассы (проект предоставлял это право присутствию) и некоторых других изменений, носивших второстепенный характер.

Особую ценность представляет для нас весьма острая и язвительная критика законопроекта об обеспечении рабочих на случай болезни, ибо здесь все спорные вопросы авторы доклада перевели в плоскость общей дискуссии о принципах рабочей поли

тики в целом. И именно последним обстоятельством объясняется тот факт, что свои нападки на проект они начали с такого, казалось, второстепенного пункта, как вопрос о минимальном числе участников кассы.

«Решающим доводом в пользу системы мелких касс,— указывалось в докладе,— по мнению Министерства торговли, является тот, что на мелкие кассы «смотрят как на „свои“». Поэтому рабочие — члены кассы не будут «рвать» из кассы деньги, рассматривая пособия как «казенный паек», и т. п. Этот довод, несомненно, имеет известное значение. Но гораздо большее значение имеет при этом подход к страхованию рабочих в целом, который в конечном итоге состоит в том, что страхование — это «дело самих рабочих». Министерство придерживается «такого воззрения на рабочий вопрос, при котором рабочие составляют определенный общественный класс со своими особыми классовыми задачами и особыми классовыми правами, настроениями, если угодно — даже капризами, с которыми государство должно более или менее почтительно считаться».

Все это вытекает из формулы доверия «к принципу общественной инициативы и общественной самодеятельности», принятому министерством и заимствованному из германского страхового законодательства, но на деле этот принцип сводится «к самоустранению» власти. Что касается германских образцов, то они хороши постольку, поскольку согласуются «с нашими общими условиями». Но все дело заключается в том, следовал далее вывод, имеющий для нас важнейшее значение, что в отношении этих условий «едва ли мы можем скрывать от себя, что мы переживаем момент, и момент не случайный, не такой, который позволительно было бы считать скоропреходящим, когда от власти требуется усиленное доверие к общественной самодеятельности, а эта последняя усиленно воспитывается в сознании своей обязанности относиться к власти не иначе, как к началу чуждому, почти (!) вредоносному».

Итак, перед нами выраженное бюрократическим полицейским языком, но совершенно ясное признание, что страна по существу переживает революционный кризис и ни о каком доверии «общественной самодеятельности» к власти не может быть и речи. Иными словами, объективная обстановка исключала путь реформ в направлении к буржуазной монархии и в области рабочего вопроса.

Далее эта мысль пояснялась несколько иначе. «Таким образом,— констатировалось авторами доклада,— не будет преувеличением сказать, что правительство, приняв данный проект Министерства торговли, решилось бы на опыт, осуществление которого с пользой для дела требовало бы прежде всего веры в то, что полное и радикальное изменение общих наших культурных

условий уже произошло или произойдет в самом непродолжительном времени». А раз такой веры нет, то «государственная власть должна быть тем определеннее в своих требованиях о руководительстве и надзоре за деятельностью больничных касс», а «в этом отношении проект оставляет желать весьма многого». Далее шло перечисление этого «многого».

Право ревизии расходования средств кассы проект предоставляет лишь фабричному инспектору и присутствию, исключая губернатора. Это недопустимо принципиально, кроме того, внезапную ревизию может обеспечить только губернатор, так как присутствия имеют в своем составе рабочих, которые заблаговременно предупредят правление «заподозренной кассы». Точно так же губернатору (а не присутствию, как в проекте) должно быть предоставлено право отстранять от должности председателя и членов правления кассы в случае, если их деятельность нарушает закон или устав кассы. «или угрожает общественному спокойствию и порядку».

Общие собрания касс должны проводиться не только с предварительного заявления и в присутствии представителя полиции, но и закрываться полицией в случае нарушения закона или при угрозе «для порядка и безопасности», на что не соглашается Министерство торговли и промышленности.

«Первоначально Министерство торговли предполагало все местное управление делом страхования рабочих обособить от общей администрации». Затем оно приняло «те изменения, которые были внесены... представителями Министерства внутренних дел». Однако при окончательной редакции, уже после совещания, оно «внесло такие дополнения, которые коренным образом меняют самую сущность происшедшего в совещании соглашения», а именно: выборное производство представляется в страховое присутствие через фабричного инспектора, через которого подаются и жалобы на произведенные выборы; фабричный инспектор получает право «по собственной инициативе» вносить в присутствие представления об устранении должностных лиц больничной кассы. В лучшем случае можно согласиться на то, что фабричный инспектор представляет выборное производство губернатору, а указанной инициативы он, разумеется, должен быть лишен.

Проект, указывалось в докладе, не предусматривает порядка регистрации уставов касс. Это необходимо исправить. Больничным кассам, «с разрешения Совета министров», предоставлено право соединяться в союзы перестрахования. В числе союзов могут оказаться и такие, которые явятся «угрозой государственному порядку и общественному спокойствию». Поэтому было бы «более осторожным воздержаться от введения означенного указания в разбираемый проект» на протяжении по крайней мере ближайшего «ряда лет».

«С особым вниманием» авторы доклада предлагали отнестись к статье, оговаривавшей те случаи, «когда в виде исключения» кассы получали право не выдавать причитающиеся пособия, в частности тогда, «когда болезнь вызвана умышленно, участием в побоищах или драках». Таким образом, резюмировал доклад, проект признает исключением участие и в таких побоищах, которые будут представлять собой «сопротивление властям».

В проекте, говорилось далее, нет пункта, согласно которому председатель, члены правления и владелец предприятия должны привлекаться к уголовной ответственности за выдачу пособий не членам кассы и расходование средств на цели, не предусмотренные уставом. Как нетрудно догадаться, мотивировалось это необходимостью пресечь возможность расходования средств больничных касс «на стачечный фонд или в пользу политических заключенных».

В том же духе были выдержаны и другие, менее существенные поправки.

Последнее серьезное возражение касалось вопроса об оказании врачебной помощи рабочим со стороны предпринимателя. Законопроект, указывалось в докладе, отменяет закон 26 августа 1866 г.; обязательства владельцев предприятий в отношении лечения рабочих «носят факультативный характер». «Подобное обеспечение рабочих врачебной помощью грозит ухудшением, если не полным уничтожением даже и той организации лечебной части, которая развилась за 40 лет по закону 26 августа 1866 г.» В законопроекте «должно найти себе выражение два принципа: 1) определенная регламентация количества и качества врачебной помощи в зависимости от численности рабочих и 2) абсолютное обязательство владельцев предприятий осуществлять врачебную помощь натурой в случаях, когда по устройству таковой не последует соглашения с больничными кассами или общественными установлениями»⁸.

Иными словами, представители Министерства внутренних дел категорически возражали против удовлетворения главного требования буржуазии в вопросе о страховании рабочих на случай болезни.

Законопроект о страховании от несчастных случаев вызвал у авторов доклада лишь одно возражение: они были против подчинения проектируемому закону предприятий земств и городов. Взамен доклад предлагал, во-первых, чтобы земства и города привлекались к страхованию от несчастных случаев на общих основаниях лишь добровольно и по соглашению министров внут-

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, лл. 270—278. Подробнее это требование мотивировано в особом мнении помощника главного врачебного инспектора Н. Шмидта, приложенном к журналу совещания Остроградского от 9 апреля 1908 г. (там же, лл. 187—189).

рѣнных дел и торговли и промышленности и, во-вторых, чтобы им было предоставлено право, опять-таки по договоренности двух министров, учреждать свои собственные страховые товарищества⁹.

Ближайшим результатом доклада Гурлянда и других явилась оттяжка обсуждения страховых законопроектов в Совете министров. Несмотря на неоднократные напоминания министра торговли и промышленности, Столыпин не ставил их на повестку заседания кабинета. Только когда Шипов в письме от 9 июня 1908 г. потребовал обсуждения в самой категорической форме, угрожая в противном случае отставкой, премьер решил, что затягивать дело больше не следует. В своем письме, помеченном грифом: «Срочно. Совершенно секретно», Шипов заявил, что он считает себя «обязанным письменно подтвердить» Столыпину и правительству «неоднократно заявлявшуюся» им «словесную просьбу о скорейшем рассмотрении» страховых законопроектов в Совете министров. Дело это, указывал он, со времени указа 12 декабря 1904 г. «не сходит с опасного в государственном отношении пути широкообещательных обещаний...» в различных совещаниях и самой Думе, включая и собственные заявления Столыпина.

Вступив в должность 2 февраля 1908 г., он, Шипов, нашел в своем ведомстве «подробно разработанные» материалы по рабочему вопросу. Но, «соображаясь с обстоятельствами», он ограничился лишь законодательной разработкой страховых законопроектов и при этом «счел возможным несколько сузить и смягчить первоначальные предположения министерства», т. е., говоря простым языком, урезать их. И тем не менее, когда законопроекты стали предметом обсуждения в совещании Остроградского, для него «полной неожиданностью» явилось то, что на этом совещании «по некоторым важным вопросам, неоднократно обсуждавшимся ранее при участии представителей ведомств, оказались коренные разногласия во взглядах». К тому же «эти разногласия проникли в печать, и, таким образом, в одном из основных вопросов законодательства и управления получается весьма нежелательное и неудобное для объединенного правительства положение».

В связи с этим Шипов требовал «безотлагательно рассмотреть законопроекты... с таким расчетом времени, чтобы иметь возможность внести их в Государственную думу до истечения сессии», иначе, по разным причинам, дело снова застопорится на несколько месяцев. В таком случае он вынужден будет «считаться со следующей дилеммой: или, по недостаточному знакомству с предметом, я не сумел так направить законодательные предположения, чтобы они явились приемлемыми для Совета министров, или,

⁹ Там же, лл. 278 об.— 279 об.

по недостаточной авторитетности в делах, мне вверенных, в составе Совета министров, не удалось мне убедить Совет в крайней настоятельности данного дела. В обоих случаях положение мое в качестве главы ведомства перед заинтересованными общественными кругами, промышленниками и рабочими, а равно перед сотрудниками моими и подчиненными оказалось бы в неудобной, на мой взгляд, степени поколебленным»¹⁰. Угроза подействовала, и уже 17 июня страховые законопроекты стали предметом обсуждения Совета министров.

Особый журнал Совета министров от 17 и 19 июня и 26 сентября 1908 г. (утвержден царем 30 октября того же года), посвященный обсуждению страховых законопроектов, с завидной пунктуальностью повторяет содержание изложенного выше доклада Гурлянда, вплоть до текстуальных совпадений¹¹.

Основная идея этого доклада в журнале изложена еще более определенно. Отметив в качестве положительного момента «ближайшие черты сходства» законопроектов с соответствующим германским законодательством, журнал тут же оговаривает, что германские начала могут быть проведены в жизнь только с тщательным учетом «особенностей русской жизни и без нарушения коренных основ существующего у нас административного строя» и что рассматриваемые законопроекты это условие «не вполне обеспечивают». «При современных условиях государственного и общественного развития нашего отечества,— развивает журнал эту мысль,— необходимо, чтобы за органами административного управления обеспечена была возможность ближайшего руководства рассматриваемым делом и безусловного за ним надзора».

Сославшись на то, что русский пролетариат «не составляет такого сплоченного и в общем достаточно культурного класса, каким являются рабочие в Западной Европе», а потому, как показала «смута последних лет», захватывается «крайними партиями», журнал указывал: «рабочие находятся теперь, насколько известно, в состоянии нравственной подавленности и взаимного недоверия». Поэтому «следует предвидеть», что проведение в жизнь обсуждаемых законопроектов может «послужить толчком к новому пробуждению среди них сознания своих профессиональных интересов, и весьма важно, конечно, чтобы это движение не было тотчас же использовано в революционных целях. Надо ясно отдать себе отчет в том, что рассматриваемыми законопроектами создаются сильные рабочие организации, в руках которых будут сосредоточены крупные денежные суммы. Рабочему классу даются, таким образом, организация и деньги».

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, лл. 280—282 об. (Разрядка наша.— А. А.).

¹¹ Там же, лл. 407—426.

«Оценивая представленные проекты с указанной точки зрения», Совет министров потребовал прежде всего увеличения минимального числа участников кассы с 200 до 400 человек, так как «весьма важно, особенно на первых порах деятельности означенных учреждений, пока не выяснится ее направление и характер, чтобы органы администрации не были подавлены огромным количеством подлежащих их надзору касс». По признанию самого министра торговли и промышленности, отмечал журнал, «с... точки зрения охраны рабочего класса от революционной пропаганды неизвестно, что предпочтительнее — крупные или мелкие кассы».

Новым моментом в журнале по сравнению с докладом Гурлянда было требование привлечь к обязательному участию в больничных кассах более крупные предприятия, чем предусматривалось в проекте (предприятия с 20 рабочими вместо 10 с машинами и паровыми котлами и с 30 рабочими вместо 25 без применения механических двигателей). Этого повышения нормы потребовало и в совещании Остроградского и на заседании Совета министров ведомство землеустройства и земледелия «во внимание к особенностям мелкой сельскохозяйственной промышленности», т. е. во внимание к интересам помещиков.

Шипову была сделана лишь одна, правда, значительная уступка. Выслушав его доводы, «Совет министров счел возможным не возражать против внесения выработанных Министерством торговли и промышленности предположений, касающихся постановки врачебной помощи рабочим, на рассмотрение законодательных учреждений». Остальные пожелания, изложенные первоначально в докладе Гурлянда, а затем пунктуально повторенные в журнале, Совет министров принял, санкционировав внесение страховых законопроектов в Думу лишь «по надлежащем согласовании» их «с вышеизложенными суждениями Совета министров».

Все эти и им подобные «суждения», которые мы проанализировали на протяжении ряда страниц, ставят нас перед фактом определенного, принципиального поворота в рабочей политике царизма после третьеиюньского переворота.

Прежде всего мы наблюдаем отказ от программы в целом, намеченной в дотретьеиюньский период. Во-первых, наиболее «профсоюзная», если так можно сказать, часть программы — законопроекты о продолжительности рабочего дня, условиях найма и т. п. — была отодвинута до греческих календ, хотя техническая разработка этих законопроектов по сравнению со страховыми законопроектами, требовавшими большой подготовительной работы, была гораздо проще; к тому же они, как признал сам Шипов, по сути дела, были уже готовы. Оставление же именно страховой части программы объясняется тем, что ей в силу самой специфики рабочего страхования в зависимости от желания можно было придать либо преимущественно полицейско-попечи-

тельский, либо буржуазный, основанный на соглашениях сторон характер. Во-вторых, и это главное, восторжествовавшая полицейская точка зрения была обусловлена, по собственному признанию ее вдохновителей, невозможностью в силу господствующей в стране политической обстановки реализовать ранее намеченный путь конституционно-реформистского решения рабочего вопроса в России.

Второму выводу противоречит на первый взгляд неожиданность вмешательства Министерства внутренних дел в судьбу страховых законопроектов, неожиданность, которую, как мы помним, констатировали не только промышленники, но и сам министр торговли и промышленности. В связи с этим может создаться впечатление, что это вмешательство было результатом обычного междуведомственного соперничества или смены настроений в верхах, обусловленным поражением революции и упадком рабочего движения, наконец, просто глупостью и недалекостью царизма, в конечном итоге предпочевшего полицейскую дубинку всяким сомнительным «реформам».

Однако эта неожиданность только кажущаяся. На самом деле указанный поворот был плодом зрелого и долгого размышления, тщательного анализа политического положения в стране вообще, настроений рабочего класса особенно. В этом отношении исключительный интерес представляют найденные нами письма, соображения и проекты по рабочему вопросу известного ренегата, сотрудника, а потом редактора черносотенных «Московских ведомостей» Л. А. Тихомирова, адресованные непосредственно Столыпину. В 1907 г. он был вызван Столыпиным в Петербург специально для участия в разработке рабочего вопроса, предпринятой Министерством внутренних дел.

Первое письмо Тихомирова Столыпину, датированное 31 октября 1907 г., представляет собой изложение некоторых основных теоретических и политических воззрений автора по рабочему вопросу. Непосредственным поводом к написанию этого письма послужили посланные автору Столыпиным материалы по западноевропейскому рабочему движению, изучением которого специально занялась газета «Россия». «Я давно прочитал врученные Вами данные по профессиональным организациям,—начинал свое письмо Тихомиров,— не писал Вам лишь потому, что Вы заняты, конечно, текущим думским вопросом».

Оценивая далее качество присланных ему материалов, Тихомиров сообщал: «Сами по себе данные „России“, хотя, очевидно, собирались по мере составления статей, мне кажется, дают правильную статистику рабочего движения, хотя не без пропусков». Далее идет весьма любопытное перечисление этих «пропусков». «Так, на движение французских желтых рабочих не обращено внимания. Германские христианские союзы рабочих также остав-

лены без должного внимания. Между тем число членов их растет быстрее, чем социалистических рабочих, и даже, по сведениям Бернштейна, за 1907 г. дошло до 300 тыс., а по данным недавнего съезда их (кажется, во Франкфурте), доходит даже до 600 тыс. Чтобы оценить последнюю цифру, должно вспомнить, что количество социал-демократов (уплачивающих партийную котизацию) в настоящем году составляет также не более 600 тыс. человек. Остальной миллион с лишним рабочих, именуемых социал-демократами, к партии, строго говоря, не принадлежит».

Однако, замечает Тихомиров, в этих статьях имеется «более важный недостаток: отсутствие всяких выводов и даже отсутствие всякой определенной точки зрения для оценки рабочего социального движения. Автор его только боится (что отчасти правильно), но что с ним делать — колеблется. Поэтому я в настоящих строках и изложу свою точку зрения на рабочие организации»¹².

Первый и коренной вывод, который делал Тихомиров, как раз и заключался в идее о недопустимости только негативного подхода к рабочему вопросу, диктуемого страхом перед рабочим движением («автор его только боится»). Раз установлено, что рабочие организации порождены самой жизнью и, следовательно, неистребимы, необходимо овладеть ими и использовать в интересах государства, т. е. царизма. «В политике и общественной жизни,— указывал Тихомиров,— все опасно, как и вообще все в человеческой жизни может быть опасно. Понятно, что бывает и может быть опасна и рабочая организация. Но разве,— задает он вопрос,— не опасны были организации дворянская, крестьянская и всякие другие? ...Вопрос об опасности организации для меня ничего не решает. Вопрос может быть лишь в том: вызывается ли организация потребностями жизни? Если да, то значит ее нужно вести, так как если ее не будет вести власть и закон, то поведут другие — противники власти и закона. Если государственная власть не исполняет того, что вызывается потребностями жизни, она... за это наказывается революционными движениями».

Для Тихомирова вопрос о жизненности рабочих организаций, о том, что они вызваны «потребностями жизни», является очевидным. А раз так, то «вывод отсюда тот, что наше государство

¹² ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1908 г., д. 251, л. 1—1 об. Тихомиров, по-видимому, имел в виду редакционные статьи, печатавшиеся в «России» с 10 июля по 12 октября 1907 г. под общим заголовком «Профессиональные союзы и политическая борьба». Всего было опубликовано 59 статей. Мотивировалось их появление стремлением русской социал-демократии учесть уроки революции 1905—1907 гг. и расширить свою базу за счет профессиональных союзов. Об обстоятельствах предпринятого столыпинским официозом исследования можно судить по тому, что изложение начиналось с истории профессиональных организаций... древнего Рима.

в настоящее время должно ввести в круг своей мысли и заботы -- организацию рабочих. Все сложности и опасности этого дела должны быть приняты во внимание, но никоим образом не могут остановить исполнения долга государства перед этим громадным слоем населения».

Тихомиров считал, что организовать русских рабочих в желательном направлении в России труднее, чем в Англии и Германии. Там промышленный рабочий занимается своим трудом «постоянно и исключительно», поэтому его «легко убедить» в том, что «чрезмерные требования, способные разорить фабрику, невыгодны для самих рабочих». Русские же рабочие, «пришлые из деревни, на это глухи: такому рабочему самое главное привести в деревню не 100, а 200 руб., и за эти несчастные(!) 100 лишних рублей он готов разорить миллионное заведение. Почему? Потому что он через год даже и не рассчитывает быть рабочим, а мечтает только купить лошадь и заняться сельским хозяйством. У нас эта „нечистота“ состава промышленных рабочих... мешает вообще прогрессу фабричного благоустройства, в частности и хорошей постановке рабочей организации». Тем не менее организация нужна и здесь; нужно только соблюдать одно коренное требование: простое заимствование опыта других стран не годится. «Главное поучение», даваемое этим опытом, «состоит в том, что везде меры оказывались удачными лишь настолько, насколько были сообразованы с местными условиями. Вот это соображение с нашими условиями есть первое условие успешности нашей деятельности»¹³.

Но есть еще «одно важнейшее обстоятельство», которое необходимо учитывать при решении поставленной задачи: «Ни одного социального вопроса нельзя решить хорошо без хорошей общей политики... Когда общая политика находится в упадке или хаосе, нечего и думать решить какой-нибудь частный вопрос». Поясняя свою мысль, Тихомиров ссылаясь на опыт Англии и Германии. Почему, задает он вопрос, английское рабочее движение, бывшее сначала «очень революционным», стало затем реформистским («деловым», «практическим», по определению автора)? И отвечает: потому что «английский строй сразу показал, что его сломить нельзя. Ни правительство, ни фабриканты не трусились... А в то же время справедливым требованиям рабочих давался исход. Вот именно сила власти и побудила рабочих отказаться от мечтаний и заняться делом». Так же обстоит дело и в Германии. Немецкая «социал-демократия отказалась от попытки всеобщей забастовки только по уверенности, что правительство раздавит ее вооруженной силой».

Этот свой заключительный вывод Тихомиров подчеркивал снова и снова, прибегая к самым категорическим выражениям.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1908 г., д. 251, лл. 1 об.— 2 об.

Своим письмом, указывал Тихомиров, он «желал лишь выразить то глубочайшее свое убеждение, что без твердого, соответственного русским условиям государственного строя мы не можем иметь твердой политики. А при политике шаткой, колеблющейся... ни одного социального вопроса... провести нельзя, особенно же такого сложного, как рабочий... Я не верю в успешность никаких мер частных, пока у нас не будет ясной и твердой государственной власти, не подлежащей никаким перетолковываниям». Лишь тогда «русский народ всех слоев и классов может прийти к решению и стремлению спокойно и разумно устроить... свои частные дела и интересы»¹⁴.

Таким образом, из письма следует, что Столыпин придавал исключительно большое значение рабочему вопросу, поручив тщательно изучить его со всех сторон своему «мозговому тресту» в лице Гурлянда и Тихомирова. Дальше мы увидим, что этим занимался непосредственно и Департамент полиции. Обращение к Тихомирову со стороны третьей ионьского премьера, конечно, легко объяснимо. Сочетание в одном лице бывшего народовольца, считавшего себя знатоком революционного движения и связанных с ним процессов, с крайним черносотенцем, сторонником создания «сильной власти» путем нового изменения избирательного закона в Думу, казалось Столыпину исключительно удачным с точки зрения поставленной задачи найти такие средства решения рабочего вопроса, которые не только не ослабили, но, наоборот, укрепили бы существующий строй. Именно в этих целях Тихомиров начал специально изучать рабочее движение за границей и внутри страны. Он выпустил ряд брошюр, посвященных этой теме (несколько таких брошюр, опубликованных в 1907 г., он, в частности, послал Столыпину вместе с цитированным письмом). Из дела, на которое мы ссылаемся, видно, что Тихомиров занялся этой проблемой самым основательным образом. Одно оглавление находившихся в его распоряжении материалов занимает шесть убористых машинописных страниц. Материалы эти весьма обширны и разнообразны: резолюции Лондонского съезда РСДРП, литература о забастовочном движении, третейских судах, рабочих кооперативах, тред-юнионах, страховании, положении рабочего класса в США, Германии, Франции, Италии, Бельгии и других странах, партиях, предпринимательских и рабочих организациях, всевозможные проекты социологов, экономистов и др.¹⁵

Что касается самого письма, то в нем заслуживают пристального внимания два момента: характеристика русского рабочего класса и постановка вопроса о связи рабочего вопроса с общей политикой.

¹⁴ Там же, л. 28—28 об.

¹⁵ Там же, лл. 31—33 об

Мы уже не впервые сталкиваемся с очень странным и непонятным на первый взгляд утверждением об отсутствии в России в начале XX в. кадрового рабочего класса. Показательно при этом, что подобные заявления исходили и из промышленных, и из правительственных кругов. Сейчас представляется нелепым доказывать, что русский рабочий класс еще задолго до рассматриваемого времени стал кадровым, прочно сложившимся классом, что, хотя значительная часть рабочих ряда отраслей действительно возвращалась в деревню на более или менее длительные сроки, явление это все же носило остаточный, второстепенный характер. Спрашивается, почему же с таким упорством настаивали на этом тезисе и обращали на него самое серьезное внимание люди, отлично знавшие, что он не соответствует действительности? К этому вопросу можно добавить еще следующий: если на минуту допустить правоту подобного утверждения, то почему этот факт мог печалить правительство? Капиталистов, сетующих на отсутствие постоянных рабочих кадров, можно себе представить и понять. Но почему об этом должны были сожалеть политические силы, озабоченные решением рабочего вопроса в духе своеобразного государственного патернализма? Для подобного опыта более подходящим объектом был именно такой класс, каким его пытался изобразить Тихомиров: повернутый лицом больше к деревне, чем к фабрике, к заводу.

Ответ заключается в том, что под постоянным рабочим классом и капиталисты, и царизм разумели рабочую аристократию, тот «культурный класс», выражаясь языком доклада Гурлянда и К°, который сложился уже на Западе и на который они мечтали опереться у себя дома. Анализ соответствующей части письма Тихомирова сразу же убеждает в этом: автор сожалеет об отсутствии таких рабочих, которых можно было убедить в совпадении их интересов с интересами предпринимателей, в выгоды для них процветания предприятия, на котором они работают. Ясно, что здесь под «рабочим классом» разумеется часть его, именно та часть, которая подкупалась на Западе и об отсутствии которой в России сожалел Тихомиров.

Второй момент представляет собой не что иное, как признание кризиса, слабости власти. И, самое главное, признание того, что понимание этой слабости принадлежит всему народу, являясь одной из основ его политического настроения, и особенно рабочему классу. Последний исходит из сознания того, что он может сразиться с этой властью и ослабить ее. При подобной ситуации, делал вывод Тихомиров, решение рабочего вопроса с точки зрения интересов строя невозможно. Оно возможно только тогда, когда рабочий класс и народ в целом убедятся в том, что власть сильнее их, и откажутся от мысли о ее революционном ниспровержении, встанут на путь «деловой» политики. Таким образом, и Тихомиров определяющим моментом

русской действительности в третьеиюньский период признавал наличие революционного настроения масс, отсутствие возможностей для конституционно-реформистского пути.

Подобный вывод во всех случаях, как мы видели, исследуя другие аспекты третьеиюньской политики царизма, приводил всегда к одному и тому же результату: усилению тенденции к отказу от попыток «реформ» при ясном понимании невозможности такого отказа. Точно так происходило дело и здесь. Очень ярко указанная коллизия проявляется в отзыве Тихомирова на записку некоего Блажчука «О профессиональном движении в империи» и в самой этой записке. Автор ее был чиновником особых поручений министра внутренних дел, считавшимся, по-видимому, в ведомстве Столыпина специалистом по рабочему вопросу. В задачу Блажчука входило обобщить и проанализировать данные о развитии профессионального движения в России на основе «Временных правил» 4 марта и дать свои соображения о необходимых изменениях при создании постоянного закона об обществах и союзах. Блажчук представил не только весьма обширный доклад, но и готовый законопроект, которые и стали, по просьбе Столыпина, объектом критики со стороны Тихомирова.

Свои замечания на записку Тихомиров озаглавил: «Об отношении к профессиональному и революционному движениям». Записка, по его мнению, заслуживает троякой оценки: «1) все обрисовывающее грозную опасность, представляемую обществами в руках революционеров, заслуживает величайшего внимания; 2) критика закона 4 марта 1906 г. содержит некоторые очень ценные указания, но в общей целости способна вызывать и возражения; 3) самый же „Проект“ нового закона следует признать совершенно неприемлемым, за исключением некоторых частей».

Перейдя затем к содержанию записки, Тихомиров указывал, что по мнению ее автора закон 4 марта 1906 г. «в смысле противодействия революционному движению совершенно не достиг цели». Более того, он «создал лишь новые удобства для действия революционеров», предоставив им широкие легальные возможности. После двухлетнего действия «Правил» в 70 губерниях и областях империи среди рабочих основано 1046 легальных и 94 нелегальных профессиональных общества. По данным «Биржевых ведомостей», взятых Блажчуком, они насчитывают 200 тыс. членов, но, по мнению Тихомирова, эту цифру надо поднять до 300 тыс. человек. Согласно записке, «революционеры доминируют в этих обществах: 161 общество было закрыто за неблагонадежность, и таким образом 255 обществ (вместе с 94 нелегальными) носят явно антиправительственный характер». «Об остальных 885 утешительных сведений нет, сведений же тревожных очень много». «Все это,— заключал Тихомиров,— составляет картину грозной опасности, требующей внимания и меро-

приятый». Поэтому нельзя не согласиться с автором записки, что «ввиду крайней опасности положения, явившегося после издания закона 4 марта 1906 г., необходимы серьезные и неотложные меры власти для парализования опасности».

Причину создавшегося положения Блажчук усматривал в недостатках «Правил» 4 марта 1906 г., которые он и перечислял в своей записке: 1) «Правила» не оговаривают района действия общества, что на руку революционерам, которые путем создания отделений общества распространяют его деятельность на всю страну; 2) открытие этих отделений совершается без участия власти; 3) члены правления и должностные лица не утверждаются властями, вследствие чего все посты в обществах захвачены революционерами; 4) обществам дано «недопустимо широкое право» самим определять свои права и обязанности, в результате чего стало возможным проникновение в них посторонних (в смысле профессии) лиц, отчисление средств на ставки, помощь «революции» и т. п.; 5) общества не зависят от администрации, а только от присутствий и Сената, которые не справляются с делом; 6) в общества допускаются учащиеся, несовершеннолетние, служащие. «Участие служащих на железных дорогах и на телефонных предприятиях небезопасно в отношении всевозможных в будущем всеобщих стачек и забастовок...»; 8) закон, не определяя числа членов общества, позволяет революционерам, подговорив 2—3 человека, основывать общества и там, где в них нет потребности, и т. д.— всего 11 пунктов.

«Проект закона об обществах», предложенный Блажчуком взамен «Правил» 4 марта 1906 г., разумеется, устранял эти недостатки самым решительным образом, настолько решительным, что вызвал категорические возражения со стороны своего оппонента, отнюдь не зараженного либеральным духом.

«Коренной недостаток его (проекта.— А. А.),— писал Тихомиров,— состоит в том, что он предлагает закон об общественных нуждах, руководясь только полицейскими соображениями». «Неудобства» проекта таковы, что его будет «невозможно провести ни через Государственную думу, ни через Государственный совет...» И далее идет разбор этих «неудобств», сводившихся к тому, что проект вводил «чрезвычайные ограничения права основания обществ и функционирования их».

Так, 1-я статья устанавливала минимум в 30 человек, дающий право просить разрешения об основании общества. 5-я статья требовала полицейские свидетельства о несудимости и неприверженности к делам политического характера. «Такое ограничение,— замечал по этому поводу Тихомиров,— было бы равносильно запрещению, быть может, не одной сотне тысяч лиц быть членами обществ». Для этого достаточно только привлечь (а не осудить) любого человека по политическому обвинению,

чтобы лишить его права быть членом общества. 8-я статья требовала, чтобы общие собрания проходили лишь с дозволения полиции и в присутствии ее представителя. 9-я статья ограничивала деятельность общества пределами города, в котором оно основано, а вне городов вообще не дозволяла создания обществ, кроме профессиональных. Принятие этой статьи, справедливо отмечал Тихомиров, означало бы лишение права вступать в общества $\frac{9}{10}$ населения России. Статья 10 воспрещала обществам устройство библиотек, чтений, курсов, спектаклей, экскурсий, концертов, базаров, сборов пожертвований. «Это нечто неслыханное», — вынужден был сказать по этому поводу Тихомиров.

Второй крупный недостаток проекта, по мнению Тихомирова, состоял в том, что он «всцело» отдавал общества и союзы под власть Министерства внутренних дел. Третий недостаток заключался в требовании обязательного третейского суда для улаживания конфликтов между рабочими и предпринимателями, в то время как «вся суть и все достоинства третейского суда состоят в добровольности согласия сторон подчиниться его решению». Четвертый недостаток сводился к тому, что проект объединял воедино, не различая их, общества как таковые и профессиональные союзы. Такое смешение, указывал Тихомиров, не годится потому, что профессиональное объединение носит не личный, а социальный характер и вызвано к жизни «условиями существования» класса или сословия. Данное замечание вызвало в свою очередь очень меткое замечание Столыпина, сделанное на полях: «Не противоречит ли это положение автора его же утверждению, приведенному выше, о принадлежности нашего фабричного рабочего к крестьянскому строю, с которым он не порывает?»

Таким образом, Тихомиров с полной определенностью отверг полицейский подход к решению рабочего вопроса, признав одновременно социальную обусловленность, правомерность объединения рабочих в профессиональные союзы. Что же в таком случае он предлагал сам? Еще более полицейский подход, чем у Блажчука, и отрицание даже самой идеи профессиональной организации рабочих. Перед нами исключительный по наглядности пример той ситуации, которую народная мудрость выразила в поговорке: «Начал за здравие, а кончил за упокой».

В заключительной части своих заметок, озаглавленных «Общие соображения о желательной постановке отношений власти к движению профессиональному и движению революционному», Тихомиров снова изложил свои основные идеи, о которых речь шла выше, причем в еще более определенном и законченном виде. Он сразу взял быка за рога, указав, что проблема профессионального движения для правительства является на деле проблемой революционного движения. Как это видно даже из записки Блажчука, указывал он, «отношение к профессиональному

движению у нас связывалось неразрывно с отношениями к революционному движению». Свою мысль он разъяснял следующим образом: «Об организации промышленных рабочих еще немного лет назад никто не думал, кроме революционеров, затем, когда разразилась революция со всеобщими забастовками, потребность вывести действия революционеров из неудобонаблюдаемой „нелегальности“ вызывает создание закона 4 марта 1906 г. и теперь, когда революционеры показали, что „легальностью“ можно воспользоваться еще лучше, чем „нелегальностью“, возникают новые проекты по названию о „профессиональных организациях“ или „обществах“, а в действительности о способах борьбы с революционерами в среде рабочих. Таким образом, в отношении рабочей организации „директиву“ дает революция...»

Вот в этом последнем обстоятельстве и заключается главное — причина «больших смут и переворотов». Само по себе профессиональное движение «ничего революционного не включает, а при разумном осуществлении имеет даже великий антиреволюционный характер». «В движении профессиональном и движении революционном мы имеем перед собой два совершенно различных явления, лишь случайно связывающиеся и требующие совершенно различных мер, совершенно различного отношения к власти». И в то же время, вынужден признать Тихомиров, «революция черпает физическую силу (в смысле свою армию.— А. А.) главнейшим образом в среде опутанных революционерами профессиональных союзов».

Где же выход? Он отнюдь не в сочинении еще новых полицейских законов, а в том, чтобы в стране была создана «уверенность в невозможности насильственных переворотов для того, чтобы разумная часть (!) рабочих могла сдерживать революционные порывы молодежи и неустойчивой части (!) рабочих (обращаем внимание на слова «часть» и «части». — А. А.), направляя развитие всего класса по пути мирного развития». Чтобы добиться такого настроения в рабочем классе, нужны «порядочные заработки», а для этого необходимо «оживление промышленности, усиление производства». «Но для того чтобы наше производство воспрянуло, нужно умиротворение страны». Итак, круг замкнулся.

Борьба против революции, подчеркивал Тихомиров, «не может быть ведена только в рабочей среде..., с революцией нужно бороться во всей ее совокупности, а не только в отдельных ее проявлениях». В связи с этим он предлагал: «1) чрезвычайные меры в отношении отдельных проявлений и 2) устранение основных источников, питающих поток революционного настроения и веры революции в свое всеисие и торжество». Под вторым он разумел необходимость изменения

Основных законов 1906 г. в том смысле, чтобы было показано, что верховная власть «всевластия и ничем, кроме себя самой, не ограниченная». Такой акт необходим для того, чтобы выбить главное оружие у революции: приписывание себе «инициативы» всех преобразований. «Приписывание произведенных преобразований революционному натиску,—пояснял свою мысль Тихомиров,—...порождает убеждение, что смелым бунтовским натиском можно сделать все». Поэтому надо утвердить в народе обратный тезис: «Все сделано волей верховной власти, и ничего не может быть сделано волей революции».

Что касается чрезвычайных мер, то здесь «должно быть быстро, ни перед чем не останавливаясь, истреблено разбойничество (!), а также применены все меры, какие необходимы, для отнятия у революционеров средств действия эксплуатацией свободы слова и союзов. Что касается степени энергии, она может иметь лишь одну мерку — действительное достижение цели».

И в заключение Тихомиров предлагал еще одну чрезвычайно любопытную меру: «Наделять крестьян землей на местах и путем широкого переселения, не тратя времени на формальности, в порядке верховного управления и опираясь на местные учреждения или специально созданное крестьянское землевладельческое совещание в Царском Селе»¹⁶.

Тихомиров не ограничился только общими рассуждениями: он предложил, как и Блажчук, детально разработанный проект «Положения о рабочих обществах». Проект состоит из двух частей: объяснительной записки и собственно проекта.

Записка начинается с излюбленной мысли автора о том, что, говоря о профессиональных союзах, все имеют в виду рабочий вопрос. «В действительности,—пишет Тихомиров,—в России важный вопрос составляют только рабочие общества, а не профессиональные. Только о рабочих все думают, когда вырабатывают проекты профессиональных обществ, только рабочих опасаются, желают удовлетворить их нужды, желают пресечь или ослабить влияние социализма на рабочих». А раз так, то не нужно обманывать самих себя и заняться «устроением» всех категорий рабочих, разумея их «как класс, как сословие в полном комплексе его нужд, со всей всесословной дисциплиной». История профессионального движения не оставляет никаких сомнений в том, что рабочие — это особый класс, «четвертое сословие», и именно из этого следует исходить, создавая такое законодательство, которое «должно быть рабочим законодательством, а не профессиональным». Став на такой

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1908 г., д. 251, лл. 55—62 об.

луть, уверяет Тихомиров, государство «могло бы бороться против социализма, как идея против идеи».

Далее идет любопытное рассуждение для доказательства этого тезиса. «Социальная демократия,— пишет он,— теперь потому и имеет влияние на рабочих», что доказывает им, что профессиональная борьба есть часть борьбы за социализм. Государство же, объявляя профессиональные союзы способом «законмерной» борьбы труда с капиталом, тем самым «как бы само» признает «правильным исходный пункт социализма о классовой борьбе». В этом главный порок идеи профессионального движения, от которой надо отказаться, выдвинув вместо нее «идею попечения, при котором являются не одни стеснения, но и льготы и при котором даже репрессия теряет одиозный характер, ибо имеет в виду нужды и пользы (!) самих же рабочих». Русское государство, провозглашает Тихомиров, «должно идти во главе народного устройства и за небрежение к этому может потерять и народе всякий кредит».

Поскольку рабочий вопрос чрезвычайно сложен, «выгоднее всего пока допустить организацию, а не декретировать ее». Но «эту народную самодеятельность» правительство должно все время контролировать и направлять; а для этого необходимо, «не теряя времени, создавать рабочее законодательство и такие учреждения, которые бы позволили власти идти об руку с народным организационным движением». Сюда относятся:

«1) Особое „Положение о рабочих обществах и союзах“, которое в будущем разовьется в положение о рабочем сословии.

2) Особое учреждение, ведающее рабочие дела, пока сосредоточивающиеся около рабочих обществ.

3) Особый Вспомогательный рабочий банк, по восполнению кредитом рабочих обществ».

Исходя из этой программы, в порядке реализации ее первого пункта, Тихомиров и предлагал свой «схематический проект „Положения о рабочих обществах“», «руководящая идея» которого складывалась из следующих четырех положений: а) чтобы среди рабочей массы преобладающее влияние получили постоянные рабочие как наиболее заинтересованные в процветании кормящей их промышленности, б) чтобы рабочие имели достаточные права для повышения уровня своей жизни, в) чтобы власть сохранила достаточно надзора и возможности своевременной репрессии, г) чтобы рабочие не приходили к вражде с другими классами, но по возможности направлялись на путь обоюдного мирного сожительства».

Что касается вопроса о создании специального ведомства по рабочим делам, то целесообразно создать для этого «особый департамент... при Министерстве внутренних дел», а не торговли и промышленности, как казалось бы на первый взгляд.

Во-первых, этим было бы достигнуто то, что «наблюдение» и «попечение» находились бы в одних руках. Во-вторых, прекратилось бы соперничество между этими двумя ведомствами, одной из главных причин которого является подчинение фабричной инспекции Министерству торговли и промышленности. Поэтому необходимо этот институт передать тому же ведомству, в ведении которого находится и полиция. Фабричный инспектор превратился «в простого регистратора событий», а он должен «действовать». Это может быть достигнуто только указанным переподчинением.

В задачу рабочего банка должна входить помощь «выработке правильного (!?) рабочего класса» при помощи кредита, который ускорил бы создание рабочих учреждений взаимопомощи. «Рабочие бы видели в оказываемой им помощи искренность стремления правительства достигнуть улучшения их быта».

Сам проект содержит множество пунктов, из которых мы перечислим только наиболее характерные. 1-я статья целью рабочих обществ провозглашала «поддержание и улучшение добрых условий своего труда», 2-я статья определяла способы достижения этой цели. Сюда входили: увеличение заработка; заключение коллективных договоров с предпринимателями; участие в выборах фабричных старост и организации совместно с предпринимателями третейских судов и других «учреждений для улажения недоразумений» обеих сторон; устройство потребительских лавок, сберегательных касс, общественных квартир и домов и т. п.; устройство мастерских для подсобного труда и изобретательства; выдача пособий по безработице, на приданое, похороны и др.; устройство библиотек, курсов, чтений; «попечение о религиозно нравственных нуждах своих членов»: приглашение проповедников, устройство домашних богослужений, паломнические поездки; организация вечеров, домашних спектаклей, прогулок; приобретение недвижимой собственности как обществом, так и отдельными его членами.

4-я статья «вменяла в обязанность» обществам, чтобы их деятельность «не угрожала общественной безопасности и не разрушала производительности промышленных предприятий и общего развития национального производства».

Соединение двух или более обществ, согласно 9-й статье, допускалось лишь с разрешения министра внутренних дел. 12-я статья гласила: «Восприимчивы рабочие общества, управляемые политическими партиями». 13-я статья делила членов общества на действительных и временных, в числе первых могли быть только постоянные рабочие; 14-я статья указывала, что членами правления могут быть только первые, а при голосовании голос действительного члена должен составлять минимум полтора голоса. 32-я и 33-я статьи предусматривали порядок закрытия общества и наказания его членов в случае, если его деятельность

станет угрожать «общественной безопасности» или примет «явно безнравственное направление»¹⁷.

В заключение для полноты картины приведем замечания Тихомирова на законопроекты по рабочему страхованию¹⁸. Самих законопроектов, указывает Тихомиров, он «до сих пор не видел полностью» и судит о них лишь на основании особого журнала Совета министров, о котором шла речь выше. Одоблив полностью новеллы административно-полицейского характера, сделанные Министерством внутренних дел, Тихомиров выдвигал свою главную идею об организации рабочих как сословия под руководством государства. Для этого он предлагал, поскольку случилось, что рабочее законодательство началось со страхования, придать проектируемым больничным кассам «более широкий социальный характер» путем соответствующих добавлений о сбережениях, кооперации и т. п.

Второе основное замечание Тихомирова представляло собой энергичный протест против «чрезвычайной щедрости» законопроекта по отношению к рабочим за счет предпринимателей. «Эта невероятная щедрость» должна «подвергнуться пересмотру»¹⁹, так как она развращает рабочих, хотя Тихомиров тут же признал, приводя соответствующие данные, взятые у К. А. Пажитнова, что положение рабочих является достаточно тяжелым.

Не требуется особого глубокомыслия, чтобы понять, что проект Тихомирова представлял собой одну из разновидностей чистейшего полицейского социализма, своеобразного государственного патернализма. По существу это был новый вариант зубатовщины или даже гапоновщины. Во всяком случае тихомировские рабочие союзы, если бы они были созданы, неизбежно бы стали развиваться именно в этом направлении. Это означало, что у третьейюньского режима не оказалось средств решить рабочий вопрос. В этой связи уместно обратить внимание на разницу уровней, если так можно выразиться, общих критических взглядов Тихомирова на рабочий вопрос и его позитивных конкретных предложений. В первом случае — трезвое ясное классовое сознание, способность видеть главное; во втором — жалкое, заведомо обреченное на неудачу полицейское прожектерство, ничуть не выше и не лучше раскритикованного им проекта Блажчука. Отсюда еще раз следует, что глупость политиков и теоретиков умирающего класса или строя — это не их личная глуп-

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1908 г., д. 251, лл. 43—50 об.

¹⁸ Свои общие взгляды на рабочий вопрос Тихомиров изложил еще в одном документе, датированном 2 августа 1908 г., под заголовком: «О желательной постановке русской социальной политики в области рабочего вопроса». Ничего нового к тому, что нам уже известно, этот документ не прибавляет (там же, лл. 168—173 об.).

¹⁹ Там же, лл. 63—64.

пость, а результат исторической безвыходности положения, показатель этой безвыходности.

Было бы, однако, примитивным и неправильным возврат царизма к полицейскому курсу в рабочем вопросе приписать решающему влиянию Тихомирова на Столыпина. Если бы это было так, тогда действительно можно было бы вести речь о случайности этого поворота, отсутствии объективных факторов, которые его вызвали. Конечно, не Тихомиров тому причиной. Как мы видели, ему даже не сочли нужным прислать текст законопроектов по страхованию. Роль Тихомирова свелась к тому, что он, будучи доктринером черносотенства, точно так же как Струве был доктринером либерализма, выразил то, что думали и Столыпин, и Гурлянд, и Блажчук в наиболее общей, продуманной, в известной мере теоретической форме. Вот в этом полном совпадении оценки ситуации всех деятелей режима и выражалась безвыходность положения. С каких бы позиций, под каким бы углом они ни рассматривали проблему, конечный вывод их совпадал и сводился к тому, что рабочий класс был настроен революционно, был убежден, что от революции получит все. В таких условиях реализация программы Коковцова становилась невозможной.

ДУМА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ

С передачей в июне 1908 г. страховых законопроектов в Думу наступил, казалось, не только последний, но и самый короткий этап на долгом и тернистом пути их превращения в законы. Но он оказался самым длинным. Российские капиталисты, кричавшие на всех перекрестках, что они еще с конца XIX в. начали требовать у правительства введения государственного страхования, применили по отношению к внесенным законопроектам тактику самого настоящего саботажа, оказались неистощимыми в придумывании всевозможных предлогов для оттяжек, пустили в ход все свои средства и возможности, чтобы повлиять на правительство закулисным путем. Всякий декорум был забыт: примитивная, притом копейная корысть совершенно заслонила общеклассовые интересы, по существу вытеснила политическую часть требований, которые теперь упоминались только по инерции.

1 июля 1908 г. орган Совета съездов промышленности и торговли в статье «Законопроекты по страхованию рабочих» оповестил о принятом Советом решении разослать законопроекты своим членам для отзывов, которые затем будут систематизированы делопроизводством по рабочему вопросу. Одновременно создавалась специальная комиссия под председательством Федорова «для выработки объединенного взгляда представителей торговли и промышленности на основные проблемы рабочего законодательства и, в частности, на страхование от болезней и несчастных

случаев». Конечной целью этой комиссии была выработка подробно мотивированной записки, «которую Совет наших съездов через посредство Министерства торговли и промышленности, согласно обещанию, данному министром представителям нашего Совета, препроводит в Государственную думу»²⁰.

В сущности это была совершенно лишняя затея, так как «взгляд объединенной промышленности» был уже достаточно хорошо известен. Тем не менее представительные организации капитала начали новый этап страховой марафонской дистанции.

11 июля 1908 г. Совет съездов разослал всем своим членам циркулярное письмо с проектами всех четырех страховых законов и другими материалами. Напомнив, что, согласно договоренности с министром торговли и промышленности, он обязался представить свое заключение в Думу, Совет сообщал о создании комиссии Федорова для выработки соответствующей записки. Проект записки, говорилось далее, предполагается разослать всем членам в сентябре, а затем «после сводки всех замечаний» в начале ноября направить записку «по принадлежности в качестве объединенного мнения русской промышленности». В связи с краткостью срока Совет предлагал заняться изучением посылаемых законопроектов «заблаговременно», чтобы не задерживать затем отзыва на проект записки²¹. В письме от 17 сентября Совет съездов снова напоминал о крайней спешности дела, сообщая, что, по имеющимся у него данным, заключение Совета необходимо представить в Министерство торговли и промышленности не позднее последних чисел октября текущего года²².

Доклад комиссии при Московском биржевом комитете по законопроекту о страховании от несчастных случаев был готов 30 октября 1908 г., по законопроекту об обеспечении на случай болезни — 4 ноября. Замечания Петербургского общества заводчиков и фабрикантов датированы 12 ноября 1908 г. Постановления XXXIII съезда горнопромышленников Юга России по страховым законопроектам были приняты 9 декабря 1908 г.²³ Примерно в то же время представили свои замечания и другие организации — члены Совета съездов.

25 февраля 1909 г. Совет съездов в очередном циркулярном письме сообщил, наконец, что дело подходит к концу. «Совет съездов, — говорилось в нем, — на основании работы комиссии Федорова и обширного материала, полученного от различных районных торгово-промышленных организаций, при широком участии представителей промышленности и торговли... детально

²⁰ «Промышленность и торговля», 1908, № 13, стр. 18.

²¹ Государственный исторический архив Московской области (далее — ГИАМО), ф. 143, оп. 2, л. 137, л. 123.

²² Там же, л. 229—229 об.

²³ Там же, лл. 273—312, 392—393 об., 422.

рассмотрел и внес в законопроекты Министерства торговли и промышленности ряд постатейных, подробно мотивированных изменений»²⁴.

Изменения оказались настолько подробными, что превратились по существу в самостоятельные законопроекты. И действительно, Совет съездов издал в виде отдельных, довольно объемистых книг свои собственные законопроекты, противостоящие законопроектам правительства. Сам характер издания это специально подчеркивал: на левой половине каждой страницы был отпечатан постатейный текст правительственного законопроекта, а на правой — законопроект в редакции Совета съездов.

В конце письма Совет съездов высказал «свое глубокое пожелание, чтобы означенные законопроекты возможно скорее были рассмотрены законодательными учреждениями в связи с представителями всей объединенной промышленности и торговли империи и проведены в жизнь»²⁵. Однако даже в такой форме данное заявление было сплошным лицемерием.

Еще в апреле 1908 г. официоз Министерства торговли и промышленности «Торгово-промышленная газета» открыто заявила, что промышленники упорно настаивают на мысли о несвоевременности страховых законопроектов. В передовой, озаглавленной «Промышленники и рабочее законодательство», газета писала: с началом работы совещания Остроградского «совпало очередное заявление представителей Общества петербургских фабрикантов и заводчиков о том, что настоящий момент представляется крайне неблагоприятным для проведения в жизнь указанных мероприятий. Мы назвали это заявление „очередным“, но еще вернее было бы назвать его „обычным“». Напомнив о позиции промышленников, начиная с комиссии Коковцова, и приведя уже известные нам высказывания Крестовникова и Глезмера, указав, что все законопроекты вырабатывались при широком участии представителей промышленности и с максимальным учетом их пожеланий, официоз далее писал: «Казалось, что при таких условиях проекты не должны были встретить противодействия со стороны промышленников... Но так только казалось». Теперь они опять заговорили о «несвоевременности», но уже под другим предлогом. Речь уже, по их словам, идет «о полнейшем... разорении и упадке» промышленности, о невозможности обременять ее новыми расходами. «Достоинно удивления», отмечала в связи с этим передовая, что об этом заявляет прежде всего текстильная промышленность северного и центрального районов, которая «в настоящее время находится в особо благоприятных условиях»²⁶.

²⁴ Там же, л. 472.

²⁵ Там же, л. 472 об.

²⁶ «Торгово-промышленная газета», 20 апреля 1908 г.

Аналогичную статью поместила и столыпинская «Россия»²⁷. Даже Федоров вынужден был по существу согласиться со справедливостью упреков, сделанных официозом в адрес промышленников. В статье «Не бесполезный урок (ответ на передовую Т[оргово]-п[ромышленной] газеты от 20 апреля 1908 г.)» он в который раз пытался объяснить русским промышленным тузам выгодность общеклассовой позиции по сравнению с точкой зрения узкоклассовой. «Время сугубой защиты правительством интересов промышленности прошло, — указывал Федоров. — Надо опираться на самих себя, на свою самостоятельность и на те условия, которые должен создать новый строй». Нельзя стоять на «узкоклассовой» позиции. Надо действовать, основываясь «на солидарности интересов всех групп (буржуазии. — А. А.)». «От точки зрения, проводимой Обществом петербургских фабрикантов, не только должно, но и выгодно отказаться. На ней только будут играть те, кому нужно прикрыть собственные прорехи (т. е. правительство. — А. А.), и фактически она может дать только минус»²⁸.

Однако и на этот раз поучение не достигло цели. В своем ответе редактору «Слова» Глезмер отводил упрек в «устарелой манчестерской точке зрения», доказывая, что высказанный им ранее и подтверждаемый теперь тезис «чем позже, тем лучше» продиктован не корыстью, а сознанием того, что канцелярии ведут дело «без должной серьезности»²⁹. Говоря словами Глезмера, следует отметить, что данный довод был приведен «без должной серьезности», по-видимому, за неимением лучших.

Глезмер не ограничился простым опубликованием своего ответа. До этого он был отпечатан в виде специального письма-листовки и разослан соответствующим организациям и лицам³⁰. Из этого следует, что Глезмер, во-первых, придавал своему ответу принципиальное значение и, во-вторых, рассчитывал на сочувствие и поддержку своих адресатов и прежде всего членов Совета съездов.

Полгода спустя Глезмер еще раз демонстративно подтвердил свое кредо. 30 мая 1908 г. он в очередной раз был переизбран председателем Петербургского общества заводчиков и фабрикантов. В ответ на избрание он, согласно обычаю, выступил перед собранием общества с докладом на тему: «О новом правительственном австрийском законопроекте по обеспечению трудящихся классов населения в связи с традициями Общества заводчиков и фабрикантов». Конспект доклада был отпечатан и разослан точно таким же образом, как и ответ Федорову (да-

²⁷ «Россия», 24 апреля 1908 г.

²⁸ «Слово», 27 апреля 1908 г.

²⁹ «Промышленность и торговля», 1908, № 9, стр. 587.

³⁰ См., например, ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 252, л. 34—34 об.

тирован 2 декабря 1908 г.). Пафос доклада целиком выражает его заключительная фраза: «А следовательно, и на этот раз еще „чем позже, тем лучше“»³¹.

Следует, однако, подчеркнуть, что небольшие размолвки между Федоровым и Глезмером имели гораздо более глубокие основания, чем может показаться на первый взгляд, и представляют для нас значительный интерес. Федоров был одним из признанных и авторитетных лидеров торгово-промышленного мира, когда речь шла о непосредственных экономических интересах буржуазии. Но точно так же мы наблюдаем, как с неизменным постоянством буржуазия выражала свое недовольство тому же Федорову всякий раз, когда он призывал ее в качестве одного из вождей прогрессизма встать на путь общеклассовой политики, научиться жертвовать иногда рублем с тем, чтобы потом окупить потерю сторицей. И это относилось не только к Федорову, но и к прогрессистам и тем более к кадетам, как к партиям в целом. Как только политические лидеры русской буржуазии начинали говорить ей об общеклассовой политике, она хваталась за карман, преисполненная подозрительности, и начинала оглядываться вокруг в поисках более надежных лидеров из «своих», «людей дела», вроде Глезмера, Триполитова, Крестовникова и т. п. Подозрительность распространялась и на октябристов во главе с Гучковым. Но здесь московские и прочие тузы боялись другого — забвения их интересов в угоду помещичьим. Явление это не было ни случайным, ни временным. Наоборот, оно имело прочную традицию и коренилось в октябристской природе русской буржуазии, в том, что она переживала еще в известном смысле стадию грубо хищнического первоначального накопления.

В этом отношении любопытна памятная записка группы промышленников, поданная еще 29 декабря 1905 г. на имя председателей Государственного совета и Совета министров по вопросу о представительстве промышленности и торговли в Государственном совете в связи с его преобразованием во вторую палату. Из 70 подлежащих по проекту избранию членов Государственного совета, говорилось в записке, земледельческие и городские интересы будут представлять 56 членов, а интересы промышленности и торговли — всего 12. Получается отношение 1 : 5, в то время как годовая ценность производимой промышленностью и сельским хозяйством продукции примерно равна (4 млрд. к 4,5 млрд. руб., или 1 : 1). Мало того. Земледелие вот уже 20 лет «находится в крайнем упадке», и «никакие дополнительные прирезки земли» не изменят радикально положения. «Врачевание нашего земледельческого кризиса возможно лишь путем параллельного и самого широкого развития промышленно-

³¹ Там же, л. 100.

сти и торговли», отвлечением избыточного деревенского населения в город и переходом от общинного к подворному владению землей. А раз так, то «при таком положении вещей промышленность и торговля не могут быть сколько-нибудь удовлетворительно представлены 12 членами... Справедливость и первостепенная польза дела требуют, чтобы число членов в Государственный совет по выборам от промышленности и торговли было не менее 30»³².

Вторая часть записки доказывала несправедливость такого положения, при котором право избрания было предоставлено только биржам и комитетам торговли и мануфактур, и требовала распространить это право на 14 совещательных организаций промышленников, которые тут же перечислялись, на том основании, что указанные биржи и комитеты представляли преимущественно интересы торговли. В связи с этим записка требовала, чтобы те и другие избирали членов Государственного совета порознь и поровну — по 15 от торговли и от промышленности. В противном случае, учитывая, что бирж и комитетов 50, а совещательных организаций промышленников 20, будет иметь место засилье торговли над промышленностью.

Спустя пять дней после третьеиюньского переворота на имя министра торговли и промышленности была послана записка, в которой речь уже шла о представительстве промышленности и торговли в Думе. Автором ее был Крестовников. «Выборы в первую и вторую Думу, — писал Крестовников, — показали ясно всю трудность проведения лиц из промышленного и торгового класса депутатами в Государственную думу». В первой Думе таких представителей было всего два, во второй — ни одного (от центрального района). «Новый выборный закон значительно сокращает и те ничтожные шансы (!), какие имелись по старому закону»³³. Этот неожиданный и совершенно не согласующийся с действительностью вывод подкреплялся затем столь же несостоятельными расчетами и соображениями.

Понимая, что только что изданный, да еще таким способом, избирательный закон нельзя изменить еще раз, Крестовников конкретно просил лишь об одном: чтобы все директора и члены правлений акционерных и паевых компаний, независимо от вносимого ими промыслового налога, были переведены из второй городской курии, где у них не было шансов на избрание, в первую, где эти шансы, естественно, повышались. «В правлениях акционерных и паевых предприятий, — пояснял Крестовников, — сосредоточены лучшие силы промышленно-торговой деятельности, и не могло входить в расчет составителей закона умышленно затруднить им возможность попадать в выборщики и в члены

³² ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, л. 1а.

³³ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 283, л. 1.

Государственной думы»³⁴. И так, в Государственной думе подлинными представителями промышленности и торговли, по мысли Крестовникова, должны быть и таковыми явятся сами промышленники и торговцы, их «лучшие силы», а уже потом — октябристы и прогрессисты, не говоря уже о кадетах.

Копию своей записки Крестовников послал Тимирязеву, считывая на его содействие. Тимирязев немедленно вступил в переговоры с Крыжановским, автором избирательного закона. Последний сразу же доложил об этом Столыпину, но тот отказался помочь, заявив, что такое изменение произвести в порядке инструкции нельзя, а издавать на сей предмет высочайший указ невозможно. Сообщив об этом Крестовникову в письме от 21 июня и приложив к нему письмо Крыжановского, Тимирязев с сочувствием авгура восклицал: «Опять старое утешение (со стороны Столыпина и Крыжановского. — А. А.), что крупные представители торгово-промышленного сословия могут попасть и в выборщики, и в члены Думы в качестве домо- и землевладельцев!»³⁵

Спустя четыре года, 14 июня 1911 г., Крестовников разослал биржевым комитетам «совершенно доверительное» письмо, в котором призвал своих коллег активно включиться в предстоящую через год избирательную кампанию по выборам в IV Думу с тем, чтобы, «наметив достойных лиц», употребить «все ухищрения для проведения в Государственную думу четвертого созыва возможно большого числа лиц или непосредственно занимающихся торгово-промышленной деятельностью, или по крайней мере понимающих значение развития в стране промышленности и торговли»³⁶. Мотивировалось это прежде всего тем, что «в состав Государственной думы третьего созыва вошло чрезвычайно мало лиц», знакомых с промышленностью и торговлей. И именно «только этим обстоятельством можно объяснить чрезвычайную трудность и медленность проведения законопроектов, которые наряду с развитием и поощрением земледелия способствовали бы развитию в стране и промышленно-торгового прогресса. Можно было бы даже указать на некоторые, принятые Государственной думой третьего созыва законоположения, не только не способствующие отечественной промышленности и торговле, но прямо обременительные для последних»³⁷.

Все биржевые комитеты (Либаковский, Кирсановский, Лодзинский, Рижский, Екатеринославский и др.), откликнувшиеся на этот призыв, так или иначе выразили свою готовность сделать

³⁴ Там же, л. 3.

³⁵ Там же, л. 8 об.; Письмо Крыжановского Тимирязеву от 20 июня 1907 г., лл. 10—12 об.

³⁶ Там же, л. 50.

³⁷ Там же, л. 49—49 об.

все возможное, чтобы реализовать его. А Кокандский биржевый комитет предложил даже для этой цели «организовать торгово-промышленную партию с определенной платформой»³⁸.

Подобное отношение к Думе было характерно для всей буржуазии. О равнодушии и даже враждебности Думы в целом интересам промышленников и торговцев печать последних писала как о чем-то само собой разумеющемся. Эта же жалоба проходила лейтмотивом и через все съезды представительных организаций капитала. Для примера сошлемся на две статьи из органа Совета съездов. В передовой «Страхование рабочих от несчастных случаев» указывалось, что «наибольшим злом» является отрицательное отношение общественного мнения и правительства «к делу насаждения отечественной промышленности». «Каждый норовит, — жаловался журнал, — зарекомендовать себя другом и благодетелем рабочих и внушить последним вражду к предпринимателю»³⁹. В другой передовой «Общественное мнение и экономические вопросы» говорилось о той «злой отповеди», которую встречала со стороны «некоторых газет» «защита интересов промышленности и торговли частью нашей повседневной прессы». Передовая, цитируя резолюцию комитета съездов (напечатанную в том же журнале за два номера до этого), писала, что «нынешний год дал нам, к сожалению, еще одно доказательство того, что в парламентских кругах нет серьезного понимания государственного хозяйства» и что «даже руководящие круги» октябристов доказали, что они «чужды деловому вдумчивому отношению к интересам русской промышленности и торговли»⁴⁰.

Примерно так же расценивала буржуазия и соответствующую деятельность Государственного совета.

Свое настроение буржуазия воплотила после 3 июня в весьма конкретном и деловом «парламентском» мероприятии: она создала особую торгово-промышленную группу, объединившую довольно значительное число членов Думы и Государственного совета. Сама эта группа именovala себя «Совещанием членов Государственного совета и Государственной думы, интересующихся работами обеих палат в области промышленности, торговли и финансов». Оформилась она с первых же дней существования III Думы — в ноябре 1907 г.⁴¹ Октябристы и правые составляли в группе подавляющее большинство, кадеты и прогрессисты бы-

³⁸ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 283, лл. 53—63.

³⁹ «Промышленность и торговля», 1909, № 6, стр. 339—340.

⁴⁰ Там же, 1912, № 3, стр. 123.

⁴¹ По протоколам и спискам присутствующих мы насчитали 54 члена группы (ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, лл. 21—21 об.; 44, 50, 60—60 об., 63—63 об., 66—66 об.). «Голос Москвы» называет меньшую цифру — 41 человек, но она явно неверна («Голос Москвы», 8 декабря 1907 г.).

ли представлены всего по одному человеку (М. В. Челноков и М. А. Стахович), поляков было три человека (Жуковский, А. М. Ржонд и И. С. Монтвилл), и они отлично чувствовали себя в этой правоокейбристиской среде.

Весьма интересно собрание группы от 20 ноября 1907 г., на котором шла речь о задачах группы и формах ее организации и деятельности.

Барон Е. Е. Тизенгаузен доложил, что можно рассчитывать на участие в группе около 22 депутатов Думы — октябристов. Сколько можно привлечь членов из других фракций, пока еще сказать трудно, «принципиально же необходимо, чтобы проектируемые совместные собрания имели безусловно внепартийный характер»⁴². Беляев довел до сведения собравшихся, что в создаваемых Думой комиссиях — финансовой, бюджетной, по рабочему вопросу — октябристы получают не менее 40% мест, а потому около партии центра нетрудно будет сгруппироваться и депутатам других партий, интересующихся промышленностью и торговлей. Однако Крестовников заявил по этому поводу, что «в данном случае существо дела заключается не столько в той или другой форме организации, сколько в фактическом общении между членами Государственной думы и Государственного совета», причем одна из главных целей этого общения должна состоять в том, чтобы «рассеивать... неправильные взгляды о противоречии интересов сельского хозяйства и промышленности (т. е. помещиков и капиталистов. — А. А.)», которого «на самом деле нет и не существует»⁴³.

«Затем, — как гласил журнал, — подробно обсуждался вопрос о том, требуется ли общая организованная группировка... или же в каждой из обеих палат самостоятельная, а также каким образом обеспечить своевременное предварительное обсуждение поступающих на рассмотрение в законодательном порядке проектов»⁴⁴.

Старая лиса Тимирязев предложил соблюдать сугубую осторожность. Поскольку, указывал он, «интересы промышленности и торговли в общественной политической мысли стоят на втором плане и можно ожидать скорее враждебного, чем сочувственного, к ним отношения», то «к совместной работе двух палат, если она получает видимую организацию, будут относиться предостережительно и указывать, что капитал обеих палат соединился, дабы в свое русло пустить народную русскую жизнь». Поэтому целесообразнее бы были «свободные формы единения, устройство, например, коллоквиумов...»⁴⁵

⁴² ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, л. 5.

⁴³ Там же, л. 5 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, лл. 5 об.— 6.

Ему возражал Глезмер, заявивший, что именно по тем соображениям, о которых говорил Тимирязев, «действовать тут необходимо открыто и прямо». Вслед за Крестовниковым он также усиленно доказывал, что промышленность и сельское хозяйство в России «идут рука об руку»⁴⁶.

М. В. Красовский поставил вопрос о том, что необходимо определить «ту область законодательных вопросов, которая затрагивает интересы промышленности и торговли»⁴⁷.

Общий итог обсуждения свелся к следующим положениям:

«1) Единение между членами Государственного совета и Государственной думы для защиты интересов торговли и промышленности и финансов необходимо».

2) Организацию следует осуществить в виде отдельных двух групп, из которых каждая имела бы своего старосту и его заместителя (от Государственного совета были избраны Авдаков и Глезмер, а в группе Думы постановили провести выборы в течение ближайшей недели)⁴⁸.

3) Составить списки членов обеих палат, которые должны войти в состав соответствующих групп.

4) Озаботиться получением достаточного количества экземпляров вносимых в Думу законопроектов, что «любезно взял на себя М. В. Красовский».

5) Установить пока днем заседаний вторник и местом — помещение Совета съездов промышленности и торговли⁴⁹.

Страховые законопроекты сразу же оказались в центре внимания торгово-промышленной группы, причем она занялась ими прежде всего в тактическом плане. Такой подход был обусловлен, во-первых, стремлением определить в первую очередь общую тактическую линию по отношению к законопроектам, касающимся торговли и промышленности вообще, и, во-вторых, внесением министром финансов в Думу частного законопроекта о страховании от несчастных случаев рабочих и служащих предприятий Министерства финансов, о котором будет сказано дальше. Вопрос о тактике на заседании 4 ноября 1907 г. был сформулирован как вопрос «об очередности» рассмотрения в Думе и Государственном совете соответствующих законопроектов.

С обширным докладом на эту тему, претендующим даже на теоретические обобщения, выступил Глезмер. Не вдаваясь в ход его рассуждений, укажем только, что в отношении страховых законопроектов он требовал их одновременного совокупного рас-

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, л. 6.

⁴⁷ Там же, л. 6 об.

⁴⁸ «Голос Москвы» в той же заметке от 8 декабря 1907 г. сообщал, что от Думы были избраны Л. К. Шешминцев, Тизенгаузен и Беляев (см. также ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, л. 20).

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, л. 6 об.

смотрения, включив сюда и несуществующие законопроекты о страховых судах (примирительные камеры) и о страховании инвалидности и старости. «Было бы большой ошибкой, — говорил Глезмер, — допустить мозаичное законодательство в этой совершенно непочтой области социальных реформ». Зато «само проведение этих законоположений» он требовал осуществлять в строгой последовательности и, конечно, очень постепенно. Кроме того, по его мнению, «дело обеспечения рабочих» было тесно связано с вопросами местного управления и самоуправления, а также с вопросом о профессиональных союзах. Это особенно важно учитывать «ввиду тех отрицательных сторон, которые обнаружились на практике при осуществлении этого рода страхования (на случай болезни. — А. А.) в Германии, где больничные кассы сделались ареной социал-демократической пропаганды вследствие ошибочной постановки, которой нам подражать нет нужды»⁵⁰. Ту же тактику Глезмер предложил и в отношении других законопроектов.

На вопрос о том, как согласовать его требования с работой думских комиссий, у которых по необходимости будут свои планы и представления, связанные с очередностью и пр., Глезмер ответил, что ему важно принципиальное одобрение его идеи данным собранием, потому что он конкретно «имеет в виду возбуждение соответственных ходатайств через Совет съездов представителей промышленности и торговли или от имени Общества заводчиков и фабрикантов, но желал бы иметь убеждение, что участники обеих палат, сочувствующие торговле и промышленности, поддержат эти ходатайства среди своих сочленов и перед правительством». Предложенный Глезмером план объединения сил был, разумеется, полностью одобрен. Кроме того, «желая быть более ясным и понятным, С. П. Глезмер обещал представить к будущему заседанию письменное изложение возбужденного им вопроса»⁵¹. Такова была та сила, образовавшаяся в обеих палатах, которая приготовилась встретить во всеоружии правительственные страховые законопроекты еще задолго до того, как они были внесены в Думу.

Другой силой, вставшей на их пути, оказалась думская комиссия по рабочему вопросу и особенно ее председатель, директор фабрики Коншина в Серпухове, человек, теснейшим образом связанный с московскими торгово-промышленными кругами, типичный представитель октябристского капитала, барон Тизенгаузен. Фигура эта была настолько одиозной и характерной, что заслуживает специальной характеристики.

⁵⁰ Там же, л. 24—24 об.

⁵¹ Там же, лл. 25 об.— 26. Глезмер выполнил свое обещание: его записка была роздана на заседании группы 12 декабря 1907 г., но мы, к сожалению, ее не обнаружили (там же, л. 34).

Начать с того, что, будучи председателем рабочей комиссии, Тизенгаузен объявил себя публично противником страховых законопроектов. Спустя несколько месяцев после внесения их в Думу он выступил со статьей «Законы о государственном страховании и народная душа», в которой доказывал, что «законы эти служат источником нравственного падения масс, они развращают народную душу». Отсюда, естественно, следовал вывод: «Беречь самобытность, беречь „народную душу“ и не навязывать ей чуждых построений должно быть лозунгом работников на этой ниве»⁵². Позже некий Наумов в статье «Законодательная обструкция», посвященной тактике саботажа в отношении страховых законопроектов со стороны комиссий обеих палат, писал о Тизенгаузене следующее: «Председателем комиссии... состоит московский промышленник барон Тизенгаузен, неоднократно выступивший в печати и на собраниях выказавший себя принципиальным противником самой идеи страхования рабочих»⁵³.

Поведение Тизенгаузена в качестве председателя рабочей комиссии Думы полностью соответствовало его взглядам и настроениям. Даже коллегам время от времени приходилось умерять его. В частности, секретарь Государственной думы Созонович вынужден был обратиться к нему с письмом следующего содержания (от 19 января 1909 г.): «Долгом считаю сообщить Вам, что распоряжение Ваше о приглашении поименованных Вами в особом списке лиц в „Особое заседание членов комиссии по рабочему вопросу, принадлежащих к фракциям правым и центра“, как распоряжение, имеющее характер частного поручения, не может быть приведено в исполнение канцелярией Государственной думы»⁵⁴.

Первый выход рабочей комиссии на трибуну Думы был связан с небольшим законопроектом Министерства финансов, имевшим весьма длинное и неуклюжее название: «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев или утративших трудоспособность на работах мастеровых, рабочих и вольнонаемных служащих, а равно членов семейств сих лиц в промышленных и технических заведениях Министерства финансов».

История этого законопроекта такова. Закон 2 июня 1903 г., распространявший свое действие только на рабочих частных предприятий, содержал указание главам ведомств, в ведении которых находились казенные предприятия, озаботиться соответствующими представлениями о распространении указанного закона на эти предприятия «с необходимыми изменениями и дополнениями». Во исполнение этого требования было издано в

⁵² «Речь», 9 апреля 1909 г.

⁵³ «Новое время», 7 декабря 1910 г.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 3378, л. 21.

1905—1906 гг. несколько специальных законов о страховании рабочих казенных заводов: 1) артиллерийских заводов военного ведомства (около 31 тыс. рабочих); 2) Кабинета и уделов (12 тыс.); 3) Государственной типографии (около 700); 4) Сенатской типографии; 5) Морского ведомства (35 тыс.); 6) торговых портов (1,5 тыс.). Все эти законы, обнимавшие, как мы видим, крайне ничтожную часть рабочих, отличались от закона 2 июня 1903 г. одной особенностью: они предусматривали вознаграждение и за утрату трудоспособности вследствие профессионального заболевания, а не только от несчастного случая. Согласно директиве Государственного совета, все подобные законы должны быть однотипными. Следуя этой директиве, Министерство финансов было вынуждено в свой проект включить соответствующие статьи, связанные с профессиональными заболеваниями. По совершенно случайным причинам министерство не успело провести свой законопроект в старом, нереформированном Государственном совете, и он, таким образом, попал в Думу.

Нетрудно понять, что одобрение Думой такого закона означало с точки зрения Тизенгаузена создание крайне нежелательного прецедента, грозящего расширением объема страхового законодательства. Отрицательное отношение к законопроекту усугублялось еще тем обстоятельством, что он распространялся не только на рабочих, но и на технических служащих предприятий Министерства финансов (включая и членов их семей), причем последних было во много раз больше, чем первых (собственно рабочих было 4 тыс., а остальные 132 тыс., охватываемые законопроектом, составляли служащие и рабочие, обслуживающие казенную продажу литей). Поэтому торгово-промышленная группа обеих палат и рабочая комиссия признали законопроект неприемлемым принципиально и с первых же дней своего существования развернули против него планомерную и ожесточенную кампанию.

Уже 12 декабря 1907 г. торгово-промышленная группа на своем пятом заседании приступила к обсуждению законопроекта. Предварительно была составлена (вероятнее всего, Тизенгаузен) и разослана записка (датирована 3 декабря 1907 г.), излагающая доводы промышленников против законопроекта. Они сводились к следующему: 1) Министерство торговли и промышленности уже закончило разработку страховых законопроектов, которые имеют более широкий характер, чем законопроект Министерства финансов; 2) нормы обеспечения должны быть общими как для частных, так и для казенных предприятий. Никакого оправдания для разных норм нет, а на тех казенных предприятиях, где уже введены свои особые нормы, «их следует ликвидировать... и ввести общие нормы»; 3) «Должно систематически избегать мозаичного законодательства»; 4) пока на предприятия Министерства финансов следует распространить закон 2 июня

1903 г., без какого-либо изменения норм. «В отношении вознаграждения за случаи профессиональной болезни не узаконять никаких особых мер впредь до издания общего закона по страхованию инвалидности»; 5) «Рассмотрение законопроекта следует отложить до рассмотрения общих законопроектов по обеспечению рабочих и служащих»⁵⁵.

Обсуждение законопроекта на заседании 12 декабря привело в конечном итоге членов группы к «уверенности, что этот совершенно частный вопрос из области рабочего законодательства может взволновать Думу на тему борьбы труда с капиталом и таким же образом отразиться в печати и общественном мнении, что в настоящее время нежелательно». Помимо этого, «законопроект создает разницу в положении рабочих частной промышленности и работающих в казенных предприятиях, что принципиально не должно быть допускаемо и может ввести в будущее общее рабочее законодательство: а) принципиальное распространение вознаграждения за профессиональные болезни; б) принципиальное распространение закона 2 июня 1903 г. на торговое сословие приказчиков и сидельцев; в) принципиальное распространение на все виды страхования рабочих участия в нем семейств рабочих». Поэтому теперь в Думе следует провести лишь общий закон о страховании, а уж потом «подвергнуть разработке» вопрос об ответственности за профессиональные болезни, инвалидность и старость. «Иначе промышленность не в состоянии будет вынести этих колоссальных налагаемых на нее повинностей». Собрание предложило Авдакову и Глезмеру изложить все эти соображения министру финансов «и просить его о содействии и устранении возникших опасений»⁵⁶.

На следующем собрании группы, состоявшемся уже после зимних думских каникул, 22 января 1908 г., Глезмер доложил о результатах посещения им и Авдаковым министра финансов 19 декабря 1907 г. Министр заявил, что он не может ни изменить, ни взять назад свой законопроект. Что касается опасений по созданию прецедента, «то г. министр высказался по этому вопросу отрицательно, не допуская такого распространительного толкования его законопроекта ввиду неопределенного понятия о профессиональных болезнях... А потому г. министр обещал в случае надобности как в Государственной думе, так и в Государственном совете не только поддерживать, но и защищать свои взгляды».

Тем не менее даже такое обещание не удовлетворило собрание, и оно осталось «при прежнем своем убеждении, что законопроект... может все-таки создать принципиальные прецеденты для будущих общих законов в этой области». Поэтому оно ре-

⁵⁵ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, л. 18—18 об.

⁵⁶ Там же, лл. 34—35.

шило этого вопроса из программы своих будущих заседаний не исключать, а, «дожидаясь пока сведений, обещанных С. П. Беляевым, посмотреть, какой оборот примет это дело в думской подкомиссии, вновь образованной при комиссии по рабочему вопросу»⁵⁷.

Прежде чем приступить к рассмотрению законопроекта, рабочая комиссия в лице Тизенгаузена в самой прямой форме запросила директив группы. В журнале заседания группы от 12 февраля 1908 г. записано следующее: «По поводу возбужденного бароном Е. Е. Тизенгаузеном вопроса, какое окончательное направление желательно предложить думской подкомиссии по законопроекту о вознаграждении от несчастных случаев рабочих Министерства финансов..., определено: Дума не должна и не может утвердить такой сепаративный закон, но и руководящих начал для его изменения не следует выставлять впредь до обсуждения проекта общего нового закона о страховании рабочих от несчастных случаев и инвалидности»⁵⁸. Согласно этим указаниям, Тизенгаузен и Беляев приступили к поискам средств, которые обеспечили бы провал законопроекта.

Вначале была сделана попытка похоронить законопроект под предлогом скорого внесения в Думу страховых законопроектов правительством. Законопроект был передан в рабочую комиссию постановлением Думы от 16 ноября 1907 г.⁵⁹ Спустя три месяца, 16 февраля 1908 г., секретарь Государственной думы Созонович обратился к Столыпину с письмом следующего содержания. Комиссия по рабочему вопросу, обсуждавшая 15 февраля законопроект Министерства финансов, имея в виду заявление правительства о его намерении «в ближайшем будущем» осуществить государственное страхование рабочих частных предприятий, признала, что «дальнейшее рассмотрение внесенного министром финансов представления нельзя не поставить в зависимость от того, в каком положении находится ныне разработка Министерством торговли и промышленности вопроса о государственном страховании рабочих...» В связи с этим Созонович просил сообщить ему как можно скорее, когда следует ожидать представления соответствующих законопроектов в Думу⁶⁰. Но поскольку, как явствовало из ответа Столыпина, внесение страховых законопроектов в Думу затягивалось, в конце первой сессии пришлось поставить его на повестку дня Думы. Однако до обсуждения дело не дошло. На имя председателя Думы было подано заявление за подписью 38 лиц о снятии законопроекта с повестки. Без всякого обсуждения и даже не найдя нужным отве-

⁵⁷ Там же, л. 42—42 об.

⁵⁸ Там же, л. 56.

⁵⁹ Ст. от., с. I, ч. 1, стб. 295—296.

⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, л. 1—1 об.

тить социал-демократу Н. М. Егорову, выступившему с протестом, думское большинство проголосовало за снятие⁶¹. В начале второй сессии страховые законопроекты все еще не были внесены, и рабочая комиссия вынуждена была открыть забрало. В докладе Тизенгаузен приводились два мотива, на основании которых комиссия предлагала Думе отвергнуть законопроект. Во-первых, доводы ведомства носят чисто формальный характер и поэтому не оправдывают необходимости немедленного издания законопроекта, тем более что, по собственному заявлению министра, «положения закона 2 июня 1903 г. фактически уже применяются в заведениях Министерства финансов». Во-вторых, дефекты законопроекта «делают его неприемлемым без коренной переработки». А таковая «ввиду предполагаемого правительством внесения в ближайшем будущем законопроекта о государственном страховании представляется нецелесообразной». Исходя из сказанного, рабочая комиссия предлагала признать «представленный министром финансов законопроект не принятым Государственной думой»⁶². К докладу было приложено особое мнение меньшинства комиссии, осуждавшее это решение.

Доклад комиссии предполагалось поставить на повестку Думы 3 ноября. Однако в связи с тем, что ожидавшиеся с таким нетерпением Тизенгаузенем страховые законопроекты были уже внесены в Думу, на заседании комиссии 1 ноября было решено просить снять законопроект с повестки уже на том основании, что теперь он подлежит не отклонению, а переработке в согласии с внесенными законопроектами. На другой день Тизенгаузен отправил председателю Думы соответствующее письмо⁶³.

10 ноября 1908 г. предложение комиссии стало предметом обсуждения Думы вместе с заявлением 37 лиц, требовавшим безотлагательного рассмотрения законопроекта. От их имени говорил кадет В. А. Степанов, член рабочей комиссии, один из подписавших особое мнение. Напомнив Думе, что с момента передачи законопроекта в комиссию прошел год, что на первом же заседании Тизенгаузен предложил отвергнуть законопроект без всякого обсуждения, Степанов высказался против передачи его в комиссию на том основании, что комиссия исчерпала поручение, данное ей Думой, а давать новое поручение самой себе она не вправе. Это был типичный кадетский аргумент, упирающийся прежде всего на формально-юридическую сторону дела. Еще более характерным был основной довод за принятие законопроекта. Задача состоит не в том, разъяснял Степанов позицию своей фракции, чтобы вместо «закона несовершенно, неудовлетворительного поставить какой-нибудь идеальный закон. Нет, гг., дело

⁶¹ Ст. от., с. I, ч. 3, стб. 4147—4148.

⁶² ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 3378, л. 4.

⁶³ Там же, л. 7.

гораздо проще. Дело заключается в том, чтобы на место отсутствия всякого закона поставить какой-нибудь закон. Вы меня спросите: какой же именно закон? Я отвечу без обиняков: какой хотите, т.г., какой угодно», но чтобы он немедленно вошел в жизнь и стал действующим законом. По мнению Степанова, «беспорным достоинством» законопроекта было то, что он внесен правительством. Более того, хотя законопроект несовершенно, «его надо не исправлять, а надо принять так, как он есть, и принять его следует только потому, что если вы его не примете сейчас, то целая масса рабочих Министерства финансов останется без всякого закона». Рабочую же комиссию Степанов призвал «не бояться призраков», потому что законопроект касается только финансового ведомства, и, «следовательно, непосредственной и неминуемой опасностью частным промышленникам они (призраки.— А. А.) не угрожают». Не надо бояться того, что «мы создадим опасный прецедент»⁶⁴.

Октябристы, разумеется, поддержали просьбу рабочей комиссии. От имени своей фракции П. В. Каменский предложил вернуть законопроект в комиссию, дав ей двухмесячный срок. Мотивировалось это требование исключительно интересами рабочих! «По своим политическим взглядам, по своему политическому мировоззрению,— уверял Каменский,— фракция считает себя обязанной, как я уже говорил, стоять на страже интересов рабочих, на страже их прав»⁶⁵.

Представитель ведомства, товарищ министра финансов Н. Н. Покровский, буквально в двух словах, по существу ничем не мотивируя, присоединился к предложению Каменского. Мотивировать ему было просто невозможно, потому что исходная принципиальная позиция правительства в вопросе о рабочем страховании состояла, как нам известно, в идее отдельного законодательства для рабочих казенных предприятий и для рабочих частных фабрик и заводов.

С разоблачением действий рабочей комиссии выступили социал-демократические депутаты Покровский, Егоров и Кузнецов. В конце прошлой сессии, говорил Покровский, «какая-то невидимая рука устранила этот законопроект с повестки дня..., вопрос был снят без дебатов». Первоначально комиссия предлагала отвергнуть его, «теперь она говорит, что законопроект нужно не отвергнуть, а нужно принять». Подлинная суть дела состоит в том, подчеркивал оратор, что «думское большинство не желает поставить в порядок дня вопрос о рабочем законодательстве»⁶⁶.

Трудовики внесли формулу перехода, предлагавшую вернуть законопроект в комиссию, дав ей двухнедельный срок, с очень

⁶⁴ Ст. от., с. II, ч. 1, стб. 972—973, 976 (Разрядка наша.— А. А.).

⁶⁵ Там же, стб. 980.

⁶⁶ Там же, стб. 982—983.

характерной для них мотивировкой, объясняющей идейную основу их шатаний между социал-демократией и кадетами: «Трудовая группа,— заявил Петров-З,— стоит на страже интересов всех трудящихся; для нее резко разграниченных классов населения не существует»⁶⁷.

В противовес трудовикам Крупенский с места предложил месячный срок. Каменский тут же заявил, что его фракция присоединяется к предложению Крупенского. Оно, конечно, и было принято⁶⁸.

Как и следовало ожидать, новое обсуждение законопроекта последовало отнюдь не через месяц. Лишь в мае 1909 г. он вновь попал на повестку Думы. На этот раз роли переменялись: заявление о новом возвращении законопроекта в рабочую комиссию первым подписал социал-демократ Покровский, а настаивали на его принятии Тизенгаузен и думское большинство, включая кадетов. В заявлении говорилось, что комиссия рассмотрела и приняла только первую часть законопроекта, решив вторую его часть (о профессиональных болезнях) не рассматривать вовсе до начала новой сессии Думы, что являлось нарушением постановления Думы от 10 ноября 1908 г. Заявление предлагало дать комиссии двухнедельный срок с тем, чтобы она рассмотрела и вторую часть законопроекта⁶⁹.

Первым, кто поспешил прийти на помощь думскому большинству, был товарищ министра финансов Новицкий. Он предложил рассмотреть Думе готовую часть, ссылаясь на то, что для детального рассмотрения второй части потребуется минимум полгода и таким образом на этот срок будет отодвинуто решение вопроса о получении вознаграждения от несчастных случаев⁷⁰. Возражение Покровского о том, что отсрочка никакого практического значения не имеет, так как ведомство уже обеспечивает рабочих и служащих своих предприятий по закону 2 июня 1903 г.⁷¹, не произвело, конечно, на Новицкого и Думу ни малейшего впечатления, хотя это был тот самый довод, который был до этого выдвинут и весьма успешно использован Тизенгаузенем, добивавшимся снятия законопроекта с очереди. Классовая логика думского большинства не затрудняла себя согласием с логикой формальной. Когда Покровский, выступая в третий раз в защиту своего предложения, сослался на имевший уже место абсолютно схожий с обсуждавшимся вопросом прецедент (когда Дума по предложению Замысловского вернула в одну из комиссий законопроект на том основа-

⁶⁷ Ст. от., с. II, ч. I, стб. 988.

⁶⁸ Там же, стб. 989—990.

⁶⁹ Там же, ч. 4, стб. 615—616.

⁷⁰ Там же, стб. 617.

⁷¹ Там же, стб. 617—618.

нии, что она представила доклад лишь по первой части и потребовала рассмотрения обеих частей), с места раздался голос Пуришкевича: «Ведь это Замысловский»⁷². В числе горячих противников возвращения законопроекта в комиссию оказались и кадеты. Их представитель Степанов заявил, что он «решительно возражает» против предложения Покровского⁷³. При обсуждении законопроекта по существу дело обстояло точно таким же образом: против социал-демократической фракции, поддерживаемой трудовиками, выступил объединенный фронт, включавший правительство, правых, октябристов и кадетов.

Подлинную причину «усечения» законопроекта раскрыл в своем выступлении Беляев. «Законопроект, — говорил он, — одинаково вознаграждает как профессиональных больных, так и потерпевших от несчастных случаев. С этим согласиться ни в коем случае нельзя». Правительство предлагает страхование рабочих разделить на три вида: от несчастных случаев, оплачиваемых только промышленниками; от болезней, которые оплачиваются также и рабочими; и от инвалидности и старости, где в оплате должно участвовать и государство. Профессиональные болезни должны быть отнесены к третьему виду страхования — это «будет совершенно правильно». Но третий законопроект еще даже не выработан⁷⁴. Если мы вспомним, как оценило реальные возможности страхования от старости и инвалидности совещание Философова, то все лицемерие заявлений о полугодовом сроке становится более чем очевидным.

Еще определеннее ту же мысль, оперируя цифрами, развивал в своей второй речи Тизенгаузен⁷⁵.

Марков 2-й, выказав согласие с ораторами большинства, решил использовать обсуждение законопроекта для того, чтобы в сотый раз попытаться опровергнуть социал-демократов и убедить думских крестьян, что интересы рабочего класса и крестьянства не только не совпадают, но прямо враждебны друг другу. Это была одна из главных и любимых демагогических идей деятелей союзов «Русского народа» и «Михаила Архангела». «Покровский 2-й, — вещал Марков, — пытался выразить пред Государственной думой, будто бы интересы фабрично-заводских рабочих и интересы крестьян одинаковы, идут параллельно. Это глубокая неправда. В данном вопросе интересы фабричных рабочих и интересы крестьян диаметрально противоположны...» Противоположность заключается в том, что рабочие хотят получить, а крестьяне за это должны будут заплатить. «Крестьянство наше должно помнить, что они — плательщики, а вы — получате-

⁷² Там же, стб. 619.

⁷³ Там же, стб. 618.

⁷⁴ Там же, стб. 662.

⁷⁵ Там же, стб. 690—691.

ли, и чем больше вы будете получать, тем больше крестьяне будут платить; и вот тем крестьянам, которые этого не понимают, им полезно зарубить это себе на носу и это помнить»⁷⁶.

Демагогия кадета Степанова была тоньше и направлена в адрес рабочих. В качестве основания для частичного принятия законопроекта он выдвинул аргумент, гласящий, что в противном случае он будет отложен на неопределенно долгое время, так как те сведения о профессиональных болезнях, которые рабочая комиссия рассчитывает получить от Министерства финансов, получены быть не могут по той простой причине, что таких материалов нет в природе. Ведомство может лишь представить проект инструкции о вознаграждении за болезни, который оно собирается выработать, но эта инструкция комиссии совершенно не нужна. Именно поэтому Степанов и его фракция выступили против предложения социал-демократической фракции. На указание Покровского, что социал-демократическая фракция внесла заявление, абсолютно идентичное заявлению, которое защищал сам Степанов 10 декабря прошлого года, последний ответил самым жалким образом: да, это верно, «но теперь, когда сессия заканчивается, когда возвращение законопроекта целиком могло бы повести, как показывает опыт, к задержке всего законопроекта на совершенно неопределенное время, мы не считали возможным не рассматривать этого законопроекта по существу и откладывать его целиком». Ранее этот «реальный политик» говорил: «Мы стоим перед совершившимся фактом, и с ним приходится считаться»⁷⁷.

В первой части своей речи Покровский изложил «принципиальный взгляд, точку зрения рабочего класса» по вопросу государственного страхования в целом. Вторая часть была посвящена законопроекту. Сопротивление промышленников второй части законопроекта вполне понятно, указывал он, если учесть, что ответственность за несчастные случаи к ответственности за профессиональные заболевания, согласно германской практике, относится как 1 : 16⁷⁸. Средняя продолжительность жизни рабочих на некоторых производствах в России равняется 40, 30 и даже 24 годам. «Интересно было бы,— с горьким сарказмом говорил Покровский,— сравнить этот средний возраст, до которого доживают рабочие, со средним возрастом членов нашего Государственного совета». Формула перехода, оглашенная им от имени фракции, предлагала отвергнуть законопроект⁷⁹.

Второй оратор социал-демократической фракции всю долгую и неприглядную возню вокруг законопроекта расценил как сго-

⁷⁶ Ст. от., с. II, ч. 1, стб. 663—664.

⁷⁷ Там же, стб. 645—647.

⁷⁸ Там же, стб. 632, 638—639.

⁷⁹ Там же, стб. 638—639.

вор промышленников с правительством за счет рабочих. «Дума,— говорил он,— за спиной рабочего класса..., где-то в тайниках... сталкивалась с представителями промышленности и представителем правительства..., и эта торговля совершается именно... в уродливой Думе закона 3 июня»⁸⁰.

Постатейное обсуждение законопроекта представляло собой картину методического, монотонного и в то же время весьма быстрого отклонения всех поправок социал-демократической фракции и принятия всех пунктов проекта в редакции рабочей комиссии. 26 мая 1909 г. законопроект был принят и передан в редакционную комиссию⁸¹.

Однако принятие законопроекта даже в таком виде было неприемлемо для торгово-промышленной группы. В связи с этим была предпринята энергичная попытка провалить законопроект в Государственном совете. Воспользовавшись индифферентностью российских лордов к вопросу о страховании рабочих, который, как они считали, их прямо не затрагивает⁸², Триполитов, Крестовников и Глезмер сумели обеспечить в комиссии, созданной для предварительного рассмотрения законопроекта, надежное большинство.

12 декабря 1909 г. законопроект был поставлен на обсуждение Государственного совета. Докладчик комиссии Триполитов от имени большинства комиссии предложил его отвергнуть на том основании, что «общий» законопроект о страховании рабочих от несчастных случаев уже закончен думской рабочей комиссией и вскоре будет рассматриваться в Думе. То же доказывал и Крестовников. Разумеется, оба они повторили также все остальные известные нам доводы, направленные против законопроекта⁸³. Однако Государственный совет принял предложение меньшинства комиссии, отражавшего настроение большинства Совета, о возвращении законопроекта в комиссию для постановочного рассмотрения, чего ею до этого сделано не было⁸⁴. Этому предложению Пихно предшествовала речь Коковцова, который дважды, в начале и в конце, по поводу обещания скорого обсуждения «общего» законопроекта в Думе заявил: «Пока солнце высушит — роса глаза выест»⁸⁵.

⁸⁰ Там же, стб. 655.

⁸¹ Там же, стб. 2128.

⁸² В своей речи, посвященной законопроекту, Витте, в частности, говорил: «И я, господа, откровенно говоря, думаю, что когда легко относятся к вопросам страхования рабочих вообще, то, вероятно, аграрии не думают о том, что это дойдет и до них. И поэтому в настоящее время, когда говорят о страховании промышленных рабочих, то относятся к этому довольно индифферентно...» (Гос. сов. Ст. от., с. V, 1909—1910 гг., стб. 2651—2652).

⁸³ Там же, стб. 400—402, 419—426.

⁸⁴ Там же, стб. 417, 431.

⁸⁵ Там же, стб. 409, 415.

5 мая 1910 г. законопроект был вновь поставлен на повестку Государственного совета, и снова Триполитов самым категорическим образом потребовал его отклонения. «Решительно надо сказать,— заявил он,— стоп-машина, отклонить и ни в каком случае не давать хода этому закону». Закончил он свой доклад уверением, что осенью он будет «иметь честь поздравить» членов Государственного совета с принятием «общего» законопроекта о страховании рабочих от несчастных случаев⁸⁶.

Такой откровенный саботаж вызвал явное раздражение у Государственного совета и особенно у двух министров финансов, бывшего и настоящего, потому что Триполитов в своем докладе жаловался на «полное отсутствие какой-либо планомерности» правительства в рабочем вопросе, обвинял его в том, что «обыкновенно у нас рабочие законы пишутся под шум рабочих волнений»⁸⁷.

Изложив историю рабочего законодательства на протяжении 30 лет, начиная с Н. Х. Бунге, Витте заявил: «Мне странно, когда говорят, что виноваты только какие-то сановники или правительство, а что будто сами промышленные сферы не виноваты... Должен сказать, что при проведении всех законов, касающихся рабочих, в Государственном совете всегда я встречал громадный отпор, громадную критику от тех членов Государственного совета, которые вместе с тем и крупные промышленники, т. е. лица, имеющие крупные промышленные предприятия. Я им ставлю это не в упрек, но только устанавливаю факт, что они делали громаднейшую оппозицию»⁸⁸.

Упреки Коковцова в адрес промышленников были еще более ядовитыми. Отметив, что «штурм повторяется», Коковцов заявил, что цель его — «не мытьем, так катаньем достигнуть того, чтобы этот законопроект был отклонен». «М. Н. Триполитов, — говорил он далее, — не поздравит вас осенью с изданием этого закона. Ни этой осенью, ни, вероятно, следующей закона о страховании рабочих вы не получите. Если этот, ничтожный по своему объему, не затрагивающий ни одного атома интересов частных промышленников... вопрос вызывает такие прения..., то я представляю..., каковы будут у вас здесь прения, когда к вам сюда придет из Государственной думы вопрос о том, чтобы установить нормы для страхования рабочих... Мы услышим не такие речи, какие мы слышали сегодня, а услышим речи в сто раз пространнее, в сто раз более громкие, направленные к огоржению интересов промышленников». Но даже, если обещания Триполитова вопреки очевидности будут исполнены, «я говорю вам по поводу этих обещаний *timeo Danaos et dona ferent-*

⁸⁶ Гос. сов. Ст. от., с. V, 1909—1910 гг., стб. 2638—2639.

⁸⁷ Там же, стб. 2628—2629.

⁸⁸ Там же, стб. 2649—2650.

tes — опасайтесь этих даров, которые вам обещают принести осенью»⁸⁹.

Разоблачая истинную подоплеку позиции большинства комиссии, Пихно указывал, что законопроект представляется этому большинству «как бы схваткой на передовых позициях, причем исход маленького дела мог предрешить собой большое дело и, быть может, исход целой кампании». «В мнении большинства комиссии высказалось очень ясно опасение... такого предварительного решения, которое само по себе, не будучи значительным... предрешает исход очень крупных дел...»⁹⁰

В ответ последовали встречные жалобы промышленников, упрекавших правительство за то, что оно всегда проводило свою рабочую политику якобы за счет интересов промышленности. Особенно показательной в этом отношении была речь Глезмера, носившая крайне реакционный характер, откровенно излагавшая самые допотопные хищнические устремления русской буржуазии. Сам Глезмер своей речи придавал особо важное значение, подчеркнув, что он за четыре года пребывания в Государственном совете берет слово впервые, настолько обсуждаемый вопрос кажется ему важным⁹¹. Основная его мысль, изложенная в качестве ответа на упреки Витте, состояла в утверждении противоположного тезиса о... слишком быстром развитии рабочего законодательства в России, опережающем действительные потребности и поэтому вредно влияющем на развитие отечественной промышленности и взаимоотношения между фабрикантами и рабочими. «Итак я повторяю,— говорил Глезмер,— в области нашего рабочего законодательства сделано очень много, но сделано неумело... Это создавало рознь и смуты между рабочими и работодателями», конечным результатом которых были 1905—1906 годы. Поэтому, подчеркнул он, его давнишний тезис «чем позже, тем лучше» был и остается верным, и он «от своих слов» не отказывается и сейчас. Глезмер уверял, что «много патриархального» во взаимоотношениях владельцев предприятий и рабочих и что в России «рабочего пролетария в западноевропейском смысле нет, что еще главная масса рабочих связана с землей»⁹².

В свою очередь Триполитов скорбел по поводу того, что прежние благодатные времена, когда фабрикант был «отцом» своих рабочих, а они — его «детьми», канули в вечность. «Отравляет лишь та мысль, что, к сожалению, времена не те, — сетовал

⁸⁹ Там же, стб. 2659, 2664, 2669.

⁹⁰ Там же, стб. 2702.

⁹¹ Петербургское общество заводчиков и фабрикантов отпечатало речь Глезмера в виде отдельной листовки и разослало ее всем родственным организациям, то же было проделано и с двумя другими речами Триполитова от 5 и 7 мая (см., например, ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, лл. 90—90 об.).

⁹² Гос. сов. Ст. от., с. V, стб. 2726—2728, 2733.

докладчик. — То патриархальное отношение, которое существовало между фабрикантами и рабочими, ушло и ушло безвозвратно». «Прелесть патриархальных отношений отравлена»⁹³.

Но в конечном итоге промышленникам пришлось ретироваться и думать о том, как «спасти лицо». Тот же Триполитов заявил, что ему нанесли «оскорбление» подозрением, что он защищает интересы промышленников. «Я здесь не оратор от промышленности, — негодовал он, — я здесь докладчик вашей комиссии, член Государственного совета, связанный присягой...»⁹⁴ Глезмер закончил свою речь слезной мольбой видеть в нем борца... за правду и справедливость, лишенного всяких ухищрений и расчетов. «И здесь покорнейше вас прошу, — плакался он крокодиловыми слезами, — не считать меня защитником капитала, потому что действительно я в этой роли не выступал (!) и выступать не намерен, а защитником правды и справедливости (!), по чистой моей совести, но без тактики и без политики»⁹⁵. Крестовников жаловался на то, что речь Витте — это «возбуждение вражды одного класса населения против другого, рабочих против работодателей», и полагал, что подобные приемы не должны «входить в число тех способов, которыми выигрываются дела в высшем законодательном учреждении, в Государственном совете»⁹⁶.

Было принято предложение о переходе к постатейному обсуждению. Его провели в течение одного заседания, и 28 мая 1910 г. законопроект с некоторыми изменениями был принят⁹⁷.

Когда Коковцов давал свои прогнозы относительно предполагаемых сроков принятия Думой страховых законопроектов, он, конечно, говорил об этом с полным знанием дела. Рабочая комиссия во главе с Тизенгаузеном встала на путь самого откровенного саботажа, надеясь в конце концов добиться своего в отношении врачебной помощи, взяв правительство измором, а с другой стороны, делала все возможное, чтобы зажать рот членам комиссии — социал-демократам, А. Я. Предкальну и Кузнецову.

На заседании 22 апреля 1909 г. комиссия, наконец, приступила к постатейному обсуждению законопроекта о страховании рабочих от несчастных случаев. Предварительно было отвергнуто предложение Кузнецова о приглашении сведущих лиц — представителей профессиональных организаций. Свое предложение Кузнецов мотивировал тем, что интересы рабочих в комиссии представлены недостаточно и что «общеполитические условия не позволяют осведомлять рабочий класс о ходе работ Государственной думы по страхованию».

⁹³ Гос. сов. Ст. от., с. V, стб. 2632.

⁹⁴ Там же, стб. 2691.

⁹⁵ Там же, стб. 2736.

⁹⁶ Там же, стб. 2719.

⁹⁷ Там же, стб. 3318.

Социал-демократические представители внесли также заявление о стенографировании всех речей на время обсуждения страховых законопроектов. Его, конечно, постигла та же судьба. Основанием послужило постановление совещания Думы от 25 октября 1908 г., предлагавшее комиссиям Думы взамен стенограмм составлять подробно мотивированные журналы заседаний⁹⁸.

Перед тем, как перейти к постатейному обсуждению законопроекта о врачебной помощи (20 ноября 1909 г.) — главного объекта критики со стороны большинства комиссии, Тизенгаузен, как свидетельствует журнал, произнес «обширную речь, представляющую собой критический разбор тех начал, кои послужили ведомству отправными точками при выработке той части законопроекта, которая касается оказания рабочим врачебной помощи». В смысле доводов она ничего нового не представляла. Весьма характерен был конец речи, который в журнале изложен следующим образом: «Заканчивает речь бар. Тизенгаузен указанием на то, что вопрос об обеспечении врачебной помощи разрешен в известном смысле голосами „безответственной“ оппозиции, той, для которой лозунгом служит борьба... с буржуазией и капиталистическим строем и которой важен мгновенный успех, хотя бы за счет будущего — в конце концов чем хуже, тем лучше»⁹⁹.

На это совершенно беспрецедентное даже в практике третьей Думы заявление председателя, главной обязанностью которого считалось соблюдение беспристрастного отношения ко всем членам собрания, последовал энергичный протест Предкальна. Категорически отвергнув обвинение социал-демократии в стремлении действовать по принципу «чем хуже, тем лучше» («этого никогда не было и сейчас нет»), Предкальн далее указывал: «Выделение представителей „неответственной оппозиции“ из всего состава комиссии, как неравноценных членов ее, голосование с которыми является обстоятельством, опорочивающим для остальной части комиссии, содержит оскорбление для тех, кому оно адресовано»¹⁰⁰.

При первом постатейном обсуждении законопроекта Тизенгаузену, А. Д. Протопопову, Беляеву и другим не удалось изменить основную, 6-ю статью, возлагавшую лечение рабочих на предпринимателей. Дело, по-видимому, упиралось в правах членов комиссии. Лишь при втором обсуждении они все же добились своего. Сделано это было следующим образом. На заседании комиссии 9 февраля 1910 г. Тизенгаузен и правый Воейков внесли однотипные поправки к 36-й статье, согласно кото-

⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 3380, лл. 18 об., 25.

⁹⁹ Там же, лл. 93 об.—94.

¹⁰⁰ Там же, л. 98.

рым оказание врачебной помощи возлагалось на больничные кассы. Возражения ряда членов комиссии, сводившиеся к тому, что, во-первых, эти поправки не имеют отношения к обсуждаемой статье (36-я статья определяла размеры пособий), а во-вторых, «в корне изменяют правительственный законопроект»¹⁰¹, привели лишь к тому, что комиссия вернулась к обсуждению 6-й статьи, а именно этого добивались Тизенгаузен и К°. В результате была принята поправка Воейкова, заменявшая слова «за счет владельца предприятия» словами «за счет больничных касс»¹⁰².

Казалось, теперь, когда была достигнута главная цель, исчезла необходимость в дальнейшей затяжке. Тем не менее прошло еще немало времени, прежде чем остальные статьи законопроекта не были достаточно «обкатаны» в интересах промышленников. Только в декабре 1910 г. комиссия, наконец, закончила свою работу, и лишь в апреле 1911 г. страховые законопроекты попали на повестку дня Думы.

Столь долгожданное событие не вызвало, однако, ни малейшего энтузиазма у думского большинства. Более того, не только правые, но и октябристы проявили к нему полнейшее безразличие. При первом обсуждении главным образом говорили докладчики Тизенгаузен и Воейков 2-й. В заключительной речи перед голосованием о переходе к постатейному чтению Тизенгаузен специально подчеркнул, что «большинство (т. е. правые и октябристы. — А. А.) сторонилось громких и ненужных выступлений»¹⁰³. От октябристов с краткой бесцветной речью выступил А. Ф. Мейендорф. Прогрессисты выпустили на трибуну малоизвестного священника В. В. Климова. Кадеты отрядили двух ораторов: Степанова и Щелкина. Первый был главным действующим лицом своей фракции и в рабочей комиссии. Дебаты с самого начала велись при полупустом зале. Зачастую не было даже минимального кворума.

Подобное равнодушие было вызвано как общими причинами, так и самими законопроектами. Весна 1911 г. для октябристского центра оказалась глубокой осенью: после «парламентского» кризиса в марте 1911 г., о котором пойдет речь далее, даже самым оптимистически настроенным октябристам стало ясно, что союз Гучков — Столыпин полностью провалился, престиж октябристского лидера резко упал даже в глазах московской торгово-промышленной буржуазии. В свою очередь верхи и правые окончательно разочаровались в Столыпине, его песенка как политического деятеля фактически была уже спета. Сознание неудачи третьей юнкерской экспериментальной, взаимное раздражение — таково

¹⁰¹ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 3380, л. 179 об.

¹⁰² Там же, л. 190—190 об.

¹⁰³ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 3276.

было настроение правоокебристского большинства, определившее его отношение к страховым законопроектам. Последние также не будили никаких надежд: всем было очевидно, что от задуманной социальной реформы, имевшей целью перевести борьбу русского рабочего класса на рельсы тред-юнионизма, осталось нечто такое, что служит лишь аппетитам промышленников и усиливает влияние революционной социал-демократии в рабочем движении.

Формально 19 апреля Дума начала обсуждение одного законопроекта — о страховании рабочих от несчастных случаев. Но на деле были проведены общие прения по всем четырем законопроектам, и доклад Тизенгаузена носил именно такой общий характер, за которым должны были последовать выступления по реформе в целом.

Без излишней скромности Тизенгаузен вначале провозгласил, что вынесенные на повестку законопроекты имеют «мировое значение» и введением их в жизнь предпрещается «ход исторического развития нашей государственности». Характерной чертой доклада и всех последующих речей Тизенгаузена была их сознательная антисоциал-демократическая направленность. Это объяснялось как самим характером законопроектов, так и необычайно высоким мнением барона в отношении собственной эрудиции и силы мысли, глубокой уверенности, что ему ничего не стоит разделаться со взглядами социал-демократии на рабочее законодательство. На деле идейный борец против социализма демонстрировал нечто настолько убогое и примитивное, что его речи не вызвали большого восторга даже у политических друзей и союзников. Вместе с тем Тизенгаузен усиленно призывал при обсуждении страховых законопроектов отбросить прочь классовые интересы и объединиться для блага общего дела.

Цель социалистов, вещал барон, «ускорить социальный ка-таклизм». Сторонники второго лагеря, к которому принадлежит и он, «оберегают идеальные основы современного строя, т. е. свободу личности, индивидуальность и институт частной собственности». «Я лично считаю,— говорил он дальше,— верхом цинизма и политической близорукости ставить решение вопроса по страхованию рабочих в зависимость от эгоистических и узких интересов классов... В искании правильного государственного и гуманного решения этого вопроса должны принять участие все без исключения классы и политические партии...» Более того, докладчик выразил надежду, что социал-демократы и трудовики «не откажутся присоединить свои голоса за переход к постатейному чтению (Голоса слева: «нет»)».

Доклад Тизенгаузена, повторяя все уже нам известные доводы, содержал вместе с тем один новый и весьма важный момент: открытую защиту полицейской стороны законопроектов о присутствиях и страховом Совете. То, что буржуазия, начиная с

1905 г., выдавала за основное принципиальное противоречие между собой и царским правительством, ее авторитетный представитель спустя шесть лет превозносил с думской трибуны как неоценимое благо. Круг был пройден, метаморфоза завершена.

«К сожалению,— указывал Тизенгаузен,— практика Запада не дает нам права надеяться на идиллии, и такое чисто техническое учреждение (речь идет о страховых присутствиях.— А. А.), как его проектировало министерство, могло бы оказаться не обладающим ни достаточной осведомленностью, ни полнотой власти». «Второй и окончательный проект» устраняет этот недостаток. «Нельзя предполагать, что такая реформа... у нас протечет как нечто мирное, как явление чисто экономического характера. Поэтому мы думаем, что новая конструкция правительственного проекта... свидетельствует о правильном понимании истинного социального значения реформы и не закрывает глаза на могущие оказаться при проведении реформы трения». «Приходится признать,— развивал дальше свою мысль докладчик,— что предлагаемая нам конструкция органов высшего надзора находит достаточно оправдания в особенностях нашего строя, нашей действительности и нашего быта»¹⁰⁴.

Точку зрения правых и националистов изложил Воейков 2-й, который подчеркнул в начале своей речи, что он выступает не как один из докладчиков рабочей комиссии, а именно как представитель обеих фракций. Свою задачу правые члены рабочей комиссии, объяснял Воейков, усматривали в том, чтобы выступать в роли «посредников, умиротворителей сталкивающихся интересов» промышленников и рабочих. В результате «умиротворения» представители правых партий присоединились к тому взгляду, что необходимо врачебную помощь возложить не на владельцев предприятий, а передать в больничные кассы, «и в этом отношении мы разошлись с тем планом, который нам представило правительство». Присоединение мотивировалось необходимостью для фабрикантов лечить рабочих, интересами потребителей и крестьян. В отношении страхового Совета и присутствий было, конечно, заявлено, что в них «главная доля участия, главное решение должно принадлежать представителям правительства»¹⁰⁵.

Барон Мейендорф взял под защиту председателя рабочей комиссии, доказывая, что упреки, «будто бы он отстаивал чрезвычайно узкие интересы» за счет рабочего класса, несправедливы. Смелый шаг в страховом законодательстве — шаг рискованный, он может подорвать промышленность. Здесь необходимо проявлять «осторожность», начинать с малого, но верного, и имен-

¹⁰⁴ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2293, 2295—2305, 2321—2324.

¹⁰⁵ Там же, ч. 3, стб. 2717, 2720.

но так мудро и осторожно поступила рабочая комиссия во главе с ее председателем¹⁰⁶.

Смысл речи Климова сводился к заявлению, что прогрессисты будут голосовать за переход к постатейному чтению и к весьма неопределенной просьбе «предоставить больший простор для самодетельности рабочих в делах самоуправления, которые вызываются к жизни нашим новым законом»¹⁰⁷.

Позиция кадетов определялась двумя основными и противоречащими друг другу соображениями: учетом непрерывного левения страны и банкротства политики октябристов и стремлением занять место последних на выборах в IV Думу голосами прежде всего октябристских избирателей. Отсюда, с одной стороны, «деловые» речи и поправки Степанова, направленные на обычное кадетское «улучшение» одиозных законопроектов, а с другой — максимально либеральная речь Щепкина, критическая направленность которой в адрес промышленников подчеркивалась еще тем, что Щепкин был избран в Думу первой городской курией Москвы, т. е. теми же самыми купцами и промышленниками.

Лейтмотив своей речи Степанов выразил в следующих словах: «Я тоже (как и Шингарев. — А. А.) обращаюсь к большинству Государственной думы с тем же призывом: не обостряйте классовой борьбы, не поддерживайте тех извращений правительственного законопроекта, которые именно с точки зрения классового антагонизма большинство рабочей комиссии внесло в законопроект». Отсюда формулировалась и цель: «Я вовсе не имею в виду излагать здесь социальную программу нашей партии, моя задача гораздо скромнее и гораздо уже, я просто хотел бы попытаться спасти хотя бы то небольшое хорошее, что заключалось в законопроектах, внесенных правительством, и совершенно искажено большинством рабочей комиссии». Иными словами, суть кадетской позиции сводилась к поддержке правительственных законопроектов в их чистом виде. В вопросе о рабочем страховании кадеты заявили себя сторонниками правительства. «То, что предполагается правительством, — говорил далее Степанов, — представляет собой шаг вперед, шаг весьма робкий, но все-таки шаг вперед, а не назад».

Степанов полностью присоединился к правооктябристскому большинству в его критике основного требования социал-демократической фракции: одновременного введения всех видов страхования на все категории труда. Выразив на словах сочувствие этому принципу, кадетский оратор затем начисто отвергал его. «Тем не менее, — доказывал Степанов, — с практической точки зрения я до некоторой степени разделяю опасения тех, которые

¹⁰⁶ Там же, стб. 3268—3270.

¹⁰⁷ Там же, стб. 3276.

возражают против беспредельного и безграничного расширения сферы применения этого закона». В доказательство он предлагал вспомнить, как противники всякого рабочего законодательства выдвигали указанное требование «с совершенно определенной... целью: с целью сделать его практически неосуществимым». Нет нужды напоминать, что это был один из излюбленных доводов правительства, Тизенгаузена и др. Степанов отверг и другое требование социал-демократической фракции: о замене фабрично-заводских касс местными, территориальными. Собственные пожелания кадетов, изложенные Степановым, сводились к следующему: восстановление статьи о лечении рабочих за счет предпринимателей и пункта о лечении рабочих, пострадавших от несчастного случая, за счет страховых товариществ с первого дня, а не спустя 13 недель, как предлагал законопроект; распространение действия обоих законопроектов на транспортные и строительные предприятия и на торговых служащих; понижение минимального числа рабочих, которое делает возможным распространение страхования на данное предприятие, с 30 до 16 человек и некоторые другие. Разумеется, были сделаны возражения против «полицейских новелл», внесенных в законопроекты о страховом Совете и присутствиях.

Закончил свою речь Степанов следующими словами: «Так как поправками при постатейном чтении этих четырех законопроектов не только можно восстановить первоначальный проект Министерства торговли и промышленности, но можно его и улучшить (!), то мы будем голосовать за переход к постатейному чтению проекта и соответственными поправками постараемся изменить его к лучшему, насколько это окажется возможным»¹⁰⁸.

Началу речи Щепкина предшествовали требования социал-демократических депутатов проверить кворум, которые, конечно, председателем во внимание приняты не были. В свою очередь Щепкин вынужден был заявить, что «заставлять говорить оратора в такой парадной обстановке недостойно Государственной думы». Более того, совершенно в духе «безответственной оппозиции» он торжественно провозгласил, что будет говорить «свободно и со спокойной совестью, даже если будет сидеть один человек, ибо меня будет слушать через прессу и отчеты страна, а не вы, которые презираете вопросы труда». Следующий выпад кадетский оратор сделал в адрес большинства комиссий, старающегося протащить в Думе «определенный план», который по своей цели «очень прост: дать возможно меньше трудящимся и взять как можно больше в пользу капитала». Но взятая нота была слишком высока и явно фальшива, и Щепкин был тут же наказан. Когда им было сказано о том, что вопрос

¹⁰⁸ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2344, 2346—2348, 2364.

разбирается «так, как нужно для командующих классов», и что «дело наше (!), т. е. трудящихся классов, у вас давно проиграно», с места раздался голос правого депутата: «Вы от рабочих?» На ответ Щепкина «Да, я сам трудящийся» тот же голос с презрением отпарировал: «Вы от первой курии прошли».

Кадеты в очередной раз, избрав для этого поводом рабочий вопрос, сделали попытку, и именно в этом состоит смысл выступления Щепкина, убедить своих партнеров в опасности заскорузлого, примитивного, узкоклассового подхода для их же основных общеклассовых интересов, которые кадетским оратором именовались «государственными». Щепкин призывал октябристов быть умнее, тоньше, дальновиднее, т. е. делал все то, что продельвали кадеты множество раз и совершенно безуспешно.

Сославшись на слова Покровского 2-го, что буржуазия обсуждаемыми законопроектами обманывает рабочих, Щепкин заявил: «Я стану на защиту буржуазии, я уверен, что они даже не сознают, что они обманывают, ибо это их привычный образ действия..., который... сводится к грубой фразе: не обманешь, не продашь». «Эту привычку,— убеждал Щепкин,— следовало бы давно бросить и обсуждать отнюдь не с точки зрения выгоды своей, как говорил наш докладчик, а с точки зрения нужд и пользы государства». В трудовом законодательстве нужно руководствоваться «социальной справедливостью и государственной необходимостью». В качестве примера мудрого «государственного» подхода Щепкин привел реформу 1861 г. «Падение рабства в 1861 г.,— указывал он,— было, несомненно, таким актом, которое, несмотря на полное его несоответствие (!?) интересам командующего класса, все-таки было проведено, ибо в данный момент это считалось государственной необходимостью; без проведения этого закона, несомненно, последовало бы крестьянское восстание, которое уже местами и начиналось и проявлялось в казнях помещиков, мучениях помещиков, пожарах и т. д. Вот этот момент и заставил командующие классы признать, что государственная необходимость (читай: правильно понятый классовый интерес.—А.А.) вынуждает к этому». И теперь он делал попытку убедить «командующие классы в том, что наступил момент разрешить» два важнейших вопроса сообразно «социальной справедливости и государственной необходимости»: «о замене призрачной конституции истинной» и «об охране труда» рабочих и поднятии их жизненного минимума. В противном случае вы «заставите идти трудящихся на катаклизмы» и, следовательно, «собственные интересы командующего класса... им диктует необходимость заняться положением трудящихся в этой области».

Эту центральную идею Щепкин развивал очень подробно, подходил к ней с разных сторон, приводил все новые и новые

доводы. «Представьте себе,—объяснял он октябристам и правым,— что трудящиеся массы вдруг придут к заключению, что им не следует идти за командующим классом; ведь тогда командующим классам ничего поделывать не придется, одни они не в состоянии что-нибудь сделать, ведь это небольшая кучка по отношению ко всему 150 000 000-ному народу. Что же они будут делать, если эти классы не пойдут за ними?» «Нельзя отделяться одними криками»,— поучал Щепкин, надо уметь «пойти на некоторые жертвы». «И если вы этого минимума не дадите сейчас, то вам придется дать значительно больше в будущем». Правильная тактика, убеждал Щепкин, продолжая свою речь на следующем заседании, даже для реакционного, «но все-таки еще разумного государственного управления — вступление на путь социальных реформ..., если вы не желаете, чтобы люди потеряли терпение».

С этой общей позиции Щепкин и критиковал страховые законопроекты. Указав, что промышленники с учреждением страховых товариществ получают в руки мощную организацию по борьбе с рабочим классом, он призывал быть благоразумными и предоставить рабочим минимальные средства самообороны в виде профсоюзов. Щепкин был вынужден признать, что рабочие от законопроекта о страховании от несчастных случаев «в сущности ничего не получают», возражал против статьи о 13 неделях, привел расчет, согласно которому выходило, что с принятием страховых законопроектов в том виде, в каком они вышли из рук Тизенгаузена, «фабрикант свалит с себя на каждого рабочего... около 6 руб.», а рабочий будет платить в год по 5 руб. 60 коп. и т. д. Снова отметив в конце своей речи, что законопроекты «проникнуты эгоизмом и узкими интересами класса промышленности», страдают «цинизмом и близорукостью» и ведут к «непоправимым последствиям», Щепкин еще раз напомнил своим собратьям по контрреволюции: «Армия довольных — это есть залог нашей мощи, а армия недовольных... представляет собой силу беспощадную и грозную; и я желал бы, чтобы и мы, и дети наши были избавлены от столкновения с этой армией, и от вас зависит избавить нас от этого...» Но и на этот раз кадетские призывы предотвратить революцию путем своевременных реформ не нашли ни малейшего отклика у думского большинства. Да и сам Щепкин понимал это, называя себя еще в начале своей речи «вопиющим в пустыне» перед некультурной русской буржуазией, которой доказать, что «белое бело, пока невозможно»¹⁰⁹.

Выступления трудовиков по страховым законопроектам не дают ничего нового по сравнению с тем, что они требовали при

¹⁰⁹ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2604—2606, 2609—2611, 2613, 2615, 2647, 2665, 2669—2670.

обсуждении законопроекта Министерства финансов. Для них были характерны тот же демократизм и те же иллюзии, о которых мы уже говорили. Типичной в этом отношении была речь Ляхницкого.

Начав с того, что «правительство дает не то, что нужно», и законопроекты «представляют собой нечто незначительное», оратор трудовиков дальше заявил, что стремление правительства «бороться с поправками комиссии заслуживает полного одобрения». Выдвигая главное требование своей фракции — распространение страхования на сельскохозяйственных рабочих, Ляхницкий аргументировал это тем, что такое страхование было признано необходимым со стороны правительства и царя еще в ноябре 1903 г. Одновременно он высказывал в качестве довода типичный народнический реакционно-утопический тезис о том, что «страхование сельскохозяйственных рабочих будет способствовать удержанию рабочих сил в деревне, между тем как теперь они бегут отсюда в поисках заработка в городе». В заключение Ляхницкий огласил заявление за 30 подписями, состоящее из двух пунктов: «1) признать необходимым распространить страхование на рабочих сельскохозяйственных, ремесленных, строительных, на домашнюю прислугу и вообще все виды наемного труда и 2) возвратить рассматриваемый законопроект (по страхованию от несчастных случаев.—А.А.) в комиссию для переработки его в целях такого распространения»¹¹⁰.

Трудовик Петров 3-й потребовал введения всех видов страхования, которое должно быть организовано государством с участием рабочих и служащих за счет предпринимателя. Те, кто трудится «лично», т. е. не пользуются наемным трудом, страхуются целиком за счет государства. Средства для страхования государство получает, установив прогрессивный налог на капиталистов. В оглашенном им заявлении трудовой группы указывалось, что внесенные «законопроекты не отвечают самым основным условиям, которым должно удовлетворять обязательное страхование рабочих...»¹¹¹

Трудовик И. С. Томилов закончил свою речь словами: «Народ видит, что от вас, избранных по закону 3 июня, ничего не дожидаться, и когда снова наступит положение 1905 г., тогда только законодательство направится в пользу народных масс»¹¹².

Страховые законопроекты по вполне понятным причинам стали одним из основных объектов деятельности социал-демократической фракции на всех этапах их прохождения: в комис-

¹¹⁰ Там же, стб. 2710—2711, 2714, 2716.

¹¹¹ Там же, стб. 3262.

¹¹² Там же, стб. 2744.

сии, при общем и при постановочном обсуждении. Фракция пользовалась любым поводом, буквально каждой статьей законопроектов, чтобы еще и еще раз изложить свою точку зрения и разоблачить истинные цели правительства и Думы. В то же время на примере этих выступлений особенно отчетливо видны столкновения противоборствующих — большевистских и меньшевистских — взглядов в самой фракции — трудный и сложный процесс становления подлинного пролетарского парламентаризма. В этом отношении обращают на себя внимание три момента в выступлениях социал-демократических ораторов: 1) последовательная и всесторонняя критика страховых законопроектов с противопоставлением им страховой программы рабочего класса; 2) провозглашение меньшевистского лозунга «свободы коалиций» как предварительного условия осуществления этой программы и 3) критика позиции кадетов по рабочему вопросу.

Наиболее последовательной с точки зрения революционной социал-демократии была речь Покровского 2-го, выступившего первым после Тизенгаузена. Он сразу заявил, что для фракции «важны не практические результаты, не осуществление данных законопроектов правительством, для нас в данную минуту важно принципиальное суждение по данному вопросу». Отметив далее, что рабочий класс «совершенно был устранен» от выработки страховых законопроектов, в то время как промышленники принимали в этом самое непосредственное участие, Покровский пояснил, что фракция пользуется случаем, чтобы «высказать принципиальное суждение рабочего класса по данному вопросу и высказать нашу социалистическую точку зрения...»

Прежде всего социал-демократический оратор отверг излюбленный тезис думского большинства, на котором строились все возражения социал-демократам, что будто последние — принципиальные противники социальной реформы вообще, сторонники тактики «чем хуже, тем лучше». В то же время он противопоставил социал-демократическое понимание происхождения и значения социальной реформы буржуазно-реформаторскому. «Неверно заявление, будто мы противимся государственному страхованию и скорее являемся сторонниками принципа *laissez faire, laissez passer*... Социальная реформа... не является препятствием, а, наоборот, является средством, содействующим и ускоряющим социальный коренной переворот. В этом коренное разногласие между нами, социалистами, и буржуазными реформаторами. Когда они говорят о государственном страховании..., то они имеют задачу этой реформой затемнить классовую борьбу и создать в рабочем классе иллюзию возможности социального мира при современном капиталистическом строе. Мы, принимая социальную реформу, думаем, что она не затемнит сознания рабочих, а, наоборот, прояснит это сознание и приблизит социальный вопрос к окончательной развязке».

Далее Покровский изложил основные пункты программы социал-демократии по государственному страхованию: распространение страхования на все категории наемного труда; введение страхования также по старости, инвалидности, безработице, беременности; страхование вдов и сирот; единая страховая организация; территориальный тип больничных касс, их полное самоуправление; увеличение пенсий до размеров заработка и др. «Социальная реформа, осуществленная по этой программе,—подвел итог Покровский,—не может встретить с нашей стороны оппозиции, а, наоборот, встретит наше сочувствие». Заявив, что обсуждаемые законопроекты являются «простым обманом», Покровский закончил свою речь следующими словами: «Мы прямо горячие, убежденные и последовательные противники этих законопроектов и будем голосовать против них... в той надежде, что рабочий класс в самом ближайшем времени соберет свои силы и завоюет себе условия для свободной классовой борьбы, а тогда все вопросы социального законодательства могут быть, должны и будут поставлены на надлежащую, здоровую почву»¹¹³.

Какие это должны быть условия, Покровский не сказал, но за него это сделал его товарищ по фракции Предкальн. «Право коалиций...,—заявил он,—в данный момент является первейшей и существеннейшей необходимостью в законодательной области по отношению к рабочему классу, и только после осуществления этого права можно говорить об улучшении положения рабочего класса путем социальных реформ... Следовательно, если нам в настоящее время задают вопрос, как мы относимся к задачам рабочего законодательства в России, то мы отвечаем: мы требуем прежде всего законодательного осуществления прав коалиций для рабочих». «Прежде всего и раньше всего,—провозгласил он в другом месте своей речи,—гражданское равноправие!.. такого же права вести классовую борьбу, какое имеет буржуазия...»¹¹⁴ То же самое говорил и Чхеидзе: «В то время как мы, рабочие, и мечтать не смеем о всероссийских союзах, съездах и пр., предприниматели открыто организовались во всероссийские боевые союзы, устраивают свои съезды, ведут политическую борьбу. Так дальше продолжаться не может... Нам нужна свобода союзов, собраний и стачек»¹¹⁵.

Позиция кадетов подверглась критике со стороны фракции уже при постаейном обсуждении, дававшем удобные поводы для разоблачения кадетской политики в рабочем вопросе.

«Все здесь существующие в Думе политические партии, исключая разве только трудовиков, и конституционалисты-де-

¹¹³ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2327—2328, 2330—2331, 2342—2344.

¹¹⁴ Там же, стб. 2595—2596, 2602.

¹¹⁵ Там же, стб. 2379.

мократы, и октябристы, и правые, — подчеркивал Кузнецов, — будете голосовать против наших поправок». «Касаясь других наших политических фракций..., — говорил он дальше, — я должен указать, что недалеко от них (правых и октябристов. — А. А.) ушли и фракция народной свободы и мирнообновленцы». Расказав затем о выступлении Степанова в рабочей комиссии, направленных против распространения страхования на железнодорожников, Кузнецов делал следующий вывод: кадеты показали, что «они являются, так же как и октябристы и как партия правых, противниками единого страхования»¹¹⁶.

В другом своем выступлении Кузнецов вскрыл смысл кадетской «реальной политики». Касаясь заявления Щепкина, что он будет голосовать за одну из поправок социал-демократов лишь потому, что он заранее знает, что она будет провалена, Кузнецов резонно указывал: «Следовательно, если бы наша статья могла быть принята Государственной думой, тогда он, очевидно, голосовал бы против нашей редакции ст. 1». В таком случае зачем же Щепкин обращался в своей речи через голову Думы к народу? Потому, очевидно, что «после того трехлетнего искания, когда кадеты каждый раз заискивали совместного сотрудничества с гг. октябристами», они «убедились, что не только не представляется урвать хоть шерсти клок, но даже и выщипать хотя бы один волос». «Кадетская поправка, — указывал Кузнецов, — говорит о страховании то же самое, что и редакция большинства думской комиссии, с одним исключением, что кадеты хотят распространить законопроект на торгово-промышленных служащих... Этот маневр кадетов сделан только ввиду того, что на носу четвертая избирательная кампания, чтобы получить у приказчиков те голоса, при помощи которых они проходили во все Думы»¹¹⁷.

В связи с выступлением председателя Совета министров Коковцова, о котором будет сказано далее, Кузнецов указал на трогательное согласие кадетов с премьером, на то, как «премудрый» кадет Степанов «протянул новому министру (премьеру. — А. А.) Коковцову свою любезную кадетскую ручку». То же самое он сказал и в адрес «Речи», посвятившей большую часть своей передовицы «либеральности председателя Совета министров Коковцова»¹¹⁸.

Показательно, что все эти обвинения в адрес кадетов исходили от типичного меньшевика, каким был Кузнецов. Этот факт свидетельствует о возросшем воздействии на фракцию со стороны рабочего класса, требовавшего от нее последовательно революционной линии, с чем меньшевики вынуждены были по необ-

¹¹⁶ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 156, 161—162.

¹¹⁷ Там же, стб. 212—213.

¹¹⁸ Там же, стб. 530, 532.

ходимости считаться (сам Кузнецов в своих выступлениях приводил неоднократно резолюции и высказывания рабочих собраний и профсоюзов, выражавших резко отрицательное отношение к страховым законопроектам) ¹¹⁹.

В целом социал-демократическая фракция справилась со своей задачей разоблачения антирабочей позиции всех фракций думского большинства. Декларация фракции по поводу страховых законопроектов провозглашала: «Социальные реформы против социальной революции — таков лозунг буржуазии; социальной реформы для социальной революции — лозунг пролетариата» ¹²⁰.

В апреле — начале мая 1911 г. страховые законопроекты были закончены только в первом обсуждении. Совещание Государственной думы совместно с представителями фракций решило отложить постатейное обсуждение на осень, т. е. перенести уже на пятую, последнюю сессию Думы. Это решение Дума приняла 2 мая ¹²¹. Вызвано это было прежде всего горячим желанием правооктябристского большинства обсудить за оставшееся короткое время до конца сессии более близкие его сердцу финляндские законопроекты.

Этот сам по себе весьма маловажный факт дает нам повод коснуться одного представления, согласно которому приступить к обсуждению страховых законопроектов заставил, наконец, Думу начавшийся новый революционный подъем. На самом деле, как показывают думские прения, это утверждение не соответствует действительности. Думское большинство, с одной стороны, социал-демократы — с другой, одинаково заявляли, что эти законопроекты вынесены на повестку дня Думы именно потому, что в стране пока нет сколько-нибудь значительного движения, что правительство и Дума спешат с этим делом, пока еще тихо. Одним словом, начавшееся в конце 1910 г. оживление рабочего движения было еще настолько сравнительно невелико, что никто его тогда не расценил как начало нового революционного подъема. Такая оценка пришла позже, возникла, так сказать, ретроспективно, в связи с дальнейшим развитием рабочего движения. Отсюда следует, как рискованно доверять даже самым соблазнительным гипотезам, если они не основаны на фактах. Идея, верная сама по себе в общеисторическом плане, оказывается неверной в плане конкретно-историческом.

Обращаясь к думскому большинству в своей речи, произнесенной 25 апреля 1911 г., Кузнецов говорил: «Вы сейчас пользуетесь тем, что рабочий класс в течение последних лет безмолвствует». Однако «вас побудило поставить на обсуждение эти

¹¹⁹ См., например, Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2696.

¹²⁰ Там же, стб. 2708.

¹²¹ Там же, стб. 3279.

страховые законопроекты не ваше желание и не желание правительства оказать благодеяние рабочему классу, а побудил все тот же призрак рабочего движения». Пока этот призрак выражается только в протестах, поступающих на имя председателя Думы, и в целом ряде экономических стачек. «Но, гг., вы прекрасно знаете... что из малого вырастает большое..., и для того, чтобы предупредить эти вновь нарождающиеся события, выражающиеся в рабочем движении, вы ставите на обсуждение эти законопроекты»¹²². С подобными заявлениями выступали и другие социал-демократические ораторы, а также и трудовики. В свою очередь Тизенгаузен на том же заседании специально подчеркнул в пику социал-демократам, что «момент для рассмотрения этого законопроекта выбран чрезвычайно удачно и является чрезвычайно подходящим; в частности, я думаю, что такие реформы не следует проводить в угаре общественных волнений, а наши сотрудники, сидящие на левых скамьях, они вдохновляются лишь заревом и лязгом»¹²³. Подобные высказывания делались и другими представителями правооктябристского большинства.

Осенью того же года, в конце октября, Кузнецов говорил примерно то же самое, что и раньше. В стране, указывал он, начался новый промышленный подъем, в результате которого «то там, то сям» возникают экономические стачки, «и нет ни малейшего основания думать, что из области экономической борьбы эта борьба не примет политической формы»¹²⁴. В начале ноября ту же мысль Кузнецов высказал в несколько более уверенной форме. Своими законопроектами, говорил социал-демократический оратор, «промышленники страхуют себя и правительство от движения рабочего класса, но, гг., я глубоко убежден, что этим вы себя от рабочего движения не застрахуете, ибо у нас есть сейчас в наличии признаки поступательного рабочего движения, и, вне всякого сомнения..., в недалеком будущем вам лицом к лицу придется встретиться с этим же рабочим движением»¹²⁵.

Таким образом, речь всюду идет не о наступившем революционном подъеме, а о признаках его возможного наступления. Из этого факта исходил и контрреволюционный лагерь, о чем свидетельствует, помимо всего прочего, и сам перенос обсуждения страховых законопроектов с весны на осень.

Постоянное обсуждение законопроектов представляло собой картину методичного издевательского отклонения всех социал-демократических поправок. Все 162 поправки, внесенные социал-демократической фракцией, были отвергнуты. Та же участь по-

¹²² Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2706.

¹²³ Там же, стб. 2690—2691.

¹²⁴ Там же, с. V, ч. 1, стб. 453.

¹²⁵ Там же, стб. 1387.

стигла и поправки трудовиков. Были провалены и все сколько-нибудь значительные поправки кадетов, несмотря на то, что они перемежались редакционно-техническими поправками и нередко защищались обычным кадетским способом: уверением своих со-седей справа, что эти поправки вносятся для их же собственной пользы.

Самым шумным моментом при постатейном обсуждении был эпизод, связанный с отклонением поправки рабочей комиссии о возложении лечения рабочих на больничные кассы.

Еще при первом обсуждении министр торговли и промышленности С. И. Тимашев заявил, что «правительство вынуждено возражать против всех поправок рабочей комиссии, которые сделаны по вопросу об организации врачебной помощи», так как подобное изменение «существенно умаляет обеспеченность рабочих на случай болезни». В конце речи он снова повторил, что «правительство решительно возражает против всех поправок рабочей комиссии по вопросу о врачебной помощи и настаивает на сохранении в этом отношении правительственного законопроекта»¹²⁶. Тизенгаузен, охваченный беспокойством, ответил по своему обыкновению пространной речью, не теряя пока надежды, что удастся отстоять редакцию рабочей комиссии.

Однако осенью, когда очередь дошла до соответствующей статьи, в Думу явился защищать правительственную редакцию не только Тимашев, но и Коковцов. Уже сам этот факт означал, что правительство действительно заняло в этом вопросе твердую позицию и решило не допустить новеллы Тизенгаузена. Но и здесь по отношению к промышленникам были проявлены максимальная предупредительность и уступчивость. В результате переговоров с октябристами было достигнуто соглашение, смысл которого сводился к тому, что за отказ последних от поправки Воейкова все остальные требования буржуазии, касающиеся экономической стороны законопроектов, включая и пресловутые 13 недель, удовлетворяются полностью. Доказательством подобного сговора служат два основных факта: во-первых, октябристы внесли соответствующую поправку еще до выступления представителей правительства; во-вторых, при дальнейшем обсуждении все сколько-нибудь существенные поправки, принятые Думой, исходили также от октябристов.

Расшаркавшись вначале перед рабочей комиссией за ее «ценную и строго обдуманную работу», подчеркнув, что предложенная ею 12-я статья о врачебной помощи «с точки зрения логики и последовательности... не допускает критики», октябрист Каменский заявил от имени фракции, что «в настоящий момент было бы наименее вредно и наиболее целесообразно сохранить

¹²⁶ Там же, с. IV, ч. 3, стб. 2679, 2681.

за предпринимателями те функции, которые они фактически несут в деле врачевания рабочего населения». Поэтому «мы полагаем,— говорил он дальше, что в виде временной (!) меры надо предоставить предпринимателям лечение рабочих»¹²⁷. В заключение Каменский зачитал соответствующую поправку, вносимую его фракцией.

После этого выступления сразу же последовали речи председателя Совета министров и министра торговли и промышленности. Последний закончил свою речь словами о том, что так как поправка Каменского «совершенно совпадает с проектом правительства, то правительство против нее не возражает»¹²⁸.

Тем не менее Тизенгаузен не хотел сдаваться. В совершеннейшей ярости от того, что многомесячные усилия его и его коллег пропали даром, он выступил с ответной речью, в которой на протяжении нескольких часов обвинял правительство в том, что оно ни много, ни мало стакнулось в данном вопросе с социалистами, стало на точку зрения социал-демократов. «Защищаемый нашим правительством проект...,— кричал он,— вполне отвечает планам социал-демократии». «В этом вопросе,— вещал Тизенгаузен,— и наше правительство, и социал-демократия... идут рука об руку к одной цели (Смех слева; голоса справа: «правильно...»)»¹²⁹. Председатель рабочей комиссии пугал правительство, доказывая, что избранная им позиция логически приведет либо к захвату рабочими всей врачебной помощи в свои руки, а затем и к революции, либо к необходимости для правительства, чтобы предотвратить подобную перспективу, взять все лечение рабочих на себя.

Речь Тизенгаузена свидетельствовала о том, что distinguished барон потерял душевное равновесие. Разумеется, его упреки в вольном или невольном сговоре правительства с социал-демократами были отведены представителем правительства и высмеяны социал-демократическим оратором^{130—131}.

10—11 января 1912 г. оба страховых законопроекта были окончательно приняты Думой¹³² и затем, после утверждения докладов редакционной комиссией, переданы в Государственный совет. Последний принял все четыре законопроекта 2 мая¹³³, а 23 июня 1912 г. они стали законами.

Страховые законопроекты в конечном итоге явились еще одной из причин, углубивших и обостривших противоречия между царизмом и буржуазией. По мере того как все более обнаружился провал третьей июньской курса, в том числе и реформы рабочего законодательства как составной части этого курса, на-

¹²⁷ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 480—482.

¹²⁸ Там же, стб. 495.

¹²⁹ Там же, стб. 554—555.

^{130—131} Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 3079, 3082; с. V, ч. 1, стб. 578—579.

¹³² Там же, с. V, ч. 2, стб. 67, 107.

¹³³ Гос. сов. Ст. от., с. VII, 1911—1912 гг., стб. 3839, 3841—3842.

падки правой печати на буржуазию делались все энергичнее, а жалобы капиталистов заполнили страницы их газет и журналов. Кульминация наступила во время Ленского расстрела, показавшего всем и вся тщету совместных пятилетних попыток царизма и буржуазии предотвратить наступление нового революционного подъема, не допустить революции.

В декабре 1910 г. в связи с окончанием работы рабочей комиссии по страховым законопроектам и передачи их для обсуждения в Думу «Новое время» опубликовало две статьи упомянутого выше Наумова, в которых комиссия и буржуазия в целом подверглись самой резкой критике.

Первая статья называлась «Законодательная обструкция». Отметив вначале, что крупные промышленники играют, «к сожалению», в рабочей комиссии «доминирующую роль», автор статьи далее писал: труды комиссии «можно резюмировать весьма кратко: гг. промышленники окончательно оправились от испуга. В 1905 г. фабриканты и заводчики готовы были выполнить три четверти социалистической (!) программы. Теперь они резонно соображают: благо в данную минуту нет угрозы массовых забастовок, нельзя ли отделаться копеечной подачкой? Более того, в расчете спрятаться в случае чего опять за спину правительства, архилиберальные во всех прочих отношениях промышленники считают себя даже оскорбленными, если так можно выразиться, до глубины кармана предложениями того же правительства понести известные жертвы ради улучшения быта рабочего класса».

Припомнив промышленникам всю историю их пятилетнего сопротивления, в результате которого от всех правительственных законопроектов осталось только два, упомянув в этой связи Глезмера и Триполитова как наиболее активных противников страхового законодательства, Наумов указывал, что и в отношении этих двух законопроектов еще задолго до внесения их в Думу «промышленники выторговали себе ряд чрезвычайно существенных уступок, которые в переводе на деньги оцениваются десятками миллионов рублей». «Дальнейшие обстоятельства законодательной процедуры,— констатировал далее автор,— складываются для промышленников не менее благоприятно. Дело страхования рабочих, если можно назвать так жалкие остатки задуманной системы, находятся теперь в более чем надежных руках тех же гг. Глезмера и Триполитова в Г. совете и бар. Тизенгаузена в Г. думе». Законопроекты «встречают... упорную тактику противодействия со стороны обеих комиссий»¹³⁴.

Вторая статья, опубликованная на другой день под названием «За чей счет?», была посвящена как раз поправке к 6-й статье, о которой шла речь выше. Отметив упорство, с каким

¹³⁴ «Новое время», 7 декабря 1910 г.

Тизенгаузен добивался перерешения вопроса, дав ему соответствующую характеристику, что, впрочем, было сделано и в первой статье («принципиальный противник страхования рабочих»), Наумов закончил свою статью следующим образом: пока скажем большинству обеих комиссий: «Если эти господа желают быть защитниками интересов ситценабивных и мануфактурных фабрик, а не представителями народных и государственных нужд, то пусть лучше они сложат с себя то высокое звание, которым облечены теперь, и не компрометируют более идею народного представительства в России. Да будет им стыдно!»¹³⁵

Статьи Наумова вызвали ответ Глезмера в журнале «Промышленность и торговля». Ответ был довольно жалким и в основном сводился к отрицанию роли, приписываемой ему, Триполитову и др. Абсолютно нелогично, жаловался он, считать, что два-три члена законодательных палат «могут иметь такое чудотворное влияние на правительство и обе палаты, что там все делается и переделывается по указаниям этих двух-трех представителей промышленности, находящейся в заgone как в общественном мнении, так и в правящих сферах»¹³⁶. Так же как и его речь в Государственном совете, этот ответ был размножен и разослан Петербургским обществом заводчиков и фабрикантов.

В журнале Совета съездов появлялись статья за статьей с оправданиями, жалобами на несправедливые упреки в адрес промышленников, на несочувствие общественного мнения, о чем уже мы говорили. Передовая под названием «Рабочие законопроекты» уверяла, что отношение «объединенной промышленности» к внесенным в Думу страховым законопроектам является «вполне сочувственным». «Часть общественного мнения», которая медлительность Думы приписывает влиянию на нее «торгово-промышленного класса», ошибается: последний в Думе «слабо представлен». В своей обиде промышленники поднимались до высот иронии: «Не секрет проявляемое Гос. думой безразличное и в общем неблагоприятное отношение к интересам торговли и промышленности. И вдруг по рабочему вопросу Госуд. дума творит беспрекословную волю промышленников!»¹³⁷

В другой, уже цитированной нами передовой «Общественное мнение и экономические вопросы» говорилось, что стоило только «Утру России» указать на странное запрещение обсуждать на XXXVI съезде горнопромышленников Юга России вопрос о страховании рабочих, как «Новое время» обрушилось с резкой статьей на «официальный орган красных банкиров и дисконтеров» и «шкурно заинтересованный буржуазный парламент, заседающий под скромным названием Съезда представителей промышленности и торговли»¹³⁸.

¹³⁵ «Новое время», 8 декабря 1910 г.

¹³⁶ «Промышленность и торговля», 1910, № 24, стр. 635.

¹³⁷ Там же, 1911, № 9, стр. 397.

¹³⁸ Там же, 1912, № 3, стр. 123.

Сильнейший удар буржуазии нанес Витте при обсуждении страховых законопроектов в Государственном совете. Меткость его обличений заключалась не в новизне фактов, которые он приводил, а в том, что он был признанным и самым высоким авторитетом в области этих фактов. Выступая 18 апреля 1912 г. с одобрением страховых законопроектов, Витте специально подчеркнул, что русская промышленность находится, по сравнению с промышленностью большинства других европейских стран, в наиболее благоприятных условиях «под действием двух живительных влияний»: протекционизма и аграрного перенаселения. Первый фактор позволяет русским промышленникам продавать товары дороже, чем они стоят за границей, и возлагает, следовательно, дополнительное бремя на покупателей, а также и на сельское хозяйство, потому что за граница в ответ на промышленный протекционизм отвечает протекционизмом аграрным. Витте специально подчеркивал при этом, что он не только не является противником протекционистской политики, а, наоборот, всегда был и остается ее убежденным сторонником и проводником. Его мысль в данном случае сводится к тому, что если все классы русского общества приносят определенные жертвы на алтарь протекционизма, то справедливо, чтобы и промышленники понесли некоторые жертвы при страховании рабочих. Второй фактор заключается в том, что земледельческий строй России порождает миллионы крестьян-пролетариев, в результате чего «нигде в европейских странах промышленность не имеет столь дешевых рабочих, как у нас в России». В подтверждение Витте привел сравнительные данные о годовой заработной плате рабочих ряда стран: в Англии — примерно 550 руб., во Франции — 540, в Германии — 450, в Австрии — 340 и в России — 250 руб.

Кроме того, указывал Витте, расходы предпринимателя в Германии на страхование и лечение рабочих «гораздо большие сравнительно с накладными расходами, которые лягут на предпринимателей в случае принятия предложенных законопроектов». Таким образом, делал он окончательный вывод, «накладные расходы, вызываемые предлагаемыми законопроектами, будут умеренными и справедливыми»¹³⁹.

Вторая речь Витте последовала спустя два дня и явилась ответом Дурново, который, основываясь на цифрах секретаря думской рабочей комиссии С. П. Беляева, доказывал, что германская промышленность дает более высокие прибыли, чем русская (соответственно 6,48 и 3,47%). С полным знанием дела Витте высмеял и Беляева, и Дурново. Он задал один простой, но решающий вопрос: если это так, то почему иностранный капитал идет в Россию, а не наоборот, как это непременно случилось бы, если бы цифры Беляева оказались верны. Тогда, иронизировал Витте,

¹³⁹ Гос. сов. Ст. от., с. VII, 1911—1912 гг., стб. 3404—3406.

«мы завоевали бы мирным путем Германию, Францию, Англию и т. д.»

Витте отверг также как несостоятельный один из контрдоводов промышленников о том, что заграничный рабочий получает больше потому, что он способнее и лучше работает, чем русский рабочий. Старый царский сановник был вынужден признать высокие профессиональные качества русских рабочих. «Я долго сам,— говорил он,— имел большое отношение к рабочим в качестве служащего на железной дороге, и многие подтвердят, что более способного человека, чем человек русский, за границей не встретишь, может быть, у них есть другие качества, но отрицать в русских людях способность сравнительно со способностью иностранных рабочих едва ли правильно... Уже теперь создались тысячи русских рабочих..., которые, я уверен, за пояс заткнут и заграничных рабочих»¹⁴⁰. На другой день Витте выступил еще раз, ответив на возражения Крестовникова, Триполитова и др. Последние доказывали, что цифры Беляева основаны на данных журнала Министерства финансов («Ежегодник Министерства финансов») за 1909 г.

Сначала, заявил Витте, он был обескуражен этим сообщением: ему показалось обидным, что орган ведомства, которым он так долго управлял, «мог высказать такую финансовую ересь (я высказываюсь очень мягко, я хотел высказаться гораздо резче)». Но, выяснив дело, он убедился, что, «оказывается, они (сотрудники журнала и министерства. — А. А.) такой нелепости не говорили». В связи с этим Витте указал, что цифры Беляева были официально опровергнуты «Россией», о чем промышленники умолчали («Россия», в частности, указывала, что ни Вольский, ни Оль, пустившие в ход цифры, которые взял Беляев, «не объясняют нам, как они определяли акционерные капиталы и что считали дивидендами»).

Витте показал несостоятельность и другого ответного довода промышленников, заключавшегося в утверждении, что иностранный капитал идет, собственно, не в русскую промышленность как таковую, а в те немногие отрасли, которые дают большие доходы. Это неверно, доказывал Витте: кризис 1900—1901 гг. показал, что больше всего пострадали именно иностранные капиталы. При этом он указал, что в первой своей речи упустил еще один важный аргумент. Если бы в России были сняты все ограничения, связанные с учреждением акционерных обществ и вообще промышленных предприятий, и был бы разрешен явочный порядок, то тогда, говорил Витте, «вы увидите, как масса иностранных капиталов пойдет сюда для того, чтобы по уверениям, которые я здесь слышал..., получать здесь менее того, что они получают за границей».

¹⁴⁰ Гос. сов. Ст. от., с. VII, 1911—1912 гг., стб. 3521—3522.

Не выдерживал критики, по мнению Витте, и довод промышленников о том, что русские капиталы не идут за границу по той простой причине, что их просто нет. «Но позвольте, господа, припомнить, — прижал к стенке своих оппонентов Витте, — сколько капиталов русских было переведено за границу в 1904 и 1905 гг накануне революции. Сотни и сотни миллионов. Когда нужно было уходить от революции, тогда нашлись капиталы и отправлялись за границу. И они оставались бы там и пошли бы в промышленность, если бы это было выгодно. Но как только у нас все успокоилось, понятно, что и капиталы пришли обратно для помещения их здесь более выгодно. Наконец, если вам угодно будет обратиться к отчетам банков и к различным капиталам, которые в этих банках лежат непроизводительно, то вы увидите, какая у нас масса своих капиталов»¹⁴¹.

Речи Витте имели большой резонанс, и все попытки промышленных заправил хотя бы несколько сгладить произведенное ими впечатление, оказались неудачными. В этом отношении типична статья барона Майделя, которую он, показывая, что принимает бой, озаглавил словами Витте «Финансовая ересь». Но бой он явно проиграл. Начав с того, что страницы периодической печати после вызвавших широкий интерес прений в Государственном совете по страховым законопроектам (а этот интерес вызвала речь Витте) стали пестреть такими заголовками, как «Обструкция промышленников», «Крокодиловы слезы» и т. п., автор пытался далее доказать несостоятельность речи Витте совершенно пустой фразой: речь, мол, основана «на общих теоретических посылах», а потому неверна. Свой тезис Майдель сопровождал мелким уколом, который еще больше подчеркивал его бессилие. «Даже для таких крупных людей, как С. Ю. Витте, — язвил он, — вынужденное бездействие и отстранение от живого практического дела не проходит бесследно...» Но автор был вынужден снова и снова признавать самое главное и неприятное, а именно то, что «речь, несомненно, послужила к укреплению ошибочных взглядов, столь прочно установившихся в образованной части общества, на положение нашей промышленности», и в этом «идейный грех бывшего насадителя крупной индустрии в нашем отечестве»¹⁴².

Особенного накала нападки правых достигли в связи с Ленским расстрелом. Речи Маркова 2-го, Замысловского, Л. В. Половцова и других в связи с обсуждением запросов о ленских событиях были уснащены самыми громовыми выпадами против ненасытных appetitов буржуазии. Правда, основное внимание при этом уделялось доказательству, что главными виновниками

¹⁴¹ Там же, стб. 3552—3556.

¹⁴² «Промышленность и торговля», 1912, № 9, стр. 447—448.

являются капиталисты-евреи, но тем не менее кампания велась против русской буржуазии в целом. Тон ей задавала суворинская газета. Заголовки и выражения вроде «Зарвавшиеся монополисты», «Круговая кабала», «Господство монополистов, потерявших меру в своих притязаниях и не боящихся для защиты своих привилегий проливать кровь рабочих, создающих им их колоссальное богатство»¹⁴³, были самыми типичными для нее и других правых газет. Кроме того, правые выражали всяческое сочувствие рабочим. Фразы «несчастные рабочие», «каторжный труд», «жертвы биржи» и пр. были столь же характерны, как и первые. Помимо демагогии и желания свалить вину с правительства на капиталистов, здесь был и гораздо более глубокий смысл: разочарование в «новой» рабочей политике и стремление на базе этого разочарования вернуться к старой открытой полицейской политике.

Провал рабочей политики и Ленский расстрел в связи с общим провалом третьейюньюнского курса привели к усилению противоречий и в самом правительственном лагере, сомнению в действительности и необходимости союза с буржуазией. Показательной в этом отношении является статья Меншикова под характерным заголовком «Экзамен В. Н. Коковцова», опубликованная спустя три дня после Ленского расстрела. Статья посвящена речам Коковцова и Крестовникова, которыми они обменялись в Московском биржевом комитете. «Обе речи, — писал Меншиков, — явились как бы громкими декларациями двух союзных лагерей перед новой парламентской кампанией: правительства и капитала...» Автора не устраивало такое положение дел: «Как все это, согласитесь, не похоже на добрые старые времена торжественных выездов начальства в Москву! Невольно спрашиваешь, куда девалось господствующее сословие в России — дворянство? Купцы решительно выступают теперь в роли древних дворян, они требуют себе привилегий во имя бесспорных государственных и всенародных (!) интересов. А дворянство... добровольно обрекает себя на чисто служебную, наемническую роль...» Коковцов выдержал экзамен у биржевиков «на двенадцать баллов»¹⁴⁴. Разумеется, это было не столько жалоба, сколько угроза и купцам, и премьеру, которую они почувствовали вскоре самым непосредственным образом.

Итак, царизм не сумел разрешить рабочий вопрос. Тем менее оказалась к этому пригодна русская буржуазия, классовый примитивизм которой делал ее неспособной к самостоятельному историческому творчеству.

¹⁴³ «Новое время», 8 и 10 апреля 1912 г.

¹⁴⁴ Там же, 7 апреля 1912 г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**ПРОВАЛ
СТОЛЫПИНСКОГО
БОНАПАРТИЗМА**

Глава шестая

«ЛЕВЕНИЕ» БУРЖУАЗИИ И ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВНУТРИ ДУМСКОГО БЛОКА

Вторая половина существования III Думы целиком определялась новым революционным подъемом. Медлительность его начального этапа не обманывала ни правых, ни либералов: у них были опыт революции 1905—1907 гг. и знание настроения народа. Это настроение уже стало переходить в действие, и нетрудно было предвидеть конечный результат шедшего безостановочно процесса. Революция как перспектива завтрашнего дня, как близкая и ясно ощутимая реальность встала перед партнерами по контрреволюции и обусловила полный провал политики царизма и Думы.

Обнаруживший себя во время второй сессии процесс разложения третьей думской системы с осени 1909 г., т. е. с начала третьей сессии Думы, стал приобретать явные черты ускорения. Выражением этого нараставшего год от года кризиса и его непосредственным результатом явились дальнейшее «левение» буржуазии, «министерский» и «парламентский» кризисы марта 1911 г., завершившиеся убийством Столыпина, крах политики и тактики всех партий думского большинства.

* * *

Наиболее наглядным показателем дальнейшего «левения» буржуазии было «левение» не только кадетской, но и ее наиболее правой и косной части — буржуазии октябристской. Тот факт, что переходом в оппозицию все чаще стала угрожать партия, неспособная ни к какой оппозиции, боявшаяся прослыть оппозиционной не только в глазах правых, но и своих собственных, партия, которой сразу начинал угрожать раскол, как только заходила речь об «оппозиционности», был лучшим свидетельством вынужденности этого процесса, отражением подлинного и все усиливавшегося левения страны.

Суть «левения» октябристов состояла в требовании оплатить, наконец, выданный правительством «вексель» — дать обещанные «реформы». Накануне открытия третьей сессии в передовой,

озаглавленной «Переживаемый момент», официоз Гучкова писал: «Момент серьезен, и эта серьезность достаточно учтена (октябристами. — А. А.)... Слово теперь за правительством... Если же произойдет конфликт, то центр никогда не был готов потерять смысл жизни ради того, чтобы жить». Перечислив первоочередные «реформы», газета вопрошала: «Готово ли на это правительство?.. Скоро, наконец, выяснится окончательно: ...будет ли обновляющая деятельность Г. думы идти в сотрудничестве с правительством или вопреки ему?»¹

Однако оппозиционность октябристов имела одну особенность, которая позволяла им в любой желательный для них момент превращать ее в демонстрацию... верности Столыпину и очередную серию клятв и уверений в ложности самого предположения, что «Союз 17 октября» стал или может стать оппозиционным. Подобные заключения объявлялись либо злым умыслом октябристских врагов, либо недоразумением. Достигалось это одним и тем же традиционным приемом: противопоставлением Столыпина камарилье, реакции, так называемым «темным силам». Столыпин критиковался октябристами за то, что, будучи «конституционным премьером» (это считалось аксиомой) и, следовательно, противником «темных», антиконституционных сил, он борется с этими силами недостаточно решительно, уступая им и даже капитулируя перед ними. Уступчивость эта объяснялась боязнью решительно связать свою политику с Думой, т. е. с теми же самыми октябристами.

Подобная позиция была, конечно, очень удобной для того, чтобы трусостью Столыпина прикрыть собственную трусость. В этом и состоял ее основной смысл. В то же время, противопоставляя Столыпина верхам, октябристы в какой-то мере отражали подлинное положение вещей: борьбу официального правительства с неофициальным, закулисным.

Помимо собственно «темных сил», под которыми в первую очередь разумелись придворные кружки, основным объектом своих нападок во второй период существования Думы октябристы сделали Государственный совет. Он был объявлен главным виновником неудач «обновленного строя». Это было также продиктовано мелким торгашеским политиканством. Во-первых, критика Государственного совета автоматически определяла и оправдывала меру оппозиционности думского «центра»: стоило лишь улучшить состав Государственного совета, и «реформам» будет открыта «зеленая улица». Во-вторых, нападки на Государственный совет создавали мостик для заигрывания с кадетами, которые в свою очередь реформу верхней палаты выдвинули в третьейконовский период в качестве одного из своих главных лозунгов. Что касается октябристов, то они добивались не ре-

¹ «Голос Москвы», 18 октября 1909 г.

формы, а права Столыпина влиять на ежегодные назначения новых членов Совета взамен уходивших в отставку (так называемые «неприсутствующие члены») с тем, чтобы таким путем сделать менее правой его назначаемую половину.

О характере октябристской «оппозиционности» Столыпину дает наглядное представление передовая «Голоса Москвы» под названием «Попутчики?» Знак вопроса в заголовке раскрывал основную идею статьи. «И в Думе, и вне Думы,— говорилось в передовой,— представители Союза 17 октября, отдавая должное личным качествам П. А. Столыпина, неуклонно указывали на многие ошибки правительственного курса, страдающего раньше всего недостаточной определенностью». Причина этого кроется «в чрезмерной подверженности закулисным веяниям». В отношении октябристов к Столыпину всегда «играли решающую роль не личные качества премьер-министра, а направление его деятельности: нельзя было не считаться с тем, что оно являлось максимумом прогрессивности, возможным в правительственной политике в текущий момент, и что смена кабинета возможна лишь в сторону крайнего правого министерства». Тем не менее, «если бы эта политика стала окончательно игрищем закулисных веяний, то личности П. А. Столыпина не прикрыть изменившегося курса». Далее следовал апофеоз — октябристский «ультиматум»: «„Полевение“ октябристов, насколько нам известно, не что иное, как легенда. Не изменилось их отношение ни к правительству, ни к премьер-министру, ни их программа, ни их тактика. С другой стороны, нам говорят, что „поправление“ правительства тоже миф. Прекрасно. Если так, то ничего не изменилось и можно продолжать совместную работу. Если это не так, то повторится старое митинговое сравнение. Два пассажира, из которых один едет в Бологое, другой в Москву, едут до Бологого вместе. Поезд дошел до Бологого — вот и все»².

Но эта угроза была чистым хвастовством. Обычно недовольство октябристов выражалось в различного рода жалобах, затмевавших собой знаменитый плач Ярославны. Краса и гордость октябристской публицистики «Громобой», по мере того как подвигалась к концу пятилетняя жизнь III Думы, все чаще впадал в минор, надрывая сердце себе и своим читателям. «Правительственная „полнота власти“, — писал он в статье с характерным названием „Мертвый штиль“, — сильно страдает от их («темных сил». — А. А.) интриг, и, имея дело с ответственным, хотя и не в парламентском смысле правительством, Дума не может все же твердо знать даже завтрашнего правительственного курса. Бесконечные гадания..., неопределенность, томящая всю Россию, нависшая каким-то кошмаром... А что если завтра все правительство будет сменено другим, и мы окажемся под сапогом

² Там же, 28 октября 1909 г.

доктора Дубровина? А что, если и основные законы будут изменены в духе „Московских ведомостей“? Или нет: напротив, кажется, веет либерализмом?.. Что же в конце концов? В какую сторону мы плывем? Каждый день мы можем проснуться и при начале серьезного созидания реформ — увы, не далее, как при начале... и по ту сторону семнадцатого октября. „Какое-то там октября“, как его называл Меньшиков... Все неопределенно... все двойственно... Уходит дорогое время»³.

Деятельность Государственного совета оценивалась октябристами как «систематическое отрицание всего принятого Думой курса»⁴. «Сама по себе думская работа, — признавала другая передовая, подводя итоги, — какова бы она ни была, не дает и не может дать никаких практических результатов, и, защищая работоспособность и деловую энергию большинства третьей Думы, мы должны, конечно, признать, что общий итог законодательной работы за истекшие 2,5 года крайне ничтожен. Но в этом виновата уже не Дума. Ее работа встречает систематическое противодействие в Г. совете, на деятельность которого реакционная группа оказывает почти решающее влияние. Система организации нашей верхней палаты дает широкий простор для реакционной интриги»⁵. Под «системой организации» разумеалась практика пополнения Государственного совета членами по назначению.

Как обычно, своей очередной кульминации либерально-буржуазная оппозиционность достигала во время бюджетных прений, при обсуждении сметы Министерства внутренних дел. Это было вполне закономерно, так как не правительство как таковое, а именно полицейское ведомство определяло и направляло всю внутреннюю политику государства, включая и политику остальных ведомств. Именно поэтому прения по смете Министерства внутренних дел всегда носили характер дебатов об общем политическом курсе правительства, т. е. были посвящены самым острым и коренным проблемам, связанным с самим существованием третьеиюньской монархии.

Третья сессия в этом отношении не была исключением. Более того. Оппозиционные ноты в выступлениях кадетов, прогрессистов, октябристов звучали на этот раз резче, чем при дебатах по смете Министерства внутренних дел в первые две сессии. Общая причина была та же: обострение противоречий в третьеиюньском лагере, обусловленное в свою очередь дальнейшим развитием революционного кризиса в стране. Непосредственная причина состояла в том, что Дума к этому моменту прошла ровно половину своего пути, достигла своей «критической точ-

³ «Голос Москвы», 3 ноября 1909 г.

⁴ Там же, 19 ноября 1909 г.

⁵ Там же, 29 декабря 1909 г.

ки». Для всех было очевидно, что если Дума не повернет к требуемым «реформам» теперь, то она уже не повернет к ним никогда. Понимание этого обстоятельства и подхлестнуло октябристско-кадетских либералов сделать еще одну безнадежную попытку уговорить верхи и правых пойти на «реформы».

Центральным моментом в прениях стала речь кадета Маклакова. Объясняется это главным образом тем, что она была обращена к октябристам и правым. Правда, так Маклаков выступал всегда, но на этот раз, снедаемый страхом, он лучше, чем обычно, выразил общую тревогу всего третьедумского блока и в известной мере задал тон всей дискуссии, тем более что его речь была первой после докладчика.

С первых же слов Маклаков связал общую политику правительства с задачей подавления революции, целиком отождествляя ее с политикой полицейского ведомства. «Говорить о политике Министерства внутренних дел, — была первая фраза оратора, — значит говорить об общей политике». Эта политика составляет «сейчас главное содержание и главное зло нашей жизни». В чем же состоит это зло? Маклаков охарактеризовал его в следующем афоризме: «Если революция, даже не победоносная, а только успевающая, — экзамен обществу, то реакция — экзамен правительству». Общество, по его мнению, своего экзамена не выдержало. За этой фразой стояло осуждение революции в чисто веховском духе. Но не выдержала экзамена и реакция. «Явилась надежда, что перед нами дальновидное правительство, правительство, которое, подобно историческим усмирителям революции, понимает, что задача мудрой реакции есть осуществление всего, что было здорового в революции, ибо, по известному изречению Бертье, „единственный способ предотвратить революции — это их сделать“». Дальше следовало чрезвычайно ценное признание одного из наиболее видных представителей российского либерализма. В этой надежде, говорил Маклаков, «общество» наградило правительство «такой моральной поддержкой, таким доверием, таким сочувствием, которыми... ни одного представителя власти не наделяло». Правительство получило «такую степень общественной поддержки, такую моральную силу, которые дали ему возможность сделать то, чего прежние правительства, увлекаемые в потоке революции, сделать были не в силах». Смысл этого заявления предельно ясен: либеральная буржуазия сознательно повернула к союзу и поддержке реакции в надежде на ее «мудрость» в борьбе с революцией.

Но на этом пути ее ждало горькое разочарование. Вместо того, чтобы сотрудничать с «новым строем», правительство повело себя как «худший враг» этого «нового строя». «Почему, — в изумлении восклицал Маклаков, — оно ведет себя так, что при его управлении новый государственный строй становит-

ся не источником силы, а источником слабости для государства?»

Это был главный вопрос. Какой же ответ на него дал Маклаков? Раньше он «думал, что вся беда в исключительных положениях». Но «это пережитая иллюзия, дело не в исключительных положениях». Всякая свобода собраний, слова, союзов преследуется не на основе исключительных положений, а на основе — «Правил» 4 марта 1906 г., которые «установили и свободу собраний, и свободу союзов, и свободу слова». Иллюзией оказалась и мысль, что «эксцессы» местной власти, «полной старых привычек» происходят вопреки воле центрального правительства, что оно борется с этими «эксцессами», стремясь насадить законность. На самом деле «закон не применяется с одобрения и разрешения центральных властей», существует «полная солидарность» правительства и местных властей». (Пуришкевич с места подтверждает: «солидарность»). Он, Маклаков, причисляет «себя к людям очень осторожным и умеренным», и если бы он «видел хотя малейшее улучшение, хоть какой-нибудь шаг вперед», то он «простил бы правительству его неудачи и незначительность его результатов».

Но, увы, надежд не остается никаких: «Нам говорят теперь о создании граждан, а уж после гражданства. Нам относят реформы куда-то далеко... Власть почувствовала свои силы, и ей кажется, что никакой другой силы не нужно; власть увидела, что общество бессильно, и она говорит: не хочешь идти за мной, я в тебе не нуждаюсь». Таким образом, ответ Маклакова на поставленный им же самим вопрос сводился к тому, что власть не хочет дать реформы, почувствовав свою силу, ослепленная мыслью, что теперь она может обойтись без поддержки и сочувствия «общества». Это был обычный кадетский ответ, и далее, разумеется, доказывалась вся пагубность избранного правительством пути.

Правительство должно понимать, говорил Маклаков, что «при такой системе управления оно на свою голову допускает существование и представительного строя, и представительных учреждений». «Трагизм заключается в том, что при той системе управления, которой следует министерство, для этой системы управления новый строй, Дума, есть источник слабости, а не силы». И это несмотря на то, что III Дума есть такая Дума, которая делала и делает все, что от нее требует правительство. «Ведь третья Государственная дума пришла дать правительству все то, что от нее требовали. Оно требовало осуждения террора — она осудила террор, не затронувши ни одним словом террора правительственного; от нее требовали утверждения аграрных законов — она утвердила; она принялась за воссоздание военной мощи России — как раз то, чего тоже от нее требовало правительство».

Единственный способ прекратить эту опасность — снять исключительные положения. Тогда «правительство помирило бы с собой страну и помирило бы страну с Думой и с думской политикой...», правительство тогда добило бы революцию». Самая «постепенная, осторожная, медлительная деятельность» Думы «в согласии с правительством» тогда была бы понята и принята «обществом». Но правительство поступает наоборот: не давая ничего, оно отнимает возможность для Думы выполнить ее главную задачу: «воспитывать общество» в духе отказа от революционного пути и довольствования медленными, постепенными преобразованиями. Если бы общество видело, что благодаря Думе «что-то меняется в политической жизни, что есть какая-то синица, которая стала важнее политических журавлей...», то началось бы перевоспитание общества, исчезло бы все то, над чем мы скорбим». Теперь же идет обратный процесс: страна «теряет интерес к Думе». Более того, всеми владеет чувство, которое выражается словами: «Дальше так жить нельзя».

Закончил Маклаков призывом к октябристам сказать правительству, что «спасение России в торжестве нового государственного порядка». Сделать это надо «не затем, чтобы образумить правительство». В правительство, «к несчастью», он уже не верит. «Вы должны это сказать потому, что если пропала вера в правительство, то будет ужаснее, если пропадет эта вера в Думу...»⁶ Но как сохранить эту веру, Маклаков не сказал. Ответ на этот вопрос лежал за пределами кадетского разумения.

Второй кадетский оратор, Родичев, в амплуа которого в отличие от Маклакова входило ораторствовать с головой, повернутой влево, на этот раз последовал за своим собратом. Значительную часть своей речи он посвятил одному из самых живогрешущих для буржуазии вопросов: о связи реформ с реформизмом в рабочем движении. Политический характер забастовочного движения, начавшегося в 1903 г. и достигшего своей кульминации в минувшей революции, Родичев объяснял полицейской политикой правительства, отсутствием рабочих организаций. «Будь налицо рабочие организации, движение имело бы место, но не выходило бы за пределы, диктуемые необходимостью существующих в данную минуту экономических условий. Если бы оно даже выходило за пределы этих условий, то оно приобретало бы формы спокойные и импозантные. Рабочее движение не превращалось бы в бунт». Представьте, говорил Родичев далее, что начнется новый промышленный подъем. Произойдет также подъем рабочего движения, которое при существующих порядках будет обязательно выступать как «социал-демократическое движение». Рабочее движение «неотразимо и неми-

⁶ Ст. от., с. III, ч. 2, стб. 1774—1775, 1777, 1779, 1781—1788, 1790—1791.

нуемо. Вопрос состоит только в том, какой оно будет иметь характер»: оно будет иметь целью либо «мирный компромисс», либо «характер стихийного неосмысленного (!) бунта».

Заклиная правительство и правых в конце своей речи свернуть с пагубного пути, Родичев воскликнул: «И горе стране, если она не сумеет заставить его (правительство.— А. А.) повернуть с этого ужасного пути. Еще не поздно, гг., но берегитесь, история не ждет. (Смех справа.) Такого же рода хохот... раздавался и в 1903, и 1904 гг.»⁷

Речь прогрессиста Львова шла целиком в русле кадетских речей. Правительство, заявил он, отказавшись от осуществления начал манифеста 17 октября, «восстановило всех против себя и не имеет никого на своей стороне». Его политика пагубно отразилась и на авторитете Думы в народе: Дума «падает в своем авторитете... Правительство, преследуя и угнетая общество, сокрушает и Государственную думу». Провал бонапартистского курса Львов охарактеризовал в следующих словах: правительство «уже утратило тот талисман патриархальной власти, который был раньше, и не сумело найти новый ключ к положению». В результате «начинается скрытая, затаенная гражданская война, война, которая делает непримиримыми отношения к правительству... Рождается вновь та неумолимая ненависть, которая составляет весь ужас нашего положения, и я боюсь, что, идя таким путем, мы вновь придем... мы вновь вернемся к тому кровавому кошмару, который погубит будущее России»⁸.

Главный интерес для думского большинства представлял, естественно, вопрос о том, какую позицию займут октябристы, во что обернутся в конечном итоге их многократные обещания в случае продолжения прежней политики правительства перейти в оппозицию.

Уже в выступлении докладчика кн. А. Д. Голицына прозвучали ноты недовольства и раздражения, ранее не имевшие места. «Правительство,— заявил Голицын,— стремится отложить все реформы». «Деятельность охранных отделений,— говорил он далее,— переходит в настоящее время не только границы законного, но просто даже возможного. Я думаю, что это не будет гиперболой, если я скажу, что в общем сейчас деятельность охранных отделений окончательно покрывает собой всю деятельность нашей администрации»⁹. В повторной речи, после окончания общих прений, Голицын, сославшись на речь социал-демократического оратора, заявил: «И вот мне хотелось бы, чтобы после этого зрелища, злорадного и, к сожалению, во многом справедливого издевательства радикализма над умеренностью

⁷ Ст. от., с. III, ч. 2, стб. 1930—1931, 1938.

⁸ Там же, стб. 1872, 1876.

⁹ Там же, стб. 1762—1763.

правительство сделало бы единственно верный вывод: выбивая почву из-под ног умеренных элементов, мы вновь укрепляем крайние партии, вновь возвращаем им сочувствие и симпатии широких слоев населения (Голос в центре: «верно»)»¹⁰.

Однако центральным моментом была речь Гучкова. Это подчеркивалось самим фактом появления на думской трибуне октябристского лидера. Гучков очень старательно изображал из себя политического деятеля, слово которого должно цениться на вес золота. Этого он стремился достигнуть редкостью своих речей, сравнительным немногословием, выбором повода для выступления. И на сей раз он из всех сил стремился сохранить лаконизм стиля и внушительное достоинство. Но все это позерство носило жалкий характер и резко контрастировало с содержанием его речи, являвшейся очередной трусливой капитуляцией перед Столыпиным и правыми.

Начав с того, что фракция октябристов отказывается внести свою формулу перехода по смете Министерства внутренних дел, не рассчитывая встретить поддержки ни справа, ни слева, Гучков закончил эту мысль следующим весьма ценным признанием: «Мы и в стране, и здесь чувствуем себя по некоторым вопросам несколько изолированными...».

По мнению октябристов, продолжал Гучков, и представителей партий, «сидящих здесь в центральной части этого зала (т. е. националистов.— А. А.)», «действительно наступило в стране успокоение и до известной степени успокоение прочное». Одним из показателей наступившего успокоения служит тот факт, что «наши буржуазно-радикальные партии (т. е. кадеты.— А. А.) все более и более отмежевываются от революционного движения... Мы видим их (представителей.— А. А.) уже развивающими свои экономические программы в хоромов московских капиталистов. Я очень оценил покаянные слова члена Думы Маклакова о „невыдержанном экзамене“, и в этих словах я страстно хотел бы услышать окончательный отказ наших буржуазно-радикальных партий от всякого содружества с социалистически-революционными». Следовательно, нет никаких препятствий для проведения и осуществления реформ и в Думе, и в области управления. Тем не менее препятствия законодательной работе Думы налицо, они серьезны и находятся «вне этой залы», в иных законодательных инстанциях. И именно здесь оратор видит «главную угрозу для всей работы нового строя». Что касается области управления, то здесь «профессиональными правонарушителями» являются местные власти. «Я не сомневаюсь,— добавил при этом Гучков,— что центральная власть делает усилия к перевоспитанию местной администрации», но когда, наконец, кончится срок «конституционного» обучения и админи-

¹⁰ Там же, стб. 1977.

страция будет способна выдержать требуемый «экзамен зрелости?» Закончил Гучков свою речь следующими словами: «Итак, я резюмирую ту позицию, которую принимает наша фракция по отношению ко всем тем вопросам, которые дебатировались здесь по смете Министерства внутренних дел: мы, гг., ждем»¹¹.

Начальные и конечные слова речи «мы изолированы в стране и в Думе» и «мы ждем» действительно выразили положение октябристского «центра» и суть его позиции. Они означали его дальнейшее прогрессирующее падение и упорное нежелание пойти навстречу самой большой мечте кадетов о «левом» центре.

Ясный и точный ответ на свои притязания октябристы и кадеты получили от Маркова 2-го, презиравшего всякие дипломатические экивоки и ставящего всегда все точки над «i». Государственная дума, заявил он, может выступать со всяческими пожеланиями. «Возражать против пожеланий благих не следует: отчего не выражать из года в год своих пожеланий, хотя все-таки из этих пожеланий в общем никакого практического результата не получается... Желания Думы не могут и не должны быть обязательны для правительства».

На основной вопрос Марков 2-й дал ответ, который служит отличной иллюстрацией к ленинскому положению о сохранении в годы столыпинщины объективной революционной ситуации в стране. Нас уверяют, говорил он, что в стране наступило успокоение. Это ошибка, так как политические «метеорологи» судят «по чисто внешним признакам». Конечно, теперь «суша и тишь», но не надо забывать, что «сушь и тишь бывает обыкновенно перед бурей». Сейчас не стреляют, но между стрельбой и полным благополучием «есть целый ряд градационных положений. Вот мы и находимся в одном из таких переходных положений», когда «русскому государству угрожают большие опасности», и поэтому «охранять государство необходимо так, как это и делает теперешнее правительство».

Признав факт падения престижа Думы, Марков вину за это возложил на либералов. «В этом виноваты те,— говорил он,— кто вместо экономических реформ... занимались борьбой с правительством... и введением чисто интеллигентных реформ, политических...» Именно поэтому «Государственная дума не удовлетворяет русский народ».

В конечном же итоге все упирается в хорошую полицию. Макалов сетовал на то, что еще ни один человек на Руси не летает на аэропланах, а уже полиция установила правила полетов. Но «надо смотреть вперед». Иначе «какой-нибудь Стенька Разин полетит на аэроплане и бросит бомбу в Царском Селе», и Макалов тогда первый начнет жаловаться на то, что у нас скверная

¹¹ Ст. от., с. III, ч. 2, стб. 1970—1972, 1974.

полиция. «Нет, прежде чем вас пустить летать по воздуху, надо научить летать за вами полицейских»¹².

Цена либеральной оппозиции наглядно проявилась в голосовании по смете Министерства внутренних дел. Только одни кадеты, выразив «свое резкое осуждение» правительству¹³, проголосовали против перехода к постатейному обсуждению. Прогрессисты не решились на такой шаг, хотя признали, что «естественным ответом» с их стороны «был бы отказ в ассигновании народных средств на продолжение такой пагубной деятельности»¹⁴.

Октябристы, разумеется, проголосовали за смету. «Руководящее думское большинство,— заявил в передовой октябристский официоз за месяц до начала бюджетных прений,— конечно, никогда не захочет воспользоваться бюджетным правом ради эффектной оппозиционной демонстрации, вроде той, какую в прошлом году устроила кадетская фракция». «Эффектная демонстрация» как раз и состояла в голосовании кадетов против перехода к постатейному обсуждению по смете Министерства внутренних дел. Характерно, что вслед за этим поистине холопским заявлением шли знакомые нам пустые угрозы. «Но в критический момент,— писала газета,— думское большинство не остановится перед тем, чтобы широко использовать все находящиеся в его распоряжении меры влияния. Нужно надеяться, что такого острого момента не встретится в практике III Думы, но возможность его вовсе не исключается, и этого обстоятельства не должны забывать те представители бюрократии, которые склонны преуменьшать ее значение»¹⁵. Так октябристы пугали бюрократию.

Трудовики и социал-демократы, как всегда, проголосовали против сметы. От социал-демократической фракции с речью по смете выступил Чхеидзе, и это сказалось самым непосредственным образом на ее содержании. Ее главный смысл состоял в том, чтобы уговорить кадетов перестать окончательно верить правительству. Иными словами, в лучшей меньшевистской традиции Чхеидзе «толкал кадетов влево», т. е. делал по отношению к ним то, что делали последние по отношению к октябристам. Маклаков, говорил он, заявил, что больше не верит в правительство и повернулся к нему спиной. «Мы с радостью приветствуем такое заявление из уст уважаемого депутата Маклакова и скажем: давно, давно пора было перестать верить...» Далее оратор «оговаривался», что он не верит, «чтобы это безверие Маклакова было окончательным», но тем не менее вся остальная речь была

¹² Там же, стб. 1801, 1808—1809, 1815—1816.

¹³ Там же, стб. 1983

¹⁴ Там же, стб. 1985—1986.

¹⁵ «Голос Москвы», 20 января 1910 г.

посвящена угговариванию того же Маклакова больше не верить. Более того, Чхеидзе объяснял ему всю тщету надежд кадетов на... угговаривание октябристов. «Замечательно то,— иронизировал Чхеидзе, не замечая, что сам стал предметом иронии в глазах Маклакова,— что депутат Маклаков взывал к той фракции, которая за три года только тем и занимается, что прислуживает тому правительству, к которому депутат Маклаков уже повернулся спиной. Где здесь логика, гг., и какая редкая эквилибристика»¹⁶. Это была та же логика и та же эквилибристика, какие меньшевики пускали в ход по отношению к кадетам. В результате речь Чхеидзе получила самую высокую оценку... у Маклакова, заявившего, что это была «прекрасная речь»¹⁷.

В кадетской реакции на речь Гучкова, как всегда, присутствовали два момента: удовлетворение по поводу неважных дел конкурента и надежды на октябристское «полевение» вопреки очевидности и заявлениям самих октябристов. Раскрывая смысл фразы Гучкова об изолированности октябристов в стране и Думе, «Речь» указывала на отсутствие министров при обсуждении смет их ведомств, в том числе и самого Столыпина, которому, как язвительно отмечала передовая, незачем было быть, так как он точно знал, что «большинство ее (Думы.— А. А.) все равно у него в кармане. Это было отсутствие не то по доверию, не то по пренебрежению»¹⁸.

Другая передовая со ссылкой на осведомленный источник объясняла, что речи Гучкова предшествовало большое смятение в октябристской фракции и это смятение было причиной того, что выступил именно Гучков. Поскольку Голицын в качестве докладчика сказал «а», «левые» октябристы должны были по логике вещей сказать «б». Но последние от этого предпочли уклониться, а правых октябристов при царящем в «обществе» настроении выпускать было крайне нежелательно, пришлось поэтому брать слово лидеру, речь которого надо расценивать следующим образом: «он согласен, что жить так дальше невозможно, но во имя принципиальной задачи он готов ждать, хотя бы и в Думе, и в стране чувствовал себя изолированным»¹⁹.

Еще одна передовая с удовольствием изложила оценку «Новым временем» гучковского «мы ждем», приведя весь набор весьма нелестных эпитетов, которыми газета в очередной раз наградила незадачливый «центр» и его лидера: «партия терпения», «партия скуки», «бесцветный вожак бесцветнейшей из наших партий»²⁰.

¹⁶ Ст. от., с. III, ч. 2, стб. 1889, 1893.

¹⁷ «Речь», 21 февраля 1910 г.

¹⁸ Там же, 4 марта 1910 г.

¹⁹ Там же, 21 февраля 1910 г.

²⁰ Там же, 26 февраля 1910 г.

И в то же время кадетский официоз возлагал на речь Гучкова самые большие надежды. «Речь Гучкова,— говорилось в передовой,— есть давно ожидаемый поворот». И хотя поворот «жалкий» — это не главное: «фраза: „мы ждем“ — при всей своей скромности, сказана от имени центра впервые». «Скажем одно. Слова обязывают. От этой фразы „мы ждем“ по условиям политического момента уже нет отступления. Следующей за ней фразой, которую придется теперь центру сказать вслед за В. А. Маклаковым, будет: „мы потеряли терпение“»²¹.

Но кадетское «мы ждем» было еще более жалким, чем «мы ждем» Гучкова.

Орган октябристов в передовой, озаглавленной «Центр и правительственная политика», посвященной речи Гучкова, прямо заявил кадетам, что их ожидания напрасны. «По существу эта речь (Гучкова.— А. А.) бесспорно оппозиционная, выражающая совершенно определенное недовольство правительственной политикой». Но предложение оппозиции не утверждать сметы Министерства внутренних дел — «бесплодная демонстрация», которая «свидетельствует лишь о глубоком непонимании сущности переживаемого момента». По «глубокому пониманию» передовой сущность эта состояла в том, что революция подавлена «и на очереди стоит вопрос о проведении в жизнь принципов манифеста 17 октября»²². В переводе на более понятный язык это означало, что октябристы по-прежнему остаются верны Столыпину, ожидая именно от него осуществления этих «начал».

В качестве весьма важного и, можно сказать, торжественного доказательства «конституционности» премьера «Голос Москвы» опубликовал обширные выдержки из циркуляра министра внутренних дел от 4 декабря 1909 г., озаглавленные следующим образом: «Обращение П. А. Столыпина к гг. губернаторам и градоначальникам»²³. В передовой, посвященной этому циркуляру и называвшейся «Борьба с произволом (!)», октябристский официоз писал: циркуляр — прекрасная иллюстрация к нашей статье по поводу прений по смете Министерства внутренних дел. «Мы

²¹ Там же, 24 февраля 1910 г.

²² «Голос Москвы», 24 февраля 1910 г.

²³ Там же, 5 марта 1910 г. На самом деле этот циркуляр представлял собой весьма яркую иллюстрацию к царившим в стране порядкам. Вот некоторые выдержки из этого весьма любопытного документа: «Многими из гг. губернаторов и градоначальников издаются на основании исключительных законов, которые приносятся лишь к политическому брожению, обязательные постановления по санитарной части, по регулированию движения извозчиков экипажей и автомобилей, по извозному промыслу, о продаже барышниками театральных билетов, о нарушениях учащими школьных правил, о недопущении держать пари за играющих на бильярде в бильiardных заведениях, об игре на гармониках... и по многим другим вопросам, не имеющим никакого отношения к охранению государственной безопасности» (там же).

указывали тогда, что министру внутренних дел приходится бороться с явным противодействием его требованиям, с очевидным, а иногда даже прямо демонстративным игнорированием его распоряжений». «Циркуляр П. А. Столыпина — по существу серьезный обвинительный акт против местной администрации»^{23а}.

Следующий этап октябристской «оппозиционности» совпал с периодом пребывания Гучкова на посту председателя Думы.

По парламентской традиции, принятой и третьейюнским российским «парламентом», председатель законодательного собрания по избрании покидает свою фракцию и перестает выступать в качестве ее члена, демонстрируя тем самым свою объективность и беспартийность на председательском кресле. Та же традиция предоставляет ему слово после избрания с тем, чтобы он мог поблагодарить за оказанную высокую честь и изложить в немногих словах свое кредо от имени парламента в целом. Гучков воспользовался обычаем..., нарушив обычай: он произнес свою речь не сразу после избрания, а спустя несколько дней. Центральным ее местом были следующие слова: «Мы часто жалуемся на различные внешние препятствия, тормозящие нашу работу или искажающие ее конечные результаты. Мы не должны закрывать на них глаза; с ними нам приходится считаться, а, может, придется и сосчитаться»²⁴. В последнем слове были заключены весь пафос речи, ее цель и смысл. Таким образом, краткое «мы ждем» было заменено внушительным «сосчитаться».

Однако, несмотря на эту воинственную фразу, в целом речь Гучкова, как правильно оценила ее «Речь», была «скользкая»²⁵. Спустя два дня она следующим образом вскрыла ее содержание: «Крайним правым — свобода слова под условием „культурных“ парламентских нравов. Оппозиции — конституция под условием безответственности министров. Сферам — государственная оборона в „первую очередь“ под условием примирения с октябристским конституционализмом. Кабинету — „исторические устои“ и деловая работа под условием поддержки против Государственного совета. Армии — пенсии, рабочим — страхование, землевладельцам — местный суд, земледельцам — мелкий кредит — в перспективе. Для души — всеобщее образование и „неприкосновенность личности“. Для националистов — ничего на словах, зато очень много на деле: поляки, финляндцы и все прочее, о чем неприятно говорить вслух, особенно в праздничные минуты»²⁶.

^{23а} «Голос Москвы», 6 марта 1910 г.

²⁴ Ст. от., с. III, ч. 3, стб. 451.

²⁵ «Речь», 13 марта 1910 г.

²⁶ Там же, 15 марта 1910 г. Тем поразительнее на фоне этого кадетского анализа выглядит оценка, данная речи Гучкова Гегенкори. «И в деловом, и в политическом отношении, — с восторгом говорил он думскому обозревателю кадетов С. Литовцеву, — она превосходна. Ни один председатель всех трех Дум не сказал такой хорошей речи. Помимо того, Гучков установил важный

Вся очевидная смехотворность угрозы Гучкова «сосчитаться» была ясна даже органу Рябушинского и будущей партии «прогрессистов». «Сосчитаться — прекрасно! — восклицала газета в специальной редакционной статье. — Но с кем и когда? А главное, какими средствами?»²⁷ И действительно, к концу года жалкий финал гучковской угрозы был зафиксирован его же собственным органом в передовой под заглавием «В тупике». «Систематическое противодействие Г. совета всем законопроектам, одобренным Г. думой и выходящим из ряда мелких и заурядных, создает трагическое положение бессилия нижней палаты. Колесо законодательной работы вертится впустую, и вся энергия его работы пропадает бесплодно». По избрании председателем Гучков заявил о необходимости «сосчитаться». С тех пор «прошел год. Положение не только не улучшилось, но запутывалось все более, и в настоящее время представляется почти безнадежным. Где же выход из этого положения?» Ответ давался следующий: «И вот среди руководителей фракции большинства возникает мысль: признав бесплодность такой борьбы, сложить с себя депутатские полномочия». «Пока это еще слухи». Но мысль эта во фракции «зреет»²⁸.

Последняя угроза была настолько явным и глупым блефом, что даже газета «Голос Москвы» была вынуждена говорить о ней как о весьма еще неопределенном слухе.

Весьма туманным в этом смысле было также интервью нового лидера октябристской фракции М. В. Родзянко, напечатанное в газете петербургских немцев-октябристов и перепечатанное в «Голосе Москвы». Отметив, что отношения между Думой и Государственным советом «оставляют желать лучшего» (тогда как «наши отношения к премьеру отличаются дружеским и предупредительным тоном» и октябристы идут с ним «рука об руку»),

прецедент, развив программу думской работы, речь его конституционна и корректна. Он сказал максимум того, что мог сказать национал-либерал, каким он является. Его обещание сосчитаться, в случае надобности, с Государственным советом равносильно заявлению о борьбе за реальную конституцию. Я удовлетворен речью Гучкова в высшей степени». И это говорил человек, считавший себя революционером, претендовавший на лидерство в социал-демократическом движении. Даже интеллигент-трудовик В. И. Дзюбинский в интервью тому же Литовцеву оказался на несколько голов выше Гегечкори, оценив речь Гучкова как правительственную декларацию в том смысле, что она весьма туманна и состоит из пустых обещаний. То, что говорил Гучков, мог говорить и Столыпин: смысл речи в обещании конституции без парламентаризма (там же, 13 марта 1910 г.).

²⁷ «Утро России», 16 марта 1910 г. Тем не менее Струве от этой речи пришел в полный восторг. «Избранный в председатели Гучков, — писал он, — произнес речь, на мой взгляд, превосходную для избранника III Государственной думы. В первый раз нечто новое — оборонительно-боевое (!) настроение по отношению к реальным противоконституционным силам, стоящим вне Думы» («Русская мысль», 1910, № 4, стр. 168).

²⁸ «Голос Москвы», 20 ноября 1910 г.

Родзянко далее заявил: «...В случае надобности (!), сейчас же после Нового года мы примем соответствующие меры»²⁹. Что это были за меры, так и осталось тайной за семью печатями.

Интервью главного октябристского лидера Гучкова, данное месяц спустя уже непосредственно партийному официозу, даже по тону мало чем отличалось от родзянковского. «Я,— сказал председатель Г. думы,— с тревогой смотрю на те осложнения, какие возможны теперь между Г. думой и Г. советом. С каждым днем возможность острых конфликтов увеличивается». Заканчивалась же беседа следующей фразой: «Особенно благоприятного на горизонте я ничего не вижу, но в настоящей политической конъюнктуре были моменты более тревожные, чем переживаемый нами».

Но октябристский златоуст уже ни на что не надеялся, впад в самый мрачный пессимизм. «Веря в данные ей обещания о скором проведении основных реформ,— писал Громобой в статье «Последние иллюзии»,— она (Дума.— А. А.) шла рука об руку с правительством. Но теперь по пути ли им дальше?» Было сказано «мы ждем», что вызвало иронию у левых. «Она ждала и чего же дождалась? Министерство делало ей уступки, изъясняло поспешную готовность работать с ней рука об руку». Но на пути этого сотрудничества камнем преткновения стал Государственный совет. «И сбылась поговорка — обещанного три года ждут... Постепенно все, кто готов был верить, должны отойти со стыдом и разочарованием...» «Неизбежным последствием» бездействия власти «будут новые брожения... Глухие подземные удары уже доносятся и скоро всколеблют почву». Таким образом, наигранный октябристский оптимизм относительно прочности наступившего «успокоения» дал трещину.

Дальше шло уже совершенно неподражаемое. «Третья Дума,— заявлял Громобой без тени иронии,— никогда не брала и не возьмет на себя роли *chambre introuvable*». И это писалось о Думе, которую В. И. Ленин награждал этим именем еще до того, как она сбралась и вся деятельность которой доказывала, что данное ей определение было еще слишком мягким. Заключительный аккорд свидетельствовал о том, что и сам Громобой представлял собой своего рода одноместную «несравненную палату» октябристской публицистики. «И правительство должно быть вызвано на решительный ответ» — писал Громобой, и сделать это надо «не от того, чтобы Дума еще чего-нибудь ждала, на что-нибудь надеялась. Но от того, что пора недомолвок и компромиссов прошла. И на смену ей наступает другая пора — новой организации общественных сил. Если нельзя ждать помощи извне — наступает пора самопомощи»³⁰. Иными словами: если

²⁹ «Голос Москвы», 21 декабря 1910 г.

³⁰ Там же, 5 января 1911 г.

нельзя рассчитывать на Столыпина, надо рассчитывать на самих себя. И подобную жалкую сентенцию, да еще заведомо фальшивую, октябристский публицист расценивал как вызов правительству, как переход к решительным действиям.

Только кадеты могли принимать их всерьез, да еще доказывать вместе с октябристским публицистом (на свой, кадетский, «хитроумный» манер), что III Дума не захочет играть роль «несравненной палаты». «Теперь, когда на арене гуляет „дрессированное на свободе“ представительство 3 июня, которому совсем и не надо много простора, стена, однако, дает себя чувствовать,— указывала передовая «Речи». — Чем дальше, тем больше она начинает раздражать. И III Дума кончает тем, с чего начали первые: громким признанием, что в таких условиях никакая серьезная работа невозможна и никакое уважающее себя представительство, даже и „дрессированное на свободе“, не захочет изображать на закрытой арене свободные аллюры». Этот момент можно было предвидеть. Теперь он, кажется, наступает³¹.

Органическая невозможность для октябристов перейти к «самопомощи» взамен упования на правительство была очень ясно продемонстрирована в речи С. И. Шидловского при обсуждении сметы Министерства внутренних дел на четвертой сессии в конце февраля 1911 г., т. е. накануне «министерского» и «парламентского» кризиса. Сам факт выступления с общеполитической речью именно Шидловского таил в себе определенный смысл. Шидловский считался одной из наиболее respectable фигур октябризма, олицетворявшей самую его суть — «благоразумную» умеренность и лояльность. Поэтому недовольство такого человека должно было подчеркнуть размеры общего недовольства. Упреки Шидловского действительно являли собой предел умеренности. И именно поэтому они так убедительно демонстрировали нулевой результат четырехлетней политики и тактики октябристского «центра».

Шидловский вынужден был сказать, что Министерство внутренних дел превратилось в «министерство полиции», в стране вместо закона царит «усмотрение», а «новый строй» в управлении на местах не только «ничего не изменил», но «создал такое положение», где явления, «которые были совершенно невозможны во времена... Плеве, теперь станвятся возможными». Но главное, на что сетовал Шидловский, это то, что правительство перестало считаться с общественным мнением даже той среды, «без поддержки которой никакое правительство действовать не может. Это — среда совершенно спокойных людей, стоящих далеко от политики (т. е. не являющихся оппозиционными.— А. А.)». «И вот в этой среде стало ходячей поговоркой» выраже-

³¹ «Речь», 25 января 1911 г.

ние: «Кто первый революционер в России? — администрация». Очень неохотно, но Шидловский был вынужден все же сказать о том, что октябристы так долго и упорно отрицали, — о полном единстве местной и центральной власти. «Объяснение происходящего, — признал он, — которое будет весьма недалеко от истины, это то, что и администраторы являются исполнителями известного рода директив центральной власти...».

На главный довод правительства Шидловский отвечал следующим образом: «Теперь, гг., перейдем к вопросу о той крамоле, о той смуте, которыми оправдывал три года тому назад товарищ министра внутренних дел необходимость исключительных положений. Действительно, борьба с крамолой необходима..., борьба с ней должна производиться всеми силами; но для того, чтобы эта борьба была плодотворной, она должна непременно объединить и привлечь к себе... те общественные элементы, которым точно так же дороги сила, единство и государственность России, как и правительству в данном случае. Следовательно, в деле борьбы с крамолой... вы, несомненно, должны и можете найти известную опору в обществе, но нельзя допускать, чтобы под флагом борьбы с крамолой велась политика, которую можно охарактеризовать так что ли: „захочу — полюблю, захочу — погублю“. Этой политики вести нельзя». Последняя фраза явно намекала на изменившееся отношение к октябристам в пользу националистов.

Заключительная часть речи была посвящена ответу на упреки Маклакова. Ответ сводился к тому, что положение центра всегда грудное — он имеет врагов справа и слева, что «радикализм», которого требуют кадеты, для октябристов неприемлем. А главное, что «мы работаем вместе с правительством, что мы не извелись в этой работе с правительством...» «Факт работы с правительством — это явление для нас обязательное»³². Эту мысль Шидловский развивал и подчеркивал очень обстоятельно, так что и на этот раз кадеты получили то, что они получали всегда.

Тем не менее речь Шидловского вселила в кадетов такие надежды, что подняла на думскую кафедру их главного лидера, не думавшего до этого выступать. «Я не имел в виду выходить сегодня на эту кафедру, — начал Милюков, — но меня вызвал сюда тот крик сердца, который вырвался из стесненной груди центральной фракции...» Отметив далее, что «общий ход русской общественной мысли значительно... изменил тон обращений центральной партии с этой трибуны», Милюков далее продолжал: «Я должен приветствовать и это движение вперед, и это изменение тона»³³.

³² Ст. от., с. IV, ч. 2, стб. 2943, 2946—2947, 2949—2950, 2954, 2957—2958, 2961—2962.

³³ Там же, стб. 2986.

Упирая на то, что октябристов отставили, заменив националистами³⁴, и, следовательно, им терять уже нечего, Милюков уговаривал «центр» сделать шаг навстречу кадетской оппозиции, обещая ему понимание и умеренность. «Вы, гг.,— говорил Милюков, обращаясь к октябристам,— ...доходите до того самого», о чем говорила все эти годы оппозиция. Вы «тщательно отмежевываетесь» от кадетов, хотя говорите то, что говорят они. «Член Думы Шидловский, повторивший все, что говорил Маклаков, испугался одного, как бы его не приняли за Маклакова. И он начал отмежевываться — от кого же? От Маклакова, гг.»³⁵ Последнее восклицание лучше всяких свидетельств объясняет, кто такой был Маклаков.

Что касается речи этого, по выражению В. И. Ленина, «наиправейшего из кадетов», то она во всех своих основных элементах повторяла прошлогоднюю. Чувствовалось только, что дыхание той бури, на приближение которой с ужасом смотрел весь контрреволюционный лагерь, не зная, как ее остановить, стало ощутимее, признаки ее — явственнее. «Недовольны,— говорил Маклаков,— в настоящее время центральные элементы страны, которые более всего хотят мира, прочного мира, которые боятся новой вспышки революционной войны... Тот лозунг, гг., который мы видим в России, один: все говорят, что если мы будем идти дальше по тому пути, по которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции, и это сознание живо, несмотря на то, что внешние условия как будто сложились благополучно (т. е. хотя внешне пока все выглядит спокойно.— А. А.)». Другая черта, характеризовавшая речь Маклакова, была, по его собственному выражению, «безнадежность»³⁶.

Печатью безнадежности были отмечены все выступления кадетско-октябристских либералов. Надежда на «реформы», по-видимому, иссякала. Тем не менее, поскольку эти либералы ни на что другое способны не были, они эту надежду гальванизировали у себя снова и снова.

Ответ на свои призывы Милюков получил от «Голоса Москвы». В передовй, посвященной смете Министерства внутренних дел и одобрявшей речь Шидловского, газета ставила все тот же неразрешимый вопрос: «Куда же мы идем? Неужели же назад, к тому времени, когда правительство и общество представляли собой два враждебных и вечно воюющих лагеря? Но не будет ли это приближением к повторению уже пережитого однажды страшного государственного краха?» Заявив далее в категорической форме, что за Милюковым октябристы не пойдут — это

³⁴ А. Я. Аврех. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы.— «Исторические записки», т. 53, стр. 72—78.

³⁵ Ст. от., с. IV, ч. 2, стб. 2993.

³⁶ Там же, стб. 2841, 2843.

не их тактика, передовая далее разъясняла: «Партия центра не придавала своему выступлению характер демонстрации. Это не в ее правилах. Партия не прибегает ни к бесцельным угрозам, ни к запугиваниям. Наоборот..., она не отказывается от совместной работы с правительством... Но она обращает внимание правительства на глубоко ненормальное и опасное положение на местах, и это спокойное и субъективное выступление представляется нам ценным и серьезным»³⁷.

Но правительство, к которому так преданно зывали октябристы, третировало их так же, как они третировали обращавшихся к ним кадетов. Столыпинская «Россия» в передовой, являвшейся ответом на речь Шидловского, сразу же указала «центру» его истинное место. «Мы напомним бы,— писал с нескрываемым пренебрежением сфициоз,— что правительство никогда не примежевывалось ни к какой политической партии, так что, очевидно, никакая политическая партия не может и заявлять, что с того или иного момента она отмежевывается от правительства». Отвечая на тезис Шидловского, что Министерство внутренних дел превратилось главным образом в полицейское ведомство, передовая с раздражением шксльного учителя, досадующего на тупость ученика, разъясняла: «Но допустим, что так оно и есть в действительности. Какой следует вывод? Не тот, надеемся, что правительство не понимает разницы между административной и полицейской деятельностью или что оно занимается этой последней из любви к искусству. Остается последнее: следовательно, страна переживает момент, когда приходится уделять полицейскй деятельности больше внимания, чем того, быть может, хотело бы само правительство»³⁸.

Поведение октябристов нельзя понять и объяснить в полной мере без учета конкурентной борьбы двух групп московской буржуазии — одной собственно октябристской, возглавлявшейся такими фигурами, как Крестовников, Гучков и др., и другой — во главе с Рябушинскими, Коноваловым, Четвериковым, С. Н. Третьяковым и др., выражавшей «прогрессистское» течение. В плане политическом это была реакция на тактику октябристов, недовольство их бесконечной уступчивостью по отношению к Столыпину и правым. В партийно-организационном отношении указанный процесс шел в направлении создания партии прогрессистов, которая, по мысли лидеров «прогрессизма», должна будет занять среднее положение между партией Гучкова и партией Милюкова, объединив в своих рядах «левых» октябристов и правых кадетов. Не случайно формирование «прогрессизма» шло при самом деятельном и активном участии таких столпов правого кадетизма, как Струве, Маклаков и др. В целом этот

³⁷ «Голос Москвы», 1 марта 1911 г.

³⁸ «Россия», 27 февраля 1911 г.

процесс выражал стремление российского капитала объединить свои усилия в борьбе за «реформы», создав единую, так называемую «деловую», партию буржуазии. Органом московских прогрессистов была газета Рябушинского «Утро России».

Поскольку буржуазная часть октябристской партии в своем большинстве состояла из московских тузов, победа прогрессистов означала бы практически смерть октябризма, если иметь в виду буржуазные элементы этой рыхлой и бесформенной партии. Вот почему в своем обличении октябристов газета «Утро России» упирала не только на их тактику, но и на то, что «Союз 17 октября» не представляет буржуазию, что это, собственно, партия помещиков.

Так, в одной из своих редакционных статей газета писала: «Не дальше, как еще в прошлом году, были они (октябристы. — А. А.) наречены „сливками русского народа“, и вот уже выступают в роли снятого молока». «Партия, — говорилось далее, — окончательно стирает всякие границы между собой и правыми...» В связи с этим газета советовала отказаться от названия «Союз 17 октября», поскольку оно неправомерно. «Не откинуть ли, — иронически восклицала она, — раз навсегда эту безвыгодную дату и не оставить ли то, что есть на практике, — просто союз.. с кем угодно, когда угодно и даже без всякого вознаграждения?»³⁹

Спустя несколько дней в заметке «Думская фракция октябристов» газета «Утро России» разоблачала миф о буржуазности октябристской фракции и партии: «Октябристов многие считают буржуазной партией. В действительности это далеко не так, как свидетельствует составленный в Госуд. думе официальный справочник». Из 124 членов фракции 80 землевладельцев и только 10 земледельцев. По званию фракция насчитывает: дворян — 72, купцов — 13, крестьян — 11, присяжных поверенных — 7, профессоров — 7, врачей — 3, землемеров — 1. «Преобладание в партии дворянского элемента, — говорилось далее, — придает партии тот феодальный облик, который совершенно исключает возможность возлагать на октябристов какие-либо надежды в смысле правильного усвоения интересов русской промышленности. Союз 17 октября — это в сущности союз аграриев. Не удивительно поэтому, что октябристов так влечет в сторону к правым и националистам — двум фракциям с громадным преобладанием дворянских и землевладельческих элементов»⁴⁰.

Столь же язвительно газета высмеивала октябристскую оппозиционность. Последняя размолвка октябристов с правительством, указывала передовая, имея в виду, очевидно, прения по сме-те Министерства внутренних дел и речь Гучкова, выглядит как будто более серьезной, чем прежние. «И этому можно было бы

³⁹ «Утро России», 11 февраля 1910 г.

⁴⁰ Там же, 13 февраля 1910 г.

верить, если бы не засвидетельствованная всей историей III Думы безнадежная дряблость октябристов». «Октябристы могут пофрондировать, да и то не сильно, и дело этим кончится». Защитники «конституции» они не настоящие. «Октябристы в огромном своем большинстве принадлежат к помещичьему классу. А помещики — единственная группа, которая не имеет причин быть недовольной существующим положением. А. И. Гучков — случайный вождь своего политического отряда. И не будет ничего удивительного, если в след за гололобовцами его покинут и другие группы из Союза 17 октября. Словом, у Гучкова сейчас нет сильной поддержки в партии, как у партии нет поддержки в стране»⁴¹. Этот анализ был безусловно правильным, отражая подлинное положение вещей в октябристском стане.

Чем дальше, тем критика становилась все более резкой. «Октябристы, — говорилось в одной из передовых той же газеты, — отлично понимают сами, что не только могут опозорить себя, но уже давно опозорили». «Но в последнее время их готовность целовать следы ног министерских действительно перешла границы. Всякая оппортунистская партия имеет право пресмыкательствоваться перед властью. Октябристы решительно злоупотребляют этим правом»⁴².

Газета Гучкова не оставалась в долгу. О характере октябристской полемики дает исчерпывающее представление одна из заметок «Голоса Москвы», озаглавленная: «Наглая ложь „Утра России“». Начиналась она следующими словами: «Желтая газетка „Утро России“, специализировавшаяся на травле умеренных политических партий...». Конец гласил: «Обычный прием хулиганской прессы»⁴³.

Природу и причины этой мнимой ожесточенности борьбы совершенно родственных по классовому содержанию и целям партий и течений ясно и убедительно объяснил В. И. Ленин на примере борьбы октябристов с кадетами, которая на несведущего человека могла произвести впечатление абсолютной враждебности и непримиримости. «Кадеты, — писал В. И. Ленин, — борются с октябристами, это несомненно. Но они борются с ними..., как их конкуренты, желающие приспособиться к той же власти, служить интересам того же класса... Несколько иначе приспособиться к той же власти — вот чего добиваются кадеты, вот в чем сущность их политики, политики либеральных буржуа. И эта конкуренция с октябристами, борьба за их место придает особую „остроту“ кадетской борьбе. Этим объясняется особая вражда правых и октябристов к кадетам, вражда особого рода: „те“ (демократы) уничтожат, „эти“ (кадеты) отодвинут с первого на

⁴¹ «Утро России», 2 марта 1910 г.

⁴² Там же, 1 мая 1910 г.

⁴³ «Голос Москвы», 13 февраля 1910 г.

второе место; первая перспектива вызывает принципиально непримиримую войну не на живот, а на смерть; вторая перспектива вызывает *местническую* борьбу, состязание в интригах, соревнование в приемах уловления того же, землевладельческо-буржуазного, большинства или снискания доверия той же старой власти»⁴⁴.

Точно такую же картину мы наблюдаем во взаимоотношениях октябристов с прогрессистами. И это вполне естественно, так как их соседство было еще более близким, конкуренция, следовательно, по существу еще менее значительной, а внешние ее проявления — еще более «острыми».

Одним из наглядных примеров такой борьбы является известное письмо 66 московских промышленников в «Утро России» с протестом против правительственных репрессий в отношении высшей школы. Письмо это, отражавшее общий процесс «левения» буржуазии, в то же время демонстрировалось прогрессистами в качестве сбрзца той «смелой» тактики, которая должна прийти на смену трусливой тактике октябристов. О пределах этой «смелости» позволяет судить как само письмо, так и последующие действия московских тузов, вызванные реакцией на него со стороны октябристов и правых.

Обеспокоенные разгромом высшей школы, который учинил столыпинский министр просвещения Л. А. Кассс в ответ на студенческие забастовки, 66 крупных московских капиталистов октябристско-прогрессистской формации (кружок лиц, «который особенно близок к известной кадетской профессорской группе», по определению «Голоса Москвы», намекавшего на известные «чаепития» московских тузов с правыми кадетскими профессорами и публицистами⁴⁵), опубликовали письмо, в котором, в частности, говорилось: «Мы являемся убежденными сторонниками необходимости настойчивой и непреклонной борьбы с студенческими забастовками...» Однако мотивы кучки «неуемных фанатиков»-обструкционистов (т. е. наиболее решительно настроенной части студенчества.— А. А.) «не могут класть клейма на те мотивы, которые легли в основание протеста учащейся молодежи, не могут стать точкой отправления тех мероприятий, на которые ныне, видимо, решилась правительственная власть». Протесты студентов, говорилось далее,— это результат последних мероприятий правительства. Молчать нельзя, так как молчание может быть воспринято как поддержка и одобрение «страны»⁴⁶.

Спустя два дня газета напечатала письмо в редакцию председателя московского биржевого комитета Крестовникова,

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 213—214.

⁴⁵ «Голос Москвы», 15 февраля 1911 г.

⁴⁶ «Утро России», 11 февраля 1911 г.

представлявшее собой протест против письма 66-ти. Смысл протеста заключался в том, что авторы письма, по мнению Крестовникова, не имели права выдавать себя за представителей московской буржуазии. Таким представителем является Московский биржевой комитет, состоящий из 120 членов, в то время как в числе 66 подписавших стоят фамилии только 29 членов этого комитета. Напечатанный тут же ответ был весьма жалким: «Мы высказывались не в качестве представителей торгово-промышленной среды, а в качестве членов ее...», подписали письмо «как частные лица»⁴⁷.

Самым неверным выводом из всего вышеизложенного была бы мысль, что неудачей «обновленного строя» была обеспокоена только буржуазия и что царизм, правые этому радовались или оставались равнодушны. В действительности тревога последних была ничуть не меньшей, если не большей. Очевидный провал «конституционного» развития был главным предметом забот всего правого лагеря, воспринимавшимся как смертельная угроза самому существованию режима. Эта тема в качестве главной, определяющей проходит из года в год по всем страницам правых газет, в выступлениях черносотенных депутатов в Думе и Государственном совете, в речах на съездах «объединенных дворян» и т. д. О характере этой тревоги лучше всего судить по «Новому времени» — газете, наиболее чутко и всесторонне реагировавшей и выражавшей позицию правящих верхов и правых партий. Показательно при этом, что уровень политического мышления суворинской газеты в смысле понимания коренной причины неудачи третьиюньской Думы был несомненно выше кадетско-октябристских рассуждений, сводившихся в конечном итоге к идее о злой воле влиятельных лиц и кружков.

В статье с характерным заголовком «Кто у власти?» Меньшиков писал: «Судя по бумагам, у власти находится П. А. Столыпин и „объединенное правительство“». Но «кто же тут хозяин? (в государственной жизни.— А. А.)... Г. дума или правительство, П. А. Столыпин, или А. И. Гучков, министры или г-да народные представители?» Как следует из дальнейшего, это не был провокационный вопрос, заданный только для того, чтобы создать впечатление, что Дума захватывает власть у правительства. «Если,— указывал Меньшиков,— правительство как будто выпустил из рук бразды правления, то это не значит, что бразды подняла Г. дума». В чем же причина тревоги? Ответ давался

⁴⁷ «Утро России», 13 февраля 1911 г. Ответ, также представлявший собой письмо в редакцию подписали: Александр Коновалов, Сергей Четвериков, Павел Рябушинский, Николай Морозов. Чтобы умерить конфуз, газета опубликовала в этом же номере редакционную заметку «Сочувствие 66-ти», в которой говорилось, что по инициативе Н. Львова за подписью думских депутатов-прогрессистов и кадетов послана телеграмма: «Приветствуем ваше правдивое и мужественное слово».

следующий: «Для той части русского общества, что сознает громадную важность текущего момента, слишком очевидна не успешность нашей государственной работы». Он, Меньшиков,— сторонник представительного строя, противник возврата к старому. «Новый режим — прекрасная вещь, но дайте же его! Ведь его нет...» Дальше шел весьма многозначительный намек, к которому мы вернемся в дальнейшем, а сейчас только обратим на него внимание. «Может быть,— риторически ставил вопрос властитель дум реакции,— это отчасти вина неопытного возницы в лице молодого нашего премьер-министра?» Конечный его вывод гласил: «Правительство наше несомненно видит расстройство государственных дел, видит его и Г. дума. Но и кабинет, и парламент одинаково слабы, чтобы как-нибудь выбраться из прискорбного положения»⁴⁸. Выход, следовательно, может быть найден только в одном месте: в верхах.

Другой нововременский публицист, И. А. Гофштеттер, в статье «А воз и ныне там» очень правильно и убедительно развенчивал основной тезис либералов о том, что виной всех «конституционных» бед являются в конечном итоге лица, а не объективные факторы. «Но можно ли...,— резонно ставил вопрос Гофштеттер,— серьезно утверждать, что во всех наших конституционных неудачах виноваты определенные лица?». Ведь «что-то такое делает их (министров — «убежденных конституционалистов».— А. А.) бессильными в конституционном строительстве и заставляет работать в противоположном направлении. Даже отец конституции 17 октября гр. Витте открыто перешел в Г. совете в крайнюю правую группу, да и, стоя у власти, осуществлял конституционные начала в ближайшем сотрудничестве с адмиралом Дубасовым и П. Н. Дурново». «Его нынешний преемник — тоже, по-видимому, конституционалист практической западноевропейской складки (?), а между тем и при нем конституционные начала отнюдь не процветают...

В чем же дело? Едва ли можно верить в злой умысел и творца и восприемника русской конституции. „Министерство злой воли“ — черный фантом, существующий в воображении революционизированных гимназистов. Когда взрослые люди становятся на детскую точку зрения и серьезно проповедуют, что конституцию съел злой дядя в высших чинах, становится только смешно». «Ни прогресс, ни реакцию не следует понимать слишком персснально. Самые сильные люди и самые высокие персоны, не умея найти опоры в окружающей среде, растерянно мечутся и направо, и налево, то бегут вперед, то круто поворачивают назад...»⁴⁹

Ту же идею развивал и Меньшиков. «Событий много,— писал он в статье «Общая неудача», — но над всеми ими веет невиди-

⁴⁸ «Новое время», 6 марта 1910 г.

⁴⁹ Там же, 17 марта 1910 г.

мое присутствие одной тревоги: неудача с парламентом». Кадеты все время твердят, что необходимо дать «конституцию» и тогда все будет в порядке. Но уже столь частые повторения говорят о непригодности этого средства: «Когда дождевая туча нависла над полем, нечего служить молебны о дожде: он сам хлынет. Именно то, что полный парламентаризм не дан, доказывает, что для него нет условий...» И дальше объяснялось, какого именно основного условия не хватает. «В чем же дело, спросит читатель... Тут мы подошли к центральному вопросу нашей цивилизации, к трагическому ее пункту. Дело в том, что все формы государственного строя нормальны при единодушии народа, и все они ненормальны при отсутствии этого единодушия». Основная нужда «не в том или ином государственном строе, а в единодушии, которое его поддерживало бы»⁵⁰. Нет нужды доказывать, что Меншиков еще раз признал, что страна переживает революционный кризис. Именно в сохранении в стране революционной ситуации — отсутствии «народного единодушия», по словам Меншикова, и заключался для царизма трагизм положения.

Таким образом, недовольство результатами третьиюньского эксперимента было общим как для либерального лагеря, так и для правого. Разница заключалась лишь в том, что либералы, не способные ни на что другое, изливали свое недовольство в жалобах и бессильных угрозах, а черносотенцы стремились к действию, лихорадочно искали практический выход из создавшегося положения. Но весь смысл «текущего момента» в том и состоял, что выхода не было. Будь таковой, он был бы немедленно осуществлен, поскольку хозяином положения в третьиюньском блоке был царизм.

В конечном итоге вся суть проблемы для правого лагеря сводилась к вопросу: что делать с Думой? Самая элементарная логика подсказывала, что здесь могли быть только два решения: либо ее уничтожение, либо дальнейшее реформирование в духе 3 июня. Первый вариант, собственно, никогда всерьез не обсуждался: мысль о невозможности обойтись без Думы после революции 1905—1907 гг. приобрела уже прочность аксиомы. Оставался, следовательно, второй и последний вариант, и именно он не сходил с повестки дня правых и верхов в течение всего периода существования III и IV Дум. В свою очередь всякая попытка решить этот вариант ставила верхи перед выбором: либо превратить Думу из законодательной в законсовещательную, либо усилить в ней правое крыло за счет буржуазной части Думы. Последнего можно было достигнуть также двумя путями: или новым изменением избирательного закона, или уменьшением и без того ничтожных прав Думы.

⁵⁰ «Новое время», 25 марта 1910 г.

Идея превращения Думы в законосовещательную практически не имела сторонников в правом лагере, если не считать кучки черносотенцев-дубровинцев, потерявших почти всякое влияние. Да и они не были до конца последовательны в этом отношении. Черносотенцы типа Пуришкевича, Маркова 2-го, Замысловского и др., не говоря уже о националистах, были убежденными сторонниками законодательной Думы. Помимо других причин, их позиция определялась стремлением использовать Думу в качестве орудия контроля и давления на официальное правительство, ведущего бонапартистскую политику лавирования между помещиками и буржуазией. Законосовещательная Дума для этой цели не годилась. Иначе говоря, не только буржуазия, но и крепостники были искренними сторонниками «конституционного строя» как такового.

Следовательно, оставался свободным лишь один канал, куда могли направиться «слово и дело» черносотенцев: изменение статуса Думы с сохранением ее законодательных прав. По этой линии и шли все довольно многочисленные проекты. Не следует думать, что они излагались только в конфиденциальных записках. Совершенно открыто с подобными проектами выступали такие столпы правой печати, как «Новое время», тихомировские «Московские ведомости», «Гражданин» кн. Мещерского и др. Нет никакой необходимости рассматривать их каждый в отдельности, так как все они были одинаковы по своему основному содержанию, отличаясь лишь деталями. Наиболее типичным был проект Меньшикова, на котором мы и остановимся в качестве примера.

В той же статье, где Меньшиков сетовал на отсутствие «единодушия народного» как на главную беду, он предлагал достичь этого единодушия следующим образом. Дума, какая она есть на сегодняшний день, представляет собой «Ноев ковчег». В результате «получается вместо согласия раздор, систематический и непрерывный, является необходимость покрывать этот раздор или бездействием, или компромиссом». Но компромисс — это «фальсификация» общественного мнения, некое «среднее мнение», никого не удовлетворяющее до конца. Причина кроется в идее равенства, на базе которой и создана Дума. Нужна же обратная идея — неравенства. «Неужели нация, — вопрошал Меньшиков, — не могла выслать четырехсот с небольшим человек единодушных? Если же она выслала до дюжины разношерстных партий..., то не значит ли это, что и в самой стране кипит яростная борьба...» При таком положении «новый режим у нас обречен на то же крушение, что и старый». Где же выход? «Что делать, чтобы погасить политический раздор, раздирающий и парламент, и общество? Мне кажется, нужно идти обратным путем тому, который у нас принят». Поскольку Россия является господством одного народа, то осуществлять его волю должны царь и единодуш-

ный «совет» при нем. Как только он раскололся на партии, надо как можно скорее убрать «смутьянов» с тем, чтобы устранить враждебную мысль и враждебную критику. «К представительству должны приглашаться только люди государственного единодушия: одной государственной партии, а не всех бесчисленных, какие могут сложиться»⁵¹

Это была одна из бесчисленных меньшековских статей подобного рода. Конкретно нововременский оракул предлагал изменить избирательный закон таким образом, чтобы в Думу могли попасть только правые, включая и правых октябристов, и только русские. Лишь тогда, по его мнению, будет «доделано» здание, недоделанное законом 3 июня, оставившем в Думе либералов и «инородцев», не говоря уже о революционерах.

Идея, как видим, была исключительно проста, но имела один существенный изъян: реализация ее привела бы к ликвидации третьионьской системы как союза царизма с буржуазией в общенациональном масштабе. Дума с одним правым большинством была бы отрицанием Думы как инструмента этого союза, и, следовательно, ее существование становилось бессмыслицей. В таком виде она не нужна была ни правительству, ни верхам, ни правым. Проще было в таком случае вообще ликвидировать Думу — шаг, исключавшийся с самого начала.

Таким образом, создалась стабильная ситуация, которая для верхов и правых выражалась в дилемме, напоминающей задачу с квадратурой круга: невозможно оставить Думу в том же виде и еще более невозможно «реформировать» ее в духе проектов Меншикова. Практически это могло вести и всегда вело к одному и тому же результату: к попытке решить задачу путем перетасовок внутри Дума и официального правительства. В обстановке резкого упадка демократического движения, безмерной трусости и угодливости октябристско-кадетского либерализма, полного преобладания правых в Думе и господства закулисных влияний в «сферах» эти попытки неизбежно принимали форму травли Думы, с одной стороны, закулисных интриг против официального правительства — с другой, и периодически приводили к «министерским» и «парламентским» кризисам. Результатом этих кризисов было дальнейшее обострение противоречий третьионьской системы, углубление кризиса верхов и банкротства политики помещичье-буржуазных партий. Так обстояло дело с «министерским» кризисом в апреле 1909 г. Еще более наглядно это обнаружилось во время «министерского» и «парламентского» кризиса в марте 1911 г.

Систематическая кампания правых против Думы имела еще одну постоянную цель: запугать октябристско-кадетских либера-

⁵¹ «Новое время», 25 марта 1910 г.

лов, заставить их угрозой роспуска отказаться от мысли пойти на создание «левого центра», противостоящего правым и националистам. В отличие от главной задачи эта цель всегда достигалась. На очередные угрозы изменения избирательного закона или роспуска Думы октябристы и кадеты отвечали жалобами, призывами к благоразумию и т. п. Позиция эта была тем более трусливой, что они отдавали себе ясный отчет в том, что эти угрозы в конечном счете нереальны, неисполнимы.

Так, один из видных октябристов А. В. Еропкин в специальной статье, посвященной антидумским статьям Меньшикова, писал: Меньшиков систематически в ряде статей подрывает авторитет Думы. Это обстоятельство вызывает тем большее изумление, что автор является одним из основателей партии и фракции националистов и, конечно, знает, что «националисты в Думе — ближайшие союзники октябристов, что они идут там рука об руку, что именно блок этих двух партий и составляет то правящее большинство, которое руководит III Думой». Меньшиков призывает к отмене «конституции», но эта отмена — «безумие»⁵². Спустя некоторое время октябристский официоз выступил с редакционной статьей под названием «Поход г. Меньшикова», где снова повторял жалобы Еропкина и «недоумевал», почему националисты — их прямые союзники — не призвуют своего собрата к порядку⁵³.

Изумление и недоумение октябристов были вызваны тем, что к марту 1910 г. антидумская кампания правых достигла уже большой степени остроты. В Думе они путем систематических скандалов решили вызвать председательский кризис, который послужил бы прологом к кризису в самом октябристском «центре». Это им полностью удалось. 3 марта после очередного и до предела гнусного скандала, учиненного Пуришкевичем⁵⁴, Хомяков подал заявление об отказе от поста председателя Думы⁵⁵. Возник председательский кризис, который целиком лег на плечи октябристов.

Задача состояла не в том, чтобы, обеспечив избрание октябристского кандидата, подтвердить решимость октябристов не уступать своего положения «центра». Добиться этого было сравнительно просто, поскольку без их голосов ни один кандидат не мог собрать большинства. Что председателем Думы будет вновь избран октябрист, считалось само собой разумеющимся для всего думского большинства. Вся тонкость ситуации заключалась в самой кандидатуре: выдвижение «левого» октябриста означало бы избрание его вторым, октябристско-кадетским боль-

⁵² «Голос Москвы», 16 марта 1910 г.

⁵³ Там же, 25 марта 1910 г.

⁵⁴ Ст. от., с. III, ч. 2, стб. 2897—2898.

⁵⁵ Там же стб. 3097.

шинством и, следовательно, демонстрировало бы решимость октябристов пойти на какую-то эмансипацию от националистов. Правая кандидатура означала бы победу обратной тенденции. Но в обоих случаях борьба вокруг кандидата грозила новыми потрясениями и угрозой распада на части рыхлого октябристского конгломерата.

Но совершенно неожиданно и быстро, раньше чем газеты успели сделать свои прогнозы, была выдвинута кандидатура Гучкова. Как отмечало «Утро России», было «не в обычае», чтобы лидер фракции был одновременно и председателем «парламента»⁵⁶.

Чтобы стать председателем Думы, Гучкову пришлось пожертвовать постом председателя Комиссии по государственной обороне, которым он очень дорожил, рассчитывая, что именно «патриотические» старания октябристов по части возрождения утерянной во время русско-японской войны военной мощи откроют им двери доверия «сфер» и принесут желанные «реформы»⁵⁷. Разлука с комиссией означала признание краха этих надежд.

Что же заставило Гучкова пойти на такой шаг? Спустя год после описываемых событий газета «Утро России» комментировала речь Шидловского, о которой говорилось выше, следующим образом. «Сейчас октябристская фракция попала в незавидное положение законной жены, фактически уже потерявшей свои права задолго до официального развода. Новая националистическая подруга уже приняла на себя все обязанности *dame de coeur* и нетерпеливо, но со спокойной уверенностью выжидает предстоящего в недалеком будущем узаконения своих супружеских прав». Поэтому речь Шидловского звучала таким образом, что «получилась трагическая, трогательная картина: отставленная фракция и в разлуке остается верной вероломному властелину; она хоть и не оправдывает его поступков, но все-таки продолжает мечтать о дальнейшей совместной жизни, о супружеском компромиссе!» Шидловский «задумал поразить правительство благородной фигурой истинно государственной партии, чуждой мелких соображений личного самолюбия... На деле же получилась жалкая гримаса пришибленности, растерянности, судорожного хватывания за соломинку»⁵⁸.

Эта меткая и злая оценка полностью приложима и к маневру Гучкова. Этот маневр представлял собой отчаянную попытку не дать вытеснить октябристов окончательно в роли «центра» националистам, которые к этому времени уже полностью организо-

⁵⁶ «Утро России», 10 марта 1910 г.

⁵⁷ А. Я. Аврех. Сгольпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе.— «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 17—33.

⁵⁸ «Утро России», 2 марта 1911 г.

вались как объединенная партия и фракция националистов и умеренно правых. Расчет строился на том, что председатель Думы имел право личного доклада царю. При помощи этого средства Гучков надеялся поправить свои дела в «верхах» и возродить свой бывлой союз со Столыпиным. По-видимому, Гучков согласовал свой шаг с премьером, который, несмотря на поворот к националистам, не думал отказываться от союза с октябристами. Такой отказ был просто невозможен, потому что он также был равносителен отказу от третьейюнъской системы в целом. Во всяком случае помещичье-буржуазная пресса расценивала избрание Гучкова как частичное возобновление соглашения со Столыпиным, который, помимо всего прочего, нуждался в октябристах как в некоторой общественной опоре в своих конфликтах с крайними правыми в Думе, Государственном совете и при дворе.

Именно так расценивал шаг Гучкова кадетский официоз. «Как видно, потребность защиты против усилившихся нападений справа,— писал он,— вновь сблизила кабинет и думское большинство. Первым продуктом этого сближения и является кандидатура А. И. Гучкова в председатели Гос. думы»⁵⁹. Спустя несколько дней газета вернулась к этой теме. Подчеркнув, что маневр Гучкова представляет собой обоюдный маневр — Гучков стремился возобновить союз со Столыпиным, а Столыпин — с октябристами, передовая далее указывала: «Очевидно, что союз их произошел не от силы, а от слабости того и другого». Будет ли союз прочен? Во всяком случае эта ставка Гучкова на Столыпина — последняя⁶⁰. Выдвижение Гучкова было последним козырем, игрой ва-банк, писала «Речь» в новогоднем обзоре, подводя итоги минувшему 1910 г.⁶¹

«Утро России» усматривало в шаге Гучкова еще одну цель: уйти от ответа перед своими избирателями, вернее, перед крупной буржуазией. «В стране,— писала газета в уже цитированной передовой,— партия давно потеряла последние остатки престижа», и ей придется встать перед судом тех, чье доверие она обманула. «От этой печальной возможности и ушел А. И. Гучков на председательскую трибуну, которая открывает перспективы совсем другие, гораздо более блестящие»⁶². Под последним разумеелось то, о чем говорилось выше: доклад царю и пр.

Уже само начало председательской карьеры Гучкова было далеко не блестящим. Октябристы, как объяснял их официоз, полагали, что кандидатура их лидера в силу его высокого авторитета (!) соберет наибольшее число голосов, что они считали

⁵⁹ «Речь», 8 марта 1910 г.

⁶⁰ Там же, 10 марта 1910 г.

⁶¹ Там же, 1 января 1911 г.

⁶² «Утро России», 10 марта 1910 г.

«чрезвычайно важным»⁶³. Но 8 марта он получил всего 221 избирательный шар против 68 черных⁶⁴. Социал-демократы, трудовики и кадеты отказались принять участие в выборах. Таким образом, Гучков был избран в основном правооктябристским большинством без крайних правых, голосовавших, очевидно, против⁶⁵. Свою председательскую деятельность, как мы помним, Гучков начал с обещания «сосчитаться». Какова была цена этой угрозе, очень наглядно показало «Утро России» в статье, которая так и называлась: «Уже „посчитались“?» «Вступив на председательский пост,— говорилось в ней,— Гучков прежде всего задумался над органом, который бы мог служить истолкователем его мнений и действий. Выбор его... пал на „Новое время“. Конечно, это гораздо выгоднее, чем избирать для той же цели нераспространенный, невлиятельный и туповатый „Голос Москвы“. И надо отдать справедливость „Новому времени“: свою роль лейб-органа нового председателя оно исполняет довольно удачно»⁶⁶.

Сообщение полностью соответствовало действительности. Самое пикантное здесь состояло в том, что был куплен Меньшиков, который до этого активнейшим образом занимался на страницах своей газеты изничтожением и поношением октябристов и прежде всего их лидера. Теперь продажный публицист начал восхвалять его из статьи в статью. Когда же ему кололи этим глаза другие газеты, он отвечал так, как и полагалось отвечать растленному перу: площадной бранью. Но в то же время он приводил доводы, отнюдь не лишённые основания⁶⁷. Вторжение Гуч-

⁶³ «Голос Москвы», 7 марта 1910 г.

⁶⁴ Там же, 9 марта 1910 г.

⁶⁵ Ст. от., с. III, ч. 3, стб. 134.

⁶⁶ «Утро России», 17 марта 1910 г.

⁶⁷ В статье «Честь и место» (для Гучкова в «Новом времени». — А. А.) Меньшиков писал следующее: из 800 паев Гучков приобрел 20 (на 100 тыс. руб.). Следовательно, газета и он, Меньшиков, стали его апологетами отнюдь не потому, что он купил их, а по идейным, бескорыстным мотивам. «Один из сыновей А. С. Суворина,— шло далее изложение этих мотивов,— официально числится в списках октябристов». А. А. Столыпин и некоторые другие сотрудники газеты тоже октябристы. В то же время критика октябристов допущена самая широкая. Он же, Меньшиков, стал восхвалять Гучкова потому, что убедился, что «вождь октябризма, как и сам октябризм, вовсе не так далеки от той национальной партии, в которой я принимаю участие и которая создана главным образом пропагандой „Нового времени“». Он много раз писал «об отсутствии внутренних, принципиальных разногласий между октябризмом и национализмом». Воевать приходилось с тактикой октябристов. «Я ратовал против г. Гучкова, пока думал, что именно от него зависит некоторая склонность октябристов к радикализму (!) и пренебрежение к русской народности (т. е. к политике воинствующего национализма. — А. А.). Но в последние годы целый ряд выступлений г. Гучкова убеждает меня в противоположном». В частности, он вступил в члены Всероссийского национального клуба. Много мужества проявил в разоблачении артиллерийского ведомства. «Гучков примкнул к национальной газете, где я пишу». «Если я не ошибаюсь,

кова в «Новое время» было произведено классическим «купецким» путем — покупкой паев; он сделался одним из пайщиков суворинской газеты.

Надежды Гучкова на то, что ему удастся, пользуясь председательским постом, смягчить отношение «верхов» к «парламенту», оказались, как и следовало ожидать, чистейшей утопией. С каждым днем кризис углублялся, недовольство и раздражение «верхов» и правых Думой и правительством становилось все более острым.

В сентябре 1910 г., отражая эти настроения, Меньшиков в статье под характерным названием «Утомленье власти» писал: «Вдумчивый читатель, вероятно, не раз останавливался над скрытым, но страшным свойством теперешней государственности: она не достигает своих целей. При всей колоссальности средств, десятой части которых не знала древность, при миллиардных бюджетах и миллиардных долгах, истраченных бесследно, государственность наша ставит древние задачи и уже не умеет решить их». Предстоит «опять возня с парламентом». «Народное представительство мешает власти, но и власть в каких-то важных отношениях мешает народу (!), иначе не было бы революции, не было бы и созыва Г. думы». Дальше шло признание в том, что своей основной задачи третьейюньская система и бонапартистская политика не выполнили. «Теперь, когда революционный кризис прошел (на время), — констатировал Меньшиков, — ясно, что мы не совладали с задачей кризиса и что государственную реформу проделали неудачно». «Правительство разделилось на партии и завело партийную игру с разнородными общественными стихиями гораздо раньше конституции. Теперь эта игра усложнилась до невероятной степени и развивается в борьбу, столь же изнурительную, сколь бесплодную». Выход он предлагал тот же, что и всегда: «Это несчастье будет длиться до тех пор, пока не сложится однородное, в национальном духе, правительство и однородное же, полное патриотизма, народное представительство»⁶⁸.

Весьма сильное воздействие на настроение реакции оказали известные события конца 1910 — начала 1911 г., связанные со смертью председателя I Государственной думы С. А. Муромцева и Толстого, избиение политических заключенных в Вологодской и Зерентуйской тюрьмах, самоубийство Егора Сазонова, узника Зерентуя, в знак протеста против этих истязаний, вызвавших демонстрации и митинги преимущественно студенческой

в предстоящей парламентской предвыборной кампании (в IV Думу. — А. А.) октябристы с националистами идут в союзе. Дело доброе. Может быть скорее, чем кажется, осуществится и та мечта, о которой я не раз писал, — перестройка центральных партий и слияние их в одну могущественную национально-русскую...» («Новое время», 14 июня 1912 г.).

⁶⁸ Там же, 11 сентября 1910 г.

молодежи, а затем приведших к широкой волне забастовок в университетах и высших учебных заведениях страны. Настроение это становилось тем более тревожным, что эти события совпали с началом оживления стачечного движения. Они явились, несомненно, важным этапом в вызревании кризиса в марте 1911 г. Особенную тревогу «верхов» и правых вызвало студенческое движение.

О характере и масштабах студенческих волнений дают довольно полное представление две записки, рожденные в недрах Департамента полиции. Одна, более обширная, анонимная, вторая, меньшая по размерам, подписана известным нам Блажучком. Вероятнее всего, он был автором и первой записки, которая, возможно, имела характер предварительного рабочего документа.

Согласно первой записке, студенческие волнения вначале выражались «в отрывочных и неорганизованных выступлениях» и «носили по преимуществу оппозиционный характер». К такого рода выступлениям документ относит активное участие петербургских студентов в похоронах артистки В. Ф. Комиссаржевской 19 февраля («которая, как известно, при жизни сама придерживалась оппозиционного образа мыслей...») и сходки в октябре по случаю смерти Муромцева в ряде высших учебных заведений Москвы, Петербурга и Харькова. Но «отдельными ораторами» на этих сходках проповедовались уже и «чисто революционные воззрения». «Более резкое направление» приняли студенческие волнения в начале ноября, в связи со смертью Толстого. Центром волнений стал Петербургский университет, «где почти ежедневно стали происходить сходки». На первом же собрании было постановлено потребовать у правительства отмены смертной казни, устроив для этого 11 ноября политическую демонстрацию у Казанского собора. Это решение было подхвачено «как общий лозунг» сходками на Высших женских курсах, курсах Лохвицкой, в Технологическом, Горном, Политехническом, Электротехническом и Психоневрологическом институтах. Одновременно делаются «попытки привлечь к участию в демонстрации также и рабочих». Настроение, охватившее студенчество, стало настолько «боевым», что его не смогла охладить даже неудача демонстрации 11 ноября: спустя два дня на сходке в Петербургском университете «обсуждался вопрос о подготовке вооруженного народного восстания»; в Политехническом институте было вывешено объявление, приглашавшее политехников быть готовыми в ближайшем будущем к «совместному выступлению студенчества с пролетариатом»; в Горном институте была принята аналогичная резолюция.

Смерть Толстого вызвала студенческие сходки, демонстрации и даже кратковременные забастовки и в других университетских городах: Москве, Киеве, Харькове, Томске, Варшаве, Юрьеве.

В некоторых из этих городов «имели место и проявления учащейся молодежью революционного направления».

«Не успело,— говорится далее в записке,— затихнуть толстовское движение», как в конце ноября возникли «новые студенческие волнения, сразу принявшие ярко выраженный революционный характер», поводом к которым послужили самоубийство Сазонова и события в Вологодской и Зерентуйской каторжных тюрьмах⁶⁹. Первым и на этот раз выступил Петербургский университет. По совместному призыву социал-демократической и эсеровской студенческих групп, а также кадетской группы была созвана, несмотря на запрещение администрации университета, сходка, в которой приняло участие примерно 1,5 тыс. студентов. Сходка прекратилась лишь после того, как в здание университета был введен наряд полиции. Прерванная 30 ноября сходка возобновилась 3 декабря. Число участников составило уже 2 тыс. человек. Дверь в зал была забаррикадирована, чтобы не допустить полицию. В президиум были избраны по одному социал-демократу, эсеру и кадету. В качестве ораторов также выступали «лишь представители этих трех руководящих фракций». Сходка постановила в память о Сазонове провести трехдневную забастовку и приняла резолюцию, которая поручала разработку тактики дальнейшей борьбы с целью «обновления» государственного порядка Коалиционному комитету, состоящему «из всех революционных и оппозиционных групп». 7 декабря Коалиционный комитет Петербургского университета вывесил объявление, где говорилось о совместных действиях со студенчеством других учебных заведений и содержался призыв действовать «в тесном единении с пролетариатом и другими общественными группами...» По примеру Петербургского университета в первой половине декабря прошли сходки «почти» во всех столичных высших учебных заведениях, в большинстве организованных явочным порядком. На этих сходках «произносились зажигательные речи и принимались явно противоправительственного характера резолюции».

Вслед за Петербургом «беспорядки быстро охватили собой целый ряд университетских городов (Москва, Киев, Харьков, Юрьев, Томск, Ярославль и Екатеринослав)». Все это сопровождалось теми же явлениями, что и в столице: прокламациями, призывами к забастовке и политической борьбе и т. п.

В целях придания студенческому движению возможно большей плановости и организованности руководящие студенче-

⁶⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1911 г., д. 53а, лл. 3—5 об. В Зерентуйской каторжной тюрьме в знак протеста против телесных наказаний покончило самоубийством несколько заключенных, в том числе и Егор Сазонов, убийца Плеве. В Вологодской каторжной тюрьме было высечено 100 заключенных, по правительственному сообщению — 59 («Речь», 30 ноября 1910 г.).

ские фракции — социал-демократы, эсеры и к.-д. — в большинстве высших учебных заведений выделили из своей среды особые руководящие группы, «которые являются как бы представительными органами отдельных высших учебных заведений». Так, Коалиционный комитет Петербургского университета состоит из 31 человека, из которых 18 социал-демократов, 9 эсеров и 4 кадет. В городах, где имеется несколько учебных заведений, создаются путем выделения делегатов единые местные центральные органы. В Москве, например, таковым является «Общегородской коалиционный совет высших учебных заведений города Москвы». Подобный же совет создан и в Петербурге (Общестуденческий коалиционный совет, переименован затем в Городское коалиционное бюро). Последний в силу «первенствующего положения», занимаемого Петербургским университетом в студенческих волнениях, «является руководящим центром всего движения». В январе 1911 г. он объявил «всероссийскую семестровую забастовку» в знак протеста против принятых правительством мер «и тем подал сигнал к возникновению новых, поистине не прекращающихся студенческих беспорядков».

22 января в Петербургском университете было вывешено два красных флага с надписями: «Долой самодержавие!» и «Да здравствует учредительное собрание!» Однако призывы агитаторов к всеобщей стачке не увенчались полным успехом: «значительная часть» студенчества отказалась примкнуть к забастовщикам. Тогда последние, следуя указаниям Коалиционного комитета, начали срывать лекции силой, вплоть до применения «химической обструкции». Комитет распространил также «Открытое письмо» к профессуре университета, в котором клеймились профессора, не желавшие прекратить чтение лекций.

Кроме университета, забастовка была объявлена в Петербурге на Высших женских курсах, на курсах Лохвицкой и Сельскохозяйственных и в институтах: Политехническом, Психоневрологическом, Горном и женском медицинском. Забастовали Московское техническое училище, Юрьевский университет, Харьковский ветеринарный институт, Высшее горное училище в Екатеринославе и Донской политехнический институт в Новочеркасске. «Сверх того в целом ряде университетских городов (Москва, Киев, Варшава, Казань, Саратов, Томск, Одесса, Харьков и Ново-Александров) ведется усиленная агитация в пользу забастовки».

В заключительной части записки доказывалось, что «студенческое движение создано искусственно революционными партиями». Сделано это было крайне неуклюже, по-полицейски. В качестве основных доказательств служили выдержки из социал-демократической, преимущественно меньшевистской и эсеровской печати. Исходной посылкой являлся тезис о том, что студенче-

ские беспорядки «вызывались не внутренними условиями студенческой жизни, а различными явлениями общественного характера, непосредственно не затрагивающими студенческую среду»⁷⁰, т. е. мысль, доказывающая нечто прямо противоположное, а именно то, что студенческие волнения были вызваны условиями русской действительности, а не происками агитаторов-революционеров.

Вторая записка отличается от первой деталями, поэтому мы на ней останавливаться не будем⁷¹.

Обе записки совершенно сознательно преувеличивают размах, уровень революционности и степень организованности студенческого движения. Сделано это было для того, чтобы оправдать правительственные репрессии против студенчества: раз волнения носят явно «противозаконный», революционный, а не академический характер, правительство вправе и обязано ответить на них крайними мерами. Именно в таком духе и отвечал на думский запрос министр просвещения Кассо. Сами записки представляли собой материал для этого ответа (дело, в котором они находятся, озаглавлено: «Запрос Г. думы по поводу студенческих беспорядков в 1910—1911 годах»).

И тем не менее из них, как и из других источников, в частности прессы и думских прений, с очевидностью вытекает, что студенческое движение этого периода в отличие от студенческих беспорядков 1908 г., связанных в основном с борьбой за университетскую автономию, носило ярко выраженный общедемократический характер, было проявлением и отражением вызревания революционного кризиса в стране. Об этом свидетельствует и крайне нервная реакция правительства и правых. Во всех их объяснениях и поступках доминировала мысль, которую они высказывали совершенно открыто: студенческое движение страшно не само по себе, а тем, что оно может послужить толчком к всенародному движению, как это было во время минувшей революции. Сходство с развитием событий в 1904—1905 гг. — вот тот кошмар, который преследовал Пуришкевича и Меншикова. Первый был настолько озабочен студенческим вопросом, что стал главным специалистом по нему в лагере правых. Он занялся изучением истории революционного движения в высшей школе и одновременно выступил инициатором и организатором так называемого «академического движения» в университетах и других высших учебных заведениях, т. е. принялся насаждать черносотенные студенческие организации, целью которых должна была стать борьба с революционным студенчеством и поддержка правой профессуры.

⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1911 г., д. 53, лл. 7—10 об., 12—12 об., 15.

⁷¹ Там же, лл. 73—73.

Свои идеи Пуришкевич пропагандировал в ряде лекций, прочитанных им в «Русском собрании» и других черносотенных организациях ⁷².

В феврале 1911 г. Пуришкевич выступил с обширным докладом на VII съезде «объединенных дворян», где изложил детально разработанную программу борьбы со студенческим движением, состоящую в общей сложности из 25 пунктов. В частности, он требовал от правительства установления штата полицейских в университетах, запрещения сходок, издания специального закона, карающего исключением из высшего учебного заведения за участие в забастовке, выселения бастующих студентов из университетских городов, сокращения приема в университеты, поощрения студентов-академистов, отмены закона 27 августа 1906 г., приостановившего действие реакционного университетского устава 1884 г., и возвращения к этому уставу и осуществления ряда других мер ⁷³. Предложения Пуришкевича нашли самую бурную и восторженную поддержку у участников съезда ⁷⁴.

Выступая в Думе в качестве главного оратора по запросу правых о положении в высшей школе, Пуришкевич по этому поводу заявил: «Третьего дня съезд общедворянских организаций вынес целый ряд решений, которые категорически, прямо и ясно указывают тот путь, по которому желает идти объединенное дворянство в вопросе об оздоровлении высшей школы» ⁷⁵. Запрос имел целью оказать моральную поддержку правительству в его расправе со студенчеством. В речи по другому, кадетскому, запросу о высшей школе Пуришкевич говорил: «Я... приглашаю правительственную власть не отказываться от тех мероприятий, на путь которых она вступила, твердо и последовательно проявить свою политику, и, если нужно, то путем штыков разогнать ту компанию, которая собралась..., и профессоров, и студентов, которые мешают учиться академистам» ⁷⁶.

⁷² «Новое время», 10 января и 7 февраля 1910 г.

⁷³ «Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний». СПб., 1911, стр. 74—92.

⁷⁴ Там же, стр. 96—134.

⁷⁵ Ст. от., с. IV, ч. 2, стб. 2184. В конце 1911 г. в Постоянный совет поступило заявление нескольких видных деятелей Объединенного дворянства, в том числе Маркова 2-го и Щечкова, в котором Совету предлагалось одобрить деятельность Кассо по разгрому университетов, потому что «эта нравственная поддержка придаст ему бодрости и силы твердо и неуклонно идти намеченным путем с целью уничтожения в высших учебных заведениях штаб-квартир революции и устройства в них храмов науки». 15 мая 1912 г. Кассо было послано следующее письмо: VIII съезд уполномоченных дворянских обществ 6 марта «единогласно постановил выразить горячее сочувствие Вашей неутомимой и высокополезной деятельности и уверенность, что все чинимые Вам препятствия не остановят Вас на избранном пути...» 21 мая Кассо прислал ответ, в котором благодарил VIII съезд за поддержку (ЦГАОР СССР, ф. 584, оп. 1, д. 33, лл. 3, 6, 8—9).

⁷⁶ Ст. от., с. IV, ч. 2, стб. 1491.

Свои угрозы и требования правые сопровождали самыми грязными оскорблениями и низкой клеветой в адрес учащейся молодежи. Скандал, учиненный Пуришкевичем и приведший к отставке Хомякова, о чем шла речь выше, был вызван именно оскорблением Пуришкевичем студенчества. В. В. Шульгин заявил, что студенческая молодежь — «это апаши в тужурках». Студенчество, по его словам, «социалистично» потому, что бедно и «стоит на очень низком уровне умственного развития»⁷⁷. В том же духе выступали Замысловский, В. А. Образцов, Марков 2-й и другие правые.

Но правительство не надо было уговаривать.

На студенческую забастовку оно ответило самыми драконовскими мерами, став на путь массового исключения студентов, закрытия высших учебных заведений и применения целого ряда других полицейских акций. В результате забастовка была подавлена в самом начале. Дума ответила на них тремя запросами: социал-демократов, трудовиков и кадетов. Спешность всех трех была отклонена правоокебристским большинством. В результате они попали на повестку дня Думы в пятую сессию, т. е. когда обсуждение их потеряло всякий практический смысл. Споры между либералами и правыми вылились в обычную дискуссию о принципах общей политики, на которой мы останавливаться не будем.

Другим предметом спора был вопрос о роли профессуры в борьбе со студенческим движением. Кадеты и прогрессисты уверяли, что лучший способ предотвратить студенческие беспорядки — поручить дело либеральной профессуре. Правые же, наоборот, полагали, что эти профессора являются сознательными или бессознательными подстрекателями студенчества. К вопросу об отношении кадетов к студенческой забастовке и роли профессуры в ней мы вернемся снова, когда пойдет речь о тактике партии «Народной свободы».

В статье «Хирургическая мера» Меньшиков полностью одобрил массовое исключение студентов и призвал правительство к решительности и твердости в борьбе со студенческим движением, грозя в противном случае новой революцией. «Что смута вновь поднимает голову и весьма задорно, — писал он, — в этом не может быть сомнения. Революция во втором ее акте провозглашена»⁷⁸.

Оптимисты поневоле — октябристы — считали такую оценку событий преувеличением. В той же газете А. А. Столыпин, скрыто полемизируя с Меньшиковым, писал: похороны Толстого, смерть Сазонова вызвали в стране движение, которого оказалось

⁷⁷ Там же, стб. 1473, 1475.

⁷⁸ «Новое время», 11 декабря 1910 г.

«достаточно, чтобы люди нервно настроенные выступали с проицанием, что мы „накануне революции“, хотя существенных элементов возможности скорой революции нет налицо»⁷⁹.

Однако в другой статье, написанной примерно за два месяца до этой, он оценивал обстановку в стране не столь радужно. Касаясь вопроса об отмене смертной казни, Столыпин делал следующий вывод: «Можно дать такую общую характеристику положению: была революция — были смертные казни, осталась угроза революций — осталась угроза смертными казнями. Переходное положение, похожее на перемирие, могущее обостриться в новую мятежную вспышку и в новую суровость подавления, могущее мирно разрешиться дальнейшим успокоением жизни в русле естественных ее условий»⁸⁰. Итак, угроза революцией еще осталась.

Отвечая, по-видимому, на статью Столыпина от 6 января, Меньшиков ставил вопрос еще более конкретно: «Вероятна ли теперь в России всеобщая забастовка? — спросит иной утонченно-слабый читатель. Другими словами: стоит ли тревожиться и не лучше ли перевернуться на другой бок, ничего не делая? Мне кажется, всеобщая забастовка вероятна, ибо она понемногу уже начинается». Доказательством служат забастовки в высших учебных заведениях: именно с них «началась и так называемая революция 1905 года»⁸¹.

3 декабря 1910 г. председатель Постоянного совета объединенного дворянства гр. А. А. Бобринский записал в своем дневнике: «...Революция делает свое..., и дворянство готовится бороться вновь с „иллюминациями“ усадеб при дегенератном попустительстве правительства». Спустя два дня появилась следующая запись: «То, что происходит теперь, неясно. По-видимому, начинается вторая революция»⁸². Это писалось не для публики.

Кадетская оценка полностью совпадала с оценкой правых. «Пять лет спустя после манифеста 17 октября, — писала «Речь» по поводу студенческих волнений, — мы очутились перед картиной, близко напоминавшей дооктябрьские времена»⁸³. Правая пресса, отмечала передовая «Речи» несколько дней спустя, твердит о широком и глубоком недовольстве. Это верно, но виноваты они, правые. И дальше шло обычное: «Тревожные события волнуют страну, все кругом нервничает и напряженно думает о том, что день грядущий нам готовит. Но законодательные учреждения спокойно и уверенно делают свое дело и в великом, как и в

⁷⁹ «Новое время», 6 января 1911 г.

⁸⁰ Там же, 19 ноября 1910 г.

⁸¹ Там же, 1 февраля 1911 г.

⁸² «Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 140.

⁸³ «Речь», 6 декабря 1910 г.

малом, сводят на нет всякую попытку внести какое-нибудь устройство»⁸⁴.

Буквально за неделю до «министерского» кризиса В. И. Ленин в замечательной статье под названием «Заметки. Меньшиков, Громобой, Изгоев», опубликованной в «Звезде» 26 февраля 1911 г., дал исключительно яркую характеристику состоянию растерянности и тревожного ощущения всего контрреволюционного лагеря от правых до кадетов.

Отметив, что выступление 66 московских промышленников «подало повод к ряду чрезвычайно ценных и характерных статей», которые, «помимо того что ...освещают необычайно ярко политическое положение в данную минуту», дают еще «интересный материал по многим основным и принципиальным вопросам, касающимся всей эволюции России в XX веке», В. И. Ленин приводит затем обширные выписки из статей тех трех авторов, фамилии которых он указал в заголовке.

Меньшиков упрекал либеральную буржуазию, включая среднее дворянство, чиновничество и купечество, за то, что она «подзуживает» революцию, не понимая, что станет со своими капиталами ее же первой жертвой.

Приведя эти слова, В. И. Ленин писал: «Наверно нет ни единой страны в Европе, где бы в течение XIX века сотни раз не раздавался этот призыв „старой государственной власти“, а также дворянства и реакционной публицистики, адресуемый к либеральной буржуазии, призыв „не подзуживать“... И никогда призывы не помогали, хотя „либеральная буржуазия“ не только *не хотела* „подзуживать“, а, напротив, с такой же энергией и искренностью боролась с „подзуживателями“, с какой 66 купцов осуждают забастовки. Как осуждения, так и призыв бессильны, раз дело идет о всех условиях жизни общества, заставляющих тот или иной класс чувствовать невыносимость положения и говорить об этом. Г. Меньшиков правильно выражает интересы и точку зрения правительства и дворянства, пугая либеральную буржуазию революцией и упрекая ее за легкомыслие. 66 купцов правильно выражают интересы и точку зрения либеральной буржуазии, упрекая правительство и осуждая „забастовщиков“. Но взаимные упреки — только симптом, неопровержимо свидетельствующий о крупных „недостатках механизма“, о том, что, несмотря на все желание „старой государственной власти“ удовлетворить буржуазию, сделать шаг в ее сторону, создать для нее очень благоприятное местечко в Думе, несмотря на сильнейшее и искреннейшее желание буржуазии устроиться, ужиться, поладить, приспособиться, — „приспособления“ все же не выходит! Вот в чем суть, вот где канва, а взаимные упреки — одни узоры»⁸⁵.

⁸⁴ «Речь», 11 декабря 1910 г.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 147, 148—149.

Прочитав известную нам статью Громобоя «Необходимое предостережение», в которой он требовал от правительства уплаты по выданным векселям, упрекая его в том, что оно своей политикой приближает новую революцию, В. И. Ленин прежде всего указал на то, что октябристы, а также кадеты являются бессильными, мнимыми кредиторами в смысле возможности заставить выполнить должника погасить «неплатеж». «Неудобное сравнение, г. публицист октябристских коммерсантов, — иронизировал В. И. Ленин, — во-первых, векселя-то ведь неподписанные; а, во-вторых, ежели бы даже они были подписаны, где тот коммерческий суд, куда вы могли бы обратиться, и кто тот судебный пристав и прочие, могущие произвести взыскание? Подумайте-ка, г. Громобой, и вы увидите, что не только октябристская, но и кадетская партия есть партия бронзовых векселей в политике»⁸⁶. По поводу главного упрека В. И. Ленин писал: «Меньшиков упрекает буржуазию в том, что она „подзуживает“ „революцию“, — буржуазия упрекает Меньшиковых в том, что они „ведут к усилению смуты“. „Старая, но вечно новая история“»⁸⁷.

Смысл рассуждений А. С. Изгоева в конечном итоге сводился к тому, что он оставлял право на историческое действие только за помещиками и либеральной буржуазией в лице их сознательного «меньшинства», отказывая в этом праве «меньшинству», представлявшему рабочих и крестьян, т. е. подавляющую часть населения страны. Это была, указывал В. И. Ленин, главная идея «Вех», объявивших, что действия этого «меньшинства» во время революции были действиями людей, поддавшихся «угару» «интеллигентских вожаков», неспособных возвыситься до «государственной» точки зрения.

«„Россия“ и „Земщина“, — писал В. И. Ленин, — рассуждают: 66 купцов, это — меньшинство, отнюдь не представляющее класса, не проявляющее ни знаний, ни способности „к управлению и переустройству России“, и вовсе даже это не купцы, а совращенные „интеллигенты“ и т. д. и т. п.

Изгоевы и Милюковы рассуждают: трудовики и рабочие депутаты в наших, к примеру скажем, Государственных думах, это — меньшинство, отнюдь не представляющее своих классов (т. е. девять десятых населения), сбитое с толку „интеллигентщиной“, не проявляющее ни знаний, ни способности „к управлению и переустройству России“ и т. д., и т. п.»⁸⁸

Проведя эту параллель, В. И. Ленин задает вопрос: «Откуда это полнейшее внутреннее родство рассуждений „России“ и „Земщины“, с одной стороны, „Речи“ и „Русских Ведомостей“, с

⁸⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 149.

⁸⁷ Там же, стр. 150.

⁸⁸ Там же, стр. 151—152.

другой?» И отвечает: «Оттуда, что, при всем различии представляемых ими классов, и те и другие группы органов представляют классы, *уже* неспособные ни к какому существенному, самостоятельному, творческому, решающему *прогрессивному* историческому действию. Оттуда, что не только первая, но и вторая группа органов, не только реакционеры, но и либералы, представляют класс, *боящийся* исторической самостоятельности других, более широких слоев, групп и масс населения, других — более многочисленных — классов»⁸⁹.

«Когда идеологи и вожди либерализма,— писал далее В. И. Ленин,— начинают рассуждать так, как рассуждают веховцы, Карауловы, Маклаковы, Милюковы, *это означает*, что ряд исторических условий вызвал во всей либеральной буржуазии такое „устремление вспять“, такую боязнь движения вперед, что это движение пройдет помимо нее, через нее, вопреки ее опасениям. А такая перебранка, как взаимное обвинение Меншикова Громобоем и Громобоя Меншиковым, в „усилении смуты“, является лишь симптомом того, что это историческое движение вперед всеми начинает ощущаться...»⁹⁰.

В этом было все дело, в этом коренилась причина разразившегося кризиса в марте 1911 г.

⁸⁹ Там же, стр. 152.

⁹⁰ Там же, стр. 153.

Глава седьмая

«МИНИСТЕРСКИЙ» И «ПАРЛАМЕНТСКИЙ» КРИЗИСЫ

«МИНИСТЕРСКИЙ» КРИЗИС

Кризис и на этот раз был развязан правыми Государственного совета. Поводом послужил принятый Думой законопроект о введении земства в шести западных губерниях. В марте 1911 г. он был отвергнут Государственным советом, и провал его повлек за собой цепь событий, обозначаемых в литературе как «министерский» и «парламентский» кризисы, хотя это определение по отношению к доморощенной третьейуионской «конституции» применимо весьма условно.

Общепринятым является мнение, что причины отклонения законопроекта лежат в нем самом. Считают, что Государственный совет провалил законопроект по двум соображениям: во-первых, потому, что он давал слишком большое представительство крестьянам, и, во-вторых, наносил чрезмерный ущерб польским помещикам, ослабляя тем самым классовый союз польского и русского дворянства в Западном крае¹. Первое утверждение вообще никак не аргументируется. Второе, возможно, основано на свидетельстве Витте, который по этому поводу писал следующее: «Умеренные дворяне (члены Государственного совета. — А. А.) были против этого проекта, потому что находили не-

¹ А. Я. Аврех. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина. — «Исторические записки», т. 70, стр. 61—64. В отличие от Положения 12 июня 1890 г. законопроект вместо словесных курий вводил курии национальные: польскую и русскую (куда входили все неполяки, кроме евреев, которые в земство не допускались). Каждая курия выбирала отдельно. При этом вводилась так называемая фиксация гласных, основанная на совершенно искусственном приеме. Брался процент численности населения данной национальности по губернии и процент принадлежащей ему земли и недвижимости по уезду, которые затем складывались и делились пополам. Полученное число и составляло фиксированный предельный процент земских гласных по уезду. Например, в какой-нибудь из шести губерний польское население составляло 2%, а польская земля и недвижимость в одном из ее уездов равнялась 38% ценности всей земли и недвижимого имущества, облагаемых земскими сборами. После сложения и деления на два получалась цифра 20, которая и давала право полякам на избрание 20% гласных в этом уезде (там же, стр. 69).

возможным делать различие между дворянами-поляками и дворянами-русскими, не без основания указывая, что такое различие, т. е. различные курии для выбора поляков-дворян и дворян-русских ведут не к объединению дворянства в этих губерниях, а к полному их разъединению, между тем как в настоящее время в громадном большинстве случаев между русскими дворянами и дворянами-поляками существует полная солидарность»².

Тем не менее эта точка зрения не соответствует действительности. Существование ее объясняется лишь незнанием фактов и источников, связанных с рассматриваемой проблемой. На самом деле законопроект о западном земстве был выбран в качестве удобного повода, чтобы свалить Столыпина. Сам по себе он был вполне приемлем для большинства Государственного совета. Авторы указанной точки зрения, возможно, ввели в заблуждение то обстоятельство, что внешне критика законопроекта в верхней палате действительно была сосредоточена на двух пунктах: национальных куриях и понижении ценза вдвое по сравнению с Положением 12 июня 1890 г. (причем критика первого пункта имела решающее, а второго — второстепенное значение). В действительности же, как будет показано ниже, дело было не в них.

Основной довод против курий состоял в том, что они якобы утверждают антигосударственное начало, направленное против единства империи.

Один из самых решительных противников законопроекта, Витте, заявил, что курии «не могут быть терпимы, доколе в России сохранится ясное и твердое сознание единства русской государственности»³. Проект «прибегает к... антигосударственному приему», — заявил граф в другом месте своей речи. Он состоит «в законодательном на весь мир признании, что в искони русских губерниях Российской империи могут существовать политические курии нерусских людей, которые могут иметь свои интересы, не тождественные с интересами русской государственности, и которые могут иметь право выбора своих уполномоченных и представителей, преследующих интересы, не соответствующие русской государственности»⁴.

Ту же мысль развивал кн. А. Д. Оболенский 2-й, распространивший среди членов Государственного совета специальную записку, направленную против курий, в которой доказывалось, что земство в западных губерниях можно ввести и без них. Все время ссылаясь на эту записку, Оболенский повторил содержащиеся в ней доводы против введения курий.

² С. Ю. В и т т е. Воспоминания, т. 3. М., 1960, стр. 542.

³ Гос. сов. Ст. от., с. VI, стб. 814.

⁴ Там же, стб. 817—818.

Всякая общность национальная, указывал Оболенский, стремится к общности политической. «Свободно развивающаяся национальность в конце концов вырождается (!) в государственность». Подведя, таким образом, «теоретический базис» под свои возражения, князь далее продолжал: поляк в земстве при наличии курий будет «уполномоченным от польской национальности», чего «нет нигде ни в одном общественном или государственном учреждении России». Проектируемое «национальное обособление» будет означать «некоторую государственную опасность», и «если мы это начало в Западном крае допустим, то почему его не допустить в других местностях России?»

«Неужели мы дошли до такого положения,— с пафосом восклицал оратор,— что в течение 50 лет не способны ничего выдумать, кроме таких форм, которые нарушают основные начала государственности?» И далее шло очень важное заявление. Если не будет курий, то «я думаю, что я и очень многие со мною вместе без всякого колебания голосовали бы за этот проект». Вопрос о куриях «остается коренным»⁵. Отметим, что оратор принадлежал к группе центра Государственного совета. Тот же довод приводился и при постатейном обсуждении законопроекта, когда очередь дошла до пресловутой статьи о куриях.

Кн. П. Н. Трубецкой напомнил, что он, будучи членом особой комиссии, которая предварительно обсуждала принятый Думой законопроект о западном земстве, подписал вместе с несколькими другими членами комиссии особое мнение против национальных курий.

В ответ на заявления сторонников курий, что они основываются прежде всего на требованиях «местных людей», Трубецкой сослался на отрицательное мнение таких высокоавторитетных в этом вопросе людей «с мест», какими являлись для членов Государственного совета их коллеги Н. П. Балашов и гр. А. А. Бобринский (Андрей)⁶, подписавшие особое мнение, направленное против курий. Сам Балашов категорически заявил, что «с таким новшеством», как курии, он «никогда согласиться бы не мог». В качестве злополучного примера подобного решения вопроса он привел Австро-Венгрию, в качестве хорошего — Германию. Но особую ценность представляет следующий его довод: при принятии в законопроекте расписании гласных русские в проектируемом земстве будут всюду в количестве двух третей. «К чему же,— с полным основанием спрашивал Балашов,— при таком положении вещей пристегивать курии?»⁷

⁵ Гос. сов. Ст. от., с. VI, стб. 919, 921—923 (Разрядка наша.— А. А.).

⁶ Там же, стб. 1200.

⁷ Там же, стб. 1211—1212 (Разрядка наша.— А. А.).

Правый Н. А. Зиновьев 2-й решительно заявил: «Опять повторяю: распределение национальностей по куриям я в западных губерниях признаю невозможным»⁸.

Представитель крайне малочисленной группы прогрессистско-кадетского толка М. М. Ковалевский аргументировал точно тем же доводом, что и правые, в частности Балашов, указав на судьбу Австро-Венгрии, которая являет собой пример «вавилонского столпотворения национальностей и языков». По его мнению, «то, что будет сделано на правом берегу Днепра, то рано или поздно будет сделано и на левом». Россия, продолжал он, — многонациональное государство. Разделением на курии будет положено начало тому движению, которое «я бы мог охарактеризовать как отказ от общегосударственной идеи в интересах признания требований национальностей»⁹.

На губительный пример Австро-Венгрии указывал и представитель центра Трубецкой¹⁰.

В заключение приведем очень четкое и показательное мнение членов Государственного совета — поляков. «Почему мерить одним мерилom поляков и другим русских? — в порыве благородного негодования вопрошал А. Э. Мейштович, имея в виду польских и русских помещиков. — Почему не вспомнить о речах депутата Скирмунта (члена Государственного совета. — А. А.) и гр. Потоцкого (депутата II Думы. — А. А.), которые так красноречиво защищали интересы всего землевладения империи?» «Казалось бы, что после грустного опыта недавнего прошлого следовало бы разделять людей не по национальностям, а на приверженцев и врагов общественного порядка и строя. Между тем законопроект разделяет русских и польских консерваторов куриями и закрепляет это разъединение... Он мешает русско-польскому сближению»¹¹.

Итак, на оппозиции куриям объединились почти все фракции Государственного совета, за исключением небольшой группы правых и части центра, возглавляемой Нейдгардтом и получившей прозвище «партии шуровьев» за то, что она состояла в значительной мере из близких людей Столыпина.

Понижение ценза при бессловесном земстве комиссия признала недопустимым¹². Против понижения выступил и второй докладчик комиссии, Стишинский¹³. Основной довод противников уменьшенного ценза сводился к тому, что он приведет к демократизации земства, которая в свою очередь окажет пагубное воздействие на земство в политическом отношении.

⁸ Там же, стб. 1223.

⁹ Там же, стб. 1223—1224.

¹⁰ Там же, стб. 1201.

¹¹ Там же, стб. 905, 909.

¹² Там же, стб. 1303.

¹³ Там же, стб. 778.

Один из рьяных противников пониженного ценза, Зиновьев 2-й, заявил, что он в проектируемом земстве при таком цензе опасается не столько национальной борьбы, сколько борьбы классовой. При пониженном цензе, указывал он, состав земства не будет достаточно благонадежным, «гораздо более опасно возбуждать низшие классы к борьбе с высшими...» Если мы встанем на предлагаемый путь, утверждал Зиновьев, то пойдем «неудержимо вниз не только на западной окраине, но и на других окраинах и внутри России. Мы должны будем идти к демократизации земства». Эту мысль о создании прецедентов он повторил в другом своем выступлении. Понижение ценза, заявил Зиновьев, в случае его принятия, «само собою разумеется, не остановится на правом берегу Днепра». Для полноты картины приведем еще один довод, фигурировавший в одной из речей Зиновьева: понижение ценза создает еще одну опасность — «украинский сепаратизм», так как «украиноманы являются преимущественно представителями и мелкого землевладения».

В целом позиция Зиновьева сводилась к тому, что в западных губерниях еще не созрели условия для введения земства. Исходя из этого, он подписал особое мнение, требовавшее отклонения законопроекта. Земство будет ненадежно, указывал он, так как попадет в руки кучки людей, не связанных с местом, и некультурной крестьянской массы¹⁴.

В заключение следует указать, что за восстановление полного ценза выступили и поляки¹⁵.

Спрашивается, насколько приведенные доводы против курий и понижения ценза были серьезны с точки зрения того класса и того строя, интересы которых защищали возражавшие ораторы? Очень ясный и убедительный ответ на этот вопрос мы находим уже в выступлениях главного докладчика по законопроекту — Пихно, который с полным знанием дела развенчивал всю искусственность и несостоятельность пущенных в ход аргументов. Ценность и правильность ответных возражений Пихно объясняется тем, что он сам был архиправым, как и его главные оппоненты, и если бы те страхи и угрозы, которыми они оперировали, действительно имели сколько-нибудь серьезное основание, он первым забил бы тревогу и солидаризировался со своими противниками. Но поскольку настоящая причина возражений была иной, и Пихно это знал, ему не составило труда парировать сыпавшиеся на законопроект удары.

Отвечая Витте по поводу курий, Пихно, которого сам Витте считал едва ли не единственно умным и культурным черносотенцем¹⁶, остроумно и ядовито указал на то, что мысль о

¹⁴ Гос. сов. Ст. ог., с. VI, стб. 846, 848, 953—954, 1316.

¹⁵ Там же, стб. 1308.

¹⁶ См. С. Ю. В и т т е. Воспоминания, т. 1, стр. 167.

национальных куриях «заимствована из закона, имеющего весьма близкое отношение к недавней государственной деятельности гр. С. Ю. Витте. Она заимствована из первого избирательного закона для Государственной думы, которым допущены отдельные выборы членов Думы от инородцев, т. е. инородческие курии для областей Забайкальской, Закаспийской, Самаркандской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Тургайской, Уральской и Ферганской, для губерний Астраханской и Ставропольской...» Правда, продолжал оратор, Витте не был автором этого закона, он был разработан под руководством Булыгина, «но за осуществление его на гр. С. Ю. Витте лежит, быть может, наибольшая ответственность, потому что он это Положение применил и подверг его серьезной переработке и дополнениям...» Однако при этом он «не вспомнил и не принял никаких мер, чтобы идея, по его словам столь антирусская, столь антигосударственная, как система инородческих курий, была из этого закона исключена»¹⁷.

Этот ответ был, что называется, «не в бровь, а в глаз». В другом своем выступлении Пихно подчеркнул, что принцип разделения на национальные курии проведен не только в первом, но и во втором — третьейуноньском — избирательном законе в Думу: согласно этому закону, министр внутренних дел имел право делить съезды избирателей на национальные отделения¹⁸. Можно напомнить в связи с этим, что при выборах в III Думу Столыпин пользовался указанным правом очень широко и прежде всего в западных губерниях. Это обстоятельство сыграло немалую роль в том, что эти губернии послали в Думу в подавляющем большинстве правых депутатов.

Таким образом, Пихно полностью опроверг утверждение Оболенского о том, что ни в одном общественном и государственном учреждении России не применяется принцип деления на национальные курии. Это дополнительно подтверждается и контр-возражением того же Оболенского. Ссылка Пихно на закон 3 июня, заявил он, не годится, так как этот закон нельзя рассматривать «как нечто незыблемое, постоянное, вечное и принципиально основное», потому что он возник «во время революционное и исключительное»¹⁹. Нетрудно заметить, что такое возражение было фактически признанием правоты Пихно.

Так же основательно Пихно разбил доводы противников понижения ценза. Статья законопроекта, установившая половинный ценз, указывал Пихно, для многих представляет необоснованное стремление к демократизации земства. «Я же смотрю на нее, как на уверенность лиц, знающих в настоящее время край,

¹⁷ Там же, с. VI, стб. 944.

¹⁸ Там же, стб. 1229.

¹⁹ Там же, стб. 1249.

найти в этом мелком землевладении надлежащего союзника и опору». «Решение Думы по крайней мере в составе представителей Западного края,— продолжал докладчик,— было основано... на глубокой уверенности, что они берут себе в союзники не наиболее подозрительный и наиболее неблагонадежный элемент, а, напротив, элемент вполне благонадежный и вполне русский»²⁰.

И далее Пихно показал, что эта уверенность покоится на твердых основаниях: на знании социальной природы тех, кто примет участие в выборах в земство в качестве владельцев половины, четверти и пятой части полного земельного ценза в случае, если он будет снижен наполовину. Основные источники, которые даст большинство избирателей этой категории, указывал оратор, суть следующие: 1) раздробление русского крупного землевладения; из среды наследников этих некогда крупных имений выходят учителя, чиновники и т. д.; 2) раздробление крупного крестьянского землевладения. Крестьяне, совершившие покупку нескольких сот десятин земли, делили их затем между своими сыновьями, которые становились таким образом полу- и четвертьцензовиками. «Элемент этот,— подчеркивал Пихно,— является точно так же (как и в первом случае.— А. А.) вполне надежным в огромном большинстве случаев».

Один из столпов законопроекта, принявший самое активное участие в посылке объединенной депутации от девяти западных губерний к царю в мае 1909 г. и созыве западнорусского съезда осенью того же года, Я. Н. Офросимов²¹, защищал его, также напирая на единодушное одобрение «местных людей». «Ни один законопроект,— указывал он,— не сообразован лучше с местными нуждами, чем настоящий...» Когда возник вопрос о введении земства в западных губерниях, напомнил Офросимов, правительство разрешило представителям всего Западного края собраться на общий съезд в Киеве, на котором и были обсуждены все основные проблемы, связанные с земством. Решения были приняты единогласно, и они вполне соответствуют законопроекту. Киевский западнорусский съезд высказался также и за необходимость понижения ценза²².

Ссылка на позицию «местных людей», т. е. прежде всего на западнорусских помещиков, была, безусловно, сильным козырем в руках защитников законопроекта. Не случайно поэтому его противники пытались доказать, что не все «местные люди» за законопроект. Но это им плохо удавалось. Они могли написать в свой актив, кроме Андрея Бобринского и Балашова, еще толь-

²⁰ Гос. сов. Ст. от., с. VI, стб. 1312—1313.

²¹ Сам Офросимов был единственным русским членом Государственного совета от Западного края, которого в 1910 г. удалось провести от Витебской губернии против польского кандидата.

²² Гос. сов. Ст. от., с. VI, стб. 890, 896.

ко члена Государственного совета Б. И. Ханенко, крупного киевского сахарозаводчика, октябриста, на которого главным образом и ссылались. Но сам Ханенко выступил против законопроекта с весьма вялой, бесцветной речью, в которой не прибавил к арсеналу своих единомышленников ни одного сколько-нибудь веского аргумента.

Дополним приведенные высказывания несколькими соображениями.

Прежде всего необходимо отметить, что требование об отмене курий было направлено не в защиту поляков — помещиков Западного края, а против них. Балашов доказывал, что курии не нужны потому, что господство русских в земстве уже обеспечено проектируемым расписанием гласных. Среди противников курий не нашлось ни одного человека, поддержавшего поправку думской комиссии о фиксации гласных по одному, а не по двум признакам, которая вела к некоторому увеличению числа польских гласных. Можно не сомневаться, что если бы эта поправка была принята Думой, правые Государственного совета, объявившие себя противниками курий, восстали бы против нее не менее решительно, чем думские правые.

Во всех выступлениях по законопроекту русских членов Государственного совета нельзя обнаружить ни одного слова в пользу цитированного выше утверждения Витте о том, что умеренная часть Государственного совета была против проекта потому, что не хотела разрушать якобы царившую в западных губерниях «полную солидарность» между русскими и польскими помещиками. Что касается их протестов против якобы выраженного в законопроекте стремления к «демократизации» земства, то они, как нетрудно заметить, совершенно не относились к намеченному в размере трети всех гласных собственно крестьянскому представительству. Как это ни поразительно, но остается фактом, что противники понижения ценза возражали против увеличения представительства кулацкой, капиталистической части деревни западных губерний.

Как известно, крестьянин по закону мог участвовать в выборах в земство (и в Думу) не только как представитель наделенного землевладения, но и как земельный собственник при условии, если купленная или иным образом приобретенная им в собственность земля составляла не меньше десятой части полного ценза.

В первом случае выбранные крестьянские гласные считались представителями сельских обществ. Треть крестьянских гласных, предусмотренных законопроектом, были именно такими представителями. Во втором случае крестьянин как обладатель части ценза участвовал в выборах по землевладельческой курии от себя лично в съезде мелких землевладельцев, посылавшем ст каждого полного ценза по одному уполномоченному в изби-

рательное собрание, которое выбирало из них определенное, фиксированное расписанием число уездных гласных.

Как мы видим, весь пафос обличений старцев Государственного совета по части «демократизации» был связан с нежеланием расширять именно эту, вторую, категорию избирателей крестьян.

Против лимита в треть крестьянских гласных, избираемых от сельских обществ, не раздалось ни одного голоса. Никто не предложил уменьшить это число, скажем, до четверти, с тем чтобы при сохранении пониженного ценза общее число крестьянских гласных оставалось в пределах той же трети²³. Такое предложение тем более уместно было ожидать, что противники уменьшенного ценза основывали свои возражения именно на страхе перед возможностью перехода земства в крестьянские руки, если всех гласных крестьян вместе — избранных и от сельских обществ, и по съезду мелких землевладельцев — при пониженном цензе окажется слишком много. Они, конечно, и без доводов Пихно и «местных людей» отлично понимали, что гласные-крестьяне частновладельческого происхождения в массе будут более консервативны и благонадежны, чем гласные-крестьяне, входящие в треть. Тем не менее противники понижения ценза твердо держались своей позиции.

Более того, часть из них потребовала увеличения числа гласных от сельских обществ, расширения границ трети. В частности, Витте это требование, помимо упразднения курий, делал основным. Четыре раза он выступал по законопроекту и каждый раз доказывал, ссылаясь на свое многолетнее знакомство с Западным краем, что главной опорой земства здесь должно быть «православное крестьянство»²⁴. Выступая по мотивам голосования по законопроекту в целом, Витте заявил, что он и некоторые его единомышленники голосуют против законопроекта потому, что в нем обижено «православное крестьянство»²⁵.

²³ Да это и трудно было сделать, потому что, по Положению 12 июня 1890 г., число уездных гласных от сельских обществ составляло, как правило, больше четверти и несколько меньше трети всех гласных, а гласных от мелких землевладельцев и от сельских обществ — больше трети и несколько меньше половины. По законопроекту о западном земстве, это число колебалось в пределах половины всех гласных, в большинстве случаев не дотягивая до половины (ПСЗ, т. X, 1890, Приложения, № 6927, стр. 369—383; т. XXXI, 1911, Приложения, № 34905, стр. 82—85).

²⁴ Гос. сов. Ст. от., с. VI, стб. 816. Любопытно, что при этом Витте облачает фальшивый довод помещиков о крестьянской «некультурности», служащей якобы единственной причиной ограничения крестьянского представительства в земстве. Многолетнее знакомство с Западным краем, заявил Витте, дает ему полное право утверждать, что здесь имеются десятки тысяч крестьян, которые «гораздо более компетентны и деловиты в хозяйственных вопросах, нежели многие частные землевладельцы, в особенности из числа русских землевладельцев-гастролеров» (там же).

²⁵ Там же, стб. 1360.

Это крестьянство Витте не только отличал от крестьян, которые были бы привлечены при пониженном цензе, но специально и очень четко противопоставлял их. Если «хотят ввести там земство,— говорил он в одной из своих речей,— то другого способа, как обратиться к русскому православному крестьянству, нет, и я безусловно протестую против той мысли, что будто бы можно сравнивать крестьян с той группой, которую хотят выудить именно понижением ценза. Я бы не хотел находить название для этой группы, но я считаю, что эта группа есть самая... неблагонадежная». Тем не менее Витте дал название этой группе, охарактеризовав ее как «тину», в противоположность которой «православное крестьянство» было названо им «грунтом». Хотя правительство согласно на понижение ценза, он против этого понижения и проголосует за то, чтобы ценз не понижать²⁶.

Увеличения крестьянского представительства потребовали и поляки. И. Э. Олизар, высказавшись за сохранение полного ценза, предложил поправку, увеличивавшую число гласных от сельских обществ в уездных земских собраниях²⁷.

Перечисляя причины, по которым он и его «скромная» группа будут голосовать против законопроекта, Ковалевский назвал также недостаточность крестьянского представительства в размере трети гласных²⁸.

Правда, идея Витте была воспринята большинством Государственного совета более чем прохладно, а его любовь к «русскому православному крестьянству» была демагогией²⁹ того же политиканского свойства, что и у поляков, но для нас важно сейчас то, что, противопоставив «надежных» крестьян «ненадежным», Витте, несомненно, выразил, по крайней мере по отношению к последним, общее мнение большинства Государственного совета.

Спрашивается, как объяснить это загадочное явление? Почему наиболее опытные политические представители класса крепостников-помещиков, один из оплотов царизма, вдруг объявили ненадежной ту часть деревни, которую они после уроков 1905—

²⁶ Там же, стб. 1306.

²⁷ Там же, стб. 1308, 1310.

²⁸ Там же, стб. 1360.

²⁹ Сам Витте откровенно признал это в одной из своих речей. «В заключение я позволю себе просить вас, господа,— сказал он, обращаясь к своим коллегам,— не думать, что я так наивен, что могу рассчитывать, что моя поправка об увеличении числа гласных от крестьян может пройти и даже привлечь к себе хотя бы самое минимальное количество голосов. Конечно, я этого не думаю». Но «я себе думаю, может быть, и это дело после рассмотрения в согласительной комиссии зацепится за один из крючков неизвестности в атмосфере, разделяющей верхнюю и нижнюю палаты...» (там же, стб. 1263). Иными словами, Витте рассчитывал на возможность в будущем конфликта по поводу его поправки между Думой и Государственным советом.

1906 гг. сочли единственно надежной своей опорой, твердо и бесповоротно став на путь ее всяческой поддержки и укрепления? Обоснованность этого вопроса подкрепляется еще тем обстоятельством, что в самом начале обсуждения законопроекта, сразу же после выступлений докладчиков Пихно и Стишинского, Столыпин в своей речи заявил, что правительство согласно с поправкой Пихно, оставлявшей половинный ценз, но дававшей право участия в избирательных съездах лишь владельцам не менее одной пятой ценза³⁰.

Пихно своей поправкой сделал попытку спасти половинный ценз, после того как он был отвергнут Особой комиссией и когда стало очевидным, что большинство Государственного совета против него. Это был компромисс, который по существу лишал большинство каких-либо оснований для возражений против пониженного ценза, потому что, согласно элементарной арифметике, одна пятая половинного ценза равнялась одной десятой полного.

Поправка Пихно снимала опасения насчет возможности наплыва через избирательный съезд мелких землевладельцев — представителей рядовой массы деревни, означала, что уменьшенный ценз рассчитан на самую богатую часть деревни, на крупных кулаков, обладателей, скажем, половинного ценза³¹. Это в свою очередь означало, что противники пониженного ценза, продолжавшие твердо стоять на своем, выступали именно против этой категории самых богатых крестьян.

Ответ на поставленный вопрос состоит, на наш взгляд, в том, что верхи признали провал аграрной политики Столыпина, крах своих надежд на нее. Конкретно это означало разочарование в кулаке как силе, способной остановить крестьянскую революцию. Более того, кулак не только оказался неспособным быть стражем контрреволюции в деревне, но и начал выступать в качестве конкурента, стремящегося занять хозяйское положение в деревне вообще и в земстве, в частности, рядом с «благородным» помещиком. В этой связи становится понятной и та кажущаяся на первый взгляд чисто теоретической острая тревога по поводу прецедента, которая так отчетливо прозвучала в выступлениях противников пониженного ценза.

Соглашаясь в свое время на закон 14 июня 1910 г., модифицированный указ 9 ноября 1906 г., «зубры» Государственного совета отлично понимали, что это согласие влечет за собой и со-

³⁰ Гос. сов. Ст. от., с. VI, стб. 790.

³¹ Принятый Думой половинный ценз для шести западных губерний колебался от 100 десятин для Киевской и Волынской губерний до 600 десятин для Минской. Таким образом, чтобы стать обладателем $\frac{1}{10}$ ценза в первой губернии, надо было иметь 20 десятин купленной земли, в последней — 120 десятин. Из этих цифр видно, что в массе своей такие покупки могли совершать только богатые крестьяне — кулаки.

гласие на будущее расширение земства. Это относилось как к территориальному расширению земства, так и к его некоторой демократизации за счет верхов деревни, ибо именно в земстве и при помощи земства помещик мог лучше и удобнее всего осуществлять свой союз с кулаком, а последний — занять и использовать те позиции в деревне, которые уступил ему союзник в расчете на него как на плотину, противостоящую революционной крестьянской реке. Теперь же, когда этот расчет оказался призрачным, а реальным становился только предстоящий де-леж с кулаком влияния в земстве, палата российских лендлордов завопила об обмане и опасности прецедента.

Положение в западном земстве усугублялось еще и тем, что из-за слабости в этих районах русского помещичьего элемента кулак сразу же приобретал довольно прочные позиции с перспективой их усиления в скором будущем. Стремление потеснить помещика в земстве отчетливо выразилось в выступлениях правых крестьян из западных губерний при обсуждении законопроекта о западном земстве. Большинство Государственного совета отнюдь не сомневалось в том, что западное земство будет правым. Оно опасалось, что это земство будет кулацким, а не помещичьим. Именно в этом заключался смысл заявлений Зиновьева о том, что в западных губерниях еще не созрели условия для введения земства. Отсюда становятся также понятными обвинения Государственного совета в «реакционности» в связи с вопросом о понижении ценза и прецеденте не только со стороны октябристского официоза, но даже суворинского органа, всегда пресмыкавшегося перед высшей бюрократией. Обе газеты, продолжая оставаться яркими сторонниками столыпинской аграрной политики, отлично отдавали себе отчет в том, что крики о прецеденте есть косвенный, замаскированный выпад против этой политики. «Новое время» выразило эту мысль следующим образом: «Отжившее сословное начало стремится купить себе возврат к прошлому»³².

Дополнительным мотивом к отклонению пониженного ценза служил для большинства Государственного совета довод о том, что кулак в юго-западном земстве будет носителем и выразителем украинского национализма. Хотя эта нота прозвучала в прениях несколько глухо, нет сомнения в том, что для большинства Совета это соображение имело немаловажное значение.

В целом же позиция правых и центра Государственного совета сводилась к тому, что они выступили против законопроекта о западном земстве как выражения обанкротившегося бонапартистского курса. Большинство Государственного совета считало опасным и «ненадежным» не кулацкую часть деревни западных губерний саму по себе, а характер предлагаемого союза с ней.

³² «Новое время», 8 марта 1911 г.

Статья о пониженном цензе была удобна тем, что позволяла не только вести критику законопроекта в целом, но и выразить в связи с этим вотум недоверия всей бонапартистской политике Столыпина. Анализ прений показывает, что они с самого начала переросли рамки законопроекта и вылились в обсуждение принципов столыпинской политики вообще и к тому же в обычно не свойственной для респектабельных и чинных сановников резкой, полемической форме.

Отвечая на первую речь Витте, которая по всему своему существу, ядовитому и пренебрежительному тону выражала осуждение всей политики правительства, Столыпин, ухватившись за его требование о земстве, основанном на «русском православном крестьянстве», с немалым ядом указывал: «Один раз в истории России был употреблен такой прием, и государственной расчет был построен на широких массах, без учета их культурности, при выборах в первую Государственную думу. Но карта эта, господа, была бита!»³³

В ходе прений другие ораторы из правого крыла Государственного совета припомнили Витте и его знаменитую записку о земстве, и манифест 17 октября, который всей правой печатью многие годы расценивался как стремление его автора ограничить самодержавие, и т. п.

Наилучшим выражением существа разгоревшейся полемики и в то же время самым сильным осуждением политики Столыпина в целом на протяжении всей дискуссии явилась речь одного из главных организаторов провала законопроекта, В. Ф. Трепова, поистине прозвучавшая приговором незадачливому российскому Бисмарку. Такой эффект был достигнут тем, что вся речь представляла собой очень краткую и хорошо продуманную, отточенную реплику. Вот эта речь. Да, Столыпин прав, заявив, что политика Витте потерпела банкротство. «Да, карта была бита; был изменен избирательный закон, явились иные люди, но игра продолжалась. В этой игре прошли и суд, и флот, и школа, и церковь... Сегодня на карту ставится консервативное монархическое начало земства, правда, в шести западных губерниях, но не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что в эту игру будет вовлечено все всероссийское земство и что в этой игре карта также будет бита»³⁴.

Политика Столыпина, его игра потерпели такой же крах, какой потерпела игра в крестьянский цезаризм его предшественника Витте, и из этого необходимо сделать соответствующие выводы — таков смысл речи Трепова.

Столыпинскую игру Трепов и другие расценивали как бонапартистскую игру, в этом нет ни малейшего сомнения.

³³ Гос. сов. Ст. от., с. VI, стб. 876.

³⁴ Там же, стб. 927 (Разрядка наша.— А. А.).

Будучи монархистами, они при неудаче особенно остро реагировали на такую характерную черту бонапартизма, как его неприкрытая партийность, являвшаяся резким отрицанием самой традиционной и оберегаемой сторонниками самодержавия старой школы политики якобы надпартийности царской власти, на которой, они считали, покоится весь ее авторитет среди всех слоев «верноподданного» народа. Жизнь заставила мастодонтов абсолютизма смириться с бонапартистским курсом, но, разумеется, не для того, чтобы при его помощи прийти к новому разбитому корыту, краху надежд на выход из революционного кризиса. Разочаровавшись в Столыпине, они вспомнили о старом монархическом знамени, чтобы сделать его оружием против обанкротившегося премьера.

Это оружие было весьма эффективным в смысле воздействия на царя и его окружение, на камарилью, так как суть его состояла в одном тяжелом для охранителей самодержавия обвинении: бонапартистская политика якобы ограничивает царскую власть, отдавая ее в руки исполнительной власти и безответственных политиканов в центре и на местах. Именно это обвинение было выдвинуто против Столыпина в недрах Государственного совета в 1909 г. в связи с законопроектом о штатах Главного морского штаба и послужило основанием для первого «министерского» кризиса, едва не закончившегося отставкой премьера.

Выражая указанную основную мысль, Витте говорил: «Нет ничего возмутительнее, ничего обиднее, как ограничение самодержавия не для народа, а для кучки». Настоящим законопроектом, указывал он, «под флагом патриотизма стремятся создать в Западном крае вместо власти царской местную олигархию...»³⁵

Не была обойдена молчанием критиков законопроекта и его другая бонапартистская черта: эквилибирование, основанное на рискованной демагогии и заигрывании с потенциально враждебными помещичьему классу социальными слоями и группами. Лучше всего страх перед такой политикой выразил Зиновьев 2-й, сославшись на одну из речей Шульгина в Думе. В передаче Зиновьева Шульгин, обращаясь к думским крестьянам, говорил якобы следующее: «Что же вы теперь скажете, что это земство панское, господское? Нет, всякий из вас, купивший 5 десятин, не давши на это даже ни копейки, а купивший через Крестьянский банк, будет избирателем». «Вот на какую почву был поставлен этот вопрос в Думе» — в ужасе воскликнул Зиновьев³⁶.

³⁵ Там же, стб. 934.

³⁶ Там же, стб. 1315. В действительности обращение Шульгина к крестьянам выглядело несколько иначе. «Это не значит, конечно, говорил он,— что

В свете этих заявлений становятся полностью понятными замечания и о ненадежности гласных, получаемых при помощи пониженного ценза, и слова Трепова о покушении на монархические начала земства, и, наконец, главный тезис о том, что национальные курии разрушают основной принцип русской государственности, согласно которому в империи не может существовать даже в самой минимальной степени положение, когда какая-то национальность имеет особые интересы, отличные от общеимперских.

В этом свете становится также ясным, почему главным объектом нападков на законопроект стала статья о национальных куриях, а не пониженный ценз. Именно в этой статье выражалась главная бонапартистская сущность законопроекта, которая влекла за собой самое непосредственное и активное вмешательство власти во все перипетии националистической борьбы в крае, а эта борьба после его принятия должна была накалиться, по расчетам его творцов, до максимальной степени. Статья о понижении ценза играла по отношению к указанной центральной задаче вспомогательную роль, увеличивая националистическо-шовинистический актив русских помещиков, которых, как вынуждены были признать с сожалением сторонники законопроекта, было намного меньше, чем им хотелось бы.

Поскольку противники законопроекта поставили перед собой задачу не просто провалить его, а сделать этот провал причиной нового «министерского» кризиса и отставки Столыпина, статья о пониженном цензе не годилась для них в качестве главного объекта критики проекта и по тактическим соображениям: в конечном итоге отклонение этой статьи означало бы всего-навсего восстановление соответствующей статьи правительственного законопроекта, где речь шла о полном цензе, и положение Столыпина оказалось бы нелепым, если бы он занял здесь непримиримую позицию.

Протестовать против этой поправки Государственного совета ценой отказа от всего законопроекта не стала бы, конечно, и правоокейбристская часть Думы.

Кстати говоря, Государственный совет восстановил все, что было изъято из законопроекта Думой для удовлетворения октябристского «либерализма». По просьбе Столыпина³⁷ была вос-

крестьян будет там только $\frac{1}{3}$, потому что вы знаете, что по этому закону, который проектируется, крестьяне могут и будут проходить по курии землевладельческой, причем я обращаю ваше внимание на то, что во многих уездах, если вы организуетесь, если вы соберетесь, если вы заметите, положим, что помещики жмут вас..., то можете организовать и оказать этому противодействие. Но в данном случае пройдет элемент, более пригодный для земского дела. При пониженном цензе, начиная с 7,5 десятины, например, в Подольской губернии принимают участие в съездах землевладельцев» (Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 1477).

³⁷ Гос. сов. Ст. от., с. VI, стб. 791.

становлена статья о трех и четырех представителях духовенства в уездном и губернском земствах³⁸, без его просьбы — пункт о русском председателе управы и русском большинстве земских служащих³⁹ и т. п., так что конфликтовать Столыпину с Государственным советом по поводу статьи о цензе становилось еще более неудобным.

Иное дело — статья о национальных куриях. Ее отклонение было равносильно провалу законопроекта, что означало объявление открытой войны Столыпину, которую он должен был либо принять, либо капитулировать. Это понимали все. Так был поставлен вопрос и самим Столыпиным.

«Повторяться я не буду, — решительно заявил Столыпин перед тем, как поправка, отвергающая курии, должна была быть поставлена на голосование. — Я должен, я могу подтвердить одно: правительство считает, что вопрос о национальных отделениях — вопрос государственной важности, центральный вопрос настоящего законопроекта»⁴⁰.

Спрашивается, почему именно законопроект о западном земстве был выбран правыми Государственного совета в качестве орудия низвержения Столыпина? Потому что он оказался удобным для этой цели во всех отношениях. Он как бы сам напрашивался в качестве образцового предложения для развязывания классической сановно-бюрократической интриги.

Во-первых, законопроект исключительно наглядно демонстрировал тот безысходный тупик, в который зашел Столыпин со своей бонапартистской политикой. Случайность происхождения, карикатурное соединение охранительных и «либеральных» начал, сомнительная надежность, сразу же обнаруженная выступлениями думских правых крестьян, мизерность и проблематичность ожидаемых политических выгод — все это просто само собой обеспечивало главарям задуманной кампании против премьера поддержку большинства Государственного совета, донельзя раздраженного провалом своих надежд на претендента в российские Бисмарки.

Во-вторых, отклонение законопроекта наверняка влекло за собой отставку Столыпина, поскольку он сам так поставил вопрос.

В-третьих, характер законопроекта позволял осуществлять оппозицию с неуязвимых позиций «патриотизма» и охранения основ «русской государственности».

В-четвертых, можно было очень долго маскировать истинные цели этой оппозиции, вводя в заблуждение Столыпина, считавшего, что правые в конечном итоге проголосуют за законопро-

³⁸ Там же, стб. 1340.

³⁹ Там же, стб. 1335.

⁴⁰ Там же, стб. 1240.

ект, соблазнившись реальной возможностью изменить численное соотношение фракций Государственного совета в свою пользу.

Наконец, в-пятых, при неудачном стечении обстоятельств сохранялась хорошая база для отступления: поскольку вся критика по существу концентрировалась вокруг одной статьи о куриях, оставалась возможность в последнюю минуту проголосовать за законопроект, сохраняя, как говорится, приличную мину.

Развитие событий, связанных с прохождением законопроекта в Государственном совете, полностью подтверждает эти моменты.

Все поначалу шло так, что у Столыпина не возникало никаких серьезных опасений. «Он был настолько уверен в успехе,— свидетельствует Коковцов,— что еще за несколько дней до слушания дела... не поднимал вопроса о необходимости присутствия в Государственном совете тех из министров, которые носили звание членов Совета, для усиления своими голосами общего подсчета голосов»⁴¹. Обсуждение законопроекта на пленарных заседаниях началось 21 января 1911 г. и без всякой спешки шло в течение всего февраля. Хотя в комиссии, как сообщало хорошо осведомленное «Новое время», «проект вызвал большой разброд мнений», тем не менее, «сколько можно выяснить из совокупности имеющихся сведений, в правой группе Совета большинство все-таки на стороне проекта»⁴². Правда, тут же газета выражала тревогу, что «в центре... под давлением весьма влиятельных в этой группе польских и балтийских депутатов... большинство, по-видимому, склонно пойти за своими польскими коллегами», но это на деле было давлением черносотенной газеты на центр Государственного совета, намекавшей на недопустимость такого «непатриотического» поведения.

Спустя несколько дней в специальной редакционной статье, озаглавленной «Западнорусское земство в Г. совете», «Новое время» писало: «Игра ведется очень сложная, в которой при том партнеры тщательно скрывают свои карты, делая вид, что все они озабочены единственно сохранением государственных интересов»⁴³. В статье говорилось также, что ложи для публики переполнены, в зале заседаний находятся две депутации от Западного края и что «наблюдатели отмечают, будто статс-секретарь Столыпин говорит в Г. совете с меньшей уверенностью, чем в Г. думе...» Но это был максимум тревоги, высказанной официозом националистов вплоть до того момента, когда были провалены курии.

Кадетская «Речь», напротив, сообщала (правда, задним числом), что Столыпин был уверен в том, что законопроект прой-

⁴¹ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. I. Париж, 1933, стр. 451.

⁴² «Новое время», 28 января 1911 г.

⁴³ Там же, 3 февраля 1911 г.

дет. Член Государственного совета и родственник премьера Нейдгардт считал, что самое худшее, что ждет правительство,— незначительное большинство (в восемь голосов), которым будет обеспечено принятие курий. Отсюда резкий тон Столыпина перед голосованием⁴⁴.

Вся «большая» пресса единодушно отмечала, что провал курий был полной неожиданностью для Столыпина (и для самой прессы, прибавим мы), что сила и неотразимость нанесенного удара как раз и заключались в этой неожиданности, которая была тщательно подготовлена.

«Редко бывает,—констатировала газета «Новое время»,— чтобы какой-нибудь законопроект проходил установленный порядок законодательного рассмотрения столь благоприятно, как этот законопроект о западном земстве. В Г. думе он получил одобрение. В особой комиссии Г. совета, образованной для его рассмотрения, значительным большинством голосов он был принят. Наконец, Г. совет после общих прений большинством двух третей голосов принял переход к постатейному обсуждению, что обыкновенно служит предрешением благоприятной судьбы проекта». Все это создавало уверенность в том, что законопроект пройдет, об этом знали члены Государственного совета, которые все решили в последнюю минуту⁴⁵.

«Удар, нанесенный ими (правыми Государственного совета.— А. А.) законопроекту,— подчеркивала газета несколькими днями раньше,— рассчитан на неожиданность его для противника». «Провал законопроекта,— отмечала она,— это удар тем более тяжелый, что он является вместе с тем и неожиданным»⁴⁶.

То же утверждала и «Россия». «Менее всего,— говорилось в передовой,— можно было ожидать, что в момент решительного голосования члены Государственного совета, настроенные в пользу защиты польских интересов, соберут большинство...»⁴⁷ Законопроект, указывала она в другой передовой, собрал большинство в комиссии — факт, «совершенно точно отражающий настроение и соотношение сил общего собрания». «Внушительное большинство» пленарного заседания Государственного совета проголосовало за переход к постатейному чтению. Следовательно, законопроект «потерпел крушение» не потому, что оказался неприемлем для верхней палаты сам по себе, а «в порядке таких действий и условий, которые, конечно, с государственной точки зрения не заслуживают рассмотрения»⁴⁸.

«Думские круги убеждены», свидетельствовал в свою очередь «Голос Москвы», что отклонение законопроекта Государ-

⁴⁴ «Речь», 9 марта 1911 г.

⁴⁵ «Новое время», 13 марта 1911 г.

⁴⁶ Там же, 8 марта 1911 г.

⁴⁷ «Россия», 9 марта 1911 г.

⁴⁸ Там же, 13 марта 1911 г.

ственным советом — это результат «интриги» против Столыпина, а не недовольства самим законопроектом⁴⁹. В доказательство газета также ссылалась на то, что был проголосован переход к постатейному чтению, что означает в принципе одобрение законопроекта и предрешает его благополучную судьбу⁵⁰.

Оценивая события уже ретроспективно, в связи с выступлением Столыпина в Государственном совете 2 апреля 1911 г. по поводу предъявленного ему верхней палатой запроса о трехдневном роспуске палат и проведении законопроекта о западном земстве по 87-й статье, газета «Новое время» писала: «Напомним в двух словах историю возникновения конфликта. Столыпину устроили ловушку»⁵¹.

«Речь» писала, что, когда Столыпину, находившемуся в здании Государственного совета, сообщили о результатах голосования по вопросу о куриях, он от полной неожиданности густо покраснел и растерялся⁵².

В той же статье «Речь» сообщала ставшие известными подробности того, как был подготовлен этот удар.

За полторы недели до начала обсуждения законопроекта в Государственном совете председатель Совета М. Г. Акимов сообщил лидеру правых Дурново, что высшие сферы высказались за принятие законопроекта. Последний созвал собрание правых Государственного совета, чтобы обсудить полученное известие. Вместо обычных 30 явилось 60 человек. Большинство голосов против семи было принято письмо на имя Акимова, где перечислялись сомнения собравшихся относительно законопроекта, с тем чтобы он передал это письмо царю. Акимов, как выяснилось, письма не передал. Тогда вместо него это лично сделал один из лидеров правых, Трепов⁵³. В своих «Воспоминаниях» Витте сообщает, что «Трепов был очень близок к государю и пользовался особой милостью его величества, поэтому и имел право просить у его величества аудиенции для передачи различных своих государственных впечатлений и мнений»⁵⁴. Миссия Трепова полностью увенчалась успехом, и он привез своим товарищам радостное известие, что царь разрешил голосовать им «по совести», т. е. против законопроекта, причем Столыпин об этом ровным счетом ничего не знал вплоть до голосования статьи о куриях⁵⁵.

Примерно так же эти факты излагали и другие газеты.

⁴⁹ «Голос Москвы», 15 марта 1911 г.

⁵⁰ Там же, 11 марта 1911 г.

⁵¹ «Новое время», 3 апреля 1911 г.

⁵² «Речь», 9 марта 1911 г.

⁵³ Там же.

⁵⁴ С. Ю. В и т т е. Воспоминания, т. 3, стр. 547.

⁵⁵ «Речь», 9 марта 1911 г.

В своем дневнике А. А. Бобринский 5 марта 1911 г. записал: «Рассказывают, что царь поручил Акимову просить правых голосовать за земство в западных губерниях, а потом уполномочил Владимира Трепова освободить правых от этой обязанности»⁵⁶.

Переход к постатейному чтению был принят Государственным советом 4 февраля большинством в 103 голоса против 56⁵⁷. Голосование поправки, отвергающей курии, состоялось ровно месяц спустя, 4 марта, она была принята 92 голосами против 68⁵⁸.

Дальше события развивались следующим образом. Столыпин на другой день после провала курий подал в отставку⁵⁹, и вся пресса твердила в течение нескольких дней, что уход Столыпина с поста премьера — дело решенное. «Это неожиданное событие, по-видимому, действительно совершилось», — писала суровинская газета⁶⁰. «По полученным 7 марта ночью сведениям, — сообщал кадетский официоз, — отставка Столыпина принята. Его преемником на посту председателя Совета министров считают В. Н. Коковцова, а на посту министра внутренних дел — государственного секретаря А. А. Макарова»⁶¹. На другой день та же газета высказалась по этому поводу еще более категорично: «Отставка П. А. Столыпина и назначение В. Н. Коковцова временным председателем Совета министров суть совершившиеся факты»⁶².

В связи с этим отметим мимоходом, что предсказанные «Речью» (и единодушно другими газетами) назначения действительно последовали, только спустя несколько месяцев после того, как Столыпин ушел в вечную отставку. Прогнозы в отношении отставок и назначений других министров в прессе варьировались в зависимости от получаемых сведений и слухов, причем одна и та же газета в течение нескольких дней предлагала читателям различные комбинации.

Однако совершенно неожиданно дело повернулось другим образом. К вечеру 10 марта стало известно, что отставка Столыпина не принята, и он остается на своем посту. На другой день, 11 марта, Правительствующему сенату были посланы высочайшие указы о перерыве занятий Думы и Государственного совета на три дня, с 12 до 15 марта, на основании 99-й статьи Основных законов. Узнав об этом, правое крыло Государственного совета

⁵⁶ «Дневник А. А. Бобринского (1910—1911)». — «Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 144.

⁵⁷ Гос сов. Ст. от., с. VI, стб. 980.

⁵⁸ Там же, стб. 1256.

⁵⁹ «Речь», 8 марта 1911 г.

⁶⁰ «Новое время», 8 марта 1911 г.

⁶¹ «Речь», 8 марта 1911 г.

⁶² Там же, 9 марта 1911 г.

перед началом заседания собралось для того, чтобы окончательно решить вопрос о баллотировке законопроекта о западном земстве в целом⁶³. После этого последовало голосование: за законопроект было подано 23 голоса, против — 134. Законопроект пал⁶⁴.

Провал законопроекта стоил правым некоторых «жертв»: руководители и организаторы этого провала Дурново и Трепов в порядке удовлетворения Столыпина были уволены в отпуск до 1 января 1912 г.⁶⁵

Трехдневный роспуск палат был тем условием, на котором Столыпин согласился взять свою отставку обратно⁶⁶. Этот роспуск понадобился ему для того, чтобы провести проваленный законопроект в порядке 87-й статьи Основных законов. Так и было сделано. Законопроект вошел в силу, и помещичье-буржуазной прессе осталось пока одно: заняться оценкой так внезапно разразившегося и так неожиданно разрешившегося «министерского» кризиса, что она и не преминула сделать.

Чрезвычайно важно отметить, что вся эта пресса, начиная от «Речи» и кончая «Россией», твердо и с полным знанием дела указывала, что отрицательное отношение большинства Государственного совета к законопроекту о западном земстве отнюдь не было обусловлено его содержанием. Весьма ценны подобные заявления «Нового времени» — газеты, всю свою политику строившей на тщательном учете настроений высоких кругов в каждую данную минуту.

«Законопроект в том виде, в каком он вышел из Г. думы, — авторитетно заявляла газета в специальной редакционной статье, — за небольшими второстепенными изъятиями, несомненно, был приемлем также и для правых Г. совета»⁶⁷. При обоюдном желании, говорилось дальше, все имевшиеся разногласия легко могли быть устранены. «Насколько известно, по этой причине разногласиям Г. совета с Г. думой до последнего момента и не придавалось особого значения». Но «входило ли улаживание противоречий в планы правых Г. совета — это другой вопрос». И далее давалась чрезвычайно существенная для нас оценка подлинного отношения правой части Государственного совета к национальным куриям как таковым.

⁶³ «Новое время», 12 марта 1911 г.

⁶⁴ Гос. сов. Ст. от., с. VI, стб. 1362.

⁶⁵ «Новое время», 12 марта 1911 г.

⁶⁶ Свои условия, вспоминал Шидловский, Столыпин попросил царя «для памяти» записать, «что и было сделано собственноручно государем синим карандашом на большом листе блокнота». «Этот листок, — свидетельствует Шидловский, — я видел своими глазами у Столыпина, который его нам показывал» (С. И. Шидловский. Воспоминания, ч. I. Берлин, 1923, стр. 196).

⁶⁷ «Новое время», 8 марта 1911 г. (Разрядка наша. — А. А.).

«Не на вопросе о национальных куриях, конечно,— писала газета,— правительство могло рассчитывать на столь мощное сопротивление справа. Отвергнув понижение избирательного ценза, т. е. закрывая доступ в земство более широким массам русского населения, Г. совет должен был в силу логической необходимости закрепить национальные избирательные курии, дабы обеспечить все же преобладание русского элемента»⁶⁸.

Это же доказывала и «Россия» — свидетель, в данном случае также заслуживающий полного доверия. Провал Государственным советом статьи о куриях, указывала передовая, вызывает недоумение. Хотя было известно, что среди его членов имеются как сторонники, так и противники курий, «это обстоятельство само по себе не предрекало еще, что при окончательном решении вопроса сторонники курий окажутся в меньшинстве. Не говорим уже о том, что вообще, казалось бы, именно в Государственном совете принципы особого обеспечения русских интересов против инородческого засилья должны рассчитывать на полную и деятельную поддержку». Дело, следовательно, было не в куриях. «Победили, однако,— делала вывод газета,— исключительно тактические соображения»⁶⁹.

В цитированной выше передовой столыпинский официоз развивал эту мысль следующим образом. В последние дни газеты в связи с кризисом стали писать, что царь якобы отказался от политики национализма. «Это, безусловно, неверно. Государю благоугодно всецело одобрять национальную политику его правительства...» Поэтому неверны толки, что «лица и группы, создающие основам правительственной политики подобные искусственные преграды, могут претендовать на какую-либо руководящую роль». Раскрытие их комбинации «лишь обнажило их действительные цели, далекие от того, чтобы по праву считаться имеющими государственный характер»⁷⁰.

Такая оценка, несомненно, соответствует действительности. «Речь», ссылаясь на «Новое время», подчеркивала один весьма показательный факт: «Настолько резко изменилась необходимость (обстановка.— А. А.), что Балашев-сын в Думе вотировал за курии, а Балашев-отец — в Государственном совете против них. А ведь оба сверхпатриоты»⁷¹.

Да и могло ли быть иначе? Нелепо же думать, что думские правые были либеральнее правых Государственного совета, скажем, Шульгин был либеральнее Зиновьева, а оценку законопроекта этим достойным представителем думской крайней правой а затем фракции националистов мы уже приводили.

⁶⁸ «Новое время», 8 марта 1911 г.

⁶⁹ «Россия», 6 марта 1911 г.

⁷⁰ Там же, 13 марта 1911 г.

⁷¹ «Речь», 7 марта 1911 г.

Отметим еще один характерный факт: законопроект о западном земстве Столыпин провел по 87-й статье в редакции, принятой Государственной думой, ни слова не прибавив и не убавив в ней. В особом журнале Совета министров от 12 марта 1911 г., в котором речь шла о проведении законопроекта в порядке применения 87-й статьи, специально указывалось: «Ознакомившись с сими предположениями (о введении земства в западных губерниях.— А. А.), Совет министров не мог не заметить, что они в точности соответствуют редакции проекта, одобренного Государственною думою весной 1910 г., за исключением лишь неизбежных изменений, связанных с вопросом о сроке введения проекта в действие, что вызывается последовавшим замедлением в осуществлении намеченного преобразования»⁷².

Этот факт лишний раз показывает, что все внесенные Думой в законопроект «либеральные» поправки абсолютно не отразились на его содержании.

Правые и Столыпин вели против них мнимую войну, в противном случае последнему ничего не стоило провести законопроект по 87-й статье в его первоначальной, додумской редакции.

Правда, на это можно возразить, что Столыпин хотел этим шагом подчеркнуть свою победу над Государственным советом, «наказать» его. Но с тем же основанием можно утверждать, что ему было выгоднее продемонстрировать отсутствие раздражения, показать, что его конфликт с верхней палатой продиктован исключительно «государственными интересами», и для этого внести хотя бы некоторые поправки, принятые Государственным советом и недавно так рьяно защищаемые им самим. Очевидно, заметим еще раз, дело было не в тех поправках, которые служили предметом ожесточенных боев в обеих палатах.

Какова же, наконец, была действительная основа оппозиции большинства Государственного совета злосчастному законопроекту? Ответ дает та же самая пресса помещичье-буржуазного лагеря. Этот ответ имеет для нас в данном случае наибольшую ценность, потому что и правые, и либералы не только хорошо знали и понимали политику Столыпина, но и поддерживали ее, возлагали на эту политику все свои надежды и, следовательно, несли за нее прямую ответственность.

В статье «В чем кризис?» Меньшиков писал: «Было бы неправдой утверждать, что П. А. Столыпин непопулярен. Напротив, он пользуется общим уважением, но в этом уважении чувствуются как бы ноты некоторого разочарования». «Мы все ждем появления больших людей, очень больших, великих. Если данная знаменитость полу-

⁷² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 73, л. 236.

чила величие в аванс и вовремя не погасила его, общество этого не прощает». «Годы идут, но большого дела что-то не видно». Здесь была зарыта собака. Столыпин не оправдал надежд, возложенных на него реакцией и контрреволюцией. И дальше шло чрезвычайно интересное развитие этой мысли.

Удача долго сопутствовала Столыпину, писал Меньшиков. То, что он стал премьером из простых губернаторов, уже сам по себе был факт исключительный — «первый случай после эпохи временщиков». «Удача преследовала г. Столыпина и дальше. Трагедия нашей революции прошла над самой его головой, но он вышел благополучно из катастрофы. Он унаследовал, правда, уже разгромленный бунт, но имел счастье дожидаться заметного „успокоения“». Но «увы, маятник остановился лишь на одну секунду, и, кажется, мы снова... начинаем катиться влево. Вот тут удача как будто и оставляет своего любимца».

Нет конструктивных идей для борьбы с революцией — вот вывод Меньшикова, а «даже гениальные люди — каковы Наполеон и Бисмарк — были бы бессильны вне всякой идеи». В результате демонстрация в связи со смертью Муромцева показала, что «революция приподняла голову».

«Кризис не в том, — писал Меньшиков в заключение, — что Гос. совет разошелся с П. А. Столыпиным, а в том, что последний не в состоянии стать хозяином положения... В составе правительства невольно ищешь появления действительно большого человека, того главного артиста власти, на котором обыкновенно держится вся труппа. П. А. Столыпин при всех достоинствах — не премьер в этом сценическом смысле»⁷³.

Это был приговор неудавшемуся Бисмарку из Саратова.

С указания на прогрессирующее падение престижа Столыпина начинает свой анализ причин возникшего конфликта между премьером и Государственным советом и милюковская «Речь». «Что же произошло и откуда такая перемена?» — ставит газета главный вопрос в связи с провалом курий. Отмечают, что большинство Совета перешло на сторону противников Столыпина из-за недовольства слишком откровенным и бесцеремонным давлением главы кабинета на верхнюю палату в отношении законопроекта. «Однако этого объяснения еще недостаточно. Недовольство было и прежде». Дело, следовательно, не в этом. «Суть перемены настроения надо искать в изменении политического положения кабинета». До сих пор подкопы под кабинет оставались безрезультатными, потому что кабинет чувствовал себя крепко, и «политический интерес вчерашнего голосования

⁷³ «Новое время», 8 марта 1911 г. (Разрядка наша. — А. А.).

состоит именно в том, что этого главного аргумента на сей раз не оказалось налицо. Старцы верхней палаты тонко расценивают удельный вес предрежащих мира сего. И если вес этот убавился в их глазах, если всю тяжесть своего мнения они положили на противоположную чашу весов, то, значит, в воздухе запахло чем-то другим, чем прежде.

Возрастающая непрочность кабинета П. А. Столыпина ни для кого не была секретом в последнее время. И вот вчера мы получили наглядное и объективное доказательство, что слухи и толки последнего времени были не напрасны.

«Несомненно...,— заключает передовая,— что вчерашний востум, не как причина, а как симптом, заслуживает особого внимания»⁷⁴.

В редакционном обзоре «За неделю» «Речь» вскрывает причины, приведшие верхи к разочарованию в Столыпине. Указав на то, что об отставке Столыпина говорили так часто и много, что этим разговорам уже перестали верить, газета далее писала: «От возможного крушения наш премьер ускользал до сих пор, передвигаясь вправо и подхватывая тот лозунг, которым пробовали воспользоваться против него». Но «эта игра, как ни была она искусна, не могла продолжаться бесконечно». «Вправо поворачивать дальше некуда..., „убежденных националистов“ можно найти, сколько угодно, в их собственной среде (т. е. в верхах, среди правых Государственного совета и т. д.—А. А.). Для этой политики услуги П. А. Столыпина больше не нужны... И справа, и слева слишком хорошо понимают, что на одной отрицательной программе „успокоения“ нельзя же оставаться навек. А ни на что другое присяжные „успокоители“ не показали себя способными. Мало того, слишком ясно становится теперь, что и самый момент „успокоения“, хотя бы и достигнутого их трудами, они не сумели использовать, принявши средство за цель»⁷⁵.

Итак, две наиболее влиятельные газеты, представлявшие крайние фланги помещичье-буржуазной контрреволюции, высказали, каждая в свойственной ей манере, одинаковое суждение о подлинной причине «министерского» кризиса, для развязывания которого правые Государственного совета, в качестве предлога избрали законопроект о западном земстве. Причина эта — крах столыпинского бонапартизма, крах надежд контрреволюции, прежде всего верхов, на то, что Столыпин предотвратит приход новой революции.

⁷⁴ «Речь», 5 марта 1911 г. (Разрядка наша.— А. А.).

⁷⁵ Там же, 7 марта 1911 г. Газета приводит оценки немецкой прессы, в частности «Vossische Zeitung», которая писала: Столыпин подавил революцию, но сам уже предвидит новую. «Он сделал все для подавления минувшей революции, но очень мало для предотвращения революции будущей» (там же, 9 марта 1911 г.).

Большой интерес в этом отношении имеет разговор, состоявшийся между императрицей и Коковцовым в Ливадии 5 октября 1911 г. (т. е. спустя месяц после смерти Столыпина) по вопросу о том, какую политику ожидают от нового премьера. Буквально записанный Коковцовым, он воспроизводится Милюковым как важное свидетельство, во многом объясняющее причины падения Столыпина. Разговор со стороны Александры Федоровны был предельно откровенным и начался с повторения слов царя, ранее сказанных Коковцову. «Мы надеемся,— указывал царь,— что вы никогда не вступите на путь этих ужасных политических партий, которые только и мечтают о том, чтобы захватить власть или поставить правительство в роль подчиненных их воле». Нетрудно догадаться, что здесь речь шла в первую очередь об октябристах, об осуждении столыпинской политики бонапартистского заигрывания с ними. Дальше императрица развивала эту тему, ставя все точки над «і». «Мне кажется,— прямо заявила она,— что вы очень чтите его (Столыпина.— А. А.) память и придаете слишком много значения его деятельности и его личности... Не надо так жалеть тех, кого не стало... Каждый исполняет свою роль и свое назначение, и если кого нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль и должен был ступать, так как ему нечего было больше исполнять. Вы не должны стараться слепо продолжать то, что делал ваш предшественник... не ищите поддержки в политических партиях... Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить Вам место, и что это для блага России»⁷⁶. В свете этого разговора заслуживает внимания и другое свидетельство Коковцова о том, что ровно через месяц после убийства Столыпина царь (чтобы ознаменовать «добрым делом» выздоровление наследника) приказал прекратить дело Курлова, Кулябко, Веригина и Спиридовича, обвинявшихся в том, что из-за их небрежности совершилось покушение на Столыпина. Несмотря на протесты Коковцова, он остался непреклонен⁷⁷.

Остается ответить еще на один вопрос, который вправе задать читатель после всего сказанного: почему, если верхи признали Столыпина банкротом и сам царь благословил сановников Государственного совета на расправу с ним, «министерский» кризис окончился его победой и вместо него отставку, хотя и временную, получили его главные противники — Дурново и Трепов? Ответ таков: на самом деле кризис продолжался, а Столы-

⁷⁶ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. II, стр. 7—8. П. Н. Милюков. Воспоминания (1859—1917), т. 2. Нью-Йорк, 1955, стр. 98; (Разрядка наша.— А. А.).

⁷⁷ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. II, стр. 116—118; П. Н. Милюков. Воспоминания, т. 2, стр. 99.

пин получил фактическую отставку, только она была растянута во времени.

«Кризис кончен! Кризис продолжается! — восклицал нововременский публицист Филевич в статье «Кризис». — Вот отзывы о положении в данную минуту. Они раздаются повсюду, и, как это ни странно, но создавшееся положение отражается в них совершенно правильно»⁷⁸.

Его собрат Меньшиков развил эту тему в весьма показательном направлении. Отметив, что на протяжении двух лет Столыпин дважды подавал в отставку и брал отставку назад, Меньшиков по этому поводу счел нужным подпустить ядовитую шпильку своему вчерашнему кумиру: «Это, если говорить правду, немного часто для столь скромного события». Далее он переходил к более серьезным вещам. «Если кризис прошел, — писал Меньшиков, — то все почувствуют облегчение. Но в том смысле, в каком я понимаю (см. статью «В чем кризис»), кризис не прошел».

Затем следовало самое интересное. «Ничего ровно не случилось трагического, — доказывал один из самых одержимых глашатаев самого крайнего национализма. — Система курий в законопроекте о западном земстве отклонена не без очень серьезных оснований. Я в свое время (года два тому назад) писал против курий. Я считаю опасным и недостойным великого государства устанавливать принцип нескольких национальностей в одной империи». Это «гибельный... австрийский принцип». И далее следовал вывод: таким образом, Столыпин, с одной стороны, националист, а с другой — является сам орудием «инородцев»! «Примириться с этим искренно русские патриоты Г. совета не могут. Вот почему, приветствуя завершение кризиса, следует помнить, что он не прошел, а лишь отложен»⁷⁹. И это вещалось со страниц газеты, которая всего четыре дня назад писала: «Законопроект о западном земстве является наилучшим разрешением наболевшего вопроса». В нем, «как в фокусе, сосредоточились все лучшие черты национальной политики П. А. Столыпина...»⁸⁰.

Статья называлась «Крупные люди», и цель ее состояла в том, чтобы доказать, что на Столыпине свет клином не сошелся и есть сколько угодно «крупных людей», которых можно призвать к кормилу правления. Все отлично понимали, что если сам Меньшиков — воплощение пресмыкательства перед сильными мира сего — позволял себе после разрешения кризиса в пользу Столыпина третировать его на каждом шагу, то это означало.

⁷⁸ «Новое время», 13 марта 1911 г.

⁷⁹ Там же, 12 марта 1911 г.

⁸⁰ Там же, 8 марта 1911 г. (Разрядка наша. — А. А.).

что кризис в действительности не разрешен, и песенка Столыпина спета⁸¹.

Витте по этому поводу писал: «Столыпин и его прихвостни торжествовали, но для мало-мальски дальновидного человека было ясно, что это торжество накануне его политической гибели»⁸². То же самое писал и Шидловский. Заставив царя принять свои условия, указывал он, Столыпин тем самым совершил «над собою политическую казнь», «акт политического самоубийства»⁸³.

Так оно и было в действительности, и Столыпин сам понимал это. В своих воспоминаниях Коковцов сообщает, что Столыпин по поводу его требования о трехдневном роспуске палат говорил ему, Коковцову, следующее: «Вы правы в одном, что государь не простит мне, если ему придется исполнить мою просьбу, но мне это безразлично, так как и без того я отлично знаю, что до меня добираются со всех сторон и я здесь ненадолго»⁸⁴. «Что-то в нем (Столыпине.— А. А.),— добавляет от себя Коковцов,— оборвалось, бывшая уверенность в себе куда-то ушла, и сам он, видимо, чувствовал, что все кругом него, молчаливо или открыто, но настроено враждебно. Вскоре мне пришлось и самому убедиться, что так и было на самом деле»⁸⁵.

В беседе с депутацией националистов в лице Балашова, Чихачева и других Коковцов говорил: «Неужели вы сами не видели, что после проведения западного земства он (Столыпин.— А. А.) не остался столь же влиятельным, как был прежде. Ведь несколько месяцев спустя после одержанной им победы он уже был конченным человеком в смысле влияния, и если бы пуля Богрова не пресекла его дней, то он все равно очень скоро сошел бы с политической арены, и никакая поддержка вашей партии не уберегла бы его. Он сознавал это лучше всякого и еще почти накануне постигшей нас катастрофы (т. е. выстрела Богрова.— А. А.) прямо говорил мне об этом»⁸⁶.

Гучков в своих воспоминаниях рассказывает, что за несколько дней до своей смерти Столыпин пригласил его к себе обедать.

⁸¹ Более того, Меньшиков совершенно откровенно признал положительным факт убийства Столыпина. В статье «Посмертная сила» после нескольких небрежных и равнодушных «сожалений» о понесенной «жертве» он поспешил «повторить то, что сказал неделю назад», а именно: «Выздоровевший от раны П. А. Столыпин, всего вероятнее, удалился бы, как предполагалось еще до покушения, с верхов политики, занял бы пост наместника на Кавказе или посла... Если так, то ему угрожало постепенное забвение...» Теперь же «он начинает жить» и «входит в основной капитал нации (т. е. националистов.— А. А.) (там же, 11 сентября 1911 г.)».

⁸² С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 546.

⁸³ С. И. Шидловский. Воспоминания, ч. 1, стр. 196.

⁸⁴ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. I, стр. 458.

⁸⁵ Там же, стр. 463.

⁸⁶ Там же, стр. 483.

«Он был в очень сумрачном настроении духа. У меня создалось впечатление, что он все больше и больше сознает свое бессилие в борьбе с безответственными придворными влияниями... По всему было видно, что в нем созревало решение уйти от власти»⁸⁷.

Гораздо позднее, после убийства Распутина, А. В. Кривошеин говорил Гучкову, что политически Столыпин был уже конченным человеком и что отставка его была уже решена; только искали формы и поводы для его перемещения на невлиятельный пост»⁸⁸.

Это было ясно для всех. «Он (Столыпин.— А. А.) продолжал оставаться главой правительства, исполнять свои обязанности,— вспоминал Шидловский,— но политически он являлся конченным человеком, долженствующим в ближайшем будущем сойти со сцены».

В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии один из последних царских министров внутренних дел, А. Н. Хвостов, рассказал следующее: «В 1911 г., дней за десять до убийства Столыпина, в Нижний Новгород, где я в то время был губернатором, неожиданно приехали бывший издатель „России“, знакомый еще моего отца, Георгий Петрович Сазонов и вместе с ним Распутин, которого я ранее никогда не видал. Во время беседы со мной стал говорить..., что он прислан царем „посмотреть мою душу“, и, наконец, предложил мне место министра внутренних дел. На мое замечание, что это место занято, Распутин ответил, что это все равно, что Столыпин все равно уйдет. Я не знал в то время, что уход Столыпина на Кавказ был уже предreshен». Хвостов не поверил в серьезность предложения, принял Распутина плохо, и в результате тот послал на имя А. А. Вырубовой телеграмму с таким примерно текстом: «Хотя бог на нем почит, но чего-то не достаёт»⁸⁹.

⁸⁷ «Последние новости», 30 августа 1936 г.

⁸⁸ Там же, 2 сентября 1936 г.

⁸⁹ «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 101, 103. Гучкову об этом визите Хвостов позже рассказал несколько иначе. Распутин заявил Хвостову: «Приехал посмотреть на тебя, каков ты есть. У нас там часто идут разные разговоры с папашей и мамашей (так Распутин прозвал царя и царицу.— А. А.). Так вот, хочешь быть министром внутренних дел?» На возражение Хвостова, что ведь министром является Столыпин, он ответил: «Сегодня есть Столыпин, а завтра его нет». Затем Распутин потребовал телеграфный бланк, на котором написал на имя царицы: «Видел. Молод, горяч. Подождать надо. Распутин» («Последние новости», 2 сентября 1936 г.). Коковцов описывает этот случай со слов Сазонова, которого он характеризует как «полудельца, полулитератора». Коковцов указывает другую дату визита: весну 1911 г., т. е. время «министерского» кризиса. Через полгода в Киеве ему Хвостов был прямо предложен в качестве министра внутренних дел, на что он ответил царю решительным отказом (В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. II, стр. 22—23, см. также т. I, стр. 493). На это свидетельство Коковцова ссылается Миллюков (П. Н. Миллюков. Воспоминания, т. 2, стр. 91). Меньшиков писал: «Много хорошего о Распутине мне наговорили большие приятели его — писа-

В связи с этим возникает вопрос о роли Распутина в падении Столыпина. Известно, что Столыпин отрицательно относился к Распутину и представил царю специальный доклад о нем. Царь оставил этот доклад без последствий, а Столыпин поплатился за это тем, что во время киевских торжеств «находился в полной опале и пренебрежении»⁹⁰. В цитированном выше разговоре Гучкова с Кривошеиным последний сообщил также, что он уговаривал Столыпина не бороться с Распутиным, но тот не послушался и сломал себе на этом шею⁹¹.

И тем не менее было бы неверным, на наш взгляд, отводить влиянию Распутина не только решающее, но и сколько-нибудь значительное место в крушении Столыпина. В доказательство можно привести следующие соображения. «Интрига» против Столыпина готовилась и развивалась вне всякой связи с Распутиным. Вся помещичье-буржуазная пресса, как мы видели, не обмолвилась ни словом о Распутине, сообщая тысячи подробностей, связанных с «министерским» кризисом и убийством Столыпина. Неосведомленностью это полное молчание объяснить нельзя; факты показывают, что многие газеты, разоблачавшие Распутина, были прекрасно информированы о каждом его шаге. «Голос Москвы», который особенно старался по части этого разоблачения, конечно, не только не умолчал бы, если бы ему было что-нибудь известно о роли Распутина, но и сделал бы эту тему главной сенсацией. Ни слова не говорят также об этом в своих воспоминаниях Витте и Коковцов, которые отлично знали о том, что делалось в «верхах». Ни прямо, ни косвенно не было упомянуто имя Распутина и при обсуждении запросов в Думе об убийстве Столыпина.

В своих воспоминаниях Коковцов также пишет, что в Думе после кризиса «престиж Столыпина как-то сразу померк». «Но всего резче выразилось отрицательное отношение,— указывает он,— в известной части печати, в столичных клубах и в придворных кругах»⁹².

Действительно, разочарование в правопомещичьем лагере было наиболее сильным, причем выразилось оно в самой обидной для Столыпина форме: все с досадой убедились, что человек, которого они совсем недавно считали крупным государственным деятелем, оказался на деле заурядным, средней руки министром, лишенным сколько-нибудь значительного политического таланта. Сильно полиняла также слава Столыпина как «сильного человека». Мы помним, как Меншиков отказал ему

тели Сазонов и Гофштеттер, последний казался почти влюбленным в него, возился с ним неделями» («Новое время», 14 января 1912 г.).

⁹⁰ «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 99.

⁹¹ «Последние новости», 2 сентября 1936 г.

⁹² В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. I, стр. 462.

не только в титуле «великий», но прямо зачислил во временщики, объяснив его быстрое превращение из губернатора в премьера случаем и везением. А Меншиков, как нам известно, тонко чувствовал настроение «верхов».

Характерно, что после смерти Столыпина националисты и октябристы, объявившие себя его политическими наследниками, предпочитали при всяких упоминаниях о нем употреблять такие термины, как «преданный», «честный», «мужественный» и т. п., вместо «талантливый», «выдающийся» и пр. Здесь мы наблюдаем картину, совершенно обратную той, когда речь шла о Витте. Предшественник и враг Столыпина последние 10 лет своей жизни не пользовался никаким политическим влиянием. К нему сложилось прочное враждебное отношение со стороны всего помещичье-буржуазного лагеря. И тем не менее не было ни одного его политического противника или недоброжелателя, начиная с гостей салона А. В. Богданович и кончая кадетской публицистикой, которые не отдавали бы должное ему прежде всего как крупному государственному деятелю, как выдающемуся политическому, финансовому и административному таланту. Даже в лучшие для Столыпина времена считалось само собой разумеющимся, что он в смысле личной одаренности не идет ни в какое сравнение с Витте. И это, конечно, полностью соответствовало действительности. К этому следует добавить, что память о Столыпине после его смерти быстро стала стираться, и спустя несколько лет он был уже почти полностью забыт, несмотря на все усилия националистов и октябристов гальванизировать и превратить в знамя его имя.

Агония политической смерти Столыпина затянулась, по-видимому, по второстепенным причинам, часть которых была чисто субъективного свойства. К последним прежде всего следует отнести позицию царя, который не хотел принятием отставки обнаружить перед Столыпиным свою подлинную роль в истории с голосованием «по совести». Витте указывает, что на царя оказали давление великие князья Александр и Николай Михайловичи, пугавшие его тем, что уход Столыпина вызовет «развал», а также как будто и мать царя Мария Федоровна⁹³.

Известную роль сыграла также неожиданность развернувшихся событий, к которым верхи оказались не вполне подготов-

⁹³ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 544. Орган Гучкова сообщал: «Разрешению кризиса предшествовало совещание высоких особ и наиболее приближенных к ним лиц в Аничковом дворце вчера поздно вечером. На этом совещании был затронут вопрос о создании условий, при которых председатель Совета министров П. А. Столыпин согласился бы взять свое прошение обратно». Мысль о компенсации «в виде некоторого изменения в составе членов Г. совета» была отвергнута. Лишь около 3 часов ночи одно из главных участвовавших в заседании лиц возвратилось в Царское Село» («Голос Москвы», 12 марта 1911 г.).

ленными по части персональных изменений в правительстве в связи с уходом Столыпина.

Более основательная причина состояла в том, что принятие отставки Столыпина на почве конфликта с одной из палат могло быть воспринято в помещичье-буржуазных кругах как известная уступка «конституционному» строю, как создание прецедента смены главы правительства на базе недовольства им российского «парламента». Коковцов свидетельствует, что, когда после провала курий Столыпин подал прошение об отставке, царь по этому поводу заявил ему следующее: «Я не могу согласиться на ваше увольнение, и я надеюсь, что Вы не станете на этом настаивать, отдавая себе отчет, каким образом могу я не только лишиться Вас, но допустить подобный исход под влиянием частного несогласия Совета. Во что обратится правительство, зависящее от меня, если из-за конфликта с Советом, а завтра с Думою будут сменяться министры»⁹⁴.

Следует также учитывать, что давать отставку Столыпину в прямой форме, да еще на почве признания потери им авторитета в верхах было неудобно еще и потому, что это означало бы одновременное признание теми же верхами банкротства политики третьеиюньской монархии как таковой, ибо Столыпин был олицетворением и символом этой политики. Гучков утверждает, что Столыпина не решались удалить без серьезного повода, а поэтому предполагали учредить для него пост восточносибирского наместника⁹⁵. Меньшиков называл посты наместника Кавказа и посла. Хвостов, как мы помним, также говорил о Кавказе. В конце концов все затруднения разрешил выстрел Богрова.

«ПАРЛАМЕНТСКИЙ» КРИЗИС

«Парламентский» кризис был вызван трехдневным роспуском обеих палат (с 12 до 15 марта) на основе именного высочайшего указа от 11 марта 1911 г., изданного со ссылкой на 99-ю статью Основных законов⁹⁶. Указ был истребован Столыпиным для того, чтобы провести закон о западном земстве в порядке знаменитой 87-й статьи. Это было очередным наруше-

⁹⁴ В. Н. Коковцов Из моего прошлого, т. I, стр. 454 (Разрядка наша.— А. А.). Ссылаясь на того же Коковцова, Милюков писал, что царь не соглашался уволить Столыпина из-за разногласия с законодательными учреждениями, так как это был бы «парламентаризм» (П. Н. Милюков. Воспоминания, т. 2, стр. 91).

⁹⁵ «Последние новости», 30 августа 1936 г.

⁹⁶ В 99-й статье говорилось: «Продолжительность ежегодных занятий Государственного совета и Государственной думы и сроки перерыва их занятий в течение года определяются указами государя императора» («Государственная дума в России в документах и материалах». М., 1957, стр. 145).

нием Основных законов, аналогичным по своему характеру акту 3 июня ⁹⁷. Однако если последний являлся предпосылкой создания III Думы и поэтому был встречен с восторгом в помещичье-буржуазном лагере, то искусственный перерыв занятий Думы, учиненный «конституционным» премьером к концу четвертого года существования третьеиюньской Думы, означал банкротство третьеиюньской системы, полный провал думского бонапартизма Столыпина и самой Думы как союза помещиков и буржуазии и признание ими этого провала. В этом и состоял политический смысл кризиса. Формально он выразился в отставке Гучкова с поста председателя Думы и внесении запросов Столыпину по поводу роспуска несколькими фракциями Думы и Государственным советом с принятием формул перехода, признавших действия главы правительства незаконными.

Сам факт внесения запроса Государственным советом, если принять во внимание характер и задачи этого учреждения, был необычайным явлением. Это был первый запрос в истории верхней палаты, и трагикомизм положения заключался в том, что он был направлен на ограждение «конституции», протестовал против покушения на права и честь российского «парламента». Не случайно поэтому, будучи по-своему совершенно права, официальная «Россия», пытаясь повлиять на его решение, писала: «Во-первых, это был бы первый запрос, предъявленный правительству Государственным советом; во-вторых, это был бы первый случай, когда законность государственного акта официально подвергается сомнениям со стороны высших государственных чинов, какими, как известно, являются члены Совета по назначению ⁹⁸.

Тем не менее «высшие государственные чины по назначению» не только не вняли предостережению передовой, но и подали свои голоса за формулу перехода, которая гласила: «Находя, что содержащиеся в запросе положения не поколеблены объяснениями г. председателя Совета министров, Гос. совет переходит к очередным делам». За нее голосовало 99 членов против 53 ⁹⁹.

⁹⁷ 87-я статья Основных законов гласила: «Во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней государю императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в основные государственные законы, ни в учреждения Государственного совета или Государственной думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если надлежащим министром и главноуправляющим отдельной частью не будет внесен в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная дума или Государственный совет» (там же, стр. 144),

⁹⁸ «Россия», 20 марта 1911 г.

⁹⁹ «Речь», 2 апреля 1911 г.

Это было весьма внушительное голосование: до квалифицированного большинства в две трети, требуемого по закону, чтобы принятая формула была доложена царю, не хватило всего двух голосов.

Политическое значение трехдневного роспуска — и в этом заключался подлинный смысл «парламентского» кризиса — состояло в том, что «конституция» предстала перед страной как чистейшая фикция. Это не было секретом и раньше, но никогда еще доказательство не было столь наглядным, столь, если так можно выразиться, классически образцовым, как будто бы специально придуманным для усвоения самыми широкими массами. После всех бесчисленных уверений октябристско-прогрессистско-кадетских либералов в том, что, несмотря ни на что, «конституционный строй» жив и упрочивает свое существование как в сознании народа, так и в реальной действительности, было продемонстрировано действие — урок на тему: «Чем и насколько отличается „народное представительство“ от губернского земского собрания».

Выразив свою радость по поводу оставления Столыпина у власти (известие об этом «будет встречено с чувством глубокого удовлетворения»), октябристский официоз тут же прибавлял: «Другое дело обстоятельства, сопровождающие возвращение П. А. Столыпина к власти... Упрочение данного прецедента на практике, — констатировала передовая, — может привести к очень опасным последствиям, и, логически рассуждая, таким путем можно и совсем свести на нет значение законодательных учреждений»¹⁰⁰. Прочитывая слова Столыпина из его речи 2 апреля в Государственном совете в ответ на запрос: «Из-за несогласий между палатами не могут страдать интересы страны. Законодательные учреждения обсуждают и голосуют, а действует и несет ответственность правительство», другая передовая признавала: «Отсюда недалеко до низведения роли законодательных палат к чисто формальному санкционированию правительственных законопроектов без права критики и тем более без права их отклонения». А «отсюда уже один шаг до полного упразднения законодательных учреждений»¹⁰¹.

Однако Столыпина мало заботили октябристские предупреждения и, выступая с ответом 27 апреля в Думе, он с еще большей бесцеремонностью развивал ту же идею. Прежде всего Столыпин заявил, что Дума вообще не имела права делать свои запросы о 87-й статье: она может, согласно закону, предъявлять запросы правительству только по вопросам управления, в данном же случае речь идет о предмете «свойства законодательного». Таким образом, делал вывод премьер, Дума встала на путь

¹⁰⁰ «Голос Москвы», 13 марта 1911 г.

¹⁰¹ Там же, 3 апреля 1911 г.

создания нежелательного прецедента» по умалению «права короны»¹⁰². Это была замаскированная угроза пресловутым вторжением в «прерогативы». Основная же его мысль была та же, которую он высказал в верхней палате: правительство «имеет право и обязано вести определенную яркую политику»¹⁰³, и все этому соображению должно подчиняться.

Насколько пренебрежительно относился Столыпин к Думе, видно из следующих его слов, которые выглядели и как фамильярное приглашение к сообщничеству на базе 87-й статьи, и как «подмигивание» авгура, и как рассчитанное издевательство над призывами думских либералов к «правомерности», «праву» и т. п. «Опорочивается,— воскликнул он,— также и искусственность перерыва и проведение по ст. 87 закона, отвергнутого верхней палатой, в порядке ст. 86. Но, гг.,— с законным удивлением продолжал он,— то, что произошло теперь в более ярком освещении, молчаливо признавалось Государственной думой при других обстоятельствах. Я не буду касаться мелких законов, я напому вам прохождение законопроекта о старообрядческих общинах. Вы знаете, что по этому закону не состоялось соглашения между обеими палатами и что в настоящее время требуется лишь окончательная санкция этого разногласия с Государственной думой, и закон отпадет. Ни для кого не тайна, что Государственная дума заслужает это разногласие перед одним из перерывов своих занятий, в полной уверенности, что правительство исходатайствует у государя императора восстановление существующего закона». Удар был настолько метким, что Милюков, всю жизнь подчеркивавший свою холодную корректность, закричал с места: «Что такое? Это безобразие»¹⁰⁴.

Обсуждение запросов проходило в два приема: 15 марта — в день возобновления занятий Думы, когда они были внесены и приняты, и в день выступления Столыпина. Было внесено четыре запроса: октябристов, прогрессистов, кадетов и социал-демократов. По всем ним была заявлена спешность. Все они, включая и спешность, были приняты вторым большинством. Против запросов выступили правые и националисты. Лидер последних Балашов предварительно согласовал позицию фракции со Столыпиным¹⁰⁵.

Позиция правых была очень проста. Поскольку они исходили из предпосылки, что царь как самодержец вправе отменять, изменять и толковать любые законы по своему усмотрению, то Дума в принципе не имеет права обсуждать и осуждать втор-

¹⁰² Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2851.

¹⁰³ Там же, стб. 2858.

¹⁰⁴ Там же, стб. 2859—2860. Закон о старообрядческих общинах был вначале проведен в порядке 87-й статьи, а уже затем внесен в Думу. Будучи ею принят, он был затем отвергнут Государственным советом.

¹⁰⁵ «Речь», 13 марта 1911 г.

жение верховной власти в закон, какой бы характер это вторжение ни носило. Именно с таким заявлением от имени правых и выступил гр. А. А. Бобринский 1-й. Высказываясь против спешности, он очень охотно признал, что «издание высочайшего указа 14 марта 1911 г. о введении земских учреждений в шести западных губерниях не соответствует точному смыслу ст. 87 Осн. зак.» Но, продолжал он дальше, все это не имеет никакого значения. «Несоответствие это... не должно бы служить основанием для запроса, ибо самый акт, по поводу которого запрос предъявлен, есть волеизъявление верховной самодержавной власти, являющейся источником закона». Именно этим обстоятельством и исчерпывается вопрос¹⁰⁶.

Точно так же, причем еще более решительно, обосновывали свою позицию и националисты, которых октябристы в отличие от правых считали приверженцами «конституции». «От имени национальной фракции» А. А. Мотовилов заявил, что националисты будут «голосовать как против самих запросов», так и «против их спешности». «Мы считаем, что державный хозяин земли русской имеет всегда не только право, но и святую, исконно дарованную ему возможность временно приостанавливать действия того учреждения, которому жизнь он сам дал, а поэтому мы не находим никакой неправильности в действиях председателя Совета министров, который поднес к подписанию указ, о котором здесь говорилось...»¹⁰⁷

Как всегда, наиболее ярко и колоритно, с уничтожающим и вполне обоснованным презрением к бессильному пустословию октябристско-кадетских борцов за «конституцию» выступил Марков 2-й. «Я, гг.,—начал он свою речь, обращаясь к либералам,—имел в виду с вами побеседовать о конституции». «Гг., уверяю вас,—говорил он дальше,—вы достойны жалости; никакой конституции у нас не было, нет и не будет..., и нарушать то, чего нет, невозможно». Марков в сущности продемонстрировал правоту ленинского тезиса, что вопрос о «конституции»—это вопрос соотношения классовых сил. Конституция всегда такова, какой ее хочет видеть хозяин положения. «Ведь вы, гг. конституционалисты,—объяснял он им разницу между реальной борьбой и мнимой,—вы не должны забывать, что вы опираетесь только на бумажный закон, и за вами нет никакой силы; эти же господа (указывая налево), когда они резко, быть может, даже иногда грубо нападают на правительство, то за ними есть сила, сила решимости идти на революцию, идти на баррикады, а вы, гг. (обращаясь к центру), на баррикады не пойдете, уверяю вас (смех), вы на баррикады не пойдете, так что же за вами? Вы пугаете вашими картонными мечами, размахиваете вашими

¹⁰⁶ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 726.

¹⁰⁷ Там же, стб. 729—730.

бумажками, а вам скажут: уходите прочь и вы уйдете и будете трястись от страха. К чему же еще такой грозный тон принимать? Это вам не идет, это вам не к лицу»¹⁰⁸.

К правым и националистам примкнули и гололобовцы. Издеваясь над жалкой фрондой октябристов, Я. Г. Гололобов говорил: «Г. Гучков с левыми октябристами забыл, что его (Столыпина.— А. А.) и вторая Дума не запугала, и даже бомба на Аптекарском острове, а потому его не запугала и отставка Гучкова; она оказалась менее страшной, чем бомба. И вышло, что левые октябристы слагать полномочия раздумали, а г. Гучкову было раздумать неприлично, и он поэтому поехал в отдельном салон-вагоне наблюдать революцию младокитайцев, так же, как он наблюдал младотурецкую революцию, и потом нам выражал восторг по этому поводу». «Меня более всего удивляет,— вполне справедливо заявил недавний соратник Гучкова,— каким образом октябристы обижаются. Ведь позвольте, они сюда пришли на основании высочайшего указа 3 июня, воспользовались им; им неоднократно слева вполне справедливо кололи этим глаза, и они молчали, а когда явился указ 14 марта, то они возмутились и, сидя на основании указа 3 июня, возмущаются указом 14 марта. Гг., как хотите, уж чему чему, а этому удивляться необходимо (Рукоплескания и смех справа и слева)»¹⁰⁹. Таким образом, и Гололобов с полной готовностью признал, что акты 3 июня и 14 марта совершенно идентичны по своей природе.

Но в позиции правых и националистов была одна существенная разница: в то время как последние, оправдывая роспуск, оправдывали и защищали одновременно Столыпина, первые выступили резко против него. Труд развенчания Столыпина и его политики взял на себя Пуришкевич. Заявив, что о действиях председателя Совета министров «только один холоп может молчать», Пуришкевич предъявил затем Столыпину целый ряд обвинений. Он низринул авторитет и значение Государственного совета, «позволил себе посчитаться, крича всюду о закономерности, с председателем правых Государственного совета П. Н. Дурново...», в то время как заслуги Столыпина «не могут сравниться в смутные годы с заслугами П. Н. Дурново». Он потребовал выдать головой себе своего политического противника, одного из самых выдающихся, сильных, мощных и талантливых людей России.

Дальше шло главное. «Я понимаю,— говорил Пуришкевич,— стремление Столыпина попасть в Бисмарки, но для того, чтобы попасть в Бисмарки, нужно отличаться проницательным умом и государственным смыслом; а в этом поступке нет ни проницательного ума, ни государственного смысла..., ибо, говорю я,

¹⁰⁸ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 796—797, 799—800.

¹⁰⁹ Там же, стб. 2941—2942.

если Столыпин за все время своего управления говорил об успокоении и не добился успокоения, если он говорил об усилении России и не добился усиления, то он этим шагом достиг и добился одного — добился полного объединения, за малым исключением, всего благомыслящего русского общества в одном: в оппозиции самому себе...»¹¹⁰ Шульгин, выступая здесь, пугал, что если будет свален Столыпин, его неким будет заменить. Это ерунда, и помимо него найдется немало нужных талантливых людей.

Вторая речь Пуришкевича была направлена против националистов и... национализма. «Но, гг., — вопрошал Пуришкевич, — что было сделано в области того национализма, во имя которого распинается председатель Совета министров?» Он «создает... фракцию националистов» и «под ее давлением вводит в земство, которое будет величайшей гибелью для русской государственности». Мало того. Пуришкевич заговорил... о «зоологическом национализме», который «ведет вместо ассимиляции народностей и поглощения их русской культурой к самоопределению их, к их дифференциации». «Гг., — с пафосом восклицал оратор, — неужели вы думаете, что националистическая, узко националистическая политика председателя Совета министров, зоологический национализм, пропагандируемый председателем Совета министров вместе с его фракцией, может поспешествовать слиянию мелких народностей с Россией и может быть назван политикой патриотической?» Значит, действительно плохи были дела у официального национализма, если Пуришкевич заговорил о нем таким языком. Но единственное, что мог предложить Пуришкевич взамен, — тот же зоологический национализм, который он и изложил пункт за пунктом, в виде основных принципов, в той же речи¹¹¹.

Октябристы, как и полагалось «центру», выступили в защиту попорнанной «конституции». Основным тоном их речей было чувство оскорбленной и удрученной невинности. «Это вызов нас на борьбу, — сокрушался Шидловский, говоря о роспуске и 87-й статье, — на борьбу во имя начала целесообразности с началом законности»¹¹². Второй оратор, Г. Г. Лерхе, доказывал, что «председатель Совета министров нанес тяжелый удар идее монархизма в России»¹¹³.

Упрек Гололобова барон Мейендорф отводил контрупреком того же содержания: «Затем, гг., — заявил он, — было сказано: странно, что фракция 17 октября, здесь заседающая только благодаря указу 3 июня, осмеливается опротестовывать акт 14 мар-

¹¹⁰ Там же, стб. 786, 789—790.

¹¹¹ Там же, стб. 2906—2907, 2909—2911.

¹¹² Там же, стб. 736.

¹¹³ Там же, стб. 779.

та..., но... не все ли гг. члены Государственной думы заседают здесь по акту 3 июня?...»¹¹⁴

О позиции прогрессистов дает достаточное представление следующий вывод-признание Львова. «То, что произошло,— констатировал он,— действительно показывает, что у нас конституции нет, что у нас парламентаризма нет, но у нас и Основных законов нет, у нас вообще никакого организованного строя нет, у нас есть произвол и есть еще другое — демагогия...»¹¹⁵

Примерно о том же говорили и кадеты, но у них, помимо критики Столыпина, были еще свои постоянная тема и цель: конкурентная борьба с октябристами, которая одновременно являлась и заигрыванием с ними. «Парламентский» кризис был, конечно, очень удобным поводом для очередного тура этой кадетской игры, и именно она составила основное содержание выступления кадетского лидера.

Вас ловят, говорил Милюков, обращаясь к октябристам, «ловят на ваших лучших чувствах» с тем, чтобы окончательно от вас избавиться. «Ведь он (Столыпин.—А. А.) давно хочет от вас отделаться, и вот наступает для него удобный политический момент». «И вот, гг., этого человека вы считали принципиальным защитником обновленного строя».

После предостережения следовала доза яда. «Представитель центра», продолжал Милюков, имея в виду речь Шидловского, указывал, что «центр» своим поведением не давал основания правительству рассчитывать на то, что проведенная им мера может встретить его согласие. «Я рад был бы этому объяснению, как я рад вообще настроению, созданному в нашем центре,— особенно, если это настроение окажется прочным. Но я все-таки должен сказать: не потому к вам не обратились, что боялись вашего неодобрения, не потому, что боялись, что вы разрушите в корне эту меру, если о ней узнаете. К вам не обратились потому, что считали согласие ваше у себя в кармане».

Дальше, по обыкновению, шло предложение руки и сердца с характерным аргументом: вам, мол, все равно терять уже нечего. «Если ваше терпение когда-нибудь лопнет, если молчание ваше когда-нибудь кончится и вы заговорите человеческим голосом, я вас заранее приветствую». «Прошлого не воротишь. Не надо скрывать от себя, что Дума ранена смертельно». А раз так, надо переходить в оппозицию: «Третья Дума, гг., не умела жить с достоинством. Пусть, если понадобится, она умрет с честью»,— закончил Милюков свою речь¹¹⁶.

О цене кадетской оппозиционности можно судить по тому, что один из их основных доводов против трехдневного роспуска

¹¹⁴ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 3006.

¹¹⁵ Там же, стб. 2951.

¹¹⁶ Там же, стб. 743, 750—751.

состоял в том, что этим актом Столыпин нанес ущерб имени и престижу царской власти. «К великому сожалению и, я скажу, к великому стыду,—негодовал Маклаков,—я услышал несколько ссылок на волю государя императора». «Дошли до того,—продолжал оратор,—что сказали в виде довода, что государю императору иногда благоугодно председательствовать в Совете министров... Председатель Совета министров забыл, что отношение государя к Совету одно: он утверждает их мнение, но мнение их остается мнением Совета министров, а не мнением государя. Он забыл, председатель Совета министров, что если государю угодно занять кресло председателя Совета министров, то тем самым они на один уровень с ним не ставятся...» «О, я помню,—говорил Маклаков в конце своей речи,—как в прошлом году председатель Совета министров смелся над монархической тревогой левой (т. е. кадетской.—А. А.) части Государственной думы. Я скажу, что я конституционалист больше председателя Совета министров, но монархист не меньше его»¹¹⁷.

Ту же мысль проводил и Н. В. Тесленко¹¹⁸.

Оценка трудовиками и социал-демократами совершенного Столыпиным акта в основном совпадала, и она, разумеется, была резко отрицательной. В этом отношении их выступления не дают ничего нового по сравнению с их общими оценками политики Думы и третьеиюньского режима в целом. Следует остановиться лишь на антикадетских моментах в речах социал-демократических ораторов, на характере критики «ответственной оппозиции» с их стороны, тем более что главным критиком на этот раз выступал Гегечкори, убежденный и законченный меньшевик.

В первой своей речи Гегечкори «свел счеты» с кадетами за II Думу. Дело в том, что при возобновлении деятельности Думы после трехдневного роспуска, 15 марта, Шингарев от имени своей фракции предложил в силу чрезвычайных обстоятельств, каким явился этот роспуск, изменить повестку дня с таким расчетом, чтобы первый пункт повестки дня заседания Думы (продолжение обсуждения сметы военного министерства) и второй (запросы о роспуске) поменять местами, т. е. произвести маленькую политическую демонстрацию. Представитель «центра» фон Анреп, заявив, что он хотя и вполне понимает «те чувства, которые руководили депутатом Шингаревым», тем не менее во имя долга и достоинства Думы выступил против этого предложения, и оно, разумеется, было отвергнуто. Таким образом, октябристский «центр» поступил с кадетами точно так же, как во II Думе кадетский «центр» поступил с социал-демократами,

¹¹⁷ Там же, стб. 2871—2872, 2885.

¹¹⁸ Там же, стб. 2999—3000.

именно эту историю и напомнил кадетам социал-демократический оратор.

Когда, напомнил Гегечкори, «совершался заговор» против II Думы, т. е. третьионьский государственный переворот, накануне его «социал-демократическая фракция и левые группы требовали от представителей кадетской партии, чтобы она обратилась к народу... И что же, представители кадетской партии откликнулись на это? Обратилась ли она действительно к народу?.. Нет, гг., она поступила точно так же, как поступал и поступает наш центр,—она испугалась народа, к нему не обратилась. И это она сделала согласно своему основному воззрению: кадетская партия не ищет спасения в народе...»¹¹⁹

То, что Шингарев взял специально слово для ответа, свидетельствовало о том, что стрела попала в цель. Сам же ответ подтверждал одинаковую антинародную природу октябристов и кадетов. «Во второй Государственной думе,—разъяснял Шингарев,—происходило требование крайней левой нарушить и закон, и Наказ, перейти, во-первых, к тому, что не стояло на повестке и о чем не были извещены министры, и прервать обсуждение уже начатого законопроекта». А «сегодня я предлагал не противоречащее закону, не противоречащее Наказу чрезвычайно целесообразное действие»¹²⁰.

Во второй своей речи Гегечкори усилил критику. «Противопоставляя себя социал-демократической фракции как оппозиции безответственной,—говорил он,—фракция народной свободы заявила себя как оппозиция ответственная; этой ролью она кичилась, и этим партия народной свободы и ее фракция приняли на себя часть ответственности и за всю антинародную политику III Думы и за ту позорную капитуляцию, которая должна произойти на наших глазах... Все свои расчеты они возлагали на внутридумские и междупартийные комбинации; устами своих ораторов они поддерживали и создавали иллюзию вредную, преступную, с нашей точки зрения, иллюзию о конституционном центре». Три года назад Маклаков уверял народ, что «г. Столыпин — это конституционалист, насаждающий у нас правовой строй». «Не кто иной, как депутат Милюков, лидер фракции, говорил там (в Лондоне.—А. А.) о лояльности фракции и о том, что его фракция есть оппозиция в ливрее». Кадеты «всей своей энергией старались создать иллюзию, что у нас существует конституция как нечто реальное, как реальная самодостаточность».

Однако критика Гегечкори по своему характеру и целям значительно отличалась от критики кадетов большевиками. Гегечкори всячески подчеркивал, что его критика носит дружест-

¹¹⁹ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 757.

¹²⁰ Там же, стб. 770—771.

венный, «союзнический» характер. Так, в своей первой речи, едва закончив тираду о кадетам во II Думе, он тут же поспешил заявить: «Но, с другой стороны, мы должны сказать, что нечего радоваться и монархистам». В этом «но» и было все дело. Своей филиппикой во второй речи Гегечкори предпослал следующее извинение: «Не для того, чтобы сводить в неуместное время, как выражаются, партийные счеты, а для выяснения исторической правды мы должны в нескольких словах отметить и роль фракции народной свободы в третьей Государственной думе»¹²¹. С точки зрения большевиков, это было на редкость «уместное время». «Неуместным» оно могло представляться только тем, кто считал, что делает с кадетами в настоящий момент общее дело разоблачения III Думы. Именно так и мыслил Гегечкори. Его упреки кадетам, что они отвернулись от народа, представляли собой призыв присоединиться к народу. Таков был конечный смысл его критики.

Таким образом, перед нами еще один пример, когда меньшевики были вынуждены ходом вещей демонстративно отречься от кадетов, поскольку уже было ясно, что они действительно разделяют ответственность с остальной контрреволюцией за итоги третьеиюньского союза. В то же время делалось все возможное, чтобы за этой критикой спрятать от рабочих призыв к совместной борьбе, чтобы создать, как говорил Гегечкори, «действительный парламент», действительную конституцию», поскольку именно кадеты «раньше всех, прежде всех, воспользуются благами действительной конституции и парламентарного строя»¹²².

Об этом свидетельствуют и рассуждения Гегечкори о том, что реакция стремится «ликвидировать шаг за шагом все завоевания революции, сделать невозможным для передовых общественных элементов страны пользование отвоеванной этой революцией почвой закона», что правительству «хочется во что бы то ни стало загнать рабочее движение в подполье, в котором оно задыхалось вплоть до самой революции», и что, «несмотря на все усилия неистовствующей реакции, пролетариат не сойдет и не может сойти с арены открытой борьбы»¹²³. За всеми этими трескучими фразами совершенно явственно проглядывало лицо поборника «стольпинской рабочей партии».

К сказанному следует добавить, что Гегечкори совершенно неверно трактовал характер и причины «министерского» кризиса, рассматривая его вслед за октябристами всего-навсего как борьбу за власть между Дурново и Столыпиным. «Тут превалирует исключительно личный элемент», — утверждал он¹²⁴.

¹²¹ Там же, стб. 757, 2928—2929.

¹²² Там же, стб. 2925.

¹²³ Там же, стб. 2930.

¹²⁴ Там же, стб. 755.

Речи Покровского были весьма бледными и ничего нового по сравнению с выступлениями его коллеги по фракции не содержали. Еще более невыразительными были выступления Чхеидзе.

Обсуждение запросов и выступление Столыпина закончилось принятием октябристско-кадетским большинством формулы перехода, квалифицировавшей действия Столыпина как «акт незакономерный», а его объяснение «неудовлетворительным»¹²⁵.

Правые крестьяне из западных губерний в составе 23 человек внесли свою формулу перехода, в которой «действия правительства» объявлялись «правильными». Очень любопытной и показательной была мотивировка их позиции, изложенная М. С. Андрейчуком. «Крестьяне, — заявил он, — верят больше в государя императора, чем в ваш Государственный совет. Мы, крестьяне, видим, что Государственный совет объединился на программе поляка Корвин-Милевского..., чтобы объединить все дворянство без различия сословий вокруг трона и подавить белорусов, но тут оказалось, что Государственный совет подавил и белорусов, и малороссов»¹²⁶. К этому следует прибавить, что еще до этого, сразу же после начала «министерского» кризиса, крестьяне-националисты подали заявление о выходе из фракции, мотивируя это тем, что «руководящая роль» принадлежит в ней дворянам, а в высших сферах ведутся интриги против их национальных чаяний, т. е. против западного земства. С угрозой о выходе выступили также крестьяне крайней правой фракции и все на том же основании: дворянство не хочет поддерживать крестьян¹²⁷. Правда, через несколько дней крестьяне-националисты вернулись обратно, но значение их демонстрации несколько от этого не менялось. Правонационалистическая демагогия играла с огнем.

«Парламентский» кризис самый тяжелый удар нанес, конечно, октябристам. Они подвизались в роли «центра», они объявили свой политический курс единственно правильным, и вот теперь всей стране демонстрировались его итоги. Октябристы, разумеется, не могли этого не понимать. Тем показательнее их поведение во время кризиса.

Сразу же после роспуска Думы фракция собралась на заседание, где было «единодушно постановлено»: 1) довести до сведения Столыпина, что проведение законопроекта о западном земстве по 87-й статье фракция считает незакономерным и поэтому будет голосовать против него, когда он попадет в Думу; 2) в случае, если 87-я статья будет пущена в ход, внести запрос о незакономерности действий председателя Совета министров; 3) в том же случае обсудить 14 марта вопрос о коллективном

¹²⁵ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 3024.

¹²⁶ Там же, стб. 3022.

¹²⁷ «Голос Москвы», 10 марта 1911 г.

«сложении полномочий». В свою очередь Гучков заявил, что если законопроект будет проведен по 87-й статье, он сложит с себя полномочия председателя Думы¹²⁸. Как сообщала «Речь», идея о коллективной отставке возникла в предвидении выборов в IV Думу, которые могли дать неблагоприятный результат, если этот шаг не будет предпринят¹²⁹.

Накануне, 12 марта (заседание фракции проходило в ночь на 13 марта), Родзянко, Каменский и другие посетили Столыпина и заявили ему, что задуманный им шаг октябристы считают и незаконным, и непригодным. В тот же день Совет министров обсудил вопрос об отрицательном отношении большинства к предпринимаемой мере. Было решено проводить законопроект по 87-й статье¹³⁰.

Дальнейшее поведение октябристов весьма красочно описал публицист «Утра России» Н. Лопатин в статье «Герои отступлений». «Они опять отступают..., — с веселым недоумением восклицал автор. — В этом отношении они безнадежны — хоть брось». Можно подумать, что лидер у октябристов не Гучков, а Куропаткин. Сначала решили сложить с себя депутатские полномочия. Пребывали в этом состоянии минут двадцать, «потом скромно потупили глазки и пошли назад». Возникла идея не утвердить бюджет и не дать денег на броненосцы. «Братцы, назад!» — закричал Алексеенко. Было предложено отвергнуть законопроект о западном земстве: «Остановились, постояли и опять поползли назад». «Назад, бегом марш! Равнение по Шубинскому!»¹³¹

Единственный реальный шаг, который был предпринят октябристами, — отставка Гучкова. Как сообщала «Речь», Столыпин 20 марта пригласил к себе Гучкова и предложил ему остаться и совместно работать. Гучков категорически отказался.¹³² В связи с этим Меншиков писал: уход Гучкова «заставляет подумать о дезорганизации октябристского центра и о расстройстве вообще октябристской партии». Обнаружилось всякое отсутствие его влияния на Столыпина, «который даже не предупредил г. Гучкова о чрезвычайной предпринятой им мере в середине марта». «В серьезнейший политический момент у него не только не спрашивают совета, но даже как бы не замечают его присутствия»¹³³.

Заключительным аккордом в действиях октябристов, связанным с «парламентским» кризисом, было избрание нового председателя Думы.

¹²⁸ Там же, 13 марта 1911 г.

¹²⁹ «Речь», 13 марта 1911 г.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ «Утро России», 18 марта 1911 г.

¹³² «Речь», 22 марта 1911 г.

¹³³ «Новое время», 31 марта 1911 г.

Им предстояло решить следующую проблему: выбирать ли председателя из своей среды или отказаться от этого; в случае положительного решения, кого выбирать: правого или «левого» октябриста? Выборы правого кандидата означали голосование правооктябристским большинством и, следовательно, полную капитуляцию; выборы «левого» — голосование большинством октябристско-кадетским, что было бы шагом в сторону «левого центра».

На заседании фракции 18 марта, где лидером фракции был вновь избран единогласно Гучков, после продолжительных прений было решено выдвинуть своего кандидата в председатели Думы¹³⁴. Вначале, казалось, у октябристов возобладало «левое» настроение. В противовес постоянной кандидатуре правой части фракции «конституционная» часть выдвинула председателя бюджетной комиссии Думы М. М. Алексеенко, который считался «левым» октябристом. Победила, конечно, кандидатура Родзянко, который и был избран председателем Думы. Как и следовало ожидать, это избрание было осуществлено правооктябристским большинством.

Комментируя избрание Родзянко, газета Рябушинского в редакционной статье «Алексеенко — Родзянко» писала: «Решались вопросы: Алексеенко и полный разрыв с правительством П. А. Столыпина или Родзянко и примирение с главой правительства? Алексеенко — и сдвиг влево или Родзянко — и тесный союз с правыми фракциями». «Октябристы не пожелали последовать за призывом своего соседа слева. Не сумев прожить с достоинством, они испугались умереть с честью». И все это якобы во имя жизни Думы. На самом же деле это «искусственное поддержание жизни — всех истомившей, всех обманувшей жизни, которая ничего отрадного стране не принесла в прошлом, а в будущем ничего, кроме тех же разочарований, не сулит»¹³⁵.

Точно так же расценил это событие и октябристский публицист. В статье под характерным названием «Разрытый муравейник» Громобой писал: «Решительно непонятно политическое простодумие националистов и правых октябристов, стремящихся устроить П. А. Столыпину в Думе правительственное большинство. На что оно теперь и кому нужно? Оно просто ничего не стоит». Что может предложить и сказать Столыпин? Все то же самое: «Опять кремневое ружье, национализм, волевые импульсы, государственная необходимость? Увы, все это уже слышали; слышали и обещания, не оправдавшиеся затем». «Вот почему, глядя на весь этот разрытый копошащийся муравейник — услужливую печать, услужливых ораторов, услужливых депутатов, — можно только, по человечеству жалея их, кротко напомнить, что

¹³⁴ «Речь», 19 марта 1911 г.

¹³⁵ «Утро России», 24 марта 1911 г.

П. А. Столыпину уже служить нельзя — можно только прислуживаться»¹³⁶.

Кадеты расценили избрание Родзянко как полную капитуляцию октябристов перед правыми. «Выбор г. Родзянки, — указывала передовая официоза, — есть примирение со Столыпиным. Точнее говоря, это есть сдача руководства той части Гос. думы, которая с П. А. Столыпиным и не ссорилась, и сдача на условиях, из которых исходил П. А. Столыпин: на условиях преобладания националистской половины Думы над октябристской»¹³⁷.

Но кадеты напрасно отделяли себя от своих соседей справа, делая вид, что они с честью вышли из положения. На самом деле их позиция в «парламентском» кризисе была не менее жалкой. Они не только одобрили решение октябристов выставить своего кандидата в председатели Думы, но и заявили, что если будет выдвинут Алексеенко, они проголосуют за него, если Родзянко — то против. Конечно, прибавляла «Речь», избрание Алексеенко будет утратой для бюджетной комиссии, которая лишится такого председателя, но придется пойти на это¹³⁸. Алексеенко всячески восхвалялся кадетами как достойная и прогрессивная фигура, что, конечно, ничего общего не имело с действительностью¹³⁹.

В статье «Кадеты и октябристы», посвященной «министерскому» кризису и выборам нового председателя Думы, В. И. Ленин писал: «...У нас кадетская пресса охотно „громит“ октябристов, но неохотно останавливается на *итогах* своего собственного поведения». И далее он подводит эти итоги. Приведя цитированное нами заявление «Речи» о том, что кадеты постановили голосовать за Алексеенко против Родзянко, а также хвалебные эпитеты, которые газета расточала в адрес Алексеенко («всеми уважаемый», «человек вполне независимый», «с большим чувством собственного достоинства»), В. И. Ленин акцентирует внимание на том, что передовица кадетского официоза «старается встать на точку зрения *всей* Государственной думы: если-де правые под-

¹³⁶ «Голос Москвы», 30 марта 1911 г. «Кремневое ружье» — намек на одну из крылатых фраз Столыпина, смысл которой заключался в том, что пока нет современного ружья (т. е. «обновленный строй» предстоит еще создать), нужно довольствоваться кремневым, а не выбрасывать его.

¹³⁷ «Речь», 23 марта 1911 г.

¹³⁸ Там же, 21 марта 1911 г.

¹³⁹ Коковцов свидетельствует, что Алексеенко всякий раз при обсуждении бюджета объяснял ему с насмешкой и цинизмом суть и цену либеральных «оппозиционных» речей. «Нужно же, — говорил он, — оставить хоть небольшой след тому, что мы не всегда подчиняемся правительству». «Для печати и для публики нельзя же все хвалить правительство, а нужно когда-нибудь сказать, что оно все-таки никуда не годится, хотя голосовать все-таки нужно с ним» (В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. I, стр. 347). Гр. А. А. Бобринский записал в своем дневнике от 1 декабря 1910 г.: Алексеенко представлялся царю, «умен и хитер», карьерист, «давно метит в министры» («Красный архив», 1928, т. I (26), стр. 140).

держат кандидатуру большинства октябристов (т. е. кандидатуру Алексеенки), то, быть может, Государственная дума „вернется к тому единодушию“, с которым встретили вначале кандидатуру Хомякова. „Это единодушие показало бы, что *вся* Дума в целом понимает исключительную важность момента“». Итак, восклицает В. И. Ленин, «„вся Дума в целом“, не более и не менее. Почаще надо бы вспоминать это при выборах в IV Думу!»¹⁴⁰

«Дело ясное,—продолжал он,—рабочие депутаты и трудовики для кадетов не в счет. Без них, но с правыми, с Марковым 2-м и Пуришкевичем, III Дума есть „*вся Дума в целом*“... Маленький вопрос о выборе нового председателя Государственной думы еще и еще раз напомнил очень немаловажную истину, что кадеты *не* демократы, а либерально-умеренные буржуа, возжелющие „единодушия“ „*всей*“ палаты зубров и октябристов. *Конкуренция* с октябристами — вот характер кадетской „*борьбы*“ с ними»¹⁴¹.

Прочитывая дальше слова парламентского обозревателя «Речи» о том, что для «левых» октябристов и кадетов «добрая половина дня прошла в тревоге»: вдруг Родзянко, делавший вид, что отказывается, «возьмет да согласится», В. И. Ленин с уничтожающим сарказмом писал: «Родзянко взял да согласился. Картина выборов получилась такая, что правые и националисты смеялись весело, хлопали восторженно. „Левые“ октябристы и *кадеты* молчали упорно, систематически молчали: они проиграли состязание на том поприще, на которое сами встали; они не могли радоваться: они *должны были молчать*»¹⁴².

Тем временем настоящие хозяева Думы обдумывали вопрос, когда удобнее распустить ее на каникулы. С одной стороны, националистам хотелось продлить сессию подольше, чтобы успеть рассмотреть финляндские и холмский законопроекты, с другой стороны, они опасались, что октябристско-кадетская часть, еще недостаточно остыв, может провалить закон о западном земстве, поскольку он должен быть внесен в Думу не позже 13 мая. Этот же вопрос беспокоил и правительство, поэтому Совет министров решил распустить Думу примерно 13—16 мая¹⁴³. Спустя некоторое время «Речь» сообщила: «13 мая, через два-три часа после объявления перерыва сессии, П. А. Столыпин внес в Думу законопроект (о западном земстве.— А. А.)»¹⁴⁴.

В качестве заключительного аккорда приведем несколько фраз из интервью Столыпина немецкой газете «Tägliche Rundschau», в котором он давал свою оценку всей истории с запад-

¹⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, ст. 212—213.

¹⁴¹ Там же, стр. 213.

¹⁴² Там же, стр. 215.

¹⁴³ «Речь», 26 апреля 1911 г.

¹⁴⁴ Там же, 16 мая 1911 г.

ным земством. Дума, заявил он, «еще слишком юна и чересчур нестройна по духовно-политической подготовке своих членов, чтобы ее взгляды и решения считались, без дальнейших справок, непогрешимыми». Его последний шаг с 87-й статьей имел целью показать «ясно и понятно, что в теперешней России нет места парламентаризму. Дума Пуришкевича для меня так же неприемлема, как Дума Милюкова»¹⁴⁵.

В статье «О значении кризиса» В. И. Ленин писал: «Говорят: кризис ставит вопрос о нарушении конституции. На самом же деле кризис ставит вопрос о неправильном представлении октябристов и кадетов относительно конституции, о коренном заблуждении обеих партий на этот счет»¹⁴⁶. Приведя затем цитированные нами выше строки из статьи Громобоя «Разрытый муравейник» о кремневом ружье и неоправдавшихся обещаниях, В. И. Ленин делает исключительно глубокий вывод: «Политика Столыпина была для октябристов заманчивым (как и для писателей из „Вех“, всего глубже понявших и всего ярче выразивших дух кадетизма) „обещанием“. „Обещание“, по признанию октябристов, не оправдалось.

Что это значит?

На самом деле политика Столыпина была не обещанием, а политической и экономической реальностью последнего четырехлетия (если не пятилетия) русской жизни. И 3 июня 1907 года и 9 ноября 1906 (14 июня 1910 г.) — не обещания, а реальности. Организованные в национальном масштабе представители дворянского крупного землевладения и верхов торгово-промышленного капитала проводили, осуществляли эту реальность. И если теперь голос октябристского, московского (а, значит, и всероссийского) капитала говорит: „не оправдалось“, то этим подводится итог определенной полосе политической истории, определенной системе попыток „оправдать“ требования эпохи, требования капиталистического развития России посредством III Государственной думы, посредством столыпинской аграрной политики и так далее. Со всей добросовестностью, со всем усердием, не щадя живота, не щадя даже мощны, октябристский капитал помогал этим попыткам и теперь вынужден признать: не оправдалось.

Значит, дело вовсе не в нарушении обещаний, не в „нарушении конституции“, — ибо смешно отрывать 14-ое марта 1911 года от 3-го июня 1907 года, — а в неисполнимости требований эпохи путем того, что октябристы и кадеты называют „конституцией“.

Неисполнимы эти требования ~~времени~~ путем „конституции“, дававшей большинство кадетам (I и II Думы), неисполнимы путем „конституции“, сделавшей решающую партию октябристов

¹⁴⁵ Там же, 17 мая 1911 г.

¹⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 223.

(III Дума). И когда октябристы теперь говорят: „не оправдалось“, то значение этого признания, значение вынудившего это признание кризиса состоит в сугубом, повторном, окончательном крахе конституционных иллюзий и кадетизма и октябризма»¹⁴⁷.

Всячески подчеркивая и разъясня эту основную мысль, В. И. Ленин далее писал: «И кадеты, и октябристы сходились, по сути дела, в том, что базировали свою политику на этих иллюзиях. Это были иллюзии либеральной буржуазии, иллюзии центра — различие „левого“ центра (кадетов) и „правого“ центра (октябристов) несущественно, раз тот и другой, в силу объективных условий, осуждены были на крах. Старое сдвинуто с места. Ни левый, ни правый центр нового не реализовали. Кто и как будет осуществлять это неотстранимое, исторически неизбежное новое, — вопрос открытый. Значение „конституционного“ кризиса в том, что господа положения, октябристы, признали этот вопрос *вновь* „открытым“, подписав: „не оправдалось“ даже под своими, самыми, казалось, „солидными“, купечески-солидными, торгашески-трезвыми, московски-скромными чаяниями»¹⁴⁸.

Таким образом, мысль В. И. Ленина сводилась к тому, что итогом третьеиюньской системы был также крах попыток верхов буржуазии при помощи третьеиюньской Думы решить объективные задачи революции сверху для предотвращения этой революции. И крах был обусловлен не злой волей или непониманием Столыпина, а невозможностью решить эти задачи «конституционным» путем в силу того, что страна переживала не конституционный, а революционный кризис. «Господа октябристы, — указывал В. И. Ленин, — попробовали ужиться с ним (Столыпиным. — А. А.) по-новому, при Думе, при „конституции“, при буржуазной политике толмачевского разорения общины, и если эта попытка не удалась, то дело вовсе не в Столыпине»¹⁴⁹. Несколько выше, процитировав слова Громобоя из той же статьи о том, что для защиты «истины» «не требуется Коперников и Галилеев», В. И. Ленин с иронией замечал: «Иллюзия, г. Громбой! Без „Коперников и Галилеев“ не обойдется. У вас „не оправдалось“, без этих не обойдется»¹⁵⁰. Без революции не обойдется — вот итог «министерского» и «парламентского» кризисов, итог замечательного ленинского анализа.

¹⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 224—225.

¹⁴⁸ Там же, стр. 226.

¹⁴⁹ Там же, стр. 227.

¹⁵⁰ Там же, стр. 226.

Глава восьмая

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

КТО БЫЛ БОГРОВ?

Об убийце Столыпина Д. Г. Богрове создана целая литература. По времени своего выхода в свет она отчетливо делится на два периода: дооктябрьский, начавшийся на другой же день после выстрелов в Киеве, и послеоктябрьский, закончившийся в 1920-х годах. В литературе этих периодов в свою очередь можно проследить две версии в оценке покушения Богрова.

Весь буржуазно-помещичий лагерь, начиная от либералов и кончая крайними черносотенцами, был уверен в том, что Столыпин убил агент охранки. В революционно-демократической, точнее в эсеровской и анархистской среде, более всего заинтересованной в выяснении личности Богрова, такого единодушия не было. Здесь, наоборот, мнения разошлись самым радикальным образом. Одни соглашались, что Богров — агент охранки, другие (их было больше) отрицали эту версию и упорно доказывали, что убийцей председателя Совета министров был революционер, пожертвовавший собой во имя освобождения народа. Разновидностью этого взгляда является тезис о том, что хотя Богров и вступил в тесные и весьма рискованные взаимоотношения с охранкой, но он сделал это не в провокационных, а в революционных целях. Своеобразным итогом спора явились два специальных исследования об убийстве Столыпина, опубликованные в одном и том же 1914 г¹.

Первая работа представляет собой довольно объемистую книгу с предисловием небезызвестного В. Л. Бурцева (считавшего Богрова агентом охранки и проводившего этот взгляд в своей газете «Будущее») и является страстной апологией Богрова. Автор поставил своей задачей очистить имя Богрова от обвинений в провокаторстве и представить его неподкупным и благородным революционером, который, не задумываясь, отдал свою молодую жизнь (Богрову в момент убийства было 24 года) за дело революции. Концепция Гана, изложенная в большой журнальной

¹ А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Париж, 1914; Л. Ган. Убийство П. А. Столыпина.— «Исторический вестник», 1914, № 3 и 4.

статье, прямо противоположна концепции Мушина: она доказывает, что Богров был агентом охраны.

После Октябрьской революции спор возобновился, и вели его главным образом люди, лично знавшие Богрова. Это были либо его соратники по анархизму, либо родные и близкие. Бóльшая их часть высказалась в пользу Богрова. Помимо естественных дружеских и родственных чувств, объясняется это, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, документы, **изобличавшие** Богрова в провокаторстве, исходили из контрреволюционного лагеря, что порождало вполне понятное недоверие к ним. Во-вторых, налицо был тот непреложный факт, что Богров, решив убить Столыпина публично, в театре, шел на верную смерть, т. е. совершил поступок, отнюдь не характерный для провокатора. И, наконец, в-третьих, бывшим соратникам Богрова, по-видимому, очень не хотелось признать в том, что в течение ряда лет их обманывал и предавал человек, которому они полностью доверяли и которого весьма высоко ценили. Такое признание было тем более трудным, что вопрос о провокаторстве Богрова несколько раз поднимался в анархистской среде, и каждый раз Богрову удавалось рассеивать все подозрения и возвращать к себе былое доверие.

Последняя причина оказалась главной в стремлении бывших политических друзей Богрова реабилитировать его перед судом истории. В нежелании предстать перед ней в качестве незадачливых простофиль следует искать то упорство, с которым они продолжали восхвалять и обелять Богрова даже тогда, когда появилась публикация Б. Струмилло², доказывавшая, что Богров был агентом охраны, причем самым заурядным, выдававшим своих товарищей за вознаграждение в 100—150 руб. в месяц. Так, в частности, один из наиболее упорных защитников Богрова, Г. Сандомирский, писавший о нем и ранее, и после указанной публикации продолжал оспаривать и выводы Струмилло, и мнение другого анархиста, П. Лятковского, одного из немногих, считавшего Богрова провокатором. Максимум, на что шел Сандомирский под давлением неопровержимых документальных свидетельств,— это признание, что если Богров и был провокатором, то весьма необычным: «провокатором без провокации». «Лучшей реабилитацией для Богрова», с точки зрения Сандомирского, было то обстоятельство, что «он проявил в своем последнем акте максимум самопожертвования, доступного революционеру даже (по-видимому, в смысле «только».— А. А.) чистейшей воды»³.

² Б. Струмилло. Материалы о Дм. Богрове (по делам бывшего Департамента полиции).— «Красная летопись», 1923, № 9; 1924, № 1 (10).

³ Г. Сандомирский. По поводу старого спора.— «Каторга и ссылка», 1926, № 2 (23), стр. 26, 33. Статья Сандомирского представляет собой поле-

Однако как ни несовершенна была публикация Струмилло в научно-археографическом отношении⁴, она нанесла Богрову — «загадочной личности» — смертельный удар.

Публикация состоит из двух частей. Первая часть представляет собой записи сведений из эсерах и анархистах за 1908—1910 гг., сообщенных Богровым (агентурная кличка «Аленский»). Вторая часть содержит показания Богрова на предварительном следствии, в которых он подробно описывал свою деятельность в качестве агента охраны. Значение публикации Струмилло в конечном счете сводится к тому, что она подтвердила правильность сведений и документов, сообщенных Ганом и другими авторами из контрреволюционного лагеря, писавших о Богрове как о секретном сотруднике охраны, ибо защитники Богрова ставили вопрос так: утверждения Гана и других требуют документальной проверки, а пока она не сделана, веры им нет. Можно сослаться здесь, например, на воспоминания о Богрове некоего Ив. Книжника. «Все это,— писал он, подводя итог своим воспоминаниям,— заставляет отнестись с большой осторожностью к статье Гана и проверить все его утверждения по документам». Это было написано в июле 1922 г.⁵, а спустя полтора года появилась публикация Струмилло.

Струмилло рассматривал свою публикацию именно как ответ на вопрос Книжника. «В своих воспоминаниях о Дм. Богрове,— писал Струмилло,— Ив. Книжник говорит о невыясненности личности Богрова. Он спрашивает, действительно ли он был давнишним „секретным сотрудником“? Или Кулябко пустил эти сведения, чтобы оправдаться?» Теперь ответ есть: «Богров — провокатор, после разоблачения вместо самоубийства кончивший убийством Столыпина»⁶.

Видимо, публикация Струмилло была той основной причиной, которая свела тему о Богрове на нет. Охотников защищать его становилось все меньше, а голоса, требовавшие, чтобы в Киеве на пьедестале поверженного памятника Столыпину был воздвигнут памятник Богрову, замолкли уже задолго до этого.

мику со статьей Лятковского «Нечто о Богрове» (там же, стр. 35—49). Характерно, что редакция журнала, публикуя обе эти статьи, отнюдь не отвергала точку зрения Сандомирского, а лишь признала ее «спорной и нуждающейся в дальнейшем выяснении» (там же, стр. 11), хотя публикация Струмилло появилась за два с лишним года до этого.

⁴ Приведем следующий пример. Ган полностью опубликовал в своей статье протокол допроса Богрова следователем по особо важным делам В. И. Фененко. Струмилло сообщает, что «в деле Департамента полиции, которым мы пользовались, этих показаний нет». Между тем этот протокол допроса мы находим в публикации Струмилло, и он слово в слово совпадает с публикацией Гана («Красная летопись», 1924, № 1 (10), стр. 231—235, 240).

⁵ Ив. Книжник. Воспоминания о Богрове, убийце Столыпина.— «Красная летопись», 1922, № 5, стр. 294.

⁶ «Красная летопись», 1924, № 1 (10), стр. 240.

И тем не менее в распоряжении историков до самого последнего времени не хватало одного очень важного звена, которое позволило бы поставить последнюю точку в теме о Богрове,— подлинных материалов предварительного следствия. Без этого не могло быть стопроцентной уверенности, что опубликованные Ганом и Струмилло протоколы допросов Богрова соответствуют подлинникам.

Высказывались предположения, что следственное дело Богрова погибло во время Великой Отечественной войны. Но вот совсем недавно был опубликован документальный очерк Б. Ю. Майского⁷, из которого стало известно, что дело в полной сохранности находится в Киевском областном историческом архиве. Изучив это дело вслед за Майским, мы убедились, что публикации Струмилло и Гана идентичны оригиналам (двум подлинным протоколам допросов Богрова и двум подтвержденным сопроводительными письмами Киевского губернского жандармского управления копиям). Из других ценных документов, имеющихся в деле, неопубликованными остались протоколы допросов М. Н. Веригина и А. И. Спиридовича.

Введение в научный оборот следственного дела Богрова является, несомненно, большой заслугой Майского. К сожалению, сам очерк Майского расходится с исторической правдой и не отвечает научным методам исследования. В связи с этим мы считаем необходимым подвергнуть документальный очерк обстоятельному разбору. Поскольку период столыпинской реакции в нашей литературе исследован еще мало, а все, что написано о Богрове, давным-давно стало библиографической редкостью, читатель может поверить утверждениям Майского и тем самым составить самое превратное представление о том, что произошло в действительности. Кроме того, мы не можем обосновать собственного взгляда на историю с Богровым без критики очерка Майского.

Точка зрения Майского на акцию, совершенную Богровым, отнюдь не нова. Она является прямым возрождением при некоторой, ничтожной по своему значению, модификации взглядов Мушина, Сандомирского и других защитников Богрова. Это тем более необходимо подчеркнуть, что Майский несколько раз на протяжении очерка объявляет их взгляды субъективистскими и тенденциозными. Больше всего его концепция совпадает с точкой зрения некоего Е. Е. Лазарева, о котором будет сказано ниже.

По мнению Майского, «похоже было на то, что он (Богров.— А. А.) добивался права умереть на виселице с тем, чтобы оставить в народе память о себе как о революционере, который по

⁷ Б. Ю. Майский. Столыпинщина и конец Столыпина.— «Вопросы истории», 1966, № 1—2.

молодости и неопытности запутался в тенетах охранки, но который во искупление своей тяжкой вины перед народом и революцией сознательно пожертвовал собственной жизнью»⁸. То же утверждал и Лазарев, писавший, что Богров решил «своим поведением и смертью искупить свое преступление»⁹. Мало того, покушение Богрова Майский прямо связал с начавшимся новым революционным подъемом. «Постоянно и внимательно наблюдая за развитием общественной жизни, в частности, за политическими демонстрациями и митингами, видя все крепнущую борьбу крестьянских масс против помещиков и кулаков, разлившиеся широкой волной стачки рабочих, Богров не мог не осознать, что все это признаки неотвратимо надвигающейся гибели царизма и победоносной поступи революции»¹⁰.

Что касается самой «идеи подвига», к которой якобы пришел Богров, чтобы оправдать свое бывшее предательство «искупительной жертвой», то здесь Майский делает весьма сомнительный «шаг вперед» по сравнению со своими предшественниками. Последние понимали, что если признать, что Богров был провокатором, агентом охранки, то все усилия, направленные на его реабилитацию, бесполезны: вопрос исчерпан и доказывать нечего. (Именно так, например, ставил вопрос в своем предисловии к книге Мушина тогдашний высший авторитет по разоблачению провокаций Бурцев). Поэтому, например, Мушин категорически настаивал на том, что Богров никогда не был агентом охранки, что это ложь, исходящая от самой охранки. Это было неверно, но последовательно. Сандомирский, который уже не мог выступать с подобным заявлением, говорил о «провокаторе без провокаторства», т. е. тоже как-то пытался освободить Богрова от ярлыка «секретного сотрудника». Майский признает, что Богров был агентом охранки, и тем не менее в конечном итоге изображает его благородным одиноким революционером, полным «ненависти к самодержавию», которому «он решил отомстить, хотя бы ценою собственной жизни»¹¹.

Более того, Майский сурово осуждает Струмилло за то, что он плохо изучил имевшийся в его распоряжении материал, что с его «легкой руки» «Богров вошел в общественное сознание как ренегат и провокатор»¹².

Посмотрим теперь, как для обоснования своей точки зрения Майский интерпретирует показания Богрова и другие материалы, связанные с его биографией.

⁸ «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 141—142.

⁹ Е. Е. Лазарев. Дмитрий Богров и убийство Столыпина.— «Воля России» (Прага), 1962, № VIII-IX, стр. 65.

¹⁰ «Вопросы истории», 1966, № 2, стр. 127.

¹¹ Там же, № 1, стр. 142, 144.

¹² Там же, № 2, стр. 137—138.

Вскоре после своего вступления в группу анархистов (в конце 1906 г.), пишет Майский, Богров явился к начальнику Киевского охранного отделения Н. Н. Кулябко и предложил ему свои услуги в качестве секретного сотрудника якобы потому, что он разочаровался в деятельности анархистов. Кулябко согласился и предложил Богрову ежемесячное вознаграждение в 100—150 руб. Сделка состоялась, и до конца 1909 г. Богров честно служил охранке. В феврале 1910 г. он окончил университет и в качестве помощника присяжного поверенного «приписался» к известному адвокату С. Г. Крупнову. В Киеве у Богрова имелись самые благоприятные условия для хорошей адвокатской карьеры: широкие связи отца, богатого человека и известного присяжного поверенного, бесплатная квартира и ежемесячные 50 руб. от родителей на карманные расходы.

«Вдруг» в июне 1910 г. Богров оставил Киев и переехал в Петербург, «где его ожидало профессиональное прозябание». «Такая жертва,— пишет Майский,— означала, видимо, в глазах Богрова обновление всей его жизни, его разрыв с охранным отделением». Переезд в Петербург совпал с новым революционным подъемом, под влияние которого он попал. Постепенно Богров вернулся к своим анархистским взглядам: «В 1910 г. все помыслы Богрова были направлены на эмансипацию себя от охранного отделения и искупление своей тяжкой вины любой ценой».

«Но мечтам Богрова не удалось сбыться. Неожиданно в Петербурге он был вызван к начальнику местного охранного отделения барону фон Коттену. Богров понял, что все надежды его и расчеты рухнули и что ему вовек не вырваться из когтей охранки». Тогда он «принял дерзкое решение»: сообщать петербургской охранке ложные сведения, чтобы использовать ее в революционных целях. Так появилась вымышленная история («фантазмагория», по определению Майского) с «Николаем Яковлевичем», которую Богров затем искусно использовал в Киеве. Майский еще раз подчеркивает далее, что Богров оставил Киев «ценой краха своей карьеры» и был вызван, а не добровольно явился к М. Ф. фон Коттену. Приведя ряд соображений, автор заключает: «Отсюда следует, что Богров явился к фон Коттену не по собственному желанию, а по вызову». Этот вызов «Богров воспринял не только как необратимый крах всех его личных надежд и чаяний, но и как новое тяжкое покушение на его окрепшие политические и нравственные позиции. Он решил отомстить хотя бы ценою собственной жизни. Для этого он должен был заручиться доверием фон Коттена. Такое доверие могло открыть ему ход в логово зверя»¹³.

¹³ «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 141—144. Что касается утверждения Майского о том, что Богров вернулся к анархизму, то, согласно свидетельству того же Лазарева, Богров в разговоре с ним заявил: «Анархисты представ-

Поставим пока здесь точку и обратимся к документам. Из них следует, что только первая часть рассказа Майского, повествующая о поступлении Богрова на службу к Кулябко, соответствует действительности. Все остальное, начиная с мотивов отъезда Богрова из Киева, не подтверждается фактами.

Из писем Богрова, опубликованных Мушиным, видно, что Богров давно рвался из Киева, причем по соображениям совершенно иным, чем те, которые приводит Майский. В письме к другу от 5 октября 1909 г. Богров писал: «Я не могу тебе описать всех неприятностей, которые меня доводили одно время до бешенства: да и вообще, что за охота жить со связанными руками. для меня это не жизнь. Правда, уехать из Киева я мог бы еще месяц тому назад и даже за границу, но... это было бы сопряжено с отложением экзаменов на май 1910 г., и, следовательно, разрыв с Киевом опять отложится»¹⁴. Как видим, Богров уже давно мечтал не просто об отъезде, а о «разрыве» с Киевом, где ему неприятно было жить. И объяснялось это не неприязненным отношением к службе в охранке, как полагает Майский. Во-первых, Богров к этому времени уже перестал давать сведения Кулябко, во-вторых, как видно из письма, никто и ничто, кроме собственных планов Богрова, не мешал его отъезду¹⁵.

А вот как выглядит утверждение Майского, что, покидая Киев, Богров ставит крест на блестящей адвокатской карьере. В письме от 8 декабря того же года Богров писал: легче всего сделать карьеру в глуши, где-нибудь в Сибири, но пока туда ехать рано: не приобретен еще необходимый адвокатский опыт. «Интересно приехать туда уже готовым юристом». Поэтому поеду в Москву (есть «юридические родственники»), «а уж потом устремлюсь на восток. Вот как вырисовывается моя биография». «Кроме того,— продолжает Богров,— в Петербурге положение адвоката-еврея благоприятнее, нежели в Киеве или даже в Москве». И дальше: «Расстался я с Киевом без всякого сожаления, немедленно после окончания экзаменов и освобождения от воинской повинности. Теперь, наконец, у меня развязаны руки...»¹⁶

Вместо Москвы, однако, Богров приехал в Петербург: знакомый отца устроил его на службу в «Общество для борьбы с фальсификацией пищевых продуктов».

ляют [собой] полуграмотный сброд, из которого набираются провокаторы...» («Воля России», 1926, № VIII-IX, стр. 47). Фраза эта в устах человека, выдававшего своих товарищей-анархистов, звучала тем более мерзко, что не вызвалась необходимостью. Разговор происходил в июне 1910 г.

¹⁴ А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина, стр. 119.

¹⁵ На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства товарищ министра внутренних дел (при Столыпине) генерал П. Г. Курлов несколько раз специально подчеркивал, что в момент покушения Богров не был уже секретным агентом Кулябко, что он был «бывший сотрудник» («Падение царского режима», т. III. Л., 1925, стр. 191).

¹⁶ А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина, стр. 119—121.

К фон Коттену Богров явился добровольно, как и к Кулябко, и стал служить ему за ту же мзду — 150 руб. в месяц. На допросе 2 сентября 1911 г. Богров в числе прочего сообщил: когда он задумал дать петербургским властям вымышленные сведения, то написал Кулябко письмо, спрашивая у него, куда их сообщить. «На это письмо я получил телеграфный ответ с указанием, что мне нужно обратиться к петербургскому начальнику охранного отделения фон Коттену»¹⁷.

Таким образом, инициатива целиком исходила от Богрова, а не от фон Коттена. Письмо Богрова к Кулябко было хитростью: он рассчитывал и, как оказалось, правильно, что Кулябко отрекомендует его своему петербургскому коллеге. Это же подтверждает и сам фон Коттен. В конце мая или начале июня 1910 г., сообщил он в записке директору Департамента полиции в сентябре 1911 г., им, фон Коттеном, была получена телеграмма из киевской охранки, с указанием, что в Петербург выехал «секретный сотрудник по анархистам Оленский», который должен к нему явиться. Действительно таковой явился и оказался помощником присяжного поверенного Богровым.

Богров сообщил фон Коттену, что он уже несколько лет работает в Киевском охранном отделении, «причем сначала работал по социалистам-революционерам, а затем перешел к анархистам». После одной из «ликвидаций», произведенной киевской охранкой, положение Богрова, по его сведениям, «несколько пошатнулось, ввиду чего он временно отошел от работы. Последнее время ему удалось рассеять все возникшие против него подозрения, и он находит вполне возможным возобновить свою работу». «При дальнейшем разговоре выяснилось, что никаких явок в Петербурге он не имеет, но что рассчитывает приобрести таковые либо среди социалистов-революционеров, либо же, на что он более рассчитывал, среди анархистов...»

При втором свидании, состоявшемся через несколько дней, выяснилось, что Богров «работать по анархистам в Петербурге не может, так как определилось, что таковых в Петербурге не имеется, что вполне совпадало с имеющимися в отделении сведениями». Что касается эсеров, «то Богров с уверенностью заявил, что ему удастся завязать с ними сношения». Поэтому было решено, что он будет «работать по эсерам» с месячным окладом в 150 руб. «При дальнейших свиданиях с Богровым он никаких существенных сведений не дал».

В сентябре или октябре Богров заявил, что собирается ехать за границу. В одно из свиданий «Богров сам поднял вопрос о том, что он даром получает от меня (фон Коттена. — А. А.) деньги, так как не дает никаких сведений». Однако, «имея в виду трудность приобретения интеллигентной агентуры» и в надежде,

¹⁷ «Красная летопись», 1924, № 1 (10), стр. 233.

что Богров приобретет нужные связи за границей, фон Коттен предложил ему остаться на жалованьи, на что Богров согласился. Последний раз Богров получил деньги в ноябре. В январе 1911 г. он прислал письмо с юга Франции с просьбой о высылке денег. Ему было выслано 150 руб., но они спустя месяца полтора прибыли обратно как неостребованные¹⁸.

Итак, мы видим, что трагическая история о цепких лапах охранки, отчаянии Богрова и его решении вырваться из них ценой жизни и ужасной мести — вымысел от начала до конца. Богров служил охранке как киевской, так и петербургской когда хотел и сколько хотел. Он был совершенно свободен в своем выборе и в своих передвижениях. Что касается плана Богрова вступить в тесные отношения с петербургской охранкой и завоевать ее доверие, то здесь мы опять можем сослаться на свидетельство фон Коттена. Последний в цитированной выше записке счел «долгом оговориться, что ввиду бессодержательности сведений Богрова» таковые «не записывались и в дневника агентурных его сведений не заводилось...» К этому он счел «необходимым добавить, что так как Богров не мог считаться вошедшим в организацию и не дал никаких конкретных сведений», то все свидания с ним происходили не на конспиративной квартире, а в гостинице «Малоярославец»¹⁹.

Обратимся теперь к вопросу о якобы происшедшем нравственном возрождении Богрова, когда для него, по выражению Майского, «ощущение гадливости своего предательского „двойничества“» на фоне нового революционного подъема «становилось нестерпимым»²⁰. Для подобного утверждения никаких доказательств у автора нет. Это центральное звено в цепи его рассуждений ни на чем не основано. Но зато есть доказательства обратного свойства, притом весьма весомые: они исходят от самого Богрова. Основываясь на его письмах и на других материалах, самый ярый его апологет Мушин так описывает жизнь Богрова в 1910—1911 гг., т. е. как раз в те самые годы, когда он вновь, по словам Майского, воспылал жертвенным революционным огнем: «Вообще же на досугах Богров проводил время в игре в карты, посещал театры, скачки и увеселительные места и т. п., любил проводить время и в обществе женщин. Впрочем, никто из его петербургских друзей не может удостоверить, чтобы

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1911 г., д. 124, лл. 61—64.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 142. Тезис о том, что Богров решил завоевать доверие петербургской охранки для осуществления убийства Столыпина, Майский также заимствовал у Лазарева, писавшего, что Богров «решил завязать сношения с петербургской охранкой уже в целях убийства Столыпина» («Воля России» 1926, № VI-VII, стр. 72; см. также № VIII-IX, стр. 63). Никакими данными оба автора для обоснования своего утверждения не располагают.

его развлечения походили на разгул, ни даже на широкое кутежничество. Правда, бывало временами он увлекался карточной игрой и проигрывался настолько, что ему приходилось иногда прибегать к кредитным операциям. Но вообще получаемого на службе содержания и присылаемых родителями 75 р. в месяц (и ежемесячных 150 руб., выдаваемых ему фон Котте-ном, добавим мы от себя. — А. А.) ему совершенно достаточно было на свою личную жизнь.

Всем, кто интересовался причиной его отречения от политики, он давал ответы, что его это перестало интересовать»²¹.

Таков был «петербургский период» жизни Богрова. А вот как выглядит следующий, «заграничный». «22 декабря (1910 г. — А. А.) он (Богров. — А. А.) бросает Киев и отправляется за границу. Проводит всю зиму в Ницце, куда приезжают и родители; очень много читает, работает и учится; в свободное время играет в карты и пр., посещает Монте-Карло. Его настроение немного рассеивается». Но оно снова становится плохим, когда он проигрывает 4 тыс. франков. Именно последнее обстоятельство, как утверждает Мушин, а отнюдь не новый революционный подъем, как уверяет Майский, заставляет Богрова оглянуться и задуматься «о смысле жизни»²².

По-видимому, он задумался над этим вопросом не так уж глубоко. Во всяком случае, когда Богров в феврале 1911 г. вновь появился в Киеве, он вернулся к прежнему образу жизни «Здесь он, — повествует его биограф, — ведет такой же образ жизни, как и в Ницце, но, кроме всего, занимается еще кропотливым адвокатским трудом»²³. Так он жил в Киеве и в 1909 г. «В часы досуга, — свидетельствует Мушин, — Богров посещал „союзнические клубы“ (т. е. клубы черносотенцев. — А. А.): „Коммерческий“, „Охотничий“, „Домовладельческий“». «Он шел наблюдать (!) и развлекаться»²⁴. «Своя жизнь, говорил он (в то время. — А. А.), не стоит того, чтобы ее тянуть.

И поэтому свою жизнь он сознательно прожигал»²⁵.

Письма Богрова за 1910—1911 гг. со всей очевидностью показывают, что их автор был в то время совершенно опустошенным человеком, не знавшим, куда себя девать и для чего жить. Так, в письме от 1 декабря 1910 г. он писал: «Я стал отчаянным неврастеником. Слава богу, впрочем, что у меня остался еще целый запас фраз, которые можно сказать в том или другом случае жизни, и потому моя репутация „веселого малого“, „хохмача“ еще не окончательно подорвана. В общем же все мне по-

²¹ А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина, стр. 122.

²² Там же, стр. 123.

²³ Там же, стр. 124.

²⁴ Там же, стр. 118.

²⁵ Там же, стр. 83.

рядочнó надое́ло и хочется выкинуть что-нибудь экстравагантное, хотя и не цыганское это дело...» Спустя две недели Богров жаловался: «Нет никакого интереса к жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мне предстоит скушать в жизни. И то, если моя практика позволит. Тоскливо, скучно, а главное одиноко...»²⁶

Мы просим читателя запомнить эти письма, особенно выделенные нами места. На наш взгляд, в них мы находим подлинный, а не вымышленный мотив, объясняющий, почему Богров пошел на убийство Столыпина. Они также объясняют «загадочные» слова Богрова, сказанные им на допросе 2 сентября, на которые так сильно напирал Мушин (а вслед за ним Майский) как на доказательство возвращения Богрова в стан революционеров. Вот эти слова, как они записаны в протоколе. «По прибытии в Петербург я снова сделался революционером, но ни к какой организации не примкнул. На вопрос о том, почему я через такой короткий промежуток времени из сотрудника охранного отделения снова сделался революционером, я отказываюсь отвечать. Может быть по-вашему это нелогично, но у меня своя логика»²⁷.

Почему последние слова привели обоих авторов в такой восторг, не совсем понятно. Но, судя по контексту, они хотели сказать примерно следующее: прямолинейному и прубому уму следователя аргументация Богрова, его тонкие и глубокие переживания остались бы непонятными. Но это очень слабый довод. Жандармы всех стран и времен (известного ранга, конечно), как показывает опыт истории, являются весьма проницательными психологами, умеющими хорошо разбираться в людях, даже самых сложных: к этому их просто обязывает профессия. Скорее было наоборот: Богров отлично понимал, что имеет дело с достаточно умным человеком, которому он ничего не может сказать, потому что он действительно не революционер и не стал им. Правда заключалась в том, что если бы он стал объяснять свой поступок, то очень быстро обнаружилось, что за ним ничего не стоит, кроме желания «выкинуть что-нибудь экстравагантное», и тогда Богров предстал бы перед миром не в тоге мученика, а в рубище опустошенного, потерявшего всякую связь с этим миром провокатора.

Тут дело обстоит точно так же, как с другим его показанием на том же допросе. Решение служить киевской охранке, заявил он, «было вызвано еще тем обстоятельством, что я (т. е. Богров.— А. А.) хотел получить некоторый излишек денег. Для чего мне был нужен этот излишек — я объяснить не желаю».

²⁶ Там же, стр. 122—123 (Разрядка наша.— А. А.).

²⁷ «Красная летопись», № 1 (10), стр. 232—233.

И дальше: Кулябко «стал уплачивать мне 100—150 руб. в месяц. Тратил я эти деньги на жизнь, причем от отца своего в то время получал, кроме стола и квартиры, около 50 руб. в месяц»²⁸.

Один из соратников Богрова, хорошо его знавший И. Гроссман-Рошин, составил о нем далеко не лестное мнение. «Говоря, — писал он, — Богров — весельчак, Богров искрится остроумием. Ни разу он на меня такого впечатления не произвел. Наоборот. Казалось, что этот человек никогда не знал простой радости, не знал „глупого“ счастья, не изведал приступа буйства жизни... В душе была осень, мгла... Был ли Дмитрий Богров романтиком? Нет. В нем жило что-то трезвенное, деляческое, запыленно-будничное, как вывеска бакалейной лавочки... Я очень легко представляю Богрова подрядчиком по починке бытовых крыш, неплохим коммивояжером шпагатной фабрики... И он бы серо и нудно делал нудное дело. Но точно так же представляю себе и такой финал: в местной газете, в отделе происшествий, появляется петитом набранная заметка: „в гостинице „Мадрид“ покончил самоубийством коммивояжер шпагатной фабрики Д. Богров. Причины самоубийства не выяснены...“»²⁹

Сам Богров полностью подтверждает эту характеристику. В письме другу от 24 мая 1909 г. он писал: «Я не понимаю, как я так долго мог жить в чуждой мне сфере. В этом отношении мое несчастье именно в том, что я слишком приспособляюсь ко всякой обстановке. Это хорошо и удобно, когда есть своя особенная, отдельная для всех закрытая жизнь, но это развращает тогда, когда живешь без жизни»³⁰.

²⁸ «Красная летопись», № 1 (10), стр. 232. Сравните с этим слова Мушина, отвергающего предположение, что Богров мог стать провокатором из-за денег. «В деньгах он совершенно не нуждался; карьеру мог составить самую блестящую благодаря связям родных с высшими бюрократическими кругами Киева» (А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина, стр. 40). Показательно, что сам Богров прибег к этому доводу в разговоре с Лятковским, обвинявшим его в провокации: «Скажите мне, — продолжал он (Богров. — А. А.), — какой мотив мог бы побудить меня служить в охранке?.. Деньги? В них я не нуждаюсь» («Каторга и ссылка», 1926, № 2 (23), стр. 39). На допросе 1 сентября Богров показал, что главной причиной, якобы побудившей его стать сотрудником охраны, было разочарование в деятельности своих товарищей по анархизму, потому что «все они преследуют главным образом разбойничьи цели». Однако Кулябко в своих показаниях 5 сентября привел совершенно другой мотив, толкнувший Богрова на предательство. «На мой вопрос, повторенный опять, что же собственно побудило его (Богрова. — А. А.) явиться ко мне, он заявил, что, будучи за границей, он проиграл 1000 и 1500 франков, что это долг чести, денег у него нет, так как отец очень скуп, и он надеется, что за оказанные им услуги я дам ему возможность уплатить этот долг». Богров «работал превосходно». Кулябко платил ему от 100 до 200 руб. Кроме того, два-три раза Богров ездил за счет охраны за границу (Киевский государственный областной архив, ф. 864, оп. 10, лл. 160—161).

²⁹ «Былое», 1924, № 26, стр. 154; см. также стр. 155 и 157.

³⁰ А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина, стр. 118.

В другом письме другу он философствует следующим образом: «Вообще в жизни мы привыкли на каждом шагу лгать и притворяться. Эта столь удобная и полезная привычка имеет свою неприятную сторону — у нас развивается страшная боязнь попасть впросак и дикое недоверие ко всем и ко всему»³¹. Да, видно тяжело иудины «сребренники, нелегкий это заработок — предавать и продавать товарищей.

18 августа 1911 г., за две недели до покушения, Богров написал отцу подробнейшее деловое письмо, описывая условия заказа на какие-то водомеры, на котором можно заработать 900 руб.³² Мушин уверяет, что это письмо было написано для маскировки. Но трудно понять, в чем она состояла, и, кроме того, вряд ли для этой цели нужно было такое количество деловых подробностей, которыми было уснащено это письмо. Наоборот, оно наводит на другую мысль — мысль о том, что выстрел Богрова не был так уж фатален: он мог и передумать.

В письме Сандомирскому Лятковский вспоминает об одном очень любопытном разговоре с Богровым. «Я помню еще его выражение, что мы, мол (в том числе и он), „мелкие сошки“, что мы, мол, „больше играем в революцию“, а главного не делаем. Спросил его, что он подразумевает под „главным“. Он ответил: это то, что люди оценили бы; о чем все знали бы...» Лятковский по этому поводу заключает: «Он не хотел быть чернорабочим в революции, не хотел быть „мелкой сошкой“; ему нужно было „главное“. Поэтому-то он и вступил в охранку, чтобы сделать это „главное“, потому-то он и стрелял, чтобы его оценили, чтобы его знали. Ему нужна была слава, известность. Пусть слава провокатора, Герострата, — лишь бы слава, а не реабилитация». И далее: «Для него те, о ком он упоминал в своем показании (и, следовательно, выдавал их охране. — А. А.), были „мелкими сошками“, а его смерть со славой для него важнее, чем страдания других»³³.

Показательно, что примерно такое же объяснение натуре Богрова дает и Лазарев, такой же пылкий его защитник, как и автор документального очерка. «Та же „служба“ (в охранке. — А. А.), — писал он, — при всей своей гнусности льстила его честолюбию: будучи юношей, молокососом, он чувствовал и сознавал, что он уже играет важную политическую и даже государственную роль»³⁴.

Еще более показательно, что Сандомирский отнюдь не отрицает этой характеристики Богрова, он только не соглашается с ее квалификацией. «Не могу признать убедительным еще и

³¹ Там же, стр. 77—78.

³² Там же, стр. 126.

³³ «Каторга и ссылка», 1926, № 2 (23), стр. 31.

³⁴ «Воля России», 1926, № VI-VII, стр. 96.

объяснение Лятковского, сводящееся к тому, что Богров не хотел быть „мелкой сошкой“, чернорабочим от революции. Я не вижу в этом никакого греха, когда речь идет о террористе, человеке, явно выделяющемся из окружающей среды. Тут все сводится к евангельскому: „может вместить да вместит!“³⁵. Подобная концепция бывшего анархиста во многом объясняет, почему зачастую расстояние от террориста-максималиста до провокатора бывало только в один шаг.

Характерно также, что Мушин, объясняя мотивы «второго революционного рождения» Богрова, оказался гораздо осторожнее, чем Майский. Не новый революционный подъем, как уверяет последний, а предстоящие киевские торжества, к которым готовились с необыкновенным полицейским тщанием, раздувают, по мнению Мушина, «в Богрове тлеющую ненависть, к которой он последние два года старался не прислушиваться». «Богров загорается вновь, и у него рождается желание испортить врагам их праздник, испытать тот миг победы, который в жизни человека должен быть хотя бы один раз, посмеяться крупным мефистофельским смехом»³⁶.

Итак, Богров — из породы геростратов, и в этом все дело. Майский может возразить, ссылаясь на эти же слова Мушина, что Столыпина и других он считал врагами. На первом допросе Богров показал, что он избрал своей жертвой Столыпина, потому что считал его «главным виновником наступившей в России реакции...»³⁷. Цитированный выше Гроссман-Рошин, характеризуя Богрова как мелкую личность, в то же время считал нужным добавить: хотя в беседе с одним из своих товарищей «Богров презрительно отзывался о тех, которые однобоко живут в среде „косовороток“, саботируя общество „фраков и высоких воротников“. И однако, должен сказать, что жила в нем все же самая настоящая, и так мне не только казалось, но и кажется теперь, ненависть к царскому режиму и едкая ирония и презрение к буржуазному миру»³⁸.

Последнее свидетельство не делает наш вывод менее убедительным. Сплошь и рядом провокаторы ненавидят строй, которому служат. Герострат в собирательном смысле — это неудач-

³⁵ «Каторга и ссылка», 1926, № 2 (23), стр. 32.

³⁶ А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина, стр. 125.

³⁷ «Красная летопись». 1924, № 1 (10), стр. 230. Близко знавший Богрова киевский присяжный поверенный А. С. Гольденвейзер рассказывал Книжнику уже летом 1912 г., что «перед убийством Столыпина Богров спрашивал у близких знакомых, кто самый вредный для России из государственных деятелей в данный момент...» («Красная летопись», 1922, № 5, стр. 292). Это свидетельствует о том, что Богров совершенно не следил за политической жизнью страны, и, таким образом, мы можем убедиться, насколько голословным является утверждение о том якобы большом влиянии, какое оказал на Богрова новый революционный подъем.

³⁸ «Былое», 1924, № 26, стр. 155.

ник, а неудачники ненавидят весь мир, всех людей, одетых как во фраки, так и в косоворотки.

Взявшись живописать мужество и героизм Богрова, Майский наталкивается на весьма серьезное препятствие, которое повергает его в немалое смущение. Поведение убийцы Столыпина на предварительном следствии, пишет он, «нельзя не признать мужественным». «У него было лишь одно желание: любой ценой добиться признания, что убийство Столыпина он совершил сам, без чьего-либо соучастия»³⁹ Но вот 10 сентября, на другой день после суда, где его приговорили к повешению, Богров дал такие показания жандармскому подполковнику Иванову, которые, по признанию самого Майского, «зачеркнули в сознании современников и потомства жертвенность его подвига, отвагу и мужественность его поведения на следствии и в суде и превратили его имя в синоним идейной опустошенности, ренегатства и оплачиваемого предательства»⁴⁰.

Майскому пришлось выдумывать длинную «трагическую» историю, как коварный жандармский подполковник, воспользовавшись тем, что палач, который должен был казнить Богрова, исчез по пьянке на несколько дней с глаз начальства, явился «к измученному длительным ожиданием казни Богрову»⁴¹ и, внушив ему надежду на спасение, уговорил его коренным образом изменить показания, данные на следствии и в суде. Не вдаваясь в подробности, охарактеризуем их смысл словами Майского. Назвав несколько имен, Богров «затем в хронологическом порядке» привел ряд эпизодов, которые «обнаруживают стремление доказать, что убийство Столыпина является не актом политического возмездия, а результатом попытки самореабилитации со стороны провокатора перед лицом нависшей над ним смертельной опасности быть истребленным кучкой лиц, чьи интересы он предавал»⁴².

Мы не будем указывать, что «мужества» Богрова хватило ровно на неделю. Не будем обращать внимания и на то, что никакого «длительного ожидания» казни еще не было и в помине. Но пройти мимо от начала до конца вымышленной беседы Иванова с Богровым мы, к сожалению, не можем. Не можем потому, что Майский знает, о чем шел разговор у Иванова с Богровым на самом деле.

Вмешательство подполковника Майский объясняет стремлением «оградить тайную полицию и лично Кулябко (который, по уверению автора, был его другом. — А. А.)»⁴³ от нависшей над

³⁹ «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 142.

⁴⁰ Там же, № 2, стр. 133 (Разрядка наша. — А. А.).

⁴¹ «Вопросы истории», 1966, № 2, стр. 132.

⁴² Там же, стр. 134.

⁴³ Там же, стр. 129.

ним опасности в связи с ожидавшимся приездом сенатора Трусевича», которому было поручено произвести расследование об убийстве Столыпина⁴⁴.

Но в действительности показания, записанные Ивановым 10 сентября, Богров дал 9 сентября на суде. Эти показания в протокол суда занесены не были (по каким причинам, мы здесь гадать не будем), а на другой день было решено их записать. «На суде,— пишет Ган,— обращало на себя внимание стремление Богрова всячески смягчить складывающиеся неблагоприятно для чинов охраны обстоятельства, в особенности против Кулябка. Богров, например, старался внушить, что Кулябко добросовестно заблуждался в его намерениях, с другой же стороны, допрошенный на суде Кулябко старался подчеркнуть полезную для охранного отделения деятельность Богрова, который способствовал раскрытию многих политических преступлений». Иванов, указывает Ган, допрашивал Богрова «с целью внести в протокол объяснения, данные Богровым на суде. Будучи осведомлен о том, что Богров во время суда выгораживал Кулябка, Иванов спросил его, чем объяснить такой образ его действий на суде. Богров на это ответил: „На предложенные прокурором вопросы Кулябко растерялся, не знал, что ответить, и он, пожалев Кулябко, своими ответами старался помочь ему выйти из затруднительного положения“»⁴⁵.

«Коварный» вопрос Майского, заданный спустя 40 лет Струмилло, почему 10 сентября допрашивал Богрова не следователь, а жандармский подполковник⁴⁶, совсем не коварен. Позволим себе ответить за Струмилло, ибо он вряд ли сможет ответить сам: потому что следствие было уже закончено, и суд уже состоялся, и, следовательно, вопрос о юридическом статусе допрашивающего не имел уже значения. Приход Иванова к Богрову был целиком «внутренним делом» тамошней жандармерии, не имевшим для судебных властей никакого значения.

Майский уверяет читателя, что «царизму при данной ситуации было желательно видеть в Богрове не политического врага, а в его выстрелах не выражение ненависти к самодержавию, а обыкновенный эксцесс своекорыстного, трусливого филера»⁴⁷. В действительности все обстояло как раз наоборот: «царизм», если под этим словом в данном случае разуместь политические верхи — правительство и черносотенные организации и партии, из кожи лез вон, чтобы доказать и в печати, и в Думе, что Столыпин убил именно революционер, что за его спиной стояли революционные террористические организации, ненавидевшие

⁴⁴ «Вопросы истории», 1966, № 2, стр. 135.

⁴⁵ «Исторический вестник», 1914, № 3, стр. 996—997.

⁴⁶ «Вопросы истории», 1966, № 2, стр. 138.

⁴⁷ Там же, № 1, стр. 142.

существующий строй и его верного стража Столыпина. Из дела Департамента полиции, посвященного расследованию обстоятельств убийства Столыпина (состоящего из нескольких огромных томов), видно, какие отчаянные усилия прилагал Особый отдел этого департамента, чтобы найти хоть каких-нибудь соучастников Богрова из анархистского или эсеровского лагеря. И это стремление абсолютно объяснимо.

Дело в том, что в период существования III Думы кадеты и октябристы внесли в Думу целый ряд запросов, направленных на разоблачение провокаций (и провокаторов), устраиваемых прямо или косвенно с ведома и попустительства Департамента полиции. Они вносили в эти запросы всю свою страсть и негодование, на которые только были способны, потому что считали практику «секретных сотрудников» из революционеров-предателей крайне опасной для режима, грозящей ему полнейшей дискредитацией, разложением и в конечном счете гибелью. Вникать в ход их рассуждений по этому поводу сейчас нет никакой надобности. Отметим лишь, что самым громким из запросов, получившим мировой резонанс, был запрос об Азефе (1908 г.). Во время прений по нему кадеты, в частности, весьма убедительно доказывали, что Азеф, организовав убийство московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича в 1905 г., действовал с ведома и санкции Департамента полиции.

Запрос об убийстве Столыпина (точнее — несколько запросов, как и в деле Азефа) был вторым по значению. По существу правительство обвинялось в том же самом, что и в первом случае. Нетрудно понять, что основной тезис правительства был обратный: Столыпина убил Богров-революционер, а не Богров-провокатор (хотя его служба в охранке не отрицалась).

Майский сообщает, что в августе 1911 г. «Богров завершил разработку своего плана (убийства Столыпина. — А. А.) до мельчайших деталей»⁴⁸. На самом же деле никакого плана у него не было. «Никакого определенного плана у меня выработано не было», — показал Богров на допросе 1 сентября. «План покушения мною разработан не был», — заявил он еще раз⁴⁹. Была, как это мы увидим дальше, примитивная импровизация.

Подведем некоторые итоги. Все приводившиеся документы и факты о Богрове как об агенте охранки сообщали правду. В этом нет ничего удивительного. В установлении истины, что Богров — провокатор, оказались заинтересованными Кулябко и фон Коттен, влиятельные думские круги — националисты и октябристы, для которых Столыпин был главной политической

⁴⁸ Там же, стр. 127.

⁴⁹ «Красная летопись», 1924, № 1 (10), стр. 231, 235. В беседе с Лятковским в марте 1911 г. Богров заявил, что «как... добраться до Столыпина — он еще не знает» («Каторга и ссылка», 1926, № 2 (23), стр. 40).

эпорой, а также кадеты и даже Киевская городская дума⁵⁰. Этого было вполне достаточно, чтобы правда выплыла наружу.

Нет ни малейших оснований пересматривать вопрос о Богрове и увековечивать его в памяти потомков как героя-революционера.

СТОЛЫПИН И ОХРАНКА

Подлинная проблема, связанная с убийством Столыпина, находится совсем не там, где ее пытается отыскать Майский. Дело вовсе не в том, кем был убит Столыпин — революционером или провокатором, а в гораздо более важном вопросе: знала или не знала охранка в лице Кулябки и других, о которых будет сказано ниже, что Богров замыслил убийство Столыпина? В первом случае речь идет о посмертной судьбе одного человека, во втором — о проявлении кризиса верхов, принявшего хронические формы под влиянием объективной революционной ситуации в стране⁵¹.

Апологеты Богрова, разумеется, совершенно уверены в том, что их герой обвел охранку вокруг пальца. В противном случае вся их версия расползается, как гнилой лоскут.

Не только защитники, но и противники Богрова из революционного лагеря считали, что охранка была одурачена. А между тем им было известно, что существовала противоположная точка зрения. Но поскольку эта точка зрения исходила от «лукавого», т. е. из либерально-помещичьего лагеря, считалось само собой разумеющимся, что она не заслуживает внимания.

Лишь один Струмило вскользь упоминает об «обывательской» версии, согласно которой «Столыпин [был] убит, — как выразился его родственник Нейдгард, — охранной пулей». «Столыпин, — поясняет далее уже сам Струмило, — „мешал“ господам Курлову, Спиридовичу и т. п.»⁵². Совсем неподходящее в данном случае определение «обывательская» было пущено в оборот эсерами и принято Струмило, видимо, потому, что версия об «охранной пуле» функционировала вначале преимущественно в виде кулуарных и газетных слухов, в которых достоверные факты, как это всегда бывает в подобных случаях, переплетались с досужими выдумками, уснащались всякими фантастическими подробностями и т. п.

⁵⁰ Список лиц, приглашенных в городской театр, где был ранен Столыпин, составлялся думой, причем самым тщательным образом; лишь семь билетов были выданы охранке по требованию последней, и именно по одному из этих билетов прошел в театр Богров, о чем городская дума поспешила сообщить сразу же после его выстрелов.

⁵¹ А. Я. Аврех. О некоторых вопросах революционной ситуации. — Вопросы истории КПСС, 1966, № 5.

⁵² «Красная летопись», 1923, № 9, стр. 180.

Кроме того, эта версия имела два объяснения. Первое состояло в том, что охранка в лице товарища министра внутренних дел шефа отдельного корпуса жандармов генерала Курлова, жандармского полковника Спиридовича, начальника Киевского охранного отделения Кулябко и вице-директора Департамента полиции камер-юнкера Веригина, т. е. тех, кому была поручена охрана царя во время киевских торжеств, хотела только инсценировать покушение на Столыпина, чтобы потом за его успешное предотвращение получить соответствующие награды в виде орденов, чинов и пр., но в решающий момент потеряла контроль над Богровым. Второе объяснение сводилось к утверждению, что охранка хотела, чтобы Столыпин был убит, и сделала это руками Богрова.

Анализ данных, имеющихся на сегодняшний день в распоряжении исследователя, показывает, что «обывательская» гипотеза во втором ее варианте имеет весьма веские подтверждения. Правда, все они носят косвенный характер, прямых доказательств нет. Тем не менее, повторяем, гипотеза, на наш взгляд, очень убедительна, и мы постараемся показать это читателю, насколько позволяют источники. Но прежде чем приступить к этой задаче, мы вынуждены хотя бы самым кратким образом воссоздать внешнюю канву событий, связанных с выстрелами 1 сентября 1911 г. Чтобы не открывать уже открытых америк, мы вкратце, с некоторыми уточнениями, изложим рассказ Гана, изучившего соответствующие факты самым тщательным образом.

26 августа 1911 г. Богров по своей инициативе явился к Кулябко и передал ему докладную записку, которую Ган приводит дословно. В записке излагалась длинная и сложная история о том, как в 1910 г., на троицу, из Парижа в Петербург приехала «дама», которая привезла с собой письма ЦК партии эсеров. Два письма и деньги она должна была передать некоему Егору Егоровичу Лазареву и одно письмо — члену Государственной думы трудовику Булату. В конце концов письма попали к Богрову, который и доставил их фон Коттену. После этого между Лазаревым и Богровым установилась постоянная связь. Через некоторое время к Богрову явился незнакомец, отрекомендовавшийся другом Лазарева. Незнакомец спросил также у Богрова, у кого можно собрать справки о его, Богрове, прежней деятельности. Потом к Богрову прибыл еще один господин. Оба эти лица под наблюдение охранки взяты не были. В конце июня 1911 г. Богров получил письмо с целым рядом вопросов, в том числе такими: не изменились ли его убеждения, каково настроение и т. д.? Был указан и адрес для ответа («Вестник знания», Невский, 40, для Н. Я. Рудакова). Ответ был послан немедленно. До конца июля никаких дальнейших известий не было, как вдруг «Николай Яковлевич» явился к Богрову в Потоки, около

Кременчуга, где у родителей Богрова была дача, и рассказал, что был в Киеве, узнал дачный адрес Богрова и разыскал его. Главное, что интересовало «Николая Яковлевича», — это вопрос, можно ли получить в Киеве квартиру для трех человек. Богров дал утвердительный ответ. Далее прибывший расспрашивал о способах сообщения с Киевом. Богров предложил план переезда на моторной лодке, который «Николай Яковлевич» одобрил. В тот же день он уехал обратно в Кременчуг и обещал в скором времени дать о себе знать.

Свидание Богрова с Кулябко состоялось на квартире последнего. В это время у него обедали Спиридович и Веригин. В их присутствии Богров рассказал содержание своей записки с некоторыми дополнительными подробностями. Выслушав Богрова, Спиридович отверг план о моторной лодке и предложил ему «вести» террористов в Киев с одной из ближайших железнодорожных станций. Устройство конспиративной квартиры Кулябко целиком предоставил Богрову. Кроме того, он заявил, что ввиду той роли, которую Богрову придется сыграть в ликвидации террористов, он, Кулябко, всегда может предоставить ему доступ во все места предполагаемых торжеств, и тут же предложил билеты в Купеческий сад и городской театр на 31 августа и 1 сентября, где должны были появиться царь, министры, сановники и др.

На другой день, 27 августа, Кулябко в присутствии Веригина и Спиридовича подробно изложил разговор с Богровым и выработанный план действий Курлову. Шеф жандармов план одобрил, но высказал опасение, не приведут ли выдача билетов Богрову и подыскание им конспиративной квартиры к его провалу. На это Кулябко возразил, что Богров всегда найдет возможность дать террористам правдоподобные объяснения. После этого Курлов приказал «обставить наблюдением Кременчуг и Потоки» и командировать туда офицера с филерами. Кроме того, он велел снестись с фон Коттеном для выяснения личностей тех, кто был указан в записке Богрова.

В тот же день в районе дома, где проживал Богров, были установлены многочисленные секретные посты. Всем филерам было дано описание «Николая Яковлевича». Однако в течение всего дня «господина с острой бородкой», выходящего из квартиры Богрова, они так и не увидели.

В Кременчуг в распоряжение ротмистра Мухоморова было послано шесть филеров, которые развернули там кипучую деятельность. Наблюдение велось непрерывно в течение восьми дней, но господин с описанными приметами так и не был обнаружен.

28 и 29 августа начальнику Петербургского охранного отделения за подписью Кулябко было послано четыре телеграммы, общий смысл которых состоял в требовании дать сведения о перечисленных в рассказе Богрова лицах, в первую очередь о Ла-

зареве и Рудакове. Ответы гласили: указанные в телеграммах лица, за исключением Лазарева, отделению неизвестны, сведения Богрова о письмах поступили уже после их передачи адресату и поэтому не могли быть «разработаны». «В „Вестнике знания“ Н. Я. Рудаков неизвестен, и в Петербурге лиц этими инициалами (?!) ⁵³ на жительство не имеется. Дом 60 по Литейному проспекту проживает дворянин Николай Евгеньевич (а не «Николай Яковлевич», как сообщил Богров. — А. А.). Рудаков..., часто бывавший минувшей зимой в „Вестнике знания“ агентурным сведениям внепартийный либерал». Далее шло описание примет Рудакова, совершенно противоположных тем, которые дал Богров.

31 августа Богров попросил Кулябко дать ему билет в Купеческий сад. При этом он сообщил, что «Николай Яковлевич» уже приехал в Киев, причем не один, а с некоей девицей по имени «Нина Александровна». «Николай Яковлевич» предложил ему принять непосредственное участие в покушении, но он, Богров, отказался. Из разговоров с «Николаем Яковлевичем» Богров убедился, что дело серьезное, ибо «Николай Яковлевич» потребовал сообщить приметы Столыпина и Кассо. Поэтому, заявил Кулябко Богров, ему необходимо быть в Купеческом саду, так как, возможно, за ним будет установлено перекрестное наблюдение со стороны сообщников «Николая Яковлевича», и его отсутствие приведет к провалу.

Билет был выдан, однако покушения не состоялось. Богрову не удалось близко подойти к Столыпину. Поздно ночью он сообщил Кулябко, что в багаже у «Николая Яковлевича» имеется два браунинга, а свидание с девицей «Ниной Александровной», которая поселилась на неизвестной квартире, у него назначено на завтра между 12 и 1 часом дня. Поскольку от него, Богрова, по-прежнему требуют выполнения поручения, ему необходим билет в городской театр на торжественный спектакль. «Николаю Яковлевичу», чтобы отвести подозрение, он уже сказал, что билет достанет через знакомую кафешантанную певицу «Регину». Кулябко согласился выдать билет.

Решающие события 1 сентября развернулись следующим образом. В 6 часов утра Кулябко впервые доложил о готовящемся покушении киевскому генерал-губернатору Ф. Ф. Трепову. В 7 часов утра он сообщил об этом и Столыпину (через адъютанта Столыпина Есаулова) с просьбой не ходить по городу. В середине дня Богров сказал Кулябко (разговор происходил в присутствии Веригина), что свидание «Николая Яковлевича» и «Нины Александровны» перенесено на 8 часов вечера.

⁵³ Из последних слов следует, что фон Коттен догадался, что киевскую охранку интересуют сведения именно о «Николае Яковлевиче». В посланных Кулябко телеграммах цель запроса не указывалась, что шло вразрез с общепринятой практикой охраны и Департамента полиции,

Когда Богров явился в театр, Кулябко предложил ему вернуться на квартиру, чтобы убедиться, что «Николай Яковлевич» все еще находится там. Богров ушел и, вернувшись через несколько минут, доложил, что «Николай Яковлевич» ужинает. После этого он занял свое место в 18-м ряду партера. Во время антракта Кулябко повторил свое приказание Богрову, и тот вновь проделал свой нехитрый номер. Однако дежуривший у входа офицер отказался впустить Богрова в театр, потому что билет у него был уже надорван. Только вмешательство Кулябко, проходившего в это время мимо, позволило Богрову снова оказаться в театре.

Антракт еще продолжался. Столыпин стоял лицом к партеру, облокотившись на барьер оркестра. Богров, прикрывая оттопыривавшийся от браунинга карман театральной программой, подошел к Столыпину на два-три шага и дважды выстрелил в него. Одна пуля попала Столыпину в руку, другая — в живот. Задержанного Богрова стали избивать, и известному уже нам жандармскому подполковнику Иванову с трудом удалось отбить его. Тут же в театре Богров был обыскан и допрошен, а затем отправлен в «Косой капонир». Оттуда он после следствия и суда был отправлен прямо на виселицу.

Даже у Мушина возникло вполне законное удивление по поводу того, что ни одного из четверки матерых охранников не посетило даже малейшее сомнение «в достоверности сообщенного Богровым, и весь рассказ последнего принимался на веру, без критики и анализа, хотя при первом же внимательном рассмотрении рассказа можно было обнаружить в нем такие дефекты, что достоверность всего сообщения должна была бы волей-неволей подорваться»⁵⁴.

Мушин перечисляет слабые места рассказа Богрова. Последний получил сведения о «Николае Яковлевиче» в конце июля, а пришел с ними к Кулябко только 26 августа. Но объяснение («не хотел приходить с пустыми руками») — «детская ссылка», если признать факт «сотрудничества» Богрова с охранкой. «Сотруднику полагается докладывать по начальству о всяких сведениях, как бы незначительны они ни были,— его за это не осудят, бояться недоверия ему нечего».

«Весь рассказ,— продолжает Мушин,— мог подорваться и простой проверкой замечания Богрова, что о „фактах“ имевших место весной 1910 г., он будто бы заявил начальнику СПб. охр. отд. фон Коттену. В этой части Богров «сделал несомненную неосторожность». При этом Мишун считал, что такой проверки сделано не было, об этом «никто не подумал», и вообще сомнительно, «чтобы Петербургское охр. отд. когда-нибудь видело Богро-

⁵⁴ А. Мушин, Дмитрий Богров и убийство Столыпина, стр. 133,

ва». Мы уже знаем цену этому сомнению. Но тем хуже для Курлова и К°, ибо ответ фон Коттена совершенно недвусмысленно гласил: «Николай Яковлевич» — главное действующее лицо в рассказе Богрова — миф, выдумка последнего.

«Смешно становится только подумать,— пишет далее Мушин,— что таких „орлов“ охраны, как Курлов, Спиридович, Кулябко, Веригин, можно было провести на такой очевидной наивности, как то, что этот злополучный „Николай Яковлевич“,— надо бы думать, по серьезности затевавшего предприятия опытный революционер — мог, познакомившись с политическими взглядами Богрова, главным образом через письма, сразу же, с места в карьер, предложить такое дело, как участие в террористическом акте»⁵⁵.

Так же легко разоблачался Богров, по мнению Мушина, и в период, непосредственно предшествовавший покушению. Тем не менее «охранка опять-таки не обратила внимания на ряд несообразностей в богровской мистификации, о которых говорит в своем докладе и сенатор Трусевич». Какие же это были «несообразности»?

«Сообщение Богрова о том, что за ним, по предупреждению „Ник. Як.“, может быть надзор в театре для проверки посещения спектакля, до очевидности было невероятно, так как нельзя же допустить, чтобы „Ник. Яков.“ осведомил Богрова о такой, направленной против него же меры и, посвящая Богрова во все свои сокровенные тайны вплоть до указания некоторых из участников заговора, в то же время не верил его обещанию быть в театре и даже прямо обнаружил свое недоверие».

Далее. В Потоках Богров сказал «Николаю Яковлевичу», что его квартирой воспользоваться нельзя, но «Николай Яковлевич» заявился прямо к нему на квартиру без всякого предупреждения. Какой смысл был в поручении террористов Богрову выяснить приметы Столыпина? Во-первых, он не должен был участвовать непосредственно в исполнении террористического акта, и, следовательно, эти приметы были ему ни к чему. Во-вторых, приметы Столыпина были общеизвестны. Как наблюдение могло упустить «Николая Яковлевича» в Кременчуге? Почему охранка не догадалась сделать такой элементарно простой вещи, как навести справки через швейцара и других, действительно ли находится кто-нибудь у Богрова и т. д.?⁵⁶

Как видим, все эти вопросы так элементарны, что их должны были задать себе и Богрову не только опытные жандармы⁵⁷, но

⁵⁵ Там же, стр. 138—140.

⁵⁶ Там же, стр. 156—158.

⁵⁷ На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии сенатор М. И. Трусевич, производивший расследование обстоятельств убийства Столыпина, в числе прочего заявил: «Оказывается, там (в квартире Богрова.— А. А.) была прислуга, к которой один из филеров ходил в гости, и самое пребыва-

и совершенно несведущие в политическом розыске люди. Стоило их только задать, и песенка Богрова была бы спета. Однако они заданы не были.

Как же разгадывается эта странная загадка с точки зрения Мушина? Очень просто: «заколдованная» охрана — Кулябко и другие — поверили Богрову потому, что он... революционер, а не жалкий наймит-provokator. «Как не поверить человеку,— восклицает он,— общественное и социальное положение которого, как и родителей его и родственников, независимость (!) этого положения, материальная обеспеченность отнюдь не толкают в объятия такого непопулярного учреждения, как охранка»⁵⁸. «Смешно или не смешно, а Богрову поверили»,— восклицает Мушин в другом месте⁵⁹.

Смешно или не смешно, но единственно возможный отсюда вывод следующий: если бы Кулябко и прочие знали, что Богров — «секретный сотрудник», они бы его рассказу поверить никоим образом не могли. Они это знали, следовательно, делали вид, что поверили ему.

Вера адвокатов Богрова в его гипнотический дар беспредельна. «Неужели,— восклицает Сандомирский,— киевские охранники были так глупы, что не потребовали от Богрова даже фамилий и адресов этих двух террористов («Николая Яковлевича» и «Нины Александровны». — А. А.)?! Это кажется чудовищным, но, думается мне, так и было. А если так, то Богров мог, стало быть, околпачивать киевских охранников всюю»⁶⁰.

Однако сам Богров, как видно из его показаний, был до крайности удивлен, что опытные жандармы так легко поверили его грубому вымыслу, который ничего не стоило разоблачить. На это сразу же обратил внимание посланный в Киев директором Департамента полиции полковник Предель. В телеграмме от 2 сентября он сообщил своему шефу: «Богров показал, что уже давно умыслил единолично акт террора, считая премьеря вдохновителем реакции, и выполнил, воспользовавшись непонятным для него доверием подполковника Кулябки к безусловно вымышленным сведениям о прибытии в Киев анархистов с браунингами и бомбой, из коих один будто бы остановился в его, Богрова, квартире»⁶¹.

Удивление Богрова по поводу слепого доверия, оказанного ему, вынужден отметить и Мушин. «Неосторожностей во всем

ние этого Николая (Яковлевича. — А. А.) можно было проверить 20 раз. И было бы обнаружено, что это была сплошная ложь со стороны Богрова («Падение царского режима», т. III, стр. 231).

⁵⁸ А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина, стр. 134.

⁵⁹ Там же, стр. 140.

⁶⁰ «Каторга и ссылка», 1926, № 2 (23), стр. 25.

⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1911 г., д. 124-А, л. 21 (Разрядка наша, — А. А.),

деле,— замечает он,— по признанию самого Богрова, было достаточно, чтобы провалиться в глазах внимательного человека»⁶².

Генерал Курлов был матерый жандармский волк. Об этом свидетельствует не только его биография, но и его воспоминания. Они поражают бессовестной наглостью, с которой этот охранник без тени смущения называет черное белым и белое — черным. Ниже мы это покажем. Он отлично понимал, что при первом же прикосновении к делу Богрова возникает элементарный вопрос, точнее — два: почему не было установлено наблюдения за самим Богровым и почему его допустили в театр? Если по поводу первого вопроса можно было еще что-то говорить о «доверии», которое внушал Богров своей прошлой провокаторской деятельностью, то на второй вопрос никакого ответа не могло быть. Дело в том, что, согласно инструкциям Департамента полиции, секретных сотрудников из «революционеров» строжайше запрещалось допускать в места, где находились высокопоставленные лица, ибо эти агенты считались политически неблагонадежными, могущими в любой момент предательски воспользоваться доверием охранки, как они предательски пользовались доверием революционной организации. В тех же случаях, когда задача предотвращения покушения не могла быть выполнена без нахождения секретного сотрудника поблизости от лица, на которого было задумано покушение, он должен был находиться под неотступным наблюдением офицера охраны, обязанного следовать за ним буквально по пятам.

Именно указанные два вопроса и были выдвинуты в качестве обвинения всей четверке сначала сенатором М. И. Трусевичем, а затем сенатором Н. З. Шульгиным: «Он, Курлов,— говорилось в постановлении Трусевича,— в нарушение возложенных на него служебных обязанностей не только не воспретил выдачи Богрову билетов для пропуска на торжества, но и не распорядился об учреждении за Богровым, в случае выдачи ему означенных билетов, бдительного надзора и принятия необходимых мер...» Курлову также инкриминировалось, что он «не распорядился об учреждении надзора за личностью самого Богрова» и об обследовании его квартиры, после того как тот сообщил, что в ней скрывается один из «злоумышленников», т. е. пресловутый «Николай Яковлевич». Сенатор Шульгин постановил привлечь Курлова к следствию в качестве обвиняемого именно на основании этого постановления⁶³.

Точно такое же постановление составил Шульгин в отношении Кулябко. «Выдача билета,— указывалось в нем,— последовала... вопреки распоряжениям его начальства, изложенным в циркулярных предписаниях Департамента полиции и в положе-

⁶² А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина, стр. 138—139.

⁶³ «Исторический вестник», 1914, № 4, стр. 200—201.

нии о порядке выдачи входных билетов в места, куда могли быть допускаемы только лица, политическая благонадежность коих вне сомнений. Богров же не соответствовал означенным условиям, так как подполковнику Кулябко, у которого он раньше состоял на службе секретным сотрудником, было известно о прежних связях его с преступными сообществами анархистов-коммунистов и социал-революционеров; также о том, что Богров находился в непосредственных сношениях с злоумышленниками, прибывшими, по его словам, в Киев во время торжеств для учинения убийства Столыпина и Кассо»⁶⁴. Кулябко обвинялся, так же как и Курлов, в том, что не распорядился учредить наблюдение за Богровым и его квартирой после его рассказа о «Николае Яковлевиче» и его соучастнике.

В обвинении, предъявленном Веригину сенатором Шульгиным, в числе прочего было сказано, что «он, зная, что Богров находится в сношениях с преступным сообществом, не только не предложил принять меры для того, чтобы удостовериться в правдивости сделанного Богровым заявления, но не озаботился доложить об этом своему непосредственному начальнику... генералу Курлову»⁶⁵.

Каждый из четверки дал свои объяснения по поводу предъявленных им обвинений, а генерал Курлов сделал это даже дважды: один раз в обширной записке, адресованной Шульгину, а другой раз в своих воспоминаниях.

В записке Курлов писал следующее: «Особого распоряжения Кулябку установить наблюдение за личностью самого Аленского я не сделал, считая, что такой элементарный прием розыска не может быть упущен опытным начальником охранного отделения и что наблюдение за Аленским естественно входило в круг обязанностей ротмистра Мухева, а также вытекало само собой из сделанного мною распоряжения наблюдать за дачей Аленского и всеми проживающими в ней лицами»⁶⁶.

Эту же мысль Курлов повторил затем еще раз в несколько ином виде. Когда Кулябко доложил ему, что за домом Богрова установлено наблюдение, то «доклад в такой форме» не возбудил в нем «никакого сомнения, что наблюдение было установлено и за самим Аленским...»⁶⁷

На второй, решающий вопрос, как мог Курлов допустить проникновение Богрова в театр, он отвечал таким образом. Когда Кулябко доложил ему, Курлову (в театре) последние сведения о «Николае Яковлевиче», которые сообщил Богров, «только что опять приезжавший к нему (Кулябко.— А. А.) в театр», то «где

⁶⁴ «Исторический вестник», 1914, № 4, стр. 213.

⁶⁵ Там же, стр. 214.

⁶⁶ Там же, стр. 202.

⁶⁷ Там же, стр. 204.

именно сообщил Аленский указанные сведения Кулябку, последний мне не объяснил, и об этом я его не спрашивал, так как понял, что Кулябко мог с ним иметь разговор на подъезде, в вестибюле или ином помещении театра, но не в зрительном зале»⁶⁸.

Не нужно быть следователем, чтобы понять всю смехотворность подобного объяснения. Единственная правда, которую содержал ответ жандармского генерала, заключалась в том, что установление наблюдения за Богровым должно было быть первым элементарным шагом. Но отсюда следует, что так же элементарно было со стороны Курлова не только спросить у своего подчиненного, но и проверить, сделан ли этот элементарный шаг: ведь дело, с точки зрения охраны, было чрезвычайной важности.

Показания Трусевича 4 мая и самого Курлова 7 мая 1917 г., данные по этому поводу Чрезвычайной следственной комиссии, полностью изобличают последнего. «Относительно Курлова было установлено,— решительно заявил Трусевич,— что Курлов был осведомлен о том, что агент был допущен в театр...»⁶⁹ Курлов же категорически отрицал это и все время твердил, что он «безусловно не знал», что Богров будет на спектакле. Но когда председатель обратил его внимание на явное противоречие между этим утверждением и его же собственными словами, что Кулябко сделал ему, Курлову, очередной доклад со слов Богрова, находящегося в театре, Курлов пролепетал в ответ: «Да, по словам Кулябки, вышло так...»⁷⁰. Более того, как показал Трусевич, было установлено, что Курлов был осведомлен также и о том, что еще до 1 сентября Богров дважды был в толпе, где находился Столыпин⁷¹.

Помимо логики, имеются и прямые, неоспоримые доказательства, полностью уличающие Курлова. Ган и Майский отмечают весьма показательный эпизод, имевший место спустя несколько часов после выстрелов Богрова. Около 2 часов ночи дежурившего у театра полицейского пристава потребовал к се-

⁶⁸ Там же, стр. 208.

⁶⁹ «Падение царского режима», т. III, стр. 231.

⁷⁰ Там же, стр. 191, 194—195.

⁷¹ Там же, стр. 231. Столь же неуклюже свое неучастие в деле Богрова доказывал и Спиридович на допросе 28 апреля 1917 г. Его основной довод состоял в том, что он все время был в разъездах, сопровождая царя, и поэтому ему просто некогда было вникать в это дело. Но один из его ответов прямо говорит о том, что он (и следовательно, Курлов и др.) понимал, что рассказ Богрова о «Николае Яковлевиче» и прочем — выдумка. На основной вопрос, почему он, Спиридович, не заинтересовался, арестована ли приехавшая организация, которая может убить не только Столыпина, но и царя, охрана которого была непосредственно возложена на него, Спиридович дал такое объяснение: «Очевидно (!?), я спрашивал Кулябко, и, должно быть (!), он ответил мне, что этой организации в действительности нет. Возможно было, что эта организация существует только в мыслях Богрова» (там же, стр. 43). (Разрядка наша.— А. А.).

бе в «Европейскую гостиницу» Курлов. Пристав застал в номере всю четверку, и Кулябко приказал ему отправиться в театр, где в это время шел допрос Богрова, забрать его и отвезти в охранное отделение для допроса. Прокурор судебной палаты Г. Г. Чаплинский, присутствовавший при допросе, велел передать пристава, что не только по требованию Кулябко, но и самого Курлова Богров отослан в охранное отделение не будет. Более того, он предложил Кулябко самому явиться в театр и дать показания в качестве свидетеля.

Кулябко явился и лично стал настаивать на своем требовании переговорить с Богровым, «от которого он ожидает получить важные сведения», но опять встретил отказ. После этого Кулябко имел длительную беседу с Чаплинским, сводившуюся к тому, что он не может признать себя виновным, потому что Богров был допущен в театр с ведома Курлова. Однако в конце беседы Кулябко, «как бы спохватившись», по выражению Гана, произнес следующую фразу: «Да нет, виноват я, конечно, один, мне остается пустить себе пулю в лоб... У меня уже заготовлено прошение об отставке..., я человек конченый...»⁷²

Кулябко вовремя спохватился. Довольно быстро он сообразил, что его спасение целиком связано со спасением Курлова, и оно станет невозможным, если он скажет правду. Во всех своих дальнейших показаниях Кулябко следовал этой линии — выгораживал своего шефа.

Разоблачает Курлова и Веригин, вернее, они оба уличают друг друга во лжи. Отвечая на обвинение Шульгина, Веригин, между прочим, отрицал, что пришедший к нему в номер «Европейской гостиницы» Богров говорил в его присутствии Кулябко о том, что предполагаемое якобы днем свидание «Николая Яковлевича» с «Ниной Александровной» переносится на вечер⁷³. В то же время Курлов в цитированной записке пишет буквально следующее: «Тотчас по прибытии моем (в гостиницу из генерал-губернаторского дома.— А. А.) ко мне явился Веригин и доложил, что Аленский сейчас был в гостинице, в номере его, Веригина, где сообщил, что Нина Александровна в условленное время не пришла на свидание с Николаем Яковлевичем и дала знать по телефону, что вся группа прибывших злоумышленников должна встретиться около 8 часов вечера... Я заметил Веригину, что очень недоволен тем, что он вмешивается не в свое дело, принимая у себя в номере секретных сотрудников»⁷⁴. Вышла, как говорится, маленькая неувязка; от таких неувязок, оказывается, не застрахованы даже киты политического розыска.

⁷² «Исторический вестник», 1914, № 3, стр. 984.

⁷³ Там же, № 4, стр. 214.

⁷⁴ Там же, стр. 205 (Разрядка наша.— А. А.).

В результате еще одной из таких неувязок Курлов выдает себя еще более. Когда Кулябко, пишет Курлов, сообщил ему о прибытии Богрова в театр «с известием, что явка революционеров отложена на завтра», он «выразил Кулябке большое неудовольствие по поводу Богрова, который, очевидно, всех морочит, и велел приказать ему не оставлять своей квартиры и находящегося в ней приезжего ни на одну минуту»⁷⁵. Это нечаянное признание тем более ценно, что Курлов специально подчеркнул в своей книге, что он задался целью рассказать историю с убийством Столыпина так, «как она произошла в действительности», чтобы покончить с «самыми разнообразными догадками», которые «доходили даже до того, что подозревали охранное отделение в преступном соучастии (с Богровым.— А. А.)»⁷⁶.

Естественно, что, поставив себе такую задачу, Курлов решил расширить свои прежние аргументы и добавить к ним новые. Именно в силу этого, а также благодаря расстоянию во времени и другим причинам он добился обратного результата: допустил в книге ряд противоречий с прежними показаниями, неточности и «забывчивость».

Приведем только один его довод, по которому можно судить об остальных. В записке на имя Шульгина Курлов «забыл» объяснить одно небольшое противоречие: если Кулябко был весьма опытным специалистом своего дела, а Курлов именно так его и характеризовал (это он делает и в своих воспоминаниях), то как же он допустил такую грубую и непростительную даже для начинающего охранника ошибку, как неустановление наблюдения за Богровым и выдача ему билета в театр? В воспоминаниях он решил восполнить этот пробел. Дело в том, уверяет наивную публику жандармский генерал, что охранные отделения зачастую оказывали «слишком большое доверие» своим секретным сотрудникам типа Азефа и Богрова. Несмотря на постоянную борьбу Департамента полиции с этим явлением, на горькие уроки, которые подчас давали эти агенты своим начальникам (в частности, убивали их), ничего не помогало: охранка продолжала пребывать «под гипнозом» слепого доверия к ним. «Такой гипноз непонятен широкой публике, как я сам убедился в этом, например, при ее суждении о роли Богрова в убийстве Столыпина»⁷⁷, но тем не менее это факт. Убийство Столыпина произошло только потому, что Кулябко был загипнотизирован Богровым. «Наконец, примером чрезмерного доверия к тайному агенту,— пишет Курлов в другом месте,— может служить и убийство П. А. Столыпина... Полковник Кулябко отнесся со слишком большим доверием к

⁷⁵ П. Г. Курлов. Конец русского царизма. М.— Пг., 1923, стр. 156 (Разрядка наша.— А. А.).

⁷⁶ Там же, стр. 130.

⁷⁷ Там же.

Богрову, когда допустил его в театр, где находился Столыпин»⁷⁸.

Итак, крайности сошлись. И Курлов, и Мушин, и Майский уверяют читателя, что Кулябко стал жертвой гипнотических способностей Богрова. Вся разница только в том, что, с точки зрения первого, это произошло потому, что Богров был тайным сотрудником из революционеров, а по мнению второго и третьего, потому, что он был революционером, вошедшим в контакт с охранкой.

Так обстоит дело с убийством Столыпина, если так позволено выразиться, на полицейско-провокационном уровне. Но этим оно не кончается. Для того чтобы довести наше предприятие до конца, нам надо попасть в «высшие сферы». А для этого, как известно, нужны соответствующие знакомства. Воспользуемся поэтому уже состоявшимся знакомством с Курловым, поскольку он уверяет, что был в отличных отношениях с председателем Совета министров и министром внутренних дел Столыпиным.

На протяжении всей своей книги Курлов пользуется каждым удобным, на его взгляд, поводом, чтобы подчеркнуть, как он высоко ценил Столыпина, и как тот в свою очередь отвечал ему полной взаимностью. В течение всей своей службы со Столыпиным он, Курлов, находился «под обаятельным влиянием его личности». Столыпин, «улыбаясь», предложил ему, Курлову, пост вице-директора Департамента полиции (чтобы потом сделать директором), так как он, Курлов, по мнению премьера, обладал «необходимой серьезной подготовкой» и другими нужными для этого поста качествами. Столыпин добился у царя назначения Курлова товарищем министра внутренних дел, не желая никакого другого кандидата. «Государь император не сохранил нашей тайны,—встретил меня Столыпин, улыбаясь,—вы видите, я обещание свое исполнил и теперь официально сообщаю вам о вашем назначении товарищем министра внутренних дел». Чем больше Курлов узнавал Столыпина, «тем большим уважением проникался к нему»⁷⁹. И т. д. и т. п.

Ничто, быть может, так не разоблачает Курлова в истории с убийством Столыпина, как эти восхваления. Дело в том, что не только избранным, но весьма широкому кругу лиц, включая газетчиков, было хорошо известно, что Курлов ненавидел Столыпина, а последний считал его одним из своих самых опасных врагов. У обоих были вполне достаточные основания для такого отношения друг к другу.

Курлов был весьма низкопробной личностью. Он открыто прокучивал в ресторанах казенные деньги, был весь в долгах, одним словом, вел примерно такой же образ жизни, как и его

⁷⁸ П. Г. Курлов. Конец русского царизма. М.—Пг., 1923, стр. 134.

⁷⁹ Там же, стр. 62, 77, 99, 111.

будущий друг Распутин, с которым он сблизился при помощи почти столь же знаменитого, как и «старец», «тибетского» врача П. А. Бадмаева. Столыпин намеревался при первом удобном случае убрать своего «товарища», и Курлов знал это. Одна из причин нелюбви Столыпина к Курлову состояла в том, что тот был слишком одиозен даже для третьейинюньской Думы и поэтому затруднял его взаимоотношения с ней. Но основная причина была та, что Курлов был креатурой дворцового коменданта В. А. Дедюлина, одного из самых влиятельных представителей камарильи — второго, неофициального, по выражению В. И. Ленина, правительства Российской империи, а Дедюлин был одним из самых больших врагов Столыпина.

Некто А. В. Зеньковский, автор книги о Столыпине, утверждающий, что был близок к премьеру в период, непосредственно предшествовавший его убийству, перечисляя врагов председателя Совета министров, писал: «Врагом Столыпина был также дворцовый комендант генерал-адъютант Дедюлин, но еще бóльшим врагом Столыпина был товарищ министра внутренних дел и шеф жандармов генерал Курлов, который в 1909 г. был назначен на эти должности государем помимо желания Столыпина. Генералу Курлову было точно известно, что Столыпин имел в виду настаивать перед государем об освобождении его, Курлова, от занимаемых им должностей»⁸⁰.

Показательно, что Курлов был назначен на этот пост за несколько месяцев до «министерского» кризиса в апреле 1909 г., когда камарилья, «сферы» сделали первую серьезную попытку свалить Столыпина, едва не увенчавшуюся успехом⁸¹.

Дочь Столыпина, по мужу М. П. Бок, в своей книге об отце (кстати, она написала и предисловие к книге Зеньковского) сообщает: «Через два дня после нашего возвращения в Берлин (ее и мужа, который был русским военным атташе в столице Германии.—А.А.) из нашего консульства поступило ко мне сообщение о неблагонадежности генерала Курлова по отношению к моему отцу. Сообщение было настолько серьезно, что мы решили выехать в тот же день в Петербург, чтобы сообщить об этом моему отцу и предупредить его». Так и было сделано. Выслушав известие, «папа», нахмурившись, сказал: «Да, Курлов единственный из товарищей министров, назначенный ко мне не по моему выбору; у меня к нему сердце не лежит, и я отлично знаю о его поведении, но мне кажется, что за последнее время он, узнав меня, становится мне более предан»⁸². Как видим, отно-

⁸⁰ А. В. Зеньковский. Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956, стр. 230.

⁸¹ А. Я. Аврех. III Дума и начало кризиса третьейинюньской системы.— «Исторические записки», т. 53; он же. Царизм и третьейинюньская система. М., 1966, гл. 3. «Министерский» кризис.

⁸² М. П. Бок. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953, стр. 300—301.

шение Столыпина к назначению Курлова, по свидетельству самых компетентных лиц, весьма существенно отличается от того, что по этому поводу написал жандармский генерал. Что касается последней фразы Столыпина, то вряд ли это было сказано всерьез. Видимо, он хотел успокоить свою дочь, а заодно сделать и хорошую мину, раз не оставалось ничего другого.

Что же это было за сообщение, полученное супругами Бок? Несомненно, оно носило чрезвычайный характер. Иначе они не ринулись бы немедленно по получении его в Петербург, из которого только что вернулись. Бок скрывает его от читателя, хотя с тех пор прошло уже несколько десятилетий и давно нет на свете не только Столыпина и Курлова, но и самой Российской империи, которую они в числе других олицетворяли. Почему же она так поступает? Именно благодаря характеру полученного известия.

Чтобы понять мотивы умолчания Бок, надо учесть, что основная мысль ее книги — доказать западному читателю идею о полном господстве в России в бытность ее отца премьером законности, порядка и пр.: страна процветала, а потом пришли большевики и все это порушили. При такой задаче сказать этому читателю, что товарищ министра внутренних дел был готов при случае отправить на тот свет главу правительства и своего непосредственного начальника, было совершенно невозможно. Вместе с тем Бок не хочет и покрывать человека, которого считает убийцей своего отца. Отсюда этот рассказ — намек, рассказ — умолчание.

И вот именно Курлову было поручено возглавить охрану во время киевских торжеств, причем для этого пришлось пойти на большой политический скандал. Дело в том, что, согласно традиции, руководство охраной царя во время его путешествий возлагалось на высшего представителя местной власти. На этот раз обычай был нарушен, и киевский генерал-губернатор Трепов, сочтя себя оскорбленным до глубины души выказанным ему недоверием, подал в отставку. Курлов фальсифицирует этот инцидент самым бесцеремонным образом. Во-первых, он утверждает, что не кто иной, а именно «Столыпин выхлопотал высочайший приказ» о назначении его, Курлова, «начальником всей охранной службы», которому должны были подчиняться чины всех соответствующих ведомств, а он «сам подчинялся непосредственно дворцовому коменданту и через него — министру двора». Во-вторых, конфликт с Треповым он изображает как небольшое недоразумение, которое ему удалось в два счета уладить при личной встрече с Треповым, причем последний был воплощением любезности и готовности исполнять распоряжения Курлова как приказания своего «начальства»⁸³.

⁸³ П. Г. Курлов. Конец русского царизма, стр. 142—143.

Но даже из письма Столыпина к Курлову, которое он приводит в свое оправдание, видно, что конфликт разгорелся серьезный и что Столыпин был крайне недоволен случившимся. «Киевский генерал-губернатор сообщил мне,— писал Столыпин,— что считает оскорбительным для себя то, что высший надзор и наблюдение за охраной государя во время его пребывания в Киеве отняты у него и переданы вам. В этом он усматривает признание его негодным для того поста, который он занимает». Дальше выражалась надежда, что Курлову удастся «устранить возможное недоразумение с генерал-адъютантом Треповым»⁸⁴. Трепов остался на своем посту не благодаря такту Курлова, как изображает последний: его отставка не была принята лишь из-за «торжественности минуты», как писал впоследствии октябристский «Голос Москвы»⁸⁵.

Следует ли из этого, что Дедюлин и Курлов отстранили Трепова потому, что у них уже в то время созрел план убийства Столыпина во время киевских торжеств? Для такого предположения нет никаких оснований. Вся затея, несомненно, была предпринята для чисто карьеристских целей. Это был, конечно, золотой случай по части наград, повышений и прочих милостей. Но, помимо этого, была у них еще одна цель, возможно, что она возникла в ходе самих торжеств: публично унижить Столыпина, показать всей стране, что он уже ничто в глазах царя, дни его как премьеры сочтены, и тем самым ускорить час его окончательного падения.

Дедюлин и Курлов во время киевских торжеств, указывает Зеньковский, «приняли все меры к тому, чтобы унижить Столыпина в глазах участников высочайших торжеств путем непредоставления ему как председателю Совета министров места в автомобилях для царской семьи и приближенных к высочайшему двору»⁸⁶. Ему не дали даже экипажа, и председатель Совета министров первое время нанимал извозчика, пока киевский городской голова не предоставил ему свой экипаж⁸⁷.

Даже Курлов вынужден в своих воспоминаниях признать и привести некоторые факты демонстративного третирования Столыпина: ему не нашлось места в придворных экипажах во время поездок царя, и он ехал в наемной коляске; его «забыли пригласить», по словам самого Столыпина, на пароход, на котором царь со свитой отправлялся в Чернигов, и т. д. и т. п.

Сам Столыпин отлично понимал, в чем тут дело. «Вы, вероятно, по ходу вещей и сами уже заметили,— заявил он Курлову,— что мое положение поколеблено и что я из высочайше разрешен-

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ «Голос Москвы», 10 сентября 1911 г.

⁸⁶ А. В. Зеньковский. Правда о Столыпине, стр. 224.

⁸⁷ Там же, стр. 234.

ного мне до 1 октября отпуска уже не вернусь в Петербург ни председателем Совета министров, ни министром»⁸⁸.

Курлов пытается изобразить дело таким образом, что сам он был не только совершенно непричастен к этой кампании унижения Столыпина, но, наоборот, возмущался ею и делал все возможное со своей стороны, чтобы облегчить положение своего шефа. Но это грубая ложь. На самом деле он старался не меньше Дедюлина. Было отдано распоряжение, согласно которому экипаж Столыпина следовал на таком расстоянии от экипажа царя, что не попадал в зону охраны. Только после усиленных настояний адъютанту Столыпина удалось вытребовать для его охраны трех жандармов. Квартиру Столыпину предоставили в нижнем этаже генерал-губернаторского дворца; поста дежурного полицейского офицера при ней установлено не было, и т. д.

Трудно сказать, носили ли эти меры только демонстративный характер или имели также в виду создать условия, облегчающие покушение на главу правительства. Но безусловно одно: идею об убийстве Столыпина подал охранке Богров. В связи с этим следует обратить внимание на один весьма интересный документ: перевод на русский язык статьи из финской газеты «Тюс» от 27 декабря (нов. ст.) 1911 г., озаглавленной: «Богров и убийство 1 сентября». Этот перевод был послан начальником Финляндского жандармского управления в Особый отдел Департамента полиции.

В 1908 г., говорится в статье, Богров согласился стать агентом охранки. Летом 1911 г. он очень нервничал, опасаясь разоблачения. «Поэтому он решил покончить с собой, как подобает настоящему революционеру, каким он всегда себя считал». 26 августа Богров решил убить Кулябко. «Этим убийством он хотел облегчить свои внутренние страдания. После убийства он хотел бежать и приготовить все для этого». Но, придя в назначенное время на свидание с Кулябко, Богров обнаружил его в обществе Спиридовича и Веригина, «которые его знали и считали членом отделения». Богров растерялся, и «тогда он нечаянно к своему удивлению начал говорить о готовящемся покушении на Столыпина. Еще больше он удивился, заметив, что охранники ему поверили без всякого колебания и предложили ему билеты на все торжества, где присутствовал Столыпин, якобы для того, чтобы он следил за террористами. Тогда Богров переменял свое решение. Так он вместо Кулябки может убить Столыпина или даже самого царя. Как еврей он не хотел тронуть последнего, но остановился на Столыпине».

Дальше говорилось следующее: «Теперь следует объяснить, почему удалось исполнить это. Шайка бюрократов, во главе ко-

⁸⁸ П. Г. Курлов. Конец русского царизма, стр. 152.

торой стояли Кулябко, Спиридович и Веригин, уже давно намеревались убить Столыпина. Поэтому, когда Богров пришел к ним и рассказал о своих выдумках, то они сразу же заметили, что он говорит неправду. Они отлично поняли Богрова и знали его двуличность». Они поняли, что «Богров сам намерен убить Столыпина или дать возможность другому сделать это. Этого только и нужно было Кулябко и им. Они притворились, что как будто верят ему». Затем они составили протокол о сведениях Богрова на случай, если они окажутся ложными, но Богров отказался подписать его.

«Едва Б[огров] успел выстрелить,—говорилось в заключение,—как Спиридович набросился на него и хотел зарубить его шашкой, чтобы не дать ему возможности открыть тайну. Потом Кулябки закрыли двери тюрьмы и суда, чтобы его голос не был слышен публике, и через несколько дней его повесили, несмотря на протесты со стороны родственников Столыпина»⁸⁹.

Кто был автором статьи, мы не знаем. Единственное, что он сообщил о себе, что он был не революционер. Любопытно, что Мушин, категорически отрицавший, как нам известно, что Богров был агентом охраны, также считает, что вначале Богров намеревался убить Кулябко, а не Столыпина⁹⁰. Более того, сам Богров на суде изменил свои прежние показания и заявил, что убийство Столыпина он «совершил без всякого злоумышления и даже не ожидая для себя»⁹¹.

Версия о Кулябке как первоначально намеченном Богровым объекте покушения представляется нам чрезвычайно правдоподобной. В самом деле, при тех мерах охраны, которые были приняты в связи с киевскими торжествами, а они были, как показывает Ган, «исключительные»⁹², у Богрова (который, кстати, наблюдал их непосредственно) не было ни малейших шансов подойти к Столыпину не только на револьверный, но и, выражаясь фигурально, на пушечный выстрел. И, наоборот, войти в непосредственный контакт с Кулябко, как мы видели, ему ниче-
не стоило.

В связи с этим следует обратить внимание на очень интересные подробности, связанные с первым визитом Богрова к Кулябко 26 августа, которые сообщает Мушин. «25 августа,—пишет он,—Богров зашел к одному из своих знакомых и просил оказать ему помощь в предстоящем завтра побеге. Откуда, по

⁸⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1911 г., д. 124, т. 4, л. 110—110 об.

⁹⁰ А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина, стр. 128.

⁹¹ «Исторический вестник», 1914, № 3, стр. 995 (Разрядка наша.—А. А.). Как свидетельствует присутствовавший на суде прокурор Киевского окружного суда Брандорф, Богров показал, что свой террористический акт он совершил почти бессознательно и если бы заметил кого-нибудь в проходе на своем пути, то, вероятно, не совершил бы его (там же, № 4, стр. 196—197).

⁹² Там же, № 3, стр. 961.

какому случаю, он не объяснил. Дома у себя он уничтожил все, что могло бы как-нибудь и кому-нибудь повредить... На вопросы близких отвечал, что ему предстоит какое-то сложное дело и он теперь занят его подготовкой. 26 августа (до визита к Кулябко.—А. А.) Богров пришел к тем же знакомым и, написав три письма: одно — родителям, два другие — в газеты, просил их передать по назначению»⁹³.

После свидания с Кулябко, Веригиным и Спиридовичем Богров поспешил прежде всего изъять эти письма. «Богров,— свидетельствует Мушин,— был чрезвычайно доволен своим успехом (у Кулябко.—А. А.); пришел домой в радужном настроении и объявил домашним, что ему выдался удивительный день». «Из дома Богров опять направился к своим знакомым и попросил все заготовленные им письма обратно... Два письма — в газеты — были уже отправлены по назначению, и их пришлось вытребовать обратно. К счастью, они оказались нераспечатанными. Письма Богров тут же разорвал»⁹⁴. У нас есть все основания считать, что в письмах Богрова содержался рассказ о его мотивах покушения на Кулябко: в свете сказанного выше трудно предположить что-либо другое. Помимо Богрова, «чрезвычайно довольными» результатами состоявшегося свидания оказались, надо полагать, и Кулябко с компанией. Недаром Кулябко тут же предложил билеты на торжества. Все-таки, по-видимому, Кулябко сильно нервничал и колебался: только этим можно объяснить его поведение в театре, когда он то отсылал Богрова домой, то проводил снова вопреки протестам дежурившего у входа офицера. Он понимал, конечно, что авантюра затеяна грандиозная и в случае провала меньше всего шансов выпутаться из нее будет у него. Этим, наверное, объясняется и его первоначальное заявление об ответственности Курлова⁹⁵.

⁹³ А. Мушин. Дмитрий Богров и убийство Столыпина, стр. 128 (Разрядка наша.—А. А.).

⁹⁴ Там же, стр. 129.

⁹⁵ Ревизия сенатора Трусевича установила, что отношения Курлова и Кулябко в течение ряда лет носили исключительный характер: несмотря на то, что Киевское охранное отделение, с точки зрения Департамента полиции, работало крайне неудовлетворительно, Курлов покрывал Кулябко. На другой день после покушения Курлов заявил судебным властям, что он предполагает перевести Кулябко куда-нибудь в другое место, но не сейчас, «чтобы не подумали, что перевод его связан с преступлением Богрова, чтобы не имело вида, что он ставит Кулябку в вину покушение на Столыпина». Веригин, бывший скромным секретарем директора Департамента полиции, также был выдвинут Курловым по службе и повышен в окладе. Он был назначен исполняющим обязанности вице-директора департамента, не имея на это права (для этого он должен был сначала подняться до должности чиновника особых поручений 4-го класса), причем продолжал и после назначения исполнять те же обязанности («Исторический вестник», 1914, № 4, стр. 193—194). Спиридович, являвшийся в Киеве личным представителем Дедюлина по руководству охраной, был близким другом, и, как тогда считалось, родственником Кулябко (они были женаты на родных сестрах).

Изложенной версии противоречит свидетельство Лазарева. Богров, рассказывает он, действительно приходил к нему и просил, чтобы партия эсеров взяла на себя морально-политическую санкцию убийства Столыпина Богровым. Лазарев подчеркивает, что, во-первых, Богров произвел на него впечатление полной искренности; во-вторых, к фон Коттену Богров явился только после того, как потерпел неудачу у него, Лазарева⁹⁶.

Но, как выясняется с полной очевидностью из беседы Богрова с Лазаревым, Богров пришел к нему за тем, чтобы при его посредничестве установить связь с ЦК партии эсеров или, на худой конец, узнать местопребывание «Николая Яковлевича» и «Нины Алесандровны». Оказывается, это были, как свидетельствует Лазарев, не вымышленные, а реальные люди (это были клички двух эсеров-нелегалов). Богров узнал об их существовании еще до своего приезда в Петербург. Рискуя вызвать самые тяжелые подозрения, Богров просил своего собеседника помочь ему связаться с «Николаем Яковлевичем» и «Ниной Александровной»⁹⁷. Если с этим сопоставить свидетельство фон Коттена о заявлении, сделанном ему Богровым, что он сумеет завязать сношения с эсерами, то цель этой просьбы становится совершенно понятной.

Лятковский также пишет, что в марте 1911 г. Богров говорил ему, что убьет Столыпина. Но из рассказа Лятковского видно, что Богров испытывал огромный страх перед угрозой разоблачения и за обещание убить премьера он ухватился как за якорь спасения⁹⁸.

Обращает на себя внимание, что Лазарев более чем подозрительную настойчивость Богрова обходит полным молчанием — факт более чем странный, если учесть, что Лазарев считал себя опытным конспиратором. Кроме того, назвав имена «Николая Яковлевича» и «Нины Александровны», Богров еще раз и окон-

⁹⁶ Фон Коттен не сообщает, когда первый раз явился к нему Богров, он только указывает, что телеграмму от Кулябко о выезде «Аленского» из Киева была получена им либо в конце мая, либо в начале июня. Первый свой визит Богров нанес Лазареву в воскресенье, на троицу, которая в 1910 г. праздновалась в июне. Вторично он явился ровно через неделю. Третий и последний раз Богров пришел к Лазареву «недели через две» после второго свидания («Воля России», 1926, № VIII-IX, стр. 40, 52, 62). Если даже согласиться с предположением Лазарева (решительно ни на чем не основанном) о том, что Богров явился к фон Коттену после своих визитов к нему, то все равно это ничего не меняет в оценке личности Богрова.

⁹⁷ Там же, стр. 59—61.

⁹⁸ «Каторга и ссылка», 1926, № 2 (23), стр. 39—40. Лятковский пишет, что когда он пришел к Богрову, ему «бросилось сразу же в глаза и крайне поразило в его (Богрова.— А. А.) наружности» то, что «он не по годам поседел». «„Нервы..., волнения...“, — мелькнуло у меня тогда в голове» (там же, стр. 38).

чательно разоблачил себя как провокатор, ибо выдавал Кулябко реальных людей, рассчитывая такой ценой сделать свой рассказ более убедительным. Богрова это могло не беспокоить, но у Лазарева подобное поведение должно было рассеять все иллюзии относительно своего странного посетителя. Тем не менее он продолжает считать Богрова искренне раскаявшимся революционером.

В чем причина такого непонятного, противоречащего очевидности упорства? Ответ дает сам Лазарев. Из его рассказа видно, что он был до такой степени антисоветски настроен, что все исходящее из Советского Союза отвергал с порога, даже когда речь шла об оценке личности Богрова. Поэтому он оспаривает выводы Струмилло и противопоставляет им свою собственную версию. Предвзятость, однако, плохой советчик. Не будь ее, Лазарев, несомненно, иначе — в соответствии с фактами — истолковал бы визиты Богрова к нему (всего их было три) летом 1910 г.

Развитие событий после покушения дает новые основания считать, что убийство Столыпина было делом рук охраны.

Прежде всего обращает на себя внимание молниеносность следствия и суда над Богровым: менее чем через две недели он уже был казнен. На этот факт обратили внимание все современники и все писавшие о Богрове, и это естественно, так как это просто бросается в глаза. Обратил на него внимание и Майский. Он считает, как это видно из текста (соответствующий раздел озаглавлен: «Шемякин суд»), что быстрая расправа с Богровым была вызвана желанием властей поскорее расправиться с убийцей премьера, насладиться, так сказать, жаждой мести⁹⁹. Но это объяснение весьма наивно. Ивана Каляева, убийцу великого князя Сергея Александровича — фигуры, в глазах «верхов» более значительной, чем Столыпин, — продержали в тюрьме, прежде чем казнить, более трех месяцев. Егор Сазонов — убийца Плеве — личности по тогдашней котировке во всяком случае не менее ценной, чем Столыпин, — вообще не был казнен, а отправлен в Зерентуйскую каторжную тюрьму.

Молниеносность расправы характерна, как показывает исторический опыт, всегда в одном и том же случае: когда нужно скрыть какую-то правду, очень нежелательную каким-нибудь весьма влиятельным силам. Но быстрый суд и казнь Богрова могли осуществиться только тогда, когда в них оказались бы заинтересованы люди, обладавшие громадным влиянием, таким, скажем, какое было у дворцового коменданта Дедюлина. «Через несколько месяцев после смерти Столыпина, — свидетельствует Зеньковский, — главный военный прокурор вызвал

⁹⁹ «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 140.

к себе зятя Столыпина Б. И. Бок и сказал ему, что главным виновником смерти Столыпина является Курлов, по инициативе которого и было совершено покушение. Вместе с тем тот же главный прокурор сказал Боку, что по распоряжению государя дело о Курлове было прекращено»¹⁰⁰. М. П. Бок в своем предисловии не проверяет этого заявления ни единым словом.

Действительно, царь прекратил дело не только Курлова, но всей честной кампании. Следственная машина, катившая в начале довольно быстро и гладко всю четверку прямым ходом в тюрьму, вдруг забуксовала, а затем остановилась. Новый премьер-министр Коковцов упорно противился принятому царем решению освободить Курлова и остальных от суда, доказывая, что подобный шаг окончательно утвердит в общественном мнении убеждение, что Столыпин убила охранка. Но настояния Коковцова были оставлены без внимания¹⁰¹.

В связи с этим стоит обратить внимание на примечание, которое сделал Ган ко второй части своей статьи: «В начале очерка я заявил, что сделаю попытку систематизировать весь относящийся к делу материал и рассказать в строго объективной форме, на основании вполне проверенных данных, в значительной своей части извлеченных из официальных документов, весь ход событий, приведших к ужасной трагедии 1 сентября 1911 г. К сожалению, полностью я не мог осуществить свою задачу по некоторым независимым условиям. Очевидно, еще не настало время для опубликования всех материалов, хотя и строго проверенных и извлеченных из официальных документов»¹⁰². На какие документы намекает Ган, мы не знаем. Но содержание его статьи позволяет сделать два бесспорных вывода. Во-первых, Ган располагал действительно подлинными и чрезвычайно ценными документами. Во-вторых, он ответил на все сколько-нибудь значительные вопросы, связанные с убийством Столыпина, кроме одного, решающего, который и интересовал прежде всего тогдашнее общественное мнение: какова была роль охранки в этом убийстве? Ган отделяется намеками. Скорее всего, говоря о том, что не настало время для полного раскрытия дела, он имел в виду ответ именно на этот вопрос. В последний момент кто-то встал на его пути.

Остается добавить, что последующая судьба постановщиков Киевского спектакля сложилась вполне благополучно, особенно Курлова. В частности, с первых дней войны ему был уготовлен

¹⁰⁰ А. В. Зеньковский. Правда о Столыпине, стр. 233 (Разрядка наша.— А. А.).

¹⁰¹ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. II. Париж, 1933, стр. 116—118.

¹⁰² «Исторический вестник», 1914, № 4, стр. 192 (Разрядка наша.— А. А.).

пост генерал-губернатора Восточной Пруссии. Занять его помещал «пустяк»: Восточная Пруссия не была завоевана.

Гениальным полицейским нюхом Курлов и К^о учуяли, что неожиданный приход Богрова является тем неповторимым случаем, который могут упустить только дураки и растяпы. Они отлично знали, что предвосхищают тайное желание двора и камарильи избавиться от Столыпина. Риск, конечно, был, но игра стоила свеч.

Когда незадолго до своей смерти Столыпин говорил: «Меня убьют, и убьют члены охраны»¹⁰³, он знал, что говорил.

¹⁰³ «Последние новости», 30 августа 1936 г.

Глава девятая

БАНКРОТСТВО «ПРАВОВОГО ЦЕНТРА»

НАЦИОНАЛИСТЫ

Недостаток места заставляет нас опустить вопрос о конечных результатах деятельности черносотенных организаций (Совет объединенного дворянства, «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела» и др.) в третьедумский период и прямо начать с анализа итогов работы «правого центра», т. е. националистов и октябристов.

Несмотря на все усилия, националисты практически партией так и не стали. Что касается фракции националистов, то «министерский» кризис в марте 1911 г. нанес удар не только Столыпину, но и его детищу. Спустя полтора месяца после него в «Новом времени» появилась редакционная заметка, сообщавшая о создании в Думе новой группы националистов, выделившейся из фракции. «В думской фракции националистов,— указывалось в заметке,— произошла давно ожидавшаяся мирная эволюция: часть ее членов, около 20 человек, образовали группу „независимых националистов“ в целях скрепления центра и придания ему большей устойчивости». В числе отколовшихся были Крупенский, А. Н. Лихачев, В. Н. Львов, Н. Д. Сазонов, В. Н. Проценко и др. Основная причина расхождения формулировалась весьма туманно, но смысл ее все же достаточно ясен: «Оставаясь естественными союзниками национальной фракции, эти депутаты думают, что имперская идея как связывающий центр должна сблизить между собой не только русских по крови, но и те инородческие элементы, которые в силу своего честного служения родине являются защитниками той же национальной идеи...» В переводе на более простой язык это означало отказ от основного лозунга национализма «Россия для русских» в его наиболее агрессивной воинствующей форме, некоторое его смягчение за счет если не союза, то известного минимума благожелательности по отношению хотя бы к «благонадежным» народам и нациям, населявшим Российскую империю.

Заметка особенно подчеркивала, что раскол не вызван «министерским» кризисом: «Происшедшее отделение группы наци-

оналистов назревало давно и ничего общего с последними событиями и, в частности, с запросом о применении 87 ст. не имеет». Однако газета тут же выражает сожаление о происшедшем расколе: «Конечно лучше, если бы никакого разделения не происходило, но с другой стороны,— пытается она преуменьшить его значение и даже найти в нем положительное начало,— развитие национальных идей в смысле освещения новых сторон жизни и иных вопросов может принести и свою пользу, тем более что по главным вопросам у новой группы, по-видимому, нет никаких разногласий с русской национальной фракцией, бывшей всегда также достаточно независимой»¹.

Попытка газеты скрыть истинное положение и причины раскола среди националистов была достаточно неуклюжа, и она тотчас же стала объектом критики со стороны выразителя идеи «левого центра». «Так или иначе,— писал на другой день кадетский официоз,— но, вместо торжественно обещанного нового взрыва национального чувства пока перед нами обнаружился раскол даже среди националистов. Вместо привлечения новых подкреплений дрогнули старые ряды». «О, конечно,— иронизировала газета,— это не стоит ни в какой связи с поражением грессмейстера национализма (т. е. Столыпина — А. А.), ничего общего не имеет с последними событиями и, в частности, с запросом о применении 87-й статьи. Они просто отступили на заранее подготовленные позиции. Эта „мирная эволюция“ давно ожидалась, отделение назревало давно. Если оно теперь только разрешилось, то это роковое совпадение, каких у нас так много бывает, это просто случайность, против которой логика бессильна. Случайность, несомненно, неприятная». Сославшись затем на высказанное «Новым временем» сожаление о совершившемся расколе и словечко «по-видимому», предшествующее словам о том, что у новой фракции нет никаких разногласий со старой, передовая указывала: «И эта оговорка не лишена большой проницательности, потому что один из „лидеров“ нового политического образования г. Сазонов выразился существенно иначе, сказав, что разногласия не будет по многим вопросам»². «Новое время», как мы видели, ужасно смущало то обстоятельство, что выделившаяся фракция назвала себя «независимыми националистами». Из этого автоматически следовало, что характерной чертой ранее единой фракции была именно ее зависимость. Чувствительность этого удара подчеркивалась тем, что он наносился не специально, а, так сказать, нечаянно: своим названием выделившаяся группа отнюдь не собиралась обижать своих собратьев. Это также было подмечено «Речью», которая указывала в передовой, что название «независимые»

¹ «Новое время», 30 апреля 1911 г.

² «Речь», 1 мая 1911 г.

было выбрано отнюдь не для того, чтобы уязвить, а единственно лишь для того, чтобы подчеркнуть, что новая фракция собирается решать вопросы самостоятельно. Обида и состояла в том, что из названия следовало, что до этого фракция националистов решала вопросы не самостоятельно³. Это вынуждены были признать и сами националисты. В националистическом сборнике «Ладо», о котором еще будет речь впереди, некий Михаил Балясный в статье «Чего ожидать от русского национализма», писал: «Недоумение вызвало название „независимых“, так как этим было подчеркнуто отношение другой половины фракции к правительству»⁴.

В отличие от автора цитированной нововременской заметки бард и идеолог национализма Меньшиков предпочитал не скрывать истинного положения дел. «Из всех партий,— писал он в статье «Опыт свехобструкции»,— держит себя победоносно одна, особенно мне близкая, именно национальная, единственная, поддерживающая политику 14 марта. Я сильно боюсь, что бравадный тон этой почтенной партии тоже скрывает за собой сильное смущение. Отголоском последнего служит раскол среди национальной думской фракции, от которой выделилась очень большая группа „независимых националистов“ с Крупенским во главе». «Раскол этот,— указывал Меньшиков,— еще не решает судьбы ни национальной партии, ни, тем более, национальной идеи, но он показывает, что в область этой величественной идеи вторглась печальная смута»⁵.

Что же повергло в смущение людей, которым смущение было совсем несвойственно? Разумеется, не чувство неловкости, испытываемое по поводу весьма тесной зависимости от премьера, тем более что эта зависимость была обоюдной. Подозревать отколовшуюся часть националистов в такой щепетильности было бы так же наивно, как думать, что «независимые» после своего выхода стали чем-то всерьез отличаться от зависимых. Чтобы окончательно представить себе всю нелепость подобного предположения, достаточно вспомнить, что во главе новой фракции встал Крупенский — человек, которого А. А. Бобринский, выражая мнение всех правых и националистов, характеризовал следующими словами: «Это термометр думского большинства: националистов, тем самым — показатель правительственного направления и настроения. Верный и покорный слуга Столыпина»⁶. Стремление Крупенского и его товарищей к «независимости» по отношению к Столыпину очень сильно напоминает стремление неких несимпатичных существ стать «независимыми» по от-

³ Там же, 11 мая 1911 г.

⁴ «Ладо». Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. СПб., 1911, стр. 174.

⁵ «Новое время», 10 мая 1911 г.

⁶ «Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 135.

ношению к тонущему кораблю. Недаром тот же Бобринский вслед за приведенной записью добавляет: Крупенский ему заявил: «Столыпин не всесилен»⁷. Сказано это было еще в начале октября 1910 г.

И все-таки основная причина бегства части националистов в «независимые» лежала глубже. Откол был вызван тем же обстоятельством, какое привело к краху черносотенное движение,—отсутствием, еще более наглядным, всякой массовой базы. Националисты не только не привлекли массы на свою сторону, но не сумели даже стать партией со сколько-нибудь разветвленной организацией. Практически партия исчерпывалась фракцией, а она в основном состояла из помещиков и чиновников юго-западных и западных губерний, прежде всего Подольской и Волынской. Вся же деятельность фракции, по признанию упомянутого выше Балясного, «ограничивалась почти исключительно стенами законодательной палаты...»⁸

Касаясь другой организации националистов — «Всероссийского национального союза», Балясный писал: «Дело налаживается; но как бы там работа ни шла, самых учреждений этих крайне мало. „Союз“ имеет только несколько отделений (в Минске, Воронеже и др.) и хотя к нему в последнее время примыкают те или другие организации, но говорить о „сети“, тем более о густой и правильной сети, подобных национальных гнезд не приходится». Автор высказывал сожаление по поводу того, что «до сих пор нет ни в Петербурге, ни в Москве новой большой национальной газеты...»⁹

Но стоило ли сожалеть об отсутствии новой газеты, когда одно за другим закрывались за неимением читателей старые и как будто бы уже устоявшиеся националистические издания? Так, в частности, прекратили свое существование «Окраины России» и «Славянские известия».

Еще в 1908 г. редактор первого органа в передовой, озаглавленной «Слово к читателям в конце третьего года жизни „Окраин России“», вынужден был признать, что «Окраины России» «по-прежнему, к сожалению, не могут похвастаться широким, в желательном размере, распространением»¹⁰. Так продолжалось и впредь, и в конце концов газету пришлось прикрыть. В передовой под тем же названием «Слово к читателям», тот же Кулаковский сообщил: «Оканчивается 7-й год издания „Окраин России“ и временно приостанавливается выход нашего еженедельника»¹¹. Словечко «временно» было совершенно

⁷ «Красный архив», 1928, т. I (26), стр. 135.

⁸ «Лад», стр. 173, см. также стр. 182.

⁹ Там же, стр. 182—183.

¹⁰ «Окраины России», 1908, № 51-52, стр. 737.

¹¹ Там же, 1912, № 51-52, стр. 724.

излишним: газета уже больше не воскресла, как обещал редактор в своей прощальной передовой.

«Славянские известия» закрылись еще раньше. «Ввиду изменившихся как моральных, так и материальных условий,— писал редактор в предпоследнем номере,—я с 1 января 1911 г. сложил с себя обязанности руководителя и редактора журнала „Славянские известия“. Будет ли впредь издаваться журнал, определенных данных у меня не имеется»¹². В последнем номере выражалась та же несбывшаяся надежда, что и у редактора «Окраин России»: «Смею поэтому думать, что мы свидетели не похорон единственного в России славянского журнала, а лишь временной его отлучки»¹³. К этому надо прибавить, что дело было именно в «моральных условиях», т. е. в отсутствии читателей, так как бюджет «Славянского благотворительного общества», на средства которого издавался журнал, был совершенно устойчив и достаточен.

Кадеты были в определенном смысле правы, когда утверждали, что «нынешние господа положения, националисты, представляют собой самую искусственную из всех организаций, а между тем эта группа только одна и поддерживает целиком современную политику»¹⁴. О том, насколько болезненно чувствовали эту искусственность сами националисты, свидетельствует упомянутый нами сборник «Ладо», появление которого, несомненно, надо поставить в связь с наметившимся у них расколом. Центральной идеей сборника была мысль о необходимости превращения официального национализма в широкое народное движение — в «национал-демократизм». Этот программный тезис подробно и всесторонне был аргументирован в цитированной статье того же Балясного.

Признав с сожалением факт отсутствия влияния национализма, Балясный пытается найти причину этого явления. «Возникает вопрос,— пишет он,— да правилен ли вообще метод работы национализма наших дней и взял ли он правильный курс как в стенах наших законодательных учреждений, так и в общественной жизни?» Ответ давался следующий: «Современный национализм есть понятие и явление демократическое (народное)». «Ныне он должен претвориться в практическую работу по программе демократического (народного) характера. Но русским националистам все еще недостает широкой программы, которая вмещала бы как минимальные реформы, диктуемые неотложными требованиями жизни, так и максимальные цели, годные не только для привлечения „сливок общества“, но и простонародья и предубежденных слоев интеллигенции». Чтобы

¹² «Славянские известия», 1910, № 5-6, стр. 564.

¹³ Там же, № 7-8, стр. 680.

¹⁴ «Речь», 10 сентября 1911 г.

конкретизировать свою мысль, Балясный «в целях ознакомления» приводит полный текст проекта платформы, выработанный неким «московским национал-демократическим кружком, который «зародился» в последнее время наряду с такими же кружками в Киеве и Петербурге.

Проект этот весьма любопытен. Он предлагал объединить старые националистические лозунги с требованиями, которым могли позавидовать кадеты. В собственно национальном вопросе авторы проекта дошли до такой ереси, что заявили: «В видах государственных необходимо снятие черты еврейской оседлости». В Польше русский язык, по их мнению, должен быть обязательным, но «наряду с польским языком». В разделе «Государственное устройство и управление России» проект требовал установления «конституционной монархии», «введения всеобщего равного и тайного избирательного права для выборов в Г. думу...», демократизации выборов в Государственный совет, снятия исключительных положений, уничтожения административной ссылки, «свободы слова, печати, союзов, собраний с установлением ответственности только по суду», уравнивания всех сословий, реформы паспортной системы и государственной полиции, отдельного корпуса жандармов, «особенно же охранного отделения».

Проект предлагал распространить земства и городское самоуправление на всю территорию России; предоставить право избирать в них не только мужчинам, но и женщинам. Платформа ратовала за «действительную несменяемость судей», изъятие политического следствия из рук жандармов, уничтожение судебных функций земских начальников, отмену смертной казни и телесных наказаний преступников.

Раздел «Рабочий вопрос» включал такие требования, как «учреждение Министерства труда», «распространение независимой фабричной инспекции» на всю промышленность, государственное страхование рабочих, срочные тарифные договоры между рабочими и работодателями, создание выборных арбитражных судов, законодательная охрана здоровья рабочих, особенно женщин и детей, и даже «скорейшее осуществление 8-часового рабочего дня в тех отраслях труда, где это возможно и допускает иностранная конкуренция»¹⁵.

Перед нами своеобразные националистические «Вехи». Отличие их от кадетских «Вех» состоит лишь в том, что первые двигались справа налево — от национализма к либерализму, а вторые вместе со струвенской «Патриотикой» — от либерализма к национализму. Цель же у тех и у других была одна — обосновать идейно политическое течение, которое «младонационалисты» называли «национал-демократизмом», а кадеты-веховцы

¹⁵ «Ладо», стр. 174—179,

окрестили «национал-либерализмом». Это была чистая конкуренция: подобно тому, как Струве упрекал свою партию за то, что она добровольно уступила свое лидерство в национальных вопросах правым элементам из боязни прослыть ретроградной, так и сборник «Ладо» считал, что не следует бояться угрозы быть зачисленным в либералы. Недаром один из кадетских публицистов, подробно разбирая указанный сборник, дал своей статье весьма характерный заголовок: «Сирены»¹⁶. Именно такой же эпитет пустили в ход «Россия» и «Новое время», когда кадеты в лице Струве и других продемонстрировали свой поворот к открытому национализму.

Недаром передовая «Речи» подчеркивала, что точка зрения фракции «независимых националистов», если последние домыслят ее до конца, означает на деле переход на кадетскую точку зрения¹⁷. Нечаянно кадетский официоз высказал здесь больше правды, чем хотел, а именно, что между партией националистов и партией кадетов нет непроходимой пропасти в национальной программе, что разница эта количественная. Позднейший союз кадетов и «прогрессивных националистов» в «Прогрессивном блоке» был результатом не только глубокого кризиса «верхов» и вызревания революционной ситуации, но и генетического родства, основанного на великодержавном шовинизме и «имперской идее».

Надежда националистов из «Ладо» соединить зоологический национализм с демократизмом широких масс, прежде всего крестьянства¹⁸, была, конечно, чистейшей утопией. Зубатовскую неосуществимость подобной затеи и ее полную неприемлемость для Балашовых и прочих понимали даже те, кто к ней призывал. Приводя в качестве образца цитированную платформу «Московского кружка», Балясный по ее поводу писал: «Программа эта отражает на себе спешность выработки, страдая неумением разграничить минимальные требования от максимальных и недостатком распределения задач во времени. Она поэтому едва ли способна удовлетворить те круги национально мыслящего русского общества, которые ощущают потребность ясной формулировки требований национальной партии и развития национальных начал в сторону разумного (!) демократизма». В переводе на простой язык это означало следующее: демократическая демагогия — прекрасная вещь, но надо соблюдать меру, не выходить из границ, иначе рискуешь сломать голову.

Вместо масс националисты должны были довольствоваться деньгами. «Темные деньги» оказались единственной альтерна-

¹⁶ «Речь», 12 декабря 1911 г.

¹⁷ Там же, 11 мая 1911 г.

¹⁸ Многомиллионное крестьянство — «среда с прочным национальным об-
диком», — указывал Балясный («Ладо», стр. 183).

тивной массовой социальной базе не только у «союзников». Все свои рассуждения и аргументы по части демократизации национализма Балясный закончил призывом не жалеть денег. «Без огромных денежных сумм,— писал он,— не сделать в наше время большого национального дела, и без этого первостепенного условия все национально-общественные планы работы будут иметь лишь отрывочное и непрочное значение»¹⁹.

Балашов и К^о поняли эту истину сразу. «К великому моему удивлению,— вспоминал Коковцов, говоря о своих первых шагах в качестве преемника Столыпина,— в числе их (организаций и лиц, получавших казенные субсидии.— А.А.) оказались и видные представители самой партии националистов в Государственной думе, получавшие до меня довольно значительную ежемесячную субсидию на поддержание различных местных организаций, правда, в течение времени немногим более одного года». Поскольку партия до прихода Коковцова на пост премьера существовала как раз немногим более одного года, это значит, что она стала получать деньги из известного десяти-миллионного фонда с первых же дней. Далее Коковцов сообщает, что при нем выдача денег националистам прекратилась, причем по инициативе последних. Через два месяца, в конце ноября — декабре 1911 г., кто-то из «левых» заявил, что националисты получают «темные деньги». Тогда «из среды группы националистов я получил заявление, что группа не находит более возможным пользоваться оказываемой ей помощью и просит больше ее не производить. Я направил заявление к Макарову, предупредив его об этом, и с декабря 1911 г. эта помощь была прекращена»²⁰.

В статье некоего И. Г. под названием «Подоплека», помещенной в «Речи», автор объяснял, что националисты пошли в поход против Коковцова не потому, что он якобы изменил курс Столыпина, а потому, что не раскошелится на них так, как им хотелось²¹.

Но даже с «темными деньгами» работа националистов, по цитированному выражению националистического теоретика, имела лишь «отрывочное и непрочное значение».

Об этом свидетельствует первый съезд партий националистов в феврале 1912 г., посвященный главным образом предстоящим выборам в IV Думу. По сведениям «Окраин России», на съезд прибыло более 150 делегатов от 83 провинциальных отделов Всероссийского национального союза²². По данным «Речи», делегатов было 60—70, а всего на съезде присутствовало около

¹⁹ «Лето», стр. 179, 183.

²⁰ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. II, стр. 11—12.

²¹ «Речь», 3 февраля 1912 г.

²² «Окраины России», 1912, № 8, стр. 114.

200 человек. Денег в партийной кассе оказалось всего 59 руб. Несмотря на субсидии, партию в основном содержал ее лидер Балашов, за что съезд вынес ему специальное благодарственное постановление²³. Съезд показал, что националисты не строят себе никаких иллюзий относительно своего влияния в массах. Было решено блокироваться с партиями, стоящими не левее октябристов. Принятая избирательная платформа и в намеке не имела тех «демократических» пунктов, которые содержала программа «Московского кружка», рекомендованная для изучения Баясным.

Народ презирал националистов так же, как и «союзников», — таков был главный итог их деятельности.

ОКТАБРИСТЫ

Оценивая избрание Гучкова председателем Думы и уход его в связи с этим с поста лидера фракции с точки зрения прочности октябристского «центра», газета «Утро России» писала: «Без лидера партия рискует наделать таких ошибок, которые могут оказаться для нее роковыми». «Октябристский стяг в опасности. Уже тает сплоченная и крепкая прежде рать его защитников»: перебежчики бегут и вправо и влево, Гучков «будет совершенно не в силах остановить распадение фракции 17 октября»²⁴. То же отмечала и «Речь»: «С риском внутреннего распада А. И. Гучков готов тем не менее покинуть свою паству и посвятить себя иному способу борьбы за конституцию»²⁵.

Месяц спустя сами октябристы признали полную обоснованность этих опасений. В статье, с трагической краткостью озаглавленной «Октябристы», октябристский депутат-публицист Еропкин писал: «Когда во фракции Союза 17 октября поставлен был на обсуждение вопрос о кандидатуре А. И. Гучкова на пост председателя Государственной думы, то раздавались настоячивые голоса очень видных членов фракции, что такая жертва слишком велика для партии, ибо она равносильна самоубийству всей фракции. Противники этого мнения указывали в ответ, что всякие соображения об интересах партии должны отступить на второй план, когда вопрос идет об интересах, мало того — о существовании самой III Думы, раз только отвергнута будет эта кандидатура». «И, к крайнему сожалению, события последнего времени дают основание признать, что уход А. И. Гучкова чрезвычайно губительно отозвался на фракции октябристов». До сих пор не избран председатель фракции, и «главным

²³ «Речь», 20 февраля 1912 г.

²⁴ «Утро России», 10 марта 1910 г

²⁵ «Речь», 6 марта 1910 г.

тормозом» здесь выступает Родзянко, который хочет занять место Гучкова. Между тем он представляет только «правое крыло» фракции, а ведь есть и «левое». «А. И. Гучков своим личным обаянием и своей железной волей умел и примирить, и сковагь оба эти крыла. И как только члены фракции почувствовали, что руководительство ослабло, так оба крыла осели и готовы дать трещину; газеты уже оповестили, что некоторые депутаты выходят из фракции октябристов». «Как бы то ни было, но гололобовская фракция растет. Передают (!), будто готова народиться еще и новая фракция — внепартийная — земская». «А ослаблять центр,— меланхолически заключал Еропкин,— значит вести 3-ю Думу к гибели. И разве для этого партия жертвовала А. И. Гучковым?»²⁶

Возня с выбором председателя фракции приняла затяжной характер. «Левые» октябристы выдвинули кандидатуру фон Анрепа, правые — Родзянко²⁷. Соглашения достигнуть не удалось, и было постановлено отложить вопрос до новых выборов председателя Думы (проводившихся ежегодно). В знак протеста Родзянко вышел из бюро фракции. «Как известно,— писала по этому поводу милюковская газета,— это явилось последствием решения фракции — оставить вопрос о замещении председательского кресла Гучкова во фракции открытым до будущих председательских выборов в Государственную думу. Кто знает: быть может, место понадобится для А. И. Гучкова, думали при этом октябристские лидеры. А пока вакантное место будет играть роль октябристского зеркала, и два товарища председателя, гг. Анреп и Родзянко, одинаково будут мечтать о нем, не обижая друг друга. Г. Родзянко, очевидно, не выдержал этой роли, тем более что, выйдя из состава бюро своей фракции, он развязывает себе руки как претендент в лидеры будущего правого большинства»²⁸. Под последним, по-видимому, имелось в виду будущее право-правооктябристское большинство, которое возникнет после того, как октябристы окончательно расколются.

... Председательский кризис длился почти до конца года. 16 ноября на заседании фракции были выдвинуты два кандидата в председатели фракции: Родзянко и Алексеенко. Первый получил 41 голос, второй — 34. В результате оба отказались от дальнейшей баллотировки²⁹.

Спустя четыре дня, 20 ноября, как свидетельствует в своем дневнике октябрист И. С. Ключев, на квартире у Лерхе собралось на частное совещание 15—16 октябристов. Гучков заявил: положение серьезное — фракция раскололась, и прошедшие вы-

²⁶ «Голос Москвы», 15 апреля 1910 г.

²⁷ «Речь», 10 марта 1910 г.

²⁸ Там же, 29 марта 1910 г.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 2, д. 19, л. 163.

боры не привели к результатам. Правые октябристы категорически настаивают на Родзянко, а Алексеенко отказывается. По всем этим соображениям надо выбирать Родзянко. Лерхе и еще некоторые из присутствовавших, в том числе и сам Ключев, поддержали Гучкова. Против Родзянко выступил Капустин. Мнение Гучкова победило. В товарищи председателя было решено избрать Каменского³⁰.

23 ноября Родзянко стал, наконец, председателем фракции (за него было подано 59 голосов, за Алексеенко — 30), а 27 ноября были избраны и два его товарища: старшим товарищем председателя — Каменский (73 голоса против 3), вторым — Глебов (56 голосов против 20)³¹. В день выборов Родзянко Ключев записал в своем дневнике: «Мы были обмануты Гучковым в деле выборов Родзянко. Он получил инструкции о том, что необходимо избрать Родзянко. Стал действовать по рецепту — цель оправдывает средства. Уговорил отказаться Алексеенко. Обманул других, заявив, что Анреп тоже отказался»³². Чьи инструкции получил Гучков, Ключев не пишет, но нет сомнения, что он имел в виду Столыпина.

Вся эта история вплоть до деталей повторилась снова в марте 1911 г., но уже в связи с выборами нового председателя Думы после отставки Гучкова. Алексеенко согласился быть председателем при условии, что его поддержит «умеренная оппозиция»³³. Под этим он, по-видимому, имел в виду избрание октябристско-кадетским большинством. 21 марта на заседании фракции Алексеенко был намечен кандидатом в председатели Думы 57 записками. Такое голосование его не удовлетворило, и он отказался. При новой баллотировке Родзянко получил 38 голосов. Ввиду того, что голоса разбились, было решено отложить окончательное решение. На следующий день Родзянко получил 51 голос. Сославшись на первое голосование, он также отказался, но затем согласился³⁴. В тот же день Родзянко был избран председателем Думы, причем против него голосовали некоторые октябристы.

Что это была за фигура, видно из следующей записи Ключева: «Да полноте, пожалуйста, возражают им (сторонникам Родзянко на заседании фракции 21 марта.— А. А.): да какой же М. В. [Родзянко] октябрист, он скорее националист, и еще неизвестно, кто правее — он или Волконский (товарищ председателя Думы, крайний правый.— А. А.)». «В глубине души он такой же правый, как и все сидящие направо от нас»³⁵.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 3, тетрадь 2, л. 62.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 2, д. 19, лл. 164, 171.

³² ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 4, тетрадь 3, л. 7.

³³ «Речь», 20 марта 1911 г.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 2, д. 19, лл. 222, 228; см. также «Речь», 22 марта 1911 г.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 7, тетрадь 6, л. 45.

Как и в первом случае, когда речь шла о выборе председателя фракции, Гучков проделал тот же самый трюк, не утруждая себя поисками новых средств в свойственном ему стиле мелкого интригана и закулисного гешефтмахера. В редакционной статье «Ошибочный шаг октябристов», посвященной избранию Родзянко председателем Думы, гучковский офицоз писал: «Вполне правильно поступили левые октябристы, голосуя против г. Родзянко. Они, конечно, не личность баллотировавшегося имели в виду. Они, убежденные конституционалисты, не желали и не желают видеть на председательском месте своего единомышленника при создавшихся условиях»³⁶. Пикантность этого заявления состояла в том, что, как поведал сам Родзянко в одном из своих интервью, Гучков приезжал к нему домой уговаривать баллотироваться в председатели Думы, в то время как публично он представлял себя сторонником Алексеенко³⁷.

В истинности этого утверждения можно не сомневаться. Это доказывается как самим фактом публичного заявления, так и тем, что Гучков ни словом не опротестовал его. 22 марта, в день выборов Родзянко, после того, как были оглашены результаты голосования, Гучков сказал Ключеву: «Ну теперь Дума себя похоронила»³⁸. Но соратники московского политика уже хорошо знали цену искренности своего лидера. Тот же Ключев рассказывает, что на частном совещании октябристов 26 марта фон Анреп, обвиняя бюро фракции в том, что оно сначала высказалось против Родзянко, а потом за него, прямо заявил Гучкову, что и он к этому делу «руку приложил». Последний оправдывался весьма бледно, доказывая, что все это неправда, он всегда был противником Родзянко, но все дело заключалось в том, что за него было большинство фракции³⁹.

В ответ на избрание Родзянко 5 членов бюро фракции (из 10) — Хомяков, фон Анреп, Шидловский, Лерхе и Голицын — заявили о своем выходе из бюро. Часть октябристов настаивала на выходе из фракции, но их уговорили подождать до осени с тем, чтобы выяснить отношение избирателей к этому шагу и в случае поддержки осуществить его⁴⁰. Совещание 26 марта, на котором собрались Анреп, И. В. Годнев, Гучков, Капустин, Голицын, Ключев, И. И. Капнист, Лерхе, Н. Н. Опочинин, Глебов, Каменский, Г. А. Бергман, как раз и обсуждало вопрос об образовании «новой партии»⁴¹. Все это в очередной раз оказалось пустой болтовней. Что касается заявления Анрепа и других, то

³⁶ «Голос Москвы», 23 марта 1911 г.

³⁷ «Речь», 7 апреля 1911 г.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 7, тетрадь 6, л. 49.

³⁹ Там же, л. 58.

⁴⁰ «Речь», 25 марта 1911 г.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 7, тетрадь 6, л. 58.

через два дня оказалось, что вся пятерка остается в бюро, к вящему конфузу кадетов, поспешивших до времени обрадоваться этому заявлению ⁴².

Октябристский «центр» продолжал гнить и разлагаться тем же порядком, что и раньше.

По-прежнему терпели крах все попытки руководства фракции установить в ней минимум дисциплины. В очередной раз такая попытка была сделана в начале 1911 г. Бюро фракции выработало соответствующие правила и вынесло их 1 февраля на обсуждение фракции. Проект вызвал самое ожесточенное сопротивление. Против него выступили Опочинин, Леонов, К. Н. Ломоносов. А. А. Воейков возражал против главного пункта правил — обязательности голосования. Взамен проекта он предложил выработать бюро подробный план, регулирующий вопросы дисциплины и внутренней жизни фракции, что и было принято ⁴³. Практически это предложение означало сохранение прежнего status quo, так как всем было хорошо известно, что чем подробнее будет план, тем меньше он имеет шансов быть когда-либо принятым.

В период «министерского» кризиса угроза раскола фракции стала настолько реальной, что октябристский официоз решил предупредить события, чтобы ослабить ожидаемое впечатление. В передовой «Накануне большого дня», под которым разумелось выступление Столыпина в Думе по запросу о трехдневном роспуске палат, газета писала: «Не выяснен в точности вопрос, будет ли единодушно голосование октябристской фракции, но не будет ничего неожиданного в том, если часть октябристских голосов отколетя и перейдет в лагерь защитников правительства. Это обстоятельство не может оказать серьезного влияния на исход голосования, но зато оно, конечно, даст тему для разговоров и толков о новом расколе среди октябристов, о развале и расколе партии и т. д.» Не надо жалеть, если это произойдет. «Не секрет, конечно, что среди октябристов в Думе были и есть лица, по своим убеждениям не вполне отвечающие октябристской программе... Их уход... не должен страшить фракцию. Для фракции назрела очевидная необходимость дифференциации, и тот перелом, который может совершиться завтра, является совершенно естественным и необходимым» ⁴⁴. Последнее утверждение было жалким хвастовством.

Ровно через три дня газета в передовой «Большой день» выразила бурно свой восторг по поводу того, что ее страхи оказались преувеличенными. На заседании фракции, сообщила она, «забыв» с поистине очаровательной купецко-наивной бессовест-

⁴² «Речь», 29 марта 1911 г.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 2, д. 19, л. 199.

⁴⁴ «Голос Москвы», 26 апреля 1911 г.

ностью о том, что писала так недавно, против предложенной формулы перехода высказались всего три человека. «Таким образом, никакого раскола, которого одни (!) опасались, а другие страстно желали, не произошло. Важность переживаемого момента спаяла фракцию, и ее вчерашнее голосование блестяще доказало ее жизнеспособность. Гг. политические гробокопатели слишком поторопились со своей отходной. Когда речь идет о защите конституции, фракция единодушна»⁴⁵.

О «единодушии» фракции можно судить по финалу истории с тремя октябристами, указанными в передовой. Верные себе, они не только на заседании фракции, но и в Думе проголосовали против октябристской формулы перехода. Некоторые «левые» октябристы на заседании фракции 6 мая потребовали на этом основании исключения М. Д. Челышева, А. З. Танцова и Н. С. Тараненко. Во избежание подобных случаев в дальнейшем было предложено сделать обязательными для всех решения фракции, если на заседаниях, где эти решения будут приняты, будет присутствовать не менее 33 человек. Правые октябристы категорически запротестовали против этой квоты, так как цифра 33 была именно тем максимумом, которые могли наскрести «левые» октябристы. Они потребовали увеличить ее до 60 человек, причем если решение будет принято тремя четвертями присутствовавших, то тогда нельзя голосовать только против него, уклониться же от голосования будет можно. Дебаты были весьма бурными. «Левые» обвиняли правых в «недостаточности конституционных чувств». Правые в свою очередь упрекали «левых» за то, что они хотят отодвинуть на задний план «национальные вопросы». Троица, из-за которой разгорелся очередной сыр-бор, во фракции, конечно, осталась⁴⁶.

Фракция фактически уже распалась. Формальное единство сохранялось еще из-за апатии и полного равнодушия ее членов, которые на все махнули рукой и решили доживать до конца своих полномочий так, как есть, считая ненужными и запоздалыми какие-либо перемены. На том же заседании фракции 6 мая, где «левые» пытались исключить трех слушников, Хомяков заявил: то, что часть членов фракции не посещает ее заседаний, — конечно, плохо. Но еще хуже, когда во время заседания ряд членов сидит в соседней комнате и играет в карты⁴⁷.

В феврале 1912 г. Ключев, пытаясь собрать кворум комиссии по народному образованию, чтобы провести через нее свой законопроект, вынужден был звонить по телефону каждому из своих коллег октябристов — членов комиссии, приглашая их собраться

⁴⁵ «Голос Москвы», 29 апреля 1911 г.

⁴⁶ «Новое время», 8 мая 1911 г.; «Речь», 8 мая 1911 г.; см. также ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 8, тетрадь 7, л. 25.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 8, тетрадь 7, л. 25.

на заседание. В их числе был и октябрист И. С. Клименко, который до этого не приходил ни разу. В ответ Ключев услышал: «Простите, бога ради, если бы вы знали, какая у нас интересная пулька, то право не посердились бы на меня, как же я ее могу оставить в самом разгаре игры...»⁴⁸

Клименко и прочие не ходили и на пленарные заседания Думы. В связи с этим Ключев рассказывает о следующем забавном эпизоде, имевшем место в конце апреля 1912 г. В одном из своих выступлений социал-демократ Покровский заявил, обращаясь к министру внутренних дел Макарову, что на них, министров, будут надеты намордники. Председательствовавший в тот момент Родзянко промолчал. После заседания он стал орать на своих соратников, ругая их за то, что они, не являясь на заседания, оставляют его в меньшинстве, и в результате на министров «надевают намордники». В довершение всего на это же заседание октябрист И. Л. Спирин (старообрядец) пришел совершенно пьяный и порывался непременно выступить. С большим трудом его отговорили⁴⁹.

На прощальном банкете фракции развал ее, по свидетельству Ключева, чувствовался во всем. Гучков уже не имел прежнего авторитета. Обед прошел сухо, без подъема. По окончании Хомяков предложил своим единомышленникам — сиречь «левым» октябристам — собраться на другой день отдельно у Донона. Сбор состоялся. Все ругали Гучкова за компромиссы, защищал его лишь один Лерхе⁵⁰.

Одновременно шел процесс дальнейшего прогрессирующего политического падения октябристской партии, полной ее капитуляции перед националистами и правыми, потери престижа даже у октябристско настроенной буржуазии.

В связи со смертью Столыпина Союз 17 октября выпустил декларацию, в которой призывал «к единению и к дружной открытой работе с ним всех, кто верит в необходимость для России монархического строя, опирающегося на законодательную Думу». Это обращение, адресованное националистам, кадетский официоз расценил как попытку поменаться с последними ролями, иными словами вернуть себе прежнее лидирующее положение в Думе. В ответ Балашов прислал из Киева телеграмму, в которой

⁴⁸ Там же, л. 140.

⁴⁹ Там же, д. 10, тетрадь 13, л. 9.

⁵⁰ Там же, лл. 70, 71, 73. В одном из своих писем Хомякову известный правый деятель С. Ф. Шарапов напомнил этому «левому» октябристу его собственные слова: «Я конституционалист по высочайшему повелению» («Речь», 11 августа 1910 г.). На одном из заседаний ЦК октябристов было оглашено письмо одного из его членов, Авдакова, в котором он требовал выяснить, существует ли «Союз 17 октября» или его в действительности нет (ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 2, д. 76). К сожалению, письмо и заседание не датированы, поэтому трудно установить, когда и по какому поводу Авдаков написал это письмо.

в свою очередь призвал «всех национально настроенных русских людей еще теснее сплотиться вокруг своего народного (читай — националистического) знамени». Таким образом, писала «Речь», «националисты не только не бросились в их объятия, но, наоборот, предложили октябристам перейти под националистское знамя. А. И. Гучков склонен этому ультиматуму подчиниться». В результате ЦК октябристов выступил с заявлением, в котором провозгласил, что оппозиция правительству в Думе равносильна «убийству вернопреданных слуг», т. е. однозначна убийству Столыпина. Этим заявлением, указывала газета, октябристский ЦК «подверг неслыханному моральному унижению свою партию... Союз 17 октября поставил себя даже ниже Союза русского народа»⁵¹.

Весьма наглядное представление о том, насколько далеко зашел Гучков в своем холопстве перед националистами, дает его позиция в связи с заявлением правительства США от 4 декабря 1911 г. о прекращении действия русско-американского торгового договора 1832 г. Поводом к денонсированию послужил отказ царского правительства допустить американских евреезкупцов в города и районы, не входившие в черту еврейской оседлости. Националисты и правые в связи с этим подняли большой шум, а Гучков решил превзойти их. В ответ на акцию правительства США октябристы внесли в Думу законодательное предположение, смысл которого состоял в объявлении торговой войны заокеанской республике. Если договор 1832 г. основывался на принципе взаимного благоприятствования, то теперь Гучков, В. А. Карякин, Лерхе и другие октябристы, подписавшие это предположение, предлагали взимать с американских товаров пошлину по общему таможенному тарифу со 100%-ной надбавкой. Товары же, пропускаемые без пошлины, облагать таможенной ставкой в размере 100% их стоимости. Одновременно предлагалось взимать попутный сбор, а американские суда облагать корабельными сборами в двойном против обычного размере.

Реакцию московских и других текстильных магнатов на эту гучковскую авантюру лучше всего выразил орган Рябушинского. В редакционной статье с гневным заголовком-окриком «Не спросясь броду» газета писала: «Октябристские горе-экономисты до того прониклись стремлением перещеголять в своем лжепатриотическом усердии националистов и правых, что забыли даже предварительно справиться с таможенными отчетами». Согласно же этим отчетам, американский ввоз в Россию составлял сумму в 150 млн. руб. Из них на 100 млн. ввозился хлопок и на 22 млн. — сельскохозяйственные машины сложного типа. Отказ от ввоза последних, объясняло «Утро России», будет чистым выигрышем

⁵¹ «Речь», 11 сентября 1911 г.

для американских предприятий в Прибалтике и Люберцах, производящих эти машины. С хлопком дело обстоит еще серьезнее: «Без хлопка нам не обойтись. Ввоз его неизмеримо важнее для нас, чем вывоз его для Америки». Таким образом, октябристы «высекли самих себя». Кончалась статья следующими словами: «А. И. Гучкова послали в Государственную думу плохо в ту пору осведомленные насчет его политических и экономических дарований голоса торгово-промышленной Москвы. Накануне предвыборной борьбы за IV Думу подпись А. И. Гучкова под вздорным „законодательным предположением“ фракции „Союза 17 октября“ сослужит неоценимую службу будущему заместителю горе-экономиста по московскому мандату». Столь же раздраженный характер носила другая статья некоего Юса, помещенная в том же номере, с еще более недвусмысленным заголовком: «Выстрел по своим». Приведя расчеты, из которых вытекало, что осуществление затеи октябристов будет стоить текстильной промышленности около 70 млн. руб. в год, автор делал вывод: «Таким образом, воинственное выступление гг. Гучкова и Лерхе нельзя рассматривать иначе, как выстрел по своим...»⁵²

Предвидение газеты о провале Гучкова на выборах в IV Думу по первой Московской курии оправдалось. «Заместителем горе-экономиста по московскому мандату» оказался кадет Челноков. Впрочем для такого предсказания особой проницательности уже не требовалось: в марте 1911 г. на дополнительных выборах в Москве по той же первой курии кадетский кандидат Тесленко легко победил своего октябристского конкурента. В связи с этим присяжный публицист «Утра России» Н. Лопатин опубликовал специальную статью под заглавием: «Сердце оппозиции», размещая под ним первопрестольную столицу. «Произошло то, что должно было произойти,— писал Лопатин.— Блестящее избрание Н. В. Тесленко...» «Москве, искони называвшейся сердцем России,—высокопарно восклицал по этому поводу автор,—теперь выпало на долю сделаться сердцем русской оппозиции...» Под «Москвой» он имел в виду именно первую курию, торгово-промышленных тузов. В частности, как на наиболее свежий и важный пример московской «оппозиции» он сослался на письмо бб⁵³.

Газета «Утро России» не ограничилась одними статьями. Она опубликовала также подборку интервью под шапкой: «Взгляды представителей деловой Москвы», из которой следовало, что барон А. Л. Кноп, представитель торгового дома «Воган и К⁰», глава одной из морозовских мануфактур, директор Переяславской мануфактуры — все крайне отрицательно отнеслись к законодательному предположению Гучкова — Лерхе⁵⁴.

⁵² «Утро России», 10 декабря 1911 г.

⁵³ Там же, 23 марта 1911 г.

⁵⁴ Там же, 11 декабря 1911 г.

Вначале Гучков еще пытался блефовать. «России,— хорохорилась его газета,— этот разрыв не страшен: торговый баланс русско-американской торговли, как известно, складывается в последние годы не в пользу России, и если после отмены нашего договора с республикой мы приложим к американским товарам повышенный или даже запретительный тариф, то в накладе от этого прежде всего и больше всего будет американская торговля»⁵⁵. Но после реакции московских тузов «Голос Москвы» сник. Признав, что «доводы, приводимые крупнейшими представителями мануфактурной промышленности против доведения дела до таможенной войны с Соед. Шт. Сев. Америки» весьма серьезны, он рекомендовал в качестве противодействия... «ускорить и вести в широких размерах дело поощрения и развития отечественного хлопководства в Туркестане и на Кавказе»⁵⁶. Такие рекомендации, выглядевшие в глазах текстильных фабрикантов нелепой насмешкой или глупостью, естественно, раздражали их еще больше.

Даже «Россия» была вынуждена отмежеваться от гучковского усердия не по разуму. «Предположения эти,— писала она в своей передовой,— справедливо возбудили тревогу среди русских промышленников, потому что русская промышленность до сих пор нуждается в американском хлопке». Таможенная война с США привела бы к тому, что создала бы благоприятные условия для ввоза в Россию пряжи и текстильных изделий из Англии, Германии и других стран, что «не могло бы не разорить нашу ткацкую промышленность»⁵⁷.

Однако самый сильный удар, если не считать провала на выборах в IV Думу, был нанесен Гучкову в конце существования III Думы, когда она буквально под занавес приняла в конце мая 1912 г. полумиллиардную ассигновку на строительство флота. Как известно, морское ведомство, как и военные вопросы в целом, занимало особое место в политических и личных расчетах октябристского лидера. В основу своей деятельности в III Думе Гучков положил сговор со Столыпиным и правыми по вопросам военной политики. Октябристы обеспечат проведение через Думу крупных ассигнований на воссоздание боевой мощи армии и флота, утраченной во время русско-японской войны, а правительство проведет в военном и морском ведомствах необходимые реформы, основной политический смысл которых должен состоять в уменьшении влияния на них камарильи и усилении роли официального правительства. Средством же такого обеспечения явятся «патриотическая» критика гнилых порядков, царивших в этих ведомствах, со стороны правооктябристской части Думы, про-

⁵⁵ «Голос Москвы», 3 декабря 1911 г.

⁵⁶ Там же, 14 декабря 1911 г.

⁵⁷ «Россия», 21 декабря 1911 г.

никнутой такой же искренней и горячей заботой о возрождении военной мощи России, как и само правительство.

Этот маневр казался Гучкову самой счастливой находкой, неким универсальным тактическим ключом, обеспечивающим ему и его фракции максимальный успех и открывающим самые радужные перспективы на будущее. Во-первых, он обеспечивал союз октябристов с правыми и доверие «верхов» во главе с царем; во-вторых, создавал октябристам в «обществе» славу смелых либеральных критиков; в-третьих, он открывал реальную возможность приобрести влияние в армии и осуществить в будущем мечту Гучкова стать военным министром; в-четвертых, обеспечивал единство разношерстной октябристской гвардии, наконец, в-пятых, планируемые обширные военные программы должны были окропить золотым дождем выгоднейших военных заказов русскую буржуазию. Именно в силу этих соображений Гучков вначале предпочел пост председателя думской Комиссии по государственной обороне, через которую мыслилось осуществление задуманного плана, посту председателя Думы.

Задуманная «патриотическая критика» прежде всего сосредоточилась на разоблачении порядков, царивших в морском ведомстве, ибо там они были особенно неприглядны и нетерпимы. Эта критика складывалась из двух моментов: собственно критики и отказе в кредитах в 11—12 млн. руб., ежегодно испрашивавшихся морским ведомством для подготовительных работ по строительству четырех дредноутов в Балтийском море — ядра будущей эскадры. Смысл критики сводился к тезису: Дума «отпустит с полной готовностью и радостью любые испрашиваемые ведомством кредиты при условии, если оно «исправится» — покончит с царящими там «цусимскими» порядками: безответственностью, беспланоностью, засильем бездарностей, устаревшей структурой и т. п.

Практических последствий эти отказы в ассигновках для ведомства не имели, так как Государственный совет неизменно их восстанавливал. Что касается исполнения пожеланий Думы по части «реформ», то на них руководители морского министерства отвечали демонстративным пренебрежением. Несмотря на это, Гучков выступал в роли человека, твердо проводившего намеченную линию как в Комиссии по государственной обороне, так и в собственной фракции. К концу жизни III Думы пришел конец и этой последней иллюзии⁵⁸.

Когда царь самым решительным образом потребовал осуществления так называемой малой морской программы, исчисленной в 502 млн. руб., позиция правых определилась тем самым

⁵⁸ Подробно об этом см.: А. Я. Аврех. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе.— «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 17—33.

автоматически. Вопрос, следовательно, свелся к тому, как поступят октябристы: останутся ли верны избранному курсу или повернутся спиной к своему лидеру? Таким образом, престиж Гучкова подвергался двойному испытанию: подводился итог пятилетней деятельности Комиссии по государственной обороне и испытывались на прочность его авторитет и влияние во фракции по вопросу, имевшему для него принципиальное значение. Гучков боролся сколько мог, но результат был предопределен заранее.

18 мая 1912 г. вопрос об ассигновке 502 млн. руб. был поставлен на обсуждение бюро фракции. Открыв заседание, Гучков вскоре ушел (вместе с Алексеенко). Н. В. Савич (ближайший соратник Гучкова по Комиссии по государственной обороне и один из главных «критиков» морского ведомства) высказался за ассигновку. 20 мая бюро собралось вновь. На этот раз Гучков и Алексеенко сидели до конца. Решение принято не было, но на заседании фракции Гучков предложил вопрос об ассигновке решить IV Думе, т. е. не утверждать ее. В ответ Опочинин заметил, что политическая игра теперь неуместна — об этом надо было заботиться раньше. Подводя итоги заседания, Гучков заявил, что он не хочет ни на кого давить, пусть каждый голосует по своей воле, поэтому вопрос с баллотировки им снимается⁵⁹. Это была капитуляция.

Газета «Голос Москвы» была вынуждена признать, что кредиты даются в условиях, когда в морском ведомстве осталось все по-старому. Есть ли уверенность, спрашивала она в редакционной статье «Кредиты на флот», что, ассигновав полмиллиарда, Россия получит флот? Ответ был таков: «Больно признаться, но именно этой уверенности нет ни у членов законодательной палаты, ни у широких общественных кругов». Казалось бы, при такой ситуации позиция, которую должен был бы занять «центр», определялась сама собой. Но у газеты была своя логика: «Так как же быть? Давать сейчас средства на постройку флота или нет? Это особый вопрос, и о нем нужно поговорить отдельно»⁶⁰. «Отдельный разговор», явившийся продолжением статьи, свелся к жалкому лепету о том, что, поскольку на подготовку строительства уйдут годы, нет необходимости ассигновать сразу всю испрашиваемую сумму, а надо дать деньги в пределах действительной потребности: «Нужно получить уверенность, что дело будет в крепких руках и что оно будет доведено до конца»⁶¹.

На заседании бюджетной комиссии Думы большинством в 29 голосов правых, националистов и части октябристов против 19, в числе которых были Гучков, Еропкин, Лерхе и Годнев, ас-

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 10, тетрадь 13, лл. 44—45, 64—65.

⁶⁰ «Голос Москвы», 24 мая 1912 г.

⁶¹ Там же, 25 мая 1912 г.

сигновка в 502 млн. руб. была принята⁶². До этого она была принята Комиссией по государственной обороне, причем Гучков на заседании отсутствовал⁶³.

«А. И. Гучков,—подытоживала «Речь»,—не хотел проводить закона (об ассигновке 502 млн. руб. на строительство флота.—А. А.); закон был проведен без него и против него. Лидер большинства впервые остался в стороне от главного думского русла по вопросу такой важности, как вопрос о морской обороне, входящему притом в тот тесный круг вопросов, который А. И. Гучков наметил для своего ближайшего и специального влияния. Ближайшие сотрудники А. И. Гучкова А. И. Звегинцев и г. Савич спаслись бегством от поражения. Но шефу пришлось испить горькую чашу до дна»⁶⁴.

Еще горшую чашу, как уже указывалось, Гучкову пришлось испить во время выборов. Вождь ошипанного и вылинявшего октябризма понимал, что единственный оставшийся у него шанс поднять свои сильно упавшие в глазах торгово-промышленной буржуазии акции — это пойти на избирательное соглашение с кадетами, иными словами, пойти на так долго и упорно отвергаемую им тактику «левого центра». По-видимому, на какое-то время он задумался над этим вопросом, но это длилось очень недолго.

В личном архиве Гучкова сохранился машинописный экземпляр обширной статьи Громобая, озаглавленной: «Перед выборами». Смысл ее сводился к тому, что блокироваться на выборах надо не с националистами, а с кадетами. Статья не датирована, но вероятнее всего, судя по некоторым косвенным признакам, она написана в 1911 г., в промежуток между «министерским» кризисом и убийством Столыпина. По своему содержанию и тону она носит характер избирательной директивы, является ответом на вопрос, сформулированный автором в начале статьи в следующих словах: «Как бы сильны ни были партийные распри, приходится спросить себя, где все же меньшее зло при нынешних политических условиях, справа или слева, и с кем предпочтительнее центру заключать соглашения там, где они, к сожалению, неизбежны».

Ответ в пользу кадетов, весьма обстоятельный, аргументируется итогами союза октябристов с правыми, с одной стороны, и анализом эволюции кадетской партии — с другой. После роспуска I Думы и Выборгского воззвания, «когда слава кадетов еще не померкла», с ними была необходима самая серьезная борьба. «Вся предвыборная кампания во вторую Думу... и в третью велась под лозунгом непримиримой борьбы с кадетами».

⁶² Там же, 27 мая 1912 г.

⁶³ «Речь», 21 мая 1912 г.

⁶⁴ Там же, 28 мая 1912 г.

Для достижения победы, признает Громобой, соглашения «приходилось заключать... кое-где с Союзом русского народа». Но теперь положение изменилось. «Отстаивание конституции стало ныне самым боевым вопросом, и надлежит без колебаний признать, что основные задачи четвертой Думы — политические, а не экономические». Здесь «первым врагом» являются крайние правые. «Поэтому усиление в Думе гг. Марковых вторых, Тимошкиных и К⁰ равнялось бы полному банкротству Думы».

Надежды на националистов не оправдались. Трудно говорить о них «как о действительно существующей партии, выдвинутой запросами населения, а не созданной искусственно для специальных целей. А так как курс того кормчего, за которым они идут, осужден бесповоротно всеми на самом деле существующими группами, то признать их своими союзниками центру ныне уже нельзя». «Таким образом, — делался весьма важный вывод, — всякие соглашения вправо явились бы при нынешних политических условиях весьма рискованными».

Остаются кадеты. «Самое их ядро, подчиненное инородческим влияниям и указке Винавера и К⁰, является безнадежно зараженным». Но следует учитывать, что все «неприглядные свойства принадлежат в значительной мере лидерам, а не рядовым труженикам партии. Так как слева от Союза 17 октября также есть пробел, неудачно заполнявшийся разными мирнообновленцами, прогрессистами и т. д., то вокруг кадетской партии ютятся, примыкают к ней многие действительно прогрессивные элементы, которые могли бы стать левым центром, а не милюковскими марионетками». Если кандидат кадетов «действительно кадет, т. е. клевет инородцев и враг русской государственности, то ему надлежит объявить беспощадную борьбу», но если он такой, как, например, покойный кадет В. А. Караулов, то в нем надо признать «истинного деятеля центра». Соглашения с подобными элементами кадетской партии могут привести еще к одному весьма желательному результату: если они пройдут в Думу в большом числе, то, «быть может», наступит «конец и Винаверомиллюковской диктатуре» в партии⁶⁵.

Статья эта, вероятно, написанная по заданию Гучкова, не была опубликована, также скорее всего по его указанию: как всегда, смелости у прославленного храбреца хватило на час. Но в сильно ослабленном виде идеи статьи все же нашли отражение на страницах «Голоса Москвы» в изложении того же Громобоя. В статье «Основа соглашения» он писал: не следует «огулом идти с националистами, смотря на „опозицию“ как на общего заклятого врага». Кроме того, «националисты должны отдать себе отчет, с кем они и кто они — в центре или среди сторонников аб-

⁶⁵ ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1, д. 515, лл. 1—3.

солютизма». В характеристике кадетов подчеркивалась та же идея об отличии «рядовых тружеников» от их вождей⁶⁶. Здесь уже, как видим, центр тяжести совершенно иной: главный союзник — националисты, второстепенный — «честные» элементы кадетской партии.

Но и на этой позиции Громобой держался очень недолго. В статье «Из предвыборных размышлений» он, обращаясь к «левым» октябристам, уговаривал их не поддаваться кадетским sireнам. Расхождения с националистами носят характер исключения, соседи же слева — лицемерные защитники «конституции»⁶⁷. Статья «О левом центре» начиналась следующими словами: «Каждый раз, когда начинают появляться слухи об этой утопии, приходится вновь спрашивать себя, что это на сей раз — политическая маниловщина или политическое гешефтмахерство»⁶⁸.

С таких же позиций, причем еще более откровенно, выступил другой октябристский публицист Еропкин. Последний прямо обращался к правительству с просьбами о помощи и союзе. По поводу этих статей «Речь» писала: «Вслед за прокламациями Громобоя в „Голосе Москвы“ мы теперь имеем ультраоткровенные признания другого октябриста Еропкина в „СПб. ведомостях“». Громобой горячо советовал октябристам отвернуться от оппозиции, решительно пойти к избирательным ящикам об руку с националистами. Г. Еропкин, более деловой, обращается с мольбой к правительству — не выдавать октябристов головой националистам, а то, пожалуй, октябристы будут отброшены в оппозицию, и тогда — капут „буржуазным партиям“»⁶⁹.

В разгар избирательной кампании Громобой в критике кадетов уже превосходил самого себя. В статье «Самозванцы» он писал: кадеты «подделали оппозицию, а потому необходима ожесточенная борьба против них, проповедь против них крестового похода»⁷⁰.

Опасения Еропкина были не напрасны: ход выборов показал, что националисты блокировались преимущественно с правыми октябристами, а «левых» октябристов усердно проваливали при самой активной помощи властей. Теснимые справа и слева (кадетами и прогрессистами), октябристы потеряли примерно треть мандатов: если в III Думе их вначале было 150, то в IV Думе — уже меньше 100. Кроме того, и это тоже было одним из важных показателей упадка и провала октябристского «центра», значительная часть видных октябристских депутатов III Думы оказалась забаллотированной.

⁶⁶ «Голос Москвы», 22 сентября 1911 г.

⁶⁷ Там же, 5 января 1912 г.

⁶⁸ Там же, 10 января 1912 г.

⁶⁹ «Речь», 14 января 1912 г.

⁷⁰ «Голос Москвы», 15 июня 1912 г.

Глава десятая

ПРОВАЛ ПОЛИТИКИ КАДЕТОВ

ПОДГОТОВКА К ВЫБОРАМ В IV ДУМУ. СТУДЕНЧЕСКИЙ ВОПРОС

Протоколы заседаний кадетских ЦК и фракции свидетельствуют о том, что кадеты очень рано и весьма тщательно стали готовиться к выборам в IV Думу, значительно раньше, чем другие партии думского большинства. На заседании фракции 18 марта 1910 г. конкретно обсуждался вопрос о цензах ряда кадетских деятелей. Было решено навести справки по устройству ценза в Уфимской губернии В. А. Виноградову, снести с московским членом ЦК В. И. Огородниковым по поводу устройства ценза П. В. Герасимову в Костромской губернии, предложить Шингареву озаботиться цензом также в Уфимской губернии, а Караулову — в Нижегородской¹.

25 апреля Московское отделение ЦК (МОЦК), ведавшее организационными вопросами, заслушало и обсудило специальный доклад Н. М. Кишкина по вопросу о выборах в IV Думу. По мнению докладчика, условия, складывающиеся для партии, были чрезвычайно неблагоприятны, прежде всего потому, что партийные организации расшатаны и уцелели лишь в немногих местах. Сделав подробный анализ прошлых выборов по губерниям, Кишкин заявил: «Из приведенных цифр ясно, что все наше внимание должно быть обращено на те округа, где прошли октябристы, и борьба должна вестись с ними, так как у нас есть здесь остатки парт. организаций, и недовольство октябристами, несомненно, здесь существует». Это был важный вывод, свидетельствующий о том, что цель, которую поставили себе кадеты на выборах в IV Думу, состояла в том, чтобы занять место октябристов за счет октябристского избирателя, недовольного деятельностью октябристского «центра» в III Думе.

В качестве основной организационной и тактической меры Кишкин предлагал создать избирательные бюро совместно с «беспартийными прогрессистами», которые «по настроению очень близки к нам», поскольку о создании чисто кадетских губернских

¹ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 5, л. 74.

и уездных комитетов «нечего и думать». В числе других мероприятий он перечислил: выработку платформы, сбор материалов о деятельности враждебных кадетам партий в III Думе, предварительные переговоры с комитетами оппозиционных партий и отдельные меры прогрессистами по вопросу объединения на выборах, приобретение новых цензов с учетом, где выгоднее использовать их, а также использование женских цензов и т. д.

Преобладающим мотивом в прениях был тезис о союзе с прогрессистами. «В докладе Н. М. К[ишкина],— говорил П. И. Н[овгородцев],— чрезвычайно важен один момент— это признание необходимости блока с прогрессистами. Под „прогрессистами“,— пояснял он,— разумеются все те элементы, которые не идут за правительством. Партии к.-д. нельзя долее оставаться в положении блестящей изолированности. Знаменательным явлением настоящего времени является рост „мирного обновления“, явившегося на почве недовольства к.-д. и октябристами. Это та самая линия, по которой и впредь будут направляться отпадающие как от к.-д., так и окт. Ее нужно все время иметь в виду, и муссировать ее чрезвычайно важно. Организаторов у них нет, и мы должны пойти навстречу и взбудораживать их, быть пособниками со стороны».

Это чисто веховская идея стала, как мы увидим, исходным моментом всей предвыборной кампании кадетов. Смысл ее выразил тот же Новгородцев. «Объединение „оппозиции“ или объединение с „прогрессистами“ признается желательным?»— спрашивал он и отвечал: «Первое безнадежно и вредно... В предстоящих выборах наша тактика должна быть несколько иная. Нужно уловить те моменты, которые выросли на почве 3-й Думы»².

В то же время она была рассчитана на уловление голосов левых избирателей, служила обоснованием основного кадетского тезиса о двух лагерях: сторонников и противников «конституции», направленного против большевистского тезиса о трех борющихся силах: реакции, либералов и революционной демократии. «Термин „прогрессисты“,— поясняла «Речь»,— будет означать менее определенные политические оттенки как справа, так и слева от кадетов. Кадеты останутся центром, быть может, левым, но центром этой политически разнородной группы». Выше передовая говорила о том, что цель такого объединения— борьба за «действительную конституцию», «борьба с нашим общим противником»³. Предпочтя лозунгу «объединение оппозиции» лозунг «объединение с прогрессистами», Новгородцев пояснял: «Исключение может быть сделано только для трудовиков и левее к.-д. стоящих». «Нужно возможно шире блоки-

² Там же, ф. 579, оп. 1, д. 656, лл. 3—6.

³ «Речь», 21 января 1911 г.

роваться и направо, и налево, судя по целесообразности», — говорил С. А. К[отляревский]⁴.

Все четыре кадетские конференции, состоявшиеся во второй период существования III Думы, прошли под знаком подготовки выборов. Первая такая конференция, являвшаяся, как обычно, совещанием парламентской фракции с представителями с мест, состоялась 23 мая 1910 г. На совещании были заслушаны и обсуждены тактический доклад Милюкова и доклад Петрункевича о положении партии в связи с подготовкой выборов в IV Думу. Первый доклад не представляет для нас интереса: он содержал знакомые нам кадетские оценки расстановки сил в Думе и формулировал обычную «хитроумную» кадетскую тактику: «Подчеркивать неизбежность задач, поставленных освободительным движением, не пренебрегая (!) в то же время, но и не увлекаясь (!) возможными в настоящую минуту частичными, более или менее непрочными победами (!) в думской борьбе».

Из доклада Петрункевича видно, что его, как и Кишкина, тревожило плачевное состояние местных организаций партии. В момент последних выборов, указывал он, еще сохранялись остатки местных организаций. Теперь их стало еще меньше, остались одни обломки, а кое-где они исчезли совсем. Причины неуспеха на прошлых выборах Петрункевич усматривал в законе 3 июня, слабости организаций, недостатке влиятельных руководителей, денежных средств и опыта избирательной борьбы. На предстоящих выборах шансы кадетов, по его мнению, стоят выше, чем в 1907 г. Основным фактором здесь является то, что тогда «умеренные реформаторы» еще могли рассчитывать на октябристов, на то, что они осуществят начала манифеста 17 октября. Теперь эти иллюзии рассеяны, октябристы себя разоблачили, и указанные элементы пойдут к прогрессистам. Часть их и тогда шла за прогрессистами, а именно те, которым, с одной стороны, октябризм уже тогда был подозрителен, а с другой — партия кадетов казалась им «слишком радикальной, чрезмерно дисциплинированной и к тому же не легализованной». Вот на них и надо делать ставку.

«Октябристы, — пояснял докладчик, — перестали быть политической партией, имеющей свою политическую программу: они отдали себя в распоряжение Столыпина и превратились в личную партию, лишенную всяких принципов». В связи с этим «есть много вероятий, что бо́льшая часть октябристов сольется с фракцией националистов, а другая, меньшая, часть присоединится к прогрессистам, как к группе, лишенной партийной организации, но, несомненно, оппозиционной, искренне желающей осуществления конституционного строя в России и допускающей широкую гамму оттенков конституционализма в своей среде. Такая группа

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 656, лл. 5—6.

ради своего собственного успеха и успеха борьбы с реакционными партиями вынуждена будет идти рука об руку с партией народной свободы, и их избирательный союз становится и необходимым, и неизбежным. Повсюду, где нам будет невозможно провести своего кандидата, мы отдадим наши голоса прогрессисту, но там, где наш кандидат имеет шансы, мы должны рассчитывать на такую же поддержку прогрессистов»⁵.

Линия, предложенная Петрункевичем, так же как и доклад Милюкова, была полностью одобрена совещанием.

Следующая конференция состоялась через год — 8—9 мая 1911 г., а не через полгода, как обычно. Произошло это, как объяснил Милюков в начале своего доклада, потому, что с мая по осень не отмечалось никаких новых событий, а «с осени прошел целый ряд симптомов новых настроений и ряд выдающихся факторов думской жизни»⁶. Под ними он подразумевал «министерский» и «парламентский» кризисы в марте 1911 г. На заседании ЦК 5 мая, где предварительно обсуждался доклад, Милюков свел оценку момента к трем основным на его взгляд фактам: «1) падение авторитета Думы в глазах правительства; 2) равнодушие и недоверие в стране к деятельности 3-й Думы и 3) всеобщий рост оппозиционного настроения как в законодательных учреждениях, так и в стране». Тем не менее основная ставка делалась по-прежнему на Думу и на октябристов. В результате кризиса, утверждал Милюков, «возможность для центра совместной работы с правительством Столыпина является уже исчерпанной». Можно также «надеяться на крах национализма и в стране, и в законодательных сферах». Процесс расслоения у октябристов носит явно «конституционный» характер: меньшинство идет к черносотенцам, большинство же охвачено оппозиционным настроением⁷. Как оправдались эти прогнозы Милюкова, мы уже знаем. Добавим лишь, что на предыдущей конференции его оценка октябристов была совершенно иной, более близкой к истине. Октябристы, по его мнению, фактически перестали быть политической партией: большинство уходит к националистам, а меньшинство потянется к беспартийным прогрессистам⁸. Что касается главной задачи — подготовки к выборам («такова статика положения, — подчеркивал кадетский лидер, — динамика же ее заключается в приближении общих выборов»), то здесь Милюков считал необходимым сосредоточить основное внимание на критике (произвол, политика национализма и др.), остерегаясь формулировать свою программу в форме положительных обещаний⁹.

⁵ Там же, ф 523, оп 1, д. 10, лл. 36, 39—41.

⁶ Там же, д. 11, л. 2.

⁷ Там же, д. 30, лл. 102—103.

⁸ Там же, д. 10, л. 2.

⁹ Там же, д. 30, лл. 102—103.

Эта позиция была одобрена ЦК. Когда Н. А. Г[редескул] заявил, что надо «подчеркнуть наше отрицательное отношение к революционным методам действия и нашу лояльность по отношению к принципу конституционной монархии (хотя бы (!) в пределах, указанных в лондонской речи Милюкова), а затем искать сближения с прогрессивными элементами страны, напр. с левыми октябристами», эта идея была дружно отвергнута. «В последовавшем затем обмене мыслей,— было записано в протоколе,— предложение о подчеркивании лояльности признано было совершенно несвоевременным — именно ввиду существующих в стране настроений». Отверг предложение Гредескула и Милюков¹⁰.

На заседании фракции 7 мая доклад Милюкова был апробирован еще раз¹¹ и, наконец, в окончательном виде представлен вниманию участников совещания.

На конференции Милюков вынужден был признать, что «толчки», разрушавшие третьеиюньскую систему, «шли не изнутри Думы, а из жизни страны»: смерть Муромцева и Толстого, самоубийство Сазонова, студенческая забастовка и др. Основная тактическая посылка была та же. Позиция кадетов «благодарная», объяснял лидер,— критика избирательного закона 3 июня; избиратели хотят «конституции попроще», но защищающую от произвола. Поэтому задачи избирательной кампании должны быть теперь иными: не выдвижение программных требований, как раньше, а сосредоточение внимания на «ближайших практических шагах», а именно: гарантия неприкосновенности личности, большая независимость самоуправления от администрации, демократизация личного состава земств путем земской избирательной реформы¹².

О том, что кадетская партия намеревалась проводить октябристскую избирательную кампанию, очень хорошо показывает ответ Милюкова на некоторые выступления. На замечание одного из ораторов о необходимости вспомнить кадетский лозунг «власть исполнительная да подчинится власти законодательной» последовал ответ: «Вряд ли сам автор этого лозунга (Набоков, бросивший эту фразу с трибуны I Думы.— А. А.) настаивал бы на его непогрешимости с точки зрения государственного права». Иными словами, Милюков дезавуировал центральный пункт кадетской программы об ответственном министерстве, признав его сомнительным в принципе. Точно так же он не считал возможным включить в избирательную платформу «требование отмены указа 3 июня» и отвергнул другое программное требование партии — всеобщее избирательное право. Есть

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30 лл. 105—106.

¹¹ Там же, д. 3, лл. 230—237.

¹² Там же, д. 11, лл. 2—3, 7.

мнение, говорил он, что «можно бы требовать возвращения к избирательному закону 11 декабря 1905 г. (взамен требования всеобщего избирательного права.— А. А.), и с формальной точки зрения такое требование очень удобно». Но здесь «но» состоит в том, что партии, «столько энергии потратившей на критику именно этого закона 11 декабря, становиться на его защиту неудобно».

Относительно характера избирательных соглашений ответ был дан также достаточно ясный, хотя и в обычной для кадетского лидера осторожной, закамуфлированной форме. Конечно, было бы хорошо обойтись без блоков там, где это возможно, говорил он, «но нельзя игнорировать большинства заявлений, указывающих на невозможность для партии выступить под собственным флагом. И, очевидно, вопросы о блоках придется решать в последнюю минуту, перед самими выборами, в зависимости от местных условий». Последняя фраза означала не что иное, как призыв к соглашениям не только с прогрессистами, но и с октябристами. А. И. Ш[ингарев] тут же счел нужным выразить взгляд руководства на этот вопрос более прямо и определенно: «Где можно идти только с Годневым (левым октябристом.— А. А.), будем с Годневым, где с блоком — с блоком». В «безнадежных» (для избрания кадетов и прогрессистов) губерниях вместе с последними будем вышибать правых и националистов¹³. Таким образом, Шингарев имел в виду блоки до правых октябристов включительно, которых следует в «безнадежных» губерниях проводить против правых.

Речь постоянного оппонента Милюкова была, как всегда, хороша тем, что была откровенно веховской: она требовала (и это было причиной вечной досады Милюкова) открытого признания, что партия на деле ведет веховскую политику, с тем чтобы «перестать косить глаза налево», по известному выражению веховца Изгоева. Милюков в своем докладе, указывал Гредескул, чрезвычайно сдержанно относится к обобщениям. Он не хочет открыто признать и заявить в качестве основного вывода, что «в стране совершается типичный конституционный процесс» как в верхах, так и в низах, хотя сам говорит о том, что избиратель хочет «конституции попроще», а Государственный совет создает уже парламентские прецеденты. Из этого и надо исходить: «Мы уже посбавили прежние всякие требования, но не приходим в отчаяние... На этом нам надо базироваться во время выборов... Ответив себе определенно, куда мы идем, мы могли бы и во всеуслышание заявить, что нам надо... настойчивое продолжение того же чисто конституционного процесса, надо сломить противодействие этому процессу... А для этого мы должны сами пове-

¹³ Там же, лл. 21—22, 24.

рить и признать, что дальнейший прогресс у нас пойдет чисто конституционным путем, а не путем революции. И не только поверить, но и взять на себя последствия такой веры». Мы должны уверовать, что на базе «конституции попроще» победим на выборах. «Тогда и наше отношение к блокам и соглашениям станет проще и яснее... Было бы величайшим успехом, если бы во время выборов существовали только две партии — реакционная и конституционная»¹⁴. Перефразируя известную поговорку, можно сказать: то, что у Милюкова было на уме, у Гредескула было на языке.

Второй вопрос, обсуждавшийся на конференции, — отношение партии к университетским событиям конца 1910 — начала 1911 г. и в связи с этим к студенческому движению вообще — не имел прямого отношения к вопросу о выборах. Тем не менее оба вопроса были тесно связаны между собой как составные части тактики партии. Дебаты по студенческому вопросу являются яркой иллюстрацией к политическому иезуитизму партии, именовавшей себя «партией народной свободы», который нельзя уже было отличить от самого настоящего вероломства и прямого предательства по отношению к собственным сторонникам. Вождь партии Милюков продемонстрировал на этот раз такой образец «реальной политики», что поверг в изумление даже некоторых своих ближайших соратников, не говоря уже о представителях студенчества.

Дело в том, что одной из доктрин русского либерализма вообще, кадетов в частности, был тезис о несовместимости науки и политики: университеты, как и армия, должны оставаться вне политики. Пресловутые «Вехи» в исключительно грубой, чуть ли не хулиганской форме обрушились на студенческую молодежь именно за то, что она занимается политикой. Так, в статье, специально посвященной учащейся молодежи, Изгоев доказывал, что уход студенчества в революцию объясняется главным образом его нежеланием учиться. «Русская молодежь, — уверял он, — мало и плохо учится», обладает слабой культурой, для нее характерны «нравственное разгильдяйство» и привычка к фразерству¹⁵. Все сколько-нибудь талантливые студенты минуют революционные кружки; туда идут лишь посредственности. С малых лет учащаяся молодежь занимается развратом и т. д. и т. п. Столь же злобно поносил революционную молодежь и другой веховец, Булгаков.

Милюков и другие лидеры кадетской партии, конечно, не позволяли себе таких откровений. Наоборот, они при каждом случае выражали свое сочувствие и поддержку учащейся молодежи,

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 11, лл. 25—26.

¹⁵ «Вехи». Сборник статей о русской революции, изд. 5-е. М., 1910, стр. 104—107.

но по сути их точка зрения совпадала с позицией «Вех». И те, и другие сходились в главном и принципиальном: молодежь политикой заниматься не должна; это дело взрослых. Такой подход был обусловлен не только теоретической догмой, но и серьезными практическими соображениями.

Как известно, в ряде университетов и во многих других высших учебных заведениях страны либерально-кадетская профессура и доцентура были представлены очень сильно. Это позволило ей отеснить своих правых коллег в смысле влияния на университетские дела и особенно на студентов на задний план. Сплошь и рядом ректорами профессорская коллегия избирала ученых типа А. А. Мануйлова, Д. Д. Гримма и др. В третьеиюньский период такое положение в основном сохранилось, и естественно, что руководство кадетской партии весьма дорожило этим обстоятельством. Естественно также, что, когда начались студенческие волнения, правые, желая изменить ситуацию в пользу правой профессуры, подняли крик с думской трибуны и в печати о профессорах-подстрекателях, объявив кадетскую профессуру главным виновником развернувшихся событий. Кадеты выставили обратный тезис, доказывая, что либеральные профессора являются единственным сдерживающим фактором, а вся вина лежит на Кассо, который своими грубыми полицейскими акциями намеренно провоцирует студенчество на выступления с тем, чтобы учинить разгром высших учебных заведений. Вся полемика либералов и правых велась именно в этой плоскости.

Логика подобной позиции вела к тому, что кадеты вынуждены были открыто выступить против студентов, что и было ими сделано. Но такой шаг грозил далеко идущими последствиями. Он мог привести к потере влияния партии и той же кадетской профессуры на учащуюся молодежь, чего Милюков и К^о, разумеется, никоим образом не хотели допустить. Именно эта дилемма встала перед конференцией, и главный кадетский лидер, пытаясь ее решить, сотворил подлинное чудо политической эквилибристики.

11 ноября 1910 г., когда столичные студенты в связи со смертью Толстого собирались выйти на улицу с требованием отмены смертной казни, против которой великий писатель выступил с таким страстным и гневным протестом, кадетский официоз разразился передовой, призывавшей не делать этого... во имя Толстого. «Наряду с этим (чествованием памяти Толстого.— А. А.),— писала газета,— молодежь собирается на не разрешенные университетскими советами сходки, в воздухе пахнет тревогой, напряжением, тяжелой и смутной неизвестностью». Молодежь собирается устраивать уличные манифестации. «Но устраивать с этой целью манифестации, соединять их с памятью Толстого, вызывать трагические возможности, которые омрачают светлую скорбь у свежей могилы, вокруг которой витают луч-

шие, чистейшие помыслы человечества, рисковать человеческой жизнью, значит обнаруживать отсутствие искренней любви к священной памяти, разменивать величие Толстого, производить насилие над духом его. Хочется верить, что чуткая молодежь, которая еще так недавно переживала восторги знакомства с художественными творениями великого писателя, поймет свою ошибку и не станет содействовать тому печальному зрелищу, которое враги ее создали над могилой величайшего сына родины»¹⁶.

В тот же день ректор Петербургского университета Гримм, проректор И. Д. Андреев, профессора М. Я. Пергамент, И. А. Покровский и А. А. Жижиленко явились на студенческую сходку и начали убеждать студентов разойтись.

Одновременно с передовой «Речь» опубликовала «Воззвание депутатов к студентам», подписанное Шингаревым, Карауловым, Маклаковым, Степановым и др. Это воззвание было принято накануне, в 12 часов ночи, на экстренном заседании кадетов, прогрессистов, мусульман и беспартийных. В нем говорилось: «Гг. учащиеся высших учебных заведений Петербурга! Мы, представители вышеупомянутых оппозиционных групп Госуд. думы, считаем своим нравственным долгом обратить к вам нашу горячую просьбу: не устраивать предполагаемой демонстрации. Мы считаем ее вредной, нежелательной. Мы призываем вас всячески воздерживать и ваших товарищей от опасных шагов, идущих в руку врагам студенчества и высшей школы... Остановитесь вовремя».

Когда к Бабянскому и Челнокову явилась делегация студентов с приглашением принять участие в демонстрации, маститые кадетские деятели стали всячески отговаривать ее от этого шага¹⁷.

Следует отметить, что все эти воззвания и обращения были сделаны вопреки воле Милюкова, который, однако, на этот раз остался в меньшинстве. Спустя два месяца, когда вопрос о студенческой забастовке снова встал на повестку дня, думская фракция вернулась к нему уже с несколько иным настроением. Так, Колюбакин заявил, что если на сходках будет решено бастовать, то следует подчиниться этому решению. Бабянский выступил против забастовки, но мотивировал это уже невыгодностью момента, а не ее принципиальной недопустимостью. Шингарев, соглашаясь с ним, добавил: «Но следует помнить, что, может, настанет и такой момент, когда мы будем советовать идти на забастовку». Колюбакин, подхватив этот тезис, пошел еще дальше: да, сейчас момент несвоевременен — отклика в

¹⁶ «Речь», 11 ноября 1910 г.

¹⁷ Там же.

стране забастовка не найдет, но, «быть может, настанет момент, когда члены Думы (!) дадут директиву начать движение, когда нарастет общественная волна...»

Милюков высказал прежнюю точку зрения, суть которой сводилась к невмешательству. Как увидим дальше, это было невмешательство особого рода. Поскольку всякий совет студентам, указывал он, будет вмешательством, а вмешиваться не надо, то нельзя давать и никаких советов. В то же время он решительно выступил против позиции Гредескула: «Постановку Н. А. Гредескула, что после 17 окт. студенческие движения невозможны, мы принять не можем: это постановка хорошего октябриста». Однако и на этот раз Милюков остался в меньшинстве: 13 голосами против 6 при 3 воздержавшихся (Милюков и Никольский заявили, что они остаются при особом мнении) было решено дать ответ студентам в духе высказанных суждений о несвоевременности момента, необходимости копить силы и т. п.¹⁸

Но мнение Милюкова полностью восторжествовало на конференции. Студенческий вопрос на конференции запланирован не был. Он был поставлен лишь по настоянию студентов-делегатов, так как позиция руководства партии поставила кадетов-студентов в очень трудное положение. Московский студент, некий «г. П.», рассказал следующее. Студенты-кадеты Московского университета до принятия «Правил» 12 января 1911 г. (фактически отменявших университетскую автономию) не ходили на сходки и демонстрации, но после этого кадетская группа сочла своим долгом заявить о необходимости протеста в виде однодневной забастовки. Левые большинством эту форму отвергли, и группе пришлось подчиниться. Группа всегда отрицательно относилась «к так наз. Коалиционному совету», но теперь поспешила послать туда своих представителей. Когда Совет предложил устроить обструкцию, снова в нем разочаровались, и последние представители вышли из него. После того, как выяснилось, что из 4 тыс. студентов почти 3 тыс. решили возобновить занятия, группа взяла на себя инициативу и предложила прекратить забастовку. Неделий позже то же решение принял и Коалиционный совет, но все нападки пришлись на группу, в том числе даже от некоторых членов Московского городского комитета кадетской партии. В связи с этим «г. П.» хотел узнать, одобряет ли конференция действия группы, во-первых, и организацию ею агитационных курсов «для приготовления партийных людей», во-вторых¹⁹.

Петербургский студент «Ш.» поведал сложную историю. В Петербургском университете кадетская группа также устранилась вначале от участия в демонстрации, «особенно когда выясни-

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 3, лл. 191—194.

¹⁹ Там же, д. 11, л. 32.

лось, что это может грозить обструкцией и вооруженными столкновениями на улицах; к тому же склонялись и с.-д.-ты». Была признана только мирная демонстрация и на короткое время, а затем группа потребовала референдума, но среди профессуры поддержки не встретила. Представители кадетов из Коалиционного совета были отозваны: решено было на сходки не ходить, а общей забастовки не срывать и не поддерживать. Так продолжалось полтора месяца, пока забастовка не начала срываться. Тогда группа вступила в переговоры с социал-демократами о ликвидации забастовки, но в этот момент Коалиционный совет был арестован. Один уцелевший член Совета заявил кадетам, что если они заявят о прекращении забастовки, то это будет всеми принято как *fait accompli* (совершившийся факт). Но тут образовался никому не ведомый новый Коалиционный совет, который постановил забастовку продолжать. При таких условиях группа сочла себя вправе считать забастовку прекратившейся.

Однако другой петербургский студент, «г. Н.», «возражая товарищу, находил, что раз группа к.-д. в самом начале отнеслась к забастовке пассивно, не мешая ей обратиться во всероссийскую, она не имела морального права брать на себя ликвидацию забастовки. В результате вышло, что весь одиум прекращения забастовки пал на студентов-к.-д. По общему вопросу об университетских событиях „г. Н.“ высказал мнение, что университет не может быть государством в государстве, пользоваться автономией, когда вокруг нет свободы, и что если общая жизнь потрясена крупными событиями, нельзя и университетам не быть втянутыми в политику — нельзя смотреть на университет исключительно только как на культурную ценность. Тактику СПб. группы студентов-к.-д. следовало бы бросить: ее воззвания не были напечатаны даже в „Речи“, а появились в „Новом времени“»²⁰.

Как видим, молодое кадетское поколение действовало вполне в духе своих старших наставников. Однако Милюков попытался не допустить обсуждения, воспользовавшись в качестве предлога разногласиями среди петербургских представителей. Правда, он был вынужден при этом заявить, что высказывает свое личное мнение, которое часто не совпадает с мнением фракции. Смысл его замечания сводился к следующему: поскольку условия для тактики партии в стране и в университетах разные, конференция как таковая не может входить в обсуждение поднятого вопроса. Собравшиеся могут это сделать лишь как частные лица, а не как политическая партия. Иначе говоря, партия не должна вмешиваться официально в дела студенческих кадетских групп. Позиция была ясна, но обоснование ее с точки зрения логики выглядело просто дико. Подобная логика изумила даже

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 11, лл. 32—33.

Колюбакина, заявившего, что конференция не может уклоняться от прямого ответа. Тем не менее Шингарев поддержал Милюкова, предложив обсудить вопрос, чем должна заняться фракция в последнюю сессию. Все же, по настоянию студентов, было решено: «В утреннем заседании 9 мая обсудить университетский вопрос в пределах внешних отношений студенческих групп к центральным органам партии»²¹.

Утреннее заседание началось с того, что петербургский студент «Ш.» совершенно недвусмысленно обвинил Милюкова в политической нечестности. На другой день после того, как кадетская студенческая группа опубликовала резолюцию, призывающую к отказу от демонстрации и «поддержанную фракцией в ее газетном обращении», заявил он, Милюков в Думе и «Речи» высказал совсем иную точку зрения, произнес известную фразу: «когда отцы молчат, выступают дети» (т. е. тем самым как бы оправдывал и поощрял действия студентов). «Авторитет студенческой группы к.-д. получил сильный ущерб. Как устранить эту двойственность (!), эти разноречия?»²².

Кадетские вожди тут же объяснили наивному кадетскому недорослю, что вызвавшая его недоумение «двойственность» политики и «реальная политика» суть синонимы. Вместе с тем их ответ свидетельствовал о крушении надежд на мирное, «конституционное» течение русской жизни, о признании ненавистной необходимости вновь не только считаться, но и рассчитывать на революционно-демократическое движение для достижения своих отнюдь не революционно-демократических вождедений.

Выступая с тезисом о «невмешательстве» партии в студенческие дела, Милюков аргументировал его тем же доводом, но более подробно. Он сомневается, «могут ли центральные партийные органы давать директивы студентам ввиду глубокого различия во всей обстановке и методах деятельности, да безусловной покорности нельзя и требовать от студентов». Здесь была зарыта собака: как «конституционная» партия, отвергающая в принципе революционные методы борьбы, кадеты против революционных выступлений, но они не прочь погреть руки на этих выступлениях — таков их подлинный смысл в переводе с милюковского языка на обычный. Когда казалось, что «конституция» побеждает, развивал свою основную мысль искушенный кадетский политик, «в такой момент основная тактика к.-д. партии — строгая лояльность — казалась единственной и безусловно обязательной и для университетов». Но поскольку дело обстоит не так, и вместо «конституции» мы имеем насилие и беззакония, «приходится констатировать факт, что и старые методы борьбы студенчества за свои права вновь оживают. Конечно, все эти

²¹ Там же, лл. 33—34.

²² Там же, лл. 34—35.

методы мы не можем принять под свою защиту, и создается двойственное положение, из которого выходом может явиться или совершенное закрытие студенческой фракции к.-д. как таковой, или предоставление ей действовать на свой собственный страх и риск, без всякого руководства и ответственности со стороны партии. Все директивы в подобных положениях могут сводиться только к отрицательным указаниям: не делать того-то, и невозможно предписывать делать то-то. Та студенческая фракция, которая покорится директивам извне, тем самым теряет авторитетность как несамостоятельная. И мы вынуждены сказать студентам, что, раз им приходится существовать и действовать в условиях внеконституционных, пусть каждый из них несет ответственность на себе и действует так, как подсказывает ему своя совесть»²³.

«Раз центр. органы партии, — разъяснял студентам Д. И. Ш[аховской], — уклонились от директив в такое трудное, ответственное время, значит это было не случайно, не по недосмотру, а потому, что таких директив невозможно было дать... Вызывать студенческие выступления представлялось невозможным, но и безусловно удерживать во что бы то ни стало значило бы становиться в невозможное положение». Поэтому пусть студенты обращаются к руководителям партии как к отдельным авторитетным лицам. ЦК выступлениями студентов руководить не может. Закрывать студенческие кадетские группы, как говорил Милюков, конечно, не надо: они подготавливают партийных деятелей. К подобной позиции партию вынуждает еще и тот факт, что «между студентами и профессорами постоянно возникают конфликты, а в состав к.-д. партии входят и те, и другие»²⁴.

Логикой вещей частный вопрос перерос в обсуждение вечной кадетской проблемы, неразрешимость которой была обусловлена полным банкротством расчетов кадетов на реакцию, с одной стороны, и их страхом перед революцией — с другой.

Вопрос стоит шире, чем вопрос о том, закрывать или не закрывать кадетские студенческие группы, заявил Н. В. Н[екрасов]. «Чего-то не договаривают. Это умолчание как бы скрывает противоречие между лояльной тактикой к.-д. фракции в стране и Думе и нелояльной студенческой тактикой. Но каковы сейчас отношения между этими понятиями — лояльности и нелояльности? Было время, когда партия стояла на ультралояльной позиции и даже вотировала кредиты на тюрьмы, подчиняясь нормам действовавшего закона о бюджете; но времена эти ушли, не по нашей вине, конечно, и мы стали занимать несколько иные позиции. Впрочем забастовки мы никогда в принципе не отвер-

²³ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 11, л. 35.

²⁴ Там же, лл. 35—36.

гали, помня, что она дала нам конституцию. У студентов же и совсем нет методов для борьбы, кроме забастовок. Профессора говорят, что этот метод губелен для нашей науки, для культуры, но это не точка зрения партии: партия не высказалась принципиально и против студенческой забастовки». Не может быть двойкой тактики: «открыто порицать, а втайне сочувствовать забастовке»²⁵.

Некрасов был «левым» кадетом, Ф. Ф. Кокошкин — правым. «Забастовка как метод борьбы действительно принципиально у нас не исключается, — признал Кокошкин. — Мы сами начали с забастовки, но на нее мы всегда смотрели как на средство совершенно исключительное, допустимое лишь в крайних случаях и притом обязательное уже для всех, а не для одних студентов. Левые признают забастовку своим обычным оружием, а для нас это положение немыслимо ни по составу партии, ни по взглядам. Как бы мы могли рекомендовать студентам забастовки и демонстрации, не идя вместе с ними на улицу? Если бы мы пришли к сознанию необходимости забастовки, к решению пожертвовать университетами, прежде всего мы должны были бы обратиться к профессорам, а не к студентам. Но это могло бы быть в случаях совершенно исключительных, в такие моменты, как исторические октябрьские дни. Теперь же студенческие забастовки принимают чуть не хронический характер». Тем не менее Кокошкин заявил, что Милюков неправ, полагая, что центральные органы не могут давать студентам общих директив²⁶.

Гредескул, как мы помним, был архиправым кадетом и, как все «архи», любил ясность и определенность, насколько последние были, конечно, возможны для кадета. Он тоже, как и Некрасов, не одобрил позиции Милюкова, объявив ее противоречивой: «На вопрос, что нам делать? мы отвечаем молчанием». Более того, не ответить, на его взгляд, означало либо лицемерие, либо *testimonium pauperitatis* (свидетельство о бедности), недостойное партии. Надо дать ясный ответ, и он состоит в следующем: «У нас популярно мнение, что для спасения России надо быть готовым прибегнуть к помощи не только революции, но и самого черта; но из этого не вытекает общего ответа на вопрос: а сегодня надо бастовать? Как мы должны были ответить? Мы должны были ответить отрицательно». Забастовку, объяснял он далее в духе Изгоева и Булгакова, могут делать профессора — взрослые полноправные люди; забастовка ведет к обструкции, а против нее в Думе высказался и сам Некрасов. «Вот в этом трактовании пределов допустимости забастовки и обструкции и можно усматривать успехи нашего конституционного процесса. И здесь источник директив. Если мы решили идти в курсе кон-

²⁵ Там же, л. 37.

²⁶ Там же, л. 38.

ституционного устройства страны, то мы и другим должны рекомендовать действовать в чисто конституционном духе»²⁷.

В ответ на выступление Некрасова и жалобу петербургского студента «Н.», что автономия, предлагаемая Милюковым, разрушающе действует на кадетские студенческие группы, надеявшиеся заменить влияние радикальных групп, что без поддержки партии они развалятся, Шаховской заявил, что протестует против тех ораторов, которые «готовы загнать нашу партию в подполье... В открытой (в смысле законной.— А. А.) борьбе заключается весь смысл существования партии». Поймите, убеждал студентов Колюбакин, «сказать „бастуйте“ нельзя было, так как это значило бы призывать на методы борьбы неконституционные»²⁸.

Подводя итоги обсуждению, Милюков вынужден был признать: «Перед партией впервые так откровенно стал коренной вопрос, не пора ли уже нам ввиду слагающихся политических обстоятельств преодолеть наше отрицательное отношение к некоторым нелегальным методам действия». Поскольку, по его мнению, конференция не полномочна решать этот вопрос и существуют диаметрально противоречивые мнения (Некрасов считает, что кадеты уже чуть не вступили на нелегальный путь, Гредескул особенно подчеркивает лояльность партии, а его, Милюкова, обвиняют в позиции средней между этими двумя и в логических умолчаниях), следует как-то примирить их, что и делалось до сих пор, во имя совместной работы. Иначе надо идти к разрыву. Кадетам необходимо быть лояльными. Особенно, «когда нас стараются поймать на каких-либо нелегальных действиях, не следовало бы легко отдавать себя в руки наших противников».

В заключение Милюков высказался за принятие предложения Кокошкина о созыве осенью специальной конференции, которая обсудила бы вопрос о положении кадетских студенческих групп. Ей же он считал нужным передать и предложение кн. П. Долгорукова об образовании особого бюро по студенческим делам. Так и было решено²⁹.

Однако осенью (11 октября) была созвана не конференция, а специальное заседание МОЦК, где студенческий вопрос был вновь подвергнут подробному обсуждению. К сожалению, протокол зафиксировал обмен мнениями в безличной форме. Фамилии присутствовавших также не указаны, поэтому нельзя с точностью установить, были ли на этом заседании представители студенчества. Но особого значения это не имеет, так как протокол с полной очевидностью показывает, что точка зрения Милюкова восторжествовала полностью.

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 11, лл. 38—39.

²⁸ Там же, лл. 40—41.

²⁹ Там же, лл. 43—44.

Уже один из двух исходных вопросов говорит об этом. Он был сформулирован примерно следующим образом: нужно ли вообще торопиться с конференцией, раз студенты первые подняли вопрос — они и должны войти в ЦК с докладом, а последний даст тот или иной ответ. Второй вопрос был, по-видимому, поднят студентами-кадетами. Сейчас, заявили они, кончают учебу студенты, которые были знакомы с партией во время широкой предвыборной кампании (имеются в виду, вероятно, выборы во все три Думы), и «фракция (по-видимому, студенческая кадетская фракция в Московском университете.— А. А.) озабочена вопросами организации правильной преемственности между выходящими из университета и вновь вступающими студентами и вопросом политического образования молодых членов фракции». Если ЦК хочет поддерживать связи с молодежью, то тогда нужно созвать совещание.

В связи с этим было «решено обсудить следующие вопросы:

1. Желательно ли существование к.-д. фракции в университете?
2. Каковы должны быть взаимоотношения центральных органов партии и студенческих групп?
3. Допустимы ли забастовки?
4. Нужно ли совещание ЦК со студентами (т. е. указанная конференция.— А. А.)?»

В ходе обсуждения было признано, что «для партии важны задачи политического воспитания студенчества; она должна иметь в его среде продолжателей своих идей». Но «управлять фракцией ЦК не может» — студенты должны «действовать на свой страх и риск». «Что касается забастовок, то принципиально они, конечно, недопустимы», но иногда они неизбежны и необходимы.

Основное внимание было уделено второму вопросу — о взаимоотношениях со студенческими организациями. Студенческая фракция, по мнению ЦК, «может существовать, но не как учреждение партийное, и название „фракция“ дано ей неправильно». Ее надо назвать кружком, примыкающим к партии, и только. Студенты-кадеты не должны также заниматься политикой: «Студенческая фракция в университете необходима для того, чтобы партия имела преемственность своих идей среди молодежи, имела бы в ней свои корни, но отнюдь не для того, чтобы вводить политику в университет. Необходимо, чтобы к.-д. студенчество занималось политикой вне стен университета, не занималось ею в нем самом... Таким образом,— делался вывод,— отказ от руководства фракцией не есть лукавство... Студенческая фракция есть нечто особенное среди партийных организаций; и вся острота вопроса в установлении взаимоотношений между нею и ЦК лежит в боязни той ответственности, которую ЦК понесет за ее выступление».

Была высказана также идея о необходимости отделить студентов-кадетов от профессоров-кадетов. В то же время было признано, что сохранение студенческих организаций крайне важно для партии: если в университете «не будет к.-д. фракции, если умеренные студенты не будут организованы, то крайние приобретут опять полное влияние». Если партия не хочет вымереть, ей нужна молодежь, а «где же, помимо университетской молодежи, можно найти те кадры лиц, которые, сделавшись гражданами, стали бы продолжать работу партии». Таков был круг идей, который определял позицию МОЦК. Только некоторые члены ЦК сошлись на том, что «на вопрос о возможности пользования университетом как фактором политическим и о допустимости забастовок нельзя дать одного общего ответа, так как нельзя обобщать вопрос тактики; вопросы тактики должны быть решены каждый раз отдельно, в зависимости от каждого данного конкретного случая».

В конечном итоге были приняты следующие общие положения по студенческому вопросу:

1. Студенческие кадетские организации должны существовать.

2. ЦК управлять ими «не может»: он вмешивается только тогда, когда действия этих организаций начнут противоречить основным требованиям тактики партии.

3. Студенты участвуют в общей жизни партии, в университете им предоставляется широкая автономия, и они сами несут ответственность за свои действия. Одна из главных задач организации — политически воспитывать своих членов и товарищей-студентов. В этом деле ЦК оказывает им помощь³⁰.

О конференции в решении не было сказано ни слова. По-видимому, на ней был поставлен крест. И это было, конечно, вполне закономерно: созыв такого совещания был бы весьма нестати для партии, решившей вести избирательную кампанию под «прогрессистским» флагом, на базе «конституции попроще», чтобы показать «обществу», что кадеты лучше октябристов и готовы занять их место.

Взятый кадетами «прогрессистский» курс состоял из двух составных элементов, между которыми было весьма существенное различие. Первый элемент сводился к объединению вокруг своей платформы «прогрессивного» избирателя как такового. Во втором случае имелся в виду прямой партийный блок с «мирнообновленцами» и примыкавшими к ним политическими кругами, вставшими в это время на путь организации партии прогрессистов, которая и оформилась в конце 1912 г., уже после выборов в Думу. В свою очередь, ставка на «прогрессивного» избирателя преследовала две цели: создание «левого центра» в будущей

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 245, лл. 24—30.

Думе, т. е. союз с прогрессистско-октябристским избирателем, и попытка привлечь на свою сторону левого избирателя под лозунгом двух лагерей. Первая цель в ходе подготовки к выборам и во время избирательной кампании, по сути дела, стала единственной, так как в безнадежности второй попытки кадеты убедились очень скоро и с самого начала не тешили себя особыми иллюзиями.

На пленарном заседании ЦК 13 ноября 1911 г. МОЦК представил доклад, заключительные тезисы которого сводились к следующему: 1) цель выборов — сплотить максимум прогрессивных элементов для достижения «очередных задач»; 2) там, где невозможна победа кадетов вне блоков, создавать смешанные избирательные комитеты, которые должны представлять собой блок со всеми избирателями, кроме «антиконституционных», т. е. правых и националистов; 3) кадеты, вступившие в такие комитеты, обязаны сноситься с ЦК; 4) использовать курию мелких землевладельцев, главное внимание обратить на вторую городскую курию; 5) ЦК организует объезды мест своими представителями, издает брошюры и т. д.; 6) организовать сбор денежных средств на местах³¹.

Из обмена мнениями видно, кого кадетские лидеры разумели под «прогрессивным» избирателем. Некоторые члены МОЦК сообщили, что в Москве во время съезда деятелей по народному образованию (август) «прогрессивные земцы» собирались потолковать о лозунгах предстоящей избирательной кампании, сначала без участия членов ЦК, а потом усиленно приглашая их. Они в основном согласны с лозунгами, выдвинутыми Милюковым в качестве платформы. На вопрос А. М. К[олюбакина], что же тогда осталось у кадетов от партийности, последовал ответ Ф. Ф. К[окошкина] о необходимости смотреть на вещи практически, в связи с чем, «очевидно, нет никакой надобности выискивать различия и противопоставлять себя другим прогрессивным элементам». Если прогрессисты хотят подписаться под кадетской платформой, «тем лучше»³². На замечание Н. В. Н[екрасова], что партия «забирает» слишком вправо, а кадетам придется иметь дело с элементами, стоящими левее их, и что с ними надо считаться, тот же Кокошкин выступил с возражением, имевшим принципиальный характер. Если быть, говорил он, пессимистом и считать, как считает Колюбакин, что IV Дума будет такая же, как III, «то ничего не оставалось бы, как повторять аргументацию и платформу левых партий; однако для такого пессимизма еще нет достаточно оснований». В будущей Думе может быть образован левый центр: у союзников справа есть свои классовые интересы и инстинкт самосохранения. Кокошкина поддержал

³¹ Там же, д. 30, л. 123.

³² Там же, л. 125.

Милуков: «Еще не время убеждать избирателя, что он бессилен что-либо сделать, пока действует закон 3 июня». Что касается левых, то с ними «полемизировать по необходимости придется: по отношению к защите интересов рабочего класса к.-д-ты конкурировать с левыми не могут, но в чисто политических вопросах необходимо занять и отстаивать собственную позицию. До сих пор избиратели прекрасно оценивали беспочвенность политических построений левых и шли за к.-д-тами; нельзя допустить, чтобы теперь они и к.-д-тов считали столь же беспочвенными»³³.

Из слов Милукова следует, что под «левым избирателем», опасавшимся «беспочвенности», он имел в виду избирателя второй городской курии, а под «почвенностью» то, что кадетская партия признает 3 июня как исходный пункт своей деятельности, стоит на почве 3 июня.

Та же картина наблюдалась при обсуждении тезисов МОЦК на ноябрьской конференции, о которой шла речь выше. Как свидетельствует протокол, «продолжительные прения» вызвал второй тезис. Одни утверждали, что «русская жизнь еще не разделила избирателя по партиям, поэтому на выборах достаточно руководствоваться такими элементарными признаками, как общая „порядочность“, независимость от административных воздействий и оппозиционное отношение к политике правительства. Другие, наоборот, требовали большей определенности и обособления от всех правых элементов, начиная с октябристов, т. к. они скомпрометировали себя угодливостью. Третьи заняли среднюю линию между этими двумя, считая, что надо идти на соглашение в последней стадии выборов, заключая компромиссы по принципу „меньшее из зол“»³⁴. Однако первая точка зрения полностью господствовала.

Н. А. Г[редескул], как всегда, предпочел говорить по-веховски открыто, ставя точки над *i*. Создать «левый центр» в будущей Думе за счет октябристов и националистов, говорил он, «было бы великим успехом. Эта цель во всяком случае достижимее, чем проведение в Думе 50—60 чисто партийных кадетских депутатов». Средство для этого — «конституция попроще». Партия «должна задуматься над основным вопросом... Левые ушли от жизни и увлекаются отвлеченными ее формами, другие прогрессивные элементы слишком разобщены и неорганизованны, и на к.-д-ах поэтому лежит ответственность перед историей за организацию страны хотя бы под лозунгом „конституция попроще“... Было время, в 1905 г., когда партия... не стояла на чисто конституционной почве, но тогда ей приходилось существовать среди бушевавшей революции. А теперь необходимо твердо ре-

³³ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, лл. 127, 129.

³⁴ Там же, лл. 2—3.

шить, хотим ли двоиться, допуская в своей среде и ожидание новой революции, или стать на чисто конституционную почву. Пора уже партии взять на себя определенные политические обязательства, отбросив политический романтизм. Ведь на выборах будут стараться уличить партию к.-д. в тайном сочувствии революции, в республиканстве и т. п., и надо уметь ответить на эти обвинения. Дума будет работать еще целую сессию, и для партии найдется время и поводы высказаться в определенном смысле. С этой точки зрения надо осудить решение минувшей конференции, которое оратор считает великим грехом, — решение о созыве специальной студенческой конференции для обсуждения вопроса о роли студенчества...»

На возражение членов Думы А. А. Д[обровольского] и Н. Н. Щ[епкина] о том, что не надо давать наперед никаких заклятий, так как условия могут измениться, Гредескул в свою очередь возразил, что клятв, конечно, давать не следует, но и говорить «всуге» тоже не нужно: когда эти условия выдвинет жизнь, тогда посмотрим, а «сейчас нет надобности рассматривать конституционную позицию партии»³⁵.

Милюков был также против заклятий, но он по существу был всецело на стороне Гредескула. Признав «известную пользу за тем обстоятельством, что споры коснулись самых основ существования партии и выяснили положение вещей», он считал, однако, что «вопрос, поднятый Н. А. Г. (т. е. Гредескулом. — А. А.), особенно в первоначальной своей постановке, завел бы слишком далеко...» Но в то же время «в каждый данный момент надо проверять очередные задачи. С этой точки зрения ответим себе и на вопрос: в каком политическом моменте мы находимся? Исчерпаны ли все средства конституционной борьбы, не пора ли перейти к каким-либо иным средствам? Положительного ответа на последний вопрос никто не дал». В то же время «мы... не раз уже обнаруживали способность понимать потребности момента, должны проявить эту способность и теперь и проведем партийные выборы на прогрессивных элементах страны»³⁶.

Эта «способность» стала проявляться тут же, и весьма определенно. Нельзя, заявил Колюбакин, категорически и безусловно воспрещать какие бы то ни было соглашения с октябристами. И нечего бояться, как опасаются некоторые представители с мест, что это бросит тень на партию. Надо учитывать, что если не будет таких соглашений, «то во многих местах не проведем в Думу ни одного к.-д.»³⁷ Даже Некрасов напирал на то, что нельзя быть формалистами. «Бороться придется или налево, или с союзниками; нельзя при этом быть оптимистами, так как глав-

³⁵ Там же, д. 12, лл. 19—21.

³⁶ Там же, лл. 21—22.

³⁷ Там же, лл. 28—29.

нейшая трудность борьбы будет заключаться в правительственных кандидатурах... Поэтому нельзя отбрасывать отдельных порядочных людей по формальным соображениям»: октябристы Гучков и Шубинский — одно, а октябристы Годнев и Клименко — другое³⁸.

«Элементы левее к.-д. в избирательных списках являются величиной ничтожной,— указывал член ЦК А. А. С[вечин].—...Поэтому нельзя так легко отметить более прогрессивные элементы, хотя бы они и почему-либо и ютились около октябристского знамени». М. А. Искрицкий и Клименко — разве это октябристы? — победоносно вопрошал этот «реальный политик». А раз так, то «предрешать наперед, что у к.-д. никаких соглашений даже с такими октябристскими элементами не должно быть, не следовало бы. Нынешний блок октябристов с националистами должен скоро развалиться, раз националисты сильно потянули вправо». Из последних слов видно, что Свечин был за соглашение с октябристами вообще, а не только с «левыми» октябристами. Достаточно двух условий для соглашения с ними, говорил он: независимость от администрации и навык в земской работе³⁹.

Милюков от имени ЦК полностью поддержал Свечина. «Вопрос идет,— пояснял он,— о нужности или ненужности более точного определения границ возможных для партии к.-д. предвыборных соглашений. Подходя к этому вопросу с положительной стороны, Ц. К-т указывает на желательность объединения со всеми прогрессивными элементами страны; с отрицательной стороны указаны элементы антиконституционные и шовинистские (т. е. правые и националисты.— А. А.)». Наше определение — «независимые люди», и под это определение подходят и Годнев и Клименко⁴⁰.

Из видных кадетов только Бабянский и Родичев выступили против соглашений с октябристами. Да разве можно говорить о блоках с отдельными лицами, недоумевал Родичев. Тогда зачем же нужна партия? «Если мы начнем стирать черты различия между ними (октябристами.— А. А.) и нами, то это поведет к полной нашей отставке от русской жизни. Не приспособляться нам к ним надо, а надо их воспитывать (?)»⁴¹.

Возражая Родичеву, Свечин говорил: все сказанное Ф. И. Р[одичевым], может быть, и справедливо, когда речь идет о Думе и городах, но это неверно по отношению к провинции. Кроме того, «программа октябристов вовсе не так плоха...», и «в губернских избирательных собраниях отворачиваться от них нам не следовало бы»⁴².

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 12, л. 30.

³⁹ Там же, лл. 31—32.

⁴⁰ Там же, л. 32.

⁴¹ Там же, л. 34.

⁴² Там же, л. 35.

То же утверждал и Милюков: «Опыт научил уже если не всю партию, то думскую фракцию к.-д. различать оттенки и во тьме. В ряде думских вопросов приходилось уже пользоваться содействием тех же Капустина, Анрепа и др. октябристов... Во всяком случае, представляя себе умственно ход выборов в провинции, можно предвидеть и такую комбинацию, где октябриста придется поддержать против союзника, напр. иногда можно пропустить 2—3 октябристов в Думу для того, чтобы этой ценой дать место одному такому депутату, как Шингарев. Поэтому общее запрещение входить с октябристами в какие бы то ни было соглашения очень затруднило бы нас в последней стадии выборов. Кроме того, нельзя категорически утверждать, что октябристы будут повсюду губернаторскими кандидатами. Наоборот, уже известны случаи, когда губернаторские сферы выдвигают особые кандидатуры против октябристов. Достаточно принять редакцию тезиса 2-го, предложенную Ц. К.-том, с добавлением о „независимых“, чтобы тем самым оттенить отрицательное отношение партии к.-д. к октябристам, но никаких категорических воспрещений делать не следует»⁴³.

В связи с этим пункт 2-й был принят в следующей окончательной редакции: «В тех случаях, когда самостоятельные партийные выборы, по местным условиям, невозможны, местные группы сторонников партии к.-д. могут вступать в соглашение с другими независимыми общественными элементами, за исключением антиконституционных и националистических, и образовывать смешанные избирательные комитеты». В протоколе далее пояснялось, что меньшинство настаивало на невозможности соглашений с октябристами, но после разъяснений, что речь идет не о соглашении с политическими группами, а о смешанных комитетах из лиц, это предложение отпало⁴⁴.

В докладе Департамента полиции указывалось, что конференция приняла решение о деловых соглашениях с октябристами против националистов и правых и даже проведения их в Думу, особенно «левых» октябристов⁴⁵. Из этого еще раз следует, что кадеты фактически рассчитывали на союз с октябристской партией в целом, а не только с ее «левой» частью.

В своем письме Гучкову от 4 сентября 1911 г. Звегинцев писал: «Шингарев читал здесь (в Воронеже. — А. А.) лекцию под заглавием „Участковое земство“... Впечатление — сплошная похвала октябристов и совместной работы с ними кадетов»⁴⁶. Год спустя, 17 августа 1912 г., в разгар избирательной кампании заместителя председателя ЦК октябристов на заседании ЦК

⁴³ Там же, л. 36.

⁴⁴ Там же, л. 3.

⁴⁵ Там же, ф. 431, оп. 1, д. 187, л. 19.

⁴⁶ Там же, ф. 932, оп. 1, д. 132.

«сообщил, что различные группы и партии в лице некоторых из своих членов неофициально предпринимали шаги к переговорам через него о возможности совместного выставления кандидатов в депутаты от г. Москвы. Так, С. В. Челноков предложил на одном и том же избирательном бюллетене выставить А. И. Гучкова и М. В. Челнокова». После обсуждения этого вопроса с Гучковым и некоторыми членами ЦК в частном порядке было решено все подобные предложения, исходящие от кадетов, отвергать⁴⁷.

Тем не менее, несмотря на все бесчисленные пинки и пощечины, которыми октябристы награждали кадетов во время избирательной кампании, кадеты снова и снова добивались соглашений с ними. В этом отношении весьма наглядным является обсуждение вопроса о соглашениях с октябристами на заседании ЦК кадетской партии 9 октября 1912 г., т. е. в момент, когда выборы в Думу вступили в свою последнюю решающую стадию.

Из сообщения Колюбакина, сделавшего погубернский анализ хода выборов, выяснилось, что 18 губерний остаются еще «невыясненными». В связи с этим, заявил он, «возник вопрос, возможны ли и допустимы со стороны Ц. К-та (а не местных групп, как постановлено было раньше.— А. А.) какие-либо усилия к тому, чтобы отвлечь (!) октябристов от предвыборных соглашений с правыми, которые на выборах обыкновенно относятся к октябристам беспощадно»⁴⁸. Последовал оживленный обмен мнениями. Шингарев нашел, что давать директивы уже поздно. Кроме того, они будут «очень неудобными для партии». Надо положиться на местные группы, которые «отлично» сообразят насчет соглашений без всяких директив. Изгоев, наоборот, полагал, что директивы дать необходимо, но только иного порядка: об объединении «оппозиции» против октябристов. «Численно левые не слабее к.-д., и рисковать отпадением их во имя сомнительных соглашений с октябристами не следовало бы: это нанесло бы партии к.-д. большой моральный ущерб»⁴⁹. Подобное признание человека, которому принадлежала крылатая фраза, требовавшая от кадетов, чтобы они «перестали косить глаза налево», была, конечно, весьма знаменательна. Уж если такой ярый входец, каким был Изгоев, разочаровался в октябристах и заговорил языком «левых» кадетов, то это, во-первых, означало, что всякие попытки обращения к октябристам с выборными соглашениями были практически лишены смысла, во-вторых, что левые силы вышли из полосы кризиса и упадка (в котором они, как думал раньше Изгоев, останутся еще долгие годы) и стали снова непосредственной реальной политической силой.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 2, д. 76, л. 26.

⁴⁸ Там же, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 210.

⁴⁹ Там же.

Тем не менее тезис Изгоева был подвергнут критике остальными членами ЦК. Два-три голоса социал-демократов в губернском собрании выборщиков несущественны, возразил ему тот же Колюбакин. «Да и вообще он... против такого подчинения „опозиции“: к.-д. поступили бы необдуманно, если бы слишком связали себя с левыми». «Надо спасать положение..., и указания ЦК могли бы заставить кое-где радикальствующих к.-д. выпить стакан чаю с октябристами». Октябристам самим выгодно идти с кадетами против правых, пояснял своему соратнику Н. А. Гредескул. «На предвыборных собраниях П. Н. М[иллюков] искусно и правильно выражал мысль, что не желал бы второго освободительного движения». Кадеты сами виноваты: стояли бы последовательно на базе «конституции попроще», тогда бы сохранилась почва для соглашений с октябристами, а вся кадетская печать и кадетские ораторы все время подвергают октябристов жестокой критике⁵⁰. На это Изгоев резонно заметил, что октябристская печать все время травит кадетов. Если идти на сближение с ними, повторил он свою мысль, они потребовали бы выкинуть левых; «а между тем к.-д. должны дорожить своей нынешней позицией — быть в центре всей оппозиции»⁵¹.

Было принято типичное кадетское решение, и на этот раз исходившее от премудрого кадетского Уллиса. «Путь циркулярного обращения был бы очень опасен», — заявил Миллюков. Поэтому нужно на места послать «частным образом» разъяснения, в которых сказать, что в соглашениях с октябристами ничего предосудительного нет. Постановление гласило: циркуляра не посылать, ограничиться указанием, что октябристы — меньшее зло, чем правые. Сделать это председателю ЦК⁵².

Отрицательное отношение октябристов к избирательному блоку с кадетами, помимо других причин, было обусловлено конкурентной борьбой, пониманием, что на базе объединения всех «прогрессивных элементов» кадеты рассчитывают войти в доверие к октябристскому избирателю. В статье «Кадетский маскарад» Громобой, разоблачая эту цель, писал: кадеты пишут, что избиратели были всегда на их стороне и вдруг перекрашиваются в прогрессистов. Почему же это произошло? Да потому, что «объявить себя кадетами значит идти на повсеместный провал. И вот приходится изворачиваться». Их объяснение сводится к необходимости объединения всех сил «опозиции» против реакции. «Нетрудно доказать всю натянутость и неискренность этого объяснения... Прогрессисты существуют в гомеопатической дозе в Думе и, не имея ни программы, ни партийной организации, вовсе не существуют вне Думы, среди избирателей. О партии мирного

⁵⁰ Там же, лл. 210—211.

⁵¹ Там же, л. 212.

⁵² Там же, лл. 213, 215.

обновления нечего, разумеется, и говорить. И так, справа объединять некого». Что касается социал-демократов, то их кадетам «не оседлать». Во время обсуждения законопроекта о канализации Петербурга «социал-демократ Полетаев отозвался о кадетях в самых непочтительных выражениях». Кого же тогда кадеты, «скрывая свое лицо», имеют в виду на самом деле? — «Наивного аморфного избирателя»⁵³. Под последним разумелся, конечно, октябристский избиратель, которого Громобой предупреждал о кадетском коварстве.

Позиция кадетов в отношении прогрессистов как складывающейся партии полностью подтверждает этот конечный вывод октябристского публициста. Здесь тактика Милюкова и К⁰ была значительно осторожнее и сложнее, чем когда речь шла о смешанных комитетах на базе «конституции попроще». Первая причина этой настороженности была вызвана страхом раствориться в том бесформенном и аморфном течении, которое называло себя «мирнообновленческим», «прогрессистским», «национал-либеральным» и пр., но упорно не поддавалось в течение ряда лет партийной организации. По поводу партии «мирнообновленцев» ходила шутка, что вся она может усесться на одном диване. И действительно, партия «мирнообновленцев» как сколько-нибудь организованное целое никогда не существовала. Попытки создать взамен нее партию прогрессистов были мало успешны, и Милюков опасался, что если кадеты возьмут на себя роль начинателя этой партии, как того добивались Струве, Тыркова и др., то они сами могут исчезнуть как партия, растворившись в бесформенной прогрессистской массе.

На заседании ЦК 18 марта 1912 г., где обсуждался вопрос о взаимоотношениях с прогрессистами, Милюков заявил: «Прошлое партии поддерживалось за 5 лет работой парламентской фракции, но сама партия составляла более или менее фикцию. Условия выборов в настоящий момент очень трудны: прогрессисты, люди без флага, находятся теперь в наилучших условиях». Но вывод отсюда тот, что кадеты должны укреплять свою партию, а с прогрессистами вступать в соглашения только на местах, никоим образом в прогрессистах не растворяться⁵⁴. Из этих слов видно, что Милюков усматривал опасность с двух сторон: его смущала не только рыхлость прогрессистов, но и слабость собственной партии.

Мы уже приводили ряд признаний кадетских лидеров на этот счет. Вплоть до 1916 г. кадеты не могли созвать съезда, довольствуясь конференциями, не имевшими сколько-нибудь правильного представительства. «Конференция, — выразил общую мысль Шаховской на соединенном заседании комитета фракции и ЦК

⁵³ «Голос Москвы», 1 февраля 1911 г.

⁵⁴ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 690, лл. 2—3.

5 апреля 1910 г., обсуждавшем вопрос об очередной конференции, — делается все менее и менее авторитетным учреждением»⁵⁵. В цитированном выше секретном докладе Департамента полиции о кадетской конференции в ноябре 1911 г. говорилось: «Конференция носила довольно бледный характер. Из 100 с небольшим членов ее на долю провинциальных организаций пришлось не более 30 делегатов; остальными участниками конференции были члены фракции, члены Центрального Комитета партии и члены петербургского и московского городских советов»⁵⁶. Это была типичная картина, которую уже невозможно было скрыть.

В статье «Счастье нелегальности» октябристский автор, скрывшийся за инициалами М. Д., со злорадством писал: «Был момент, когда думали, что кадеты — сила: за ними вся страна. Оказалось, за ними ровно ничего нет». Об этом свидетельствует их конференция. «Кто избрал этих делегатов? От кого получили они полномочия?» Нелегальный съезд дает возможность искусственного подбора делегатов. Поэтому «с уверенностью можно сказать, что легализация партии народной свободы была бы для нее роковым ударом. Тайное сделалось бы явным, и все увидели бы, что кадетская партия — пух, шкаф с мифическими миллионами Эмбер...». «Впрочем, — заканчивал автор, — кадеты сами давно уже перестали об этом хлопотать. Боятся: вдруг легализуют. Прощай тогда темные дела и секретные съезды»⁵⁷. Последнее замечание соответствовало действительности: кадеты действительно прекратили хлопоты о легализации, считая ее для себя политически невыгодной.

Так обстояло дело у самих кадетов. Что касается прогрессистов, то здесь опасения Милюкова подтвердились, можно сказать, с лихвой. Уже летом 1912 г., т. е. незадолго до выборов в IV Думу, как явствовало из письма от 16 июня исполняющего должность директора Департамента полиции товарищу министра внутренних дел А. Н. Харузину, заправлявшему выборами, Московский комитет беспартийных прогрессистов, игравший роль организационно-учредительного центра будущей партии, чувствовал себя довольно неважно, настроение у его членов вялое. Они сами жалуются на нехватку активных деятелей. Более активными можно считать кн. Н. Н. Львова, Д. Н. Шипова, С. М. Четверикова, Ю. И. Поплавского и братьев Рябушинских. Кн. Е. Н. Трубецкой совершенно отстранился от всяких дел, дал свое имя только «для фирмы». Совершенно инертен гр. С. Л. Толстой. По болезни мало активен Коновалов. Рассчитывают на некоторую активность приват-доцента Н. В. Давыдо-

⁵⁵ Там же, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 6^о.

⁵⁶ Там же, ф. 431, оп. 1, д. 187, л. 1^б.

⁵⁷ «Голос Москвы», 1 июня 1910 г.

ва. В общем, делался вывод, комитет оказался довольно нежизнеспособной организацией. Если не кооптирует в него более активных членов, то на выборах прогрессисты проявят себя слабо⁵⁸.

Вот почему Милюков неоднократно говорил о недопустимости блока с прогрессистами на партийной основе. На ноябрьской конференции 1911 г. он категорически заявил: в партии есть сторонники проведения общих выборов с прогрессистами, но с этим согласиться нельзя: «Мы не можем обратиться в прогрессистов. В Москве, на съезде (?), нам предлагали обратиться в прогрессистов, но мы столь же мало хотим быть прогрессистами, как и революционерами»⁵⁹.

«ПРОГРЕССИЗМ» И ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА

Но у Милюкова и К⁰ была еще одна весьма серьезная причина, заставлявшая их бояться превращения в прогрессистов. Она была связана с борьбой двух тактических направлений внутри кадетской партии, не прекращавшейся на протяжении всего третьеиюньского периода: открыто веховского, возглавляемого такими людьми, как Струве, Изгоев и др., и направления, маскирующегося под демократизм, во главе которого стояли Милюков, Шингарев, Колюбакин и др. Несколько огрубляя, так как были исключения с обеих сторон, можно также сказать, что сторонниками первого курса были «москвичи» — МОЦК, сторонниками второго — петербуржцы — Петербургский ЦК и думская фракция. Суть разногласий сводилась к вопросу: нужно ли для достижения основной цели — буржуазной монархии — рассчитывать на массы, т. е. на «демократическую» вывеску партии, как было во время революции 1905—1907 гг., или же, наоборот, необходимо от этого решительно отказаться, целиком и полностью переключившись на «конституционный» путь — путь откровенно контрреволюционного либерализма? Струве и К⁰, ссылаясь на опыт революции, считали, что основной грех и неудача либерализма были обусловлены именно этим заигрыванием с революцией: массы повести за собой не удалось и не удастся впредь, а буржуазию кадеты своей тактикой напугали,

⁵⁸ ЦГАОР СССР, ф. 431, д. 187, л. 45. В состав комитета входили: Н. Н. Львов (председатель), кн. В. М. Голицын, И. Н. Ефремов, кн. Г. Е. Львов, кн. Е. Н. Трубецкой, С. И. Четвериков, Д. Н. Шипов, кн. М. В. Голицын (Тула), Н. В. Давыдов, С. С. Ермолаев-Зверев (Тула), А. И. Коновалов, Я. И. Лисицын, А. М. Маслеников, П. Д. Морозов, Л. Н. Новосильцев, Ю. И. Поплавский, В. П. Рябушинский, П. П. Рябушинский, гр. С. Л. Толстой, С. Н. Третьяков, В. А. Янович (Тула), В. П. Энгельгардт (там же).

⁵⁹ Там же, ф. 523, оп. 1, д. 12, л. 22.

заставили переключаться к октябристам. Кроме того, кадеты вызвали недоверие режима к либеральному «обществу», и в результате в «верхах» возобладало течение, противящееся «реформам». Не будь этого, по мнению Струве, все пошло бы отлично: самодержавие дало бы «реформы», ибо оно само в них заинтересовано, а главное, произошло бы партийно-политическое объединение класса буржуазии в целом; либеральная интеллигенция нашла бы, наконец, дорогу к капиталу, и была бы создана единая «деловая» партия буржуазии, достаточно сильная, чтобы без участия масс получить у царя то, что ей необходимо. Буржуазия, избавившись от опасений, что кадеты увлекут ее на путь повторения ошибок 1905—1907 гг., вроде «принудительного отчуждения», порвала бы свой союз с правыми элементами типа правых октябристов и встала на путь умеренного, спокойного «прогрессизма». Будущая «деловая» партия и должна быть партией прогрессистов. Чтобы добиться этого, кадетам нужно сделать несколько шагов, имеющих принципиальный характер. Прежде всего они должны объявить себя не просто либералами, а национал-либералами: открыто провозгласить, что они — сторонники антисемитизма («асиметизма», по выражению Струве), великодержавной политики по отношению к Украине, Польше, Финляндии, что их основная и первоочередная цель — создание «Великой России» (слова Столыпина во II Думе, которые Струве демонстративно взял в качестве своего основного программного лозунга). «Принудительное отчуждение» и Выборгское воззвание должны быть открыто объявлены ошибочными и т. д.

Эту линию «москвичи» проводили весьма последовательно: Струве — в своем журнале «Русская мысль», московские кадеты — в газете «Русские ведомости», прогрессист кн. Е. Н. Трубецкой — в своем «Московском еженедельнике». В Петербурге ее пропагандировала газета «Слово», возглавляемая Федоровым. Главным назначением своей газеты он считал «консолидацию» буржуазии, воспитание ее в духе общеклассовых задач, преодоление узкокорыстной заскоружности и аполитизма. Фактически между открыто веховским крылом кадетской партии и прогрессистами в третьеиюньский период не было никакой разницы. Более того, можно без всякого преувеличения утверждать, что Струве, Гредескул, Изгоев, Маклаков, Тыркова, несмотря на то, что все они были членами кадетского ЦК, были ближе к Рябушинским, Коновалову, Третьякову и Четверикову, чем к Милюкову, Шингареву, Родичеву и др. Знаменитые «чашки чая», устраиваемые Рябушинским, которые демонстрировали «единение капитала с наукой», представляли собой прежде всего единение именно струвенской части партии с московскими «прогрессивными» тузами. Именно на этих совещаниях обсуждались и вырабатывались программные принципы

будущей партии прогрессистов. В ее создании Струве и другие играли не меньшую роль, чем собственно ее лидеры.

Точка зрения Струве была очень ясна и последовательна. Однако она имела два существенных изъяна: буржуазия никак не хотела «консолидироваться», а революционный кризис не уступал место кризису «конституционному», несмотря на все заверения Гредескула, что он уже миновал и его не будет впредь и что страна переживает «здоровый конституционный процесс». 5 июля 1909 г. прекратило свое существование «Слово». Причина этого, как признал ее редактор, состояла в полной бесплодности усилий газеты по части «консолидации» и отсутствия каких-либо надежд на это в ближайшем будущем. Через год закрылся «Московский еженедельник». Что касается революционного кризиса, то на кадетских конференциях 1908—1909 гг. было признано, что он не только не ослабевает, но нарастает и усиливается.

Если Струве был доктринером либерализма, то Милюков был его «реальным политиком». Милюков не хотел и не мог полностью отвлекаться от действительности, как это делал его слишком прямолинейный собрат. Поэтому тактическим кредо Милюкова было проведение веховской политики на деле и отрицание ее на словах. Его раздражала излишняя и, как он считал, вредная откровенность Струве, которая только мешала осуществлению этой политики. В этом состояло их основное отличие друг от друга. Но этим дело не исчерпывалось. Борьба двух направлений в кадетской партии была отражением и выражением классовой сущности партии, которую В. И. Ленин выразил в великолепной формуле: «буржуазия боится революции больше, чем реакции». Это значит, революции она боялась больше всего, но и реакции боялась тоже. Иными словами, Милюков отдавал себе отчет, в той мере, в какой это было возможно для до смерти напуганного революцией российского либерального политика, в двух капитальных фактах: без движения масс буржуазия сама, как думал Струве, не получит желаемого; а движение масс, новая революционная волна неизбежны.

Двуличная политика кадетского Януса в первый период существования Думы нашла свое наиболее наглядное выражение в двух его программных выступлениях. Летом 1909 г. на обеде у лондонского лорд-мэра он произнес свою знаменитую фразу о том, что кадетская партия — это «оппозиция его величества, а не его величеству». Осенью того же года на ноябрьской конференции Милюков в своем тактическом докладе выдвинул лозунг «параллельного действия». «Не исключена возможность,— провозгласил кадетский вождь,— параллельной деятельности демократического конституционализма с непосредственными выражениями желаний народных масс». В. И. Ленин расценил это заявление Милюкова как попытку словами о кадетском «ради-

кализме» «обеспечить себе местечко в народном движении», а словами об «оппозиции его величества» обеспечить себе «местечко в Лондоне»⁶⁰.

Хотя и в этот период разногласия между откровенными веховцами и веховцами прикрытыми прорывались наружу, принямая порой форму открытой полемики между Струве и Милюковым на страницах печати, все же борьба эта носила приглушенный характер: кадеты делали все возможное, чтобы не выносить сора из избы, демонстрировать перед публикой свое единство, доказывая, что «оттенки» не играют существенной роли. Особенно старался в этом отношении Милюков. Однако довести эту линию до конца не удалось. В конце существования Думы борьба внутри партии достигла такого накала, что привела к фактическому разрыву.

Агентурная записка Московского охранного отделения по кадетской партии, составленная 20 декабря 1911 г., дает весьма любопытную картину настроений ее московской верхушки. Записка была составлена в связи с выходом в свет книги «Великая Россия» (2-й том), посвященной вопросам реформы армии и флота. Эта книга, указывалось в записке, произвела «большое впечатление» на «московские интеллигентные круги», интересующиеся политикой. Интерес этот был вызван тем, что «патриотически настроенными защитниками реформы в области военного дела явились кадеты». Это было расценено и запиской, и указанными кругами как «очень существенное изменение фронта и тактики» партии. «Замечательно,— говорилось в записке,— что участниками сборника являются сотрудники кадетских изданий до официоза включительно: профессор С. А. Котляревский (сотрудник «Русских ведомостей»); профессор Л. Н. Яснопольский (сотрудник «Речи» и «Русской мысли»), П. Б. Струве (редактор-издатель «Русской мысли»), кн. Г. Н. Трубецкой (занимает среднюю позицию между кадетами и мирнообновленцами). Таким образом, если считать сборник „кадетской декларацией по военным вопросам“, то это есть декларация правого кадетизма».

Однако значение сборника, по словам автора записки, этим не исчерпывается: его выход надо поставить в связь с тенденцией радикально пересмотреть программу партии. «Сейчас,— развивала эту мысль записка,— в кадетских кругах много говорят о радикальной реформе партийной программы, причем коренному пересмотру подвергнуты будут следующие вопросы:

1) Точно и определенно будет подчеркнут монархический характер партии.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 182. Подробнее об этом см.: А. Я. Аврех. III Дума и начало кризиса третьейиюньской системы.— «Исторические записки», т. 53, стр. 89—109.

2) В патриотическом духе будут редактированы пункты о реформе армии и флота (о необходимости привлечения всех интеллигентных и идейных сил к вопросам государственной обороны).

3) Высказано будет одобрение правительственной землеустроительной политике, признана будет целесообразность хуторских хозяйств.

4) Перерешен будет тот пункт партийной программы, где говорится об автономии инородческих окраин. В этом вопросе кадеты, инициаторы пересмотра программы, во многом пойдут на встречу октябристам и националистам».

Инициаторы пересмотра программы партии полагали, что он приведет к легализации партии. Они отражали, по мнению автора записки, настроение провинциальных кадетов, недовольных «радикальной позицией, какую занимает Милюков и руководимый им Центральный Комитет партии»⁶¹.

Правый кадетизм был теснейшим образом связан с дальнейшим развитием «веховства», которое становилось все более реакционным. Наглядное представление о характере этой связи дает другая агентурная записка московской охранки от 20 декабря 1911 г., посвященная «путейцам» (литературная группа во главе с Булгаковым и Н. А. Бердяевым, получившая свое название от издательства «Путь»). «Сперва в среде кадетов,— указывалось в записке,— было только две группы... левые кадеты с Милюковым во главе и правые с Петром Струве». Рубежом в их борьбе явились «Вехи». «С тех пор эволюция вправо шла не останавливаясь. Многие полагают, что „путейцы“ — те же „веховцы“. Но в действительности это не так. После сборника „Вехи“ все издания „Пути“ — это дальнейшие шаги вправо». К этим шагам записка относил «глубокое уважение к православной церкви», «националистическую тенденцию» и т. д. Булгаков, подчеркивалось в записке,— «почти полный единомышленник П. А. Столыпина» в аграрном вопросе. Указав на рост влияния «путейцев», записка выражала надежду, что группа «явится элементом в радикальном переформировании традиционной интеллигентской идеологии» и в силу этого станет «союзником государства и церкви»⁶².

В более ранней записке (от 8 июля 1911 г.) московская охранка указывала, что «в последнее время» уже в непосредственно партийной кадетской среде «признают возможной даже принципиальную защиту хуторского хозяйства, что очень наглядно свидетельствует о серьезной внутренней эволюции партии. Та же эволюция, но в менее заметных формах, замечается в области национальных вопросов (еврейском, польском, фин-

⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1911 г., д. 27—46, лл. 19—20.

⁶² Там же, лл. 22—23.

ляндском.— А. А.). «В среде к.-д. партии вполне ясно определилось и националистическое движение». Связав национализм кадетов с национализмом «путейцев», автор записки делал вывод, что эта «чисто идейная эволюция» в ближайшем времени должна привести к практическим последствиям: организации кадетской партии «на новых началах», рассчитанных на ее «сближение с правительством», даже если для этого пришлось бы «пожертвовать своими лидерами Милюковым, Родичевым и др.»⁶³

Все эти соображения и сведения отнюдь не были преувеличением. Они подтверждались открытой и довольно ожесточенной борьбой как раз по тем вопросам, о которых шла речь в цитированных записках. В совершенно секретном докладе директору Департамента полиции от 13 ноября 1911 г. начальник Петербургского охранного отделения сообщал о «расколе» в рядах кадетов «на почве разногласий во взглядах на инородческий вопрос в связи с выступлением в Государственной думе депутатов от партии по законопроекту о Финляндии». Первая группа, куда входили Маклаков, Н. А. Захарьев и Л. А. Базунов, требовала введения в Финляндии общеимперского законодательства, вторая во главе с Милюковым была против него.

Поводом для нападения правого крыла на Милюкова явился обнаруженный беспорядок в денежной отчетности думской фракции. Собрание фракции 8 ноября, где стоял вопрос о выборе нескольких должностных лиц, носило «крайне бурный характер». «Перед выборами президиума фракции Милюков отметил уклонение вправо некоторых членов партии и советовал, не считаясь с их способностями, не выбирать таких лиц в руководители». В результате «представители правого крыла были забаллотированы, и незначительным большинством были выбраны следующие: председателем—П. Н. Милюков, товарищами его—А. И. Шингарев и Н. В. Некрасов, секретарем—В. А. Степанов и казначеем (вместо Иконникова)—Н. И. Панкеев; в бюро фракции были избраны: Н. Н. Кутлер, Ф. И. Родичев, Н. В. Некрасов, И. В. Лучицкий, К. К. Черносвитов и А. И. Шингарев. Недовольные выборами представители правого крыла подали протест, и, вероятно, будут назначены новые выборы»⁶⁴. Спустя некоторое время конфликт был улажен, но взаимное недовольство, конечно, осталось, и борьба продолжалась.

Другим объектом борьбы были прогрессисты. Отзвуком этой борьбы была возникавшая время от времени дискуссия между «Речью» и «Утром России»⁶⁵. В протоколе заседания МОЦК от

⁶³ Там же, д. 27, ч. 46Б, лл. 11—12.

⁶⁴ Там же, 1910 г., д. 27, л. 40—40 об.

⁶⁵ См., например, «Речь» от 8 марта 1912 г. (передовая) и «Утро России» от 23 марта 1912 г. (редакционная статья «„Речь“ о кадетях и прогрессистах») и от 4 апреля 1912 г. (Ш л о с с. О будущем беспартийно-прогрессивной группы).

19 сентября 1911 г. было записано: «Ввиду высказанного предположения, что прогрессисты существуют только как незначительная группа лиц без правильной организации, решено просить членов Г. думы и членов ЦК устроить Центральный Комитет из прогрессистов в СПб.»⁶⁶ Иными словами, МОЦК предлагал петербургским кадетам последовать их примеру. По поводу связи московских кадетов с прогрессистами исполняющий должность директора Департамента полиции в цитированном выше письме Харузину от 16 июня 1912 г. сообщал, например, следующее: «Что касается вопроса о связи между Московским комитетом к.-д. и таковым же комитетом беспартийных прогрессистов, то она, несмотря на все старания, очень плохо замаскирована. Близость Н. В. Давыдова к кадетам и к к.-д. комитету хорошо известна, а Коновалова сами кадеты проектировали вести по первой курии. Связывающим звеном между обоими комитетами является Давыдов, и именно при его посредничестве, как выражаются в московских общественных кругах, „кадеты поведут за повод беспартийных прогрессистов“»⁶⁷.

На ноябрьской конференции 1911 г. во время дебатов по 2-му пункту рекомендаций ЦК о соглашениях с прогрессистами Милюков довел до сведения собравшихся, что тезисы МОЦК были несколько изменены на пленарном заседании. Главным пунктом разногласия была мысль МОЦК о возможности усилиями партии организовать особые избирательные комитеты из прогрессивных беспартийных. Пленарное заседание решило, что это не в духе и не в интересах партии. Термин «прогрессисты» в тезисах не следует понимать как указание на определенную партию⁶⁸.

Но «москвичи» продолжали стоять на своем. На заседании МОЦК в марте 1912 г. Н. М. К[ишкин] доложил, что во время пасхи в Москве предполагается организационное совещание прогрессистов во главе с Ефремовым, кн. Е. Н. Трубецким, Львовым и Ковалевским, на которое приглашаются некоторые кадеты из подмосковных губерний и члены ЦК Кишкин и Котляревский. Цель совещания — организовать прогрессивные избирательные комитеты на местах, для чего им, прогрессистам, необходимо создать определенные связи с местными кадетами. Их лозунги, судя по газетам, почти совпадают с кадетской платформой, которая сейчас вырабатывается. Здесь, объяснил Кишкин, «важен вопрос о возможности привлечения прогрессистами левых октябристов» и о том, «как следует отнестись к этому членам к.-д.». Все присутствующие дружно высказались за тесный блок с прогрессистами. «Крайне важно, — заявил вслед за Кишкиным Кот-

⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 245, л. 19.

⁶⁷ Там же, ф. 431, оп. 1, д. 187, л. 45.

⁶⁸ Там же, ф. 523, оп. 1, д. 12, л. 12.

ляревский,—привлечь в группу прогрессистов широкие круги оппозиционно настроенных избирателей и крайне важно привлечением сюда левых октябристов расслонить октябристов». Тесленко также высказался за необходимость помочь сорганизоваться прогрессистам, так как «организация прогрессистов разделит избирателей на две крупные группы: за правительство и против него»⁶⁹. В том же духе говорили и остальные.

В конце 1912 г., уже после выборов в IV Думу, между Струве и К⁰, с одной стороны, и сторонниками Милюкова — с другой, произошел открытый разрыв, угроза которого, однако, обсуждалась на заседаниях ЦК еще за полгода до этого.

На заседании ЦК 3 мая 1912 г. Винавер попросил разъяснить, на чем основаны газетные сообщения о разногласиях между Петербургским ЦК и МОЦК по вопросу о соглашениях с прогрессистами и даже о последовавшем в связи с этим уходе из ЦК Котляревского. В ответ Милюков подтвердил факт разногласий, указав при этом, что Петербургский ЦК подчеркивал необходимость партийного отмежевания, допуская избирательные соглашения с прогрессистами лишь на последних стадиях выборов. Что касается ухода Котляревского из ЦК, то он мотивировал это неудобством своего служебного положения. Тогда А. А. С[вечин] обратил внимание присутствующих на то, что в газеты проникли сведения, что другой член ЦК, П. Б. С[труве], вступил в Центральный Комитет прогрессистов. Было решено «ввиду этих слухов и обвинений (из Киева и Одессы.—А. А.) в отступлении от программы переговорить неофициально Д. И. Ш[ингареву] с П. Б. С[труве]»⁷⁰. Под «отступлением от программы», по-видимому, имелись в виду статьи Струве по украинскому вопросу.

Однако переговоры не помогли, и раскол продолжал углубляться. На заседании ЦК 8 декабря 1912 г. разрыв был признан совершившимся фактом, который уже бессмысленно было дальше скрывать. Формально стоял вопрос о созыве очередной конференции. Было решено провести ее 2—3 февраля будущего года, а 1 февраля созвать совместное совещание ЦК и фракции. Необходимость этого совещания Милюков объяснил тем, что на нем точнее определятся разногласия в ЦК: часть его членов решила издавать свою газету «Русская молва»; 9 декабря должен выйти ее первый номер⁷¹. Это сообщение, естественно, заставило ринуться в бой обе стороны.

Раз уже этот тяжелый вопрос задет, заявил Шингарев, необходимо остановиться на нем подробнее. Мысль об особой газете

⁶⁹ Там же, д. 245, л. 34.

⁷⁰ Там же, д. 30, л. 159.

⁷¹ Там же, д. 31, л. 6.

назревала более двух лет. Инициаторы несколько раз приглашали и его принять участие в ее создании, но он уговаривал их не выносить споры в публику, считая возникшие разногласия сравнительно небольшими проявлениями мелких настроений, которые не являются резким идейным обособлением (исключение составляет один Струве). Сюда надо также прибавить кое-какую несогласованность по балканским вопросам. Здесь проявляется, видимо, недовольство «Речью» и желание говорить самостоятельно⁷².

Однако Милюков не принял примирительного тона своего соратника. Шингарев преуменьшает степень расхождений, подчеркнул он. «Раз члены ЦК выступают в союзе с прогрессистами и группой промышленников и проводят как лозунг беспартийность — это уже сам по себе крупный факт партийной жизни». А. С. И[згоев] полностью согласился с такой постановкой вопроса: сам факт, указывал он, говорит о том, что партия живет ненормально. Надо обновить ЦК. «Разногласия в ЦК — факт давний, — подтвердил А. М. К[олюбакин], — с Н. А. П[редескулом] ведутся давние, постоянные споры. Раскол назревает, и скрывать его будет трудно, лучше действовать открыто... Нельзя, например, все время отрешиваться от П. Б. С[труве] и считать его своим товарищем». Вопрос серьезен, вторил ему А. А. К[орнилов], в ЦК образовалось новое течение, очень близкое к прогрессизму⁷³.

Новую охапку дров в костер спора подкинула опоздавшая на заседание Тыркова, ярая сторонница Струве, которая с вызовом попросила разъяснить ей, в чем ЦК усматривает разногласия. На это Милюков ответил упреками: новая газета — лишь внешнее выражение разногласий, «которые существовали давно». До сих пор публика о них не знала. На предвыборных собраниях, демонстрируя единство, кадетские официальные ораторы принимали частью на себя удары за других, «частью же [стремились] уклончиво отстранять ответственность партии за частные мнения Н. А. П[редескула], П. Б. С[труве] и других». В. А. М[аклаков], говорил Шингарев, оставил, как видно, свое первоначальное намерение говорить в примирительном духе, демонстративно вместе с Шульгиным подшучивал в Думе над законопроектом о всеобщем избирательном праве (речь, по-видимому, шла о законопроекте, внесенном Шингаревым против воли ЦК и фракции). Струве расходился с ЦК по вопросу о покровительственных пошлинах. Более чем вероятны разногласия по аграрному вопросу⁷⁴.

Последовали возражения Тырковой, говорившей уже как представительница другого лагеря. Незерно, говорила она, что

⁷² ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 7.

⁷³ Там же, лл. 7—8.

⁷⁴ Там же, лл. 8—10.

газета будет издаваться на деньги промышленников. Создавали газету она и Д. Д. П[ротопопов]. Почему Милюков может издавать «Речь», ведь формально она — не официоз партии, а другим членам партии нельзя иметь свою газету? «Может быть, прогрессистское течение окажется таким жизненным, таким интересным, что мы и захотим перейти в прогрессисты, но тогда мы об этом прямо и заявим». Кадеты уже прошли политическую школу, а прогрессисты еще нет, «и чтобы помочь им сплотиться, мы пришли к уверенности, что надо иметь беспартийную газету». С «Речью» же, продолжала Тыркова, мы во многом не соглашаемся. Позиция «Речи» догматическая, хотя и руководят ею четыре видных деятеля ЦК. Новая газета «будет искать новых путей, она будет делать то дело, которое так мало делалось в партии в последнее время»⁷⁵.

В связи с этим возник вопрос о будущих взаимоотношениях «Речи» и «Русской молвы». В. Д. Н[абоков], один из указанной Тырковой четверки, заявил, что «Речь» не будет полемизировать с ней, так это доставит большую радость врагам. Милюков, однако, усомнился, что можно будет избежать полемики: трещина есть, и она будет расширяться, от полемики не удержаться. Было бы ужасно, в свою очередь заявил Колюбакин, если бы «Речь» промолчала, например, по вопросу о беспартийности новой газеты: «Это будет началом действительного раскола в партии». Хотя вопрос о полемике с «Русской молвой» было решено пока считать открытым, это уже не имело значения: разрыв стал фактом⁷⁶.

В статье «Национал-либералы», написанной в декабре 1912 г., В. И. Ленин отмечал: «В последние годы среди русского либерализма явственно наблюдается известное расслоение. Из общелиберального лагеря начинает отделяться „настоящая“ буржуазия. Либеральный капитал образует *свою* особую партию, в которую должны отойти (и отходят) многие элементы буржуазии, раньше шедшие с октябристами, и к которой, с другой стороны, идут наиболее умеренные, крупнобуржуазные, „солидные“ элементы из кадетской партии». Это партия национал-либералов. «Недавний съезд „прогрессистов“ в сущности и наметил ту национал-либеральную программу, которую проводит теперь „Русская молва“»⁷⁷.

Съезд провозгласил образование прогрессистской партии, органом которой стала новая газета⁷⁸. Но жизнь ее длилась недолго: в 1913 г. «Русская молва» прекратила свое существование.

⁷⁵ Там же, л. 11.

⁷⁶ Там же, лл. 15—17.

⁷⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 244.

⁷⁸ Подробнее об образовании партии прогрессистов см.: В. Я. Лаврычев. По ту сторону баррикад. М., 1967, стр. 78—95.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА

Чрезвычайно наглядно политическое лицо кадетской партии предстает перед нами при анализе ее избирательной платформы, представлявшей собой реализацию пресловутого тезиса «конституции попроще». При этом трудно решить, что представляет наибольший интерес: само ли содержание и принципы платформы или ход ее обсуждения на заседаниях кадетских ЦК, фракции, конференций.

За выработку платформы взялся сам Милюков, вынося ее на разных стадиях готовности на суд своих коллег. Затем он снова и снова «обкатывал» ее отдельные части по всем правилам кадетской науки.

Общие принципы будущей платформы обсуждались уже на майской конференции 1911 г., а еще до этого — на заседаниях ЦК. Но первый ее набросок проходил проверку на заседаниях ЦК 13 и 19 ноября 1911 г. Платформа, докладывал Милюков на заседании 19 ноября, будет состоять из трех частей: 1) характеристики современного положения; 2) избирательных лозунгов; 3) ответа на вопрос, кого следует и не следует выбирать в Думу. Первая часть содержала семь пунктов. «Первым и исходным пунктом, — указывал Милюков, — явится указание на разницу в условиях прежних и новой избирательных кампаний. Первая Дума выработала определенную программу, выраженную ею в ответном адресе на тронную речь, и она сделалась тогда программой всех прогрессивных элементов. Последовавшая реакция отодвинула далеко многое из того, что казалось столь близким и доступным. Дальше и должно быть указано [на] отсутствие элементарных условий правовой жизни». Это и было формулированием и обоснованием «конституции попроще»: никаких «несбыточных» программ, борьба должна вестись лишь за осуществление самых минимальных прав в пределах третьеиюньской системы. Именно поэтому Милюков оценивал первый пункт платформы как исходный. Второй пункт говорил о подавлении общественной самостоятельности, третий — критиковал социальную политику правительства, в четвертом осуждался правительственный националистический курс, пятый — констатировал подчиненное положение Думы и реакционную роль Государственного совета, шестой — выражал уверенность в том, что создавшееся положение «могло бы быть существенно изменено лишь реформой избирательного права и Госуд. совета», седьмой — делал вывод, что отказываться от борьбы нельзя: необходимо принять участие в выборах. «Цель выборов будет дать в Г. думе перевес прогрессивным элементам, стоящим на конституционной почве, и для этого необходимы соглашения, состав которых определяется тем, что Россия в настоящее время де-

лится на два больших лагеря: конституционалистов и реакционеров»⁷⁹.

Вторая часть платформы, излагавшая собственно программу, в свою очередь делилась на три раздела: «1) господство права — сюда относится лозунг „долой земских начальников“, положение крестьян в земстве, гарантии личности на основе манифеста 17 октября и расширение бюджетных прав Думы; 2) свобода самоуправления — усиление финансовых средств земств и городов, демократизация земства, земство на окраинах, волостное земство и расширение народного образования; 3) равноправие национальностей — культурное их самоопределение, допущение местного языка в школу и суд»⁸⁰.

«Третья, заключительная, часть, — разъяснил Милюков, — будет посвящена указанию, кого не следует выбирать: людей последнего правительственного распоряжения, преследующих узкие групповые интересы, предавших свободы 17 октября и унизивших значение Госуд. думы. И отсюда вопрос: кого же выбирать? Только людей независимых. Способных поднять значение народного представительства и защищать интересы трудовых масс»⁸¹.

Так выглядели основные идеи и цели платформы в изложении их автора. Бросается в глаза крайнее убожество этой программы с точки зрения даже самого умеренного демократизма. Это был сознательный уход от ответа на самые жгучие вопросы современности. Из этого проекта видно также, что все свои надежды кадеты сосредоточили на октябристско-прогрессистском избирателе. Водораздел был проведен даже не между прогрессистами и октябристами, а между правыми и «левыми» октябристами. Последних они также отнесли к числу «независимых людей, способных поднять значение народного представительства».

Милюков сам подтвердил свое намерение придать платформе сугубо умеренный характер. В ответ на замечание о необходимости иметь в виду и соглашение с левыми он заявил: «Нетрудно было бы придать платформе боевой характер, но большинство все же находит, что это было бы несвоевременно». «Самое ударное место в платформе, — объяснял Милюков, — это деление страны на два лагеря»⁸².

Одним из самых уязвимых мест кадетской платформы с точки зрения привлечения на свою сторону демократического избирателя было отсутствие в ней пункта о всеобщем избирательном праве. Кадетские главари отдавали себе полный отчет в том риске, который нес для них отказ от этого требования, записан-

⁷⁹ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 135.

⁸⁰ Там же, л. 136.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, лл. 137, 140.

ного в программе партии: это было равносильно признанию и одобрению третьеиюньского государственного переворота. Поэтому на заседании ЦК вопрос о всеобщем избирательном праве всплывал неоднократно.

Наглядное представление об отношении к этому вопросу дает заседание ЦК от 22 октября. Речь шла о целесообразности внесения кадетского законопроекта о всеобщем избирательном праве в Думу. Председатель сообщил, что в газетах появилось известие, что Шингарев уже поставил вопрос о всеобщем избирательном праве от имени фракции в *senioren convent'e* (в агитационных целях), но этот вопрос вызывает разногласия в партии. На это Милюков заявил, что он против внесения законопроекта главным образом потому, что на проведение его в Думе нет никаких надежд. На это Колюбакин возразил, что в таком случае кадеты будут совершенно беззащитны перед критикой слева: раз у социал-демократов есть свой законопроект о всеобщем избирательном праве, кадетам необходимо иметь свой. Практически же этот вопрос, добавил он, в Думе не встанет, и, следовательно, риска никакого нет. Ту же мысль развивал и Некрасов. «Если заботу о всеобщем избир. праве предоставить одним с.-д.-там, то партии к.-д. припомнят такое воздержание».

Тем не менее Милюков, которого поддержали Гредескул и Корнилов, твердо стоял на своем. Надо «избегать неделовых выступлений». Они «могут только задерживать обществ. воспитание, которое заключается в умении различать исторические перспективы — то, что сейчас возможно, от того, что недостижимо... Внеся законопроект, — заявил Милюков, — фракция сделает крупный шаг назад, вновь становясь на наивную, простодушную точку зрения широких масс». В конце концов он заговорил языком ультиматума. Милюков, было записано в протоколе, «заявил, что если бы решено было основать избирательную кампанию на требовании всеобщего избир. права, то он лично отказался бы от роли докладчика по этому вопросу. Внесение в избирательную платформу всеобщего изб. права внесло бы большое оживление в избирательную борьбу, но сделало бы положение партии очень трудным: мы опять попали бы на какую-то цепь, которая лишала бы нас свободы считаться с реальным положением вещей»⁸³. В переводе на простой язык последнее означало: это помешало бы нашему намерению осуществить идею «левого центра» в союзе с октябристами. К этому добавим, что во времена IV Думы Милюков, убедившись, что страна семимильными шагами идет к революции, стал самым решительным сторонником требования всеобщего избирательного права как средства привлечения масс на свою сторону. Прожженный по-

⁸³ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, лл. 118—121.

литикан уже не вспоминал своих слов о недопустимости становиться «на наивную и простодушную точку зрения широких масс».

Однако, как ни существен был для кадетов вопрос о всеобщем избирательном праве, ахиллесова пята их избирательной платформы заключалась в сознательном исключении из нее аграрного вопроса. Дебаты по этому поводу показывают, что кадеты вынуждены были признать, что у них нет больше аграрной программы и им не с чем более обратиться к крестьянству. Это был факт капитального значения.

Кадетская аграрная программа «принудительного отчуждения» потерпела крах еще во время революции 1905—1907 гг. В связи с этим правая, веховская часть партии требовала отката от нее и открытого принятия столыпинского аграрного курса. В третьедумский период этот вопрос стал одним из центральных в борьбе Струве, Изгоева, МОЦК, с одной стороны, с «реальными политиками» во главе с Милюковым — с другой. Правые кадеты требовали созыва съезда с тем, чтобы подвергнуть пересмотру аграрную программу партии. Милюков был и против съезда, и против пересмотра по тем же самым соображениям, по которым он возражал против других требований МОЦК, Гредескула и др.

Кадетское руководство отлично понимало, что означает для партии, претендующей на общенациональное лидерство, отсутствие в ее программном избирательном документе вопроса вопросов тогдашней русской действительности. На протяжении нескольких лет кадетские вожди прилагали отчаянные усилия, чтобы как-то выйти из положения, и безрезультатность этих усилий, пожалуй, лучше всего обнаруживает банкротство кадетской политики в целом.

На заседании ЦК 6 ноября 1910 г. в связи с обсуждением вопроса об отношении к Крестьянскому банку обнаружилась полная растерянность кадетского руководства в определении дальнейшего аграрного курса. В связи с тем, сообщил председатель ЦК Петрункевич, что указ 9 ноября вызвал крупные перемены в деревне «и так как наша собственная программа по земельному вопросу, по мнению некоторых членов Моск. отд., при настоящем соотношении сил, делается все менее осуществимой и приемлемой в Гос. думе, то представляется необходимым следить за совершающимся процессом с целью активного вмешательства в него». Последняя нарочито туманная формулировка выражала, однако, совершенно ясную мысль: необходимость выработки новой аграрной программы взамен несостоятельной старой. Что дело обстояло именно таким образом, показало последующее обсуждение.

В деревне, признал Шингарев, «идет крупная перетасовка всех жизненных отношений, в которой мы еще не разбираемся...»

Из этого следует, что «с одними отрицательными решениями выступать невозможно, нужно что-нибудь и положительное, а между тем практические формулы в этом деле ускользают у нас из рук. В этом и трудность положения», которое осложняется еще и предстоящей выборной кампанией. Выступления Родичева, Изгоева, Протопопова и Милюкова были изложены в протоколе вместе как единая позиция. «Раз введение принудительного отчуждения или прогрессивного земельного налога сейчас у нас немыслимо,— доказывали они,— остается стать на ту точку, что если дело покупки и продажи земель Крест. банком будет поставлено честно и целесообразно, мы не должны возражать». При такой позиции кадеты могли бы на выборах привлечь к себе средних и крупных крестьян, «приблизив к крестьянским требованиям партийную программу». Это было, конечно, весьма многозначительное заявление, если учесть, что его сделал и Милюков.

Кутлер, Петрункевич, Колюбакин продолжали отстаивать прежнюю позицию, которую кадеты проводили при обсуждении в Думе указа 9 ноября. «Переход земельной собственности в его современном виде создает колоссальные массы пролетариата, является величайшей государственной опасностью, и нет никакой уверенности в том, что этот характер процесса может быть скоро изменен». Что касается расчетов на крестьянство, то это иллюзия. «Мечтать о том, что какая-либо группа крестьян пойдет в ряды нашей партии, это совершенная фантазия».

Однако Шингарев, раньше, при обсуждении указа 9 ноября, так рьяно защищавший главный кадетский тезис о государственной опасности пролетаризации, теперь отнесся к нему весьма скептически. Конечно, говорил он, нужно по-прежнему протестовать против насильственного разрушения общины, «но против помощи хуторянам мы так протестовать не можем». Более того, Шингарев пошел еще дальше, заявив, что Крестьянский банк — это не что иное, как воплощение в другом виде одного из основных пунктов кадетской аграрной программы. Деятельность банка, по его словам, — это первый шаг в накоплении резервного фонда, т. е. банк делает то же самое, что «в несколько иных формах должны были бы сделать и мы». В свидетели Шингарев взял... дворян: «Дворяне недаром говорят, что банк для них петля»⁸⁴.

На заседании ЦК 5 декабря 1910 г. аграрный вопрос обсуждался уже в непосредственной связи с предстоящей избирательной кампанией. Суть выступлений свелась к признанию, что обойти аграрный вопрос на выборах невозможно, «а он у нас, — как заявили Тыркова и Долгорукий, — в неопределенном поло-

⁸⁴ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, лл. 83—88.

жении». Было решено просить аграрную комиссию подвинуть дело с избирательными лозунгами по аграрному вопросу⁸⁵.

Но даже кадетская аграрная комиссия была бессильна что-либо придумать, и Милюкову ничего не оставалось, как предложить единственный выход из положения, если это можно было назвать выходом: своей аграрной программы не выдвигать, ограничиться только критикой аграрной политики правительства, а в ближайшем будущем пересмотреть свою программу⁸⁶.

Однако на майской конференции 1911 г., оставив в силе свой тезис о критике аграрной политики правительства, Милюков предложил, ссылаясь на неясность совершающихся в деревне процессов, вопрос о пересмотре программы отложить на неопределенное время. Конференция, заявил он, не вправе вносить какие-либо изменения в программу партии: это может делать только съезд. «Но и в силу внутренних причин вносить какие-либо изменения в аграрную программу было бы не своевременно. Никто не может сказать, пойдет ли совершающаяся сейчас ломка земельных отношений в деревне так далеко, что возврат к нашей старой программе станет невозможен, и где пройдет равнодействующая разных влияний... Поэтому и делается невозможным говорить сейчас о новой аграрной программе или изменении прежней». Остается, следовательно, одно: критиковать аграрную политику правительства, а свое положительное решение «оставить под вопросом»⁸⁷.

Но Милюков хитрил: в кадетскую программу не верил уже ни он, ни его коллеги. Он только не хотел обнаруживать это перед массами, да и не желал съезда, где могло восторжествовать струвенско-маклаковское крыло партии. Критика правительственной аграрной политики взамен предложения своей — вот та линия, на которой он категорически настаивал всюду, где заходила об этом речь. При этом он отвергал всякие попытки какого-либо суррогата позитивного решения, понимая, что от этого будет только хуже. Это видно из его ответа Шингареву на той же конференции. Указ 9 ноября, заявил Шингарев, сделал кадетскую аграрную программу неосуществимой, но обойти аграрный вопрос молчанием все же невозможно. Есть удачный выход из положения: внести в Думу законопроект, устанавливающий, что земля при всякой продаже должна поступать не в частные руки, а обществу или государству. Однако Милюков отверг этот наивный план, терпеливо объяснив еще раз, что другого выхода, кроме критики аграрной политики правительства, у кадетов нет⁸⁸. Но то, что предлагал Милюков, ставило в весьма

⁸⁵ Там же, лл. 90—92.

⁸⁶ Там же, лл. 103—104.

⁸⁷ Там же, д. 11, л. 8.

⁸⁸ Там же, лл. 10, 21.

незавидное положение членов кадетской партии на местах, которым конкретно предстояло проводить идею своего лидера в жизнь. «Предлагают,— недоумевал харьковский делегат И.,— как-то обойтись без острой постановки этого вопроса, стереть острые углы. Может быть, для горожан этого и достаточно, но [раз заходит речь о привлечении мелких землевладельцев..., то ведь они с первых же слов поставят вопрос] об отношении партии к.-д. в настоящее время к возвышенному ею ранее принудительному отчуждению. [И если перед ними кое-как удастся вывернуться с этим вопросом, то уже никак не удастся вывернуться перед крестьянами, о которых здесь как-то слишком мало говорили. По-видимому, в среде партии назревает уже какое-то течение, готовое отступить от прежней аграрной программы, но тогда надо же скорее ставить этот вопрос на очередь и решать его до выборов. Иначе, что же мы будем говорить в избирательных собраниях, когда нас будут припирять к стене вопросами о нашей аграрной программе]». Необходимо созвать съезд⁸⁹.

В ответ харьковчанин услышал от председателя те же милюковские доводы, но изложенные уже как точка зрения МОЦК⁹⁰. Таким образом, позиция Милюкова и «москвичей» в этом вопросе полностью совпала.

На заседании ЦК 13 ноября 1911 г. Милюков, докладывая о платформе, снова объяснял: «Самое трудное здесь — аграрный вопрос; здесь еще менее уместно выдвигать его как ближайшую очередную задачу». Но определенную позицию все же занять надо: «позицию критическую и выжидательную»⁹¹. На ноябрьской конференции 1911 г. он опять твердил: поскольку нет еще ясных результатов столыпинской аграрной политики, невозможно проектировать что-либо положительное, и поэтому остается только критика земельной политики правительства⁹².

Несостоятельность кадетов в аграрном вопросе привела к тому, что в проекте платформы начисто отсутствовал раздел, посвященный социальным вопросам. Когда на ноябрьской конференции 1911 г. Степанов потребовал введения этого раздела, заявив, что социальные вопросы не исчерпываются одним аграрным (можно включить вопросы рабочего законодательства, вопрос о торговых служащих и приказчиках и др.), Милюков объяснил: эти пункты ввести нетрудно, трудность в том, что тогда будет замечен аграрный пробел⁹³. В стране, где социальные про-

⁸⁹ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 11, л. 28. В квадратные скобки взяты слова, которые были зачеркнуты в протоколе.

⁹⁰ Там же, лл. 30—31.

⁹¹ Там же, д. 30, л. 123.

⁹² Там же, д. 12, л. 9.

⁹³ Там же, лл. 13, 23.

тиворечия достигли крайней степени остроты, партии, претендовавшей на общенародное лидерство, нечего было сказать народу по самым животрепещущим для него вопросам. Более наглядного и убедительного доказательства краха кадетской политики трудно себе представить⁹⁴.

На той же конференции Милюков предлагал включить аграрный вопрос в общую, критическую часть платформы, чтобы хоть немного прикрыть кадетскую «аграрную наготу». Поскольку, указывал Милюков, ссылаясь на общее мнение ЦК, «определение собственных задач к.-д. партии в аграрном вопросе... вряд ли было бы благоприятным делом...», по-видимому, было бы удобнее изложить взгляды партии по аграрному вопросу в той общей части платформы, которая будет посвящена критике земельной политики правительства»⁹⁵.

Так и было сделано. В окончательном тексте платформы аграрная позиция кадетской партии была изложена в следующих словах: «ставка на сильных» — безумная политическая игра. «Нужно уврачевать смуту и неурядицу, внесенные в земельные отношения односторонними и поспешными мероприятиями правительства и третьей Думы, и остановить расхищение крестьянских земель, ведущее к разорению и обезземелению широких масс сельского населения»⁹⁶. Это была жалкая демагогия жалкой партии.

Столь же жалким оказался и финал двухлетней истории выработки платформы. На майской конференции 1912 г. Кокошкин под аплодисменты зачитал проект платформы⁹⁷. В августе платформа была отпечатана, но полиция еще в типографии конфисковала весь тираж. Произошел этот казус, когда Милюкова не было в столице. Перед ЦК возник вечный кадетский вопрос: допустимо ли в принципе для «конституционной партии» выпустить платформу явочным порядком. На заседании 20 августа 1912 г. «высказано было единодушно, что переход партии на нелегальную позицию был бы самоубийственным тактическим ходом». Опубликование платформы в виде «нелегальной прокламации» недопустимо в принципе, и, кроме того, это повлекло бы за собой отстранение от избирательных урн ряда выдающихся партийных деятелей на местах за хранение и распространение «нелегалщины»⁹⁸.

⁹⁴ Уже после одобрения платформы на майской конференции 1912 г. на заседании ЦК 4 июня было решено ввести в платформу ряд пунктов по рабочему вопросу и даже упоминание о 8-часовом рабочем дне (там же, д. 30, л. 182). Это была слабая попытка как-то угнаться за развернувшимся рабочим движением.

⁹⁵ Там же, д. 12, л. 11.

⁹⁶ Там же, д. 13, л. 10.

⁹⁷ Там же, л. 3.

⁹⁸ Там же, д. 30, л. 190.

4 сентября ЦК снова обсуждал этот вопрос. Оказалось, что на этот раз МОЦК заняло более решительную позицию, чем петербуржцы. Щепкин сообщил, что и Кишкин присоединяется к заявлению двух других членов МОЦК, требующих опубликовать платформу явочным порядком, хотя бы и с риском привлечения ЦК к суду. Во избежание преследования членов фракции, выставленных кандидатами в IV Думу, он предлагал подписать платформу только членам ЦК или отдельным лицам. Сама платформа при этом должна быть переделана, ее формулировки смягчены. Положение облегчается тем, что почти весь ее текст был опубликован в «Утре России» и других газетах. Однако без лидера ЦК не посмел взять на себя ответственность: было решено отложить вопрос до 10 сентября — дня приезда Милюкова⁹⁹.

10 сентября ЦК собрался еще раз. Шаховской доложил о настроях, царящем в МОЦК. «Подчинение насилию, — по мнению последнего, — было бы актом признания несостоятельности партии». Однако Милюков выступил против опубликования платформы самым резким образом. В результате было постановлено: предупредить МОЦК, «что СПб. ОЦК единодушно и категорически высказывается против опубликования конфискованной платформы». Было также «сообщено и отклонено предложение редактора одного повременного издания поместить в этом издании платформу к.-д., хотя бы и с риском закрытия этого издания»¹⁰⁰.

16 сентября было созвано пленарное заседание ЦК. Петербуржцы перешли в решительное наступление на «москвичей», ссылавшихся на то, что платформа принята партийной конференцией. «Несмотря на то, что „видимость“ руководящей роли принадлежит конференции, — заявил Колюбакин, — действительное руководство должно оставаться за ЦК, а для руководителей осторожность более обязательна, чем для рядовых членов партии». ЦК не подчинен конференции, вторил ему Милюков, это не съезд. «Надо сказать, — воскликнул краса и гордость «левых» кадетов Родичев, — что партия вообще грешила пристрастием к „воззваниям“». Когда А. А. Кизеветтер и Кишкин возразили, что конференция все же выше ЦК и ее решение обязательно для него, Милюков ответил: да, они правы с точки зрения целесообразности, но юридически прав он, Милюков: конференция не может ни переизбрать ЦК, ни изменять программу.

Надо ли говорить, что платформа опубликована не была?

⁹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 193

¹⁰⁰ Там же, лл. 207—208.

КАДЕТЫ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Нам остается показать, как выглядела кадетская политика, когда лицо ее было «повернуто налево», и каковы были ее итоги. Вопрос этот имел решающее значение не только для самих кадетов, но в конечном счете и для третьеиюньской системы в целом.

Успех пути «конституционного» преодоления революции, на который царизм встал под влиянием ударов революции 1905—1907 гг., зависел от позиции масс и в первую очередь от позиции рабочего класса. Избери он «конституционный» — реформистский путь вместо революционного, и победа контрреволюции была бы обеспечена, даже если бы долгое время еще сохранялась революционность крестьянства. И, наоборот, до тех пор, пока в русском рабочем классе был жив революционный дух, пока оппортунизм подвизался в рабочем движении в роли презираемого и гонимого изгоя, окончательный переход на рельсы буржуазной монархии был невозможен. В плане партийно-политическом эта дилемма конкретизировалась следующим образом: судьба страны на многие десятилетия вперед решалась в зависимости от конечного результата борьбы большевизма с меньшевизмом. В свою очередь исход этой борьбы решал судьбу кадетской партии.

Расчеты всей контрреволюции и самих кадетов в первых двух Думах, где они играли роль «центра», сводились к тому, что им удастся повести за собой и крестьян-трудовиков, и социал-демократию, в которой благодаря созданию Думы возобладает меньшевистское течение. В результате партия рабочего класса из революционной превратится, как мечтали кадеты, в партию «крайней левой оппозиции», ведущую вместе с ними в Думе «органическую» законодательную работу. Именно в надежде на этот результат знаменитый Меншиков, который затем нещадно поносил кадетов как «скрытых революционеров» и обманщиков, пел им тогда в «Новом времени» прямо-таки восторженные дифирамбы. «Кадеты,— писал он, например, в одной из своих статей,— это самая сильная и энергическая партия и притом единственная парламентская в нашем парламенте». «Дельные и стойкие, отлично знающие страну, они как бы созданы для большой государственной работы». «Это люди самые умные, самые положительные, самые стойкие в стране, самые богатые, самые просвещенные и политически самые опытные. Мое глубокое убеждение, что это наш самый твердый государственный строй»¹⁰¹.

Провал кадетов в роли «центра» привел не только к тому, что Меншиков свои бурные восторги сменил на яростные нападки,

¹⁰¹ «Новое время», 24 и 26 мая 1906 г.

но, что гораздо важнее, поставил перед контрреволюцией, включая и самих кадетов, общий и притом коренной вопрос: правильно ли вообще рассчитывать на эволюцию русской социал-демократии в духе западноевропейского оппортунизма, не иллюзия ли это, не имеющая под собой никакой почвы? Ответ, основанный на опыте революции, давался отрицательный. Так, казенная «Россия», выражая общее мнение всей контрреволюции до октябристов включительно, указывала: кадеты считают, что социалисты уйдут в подполье, если они, кадеты, откажутся от их перевоспитания через Думу и будут делать свое дело вне ее. Однако опыт показал, что, когда социал-демократы в Думе, они не оставляют своей внедумской работы, а делают ее параллельно, используя Думу как трибуну для революционной агитации. Опыт показал, что русский социализм «не поддается введению в конституционное русло»¹⁰².

В невозможности «приручить» социал-демократическое движение, ввести его в либерально-буржуазное русло были уверены не только правительство, правые, октябристы, прогрессисты. Такая же точка зрения господствовала и у открытых веховцев. Когда Изгоев призывал кадетов «перестать косить глаза налево», он мотивировал это свое требование как раз тезисом о невозможности перекроить русского социал-демократа в социал-демократа немецкого типа, о безнадежности подобных усилий. Только Милюков упорно не хотел соглашаться с этим. Как «реальный» и действительно умный политик, он не хотел и не мог согласиться с позицией Струве — Изгоева, считая ее близорукой и примитивной.

Во время избирательной кампании в III Думу в связи с возникшей в октябристской и либеральной печати полемикой по вопросу о предпосылках и условиях создания «левого центра» оселком спора стал вопрос об отношении кадетов к революционным партиям вообще, к социал-демократии в первую очередь.

В ответ на призыв мирнообновленца кн. Е. Н. Трубецкого к октябристам объединить свои избирательные усилия с кадетами «Голос Москвы» писал: «Пусть же кадеты сделают первый шаг, и пусть этот шаг выразится в полном и искреннем отречении от всякого, даже технического, соглашения с революционными партиями»¹⁰³. Несколько раньше та же газета требовала от кадетов, чтобы их избирательная платформа была бы свободна от «казуистических ухищрений на тему о двух стульях», что партии «надобно снять с себя красные лохмотья»¹⁰⁴.

Кн. Трубецкой признал это требование вполне разумным. В «Открытом письме П. Н. Милюкову» он ставил перед кадет-

¹⁰² «Россия», 8 июня 1907 г.

¹⁰³ «Голос Москвы», 19 июня 1907 г.

¹⁰⁴ Там же, 9 июня 1907 г.

ским лидером вопрос ребром: «Кто ценнее для вас, например,—спрашивал Трубецкой.—октябристы или правые, октябристы или, скажем, большевики?.. Вы, очевидно, не можете думать, чтобы источником авторитета партии народной свободы были „левые“, ибо авторитет заимствованный был бы равен нулю... Я не сомневаюсь, что соглашение с октябристами уронит авторитет вашей партии в известных слоях общества. Но в каких? В тех, которые и так безвозвратно потеряны... для вас... К чему привели попытки вашей партии сдержать „активное выступление“ во второй Думе?.. Признайтесь лучше, что сдерживать эти выступления не в вашей власти, теперь, после акта 3 июня, менее чем когда-нибудь!»¹⁰⁵

Милюков ответил Трубецкому словами одного австрийского премьера. «Он сказал, при общем одобрении палаты,—пояснил кадетский вождь,—что предпочитает видеть социал-демократов внутри, а не снаружи этой залы. Я тоже предпочитаю социалистов в палате социалистам на улице»¹⁰⁶.

Тем не менее, будучи «реальным политиком» и веховцем на деле, Милюков спустя несколько месяцев сделал требуемое от него октябристами и собратьями по партии заявление об отмежевании от социал-демократии. Пошел он на этот шаг тогда, когда убедился в провале своих расчетов составить серьезную конкуренцию октябристам среди октябристско-помещичьих избирателей. Шаг этот был вызван стремлением поправить дело на последней стадии выборов хотя бы частичными соглашениями с октябристами.

В конце сентября, отвечая на вопрос «Нового времени», есть ли у кадетов враги слева, Милюков писал: «К великому сожалению, у нас и у всей России есть враги слева». Сначала кадеты говорили: «слева нет врагов», потом писали в кавычках «друзья слева», заменили эту формулу другой: «соседи слева», затем «противники слева» и, наконец, «враги слева». Это значит, что у кадетов с этими «друзьями» было мнимое соучастие, а не действительное, как считают правые. Теперь они кончают с этой неопределенностью и заявляют во всеуслышание, что им надоело таскать «левого осла» на своей спине¹⁰⁷.

Этот шаг был сделан в надежде, что революционная социал-демократия еще долго будет собираться с силами, чтобы вернуть свое бывшее влияние и силу. А когда и если это произойдет, фраза, как надеялся Милюков, будет забыта; в противном случае ей можно будет дать более или менее приемлемое объяснение или, наконец, нейтрализовать ее другим заявлением в духе, например, всегдашней приверженности к «друзьям слева».

¹⁰⁵ «Речь», 28 июня 1907 г.

¹⁰⁶ Там же, 29 июня 1907 г.

¹⁰⁷ Там же, 22 сентября 1907 г.

В данную же минуту приходилось больше считаться с реальной, а не с потенциальной силой. Такой подход и составлял смысл «реальной политики»: трусливое стремление подстроиться и ужиться с калифами на час ценой самого низкого приспособленчества и отказа от политики дальнего прицела. Такая политика объяснялась не персональной глупостью и ограниченностью кадетских вождей, а половинчатой, бесхарактерной и бессильной природой русского либерализма. Однако расчет на «авось обойдется» в данном случае, как, впрочем, и в других, не оправдался: фраза о «левых ослах» стоила кадетам в смысле потери ими влияния в демократических слоях населения столь же дорого, как и другая знаменитая милюковская фраза, произнесенная в Лондоне, об «оппозиции его величества».

Но, сделав свое заявление, Милюков начал тут же усиленно объяснять и подчеркивать, что оно имеет в виду только большевиков, что меньшевики как были, так и остаются «друзьями слева». В статье, озаглавленной «Где же враги?», Милюков писал: «В лице самого г. Плеханова мы имеем дело не с врагом, а с другом. Вот когда „победят“ все эти влияния (меньшевистские. — А. А.), мы скажем спокойно и решительно: у нас нет врагов налево»¹⁰⁸.

Когда начала работу III Дума, кадеты решили, что наступил их час. Создались, по их мнению, все условия, позволяющие им доказать своим друзьям справа правильность своей тактики по отношению к «друзьям слева». Обстановка реакции, тяжелый кризис, переживаемый революционной социал-демократией, меньшевистско-беспартийное большинство социал-демократической фракции, ее оторванность от партии, засилье в ней меньшевиков в роли «сведущих людей»¹⁰⁹, облепивших фракцию, по

¹⁰⁸ «Речь», 25 сентября 1907 г. Подробнее об этом см.: А. Я. Аврех. Третьеиюньская монархия и образование третьедумского помещичье-буржуазного блока. — «Вестник Московского университета», историко-филологическая серия, 1956, № 1, стр. 49—50, 54—55.

¹⁰⁹ Вот как описывалась деятельность «сведущих людей» за 1907—1908 гг.: «Сведущие люди есть. Может быть, их даже слишком много... Но нужно прямо сказать, что принципиальная позиция их и их партийная выдержка ниже всякой критики. Если бы здесь перечислить многие из имен этих сведущих людей, то товарищи увидели бы среди них явных литературных врагов нашей партии. Кроме того, на каждое заседание фракции являются новые сведущие лица и принимают участие в заседании с правом решающего голоса. Положение вследствие этого создается такое, что один почти никому не известный человек, „подозрительный“ член партии определяет тот или иной характер — порой в высшей степени язвительного — выступления. Вопрос решается голосованием, и часто один голос решает все.

Но это лишь одна сторона дела. Очень часто поведение сведущих людей в прямом смысле недопустимо: заявление, что наша программа — старые фразы, которые нужно перестать повторять; хихиканье при словах «партийная дисциплина»; усмешки при заявлениях о мнении той или другой организации — все это великолепно характеризует партийность некоторых сведущих

выражению В. И. Ленина, «как мухи тарелку с медом», отсутствие у фракции опыта парламентской деятельности и другие подобные вещи делали надежды кадетов весьма реальными.

С учетом этих обстоятельств и была определена линия поведения по отношению к социал-демократической фракции. Ее основными компонентами были сочувственно-благожелательный поучающий тон и настойчивое вдалбливание простой, но решающей идеи: Дума — не место для митингов, не агитационная трибуна, а учреждение, которое в силу самой своей природы требует «органического» участия в ее работе, независимо от партийных программ и классовых целей. Отсюда, разумеется, делался вывод о необходимости отмежевания от партии и партийной дисциплины и перехода на позиции меньшевиков-ликвидаторов.

Спустя две недели после начала работы Думы кадетский официоз опубликовал редакционную статью, которая называлась: «Рабочая партия в Думе». Поводом к ней послужило поведение социал-демократической фракции при выборе думского президиума. Вместо того чтобы выступить с заявлением, объясняющим, почему фракция отказывается принимать участие в этих выборах (что она впоследствии и делала), она не нашла ничего лучше, как удалиться во время выборов на хоры для публики. В связи с этим некоторые газеты изобразили ее роль в виде загадочной картинки, где читателям предлагалось найти эту самую фракцию. Выразив для начала сочувствие по поводу этого «неуместного остроумия», заявив даже, что положение социал-демократической фракции не комично, а трагично, и виня этому — закон 3 июня, «Речь» дальше писала: но, кроме внешних причин, обусловивших это тяжелое положение, «тут действуют и глубокие причины внутреннего порядка, тот идейный раскол, который обессилил русскую социал-демократию и обрекает ее на бездействие». Меньшевики и большевики ведут за фракцию отчаянную борьбу, «выдвигаемые обеими группами тактики радикально противоположны». Первые советуют поддерживать октябристско-кадетский блок, вторые, разумеется, против. «Есть выход. Он напрашивается сам собой. Его знают и те социал-демократы, которые не лишены чутья действительности. Они не решаются еще об этом громко говорить, но в частных кружках, между своими, не скрывают истины. Депутаты-рабочие, называющие себя социал-демократами, должны

людей. Понятно, какой оттенок накладывают они на деятельность фракции, которая не в силах была, однако, обойтись без их помощи». Статья была опубликована под заголовком: «Письмо из Петербурга (в думской социал-демократической фракции)» и представляла собой краткое изложение отчета автора, скрывшего свою фамилию под буквой «Н», который он сделал Петербургскому комитету («Пролетарий», 13 ноября 1908 г.).

освободиться от партийной ферулы, должны открыто отказаться от партийных директив, созданных людьми, чуждыми русской действительности, и образовать рабочую партию, стоящую всецело на реальной почве»¹¹⁰.

Что разумела газета под последним выражением, она разъяснила раньше. В редакционной статье «Партия к.-д. и демократия» говорилось: население крупных городов, несмотря на вражду к помещикам, правительству и крупному капиталу «все же, как масса, совершенно потеряла веру в возможность революционной тактики в современный момент». Крупные городские центры (кроме Кавказа и окраин), «по крайней мере на ближайший период, потеряны для социал-демократии, и объективные условия ставят социал-демократию в то положение, которое она должна занимать: она становится исключительно партией пролетариата, тесно связанной с нею своими классовыми интересами. Это заключение отрезвит, быть может, наконец, тех социал-демокрагов, которые еще продолжают толковать о гегемонии пролетариата в современном движении»¹¹¹. Отказ от претензии на гегемонию в общедемократическом движении, предоставление этой «законной» роли кадетам — вот центральная идея статьи, идея, которая была альфой и омегой как кадетизма, так и меньшевизма.

Другими словами, эта мысль выражалась как призыв к русской социал-демократии отказаться от своих лозунгов и тактики и взять пример со своих западноевропейских собратьев. «Русские социалистические партии, — писал некий Г. Н. Штильман в статье «Политические партии», — должны отказаться от своей „самобытности“ и выступить на проложенную европейским опытом дорогу. Вся демократия (читай: кадеты) заинтересована в этом повороте!»¹¹².

Кадеты использовали любую ошибку социал-демократической фракции, каждый ее промах, выдавали ее минусы за плюсы, упорно добиваясь желанной цели: превратить фракцию в свой левый фланг. Характерной в этом отношении была оценка ими речи Покровского по поводу декларации Столыпина 16 ноября 1907 г. В этой речи, как известно, были допущены, с точки зрения революционной социал-демократии, серьезные ошибки. В частности, Покровским восхвалялись как подлинно народные первые две Думы, которые он противопоставлял антинародной III Думе. Кадетский официоз немедленно ухватился за эти промахи. Речь Покровского, писал он, «в общем была удачно задумана и построена...» «По содержанию она имела скорее характер общепозиционный, чем специально социал-демократиче-

¹¹⁰ «Речь», 15 ноября 1907 г.

¹¹¹ Там же, 2 ноября 1907 г.

¹¹² Там же, 1 января 1908 г.

ский... Знакомые с отношением, которое прежде проявляли с.-д. к I и II Думам, оценят также характеристику, которую теперь дает им в III Думе официальный представитель парламентской с.-демократии. Да, *tempora mutantur*»¹¹³.

Однако радость кадетов была недолгой. Довольно скоро их радужные надежды начали сменяться горьким разочарованием. Шаг за шагом социал-демократическая фракция стала избавляться от своих слабостей и ошибок, приобретая все более партийное, антиликвидаторское лицо. Решающую роль в этом процессе сыграли помощь и критика В. И. Ленина, большевиков.

Большое значение в улучшении работы фракции и усилении партийного руководства ею имела пятая (общероссийская, 1908 г.) конференция РСДРП в январе 1909 г., принявшая специальную резолюцию «О думской с.-д. фракции». В ней фракция рассматривалась как один из служебных органов партии, подчиненный Центральному Комитету и партии. В констатирующей части наряду с правильными выступлениями фракции были перечислены отступления от линии партии, в частности указывалось, что «фракция вообще не давала должного освещения буржуазной оппозиции с к.-д. партией во главе, фактически ставшей на путь империализма и явной поддержки контрреволюции, что фракция неоднократно не исполняла прямых постановлений ЦК». Вместе с тем во внесенной В. И. Лениным и принятой конференцией поправке говорилось, что «вина за уклонения фракции лежит не на ней одной, ибо она работает при особенно тяжелых условиях черносотенной Думы, а в некоторой степени также на всех организациях партии и на ее ЦК, которые далеко не сделали еще всего необходимого и возможного для правильной постановки думской работы партии...» В постановляющей части фракции давался целый ряд принципиальных и конкретных установок, которыми она должна руководствоваться «в своей дальнейшей деятельности».

Резолюция обязывала фракцию «связаться возможно теснее со всеми местными и национальными партийными организациями, с социал-демократическими группами, действующими внутри профессиональных союзов и др. рабочих организаций, с самими этими союзами и организациями... и вообще расширять по возможности свою внедумскую деятельность». Одновременно партийным организациям предлагалось доставлять фракции различные сведения о действиях администрации и предпринимателей, материалы для запросов и речей, резолюции рабочих собраний и партийных групп, проекты речей, давать систематические деловые указания относительно предстоящих шагов фракции и деловую критику ее прошлых шагов. Резолюция призвала

¹¹³ Там же, 17 ноября 1907 г.

партийные организации распространять в массах запросы, законопроекты и отчеты фракции, речи ее членов и т. п.

В закрытой, не подлежащей опубликованию части резолюции конференция обращала внимание ЦК, призванного руководить фракцией, на то, что «сведущие лица при фракции могут пользоваться только правом совещательного голоса и должны вообще допускаться только с разрешения ЦК». Кроме того, ЦК «должен без колебаний применять свое право „veto“ на постановления фракции во всех тех случаях, когда эти последние грозят принести вред партии»¹¹⁴.

Столь же большую роль, как и конференция, в деле улучшения думской деятельности партии и фракции сыграло совещание расширенной редакции «Пролетария» в июне 1909 г.

В резолюции «Об отношении к думской деятельности в ряду других отраслей партийной работы» специальный раздел обосновывал принципиальное отличие революционного использования парламентаризма от оппортунистического. Резолюция отмечала, что обстановка всякого парламента, в том числе и Думы, «способствует отчуждению социалистических депутатов от рабочего движения и от партии, способствует развитию взгляда на парламентаризм как на нечто главное, основное, самодовлеющее. Необходимо... противодействовать этим влияниям, всесторонне развивая и проводя в жизнь взгляд на думскую с.-д. фракцию, как на один из подчиненных органов..., как на одну из организаций партии, проводящих тактику партии в целом».

Резолюция разъясняла, что деятельность социал-демократических депутатов никоим образом не должна сводиться «к безгласной поддержке „оппозиции“ либералов». На первый план необходимо выдвигать «строгий принципиальную, классовую позицию... в думских выступлениях..., необходимо настаивать на проповеди социализма с думской трибуны;— на отстаивании революционно-демократических целей и революционных методов завершения... задач буржуазно-демократического переворота;— на защите традиций и лозунгов революции без всякого их укорачивания против контрреволюционного, в частности буржуазно-либерального, течения». Необходимо, говорилось далее, давать «классовый анализ всех партий и в особенности партии к.-д., пытающейся выдать свою мелкую „оппозицию“ за надклассовую, „общенациональную“ оппозицию. Необходимо бороться с... реформизмом», особенно с реформизмом меньшевиков и ликвидаторов¹¹⁵.

Большевики вели борьбу за подлинно пролетарский парламентаризм не только против правых оппортунистов, но и против

¹¹⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 201.

¹¹⁵ Там же, стр. 224—225.

отзовистов и ультиматистов, выступавших по отношению к думской деятельности как сектанты, не умевших правильно оценить послереволюционную обстановку в стране. В связи с этим В. И. Ленин всегда резко выступал против огульного охаивания работы фракции, против изображения этой работы отзовистами в виде сплошного черного пятна. Уже в 1908 г. он указывал, что «имеется ряд таких выступлений фракции и в особенности таких формул перехода к очередным делам, составленных по указаниям представителей ЦК и в согласии с этими представителями, которые содержат *правильное* изложение программы РСДРП...»¹¹⁶

Усилия большевиков, критика сознательных рабочих самым благотворным образом сказались на работе социал-демократической фракции. Уже со второй сессии обнаружились некоторые сдвиги, началась критика кадетов, носившая, однако, эпизодический характер. Так, выступая 18 февраля 1909 г. по бюджету, Покровский специально остановился на речи Шингарева. Шингарев, упрекая Думу за бессилие по отношению к правительству в области бюджета, процитировал для красочности известные слова крыловской басни: «А Васька (правительство. — А. А.) слушает (упреки октябристов. — А. А.) и ест». Воспользовавшись в свою очередь этим сравнением, Покровский заявил: «Но если депутат Шингарев напомнил эту басню, то я позволю себе спросить, какую роль в этой басне играет фракция народной свободы, которая так богато снабжала октябристские формулы перехода к очередным делам своими бесконечными пожеланиями. Она играла роль повара; а ведь по адресу повара направлена мораль этой басни... Ведь фракция народной свободы вотировала в прошлом году бюджет..., фракция... вотировала и в этом году заем, против которого представитель ее депутат Шингарев ополчался так с этой трибуны; фракция народной свободы вотировала миллионные расходы на тюремщиков, расходы на тюрьмы...» И далее Покровский выразил принципиальное отношение социал-демократической фракции к бюджету эксплуататорского государства в полном соответствии с резолюцией пятой конференции РСДРП¹¹⁷.

Раздраженная реакция кадетского официоза последовала немедленно. Речь Покровского была расценена как выступление «во исполнение директив свыше», изобилующее «старыми приемами»¹¹⁸.

Еще более эффектно социал-демократическая фракция разоблачила кадетов при обсуждении октябристской формулы перехода по смете Главного военно-судного управления (19 марта 1908 г.), в которой выражалось пожелание о сокращении воен-

¹¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 304.

¹¹⁷ Ст. от., с. II, ч. 2, стб. 1846—1847.

¹¹⁸ «Речь», 19 февраля 1909 г.

ной подсудности. Без тени смущения кадеты, устами Караулова, заявили, что принятие этой формулы означает первый шаг к отмене смертной казни. Их не смутило при этом, что сами октябристы свое предложение отнюдь не расценивали подобным образом. В ответ на это оратор социал-демократической фракции Кузнецов заявил, что кадеты снова показали себя как мастера «говорить на словах [одно] и применять на деле совершенно другое». «И ассигнуя эти деньги, — бросил он в лицо кадетам, — вы позволяете себе говорить от имени народа... Мы считаем, что ассигновать деньги на военные суды — это позор для России»¹¹⁹. Поставить смертную казнь в «нормальные условия», как об этом говорят кадеты, резюмировали социал-демократические ораторы, — это значит объявить смертную казнь нормальным делом.

Реакция «Речи» и на этот раз была немедленной и столь же болезненной, как и в случае с бюджетом. «С.-д., — писала газета, — которые больше всего на свете боятся даже определенного посягательства на белоснежную чистоту их принципов, сочли, конечно, нужным укорить кадетов в непоследовательности, назвали формулу половинчатой и торжественно заявили, что будут голосовать против этой формулы». И дальше орган партии, именовавший себя партией конституционных демократов, не постеснялся заявить, что «если бы формула октябристов благодаря соблюдению крайними левыми чистоты своих принципов провалилась, то дело борьбы против смертной казни от этого не выиграло бы»¹²⁰.

Социал-демократическая фракция сделала ряд значительных шагов и в выполнении другого важнейшего требования В. И. Ленина: о необходимости подчеркивать в своих выступлениях не только демократические, но и социалистические принципы класса, который они представляли. Эта сторона деятельности фракции в Думе нашла свое выражение главным образом в запросах. Из многочисленных запросов, внесенных ею, наиболее важными были три, сыгравшие большую роль в политическом воспитании рабочего класса: о преследовании профсоюзов, о процессе над социал-демократической фракцией II Думы и, наконец, о Ленском расстреле.

О постепенном возобладании антиликвидаторской, партийной тенденции в деятельности фракции свидетельствовал уход из нее открыто антипартийных элементов. Уже во вторую сессию ушло три человека (Ф. Н. Чиликин, И. И. Гайдаров и Ф. А. Кузьмо). Позже осталось 14 членов (из 20-ти в первую сессию). Наконец, в пятую сессию из фракции был вынужден уйти Белоусов, все более скатывавшийся на полукadetские позиции.

¹¹⁹ Ст. от., с. II, ч. 3, стб. 1298.

¹²⁰ «Речь», 20 мая 1906 —

В связи с этим меньшевистское большинство во фракции было почти сведено на нет, так как к четырем большевикам (пятый, В. Е. Косоротов, был исключен Думой) примыкало еще два члена фракции — Покровский и Предкальн.

Ослабление позиции меньшевиков во фракции выразилось не столько в уменьшении их численности, сколько в необходимости в ряде случаев отказываться от своих позиций в пользу большевистской линии, как это, например, было при обсуждении указа 9 ноября, когда оба оратора фракции, Гегечкори и Белоусов, будучи меньшевиками и сторонниками «муниципализации», ни словом не обмолвились о ней, хотя на фракции было решено сказать об этом. Эти отступления от своих взглядов отнюдь не означали отказа от них. Вплоть до конца существования Думы фракция время от времени, под влиянием именно меньшевиков, делала те или иные ошибки с точки зрения революционной социал-демократии. Но главное сражение за фракцию меньшевики-ликвидаторы большевикам проиграли. Чтобы не потерять последние остатки влияния в рабочем классе, в среде сознательных рабочих, меньшевистские депутаты вынуждены были считаться с их настроением, которое было антиликвидаторским. Открыто ратовать за блок с третьейюньскими кадетами при таком настроении значило бы обрекать себя на политическую смерть. В этом и сказались сила и жизненность большевистской линии в отношении социал-демократической фракции Думы, обеспечившей ей победу над врагами пролетарского парламентаризма слева и справа.

Примером такой победы была позиция рабочей группы на московском съезде фабричных врачей в 1909 г., в котором приняла участие и социал-демократическая фракция Думы. Эта позиция была антикадетской. Кадеты были вынуждены признать, что они потерпели на этом съезде полное поражение. Рабочие, писал ренегат Северянин в журнале Струве, «представляли на съезде влиятельную группу, не раз решавшую исход голосования». В силу этого вопросы рассматривались «не с объективной, а тем более не с научной (!), а чаще всего с „классовой“ точки зрения»¹²¹.

Весьма значительной вехой в воспитании социал-демократической фракции в духе подлинного пролетарского парламентаризма было участие большевиков в дополнительных выборах по второй курии Петербурга осенью 1909 г. Участию в этих выборах В. И. Ленин придавал большое значение; он посвятил им две специальные статьи¹²², в которых разъяснял цели и задачи партии в связи с выборами. По ряду причин мелкий факт — выборы одного депутата (взамен исключенного из Думы кадета Колюба-

¹²¹ «Русская мысль», 1909, № 6, стр. 190.

¹²² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 68—73, 109—111.

кина) — превратился в большое политическое событие, стал ареной ожесточенной борьбы между большевиками, с одной стороны, и кадетами — с другой, исход которой был важен не только для ее участников, но и для всех других политических сил, в том числе для всей третьейиуньской системы в целом.

Для кадетов, которые считали вторую курию столицы своей избирательной крепостью, победа на выборах означала не только подтверждение их мандата, но в глазах правых и октябристов и экзамен кадетской способности одолевать революционную социал-демократию на «конституционной» почве, в чем кадеты так усердно клялись своим партнерам справа. Таким образом, это было еще одной проверкой способности кадетов построить мост между демократией и реакцией и, следовательно, обеспечить «мирную», буржуазную, эволюцию царизма.

Для большевиков главная задача на дополнительных выборах заключалась, естественно, в нанесении поражения кадетам, в уничтожении кадетской монополии во второй городской курии, где часть избирателей принадлежала к демократическому лагерю. Поражение кадетов одновременно означало бы и поражение ликвидаторов. Отмечая, что выборы проходят в условиях «абсолютного изгнания» организаций и прессы рабочего класса из пределов легальности при «полном обеспечении (мерами полиции)» монополии кадетов на «оппозицию», В. И. Ленин писал: «Тем важнее, чтобы эта кадетская монополия, огражденная лесом виселиц и „заработанная“ беспредельным либеральным холопством перед царизмом, была *сломана*, сломана во что бы то ни стало, сломана перед широкой массой, которая видит выборы, слышит о выборах, следит за судьбою кандидатов и за результатами выборов»¹²³.

Избирательная борьба по существу развернулась только между большевиками и кадетами. Первые выдвинули большевика Н. Д. Соколова (во время войны отошедшего от большевиков и ставшего оборонцем), вторые — Н. Н. Кутлера. «Прогрессистский» кандидат В. Д. Кузьмин-Караваев не имел ни малейших шансов на успех и с самого начала не котировался сколько-нибудь серьезно. Трудовики не выставили своего кандидата. Большевики-ликвидаторы не приняли никакого практического участия в избирательной кампании. Уже сам по себе этот факт означал победу большевиков: течение, кричавшее на всех перекрестках о пагубности подполья и необходимости легальной деятельности в условиях столыпинской «конституции», оказалось неспособным ни идейно, ни организационно подтвердить свое требование на практике, в то время как большевики, находясь в крайне тяжелых условиях, сумели провести всю кампанию самым энергичным и действенным образом.

¹²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 69.

На первом предвыборном собрании, устроенном кадетами 6 сентября в Соляном городке, Кутлер уговаривал собравшихся не поддаваться пессимизму и продолжать верить в Думу: «Дума не то, что мы желали бы. Но в ней и только в ней сосредоточена вся возможность борьбы за лучшее». В конце собрания с речью выступил Милюков. Кадетский вождь, оправдывая свою лондонскую поездку, ее положительное значение видел в том, что в Лондоне «конституция» была официально признана царем. Что означает этот факт? — спрашивал Милюков. «Это значит, что я в данный момент с этой трибуны имею право заявить, что в России нет более самодержавия, что власть русского царя ограничена». «Доказательство» этому утверждению последовало немедленно: в ответ на слова Милюкова полицейский пристав закрыл собрание. Из зала раздались голоса: «Это ответ на ваши слова?» «Это, — отвечал Милюков без тени смущения, — борьба (!) за конституцию» ¹²⁴.

Победа или поражение одной из двух борющихся сил определялись двумя моментами: позицией трудовиков и голосованием демократической части избирателей второй курии. Кадеты, отдавая себе в этом ясный отчет, прилагали отчаянные усилия, чтобы оторвать трудовиков от революционной социал-демократии. Хотя Думу, уверял Кутлер на втором предвыборном собрании, можно уподобить бездвидендным акциям, это не должно смущать трудовиков, и они не должны верить социал-демократам: впоследствии эти акции будут представлять собой огромное богатство. То, что социал-демократы выставили своего кандидата, вполне понятно, говорил Кутлер, но почему за него хотят голосовать «народные социалисты» и трудовики, понять нельзя: ведь с точки зрения социал-демократов они такие же «буржуи», как и кадеты ¹²⁵.

На третьем собрании уже Милюков пытался вбить клин между социал-демократией и трудовиками, одновременно пытаясь подтолкнуть большевиков на меньшевистский путь. Кадеты — истинные демократы, уверял он. Доказательством служит тот факт, что Петербург трижды посылал их в Думу. Большевики опровергают это утверждение ссылкой на то, что от кадетов ушли крестьяне. Да, это «горькая правда». Но виноваты в этом большевики. Теперь они рвутся в III Думу, которую так осуждают. Это вообще-то неплохо, но при условии, если бы социал-демократическая фракция Думы продолжала ту же линию, как и в первую сессию, и была бы независима от партии. Но, к сожалению, фракция в этом отношении эволюционирует к худшему. Съезды и конференции партии твердят ей, что она «недостаточно

¹²⁴ «Речь», 7 сентября 1909 г.

¹²⁵ Там же, 9 сентября 1909 г.

оберегает партийную чистоту», и фракция поддается этим внушениям ¹²⁶.

Нельзя сочетать думскую работу с тактикой 1905 г., заявил Милюков в другой своей предвыборной речи. Часть социал-демократии признала свои ошибки и отказалась от методов 1905 г., к которым призывают большевики. Надо, чтобы этот новый взгляд стал достоянием всей партии ¹²⁷.

Все призывы кадетов к трудовикам оказались тщетными. Еще в августе петербургские трудовики выступили за избирательный союз с социал-демократами против кадетов. При этом самое главное заключалось в том, что они решили поддерживать социал-демократического кандидата без всяких условий, на социал-демократической избирательной платформе. «11 августа,— вынуждена была сообщить «Речь», — состоялось первое собрание трудовиков, посвященное вопросу о выборах в Государственную думу...» Принято решение поддержать кандидатуру социал-демократов, «причем постановлено не обуславливать этой поддержки никакими политическими обязательствами» ¹²⁸. Все попытки кадетов заставить трудовиков в ходе избирательной кампании отказаться от этой позиции полностью провалились.

Это обстоятельство и антикадетская кампания, поднятая большевиками, привели кадетов в отчаяние и ярость. От респектабельной и поучительно-снисходительной манеры, с которой они пытались поначалу разговаривать со своими оппонентами, ничего не осталось. «Рецидив партийного ослепления» — таким заголовком оснастил огромную по размерам статью, направленную против большевиков, Милюков ¹²⁹. «Взрыв кадетоедства», так озаглавил одну из своих статей Изгоев ¹³⁰. Социал-демократы, с нескрываемым бешенством писал ренегат Изгоев в другой своей статье, уверяют, что они — классовая партия. Но это только на словах. На выборах они выступают «как простой союз разных демократических и интеллигентских групп. И трудовики („мелкобуржуазное крестьянство“), и „народные социалисты“ („полукадетская группа“, по определению В. И. Ленина) — все это оказалось в лагере защитников социал-демократа, на всех этих „представителей мелкой буржуазии“ вынуждена нынче опираться социал-демократия. Немудрено, что единственной платформой, объединяющей все эти разношерстные элементы, оказалась только вражда к кадетам и вместо принципиальной социал-демократической агитации представители этой группы в печати

¹²⁶ «Речь», 14 сентября 1909 г.

¹²⁷ Там же, 20 сентября 1909 г.

¹²⁸ Там же, 13 августа 1909 г. (Разрядка наша.— А. А.).

¹²⁹ Там же, 26 августа 1909 г.

¹³⁰ Там же, 2 сентября 1909 г.

спустились до беспринципной травли кадет...»¹³¹ Подобные статьи либеральная пресса во время выборов публиковала десятками.

Результаты выборов были следующие. По данным «Речи», из 56 тыс. избирателей в голосовании приняло участие 24,5 тыс., или 44%. За Кутлера проголосовало 12 тыс. с небольшим, за Соколова было подано около 20% голосов, из них примерно половина принадлежала избирателям-трудовикам¹³². Эти 20% и составляли в основном демократическую часть избирателей. Процент был бы выше, если бы не абсентеизм. Та же «Речь» признала, что наибольший абсентеизм наблюдался именно в демократических кварталах.

Большевистский «Пролетарий» расценил итоги выборов как несомненную победу революционной социал-демократии. Во время выборов в I Думу, указывала газета, за кадетов по второй курии Петербурга было подано 40 611 голосов; следующие выборы дали им уже только 28 798 голосов. Выборы в III Думу в 1907 г. уменьшили это число до 19 500, а за Кутлера проголосовало всего 12 467. Таким образом, делался закономерный вывод,— «общее число голосов, подаваемых за к.-д., падает с головокружительной быстротой. А между тем „победа“ на стороне к.-д.» «И если при таких условиях,— указывалось далее,— с.-д... получила относительно больше голосов, чем в 1907 г. на выборах в III Думу, то это, несомненно, надо признать победой, и уж, конечно, не победой третьего июня, а победой вопреки третьему июня. Недаром и „Речь“ вынуждена с кислой миной признать в этом факте предостережение к.-д. партии».

В статье было произведено весьма поучительное сравнение между избирательными итогами русской социал-демократии и немецкой после введения в Германии исключительного закона. Сразу после его введения немецкие социал-демократы потеряли в Берлине относительно 20% голосов, абсолютно — 70%. А у русских социал-демократов между выборами во II и III Думы потеря составила лишь 6%. Теперь же социал-демократический кандидат собрал 19,26%. «Это несомненно свидетельствует о росте влияния нашей партии даже в этой, наименее поддающейся с.-д. влиянию среде».

С полным правом, писал «Пролетарий», социал-демократы констатируют на основании прежних и только что минувших выборов, что «демократический избиратель идет от к.-д. к с.-д. И он придет к нам!» Ручательством тому служит поведение народных групп. Если в период II Думы они колебались между кадетами и социал-демократией, то «теперь без

¹³¹ Там же, 16 сентября 1909 г.

¹³² Там же, 23 сентября 1909 г.

малейших колебаний идут против к.-д. и без всяких формальных обязательств с нашей стороны просто отдают свои голоса нашему кандидату... Это показывает, что пролетариат опять становится все более общепризнанным вождем демократии... И если сегодня эти расплывчато-демократические группы поняли, что кадетская партия есть представительница „ливрейной оппозиции“, то завтра самые широкие демократические массы... поймут и признают, что от к.-д. партии осталась одна ливрея...» Таким образом, значение дополнительных выборов заключается в том, что «маленькая цифровая победа соц.-дем. превращается в большую моральную и политическую победу».

Выборы показали также полное торжество и правильность большевистской оценки кадетов как партии контрреволюционно-веховского либерализма, навсегда распрошавшегося с какими-либо подлинными демократическими идеалами. «И что же, — констатировал с полным основанием «Пролетарий», — чью линию подтвердил ход политического развития? Кадеты настолько себя дискредитировали, что даже среди самых правых элементов нашей партии не раздалось ни одного голоса в пользу поддержки к.-д.»

Основной вывод статьи гласил: «Политическим смыслом последних выборов было то, что с.-д. присоединяют к себе известные элементы революционной демократии против контрреволюционного либерализма. Это было приложение формулы „диктатура пролетариата и крестьянства“ к маленькому политическому выступлению в 1909 г. И эту тактику все наше правос крыло молчаливо признало». Итоги выборов свидетельствовали также и о крахе отзовизма и ультиматизма. «Необычайно яркий свет, — указывала статья, — бросила последняя избирательная кампания и на политическую подоплеку наших „новейших“ течений: отзовизма и ультиматизма», показав их «всю политическую бесплодность и реакционность»¹³³.

Правые и октябристы встретили итоги выборов с крайним раздражением и разочарованием. В момент, когда обнаружилось, что кадеты проигрывают бой с социал-демократией, Пуришкевич и Гучков обменялись между собой взаимно обидными телеграммами, которые были опубликованы в печати. Указывая на жалкие и безуспешные заигрывания кадетов с левыми, Пуришкевич ехидно поздравлял Александра Ивановича с «его» кадетами. В ответ Гучков возвращал поздравление обратно, заявив, что кадеты не его, а Пуришкевича с компанией. Стрелка кредита кадетов в правооктябристском лагере как людей, могущих повести за собой массы, явно подошла к нулю. Одна октябристская газета в связи с этим писала: «Если здесь (в городах и во второй городской курии. — А. А.) мы имеем дело с кадет-

¹³³ «Пролетарий», 3 октября 1909 г.

ской гегемонией, а не с прямо анархическими элементами, то и то благодаря лишь значительной фильтрации избирателей даже по прежнему закону (11 декабря 1905 г. — А. А.) и ныне по второй курии; причина здесь та же, как и в гегемонии октябристов по первой курии. Допустите всеобщую подачу голосов, привлечите к выборам рабочих, неимущий „пролетариат“, и он затопит все». Таким образом, заключала газета, подобная кадетская гегемония «не имеет ни малейшего политического значения». Попытка «Речи» как-то ответить на этот поистине убийственный аргумент была совершенно жалкой и беспомощной¹³⁴.

Правящий лагерь был вынужден констатировать не только косвенный, но и прямой, непосредственный успех думской тактики революционной социал-демократии. Он пришел к выводу, что левые силы используют Думу с гораздо большим успехом, чем ее хозяева. Примерно к середине деятельности Думы правые и «верхи» стали отчетливо осознавать всю меру опасности, которую представляет для существующего режима революционное использование думской трибуны социал-демократической фракцией. О степени их тревоги можно судить по реакции Совета объединенного дворянства.

На заседании Совета от 3 марта 1910 г. А. А. Бобринский сообщил о своем намерении внести на предстоящий, шестой, съезд уполномоченных дворянских обществ доклад на тему: «Государственная дума и избирательный закон», в котором им собраны и систематизированы наиболее резкие думские выступления левых в адрес правительства, государственного и общественного строя и особенно дворян. Необходимость такого доклада глава Совета мотивировал следующим образом: «С думской кафедры часто слышится прямой призыв к революции, резкие, оскорбительные и прямые угрозы; члены нелегальных партий открыто заявляют свою принадлежность к ним и исповедуют свое политическое кредо...» «Такие речи,— говорил он дальше,— оказывают весьма вредное действие на политический кругозор народа и развивают сословную рознь, распространенные в десятках тысяч экземпляров стенографических отчетов, напечатанные во всех газетах, они безусловно производят впечатление на умы, заставляя предполагать, что смута еще не окончена, что возможен и близок день, когда крамола сможет вновь поднять голову. Заявить об этом во всеуслышание, указать, что такое положение вещей угрожает спокойствию страны и несовместимо с достоинством русской законодательной палаты, является делом настоятельной необходимости. Такова задача доклада, который не задается целью предлагать правительству какие-либо конкретные меры, не рекомендует того или иного существующего избирательного закона, а только обращает внимание правительства и общества

¹³⁴ «Речь», 20 августа 1909 г.

на ряд фактов, ярко свидетельствующих о невозможности правильной законодательной работы при существующих условиях»¹³⁵.

Последняя оговорка была либо лицемерием, либо кокетством. Все сказанное имело только один совершенно точный и ясный смысл: надо снова менять избирательный закон с таким расчетом, чтобы избрание левых в Думу было бы невозможным. Разница между теперешней позицией Совета и его позицией времен подготовки третьиоюнського переворота состояла лишь в том, что тогда он сам разработал проект избирательного закона, а теперь он предоставлял это на усмотрение правительства.

А. П. Струков, соглашаясь с докладчиком по существу, выразил сомнения лишь тактического свойства: удобно ли выступать с инициативой изменения избирательного закона, учитывая, что это прерогатива царя. Но А. А. Нарышкин был на этот счет другого мнения. Доклад своевременен, заявил он. Выступления левых в Думе длятся уже пятый год. Указать на недостатки избирательного закона вполне уместно — это отнюдь не вмешательство в царские прерогативы. Член Совета В. Н. Поливанов высказался еще более определенно: изменение закона неотложно. Нейдгардт, однако, поддержал Струкова и предложил внести доклад на съезд без прений. Окончательно вопрос был решен на следующем заседании (12 марта). Точка зрения Нейдгардта возобладала; было постановлено дать докладу более умеренный заголовок: «О допущении в законодательном учреждении нападок на общественный строй и дворянство»¹³⁶.

В связи с этим Бобринский начал свой доклад на съезде с заявления о том, что он «предполагал первоначально присвоить (докладу.— А. А.) громкий заголовок», а сам доклад, по его мысли, «должен был... захватить широкую область современного государственного строя». Однако Совет объединенных дворянских обществ признал нежелательным в настоящее время слишком широкий размах этого доклада и «указал» красноречию докладчика «более узкое русло»¹³⁷. Закончил же он призывом не открывать прений, ограничившись принятием предложенной им сравнительно умеренной резолюции. «Я, конечно, вполне сознаю всю сложность и ответственность затронутого мною вопроса,— говорил Бобринский,— и потому просил бы вас, гг., не сообразовлите ли сегодня ограничиться только принятием моего доклада к сведению. В этом смысле я был бы вполне удовлетворен, если съезду благоугодно будет принять такую резолюцию:

¹³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 584, оп. 1, д. 80—307, л. 11.

¹³⁶ Там же, лл. 11—12, 16.

¹³⁷ «Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний С 14 марта по 20 марта 1910 г.». СПб., 1910, стр. 186.

„По выслушании доклада графа Бобринского съезд постановил: представить возбужденный в докладе вопрос на усмотрение правительства. При этом съезд выражает полную уверенность, что правительство обратит должное внимание на проистекающие от указанного в докладе печального явления вредные последствия для мирного преуспеяния России“»¹³⁸.

Но уговорить «объединенных дворян» принять это предложение удалось с большим трудом. Только два человека — кн. П. Л. Ухтомский (Казань) и В. Л. Кушелев (Псков) — отнесли к докладу (представлявшему собой не что иное, как огромное количество выдержек из речей 37 депутатов Думы, в подавляющей массе социал-демократов и трудовиков) довольно спокойно. По мнению первого, поднятый докладчиком вопрос возбуждать не стоит: настоящая Дума «годится», в городе и деревне наступило успокоение, «которое совершенно достаточно»¹³⁹. Второй сказал, что он относится к докладу хладнокровно: у левых нет созидательной программы, есть только разрушительная, а потому «все их угрозы не страшны»¹⁴⁰.

Однако остальным такое беспечное благодушие не понравилось. Мнение кн. Ухтомского «требуется... возражения, — заявил А. Д. Кашкаров (Петербург). — Ведь эти речи печатаются на казенный счет и распространяются в народе... Такая пропаганда с кафедры Думы принесет больший вред, чем свобода печати»¹⁴¹. Тульский делегат Д. Д. Левшин, выразив свою полную солидарность с Кашкаровым, добавил: «Теперь, когда эта пропасть (между помещиками и крестьянами. — А. А.) начала как бы засыпаться», Дума «начинает ее снова рыть»¹⁴². Кушелев уверял, что «они только кричат и ругаются и что у них нет созидательной работы», — говорил Э. А. Исеев (Саратов), — но это неверно: безвозмездное отчуждение земли, стачки, свобода союзов и пр. — «разве это не программа?»¹⁴³ «Неужели же, — вторил им нижегородский представитель Д. В. Хотяинцов, — дворянство должно ограничиться тем скромным выводом, который предложил нам тот же докладчик?» Изменение избирательного закона, «очистка», по выражению оратора, уже раз имело место. «Может быть, нужна новая очистка...»^{143а}.

Таким образом, Хотяинцов подвел прения к тому центральному пункту, который в свое время был на уме у самого докладчика. Теперь же он, во исполнение постановления Совета, бросился спасать положение. «Желание Д. В. Хотяинцова, — чтобы

¹³⁸ Там же, стр. 256.

¹³⁹ Там же, стр. 257.

¹⁴⁰ Там же, стр. 260.

¹⁴¹ Там же, стр. 260—261.

¹⁴² Там же, стр. 262.

¹⁴³ Там же.

^{143а} Там же, стр. 264—265.

высказаться относительно способа лечения этой болезни, — уговаривал Бобринский в тоне полного сочувствия, — я более чем понимаю, но должен сказать..., что этот вопрос следует отложить... на год... до будущих выборов. Говорить об этом мы будем на будущем съезде, а к тому времени мы обдумаем...»

Но даже это обещание не смячило Хотяинцова, и он продолжал настаивать на продолжении прений. Лишь усталость и давление Совета заставили большинство делегатов проголосовать против его предложения¹⁴⁴. Обещание, к слову сказать, выполнено не было — больше этот вопрос открыто не поднимался, ибо, как убедились руководители Совета, так ставить его, значило говорить о новом государственном перевороте.

Однако как бы ни были разочарованы в итогах кадетской «левой» тактики «верхи» и правые, а также сами кадеты, последним ничего не оставалось, как продолжать эту тактику, несмотря на то, что год от году условия для ее проведения становились все хуже и хуже. Особенно это обнаружилось во время избирательной кампании в IV Думу, когда новый революционный подъем был в самом разгаре, а III Дума на глазах страны заканчивала свое позорное и бесцветное существование. В кадетском «активе» перед новыми выборами были «Вежи», струвенская «Великая Россия», речь Милюкова на обеде у лондонского лорд-мэра, кадетское саморазоблачение при обсуждении страховых законопроектов, объявленный курс на блок с прогрессистами и «левыми» октябристами на базе «конституции попроще» и т. п. Так же неважно обстояли дела у ликвидаторов. Политические уроки, которые извлек рабочий класс из опыта третьеиюньской Думы, Ленского расстрела и, наконец, из деятельности самих ликвидаторов, дорого обошелся им. Рабочие изгоняли их из легальных организаций, в которых они до этого господствовали. Их главная надежда — социал-демократическая фракция Думы, несмотря на все ошибки, вела в целом свою работу в духе указаний первой общероссийской конференции РСДРП, что было специально подчеркнуто Пражской конференцией РСДРП, изгнавшей, как известно, ликвидаторов из партии. Резолюция конференции «О думской социал-демократической фракции» начиналась следующими словами: «Конференция признает, что думская с.-д. фракция использовала думскую трибуну согласно той линии, которая была определена декабрьской (1908 г.) конференцией партии и которая должна остаться руководящей для направления думской работы партии»¹⁴⁵.

«Ликвидаторы — труп, — писал В. И. Ленин в июле 1912 г., — и никакие грозные (о, какие грозные!) заграничные „союзы

¹⁴⁴ «Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний... стр. 266—268.

¹⁴⁵ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 276.

групп, центров, фракций течений, направлений¹⁴⁶ не оживят этого тупа»¹⁴⁶.

Но самая крупная неприятность, которая встретила кадетов на пороге новой избирательной кампании, было рождение «Правды». До этого большевикам в основном приходилось разоблачать их в нелегальной печати, доступной сравнительно узкому кругу рабочих. Правда, была «Невская звезда», но ее было недостаточно. Теперь же в распоряжении большевиков были две газеты, причем одна из них, «Правда», — ежедневная, в самый короткий срок сумевшая завоевать популярность не только у рабочих, но и в широких демократических слоях. Без всякого преувеличения можно сказать, что «Невская звезда» и «Правда» и прежде всего ленинские статьи, печатавшиеся в них, нанесли смертельный удар по кадетским расчетам на ликвидаторство и реформизм. На первые антикадетские статьи «Звезды» и «Правды» кадеты пытались реагировать еще сравнительно спокойно, с показным добродушием. Но вскоре от этой притворной сдержанности не осталось и следа. Полемика «Речи» с «Правдой» в полной мере обнажает подлинное классовое лицо партии «конституционных демократов». Одновременно эта полемика, а также дискуссии на предвыборных собраниях убедительно свидетельствуют о поражении кадетов, о победе большевизма над ликвидаторством.

Готовясь к избирательной кампании в IV Думу, кадеты отдавали себе ясный отчет, что им не избежать полемики с революционной социал-демократией на выборах в городах, особенно во второй курии Петербурга, где избирательная борьба приобретала всероссийское значение. Поэтому тактику этой борьбы они разрабатывали заблаговременно. Примером может служить заседание ЦК от 19 февраля 1912 г. На нем Некрасов поднял вопрос, что в «Русском слове» опубликовано интервью с Милюковым, в котором говорится, что никаких предвыборных соглашений с социал-демократами быть не может. В то же время Н. И. Иорданский опубликовал статью, в которой в качестве условия союза кадетов с левыми выдвинул лозунг всеобщего избирательного права. Если Милюков вступит в полемику с Иорданским, «то можно опасаться с его стороны увлечения личным (т. е. отрицательным.— А. А.) его отношением ко всеобщему избирательному праву». Стоит ли это делать? Состоявшийся обмен мнениями был весьма примечателен. Изгоев предложил в полемику не вступать, так как Иорданский не пользуется никаким авторитетом в социал-демократических партийных кругах, да и всякая полемика будет на руку не кадетам, а социал-демократам. Гредескул также высказался за то, чтобы «не поднимать перчатку». В ответ на это Милюков объяснил, что его интервью

¹⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 8—9.

было пробным шаром, чтобы затем сделать нужные добавления и поправки к избирательной платформе, если необходимость их выяснится в ходе полемики. «Перед возможными недоразумениями с левыми нельзя отступать,— указывал Милюков,— и надо возражения против обвинений делать своевременно, чтобы эти обвинения не отвердели и не были пущены по всей России в качестве неопровергнутой истины». На это В. И. Вернадский возразил, что «вентилирование» платформы преждевременно, пока не выяснилось, как пойдет избирательная борьба. «Полемика с левыми,— делал он вывод,— только помогла бы им сорганизоваться». Шингарев, признав, что полемика с левыми неизбежна, также считал ее в настоящий момент несвоевременной, так как с левыми борьба предстоит только в крупных городах и лишь в конце лета. «Гораздо важнее поскорее подготовить союз с прогрессистами; самая борьба с левыми будет удобнее после того, как состоится соглашение с прогрессистами». В ответ на это единодушное мнение Милюков заявил, что готов подчиниться и полемики с Иорданским не открывать, но опасается, «как бы не опоздать». Вопрос о полемике был решен отрицательно¹⁴⁷.

Позиция осторожности и выжидания была, по-видимому, признана наиболее отвечающей обстановке. Выражая общее мнение, Шингарев на заседании ЦК 3 мая предложил не спешить с опубликованием платформы. «Многое может измениться,— пояснял он, не замечая, что противоречит сам себе,— уже сейчас настроение сильно меняется под влиянием рабочего движения, забастовок и протестов. Наконец, теперь уже не так важны ни программы, ни платформы—обыватель на обещания сейчас не очень идет. Но если уже выступать с рядом практических требований, то во всяком случае исключить из их числа рабочие требования было бы крупной ошибкой»¹⁴⁸.

По отношению к трудовикам кадеты чувствовали себя намного увереннее. Поэтому пробный шар в их адрес они запустили еще в марте, сразу после того, как конференция трудовиков в Петербурге приняла свою избирательную платформу. Выразив сочувствие по поводу того, что трудовая группа пострадала от изменения избирательного закона больше всех, даже больше, чем социал-демократы, и по сравнению с первыми двумя Думами в «настоящее время представляет лишь тень самой себя», кадетский официоз в передовой далее писал: «Мы не раз отмечали, что при подобных условиях тактика левой части оппозиции вообще не может сколько-нибудь заметно отличаться от тактики фракции народной свободы, когда-то подвергавшейся самым энергическим нападкам со стороны этих партий». Плат-

¹⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф 523, оп. 1, д. 30, лл. 149—150.

¹⁴⁸ Там же, л. 162.

форма трудовиков лишней раз подтверждает эту истину. Если исключить «очень туманные намеки» и ссылки на прошлую вне-думскую деятельность и свою аграрную программу в первых двух Думах, то по всем остальным вопросам «почти не найдется ни одной черты, которая с таким же правом не могла бы быть повторена в заявлениях партии народной свободы. Эта партия, конечно (!), являлась всегда не менее (далее идут цитаты из трудовической платформы.— А. А.) „стойкой защитницей трудовых слоев сельского и городского населения“, „выдвигала на первый план экономические интересы трудового народа и в особенности крестьянства“ и т. д. Точно так же она стремится и к „отмене акта 3 июня“, и к развитию широкого местного самоуправления, и к ведению всеобщего избирательного права, к отмене всех исключительных положений, всех стеснений и ограничений граждан, обусловленных их национальностью и вероисповеданием, и т. п.»

После этой преамбулы, где кадетский официоз установил почти полное сходство кадетской и трудовической платформ, он далее писал: «Есть, однако, несомненная разница. Все перечисленные и другие требования трудовиков суть требования программного характера. Выдвигать одни эти требования было достаточно тогда, когда политические партии впервые организовывались... Теперь программы всем известны. Но, увы, известна и полная безнадежность их „немедленного“ осуществления». Поэтому необходимо, чтобы рядом с недостижимой в данных условиях программой была бы выработана «осуществляемая» платформа, а на этом пути трудовики могут говорить только о «правоммерной открытой борьбе» — лозунге, общем «для всех оппозиционных партий». «Естественным выводом отсюда было бы, что трудовая группа должна действовать на выборах сообща с остальной оппозицией. Однако конференция подчеркивает, что „первое требование“ ее избирательной тактики будет заключаться „в объединении в одну избирательную организацию всех, кто стоит на почве народнических и радикально демократических требований“». Эта «„избирательная организация“ будет уже как нечто особое и самостоятельное „входить в соглашение о взаимной поддержке в первую очередь с с.-д., а затем с партией народной свободы и стоящими на конституционной почве прогрессистами“».

«Речи» такая очередность, конечно, не нравилась, и она, естественно, советовала трудовикам, правда, в осторожной форме, отказаться от союза с социал-демократией, оставив только союз «со всей оппозицией»¹⁴⁹.

Что касается революционной социал-демократии, то здесь кадетам пришлось с самого начала занять оборонительную по-

¹⁴⁹ «Речь», 28 марта 1912 г.

зицию. Инициатива здесь целиком принадлежала большевикам. С первых же номеров «Правда» повела концентрированное наступление на главную кадетскую идею о необходимости двух лагерей вместо трех. Основная задача сводилась к разоблачению кадетского утверждения, что партия «Народной свободы» — это демократическая партия. Требовалось доказать как можно ярче и убедительнее, что кадеты — псевдодемократы, что они демократами не были и не будут. В связи с этим необходимо было развенчать еще два тезиса кадетов, которые были их основными контраргументами в полемике с большевиками и на первый взгляд для неискушенного в политике человека могли выглядеть достаточно убедительно. Первый сводился к тому, что большевики, мол, травят кадетов, оставляя в покое черносотенцев и октябристов, которые в свою очередь ругают кадетов, и, таким образом, большевики, ослепленные общей мрачной ненавистью к разумной, просвещенной, умеренной и общенациональной «ответственной оппозиции», на деле объединили свои усилия с правительственным лагерем. Частичным обоснованием второго аргумента были ошибки думской социал-демократической фракции. Спекулируя на них, кадеты доказывали, что в Думе любая фракция, какая бы она ни была левая, вынуждена самой природой Думы заниматься лишь одним делом: «органическим» законодательством. Как революционная трибуна, обращенная к слушателям вне Думы, думская трибуна непригодна. По всем этим вопросам и шла дискуссия между «Правдой» и «Звездой», с одной стороны, и «Речью», «Русскими ведомостями», «Запросами жизни», «Русской мыслью» и прочими кадетско-прогрессистскими органами — с другой. Вот несколько типичных примеров этой дискуссии.

В статье под заголовком «Два кадетских блюда» депутат Думы Егоров разоблачал двурушническое поведение кадетов в связи с запросом социал-демократической фракцией 28 апреля по поводу разгрома «Правды» и «Живого дела». При обсуждении вопроса о спешности, указывал Егоров, кадеты не проронили ни слова. Затем их газета «Современное слово» сообщила об обсуждении запроса своим читателям буквально в нескольких строках. «Речь» же дала более развернутую информацию. Объясняется это тем, что первая газета стоит 2 коп., т. е. рассчитана на широкого читателя — рабочего, приказчика и т. д., вторая — 5 коп., и ее читают только либерально-буржуазные круги. Статья заканчивалась словами: «Так играют гг. кадеты на два фронта: и буржуя им надо уболаготворить, и демократу глаза отвести. Ну что же, и ловкости рук, и лицемерия у них на это хватит»¹⁵⁰. Самое примечательное в этой статье было то, что автор ее не был большевиком.

¹⁵⁰ «Правда», 1 мая 1912 г.

Следующая антикадетская статья «Правды», принадлежавшая А. Витимскому (М. С. Ольминскому), касалась уже избирательной кампании. Речь шла в ней о статье С. Н. Прокоповича, напечатанной с «удовольствием» «Русскими ведомостями» и частично «Речью», которая призывала к созданию единого лагеря от социал-демократов до прогрессистов. Приводя поддержку из «Речи» («однако, если прочитать органы социал-демократического направления, которые все свои усилия направляют больше всего на борьбу с оппозицией, то вряд ли можно придавать какое-либо значение этому призыву»), автор писал: «Речь» отчасти права: господам вроде Прокоповича, Кусковой или Водовозова, спекулирующим на «притуплении мысли» и «упадке чутья» демократических масс, «не удастся отдать русского рабочего под руководство буржуазии, хотя бы и самой либеральной»¹⁵¹.

Аналогичная статья «Непрошенные советчики», принадлежавшая Н. Тинскому (Г. А. Усиевичу), разоблачала ликвидатора В. П. Акимова. Вслед за Прокоповичем, говорилось в ней, в «Русских ведомостях» «выступил в роли непрошеного маклера бывший социал-демократ Махновец (Акимов)», приглашая социал-демократию отказаться от самостоятельной платформы и собственных кандидатур и слиться в один «прогрессивный блок» с «оппозицией». Социал-демократов «не обманут ни громкие демократические фразы кадетских резолюций, ни наивное сватовство Прокоповичей и Акимовых».

В наступающей избирательной борьбе с.-д. пойдут своей дорогой — дорогой борьбы и против черного, и против кадетского — прогрессивного блока»¹⁵².

В одной из своих статей Ольминский развенчивал всю неправомерность жалоб на «обида», чинимые кадетам большевиками. В этих «обидах», доказывал Ольминский, повинны только сами кадеты. Если бы они «открыто признали бы то, что есть на самом деле, что это партия хозяйская, что их политика — капиталистическая политика», и перестали бы корчить из себя демократов, их бы и не «обижали». «Ведь обиды, чинимые кадетам пролетарскими писателями,— писал он,— в том и состоят, что приходится постоянно доказывать самозванство кадетов: они называют себя партией демократической, а на самом деле являются партией хозяйско-либеральной; они называют себя партией народной свободы, а на самом деле являются партией свободы хозяйской»¹⁵³.

В статье «Кадеты и демократия», опубликованной в «Правде» 26 июня 1912 г., В. И. Ленин, приведя отрывок из передовой

¹⁵¹ Там же, 11 мая 1912 г.

¹⁵² Там же, 20 июня 1912 г.

¹⁵³ Там же, 12 мая 1912 г.

«Речи» («Мы привыкли думать, что марксисты признают за кадетами значение партии демократической, хотя и с этой обидной прибавкой: „буржуазно“»), отвечал: «Трудно представить себе более глубокое политическое невежество со стороны „образованных людей“, читающих марксистскую литературу. Невольно встает вопрос: не заставляет ли иногда расчет прикидываться невежественными?»

Начиная с 1906 года, сотни и тысячи раз было разъяснено нами, что кадеты *не* демократы, а либерально-монархическая буржуазия»¹⁵⁴.

За месяц до этого «Правда» указывала: «Борются три главных лагеря: 1) правый, 2) либеральный и 3) демократический». «Либералы — „прогрессисты“ и кадеты — выражают стремления либерально-монархической буржуазии. Они против правительства и против демократии». Кадеты «свободы народа боятся еще больше, чем свободы Пуришкевича и К⁰»¹⁵⁵.

В цитированной В. И. Лениным передовой «Речи» проводилась и мысль о том, что социал-демократы в травле кадетов смыкаются с октябристами и черносотенцами, что их «грубая демагогия» такого же сорта, как и у прессы «союзников»¹⁵⁶. Разоблачению этой действительно грубой кадетской демагогии, которой они пользовались очень широко, и разъяснению позиции большевиков по отношению к либералам В. И. Ленин посвятил две специальные статьи. В первой статье «О характере и значении нашей полемики с либералами», опубликованной в «Невской звезде» 10 июня 1912 г., он писал: «...верно ли, что газеты и журналы, о которых говорит «Речь», *все* свои усилия направляют *больше всего* на борьбу с оппозицией? Нет, это совершенно неверно. Ни одного, ни единого вопроса не смогут указать либералы, по которому бы демократы не направляли *все* усилия *больше всего* на борьбу с правыми!!... Мало того ... Они ставят ее (борьбу.— А. А.) так и только так, что в каждом, решительно и безусловно в каждом упреке или обвинении по адресу либералов, заключается сам собой *еще более решительный* упрек, *еще более тяжелое* обвинение против правых»¹⁵⁷.

В. И. Ленин категорически опровергал стремление кадетов изобразить позицию революционных социал-демократов, так, будто они зачисляют либералов и правых в один реакционный лагерь. «...Чтобы не оставить на этот счет никаких сомнений,— подчеркивал В. И. Ленин,— чтобы предотвратить нелепое извращение смысла и значения нашей борьбы с либералами, чтобы предотвратить, например, нелепую теорию о „единой реакцион-

¹⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 471.

¹⁵⁵ «Правда», 22 мая 1912 г.

¹⁵⁶ «Речь», 19 июня 1912 г.

¹⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 361.

ной массе“ (т. е. о смешении либералов и правых в одно политическое понятие реакционного блока, реакционной массы), мы всегда в своих формальных заявлениях *иначе* говорим о борьбе с правыми, чем о борьбе с либералами»¹⁵⁸.

Отметив, что большевики никогда не отказывались и не отказываются от объединения с либералами против правых на перебаллотировках и на второй стадии выборов, поскольку здесь они считают, что «соглашение с либералами против правых допустимо», В. И. Ленин далее писал: «Ибо буржуазный монархический либерализм, при всей его половинчатости, совсем не то, что крепостническая реакция. Не использовать этой разницы было бы совсем плохой рабочей политикой»¹⁵⁹.

Во второй статье «Беседа о „кадетоестве“», также опубликованной в «Невской звезде» 26 августа 1912 г., В. И. Ленин смысл и необходимость большевистского «кадетоества», на которое так жаловались либералы, объяснял следующим образом: «Либералы все стоят на почве теории о двух лагерях: *за* конституцию и *против* конституции. От Милюкова до Изгоева, от Прокоповича до М. М. Ковалевского, все они согласны в этом». На деле же существуют три лагеря. И «третий лагерь, лагерь демократии, понимающей ограниченность либерализма, свободной от его половинчатости и дряблости, от его колебаний и боязливых оглядок назад, этот лагерь не может сложиться, не может существовать без систематической, неуклонной, повседневной критики либерализма»¹⁶⁰.

Кадетов чрезвычайно беспокоило намерение большевиков выставить своих кандидатов по второй курии Петербурга. Полное или частичное поражение их слева нанесло бы непоправимый удар кадетскому престижу: помимо того, что Петербург кадеты считали своей цитаделью, они выставили здесь своими кандидатами таких столпов, как Милюков, Родичев и Кутлер. Поэтому вся либеральная печать, от «Речи» до «Запросов жизни», начала на все лады доказывать большевикам ошибочность их шага, мотивируя тем, что реальных шансов у них нет, а борьба между ними и кадетами приведет лишь к ослаблению прогрессивного лагеря и пойдет на пользу черносотенцам.

И то, и другое утверждение было неправдой. При известных условиях большевики могли победить кадетов по второй Петербургской курии, хотя это и было чрезвычайно трудно. Помимо общих условий третьиюньского режима, самым уязвимым местом был абсентеизм избирателей, который был особенно велик именно среди наиболее демократической части, той, которая в случае явки голосовала бы в своей массе за кандидатов револю-

¹⁵⁸ Там же, стр. 362.

¹⁵⁹ Там же, стр. 364.

¹⁶⁰ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 62, 64.

ционной социал-демократии. Преодолеть этот абсентеизм, обусловленный недостаточной сознательностью и полным равнодушием и презрением к третьейиюньской Думе, было очень нелегко. Тем не менее В. И. Ленин считал победу возможной и в ряде статей самым решительным образом настаивал на том, чтобы все было сделано для ее достижения. Что касается тезиса о «черносотенной опасности», якобы существующей во второй курии, то В. И. Ленин, большевики уже задолго до этого цифрами и фактами убедительно доказали, что это чистая выдумка либералов.

«Правда» активизировала свою борьбу в двух направлениях: с одной стороны, она опровергала довод либералов о невозможности победы социал-демократии над кадетами в Петербурге, с другой — многократно и настойчиво обращалась к демократическому избирателю, убеждая его явиться на выборы, объясняя ему, что ключ от кадетской крепости находится в его избирательном бюллетене.

«Выборы недалеко — все за работу» — под таким заголовком одна из передовых «Правды» доказывала, что утверждение кадетов о безнадежности борьбы с ними по второй курии в столице — «неправда, и тысячу раз неправда!» Столь же решительно отвергался и тезис о том, что эта борьба ослабляет античерносотенные силы¹⁶¹. Другая передовая — «Демократы и либералы на выборах в Петербурге» — опровергала утверждение либералов о черносотенной опасности и доказывала, что «серьезная борьба может идти и должна идти в Петербурге только между рабочей демократией и либералами (кадетами)» и что ее победа возможна¹⁶². В передовой «Условие победы» говорилось, что таким условием является максимальная явка на выборы. «Вторая курия, — провозглашала газета, — должна стать достоянием демократии!»¹⁶³.

На эту же тему выступил в «Правде» (28 июля 1912 г.) и В. И. Ленин со статьей, озаглавленной «Поход либералов». Цитируя «Запросы жизни», писавшие, что «усилия „Невской звезды“ и „Правды“ совершенно тщетны» и что они не могут «серьезно рассчитывать» на победу социал-демократического кандидата в Петербурге, В. И. Ленин с гневом и презрением отвечал: «Вот образец либеральных рассуждений, вот приемы запугивания избирателя, который еще не поднялся над обывательщиной, не выработал себе вполне сознательной политики.

Было время, когда либералы запугивали прямо победой черной сотни на выборах. Теперь же грубая ложь уже „не берет“...

¹⁶¹ «Правда», 30 июня 1912 г.

¹⁶² Там же, 4 июля 1912 г.

¹⁶³ Там же, 5 июля 1912 г.

И вот пускается в ход запугивание иного рода: „нечего-де и рассчитывать на победу рабочих“.

Нет, господа либералы... Таким запугиванием вы ничего не достигнете... Победа над либералами в Петербурге возможна»¹⁶⁴.

Факты показывают, что кадеты начисто проиграли очередное идеологическое сражение с большевиками. Они с самого начала потеряли инициативу и вели бой в навязанных противником условиях. Отступление, а затем и беспорядочное бегство по всему фронту обнаруживается даже во внешних проявлениях кадетской полемики.

Вначале «Речь» — основной оппонент «Звезды» и «Правды» — старалась вести дискуссию в спокойно-рассудительном тоне, принимая позу умудренного опытом взрослого человека, который просто должен быть снисходительным к зеленому юнцу, не разбирающемуся в сложности жизни — сиречь в «реальной политике». Поза снисходительного поучения, как мы уже отмечали, вообще была излюбленным приемом либералов по отношению к рабочей и крестьянской демократии. Кадетский официоз публиковал сначала обстоятельные статьи и передовые, пытаясь на довод отвечать контрдоводом, на обвинение — контробвинением. Но очень скоро его оставило деланное олимпийское спокойствие и, выдавая свою слабость и несостоятельность, он сменил светский тон на мало приличную ругань и раздраженные жалобы.

Уже в цитированной передовой «Речь», помимо «грубой демагогии», писала о «большевистской истерике, чересчур преждевременно начавшейся»¹⁶⁵. Следующая передовая, от 25 июля, была относительно спокойной по тону, но это была последняя «спокойная» передовая. После нее полемика с большевиками перекочевала в рубрику «Печать». Смысл этого перемещения состоял в том, что он создавал иллюзию, будто отныне кадеты придают этой полемике второстепенное значение: данная рубрика представляла собой подборку интересующих газету выдержек из других газет, которые печатались мелким шрифтом и сопровождались комментарием в несколько строк. Таким образом, официоз избавил себя от главного — от необходимости аргументировать, сохраняя при этом победоносный вид.

Вот несколько примеров такой полемики. «Правда» доказывала в ряде статей, что кадеты господствуют во второй курии главным образом благодаря третьей юньскому закону. Отсюда следовал закономерный вывод, что власть объективно помогала и помогает кадетам в их избирательной борьбе с демократией. При всеобщем избирательном праве, утверждала газета, они бы

¹⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 473, 474.

¹⁶⁵ «Речь», 19 июля 1912 г.

потерпели полное поражение, и в Думу были бы избраны подлинные представители демократии. Начальная фраза кадетского ответа на эти обвинения гласила: «Большевистская „Правда“, наконец, собралась ответить на наши увещания сконфуженной самозащитой». Дальше говорилось следующее: «Во-первых, мы не „сердимся“, а спокойно обсуждаем ваши политические приемы, гг. большевики. Во-вторых, партия народной свободы, как всем известно, сама стремится к всеобщему избирательному праву и защищала бы свое нравственное право представлять широкую демократию, так же как защищает теперь право представлять городскую демократию, голосующую по положению 3 июня... Какой был бы исход выборов при всеобщем избирательном праве, предсказывать не могут ни с.-д., ни мы»¹⁶⁶. «Речь» была права только в одном отношении: о том, как «стремилась» кадетская партия ко всеобщему избирательному праву, действительно было «всем известно».

Очень характерным был ответ милоковской газеты на статью В. И. Ленина «Принципиальные вопросы», опубликованную в «Правде» от 31 июля 1912 г.¹⁶⁷ «Бедная „Правда“, — писала «Речь» в своей обычной фальшивой манере, — очевидно, не понимает, что бороться с одним режимом можно только во имя другого режима, столь же „ответственного“, и что „ответственная“ оппозиция „с родительным падежом“ потому сильнее безответственной и опаснее ее для „третьеиюньского режима“, что сама может стать на его место. Что касается „богомольных“ речей В. А. Караулова, то оппозиция действительно ими гордится, и никакого отношения к „третьеиюньскому режиму“ они не имеют, ибо желательны при всяком режиме. Голосование против бюджета, при существующих законах, вообще не есть боевое средство в руках оппозиции, но она систематически голосовала против бюджета Министерства внутренних дел, что достаточно оттеняло ее отношение к „третьеиюньскому режиму“. О каких заявлениях г. Гредескула говорит „Правда“, мы не знаем; а речь А. Е. Березовского 2-го была, как известно, подтверждением программы к.-д. по аграрному вопросу». Все убожество кадетской политики и тактики, полная капитуляция и отсутствие аргументов в полемике с «Правдой» выступают в этом ответе исключительно наглядно.

Столь же несостоятельна была попытка опровергнуть утверждение «Правды» о том, что тактика кадетской и социал-демократической фракции в III Думе была совершенно различна. «Правда, — указывала газета, — с.-д. говорили другие слова и во времена вставляли в свои речи трафаретные осуждения „буржуазных партий“. Но мы продолжаем утверждать, что за

¹⁶⁶ «Речь», 26 июля 1912 г.

¹⁶⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 13—14.

этими невинными (!) исключениями тактика с.-д. в Госуд. думе была — и не могла не быть — такой же, как и остальной оппозиции: внесение законопроектов и запросов, обсуждение их, защита поправок и... да и голосования вместе не только с оппозицией, но и с октябристами. „Принципиальная постановка“ вопросов нисколько не влияла на непринципиальные поступки, как это показал Шингарев Гегечкори на случае с кавказским земством». «Правда», — заключала «Речь», — «стремится дискредитировать (кадетов. — А. А.) всеми „неправдами“»¹⁶⁸.

Но на самом деле «всеми неправдами» пыталась доказать недоказуемое сама кадетская газета. С наивным видом она говорила о формальной одинаковости поведения социал-демократической фракции Думы по сравнению с другими фракциями, выдавая его за одинаковость политическую, хотя отлично понимала, что иначе как в перечисленных формах социал-демократическая фракция действовать не могла просто в силу специфики думской деятельности и что разница между ней и кадетами именно в говорении «других слов». В то же время ответ показывает, что кадеты немедленно использовали каждую ошибку фракции, которую она совершала под меньшевистским влиянием.

Дальше у «Речи» пошло еще хуже: исчезли даже подобия доводов и остались одни словесные фокусы, брань и бессильные угрозы¹⁶⁹.

Затем «Речь» замолчала вплоть до начала избирательной кампании, причем теперь она уже предпочитала не выступать с собственными статьями и ответами, а давать тенденциозные отчеты о предвыборных собраниях, на которых кадеты якобы выходили победителями. Но в своей среде кадеты вынуждены были признать, что на диспутах с социал-демократами они терпят поражения: симпатии демократического избирателя оказывались неизменно на стороне последних.

На заседании ЦК 9 октября 1912 г. вопрос о полемике с социал-демократами подвергся специальному обсуждению. Изгоев предложил оставить «интеллигентские», т. е. программные, споры с социал-демократами и говорить только о конкретных вещах: «Сфера общих принципов и ярких чувств, — признал он, — ставит с.-д.-тов в более выгодное положение». Гредескул, как обычно, предлагал открыто излагать веховскую политику, стоять, в частности, на почве лондонской речи Милюкова. Смысл обсуждения сводился к ответу на вопрос: продолжать ли, исходя из уроков уже прошедших собраний, и дальше отрицать необходимость «второго 1905 г.», «вторичного освободительного движения» или делать какие-то уступки левым настроениям.

¹⁶⁸ «Речь», 1 августа 1912 г.

¹⁶⁹ Там же, 3 и 5 августа 1912 г.

И Изгоев, и Гредескул высказались, разумеется, за прежний курс. Но Винавер был на этот счет несколько другого мнения. «Интеллигентских» споров нельзя было избежать. И хотя речи кадетских ораторов были очень удачны, одного им недоставало: перехода в наступление. Создавалось впечатление, что они носили оборонительный характер.

Милуков подтвердил, что это верное впечатление. Затем он с раздражением заявил, что выступления, подобные статьям Гредескула и речам Маклакова, приводят лишь к тому, что партия подвергается ожесточенным и весьма нежелательным нападениям. «Приходилось в этих случаях отвечать, что партия не может отвечать за все индивидуальные мнения своих членов. Что касается „второго движения“, то ведь отрещиваться от него „при каких бы то ни было условиях“ нельзя — можно говорить лишь „о безусловной нежелательности эксцессов“». Далее в протоколе говорилось: «Прижатый к стене (на одном из предвыборных собраний.— А. А.) вопросом о пределах лояльности партии, П. Н. М[илуков] должен был сказать, что когда из-под ног партии ускользнет возможность стоять на конституционной почве, то, может быть, и сама партия как таковая уничтожится, и это вызвало нападки даже в ближайших к оратору кругах; но, как историк (?), он не мог идти дальше этих слов»¹⁷⁰.

Итоги выборов по второй курии были для кадетов также весьма поучительны. В статье «Урок петербургских выборов» «Правда» указывала: «Избирательное бесправие — такова основная причина кадетской победы в Петербурге». Другой причиной был абсентеизм: во время выборов во II Думу в голосовании приняло участие 67 тыс. избирателей, в III — уже 44 тыс., а в IV — лишь 34 тыс. человек. «Чем уже, чем меньше состав избирателей, — писала «Правда», — тем лучше для кадетской партии».

Тем не менее социал-демократические кандидаты собрали на разных избирательных участках от 25 до 54% голосов. На выборах в III Думу они получили в среднем 4194 голоса, а в IV — 6626; увеличение, таким образом, составило 60%. Приток избирателей шел с двух сторон: во-первых, внутри самой демократии произошла «передвижка от трудовической бесформенности к социал-демократической определенности», во-вторых, социал-демократы выросли за счет бывших кадетских избирателей — приказчиков и др. Милуков по сравнению с 1907 г. потерял

¹⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, лл. 216—218. В «Правде» по этому поводу была напечатана специальная статья Я. Букова, озаглавленная «Партия ли кадеты?» Ответ Милукова, «прижатого к стене», доказывает еще раз, говорилось в ней, что кадеты — не демократическая партия: у нее нет глубоких корней в народе, как у социал-демократов, существование которых не зависит от того, будет или не будет существовать Дума («Правда», 21 октября 1912 г.).

4256 голосов. «Это очень много. И кадеты потеряли бы еще больше, если бы к ним не перешли недавние октябристские избиратели». Таковых оказалось свыше 4 тыс. Таким образом, писала «Правда», «в Петербурге во второй курии разгромлен октябризм и надломлен кадетизм»¹⁷¹. Это был совершенно правильный вывод. Столь же верным был и другой вывод «Правды», что выборы подтвердили жизненность большевистского тезиса о трех лагерях и еще раз развенчали ликвидаторов как прислужников кадетов. В статье «После выборов» «Правда» писала: большевики утверждали, что на выборах будут бороться три лагеря, кадеты и ликвидаторы доказывали, что два. Кто же оказался прав? «Это очень важный политический вопрос... Что же показала избирательная кампания? Она подтвердила нашу точку зрения ярче и резче, чем это можно было ожидать. Всюду и везде в городах третий лагерь (социал-демократия) провел резкую борьбу с кадетами. Нигде не было и речи о союзе с ними. Вчерашние противники „кадетовства“ сегодня, влекомые общим потоком, сами занялись тем же „кадетовством“. У либералов не только не вышло союза с демократами для борьбы „за конституцию“, а вышел на деле союз с черной сотней для борьбы с демократией (Рига, Екатеринбург, Кострома и пр.)». Борьба шла не под лозунгами «за конституцию» и «свободу коалиций», а по вопросу о том, «как кто решает вопросы рабочих, аграрный, общеполитический, как кто смотрит на вопрос о новом движении?»¹⁷²

Поражение ликвидаторства в известном смысле можно считать главным итогом всего пятилетнего периода существования III Думы. Если вдуматься, то центральная задача третьеиюньской системы, ее конечный смысл и заключались в обеспечении победы оппортунизма в рабочем движении. Решение ее, как мы уже говорили, означало бы победу кадетской гегемонии в общедемократическом движении, т. е. победу «конституционного» пути развития страны. Крах ликвидаторства означал, следовательно, и крах кадетизма, и третьеиюньской системы. Поэтому вопрос о конечных судьбах большевизма и ликвидаторства больше всего тревожил и занимал умы кадетских политиков и теоретиков. Весьма симптоматичной в этом отношении была статья Изгоева «Рабочий класс и социал-демократия», написанная летом 1913 г.

Признав, что рабочий класс целиком идет за социал-демократией, признав также, правда, очень неохотно, что «Правда» полностью побивает «Луч» в смысле влияния в рабочем классе, автор, наконец, ставил главный вопрос: «Каково же ближайшее будущее „ликвидаторства“?» За кем в итоге останется победа:

¹⁷¹ «Правда», 2 ноября 1912 г.

¹⁷² Там же, 13 ноября 1912 г.

за большевиками или за ликвидаторами? Ответ гласил: «В конечном счете победа будет зависеть не столько от сил и талантов борцов, сколько от условий общего политического развития России... Если напору реакции не будет положен предел, если конституционных сил России окажется недостаточно для мирного государственного преобразования, то большевизм, несомненно, будет победителем и загонит ликвидаторов в задний угол»¹⁷³.

Так оно и случилось, ибо «конституционные силы России» — кадеты и иже с ними, буржуазия в целом — не были способны к самостоятельному историческому творчеству. Их уделом было погибнуть вместе со сгнившим режимом, который они так упорно и безнадежно пытались почти до конца дней своих подновить и упрочить.

¹⁷³ «Русская мысль», 1913, № 6, стр. 125.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идея об объективной революционной ситуации как причине, обусловившей провал попытки Столыпина и Думы решить сверху объективные задачи революции, противостоит либеральной концепции, объясняющей этот провал эгоизмом и политической слепотой царя и «верхов». Это было убеждением всего либерального лагеря, будь то октябристы или кадеты, публицисты или историки, политики или теоретики. «По мере того, как страх перед переворотом (т. е. перед революцией. — А. А.) отходит в область истории, — свидетельствовал в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Гучков, — крепнут и растут эти элементы реакции», которые выступали против каких бы то ни было «реформ». Таких элементов было три: камарилья, правое крыло Государственного совета и «объединенное дворянство». В борьбе с ними Столыпин все время отступал и в конце концов потерпел поражение¹. Свою веру в «злую волю» камариллы, «темных сил», приведших к тому, что Россия свернула с «нормального», «европейского» пути развития, либералы пронесли через все годы эмиграции, и их духовные наследники сохраняют ее по сей день.

В приведенном выше объяснении Гучкова содержится по существу и ответ на вопрос, почему перечисленные им «элементы» не хотели идти на реформы: их позиция была обусловлена нежеланием сходить с исторической сцены, терять полностью или частично свою власть, которая неизбежно стала бы уплывать от них, утвердись окончательно в стране «конституционный» строй. Как мы старались показать в нашем исследовании, вся деятельность Думы начисто опровергает это в высшей степени беспомощное, антинаучное объяснение. Полная несостоятельность либеральной точки зрения была ясна даже Меньшикову и Гофштеттеру из «Нового времени», ядовитые и убедительные высказывания которых на этот счет мы уже приводили. Но для явщейся убедительности поставим вопрос несколько иначе:

¹ «Падение царского режима», т. VI. М.—Л., 1926, стр. 250, 252.

Посмотрим, верно ли утверждение, что причина отказа «верхов» от «реформ» состояла в их нежелании терять монополию на политическую власть в стране? Ответ придется дать отрицательный.

О каких реформах шла речь в третьеиюньский период? Во вторую сессию Думы были приняты, например, три вероисповедных законопроекта (о старообрядческих общинах; об отмене ограничений, связанных с лишением или снятием духовного звания или сана; о переходе из одного вероисповедания в другое). Это были правительственные законопроекты. Никакой угрозы политическому всевластию царизма они, разумеется, не содержали и не могли содержать. Тем не менее все они были отвергнуты либо Государственным советом, либо царем. Точно так же абсолютно не затрагивали и не могли затронуть полноты власти самодержавия невероятно куцые «реформы» о местном суде, поселковом управлении, волостном земстве и пр., тоже разработанные и внесенные в Думу правительством и не ставшие законами. Вся программа «реформ» в третьеиюньский период целиком исходила от правительства, и октябристско-кадетские либералы упрекали Столыпина именно за то, что правительство отказывалось от собственных обещаний и обязательств.

Думать же, что правительство не собиралось осуществлять эту программу еще тогда, когда ее вырабатывало, значит всю затею с третьеиюньской Думой объявить совершеннейшей бессмыслицей. «Миссия октябристской Думы,— писал В. И. Ленин,— по замыслу правительства, состоит в том, чтобы завершить революцию прямой сделкой старой власти с помещиками и крупнейшей буржуазией на основе известного минимума конституционных реформ»².

Поставим в связи с этим еще один вопрос. Были ли перечисленные «реформы» более опасными в смысле покушения на старую политическую власть, чем сама уже реально существующая Дума? Ответ ясен. Несмотря на все свое бесправие, Дума была в этом отношении фактором гораздо более значительным, чем все запланированные, но неосуществленные «реформы», в силу самой политической природы представительного учреждения, каким бы ограниченным и курым оно ни было.

Наконец, мы можем сослаться на 60-е годы XIX в., когда тот же царизм, бывший ничуть не лучше и не хуже в смысле политической дальновзоркости и собственного эгоизма, чем царизм начала XX в., осуществил ряд реформ, которые, с точки зрения охранения его интересов и прерогатив, были намного значительнее тех, которых добивались третьеиюньские либералы и которые им обещал Столыпин.

Суть дела состоит в том, что в 60-е годы царизм мог дать «реформы», а в третьеиюньский период он не мог их дать.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 59. (Разрядка наша.— А. А.).

Хотел, но не мог. И причиной тому была общая революционная ситуация, о которой мы писали в начале нашей работы. Правда, и в 60-е годы XIX в. страна переживала революционную ситуацию, но тогда царизм был намного сильнее. Теперь положение было иным. За плечами народа было величайшее революционное трехлетие, которое продолжало оказывать определяющее влияние на развитие страны. Революционная ситуация времен столыпинской реакции была безусловно своеобразным продолжением и развитием этой революции, и это чувствовали и понимали как «верхи», так и «низы». В этом заключалось существо проблемы. В условиях, когда народ не мог и не хотел забыть уроки и методы революции 1905—1907 гг., когда рабочий класс жил мыслью «погодите, придет опять 1905 г.», а все крестьянство продолжало занимать прежнюю позицию в аграрном вопросе, при таком настроении масс «реформы» были невозможны.

Подобное состояние, когда и «реформы» дать нельзя и нельзя уже жить без Думы, созданной для проведения этих «реформ», приводило и могло приводить только к одному результату: к непрекращавшемуся кризису «верхов», приобретающему все более тяжелые и роковые для режима формы, к засилию неофициального правительства — камарильи, падению престижа и авторитета власти. Чем дальше, тем больше официальное правительство становилось орудием придворных кружков и «темных сил». Именно в исследуемые годы начала свой путь распутинщина, и именно тогда Гучков «еще до физической смерти Столыпина изверился в возможности мирной эволюции для России»³.

Как же в этом свете выглядят сам Гучков и его «соседи слева» — кадеты во главе с Милюковым? Иными словами, какую объективную историческую оценку заслужил русский либерализм? Это вопрос чрезвычайной важности, так как он входит составной частью в спор двух диаметрально противоположных концепций, разделяющих советскую и современную буржуазную историографию по проблеме закономерности Октябрьской революции. Отрицая эту закономерность, объявляя эту революцию исторической случайностью, насилием, учиненным большевиками над историей, над ее естественным ходом, западные историки в качестве ее возможной антитезы выставляют парламентарную Россию, в которой наследниками изжившего себя режима были бы либералы. Иначе говоря, русский либерализм трактуется ими как прогрессивная историческая сила, способная обеспечить поступательное экономическое, политическое и культурное развитие России по европейскому образцу, который, конечно, объявляется лучшим и единственным закономерным путем общественного развития вообще. Советская историография, как известно,

³ «Падение царского режима», т. VI, стр. 253.

стоит на прямо противоположной точке зрения: она считает, что русская буржуазия и, следовательно, русский либерализм оказались неспособными к сколько-нибудь значительному самостоятельному историческому творчеству.

Решение этого спора возможно лишь одним путем — обращением к фактам. Конкретный анализ фактов и событий, проделанный в данном исследовании, доказывает несостоятельность буржуазной точки зрения.

Дискуссия о российском либерализме посредством фактов, помимо всего прочего, хороша еще и тем, что его главные представители — кадеты — за свою недолгую, но бурную жизнь успели побывать во всех ипостасях, начиная от «друзей» революции и кончая правительственной партией, так что можно сделать политический портрет кадетов предельно объемным и детальным, благо материалов для этого вполне достаточно. В исследуемый период существования кадетской партии теневые стороны этого периода, хотя и были значительны, отступали, с кадетской точки зрения, на задний план по сравнению с открывшимися надеждами. Позади была разбитая революция, впереди — готовность «исторической власти» пойти совместно с «обществом» по конституционному пути. Не нужно было больше «ломать шапки перед его величеством пролетариатом», можно было объявить себя «оппозицией его величества», было обеспечено главное условие «нормального» либерального развития: убрана с дороги революция, прекратилась, по выражению Милюкова, «революционные судороги». Каков же был итог? Он показан на страницах нашего исследования.

Главным и безошибочным критерием исторической дееспособности класса, стоящего в оппозиции к изжившему себя режиму и претендующему на общенациональное руководство, является его отношение к вопросу о власти. В статье «Заметки» В. И. Ленин приводит следующие слова Изгоева: «Место падающего класса стремится всегда занять другой класс». Под «другим классом» автор имел в виду русскую буржуазию, которая естественно, исторически закономерно, поскольку страна переживала период буржуазно-демократической революции, должна была стать наследником русского самодержавия. Отсюда следовало, что русский рабочий класс не вправе претендовать на общедемократическую гегемонию, это было бы, согласно логике Изгоева, исторически незаконно, противоестественно.

Отвечая на эти слова, В. И. Ленин писал: «Не всегда, г. Изгоев. Бывает так, что оба класса, и падающий и „стремящийся“, изрядно уже прогнили — один больше, другой меньше, конечно, но все же оба изрядно прогнили. Бывает так, что, чувствуя эту свою гнилость, „стремящийся“ вперед класс *боится* сделать шаг вперед, а ежели делает, то обязательно при этом торопится сделать два шага назад. Бывает такая либеральная буржуазия...,

которая боится „занять место“ падающего класса, а *все* усилия направляет на то, чтобы „разделить место“ или, вернее, получить местечко хотя бы в лакейской,— но только не *занимать* место „падающего“, только не доводить падающего до „падения“. Бывает так, г. Изгоев.

В такие исторические эпохи, когда это случается, либералы могут принести (и приносят) величайший вред всему общественному развитию, если им удастся выдать себя за демократов, ибо разница между теми и другими, либералами и демократами, как раз в том, что первые боятся „занять место“, а вторые не боятся этого. И те и другие осуществляют исторически назревшее буржуазное преобразование, но одни боятся осуществить его, тормозят его своей боязнью, другие — разделяя нередко массу иллюзий насчет последствий буржуазного преобразования — вкладывают все свои силы и всю душу в его осуществление»⁴.

В этом было все дело. Русские «образованные классы» оказались историческими банкротами, и народу ничего не оставалось делать, как отодвинуть их в сторону, убрать с дороги и пойти за классом и партией, которые повели его по единственно возможному и правильному пути национального спасения и прогресса.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 154—155.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авдаков Н. С. 180, 181, 236, 240, 421
 Азеф Е. Ф. 383, 395
 Акимов В. П. 499
 Акимов М. Г. 336, 337
 Алексеев С. Н. 24
 Алексеенко М. М. 361—364, 416—418, 426
 Амосенок В. Г. 87, 88, 142, 143
 Андреев И. Д. 438
 Андрейчук М. С. 360
 Анреп В. К. фон 30, 67, 69, 70, 78, 357, 416—418, 451
 Антонов Н. И. 125
 Арандаренко Г. 201
 Ауэрбах С. А. 7, 181
- Бабаянский А. Ф.** 7, 100, 101, 139, 148, 438, 450
 Бадмаев П. А. 397
 Базилевич П. Е. 73
 Базунов Л. А. 461
 Балашов Н. П. 7, 320, 321, 324, 325, 339
 Балашов П. Н. 17, 28, 34, 35, 125, 126, 149, 339, 345, 414, 415, 421
 Балясный М. 409, 415
 Бекман В. А. 45
 Бейлис М. 38, 146
 Белоусов Т. О. 102, 103, 484, 485
 Беляев С. П. 241, 245, 251, 269, 270
 Беляев Я. П. 161, 162, 172, 201, 236, 237
 Беннигсен Э. П. 30, 50, 52, 65, 78, 97
 Бергман Г. А. 418
 Бердяев Н. А. 460
 Березовский А. Е. 504
 Бернштейн 215
 Бертенсон Л. Б. 183, 194
 Бертъе 279
 Блажчук 219—221, 223, 226, 227
 Бобриков Н. И. 26, 50, 51, 53, 57, 65, 66, 75, 82
 Бобринский А. А. 314, 337, 353, 409, 410, 491—493
 Бобринский Андрей 320, 324
- Бобринский В. А. 84, 88, 109, 130, 131, 148
 Богданович А. В. 348
 Богров Д. Г. 345, 349, 367, 396, 400—404, 406
 Бок Б. И. 405
 Бок М. П. 397, 398, 405
 Бородин М. М. 23, 45, 46, 57
 Базилевич 88
 Брандорф 401
 Будилович А. 110, 112
 Булат А. А. 51, 72, 87, 102, 144
 Булгаков С. Н. 35, 436, 443, 460
 Бурцев В. Л. 367, 371
 Бывалькевич П. Г. 23
- Веригин М. Н.** 343, 370, 386, 394, 400—402
 Вернадский В. И. 496
 Винавер М. М. 41, 428, 463, 506
 Виноградов В. А. 430
 Витимский А. (Ольминский М. С.) 499
 Витте С. Ю. 154, 247—249, 269—271, 299, 319, 322, 323, 325—327, 330, 331, 336, 345, 347, 348
 Водовозов В. В. 499
 Воейков С. В. 125, 131, 132, 251, 252, 254
 Володимиров С. А. 87
 Вольский А. А. 201
 Вольнский А. 33
 Воронцов-Дашков И. И. 42
 Вырубова А. А. 346
- Гайдаров И. В. 484
 Ган Л. 367, 369, 370, 382, 385, 393, 394, 401, 405
 Гарин Н. П. 45, 46
 Гарусевич Я. С. 120, 123, 125, 126, 135
 Гегечкори Е. П. 52, 73, 74, 288, 289, 357—359, 485, 505
 Герасимов П. В. 430
 Германсон Р.-Ф. 57, 63

- Гессен В. М. 67
 Гессен И. В. 41
 Глебов Ю. Н. 30, 126, 418
 Годнев И. В. 418, 426, 435, 450
 Глезмер С. П. 161, 162, 172, 178, 179, 183, 191, 229—231, 236, 237, 240, 247, 249, 250, 267, 268
 Голицын А. Д. 282, 286, 418
 Гололобов Я. Г. 47, 354, 355
 Голубев В. 34, 39
 Гольденвейзер А. С. 380
 Горемыкин И. А. 45, 107
 Гофштеттер И. А. 299, 347
 Грабский В. Ф. 98, 101
 Гредескул Н. А. 41, 434—436, 439, 448, 449, 453, 457, 458, 464, 468, 469, 495, 504, 506
 Гримм Д. Д. 41, 437, 438
 Гримм Э. 41
 Громадский А. 112
 Громека С. С. 117—119
 Громобой 290, 315—317, 362, 365, 366, 427—429, 453, 454
 Гроссман-Рошин И. 378, 380
 Грушевский М. С. 27, 114, 115, 139, 140
 Гужон Ю. П. 172, 190—194
 Гукасов П. О. 172
 Гулякин Д. П. 73, 143
 Гурко В. И. 105, 106
 Гурлянд И. Я. 205, 211—213, 217, 218, 227
 Гучков А. И. 7, 11, 16, 17, 34, 35, 41, 97, 231, 252, 276, 283, 284, 286—290, 294—296, 298, 304—307, 345—350, 354, 361, 362, 415—418, 421—428, 450—452, 490, 509, 511
 Давыдов Н. В. 455, 456, 462
 Дедюлин В. А. 397, 399, 400, 402, 404
 Дейтрих В. Ф. 23, 24, 45, 46, 53, 57, 58, 60, 61, 63, 64, 68, 76
 Дзевульский С. 113, 128
 Дзюбинский В. И. 289
 Дитмар Н. Ф. фон 180—182, 188
 Дмовский Р. Ф. 101, 113
 Добровольский А. А. 451
 Долгоруков П. 444, 470
 Дружинин Н. П. 205
 Дубасов 299
 Дубровин А. А. 25, 278
 Дурново П. Н. 122, 134, 269, 299, 336, 338, 343, 354, 359
 Дымша Л. К. 112, 113, 121, 125, 126, 134—136
 Евлогий 109, 110, 112, 117, 120—124, 126, 130, 131, 134, 136, 144
 Егоров Н. М. 242, 243, 498
 Ермолаев-Зверев С. С. 456
 Еропкин А. В. 303, 415, 416, 423, 429
 Ефименко А. Я. 139
 Ефремов И. Н. 72, 456, 462
 Жижиленко А. А. 438
 Жуковский В. В. 71, 136, 146, 147, 172, 188, 189, 201, 235
 Замысловский Г. Г. 16, 52, 66, 69, 77, 87, 103, 245, 271, 301, 313
 Захарьев Н. А. 461
 Звегинцев А. И. 427
 Зверев Н. А. 23, 24
 Зейн Ф. А. 45, 89, 90
 Зеньковский А. В. 397, 399, 404
 Зиновьев Н. А. 321, 322, 329, 331, 339
 Золотарев А. М. 23, 24
 Зуев Н. П. 191
 Иванов 381, 382, 388
 Изгоев А. С. 315, 316, 436, 443, 452, 453, 456, 457, 464, 469, 470, 476, 483, 495, 501, 506, 507, 512, 513
 Иконников 461
 Иогансон Г. 57, 58, 63
 Иорданский 495, 496
 Исеев Э. А. 493
 Искрицкий М. А. 450
 Истомин В. А. 120, 128
 Каляев И. 404
 Каменский П. В. 243, 244, 265, 266, 361, 417, 418
 Капнист И. И. 420
 Капустин М. Я. 78, 417, 418, 451
 Караулов В. А. 428, 430, 438, 484, 504
 Карякин А. А. 422
 Касперович Г. С. 198—201
 Кассо Л. А. 297, 311, 312, 387, 392, 437
 Кашкаров А. Д. 493
 Кизеветтер А. А. 474
 Кишкин Н. М. 430, 431, 462, 463, 474
 Клименко И. С. 421, 450
 Климов В. В. 252, 255
 Климюк И. 119
 Ключев И. С. 416—418, 420, 421
 Книжник И. 369, 380
 Кноп А. Л. 423
 Ковалевский М. М. 68, 321, 327, 462, 501
 Коковцов В. Н. 16, 27—29, 45, 83—85, 106, 148, 153—157, 160, 163, 167—175, 178, 179, 188, 192, 194, 196, 227, 229, 247, 248, 250, 262, 265, 272, 334, 337, 343, 345—347, 405, 414
 Кокошкин Ф. Ф. 443, 447

Колюбакин А. М. 69, 438, 441, 444, 447, 449, 452, 453, 456, 464, 465, 468, 470, 474, 485
 Кони А. Ф. 117, 119
 Коновалов А. И. 172, 177, 294, 298, 455—457
 Корево Н. Н. 45, 46, 57, 63, 64, 90
 Корнилов А. А. 464, 468
 Косоротов В. Е. 485
 Котляревский С. А. 432, 459, 462, 463
 Коттен М. Ф. фон 372, 374—376, 383, 385—389, 403
 Красовский М. Ф. 236
 Крестовников Г. А. 171, 172, 181, 182, 229, 231—233, 235, 236, 247, 250, 270, 272, 294, 297
 Кривошеин А. В. 346, 347
 Кропотов А. Е. 73
 Крупенский П. Н. 67, 244, 407, 409, 410
 Крупнов С. Г. 372
 Крыжановский С. Е. 107, 233
 Куземский М. 116
 Кузнецов Г. С. 73, 75, 243, 250, 262—264, 484
 Кузьмин-Караваев В. Д. 486
 Кузьмо Ф. А. 484
 Кулаковский П. А. 23, 24, 148, 149, 410
 Кулябко Н. Н. 343, 369, 372—374, 378, 381—396, 400—404
 Куплевасский Н. О. 64
 Куракин И. А. 84
 Курлов П. Г. 343, 373, 384—386, 389, 391—400, 402, 405, 406
 Кускова Е. Д. 499
 Кутлер Н. Н. 461, 470, 486, 487, 489, 501
 Кушелев В. Л. 493
 Лазарев Е. Е. 370—372, 375, 379, 385, 386, 403, 404
 Лауниц В. Ф. фон 47
 Левшин Д. Д. 493
 Ленин В. И. 4—16, 44, 79, 150, 174, 290, 293, 296, 315—317, 363, 365, 366, 397, 458, 465, 479, 481, 483—486, 488, 494, 499—502, 504, 510, 512
 Леонов Д. А. 419
 Лерхе Г. Г. 355, 416, 418, 421—423, 426
 Линниченко И. А. 139
 Липский А. И. 45, 46, 57, 64
 Литвинов-Фалинский В. П. 182, 184, 186, 188, 191, 195, 204
 Литовцев С. 288, 289
 Лихачев А. Н. 407
 Ломоносов К. Н. 419

Лопатин Н. 361, 423
 Лучицкий И. В. 139, 140, 461
 Львов В. Н. 111, 407
 Львов Н. Н. 30, 35, 51, 115, 131, 142, 282, 298, 356, 455, 456, 462
 Лятковский П. 368, 379, 380, 383, 403
 Ляхницкий Н. Я. 87, 259

Майдель 2711
 Майский Б. Ю. 270—373, 375—377, 380—382, 384, 393, 396, 404
 Макаров А. А. 129, 337, 414, 421
 Маклаков В. А. 16, 42, 71, 72, 74, 86, 279—281, 283—287, 292—294, 357, 358, 438, 457, 461, 464, 506
 Мануйлов А. А. 437
 Марков Н. Е. 45, 49, 66, 73, 85, 87, 98, 132, 133, 245, 271, 284, 301, 312, 313, 353, 364
 Масленников А. М. 72, 99, 456
 Мейендорф А. Ф. 252, 254, 355
 Мейштович А. Э. 321
 Меньшиков М. О. 26, 42, 53, 109, 272, 278, 298—302, 306, 307, 313, 315, 317, 340, 341, 344—349, 361, 409, 475
 Милюков П. Н. 30, 33—35, 40, 50, 51, 67—71, 76, 77, 86, 138, 139, 292—294, 343, 346, 349, 352, 356, 358, 365, 432—444, 447—451, 453—474, 476—478, 487, 488, 494—496, 501, 505, 506, 511, 512
 Милютин Д. А. 82
 Монтвилл И. С. 235
 Моргонов И. И. 177
 Морозов П. А. 172, 177
 Морозов П. Д. 456
 Морозов Н. 298
 Мотовилов А. А. 353
 Муромцев С. А. 307, 308, 341, 434
 Мушин А. 368, 370, 371, 373, 375—380, 388—390, 396, 401, 402
 Мягкий А. Г. 87
 Мясоедов Н. А. 46, 57

Наконечный И. М. 135, 136
 Набоков В. Д. 67, 68, 465
 Нарышкин А. А. 492
 Наумов 238, 268
 Нейдгардт А. Б. 64, 93, 321, 335, 384, 492
 Некрасов Н. В. 442—444, 447, 449, 461, 495
 Никольский А. И. 139, 140, 439
 Нобель Э. Л. 161, 162, 190, 194
 Новгородцев П. И. 431

Оболенский А. Д. 320, 323
 Образцов В. А. 313

Огородников В. И. 430
Озеров И. X. 180, 181, 189, 191, 195
Олизар И. Э. 327
Опочинин Н. Н. 418, 419
Остапчук (Васько Ткач) 112, 140
Остроградский Н. А. 198, 201, 205,
206, 210, 211, 213, 229
Офросимов Я. Н. 324

Пажитнов К. А. 226
Пальмен Э.-Г. 57
Панкеев Н. И. 461
Парчевский А. И. 136
Пергамент М. Я. 438
Петров К. М. 144, 244, 259
Петрункевич И. И. 68, 432, 433, 469,
470
Пихно Д. И. 24, 249, 322—324, 326,
328
Плеве В. К. 51, 93, 155, 291, 404
Плеве Н. В. 205, 291
Погодин А. 140
Позднеев 24
Покотилов А. Д. 186
Покровский И. П. 73, 75, 76, 88, 89,
144—147, 244—246, 257, 260, 261,
360, 480, 483, 485
Покровский Н. Н. 243
Полетаев Н. Г. 454
Поливанов В. Н. 492
Половцов А. В. 271
Поплавский Ю. И. 455, 456
Поппель М. 119
Потоцкий А. А. 28
Потулов В. А. 30
Предель 392
Предкальн А. Я. 250, 251, 261, 485
Прокопович С. Н. 499, 501
Протопопов А. Д. 251
Протопопов Д. Д. 41, 67, 68, 470
Проценко В. Н. 407
Пуришкевич В. М. 25, 49, 50, 66, 76—
78, 85, 245, 280, 301, 303, 312, 313,
354, 355, 364, 365, 490, 500

Распутин Г. Е. 346, 347, 397
Ржонд А. М. 235
Родзянко М. В. 289, 290, 361—364,
416—418, 421
Родичев Ф. И. 41, 52, 68, 72, 138,
139, 281, 282, 450, 457, 461, 470,
501
Рожков Г. Е. 72, 73
Романов Б. А. 154
Рудаков Н. Я. 385, 387
Рябушинский П. П. 172, 289, 295, 298,
362, 422, 456, 457

Савич Н. В. 30, 426
Сазонов Г. П. 346, 347
Сазонов Е. 307, 309, 318, 404, 434
Сазонов Н. Д. 407, 408
Сазонов С. Д. 106, 107
Самарин Ф. Д. 23
Сандомирский Г. 368—371, 379, 380
Сапунов А. П. 30
Свечин А. А. 41, 450, 463
Сергиевский Н. Д. 24, 45
Сетяля Э.-Н. 57
Синадино П. В. 96
Сипягин Д. С. 122, 155
Сироткин Д. В. 172
Скалон Г. А. 104—106, 122, 134
Скирмунт К. Г. 321
Скоропадский Г. В. 30
Соболевский А. И. 24, 128
Созонович И. П. 197, 241
Соколов В. С. 72, 76
Соколов Н. Д. 486, 489
Спиридович А. И. 343, 370, 384—386,
389, 393, 400—402
Спирин И. Л. 421
Стахович А. А. 116, 119, 131
Стахович М. А. 235
Степанов В. А. 242, 243, 245, 246, 252,
255, 256, 262, 438, 461, 472
Стишинский А. С. 105, 321, 328
Столыпин А. А. 307, 313, 314
Стойльпин П. А. 12, 17, 23, 25, 27, 28,
31, 32, 37, 44, 45, 47—53, 65, 67, 71,
74, 75, 85, 86, 92, 93, 122, 126, 129,
197, 203, 205, 211, 214, 217, 221, 227,
233, 241, 252, 275—277, 283, 286—289,
291, 294, 298, 305, 319, 321, 323, 328,
330—338, 340—352, 354—369, 373,
375, 377, 389, 392, 393, 355—406,
408—410, 414, 417, 419, 421, 422, 424,
427, 432, 433, 457, 460, 480, 509—511
Струве П. Б. 22, 30—36, 38—42, 140,
227, 289, 294, 413, 454, 456—460, 463,
464, 469, 476, 485
Струков А. Н. 492
Струмило Б. 368—371, 382, 384, 404
Суворин А. С. 306
Сумиловский А. 94

Танцов А. З. 420
Тараненко Н. С. 420
Тарасов С. А. 24
Тесленко Н. В. 357, 423, 463
Тизенгаузен Е. Е. 235—239, 241, 242,
245, 250—254, 256, 258, 260, 264—
268
Тимашев С. И. 205, 265
Тимирязев В. И. 175, 179, 183, 184,
186, 189, 192, 193, 233, 235, 236

- Тимошкин Ф. Ф. 88
 Тинский Н. (Усиевич Г. А.) 499
 Тихомиров Л. А. 214—224, 226, 227
 Толстой Л. 307, 308, 434, 437, 438
 Толстой С. Л. 455, 456
 Томилов И. С. 259
 Трепов В. Ф. 330, 332, 336—338, 343, 398, 399
 Трепов Ф. Ф. 387
 Третьяков С. Н. 294, 456, 457
 Триполитов М. Н. 161, 172, 180—183, 190, 194, 198, 201—205, 231, 247—250, 267, 270
 Трубецкой Г. Н. 461
 Трубецкой Е. Н. 455—457, 462, 473, 477
 Трубецкой П. Н. 320, 321
 Трусевич М. И. 382, 389, 391, 402
 Тыркова А. В. 41, 68, 454, 457, 464, 465, 470

 Уваров А. А. 50, 99, 141
 Ухтомский П. Л. 493

 Фаворский А. Е. 30
 Федоров М. М. 175, 193, 227, 228, 230, 231, 245, 457
 Фененко В. И. 369
 Филевич И. П. 33, 344
 Философов Д. А. 175—179, 186, 187, 192, 195, 196, 198, 203
 Фомкин А. И. 73
 Францев В. И. 111—113

 Ханенко Б. И. 325
 Харитонов П. А. 45, 53, 57, 61, 64, 77, 78
 Харламов Н. И. 205
 Харузин А. Н. 455, 461
 Хвостов А. Н. 346, 349
 Хомяков Н. А. 35, 303, 313, 364, 418, 420, 421
 Хотянцев Д. В. 493, 494

 Чаплинский Г. Г. 394
 Челноков М. В. 234, 423, 438, 452
 Чельшев М. Д. 420
 Черкасов Н. Г. 97
 Черносвитов К. К. 461

 Чернов 28
 Четвериков И. С. 294
 Четвериков С. И. 177, 298, 456, 457
 Четвериков С. М. 455
 Чиколев А. И. 187
 Чиликин Ф. Н. 484
 Чириков Е. 38, 39
 Чихачев Д. Н. 28, 123, 124, 127—129, 145, 345
 Чудовский Ф. А. 115
 Чхеидзе Н. С. 73—75, 261, 285, 286, 360

 Шапкин М. П. 201
 Шараров С. Ф. 421
 Шаховской Д. И. 442, 444, 454, 474
 Шварц А. Н. 26, 27
 Щечков Г. А. 131, 132, 141, 312
 Шешминцев Л. К. 236
 Шидловский С. И. 30, 291—294, 304, 338, 345, 346, 355, 356, 418
 Шингарев А. И. 67, 68, 255, 357, 358, 430, 435, 438, 441, 451, 452, 456, 457, 461, 463, 464, 469—471, 483, 496, 505
 Шипов Д. Н. 455, 456
 Шипов И. П. 197, 211, 213
 Ширинский-Шихматов А. А. 23, 24
 Шмидт Н. Я. 205, 210
 Штильман Г. Н. 480
 Шубинский Н. П. 86, 361, 450
 Шульгин В. В. 313, 331, 339, 355, 464
 Шульгин Н. З. 391, 392, 394, 395

 Щегловитов И. Г. 45, 86
 Щепкин Н. Н. 99, 101, 103, 252, 255—258, 262, 449, 474

 Эйзенберг А. Д. 201
 Энгельгардт В. Н. 456
 Эфрон Б. А. 190

 Юрашкевич А. Д. 144

 Яблоновский В. Ю. 136
 Якунчиков В. М. 23, 24, 46, 57
 Яронский В. Ф. 100, 101, 103, 130
 Яроцкий В. П. 187, 189, 193
 Яснопольский Л. Н. 459
 Ясюкович И. И. 172, 182

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3

Часть первая НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Глава первая. Национальный вопрос и третьедумский блок . .	21
Правые, националисты, октябристы	22
Кадеты и прогрессисты	30
Глава вторая. Поход на Финляндию	44
Антифинляндские запросы	46
Комиссия Харитонова	53
Закон 17 июня 1910 г.	64
Законы об уравниении в правах и отбывании воинской повинности	78
Глава третья. Холмщина	92
Законопроект о введении Городового положения в Царстве	
Польском	92
Выделение Холмщины	108

Часть вторая РАБОЧИЙ ВОПРОС

Глава четвертая. Программа Коковцова	153
Комиссия Коковцова	153
Совещание Философова	175
Глава пятая. Страховые законопроекты	197
Совещание Остроградского	197
Дума и Государственный совет	227

Часть третья ПРОВАЛ СТОЛЫПИНСКОГО БОНАПАРТИЗМА

Глава шестая. «Левение» буржуазии и обострение противоречий внутри думского блока	275
Глава седьмая. «Министерский» и «парламентский» кризисы . .	318
«Министерский» кризис	318
«Парламентский» кризис	349

Глава восьмая. Убийство Столыпина	367
Кто был Богров?	367
Столыпин и охранка	384
Глава девятая. Банкротство «правого центра»	407
Националисты	407
Октябристы	415
Глава десятая. Провал политики кадетов	430
Подготовка к выборам в IV Думу. Студенческий вопрос	430
«Прогрессизм» и внутрипартийная борьба	456
Избирательная платформа	466
Кадеты и революционная социал-демократия	475
Заключение	509
Именной указатель	514

Арон Яковлевич Аврех СТОЛЫПИН И ТРЕТЬЯ ДУМА

*Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР
Редактор В. И. Свинцов. Редактор издательства Г. З. Иоффе.
Художник М. З. Шлосберг. Технический редактор Л. Н. Золотухина.*

Сдано в набор 23/II 1968 г. Подписано к печати 10/VI 1968 г. Т-07881. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага № 2. Усл. печ. л. 32,5. Уч.-изд. л. 33,7. Тираж 3000. Тип. зак. 5066. Цена 2 р. 24 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.

А.Я.АВРЕХ • СТОЛЫПИН И ТРЕТЬЯ ДУМА

2 р. 24 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

А. Я. АБРЕК • СТОЛЫПИН И ТРЕТЬЯ ДУМА